

Г. М. ИВАНОВА

ИСТОРИЯ ГУЛАГ_а

1918–1958

НАУКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Г.М. ИВАНОВА

ИСТОРИЯ ГУЛАГа 1918–1958

Социально-экономический
и политико-правовой
аспекты

МОСКВА НАУКА 2006

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6
И21

Рецензенты:

кандидат исторических наук А.В. ГОЛУБЕВ,
кандидат юридических наук А.Ю. ПОПОВ

Иванова Г.М.

История ГУЛАГа, 1918 — 1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты / Г.М. Иванова; Ин-т рос. истории РАН. - М: Наука, 2006. - 438 с. - ISBN 5-02-035045-1 (в пер.).

Впервые в мировой и отечественной историографии ГУЛАГ исследуется как социально-экономический и политико-правовой феномен советского государства. В монографии проанализированы теоретические и правовые основы советской репрессивной политики, исследованы причины и нормативная база создания и деятельности ГУЛАГа как карательной системы нового типа. На основе ранее не публиковавшихся архивных материалов, включающих, в частности, бухгалтерско-финансовую документацию МВД СССР, изучен процесс становления и функционирования советского лагерно-промышленного комплекса. Впервые в исторической науке предметом исследования стали специальные лагерные суды.

Для историков, юристов, экономистов, политологов и более широкого круга читателей.

Темплан 2006-11-321

ISBN 5-02-035045-1

© Институт российской истории РАН, 2006
© Иванова Г.М., 2006
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство "Наука", 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава первая	
ИСТОРИЯ ГУЛАГа: ПРОБЛЕМА ДИСКУРСА	16
Глава вторая	
НОРМАТИВНАЯ БАЗА ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ.....	66
Глава третья	
РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА И ЕЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ	93
Глава четвертая	
СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ЛАГЕРНОЙ СИСТЕМЫ	127
Глава пятая	
ГУЛАГ - КАРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА НОВОГО ТИПА	158
Глава шестая	
ОТ "ШКОЛ ТРУДА" К ЛАГЕРНО-ПРОМЫШЛЕННОМУ КОМПЛЕКСУ	222
Глава седьмая	
ПОСЛЕВОЕННЫЕ РЕПРЕССИИ И ГУЛАГ	266
Глава восьмая	
ЛАГЕРНАЯ ЭКОНОМИКА В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД.....	336
Глава девятая	
ЛАГЕРНАЯ ЮСТИЦИЯ	393
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	421
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	426
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	431

ВВЕДЕНИЕ

Охарактеризовать сегодняшнее отношение россиян к сталинским репрессиям вообще, и к ГУЛАГу в частности, можно такими словами, как "расстройство памяти", "социальная амнезия", "забвение и умолчание". Именно такие выражения используют в своих исследованиях историки и социологи либерально-демократического направления, когда описывают современное общественное мнение россиян¹. Насколько справедливы и на чем основаны подобные оценки аналитиков?

История вопроса уходит в бурный 1989 г., начало которого ознаменовалось выходом Указа Президиума Верховного Совета СССР "О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30 —40-х и начала 50-х годов"². Указ еще не называл репрессии политическими и ограничивал их период сталинскими десятилетиями, тем не менее, он сразу был воспринят обществом как сигнал: тема репрессий, лагерей окончательно вышла из-под запрета. Ранее, как известно, эта тема рассматривалась, в основном, иллюстративно в "самиздатовской" и мемуарной литературе.

Летом того же года Политбюро приняло не слишком легкое для себя решение: разрешить издать в СССР "Архипелаг ГУЛАГ" А.И. Солженицына. Соглашаясь на публикацию "Архипелага", М.С. Горбачев пророчески заметил: "Думаю, нашим безоговорочным другом и перестройщиком он вряд ли когда-нибудь будет"³. О колоссальном разрушительном потенциале лагерной темы знали или догадывались все партийные руководители, в том числе и Сталин, поэтому и держали эту тему в оковах строгой государственной секретности. И вот оковы пали.

Появившиеся в печати сотни публикаций о сталинских репрессиях⁴, в том числе подборки писем от людей, переживших ужасы ГУЛАГа, вызвали в обществе шок и резкое неприятие всей советской истории. Прошлое вырисовывалось как череда преступлений уже не только сталинского, но всего коммунистического режима. Общество, тогда еще не мыслившее себя

вне рамок советской системы, демонстрировало готовность принять на себя ответственность за трагические события прошлых лет. Остро ощущалась потребность увековечить память сограждан, погибших в годы террора, умерших в лагерях и ссылках. В течение трех лет, с 1989 по 1991 г., по инициативе общественных организаций по всей стране было установлено более 130 памятников и памятных знаков жертвам политических репрессий, в настоящее время их насчитывается 520⁵.

В конце 1989 г. Всероссийский центр исследований общественного мнения (ВЦИОМ) впервые провел исследование в рамках программы "Советский человек"⁶. Анализ полученных данных позволил, в частности, увидеть, как воспринимаются в массовом сознании россиян те или иные исторические события и деятели. В тот период почти треть опрошенных россиян (31%) причислили репрессии 30-х годов к самым значительным событиям XX в. Что же касается Сталина, то только 11% назвали его "самым выдающимся человеком всех времен и народов".

Последующие аналогичные опросы дали уже совсем иную картину общественного мнения россиян: в 1994 г. лишь 18% опрошенных продолжали относить репрессии к значительным событиям XX в., в 1999 г. это мнение разделяли всего 11%. Соответствующим образом изменилось и представление о Сталине. В 1994 г. он уверенно вошел в десятку "самых выдающихся людей", его имя включили в список 28% опрошенных; в 1999 г. число сторонников Сталина составило 35%, в 2003 г. выросло до 40%⁷.

Исследователи вполне обоснованно называют несколько причин, по которым общество стало более сдержанно относиться к преступлениям сталинского режима. "Когда открылся гигантский масштаб этих преступлений, стало ясно, что их невозможно было совершить без участия, активного либо пассивного, миллионов советских людей, а значит, почти невозможно провести четкую демаркационную линию, отделяющую жертв от палачей: вся страна оказалась под подозрением. По-видимому, именно это сознание и сделало переживание траура* невыносимым, груз коллективной

* "Переживание траура — процесс, посредством которого коллектив примиряется с собственным прошлым, принимает прошлое, вписывая травматический опыт своей истории в память, не замалчивая и не забывая его... Прошлое мало-помалу становится объектом принятия. И это позволяет ему действительно уйти в прошлое и не омрачать настоящее" (*Ферретти М.* Расстройство памяти: Россия и сталинизм // Мониторинг общественного мнения: экон. и социал. перемены. 2002. № 5. С. 43).

вины оказался слишком тяжел"⁸, — заключает французская исследовательница М. Ферретти.

"Есть несколько объяснений этой потери памяти по отношению к ГУЛАГу и событиям того времени, — считает социолог Л.Д. Гудков. — Травмирующие события вытесняются из коллективной памяти, если они не получают соответствующей коллективной оценки и не вписываются в структуру массовой, можно сказать, национальной идентичности. С ними происходит примерно то же, что и с памятью о стихийных катастрофах и бедствиях — следы их исчезают уже в следующем поколении... Массовое отношение к сталинским репрессиям в России сочетает в себе черты восприятия их как стихийного бедствия и как привычного произвола патерналистской власти по отношению к зависимому от нее и безропотному населению... Массовому сознанию они представлялись столь же иррациональными, что и природные катаклизмы"⁹.

По мнению социолога Б.В. Дубина, репрессии сталинских десятилетий «не просто "забылись" — изменилась структура того, что можно было бы назвать "запоминательным сообществом" ("социальные рамки памяти", как это назвал Морис Хальбвакс (французский социолог. — Г.И). Размылось, что особенно важно, "ядро" этого сообщества, берущееся и способное вырабатывать, задавать, поддерживать образцы принципиальных отношений и оценок. Поэтому такое явление, как репрессии 1930 — 1950-х годов, потеряло для массового сознания свою знаковость, семантический потенциал, ценностную заостренность. Вместе с закатом публичной критики сталинизма они перестали служить смысловым центром, фокусом оценок советского прошлого»¹⁰.

Разрушительный потенциал лагерной темы был полностью реализован в процессе крушения коммунистического режима и всей советской системы. Общество, уставшее от тотального дефицита, в том числе и дефицита положительных эмоций, потерявшее уверенность в завтрашнем дне, не желающее довольствоваться местом на задворках западной цивилизации, вспомнив в очередной раз о своей самобытности, сделало попытку найти опору в традиционных национальных ценностях. В этом новом историческом контексте практически не осталось места для лагерной темы, созидательный потенциал которой угадывался с большим трудом. Между тем, оставаясь предметом обсуждения, тема ГУЛАГа и сталинских репрессий могла и должна была стать одним из источников, питающих волю к демократическим преобразованиям в стране.

Характерно, что одновременно с ростом позитивных оценок Сталина менялось и отношение к сталинской эпохе в целом. Согласились с мнением, что во времена Сталина было "больше хорошего", в 1994 г. 18% опрошенных, в 1999 г. — 26%, в 2003 г. — 29%. Противоположного мнения придерживается значительно большее количество россиян, но их число неуклонно падает. В 1994 г. 57% опрошенных считали, что во времена Сталина было "больше плохого", в 1999 г. уже только 48%, в 2003 г. - 47%¹¹.

Слабеющий негативизм в отношении сталинской эпохи сочетается в общественном мнении россиян с пониманием того, что массовые репрессии это не миф. Об этом свидетельствуют ответы на следующие вопросы, полученные в ходе социологических опросов ВЦИОМ. На вопрос: *"Как Вы относитесь к тому, что сталинский террор — это выдумка, цель которой — оболгать вождя и опорочить наше славное прошлое?"* — в 1996 г. 56% опрошенных ответили "не согласны", 16% согласились, 28% затруднились с ответом¹².

На вопрос: *"С каким из следующих мнений по поводу сталинских репрессий Вы бы скорее согласились!"* (2000 г.) — были даны следующие варианты ответов (в % от общего числа опрошенных)¹³:

Это были годы массового террора против всего народа	58
Репрессии были связаны с чистками в партии и касались в основном "верхов"	14
Репрессии касались в основном действительных врагов народа	10
"Сталинские репрессии" — это миф, который раздут некоторыми средствами массовой информации	7
Затруднились ответить	11

Несмотря на "забывчивость" российского общества, память о репрессиях, терроре, выселении народов в 1920— 1950-е годы все еще остается "живой" и нравственно значимой: 34% россиян, опрошенных в 1994 г., и 39%, давших свои ответы в 2003 г., заявили, что эти события вызывают у них "чувство стыда и огорчения"¹⁴. Неизменно высокой (на уровне 43 — 45%) остается доля тех, кто питает отрицательные чувства (неприязнь, страх, ненависть) к Сталину, кто считает его "жестоким, бесчеловечным тираном, виновным в уничтожении миллионов невинных людей"¹⁵.

Последний социологический опрос по программе "Советский человек" (июль-август 2003 г.) показал, что доля тех, кто относит репрессии к "самым значительным событиям XX века", возросла по сравнению с 1999 г. на 6% и составила 17%¹⁶. Тогда же было выявлено мнение россиян о перспективах исторических исследований советского прошлого. На вопрос: *"Какая из точек зрения Вам ближе?"* — были получены следующие варианты ответов (в % от общего числа опрошенных)¹⁷:

Важно прежде всего знать об успехах, героях нашей истории, чтобы люди уважали собственное прошлое, и не нужно слишком много говорить о наших ошибках и неудачах	21
Нужно знать всю историческую правду, даже самую тяжелую, чтобы не повторять ошибок и неудач прошлых времен	72
Затруднились ответить	7

Эта неожиданная актуализация памяти о массовых репрессиях, "стыдящееся" общественное сознание значительной части российского народа, желание подавляющего большинства населения "знать всю историческую правду" свидетельствуют о том, что проблема "ГУЛАГа" по-прежнему остается социально значимой и нуждается в дальнейшем углубленном изучении.

* * *

Объектом профессионального внимания российских историков ГУЛАГ стал лишь на рубеже 1980 — 1990-х годов; когда исследователи получили доступ (до сих пор существенно ограниченный) к необходимым архивным материалам. Большое значение в этой ситуации имел Указ Президента Российской Федерации № 658 от 23 июня 1992 г. "О снятии ограничительных грифов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека". Указ, "учитывая законное право граждан на получение правдивой информации о творившемся произволе"¹⁸, предписывал рассекретить в трехмесячный срок все документы по вопросам организации и деятельности судебных и внесудебных органов, исправительно-трудовых учреждений, применения принудительного труда

и т.д., за исключением материалов по оперативно-розыскной деятельности правоохранительных органов. Начавшийся вслед за выходом указа процесс рассекречивания архивных фондов сопровождался активной публикацией новых документов, в научный оборот вводились пласты неизвестных ранее архивных материалов, достоянием гласности стали сотни опубликованных воспоминаний бывших узников ГУЛАГа¹⁹.

Научные публикации по истории ГУЛАГа, насыщенные новым фактическим материалом, касались, в основном, таких проблем, как количество и состав заключенных, организация и численность лагерей, их месторасположение и экономическая роль, рассматривалась также проблема принудительного труда в СССР, описывались общие тенденции советской карательной политики. Многие работы при этом носили в значительной степени характер статистических и документальных публикаций.

Несомненным достижением российской историографии можно считать появление научных изданий, посвященных институциональным и региональным аспектам проблемы ГУЛАГа, которые ввели в научный оборот большое количество новых материалов из ведомственных и региональных архивов.

В современной отечественной науке оформились два главных подхода к проблеме ГУЛАГа: исторический и юридический. Основные тенденции в развитии исторического направления были рассмотрены выше. Для представителей юридического направления характерен взгляд на ГУЛАГ, прежде всего как на систему исправительно-трудовых учреждений, где отбывали наказание в виде лишения свободы преимущественно уголовные преступники²⁰. Такой подход, с нашей точки зрения, не противоречит формальной стороне дела, но искажает суть проблемы и не соответствует исторической действительности. Правомерность рассмотрения ГУЛАГа в качестве пенитенциарной системы подвергается сомнению еще и потому, что в годы так называемого "лагерного периода" понятие "пенитенциарный" (от латинского слова *poenitentia* — раскаяние) было отнесено в разряд "буржуазных" и вычеркнуто из советского уголовного права. Следует также иметь в виду, что лагеря, в отличие от традиционных мест лишения свободы, изначально создавались как органы *подавления* классово враждебных элементов, а отнюдь не как исправительно-трудовые учреждения с воспитательными целями²¹. С этой точки зрения, есть гораздо

больше оснований характеризовать ГУЛАГ как репрессивный (от латинского слова *repressio* — подавление) институт, нежели как пенитенциарный.

Начавшая формироваться в СССР в конце 1920-х годов система исполнения уголовного наказания в виде исправительно-трудовых лагерей превратилась со временем в мощный лагерно-промышленный комплекс, игравший значительную роль в экономической и политической жизни страны. Именно поэтому ГУЛАГ следует рассматривать как многосторонний, многомерный социально-экономический объект, без редукции его к одному, пенитенциарному, аспекту.

Такой подход, впервые используемый в российской историографии, представляется автору более плодотворным, поскольку позволяет рассматривать ГУЛАГ как целостную социально-экономическую систему в ее взаимосвязи с советской государственной системой.

Объектом настоящего исследования является Главное управление лагерей (в сокращенном написании — ГУЛАГ). По форме это было типичное государственно-бюрократическое учреждение. Оно являлось важной составной частью советской системы органов исполнения наказаний. В течение 30-летнего (с 1930 по 1960 г.) периода существования этого главка его ведомственная принадлежность и полное название неоднократно менялись. В разные годы ГУЛАГ находился в ведении ОГПУ СССР, НКВД СССР, МВД СССР, МЮ СССР. Полное название главного управления менялось в зависимости от входивших в его состав структурных подразделений, например, с 1934 по 1938 г. главк именовался как Главное управление лагерей, трудовых поселений и мест заключения, а с 1939 по 1956 г. — Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний. В официальном делопроизводстве вне зависимости от существовавшего в данный момент названия чаще всего употреблялось сокращение ГУЛАГ, которое использовалось как самостоятельный термин, имевший грамматические признаки мужского рода (написание ГУЛаг практически никогда не употреблялось).

В ведении НКВД — МВД СССР наряду с ГУЛАГом находились и другие главные управления лагерей, большинство из которых были образованы в 1940-е годы на базе производственных отделов ГУЛАГа. Специализированные лагерно-производственные управления, такие как Главное управление лагерей горно-металлургических предприятий (ГУЛГМП), Главное управление лагерей железнодорожного строительства (ГУЛЖДС), Главное управление лагерей лесной промышлен-

ности (ГУЛЛП), Главное управление "Енисейстрой" и ряд других, имели в своем подчинении десятки лагерных подразделений с сотнями тысяч заключенных. Используя преимущественно принудительный труд заключенных, они осуществляли крупные экономические проекты, чаще всего военно-промышленного характера. Производственная база самого ГУЛАГа была относительно невелика. Но именно от ГУЛАГа, в первую очередь, зависело выполнение плановых заданий всех лагерно-производственных управлений. Такая зависимость объяснялась тем, что ГУЛАГ был "главным хранителем" "рабочего фонда", он руководил учетом, распределением и перераспределением заключенных всех исправительно-трудовых лагерей НКВД—МВД СССР, в его функции входило комплектование лагерей рабочей силой, обеспечение режима содержания и охраны заключенных, снабжение лагерей продуктовым и вещевым довольствием. Эти функции делали ГУЛАГ ключевым звеном в организационной структуре органов исполнения наказания, ориентированных на трудовое использование заключенных.

Лексическое значение понятия "ГУЛАГ" отнюдь не исчерпывается его формально-бюрократической сущностью. «Говорить о ГУЛАГе — это значит говорить о *лагере* как едином принципе организации пространства заключения, — писал российский философ В.А. Подорога. — Ведь ГУЛАГ — это особый лагерь, и даже не просто "архипелаг", это громадная страна, что невидимо существовала и расширялась во времени и пространстве сталинского режима... Мы должны ввести элементы географического мышления, чтобы понять ГУЛАГ»²².

В настоящей работе ГУЛАГ как объект исследования берется в двух значениях: во-первых, как часть государственного механизма, как государственно-бюрократическая структура, во-вторых, как принцип организации пространства заключения, как "громадная страна" со своими обычаями, нравственными нормами, особыми социально-экономическими отношениями, и даже со своей собственной судебной-правовой системой.

Учитывая масштабность и новизну намеченных задач, автор не задается целью подробно рассмотреть такие институциональные формы принудительной концентрации и принудительного трудового использования населения, как воспитательные и трудовые колонии для несовершеннолетних, лагеря для военнопленных и интернированных, проверочно-фильтрационные лагеря, разные виды ссылки и спецпо-

селений, тюрьмы и т.д. Вопросы, касающиеся этих и других аналогичных формирований, будут освещаться, главным образом, в контексте решения основных задач.

Основу источниковой базы монографии составили архивные документы, дополненные большой группой опубликованных материалов. Все использованные источники можно разделить на пять основных групп: 1) материалы законодательства; 2) делопроизводственная документация; 3) партийные документы и материалы; 4) статистические источники; 5) источники личного происхождения.

Архивные изыскания, проведенные автором в бывших партийных архивах (ныне РГАНИ, ЦАОПИМ), позволили обнаружить комплекс уникальных документов, отражающих деятельность партийных, комсомольских и профсоюзных организаций ГУЛАГа. Среди этих документов — стенограммы закрытых партийных конференций НКВД и ГУЛАГа, протоколы партийных и комсомольских собраний отдельных лагерей и колоний, отчеты, сводки, донесения политотделов, резолюции профсоюзных собраний гулаговских работников и многое другое.

К сожалению, некоторые документы высших партийных органов по-прежнему находятся на секретном хранении²³, поэтому автор не имеет возможности их цитировать, но изучение этих документов помогло лучше понять место и роль ГУЛАГа в советской государственной системе. Ценность названного комплекса материалов объясняется, прежде всего, той определяющей ролью, какую играли партийные организации и политотделы в жизни ГУЛАГа. Характер этих документов существенно отличается от материалов официального делопроизводства государственных структур, что обусловило применение автором особых подходов и методов их интерпретации.

Основной массив документов, использованных в качестве источниковой базы монографии, находится на хранении в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Обращение к фондам НКВД — МВД СССР, МЮ СССР, специальных управлений, ведавших в разное время местами заключения, прежде всего ГУЛАГа, Верховного суда СССР и некоторым другим позволило автору получить информацию, необходимую для проведения всестороннего объективного анализа. Среди документов, впервые вводимых автором в научный оборот, особую ценность представляют материалы специальных лагерных судов, в том числе документы надзорного производства, судебная статистика лагерных

судов, следственные дела по "контрреволюционным преступлениям" заключенных и др. Наличие в документах сопоставимых данных дает возможность проследить многие процессы в динамике.

Освещению некоторых вопросов, связанных с обсуждением в международных организациях, в частности в ООН, проблемы применения принудительного труда в СССР, помогла работа в Архиве внешней политики РФ. В книге впервые используются документы по этой проблеме из рассекреченного фонда 047 (Отдел по делам ООН МИД).

В круг источников для написания монографии вошли также опубликованные и неопубликованные законодательные и нормативные акты, материалы органов управления и правоохранительных учреждений; документы ЦК ВКП(б), Президиума Верховного Совета СССР и ряда других правительственных и партийных ведомств. Кроме того, автор широко использовала мемуарную литературу, периодическую печать, опубликованную статистику, а также тематические справочные издания и фундаментальные публикации документов по истории советской репрессивной системы.

Хронологические рамки исследования включают весь 40-летний период существования лагерной системы: с 1918 по 1958 г. Однако основное внимание уделено периоду с конца 1920-х до середины 1950-х годов. Именно в эти годы в СССР официально оформилась и функционировала система лагерей принудительного труда, ставшая основным каналом реализации карательной политики советского государства.

Территориальные рамки исследования практически совпадают с территорией Советского Союза, поскольку подразделения ГУЛАГа были в каждой области РСФСР и во всех союзных республиках. На сегодняшний день российские историки выявили и описали 476 лагерей, существовавших в разные годы на территории СССР²⁴. Как известно, почти каждый из них имел несколько филиалов, часто довольно крупных. К этому множеству лагерных подразделений следует прибавить не менее 2 тыс. колоний. Данное обстоятельство заставило автора отказаться от попыток картографирования ГУЛАГа. Совершенно очевидно, что отразить на карте всю массу гулаговских формирований с учетом времени их существования — дело практически нереальное.

Предлагаемое читателям исследование выполнено в Институте российской истории РАН. Заинтересованное отношение коллег, их вдумчивая критика и доброжелательные советы помогли автору успешно справиться с решением ря-

да исследовательских задач. Выражаю им искреннюю признательность.

Плодотворному изучению истории ГУЛАГа способствовала также спонсорская поддержка российских и зарубежных фондов и организаций, оказанная автору в целях реализации данного исследовательского проекта: Московского общественного научного фонда, Фонда Форда (США), Международного общества прав человека (IGfM), Немецкого научно-исследовательского общества (DFG), Германской службы академических обменов (DAAD), Макс-Планк-Института европейской истории права (Max-Planck-Institut für europäische Rechtsgeschichte). Выражаю представителям названных фондов и организаций искреннюю признательность и благодарность за оказанную поддержку.

¹ См.: *Ферретти М.* Расстройство памяти: Россия и сталинизм // Мониторинг общественного мнения: экон. и социал. перемены. 2002. № 5. С. 40 — 54; *Гудков Л.* Массовая идентичность и институциональное насилие. Статья первая: Партикуляризм и вытеснения прошлого // Вестн. обществ, мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2003. № 1. С. 28-44.

² Ведомости Верховного Совета СССР. 1989. № 3. Ст. 19.

³ Цит. по: *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти. 1945 — 1991. М., 1998. С. 504.

⁴ См. Тоталитарная система в СССР: история и пути преодоления: указ. кн. и ст. на рус. яз. за 1988-й — первую половину 1992 г. / сост. К.К. Тарасов. М., 1992.

⁵ См. компакт-диск: Памятники и памятные знаки жертвам политических репрессий, установленные на территории бывшего СССР. М.: Музей и общественный центр им. Андрея Сахарова, 2003.

⁶ Последующие опросы этого цикла проводились в 1994, 1999 и 2003 гг.

⁷ *Левада Ю.* Исторические рамки "будущего" в общественном мнении // Вестн. обществ, мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 1. С. 18, 23.

⁸ *Ферретти М.* Указ. соч. С. 47.

⁹ *Гудков Л.* Указ. соч. С. 36.

¹⁰ *Дубин Б.* Сталин и другие. Фигуры высшей власти в общественном мнении современной России // Мониторинг общественного мнения: экон. и социал. перемены. 2003. № 2. С. 35.

¹¹ *Левада Ю.* Указ. соч. С. 21.

¹² См.: *Дубин Б.* Указ. соч. № 2. С. 35.

¹³ См.: Там же.

¹⁴ *Левада Ю.* Указ. соч. С. 20.

¹⁵ Подробнее см.: *Дубин Б.* Указ. соч. № 1. С. 13 — 25.

¹⁶ *Левада Ю.* Указ. соч. С. 18.

¹⁷ Там же. С. 24.

- ¹⁸ Рос. газ. 1992. 27 июня.
- ¹⁹ См.: Открытый архив: справочник опубликованных документов по истории России XX века из государственных и семейных архивов (по отечественной периодике 1985—1995 гг.): указатель / сост. И.А. Кондакова. М, 1997.
- ²⁰ См., например: *Кузьмин С.И.* ИТУ: история и современность // Человек: преступление и наказание: вестн. Рязанской высшей школы МВД РФ. 1995. № 2. С. 46 — 58; Органы исполнения наказаний // Органы и войска МВД России: крат. ист. очерк. М., 1996. С. 339 — 396; *Смыкалин А.С.* Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург, 1997; и др.
- ²¹ См.: *Эстрин А., Трахтерев В.* Развитие советской исправительно-трудовой политики как части советской уголовной политики // От тюрем к воспитательным учреждениям: сб. ст. / под общ. ред. А.Я. Вышинского. М., 1934. С. 28-29, 60-61.
- ²² *Подорога В.* ГУЛАГ в уме: наброски и размышления // Страна и ее заключенные. Досье на цензуру. 1999. № 7/8. С. 107
- ²³ Например, до настоящего времени не рассекречены материалы Административного отдела ЦК КПСС, в состав которого, наряду с другими структурами, входили подразделения, курировавшие работу МГБ, МВД, МЮ СССР (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 21, 47).
- ²⁴ См.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923 — 1960: справ. М., 1998.

Глава первая

ИСТОРИЯ ГУЛАГа: ПРОБЛЕМА ДИСКУРСА

В своей знаменитой речи "Порядок дискурса" французский историк и философ Мишель Фуко отмечал: "Нам хорошо известно, что говорить можно не все, говорить можно не обо всем и не при любых обстоятельствах, и, наконец, что не всякому можно говорить о чем угодно". Согласно М. Фуко, в любом обществе производство дискурса, в том числе и научного, контролируется и подвергается селекции с помощью действенной системы исключений и запретов, которые, пересекаясь и усиливая друг друга, образуют сложную, непрерывно изменяющуюся решетку¹. Если принять гипотезу ученого, то можно утверждать, что областью, где эта решетка наиболее уплотнена, несомненно, является история ГУЛАГа. Данное утверждение в равной степени справедливо как для отечественной, так и для западной историографии.

Вряд ли можно согласиться с мнением некоторых современных исследователей о том, что "об историографии истории сталинских лагерей на сегодняшний день говорить не приходится"², и что "ученые в настоящее время, по сути дела, даже не приступили к исследованию как истории ГУЛАГа в целом, так и отдельных лагерных комплексов в частности"³. Тот факт, что в Советском Союзе проблема ГУЛАГа долгие годы находилась под запретом, еще не дает оснований для подобных утверждений. Изучение советских лагерей имеет длительную историографическую традицию и, как ни странно, традиция эта в чем-то напоминает историю изучения революции — темы, когда-то тоже находившейся под запретом в царской России. Как писал М.Н. Покровский, до 1905 г. в России были почти невозможны какие бы то ни было публикации по истории революции, и тот, кто хотел заниматься этой темой, должен был обращаться к зарубежным изданиям: русская эмиграция сделала в этой области довольно много. «Но вполне естественно, — писал историк, — что ее публикации были совершенно бессистемны и крайне несовершенны технически. Печатали все "интересное", не спрашивая, откуда это взялось; да и как было прове-

ритель происхождение рукописи, привезенной в кармане случайным путешественником? С научной точки зрения изданные за границей тексты не имеют никакого значения; вся их роль сводилась к воспитательному влиянию на русскую интеллигенцию прошлого века»⁴. Аналогичная ситуация сложилась и в отношении истории изучения советских лагерей. Разница заключалась лишь в том, что рукописи в течение десятилетий привозили не путешественники, а те, кому удалось либо бежать, либо нелегально эмигрировать из Советского Союза. Конечно, эти "интересные" тексты, переданные за границу часто с риском для жизни, были далеки от воспитательных задач, иногда они носили характер откровенного запугивания неискушенного читателя. Публикуя рукописи о советских концлагерях, разные авторы в разные годы преследовали далеко не одинаковые цели, не было единых оценок и у западных читателей. Как отмечал И.Л. Солоневич, один из наиболее известных "беглецов" и непримиримых противников советского строя, "свидетелям, вышедшим из Советской России, читающая публика вправе несколько не доверять, подозревая их, и не без некоторого психологического основания, в чрезмерном сгущении красок"⁵. Эту же мысль неоднократно повторяли и другие эмигранты в течение многих последующих лет.

Французский исследователь Пьер Ригуло, выступая в мае 1993 г. в Москве на Второй международной конференции "Сопротивление в ГУЛАГе", с горечью сообщал: "После смерти Сталина вернувшиеся французы пытались создать ассоциацию, которая донесла бы реальную информацию о сталинских лагерях. Но их никто не слышал и никто не хотел услышать"⁶. А.А. Авторханов, сталкиваясь многократно с недоверием западных читателей, с возмущением писал в первой половине 1980-х годов: «Запад был настолько одурманен коммунистической дезинформацией, что он не верил нам, эмигрантам из Советского Союза, нашим устным и письменным свидетельствам о творящемся у нас на родине. Когда живые свидетели из "второй" эмиграции (...) приводили ужасающие факты массового террора, то западные "прогрессисты" объявили все это "легендами" обиженных Сталиным бывших советских граждан"⁷.

Мировое общественное мнение действительно довольно долго отказывалось верить многочисленным сообщениям о советских концлагерях — слишком неправдоподобным казалось все то, о чем свидетельствовали участники и очевидцы событий. Тем не менее публикации на эту тему регуляр-

но появлялись в Европе и Америке и не только в эмигрантской печати. Как писал в 1936 г. Солоневич, «тема о концентрационных лагерях в Советской России уже достаточно использована (...) использована преимущественно как тема "ужасов" и как тема личных переживаний людей, попавших в концлагерь более или менее безвинно»⁸. Его самого лагерь интересовал с той точки зрения, что "в лагере основы советской власти представлены с четкостью алгебраической формулы". Исходным методологическим пунктом, от которого отталкивался Солоневич в своем исследовании советской лагерной системы, было убеждение, что «ничем существенным лагерь от "воли" не отличается (...) Все то, что происходит в лагере, происходит и на воле, — и наоборот. Но только в лагере все это нагляднее, проще, четче»⁹. Эта концептуальная установка впоследствии была воспринята многими из тех, кто писал о лагерях. В ГУЛАГе авторы публикаций видели слепок, зеркальное отображение создавшего его государства. "После первых месяцев лагеря я пришел к окончательному выводу, что мир заключенных отображает советскую действительность; она же повторяет во многом жизнь за колючей проволокой..."¹⁰, — так по-философски осмыслил лагерный мир один из его обитателей — Д.М. Панин.

Крайнее выражение эта точка зрения получила в концепции одного из наиболее известных исследователей ГУЛАГа француза Жака Росси, проведшего в сибирских лагерных бараках почти четверть столетия. Автор знаменитого "Справочника по ГУЛАГу", Жак Росси, утверждал, что «из всех концлагерных систем этого века, включая концентрационные лагеря Гитлера, советский ГУЛАГ был не только самым долговечным, просуществовав 73 года, но и самым точным воплощением создавшего его государства. Не зря ведь об освобождаемом ээке говорили, что его переводят из "малой" зоны в "большую"»¹¹.

Среди довоенных зарубежных публикаций по истории советской лагерной системы практически нет работ, которые можно отнести к категории научных. В большинстве своем все эти издания образовали самый первый, еще очень рыхлый, насыщенный больше эмоциями, чем фактами, слой той источниковой базы, на которой впоследствии будет строиться здание зарубежной историографии ГУЛАГа.

В СССР примерно до середины 1930-х годов тема лишения свободы и принудительного труда не входила в число запретных и довольно активно, хотя и под определенным (партийно-классовым) углом зрения, обсуждалась в открытой

печати. Публиковались работы по исправительно-трудовому праву¹², издавались материалы съездов работников пенитенциарных учреждений, анализировались перспективы развития пенитенциарного дела в СССР¹³, ставились вопросы ликвидации преступности и исправления преступников¹⁴.

В начале 1930-х годов предметом особого обсуждения стала проблема принудительного труда, что было связано с массовыми выступлениями общественности в некоторых зарубежных странах против применения в Союзе ССР труда заключенных. Принявшая широкий размах кампания против "советского демпинга" заставила советское руководство не только сменить вывески на воротах и бараках северных лесных лагерей, но и попытаться кардинальным образом изменить представления мировой общественности о сути и характере труда советских заключенных. Эту весьма нелегкую политическую задачу взял на себя председатель Совета Народных Комиссаров В.М. Молотов. В своем докладе на VI съезде Советов СССР 8 марта 1931 г. он выделил специальный раздел "о принудительном труде", в котором с помощью цитат из работы Ф. Энгельса 1845 г. "Положение рабочего класса в Англии" сумел доказать, что "к позору для капитализма многие и многие тысячи безработных позавидуют сейчас условиям труда и жизни заключенных в наших северных районах"¹⁵. Глава правительства не стал отрицать факта использования в СССР труда заключенных, но описал условия этого труда таким образом, что уже никто в мире никогда не осмелился бы охарактеризовать этот труд как рабский. Разоблачая "басни", "выдумки", "ложь", "клевету", "фальшь" буржуазной прессы по поводу принудительного труда в СССР, Молотов использовал такие приемы аргументации, на которые трудно было что-либо ответить. При этом он заявил, что "труд заключенных не имеет никакого отношения к лесозаготовкам", а применяется "на некоторых коммунальных и дорожных работах", причем используется только "труд заключенных, здоровых и способных к труду". Председатель правительства, не таясь, перечислил все объекты, на которых работали заключенные, и "откровенно" назвал их число — около 60 тыс. человек¹⁶.

Материалы VI съезда Советов облегчили задачи советских ученых при разработке проблем принудительного труда. "Характер труда лишенных свободы ничем не отличается от труда обычных рабочих, — утверждал юрист В.Д. Меньшагин. — Труд в советских исправительно-трудовых учреждениях является обычным трудом, которым заняты миллионы

трудящихся СССР (...) У нас не может быть противопоставления труда заключенных труду вольных трудящихся. Сущность и условия труда лишенных свободы (...) остаются такими же, что и на обычных фабриках и заводах"¹⁷.

Ведущий специалист по исправительно-трудовому праву Б.С. Утевский отмечал в 1934 г., что «принудительный рабский труд заключенных — это труд буржуазных тюрем. Отказ от тюрем и переход к воспитательным учреждениям означает тем самым отказ от рабского принудительного труда и переход к труду иного качественного содержания, к труду социалистическому... Белогвардейцы и фашисты клеветуют насчет "принудительности" труда лишенных свободы в СССР. Между тем *обязательность* труда ничего общего не имеет с *принудительностью* труда»¹⁸.

А.Я. Вышинский, уже со ссылками на цитаты И.В. Сталина, писал, что труд в советских исправительно-трудовых учреждениях "в сочетании с особенностями советской власти и социалистического строительства и является тем чародеем, который из небытия и ничтожества превращает людей в героев"¹⁹.

Авторитетные заявления государственных руководителей и ученых направили "лагерный дискурс" в заданное русло, сняв моральную ответственность с советских литераторов и публицистов, на долю которых выпала нелегкая задача писать небылицы о "перековке" преступников с помощью принудительного труда. Восхваляя строителей Беломорско-Балтийского канала, один из журналистов убежденно доказывал, что магические слова "ударничество" и "социалистическое соревнование" творят с профессиональными ворами, бандитами, проститутками "подлинные чудеса, они преобразуют их, они держат их по тридцать шесть часов на трассе, пока их силой не уведут в бараки"²⁰. В таком же духе о первенце лагерной экономики писали и другие авторы²¹.

Издание литературы о советских исправительно-трудовых учреждениях практически прекращается в СССР со второй половины 1930-х годов. Следует отметить, что почти все вышедшие в Советском Союзе публикации по этой тематике были тенденциозными по своей сути и малоинформативными по содержанию. Кроме того, объектом их внимания, как правило, являлись общие места заключения, а не концентрационные лагеря ОГПУ, деятельность которых, если и освещалась в печати, то поверхностно и всегда со знаком "плюс". Такая ситуация обуславливалась, в частности, действием "Краткой инструкции-перечня по охране государствен-

ных тайн в печати для районных органов Главлита". Этот документ, утвержденный Главлитом в августе 1930 г., не разрешал "оглашать в печати сведения о забастовках, массовых антисоветских выступлениях, манифестациях, о беспорядках и волнениях в домах заключения и в концентрационных лагерях, кроме официальных сообщений органов власти". В инструкции также указывалось, что "нельзя печатать сведения об административных высылках социально-опасного элемента как массовых, так и единичных (...) и отрицательные сведения о состоянии мест заключения. Сведения о деятельности концлагерей ОГПУ и о жизни заключенных в них можно опубликовывать только с разрешения ОГПУ". Запрещалось также "опубликовывать в печати сведения о случаях самоубийства и умопомешательства на почве безработицы и голода". Кроме того, документ категорически предписывал "не помещать никаких сведений, касающихся структуры и деятельности органов ОГПУ, без согласия с последними"²². По этой причине выходившие впоследствии юбилейные издания по истории органов ВЧК-ОГПУ-НКВД СССР²³ не представляют исследовательской ценности и не могут служить основой для научного дискурса.

Строгий режим государственной секретности, в котором на протяжении десятилетий работали советские органы внутренних дел и госбезопасности, стал причиной того, что о деятельности различных подразделений этих структур не имели достоверной информации не только посторонние лица, хотя бы и занимавшие ответственные должности, но зачастую и сами сотрудники "органов". Этот факт следует иметь в виду при анализе зарубежной литературы, в которой в качестве первоисточника используется информация бывших чекистов-перебежчиков (особенно это касается сообщаемых ими сведений о численности заключенных).

Отсутствие достоверных данных практически обо всех сторонах деятельности ГУЛАГа крайне затрудняло зарубежным исследователям изучение истории советских лагерей, но, тем не менее, число публикаций на эту тему постоянно увеличивалось. Главным источником информации по-прежнему оставались свидетели и участники событий, попавшие теми или иными путями за границу.

В 1945 г. в Риме польские офицеры Сильвестр Мора и Петр Зверняк издали на французском языке книгу "Советское правосудие", основанную на личном опыте, наблюдениях и большом количестве свидетельских показаний²⁴. Эта книга по своей информативности и доказательности заметно отли-

чалась от всего ранее изданного на тему советских лагерей и тюрем. Ее антисоветский потенциал высоко оценили иностранные корреспонденты, а планы англичан переиздать книгу на английском и других европейских языках заставили министра внутренних дел С.Н. Круглова доложить об этом незаурядном явлении министру иностранных дел В.М. Молотову. 14 июня 1946 г. книга "La Justice Sovietique" вместе с краткой аннотацией легла на стол министра. Учитывая характерность и специфичность текста этой аннотации, процитируем ее дословно, поскольку этот текст дает уникальную возможность увидеть, как советское руководство понимало и контролировало "лагерный дискурс".

«Эта антисоветская книга состоит из двух частей, — говорилось в аннотации на книгу, заглавие которой было переведено как "Советская справедливость". — В первой части ее описывается структура советских судебных органов, дается анализ советского судебного права и судебной процедуры, основ организации тюрем и "лагерей"; подробно описывается, как практически осуществляется справедливость правосудия.

В седьмом пункте II раздела 1 части книги говорится: "Большевистская система правосудия является поставщиком бесплатной рабочей силы для государственных учреждений... Условия труда соответствуют рабовладельческому периоду".

Во второй части книги излагается "советская действительность", отраженная в репортажах и воспоминаниях бывших заключенных и "лагерников", которые в 1939—1941 гг. попали в руки "советской справедливости" и которые благодаря "чуду господнему" вырвались из этих рук в 1942 году.

Весь этот материал собран от подданных польского государства. Иллюстрированный материал, в основном, выполнен художником, находившимся в 1939 — 1942 гг. в лагере и делавшим зарисовки, которые, как сообщается в предисловии к книге, он после амнистии провез через границу в 1942 г. зашитыми в бушлате.

Весь материал, изложенный в этой книге, является гнусной антисоветской клеветой, имеющей целью путем распространения этой книги увеличить число врагов советского народа в Польше и в Западноевропейских государствах, находящихся в дружественных отношениях с СССР.

В книге лживо излагаются законы советского правосудия и советская конституция. Советское государство называется тоталитарным государством. В книге говорится: "Большевистский абсолютизм стремится к мировой революции для большевизации всего земного шара"²⁵ "В советской России нет никаких признаков демократии" и т.д.»

Далее в справке перечислялись разделы книги, среди которых был и такой: "СССР — тюрьма народов".

Книга С. Мора и П. Зверняка содержала сотни документальных свидетельств, полученных от польских граждан, освобожденных из заключения в 1941 — 1942 гг. и добившихся возможности выехать из СССР. Собранные и опубликованные материалы не только описывали трагедии отдельных личностей, но и давали полное представление обо всей системе лагерей в целом. В книге приводились сведения об общей численности заключенных. В частности, сообщалось, что, по мнению русских заключенных, во времена Ежова было более 40 млн арестованных. Польские авторы считали эту цифру преувеличенной, но охотно описывали такой случай: один лагерный служащий, хвастаясь мощью и огромной территорией России, заявил группе польских заключенных: "Польша имеет всего 35 млн жителей. В нашей стране мы имеем столько только заключенных"²⁶.

Впоследствии на Западе не издавалось, наверное, ни одной публикации по истории советской репрессивной системы, где бы ни цитировалась эта работа. С научной точки зрения, большим достоинством и ценностью книги была карта, отображавшая расположение отдельных лагерей, указывалась также их производственная направленность.

Советское руководство не случайно заинтересовалось книгой польских авторов, оно хорошо понимало, что в условиях холодной войны проблема лагерей и принудительного труда станет важным идеологическим орудием в руках политических противников. ГУЛАГ был одной из главных тайн советской системы, и любые разоблачения в этой области грозили как минимум потерей части международного авторитета.

С началом "холодной войны" в США заметно активизировались исследования по проблемам принудительного труда в СССР. Первой научной работой на эту тему стала книга Д. Даллина и Б. Николаевского "Принудительный труд в Советской России"²⁷, вышедшая в США в 1947 г. и вскоре переизданная в Европе на английском и немецком языках. Она состояла из двух частей: в первой части освещалось современное состояние лагерной системы, вторая была посвящена истории происхождения и развития принудительного труда в СССР. В книге содержался также подробный обзор литературы по исследуемой проблеме, а в качестве приложения публиковались карты и копии подлинных советских документов нормативного характера, на страницах 74 — 83 воспроизводились оттиски различных печатей и штампов 32-х исправительно-трудовых лагерей, что свидетельствовало о расширении источниковой базы исследования.

В отдельных частях книга носила традиционный характер: те же воспоминания бывших заключенных, свидетельские показания лиц, подвергшихся репрессиям, сообщения перебежчиков, состоявших на государственной службе в системе ГУЛАГа и т.д. Но наряду с этими традиционными материалами в работе содержались главы, в которых авторы пытались дать объективные, научно обоснованные ответы на ряд принципиальных вопросов. К наиболее актуальным вопросам, без сомнения, относились следующие: какова общая численность заключенных, сколько всего лагерей и как они организованы, где располагаются, в чем сущность принудительного труда, какова экономическая роль лагерей и какова, наконец, роль всей лагерной системы в государственном устройстве Советского Союза. Дать в те годы достоверные, правильные ответы при существовавшей в СССР системе секретности было априори невозможно. Ни в коей мере не способствовали объективности и условия "холодной войны". Однако авторы, используя самые разнообразные источники и собственную, подчас совершенно фантастическую, методику подсчета, приводили сведения о численности заключенных по всем периодам, начиная с 1928 г.

Поскольку все указанные в этой работе количественные показатели воспроизводились потом в других изданиях, вплоть до начала 1990-х годов, рассмотрим их более подробно. В главе "Сколько лагерей и заключенных?", написанной Б. Николаевским, приводятся сведения на конец 1920-х годов со ссылкой на бывшего чиновника ГПУ Н.И. Киселева-Громова о 662 257 заключенных, находившихся во всех лагерях. Тут же указывается, что другой чиновник ГПУ, сбежавший в 1930 г. в Финляндию, под присягой заявил, что осенью 1929 г. под надзором ОГПУ работали 734 тыс. заключенных.

Что касается начала 1930-х годов, то здесь автор применяет следующую технику подсчета. В качестве источника берется советский сборник статей "От тюрем к воспитательным учреждениям", изданный под общей редакцией А.Я. Вышинского в 1934 г. В одной из статей сборника автор Д. Стельмах указывает, что все места заключения в Российской советской республике получили в 1931 г. 294 015 экземпляров газет. По Украине число полученных газет составляет приблизительно 60 тыс., по Белоруссии — 11 713. Таким образом, округляет Николаевский, по всему Советскому Союзу общее число газет приближается к 400 тыс. экземпляров. В другой статье автор Шестакова сообщает, что в среднем одна газета приходится на 5 заключенных. На основа-

нии этих данных, полностью игнорируя пропагандистский, "образцово-показательный" характер сборника и не ставя под сомнение правдивость приведенных сведений, Б. Николаевский делает такой вывод: "От умножения этих двух множителей получается, что в местах заключения находится всего около 2-х миллионов человек". Определенная логика здесь, конечно, присутствует, она убеждает западного читателя, и сведения о 2 млн заключенных на начало 1930-х годов прочно входят в научный оборот.

К середине 1930-х годов число заключенных возрастает до 5 млн человек. Эти сведения взяты из книги И.Л. Солоневича "Россия в концлагере" и подкреплены ссылками на сообщения вернувшихся из России в середине 1930-х годов "одного американского инженера" и "одного французского инженера", которые считали, "что в советских концлагерях в настоящее время содержится около пяти миллионов человек".

Совершенно другая техника подсчета применяется для выяснения числа заключенных на начало 1940-х годов. Берется список лагерей, приведенный в названной выше книге С. Мора и П. Зверняка. Всего в их списке 38 лагерей. Подсчеты ведутся так: в лагерь входят 1200 человек, в большинстве районов по 10 лагерей, в каждом лагерном кусте — по 20 районов. Итого: $1200 \times 10 \times 20 = 240\ 000$. Это умеренный подсчет. (Что понимается под "лагерем", "районом" и "лагерным кустом" — не поясняется.) Далее Б. Николаевский продолжает подсчеты: допустим, что нормальное число заключенных лагерного куста составляет только 250 тыс. человек. Тогда общее число заключенных в 38 вышеназванных лагерных кустах составит 9 500 000 человек. Но это не все. К этому нужно добавить, по меньшей мере, 2 млн заключенных на Колыме, а также прибавить заключенных сотен лагерей, не входящих в "лагерные кусты"²⁸. "Мы убеждены, — резюмирует Николаевский, — что для 1940—1942 годов число в 15 000 000 является умеренным"²⁹. Вместе с тем, по его мнению, эта цифра, несмотря на ее научную обоснованность, не может считаться окончательной. Для уточнения подсчетов делаются попытки привлечь перепись 1939 г., используются показания В. Кравченко, который со ссылкой на "официальные советские круги" называет цифру в 20 млн заключенных, труд которых применяется в военной промышленности СССР³⁰, анализируются показания многих других беженцев, находившихся ранее на государственной и военной службе в СССР. Во всех случаях речь идет о 10 — 20 млн. человек и даже более. Но при этом следует

учесть, что Николаевский, производя свои подсчеты, исходит из официального заявления СССР, "что война стоила Советскому Союзу семи миллионов жизней". Так что одна дезинформация естественным образом порождает другую.

Анализируя статистические данные о численности лагерей и находившихся в них заключенных, которые приводятся в книге Даллина и Николаевского, а также во всех других аналогичных изданиях более позднего времени, следует иметь в виду, что авторы практически никогда не выделяют и не различают категории лиц, подвергавшихся в СССР принудительной концентрации и принудительному труду. Понимая, что такой подход делает все их расчеты весьма уязвимыми, иностранные авторы часто оперируют понятиями "численность рабов", "численность населения, занятого принудительным трудом" и т.п. Д. Даллин в книге "Действительная Россия" пишет: "Число лиц, занимающихся принудительным трудом, равняется от 7 до 12 миллионов"³¹, не уточняя, идет ли речь о заключенных, ссыльных, спецпоселенцах или о тех и других вместе.

Книга "Принудительный труд в Советской России" имела большой политический, научный и общественный резонанс. На ее основе разведывательными службами США была составлена в октябре 1948 г. развернутая аналитическая справка о применении принудительного труда в СССР. В этом секретном документе анализировались цель системы принудительного труда, ее военная, экономическая, политическая и социальная значимость. В расчет бралось и то, что "10 млн. принудительных рабочих имеют по 3 человека родных и близких, итого получается 40 млн. человек, которые составляют недовольный элемент населения". Это был, так сказать, стратегический вывод американских аналитиков. Убийственной для авторитета Советского Союза была итоговая часть документа, где, в частности, говорилось: "Система рабского труда обнаруживает поистине деспотическую природу советского режима. Пока советская пропаганда провозглашает дело коммунистической партии на благо трудящихся масс, Советы поработили большее число людей, чем это сделал третий рейх или рабовладельческие империи древней истории"³².

За выходом книги Д. Даллина и Б. Николаевского последовала целая серия публикаций, в которых, по существу, ставились и решались те же вопросы, что и в их работе. В качестве нового источника, способного пролить свет на проблему принудительного труда, некоторые исследователи ис-

пользовали Государственный план развития народного хозяйства СССР на 1941 г., захваченный немецкими аггессорами и переправленный в 1945 г. в США, где он и был опубликован в виде 750-страничного статистического сборника. Работавший с этим источником американский исследователь Наум Ясны взял за основу производственный план НКВД СССР на 1941 г., сравнил его с запланированным ростом объема всей национальной экономики страны и пришел к выводу, что в 1941 г. намечалось использовать принудительный труд примерно 3,5 млн человек³³. Следует отметить, что это число хотя и не соответствовало реальному количеству заключенных, находившихся в тот период в ГУЛАГе, но оно вполне отвечало потребностям лагерной экономики и соответствовало тому объему работ, который по плану должен был выполнить НКВД, если бы не началась война.

Польский экономист С. Свяневич, знакомый с советской системой принудительного труда на собственном опыте, при анализе плана народного хозяйства на 1941 г. пришел к выводу, что для его выполнения требовался принудительный труд примерно 6,9 млн человек³⁴. Это число было явно завышенным.

Кроме общих количественных показателей, исследователей интересовали и качественные характеристики принудительного труда. Все сходились во мнении, что этот труд практически не требует вложения капиталов, что он поразительно дешев и дает сверхприбыли, он чрезвычайно мобилен и поддается быстрому перемещению, как армейский контингент и т.д. Все это, по мнению исследователей, делало принудительный труд привлекательным для советского правительства. Но когда иностранные ученые начинали обсуждать эффективность принудительного труда и анализировать экономические последствия его применения, то почему-то всегда вспоминали Адама Смита. В своем знаменитом "Исследовании о природе и причинах богатства народов" великий экономист неоднократно повторял: "Опыт всех веков и народов, как мне думается, свидетельствует о том, что работа, выполняемая рабами, хотя она как будто стоит только их содержания, в конечном счете оказывается дороже всякой другой"³⁵.

В годы "холодной войны" исследовательский интерес к проблеме советских концлагерей определялся за рубежом не столько потребностями науки, сколько политическими соображениями. Большое количество публикаций на тему принудительного труда в СССР вызвала кампания, начатая

Американской федерацией труда. В ноябре 1947 г. эта организация обвинила Советский Союз в использовании принудительного труда и поставила перед ООН вопрос о проведении официального авторитетного расследования. Начиная с момента своего образования в 1949 г., к этой кампании активно присоединилась Международная конфедерация свободных профсоюзов (МКСП), которая занялась сбором и публикацией материалов на заданную тему³⁶. На протяжении нескольких лет вопрос о "рабстве в СССР" неоднократно обсуждался в Экономическом и Социальном Совете ООН³⁷. В 1949 г. английский представитель обвинил СССР в том, что "8—12 млн рабочих в Советском Союзе являются рабами". Делегат Соединенных Штатов оценивал "общее число рабов где-то между 8 и 14-ю миллионами человек в 1950 г." Многие выступавшие оперировали числами, приведенными в книгах Кравченко, Николаевского, Даллина и др. Отдельные наблюдатели тогда называли числа в 30 и даже в 40 млн. По этому поводу МКСП писала, что "преувеличения естественно возникают, когда Советское правительство вообще не публикует никакой информации (...) Хотя мы не в состоянии назвать точную цифру, не может быть сомнения, что Иосиф Сталин поработил многие миллионы мужчин и женщин — в любое время их было от 10 до 20 миллионов человек"³⁸.

Советские делегаты находились в весьма сложном положении. Они не могли нарушить государственную тайну и назвать реальное количество заключенных и ссыльных, да в те времена этим цифрам все равно никто не поверил бы, поэтому в качестве ответа они использовали в различных вариантах классическую фразу, что "все это является ложью и голословной клеветой"³⁹. Чтобы усилить политическое звучание проблемы принудительного труда в СССР, авторы работ, публикуемых МКСП и другими аналогичными организациями, называли советских заключенных не иначе как рабами⁴⁰.

На наш взгляд, употребление этого термина в публицистической, и тем более в научной литературе было тенденциозным и не всегда уместным. Западные наблюдатели так и не поняли (а может быть, и не стремились понять), что, несмотря на рабские условия труда и рабские условия существования, советские заключенные в большинстве своем мыслили себя частью своего родного народа, своей национальности и никогда не идентифицировали себя в качестве рабов. Ведь не зря бывший заключенный особого Озерного лагеря поэт Анатолий Жигулин написал:

О, люди,
Люди с номерами!
Вы были люди, не рабы.
Вы были выше и упрямей
Своей трагической судьбы.

В 1950-е годы в публикациях на лагерную тему появились некоторые новые сюжеты, связанные с сопротивлением в ГУЛАГе⁴¹. Большую известность получила работа немецкого коммуниста врача Джозефа Шолмера о Воркуте, изданная в 1954 г. на немецком, английском и французском языках, в которой он с прозападных позиций запечатлел свое пребывание в лагере и, в частности, подробно описал забастовку на Воркуте⁴².

Рассказы, письма, воспоминания, свидетельства очевидцев лагерных событий регулярно печатались в эмигрантских журналах "Воля", "Посев", "Социалистический вестник", "Голос народа" и др.⁴³ В общей массе эти публикации⁴⁴, не имевшие самостоятельного научного значения, составляли тот солидный пласт источников, без которых впоследствии было бы невозможно осмысление лагерной проблемы и написание научных работ.

Первым исследовательским трудом на Западе о советской лагерной системе считается книга основателя Мюнхенского Института по изучению истории и культуры СССР Б.А. Яковлева (Н.А. Троицкого) "Концентрационные лагеря СССР". Работа вышла в Мюнхене на русском языке в 1955 г. В этот период в советских лагерях все еще оставалось значительное число немецких военнопленных, судьба которых, естественно, волновала германское правительство. Не учитывая это обстоятельство, автор в предисловии назвал, хотя и довольно глухо, источник своего исследования — показания немецких военнопленных, вернувшихся из России. Похоже, что именно этот факт сыграл трагическую роль в судьбе книги, имевшей явный успех.

По версии А. Авторханова, произошло следующее: "В том же 1955 году, в котором вышла книга, канцлер Аденауэр, ценой установления дипломатических отношений с Кремлем, выторговал у Хрущёва и Булганина своих военнопленных. То ли проблема немецких военнопленных, то ли еще что-то другое, неведомое нам, смертным, привели к тому, что и Европа и США (и, конечно, Советский Союз) в странном сговоре и трогательном единодушии решили приостановить стремительный восход книги и пресечь ее успех, иными словами, похоронить ее. Прес-

са замолкла; радиопередачи, предназначенные для СССР, ничего о книге и из нее не передавали; исследователи не упоминали о ней и не включали в библиографии; книгу, даже случайно, нельзя было найти в книжных магазинах (что подсказывало предположение о полном изъятии всего тиража)⁴⁵. Эта "странная и страшная", по отзыву Авторханова, судьба книги может служить наглядным подтверждением гипотезы М. Фуко о том, что в любом обществе, даже считающем себя демократическим, производство дискурса, в том числе и научного, контролируется и подвергается селекции с помощью действенной системы исключений и запретов.

Книга Б.А. Яковлева была переиздана на английском и русском языках только в 1983 г. К тому времени она почти не устарела, так как никаких серьезных изменений в источниковой базе по лагерной проблематике не произошло. В основе работы лежали, как правило, показания живых свидетелей. Автор пытался высветить "сложный и закамуфлированный" аппарат ГУЛАГа, давал краткое описание 165 отдельных лагерей, указывал их расположение, климатические условия, производственную направленность их деятельности. Там, где возможно, приводил данные о численности заключенных по лагерям, строго сверяя их с показаниями свидетелей. При этом, Яковлев, может быть, первый из всех авторов, занимавшихся историей ГУЛАГа, трезво и критически оценил степень информированности бывших заключенных, чьи свидетельские показания использовались в качестве основного источника почти во всех зарубежных исследованиях. О приводимых в книге количественных показателях Яковлев писал: "Вполне понятно, что к этим цифрам нужно относиться осторожно, ибо ни одному заключенному, за редким исключением, никогда не было известно точно число заключенных, находящихся в его лагерном пункте, лагере или лагерной группе, как не было известно и число самих лагерных пунктов"⁴⁶.

Западные исследователи не ограничивали свои задачи изучением конкретнo-исторических сюжетов, связанных с функционированием советских или любых иных концлагерей. В трудах Ханны Арендт, Карла Ясперса, Алана Буллока, Жюэля Котека, Пьера Ригуло, Николаса Верта и ряда других ученых осмысливалась сама природа концентрационных лагерей, условия их возникновения и существования, концлагерь рассматривался как высшее проявление тоталитаризма, как порождение террора⁴⁷.

Отсутствие архивных источников тормозило работу западных исследователей, но, тем не менее, вопросы о принудительном труде и общей численности заключенных в СССР с повестки дня не снимались, и дискуссионные статьи на эту тему продолжали публиковаться на страницах ведущих зарубежных журналов, таких как "Soviet Studies", "Slavic Review" и др. Особенно следует отметить так называемый "трансатлантический" обмен мнениями, исчерпывающий по своему характеру, который состоялся в 1980-е годы и касался всех возможных методов подсчетов и методологий выявления результатов. В дискуссии участвовали Р. Конквест, С. Розфильд, С. Уиткрофт и ряд других историков⁴⁸. Дискуссия о размерах принудительного труда в СССР носила сложный характер, к научным интересам часто примешивались политические. В целом, позиции сторон определялись их отношением к источниковой базе: одни историки предпочитали вести свои исследования, опираясь на оценки эмигрантов, бывших заключенных и т.д., другие стремились использовать официальные советские материалы демографического и экономического характера. Однако разные подходы мало повлияли на конечный итог исчислений: полученные данные о размерах принудительного труда в СССР незначительно отличались от тех, которые приводились в работах предшественников, и находились все в тех же пределах: от 3 — 5 млн до 12—15 млн человек.

Дискуссия затрагивала не только проблему принудительного труда, но и поднимала вопросы о демографических последствиях коллективизации и голода 1932—1933 гг. Анализирувавший эти дебаты В.П. Данилов абсолютно справедливо резюмировал: «Конечно, проблема заключена не в самих по себе цифрах, не в том, чтобы доказать истинность больших или меньших чисел. Бесценна жизнь каждого человека, и нет такого предела, ниже которого жертвы людские "нормальны" и "допустимы", а выше — "чрезмерны" и "предосудительны"»⁴⁹.

В Советском Союзе после многолетнего молчания первыми о ГУЛАГе заговорили не историки, а писатели. Когда-то Р.В. Иванов-Разумник в своих воспоминаниях "Тюрьмы и ссылки" высказывал пожелание, чтобы нашелся талантливый писатель, который на личном опыте изучил бы тюремный мир, а потом красочно зарисовал бы его для потомства⁵⁰. В России такой писатель нашелся, да, к тому же, и не один. В 1962 г. была опубликована повесть А.И. Солженицына "Один день Ивана Денисовича". Наступивший вслед

за этим событием краткий период в жизни советского общества историк М. Геллер охарактеризовал так: "Публикация повести Солженицына как бы прорвала брешь в плотине, преграждавшей проникновение информации о лагерях в общество. В 1963 г., а в особенности в 1964 г., в печати появляются книги, подтверждающие все самое страшное, что когда-либо и кто-либо писал о советских лагерях. После падения Хрущёва брешь в плотине была немедленно замурована"⁵¹. Это, конечно, не означало, что поэты и писатели, познавшие ГУЛАГ на личном опыте, забыли о нем и уже не писали, "просто" их перестали публиковать на Родине, их произведения стали издаваться за рубежом. Характерно, что многие писатели были категорически против того, чтобы их произведения воспринимались как исторические сочинения. В записных книжках В.Т. Шаламова есть примечательная запись: "Я не историк лагерей"⁵². Свое отношение к лагерной теме Шаламов формулировал так: "Я пишу о лагере не больше, чем Экзюпери о небе, или Мелвилл о море. Лагерная тема, это такая тема, где встанут рядом и им не будет тесно сто таких писателей, как Лев Толстой"⁵³. Здесь Шаламов был абсолютно прав.

В истории изучения ГУЛАГа теснейшим образом переплелись все существующие жанры научного и художественного творчества. Разве можно, например, представить историографию ГУЛАГа без "опыта художественного исследования" А.И. Солженицына "Архипелаг ГУЛАГ", первый том которого был опубликован в Париже в 1973 г. русским издательством ИМКА-Пресс. Благодаря Солженицыну слово "ГУЛАГ" вошло в мировую лексику. Оно стало названием "удивительной страны ГУЛАГ, географией разодранной в архипелаг, но психологией скованной в континент, — почти невидимой, почти неосязаемой страны, которую и населял народ зэков"⁵⁴. Благодаря писателю, ГУЛАГ вошел в историю XX в. как символ массового беззакония, каторжного труда, преступного нарушения прав человека, насильственной деформации российского общества.

В этом произведении мы опять встречаемся с многократно преувеличенными обобщенными количественными показателями, которые в наши дни без труда опровергаются рассекреченными архивными документами. Писатель, как известно, не мог иметь к ним доступа в тот период, когда писалась книга. В этой ситуации весьма некорректно, на наш взгляд, выглядит выпад двух современных (т.е. получивших доступ к заветным архивам) исследователей (историка и

юриста), вставших в позу судей и обвинивших Солженицына во лжи⁵⁵. Но ведь Солженицын не писал научную историю ГУЛАГа, его задача была совсем иной.

Пьер Ригуло отмечал: «Когда А.И. Солженицын был переведен на французский язык в 1973 году, он стал во Франции настоящей бомбой. Он показал, чем на самом деле были эти "центры по перевоспитанию", чем был ГУЛАГ». Такую реакцию французов объяснить относительно несложно. Дело в том, что во Франции коммунисты в послевоенный период издали большим тиражом специальную брошюру. О ее содержании Пьер Ригуло сообщал: "Там было сказано, что в прямом смысле слова лагерей в Советском Союзе нет, что это центры по перевоспитанию, и они заслуживают только восхищения, потому что там прекрасные условия и эти центры только добавляют красоту и славу жизни советских людей". Затем последовал вывод: "Я думаю, что люди, которые писали такие вещи, должны взять на себя часть ответственности. А также те, кто потом взялся комментировать А. Солженицына"⁵⁶.

В СССР "лагерный дискурс" вновь обрел силу в конце 1980-х годов. Советское общество, впервые осознавшее, что такое "свобода слова", одержимое потребностью "узнать, наконец, всю правду о прошлом", демонстрировало беспрецедентный интерес к публикациям, посвященным сталинской эпохе. Прямым свидетельством такого интереса стали многократно возросшие тиражи журналов, публиковавших материалы о терроре, ГУЛАГе и других преступлениях сталинизма. Журнал "Новый мир", выходявший в 1985 г. тиражом 425 тыс. экземпляров, насчитывал к концу 1989 г. 2641 тыс. подписчиков⁵⁷. В это время на страницах журнала печатался "Архипелаг ГУЛАГ".

После отмены ограничений на подписку, которая в 1989 г. впервые проводилась "исключительно на добровольной основе при равных условиях для всех изданий", тираж еженедельного журнала "Огонек", выступавшего с резкой критикой сталинизма, достиг рекордной отметки в 4450 тыс. экземпляров⁵⁸.

Предпочтения основной массы читателей в тот период были явно на стороне либерально-демократической прессы. Подписные тиражи изданий, проповедовавших возвращение к традиционным российским национальным и христианским ценностям, оставались относительно небольшими, а в отдельных случаях даже падали, например, журнал "Москва" потерял в 1989 г. более половины своих подписчиков.

Этот период в истории изучения ГУЛАГа удивительно напоминал период изучения революции, открывшийся в России после 1905 г. Как и тогда, началась лихорадочная публикация текстов по ранее запретной теме. Занимавшийся изучением истории революции М.Н. Покровский писал об особенностях того периода: «И сам выбор этих текстов, опубликованных уже при наличии "свободы печати", был немногим менее случаен, чем выбор предшествовавших им зарубежных публикаций. Государственные архивы официально продолжали оставаться запечатными. Из них теперь можно было, попросту говоря, кое-что выкрасть; но хватать приходилось опять-таки, что попадалось под руку»⁵⁹.

Действительно, ученые, получившие в конце 1980-х годов очень ограниченный доступ к еще не рассекреченным архивным материалам, довольствовались тем, что "попадалось под руку". Но даже полученные документы им приходилось публиковать с оглядкой, давая глухие ссылки в виде "коллекция документов". Такие материалы, несмотря на их сенсационность, имели несколько ограниченную научную ценность, поскольку их нельзя было перепроверить. Возможно поэтому первые обширные публикации В.Н. Земскова, А.Н. Дугина и некоторых других историков⁶⁰, которые вводили в научный оборот новый статистический материал из отчетов НКВД — МВД СССР, были встречены научной общественностью, хотя и с большим интересом, но вместе с тем с определенной долей недоверия, а то и критики⁶¹.

Еще более недоверчиво отнеслись к официальной статистике бывшие заключенные. Комментируя цифру 2,5 млн заключенных на начало 1953 г., которую приводили российские историки, основываясь на архивных документах, Жак Росси заявил, что такая оценка "выглядит смехотворной для любого, кто провел долгие годы в ГУЛАГе. Если план не выполняется, несмотря на беспощадное отношение к человеческому материалу, все показатели фальсифицируются с целью избежать уголовной ответственности за саботаж". Сам Росси говорил о 16 млн заключенных в 1937 г. и об увеличении их численности (от 17 млн до 20 млн) между 1940 и 1950 г.⁶²

Авторы книги "Век лагерей" в этой связи вполне справедливо замечают: «Действительно, сознательное уменьшение числа заключенных позволяет скрыть низкую производительность труда. Но следствием подобной фальсификации становится и сокращение "продовольственного и вещевого довольствия". Да и как утаить такое число — до 80 про-

центов — заключенных? Это выглядит просто невысказанным»⁶³.

В "битве за цифры" (по образному выражению Ж. Котека и П. Ригуло), которая по разным причинам продолжается до сегодняшнего дня, нельзя игнорировать данные таких источников, как переписи населения. В начале 1990-х годов достоянием гласности стали итоги Всесоюзных переписей населения 1937 и 1939 гг., в ходе которых в особом порядке переписывались граждане, обозначенные как "контингент НКВД". Впервые опубликованные данные спецпереписей не только выявляли общее число лиц, включенных в сферу деятельности НКВД, но и позволяли увидеть динамику количественного роста "контингентов", в том числе кадрового состава органов внутренних дел⁶⁴.

Спецперепись, проведенная в январе 1937 г., зафиксировала 2 660 300 человек, находившихся в ведении НКВД. В это число вошли военнослужащие внутренних войск НКВД, личный состав оперативных управлений, служащие центрального и местных аппаратов тюрем, лагерей и колоний, все категории заключенных, спецпоселенцев и другие так называемые спецконтингенты. В 1939 г. аналогичную перепись по линии НКВД прошли 3 742 434 человека. Рассекреченные данные спецпереписей убедительно опровергали публиковавшиеся ранее за рубежом сведения, многократно преувеличивавшие численность заключенных в СССР.

Вопросы о масштабах государственного террора, о статистике жертв сталинизма наиболее активно дебатировались в первой половине 1990-х годов⁶⁵. Следует заметить, что повсеместное включение населения в "лагерный дискурс" не помогло обществу прийти к единому мнению о числе жертв массовых репрессий. Об этом свидетельствуют данные социологических опросов, проведенных ВЦИОМ. В марте 1991 г. на вопрос: "Как Вы думаете, сколько примерно людей было репрессировано в 1920—1950-х годах?" — самая большая группа опрошенных (34%) ответила "не знаю", 21% утверждал "миллионы", 18% — "десятки миллионов". Но вместе с тем многие респонденты существенно занижали число пострадавших в ГУЛАГе: 19% считали "десятки и сотни тысяч", 6% утверждали "тысячи людей", 2% полагали, что немногие "сотни людей", нашлись и такие, кто утверждал, что "незаконных репрессий не было"⁶⁶.

Опрос, проведенный в июле 1996 г., показал, что значительное число российских граждан склонно занижать значение проблемы. На вопрос: "Масштабы массовых репрессий

во времена Сталина сильно преувеличены?" — 29% опрошенных дали утвердительный ответ, 43% полагали, что "нет", 28% затруднялись с ответом⁶⁷.

К середине 1990-х в "лагерном дискурсе" стали происходить заметные изменения: в российской литературе и обществе четко обозначилась тенденция, если не оправдать ГУЛАГ, то представить его всего лишь системой исправительных учреждений, где содержались преимущественно уголовные преступники. Возобновились попытки объяснить необходимость существования ГУЛАГа внешнеполитическими обстоятельствами, и, конечно, не оставлялись попытки развести ГУЛАГ и коммунистический режим.

Свой взгляд на проблему ГУЛАГа предложил в публицистическом очерке "Лагерники" профессор академии МВД С.И. Кузьмин⁶⁸. Он писал: «Сегодня нам с удивительной настойчивостью вдалбливают, что самое злое учреждение — ГУЛАГ. Однако, если присмотреться попристальнее, то можно обнаружить в этом понятии всего лишь систему управления местами лишения свободы... Система ГУЛАГа развивалась и совершенствовалась по мере усложнения задач социально-экономического созидания и политических обстоятельств. Но, пожалуй, главным фактором, "стимулятором" функционирования ГУЛАГа, было то, что наша страна находилась во враждебном окружении... В таких условиях существование ГУЛАГа было логично и необходимо»⁶⁹.

Позицию С.И. Кузьмина в основном разделяет юрист А.С. Смыкалин. В своей монографии "Колонии и тюрьмы в Советской России" он пишет: «Как справедливо замечают авторы краткого исторического сборника "Органы и войска МВД России"⁷⁰, никто не может отрицать факт, что в 20-е гг. в стране имелись группировки, поддерживающие контакты с Л.Д. Троцким, который, даже находясь за границей, всеми доступными методами и способами вел борьбу за захват власти в государстве... Индустриализация страны, привлечение рабочих и специалистов из-за рубежа предоставили иностранным разведкам уникальную возможность для сбора стратегической информации и вербовки граждан». Как видим, образы "врагов" периода сталинизма не померкли до сегодняшнего дня.

По мнению Смыкалина, "чтобы сохранить и укрепить позиции социализма, новому тоталитарному режиму необходима была система изоляции инакомыслящих. Так появились массовые репрессии и ГУЛАГ". Не разделяя взглядов либеральной интеллигенции, объявившей ГУЛАГ одним из глав-

ных преступлений сталинизма, он критически замечает: «"разгул демократии" обернулся тем, что все, что связано с ГУЛАГом, рассматривалось исключительно в черном цвете»⁷¹. На наш взгляд, согласиться с такой упрощенной и тенденциозной трактовкой феномена ГУЛАГа вряд ли возможно.

Однако верхом предвзятости, бездоказательности и публицистической бесцеремонности можно считать брошюру Марио Соуса "ГУЛАГ: архивы против лжи" (пер. с англ. М., 2001), подготовленную к печати и распространенную Российской коммунистической рабочей партией (движение "Трудовая Россия"). Размахивая флагом "архивных данных", проявляя элементарное неуважение к трагедии советского народа, автор направляет острие своей критики против "буржуазных фальсификаторов" советской истории: "нациста Вильяма Херста, шпиона Роберта Конквеста и фашиста Александра Солженицына". О крайней тенденциозности автора свидетельствуют разделы его брошюры: "Миф о голоде на Украине", "Роберт Конквест — главный сказочник", "Ложь о репрессиях в армии" и т.д. В угоду коммунистической идее М. Соуса фальсифицирует историю ГУЛАГа, подменяя ее примитивным перечислением достоинств советской карательной системы. Способы использования автором архивных данных весьма характерны. Например, он полностью игнорирует тот факт, что на 1 января 1953 г. более 30% заключенных имели срок наказания свыше 10 лет, зато охотно использует статистику довоенного периода, когда число таких заключенных не превышало 1%⁷². Анализируя архивные данные по репрессиям, он делает абсурдный вывод, что "число приговоренных к смертной казни в 1937 — 1938 гг. было около 100 тысяч", при этом "огромная часть смертных приговоров была заменена сроками в трудовых лагерях"⁷³.

Подверженность "лагерного дискурса" идеологическим, политическим и социальным влияниям чрезвычайно велика. Попытка посмотреть на ГУЛАГ с "левых" позиций навела философа Славоя Жижека, можно сказать, на "крамольную" мысль: "Одна из отчаянных стратегий сохранения утопического потенциала двадцатого столетия заключается в том, чтобы заявить: если двадцатый век сумел породить неслыханное Зло (Холокост и ГУЛАГ), то это служит доказательством от противного того, что аналогичная избыточность возможна и в противоположном направлении, то есть радикальное Добро также осуществимо... что, если это противопоставление ложно? А что, если мы здесь имеем дело с

тождественностью на более глубоком уровне, что, если радикальное Зло двадцатого столетия было именно результатом попыток непосредственного осуществления радикального Добра?"⁷⁴ Конечно, это не оправдание ГУЛАГа, но в данном подходе к философскому осмыслению проблемы ГУЛАГа чувствуется не только провокация, но и какой-то внутренний изъясн.

Анализируя актуальные проблемы современности в русле ленинских идей, Жижек обратил внимание на возможность сравнения двух величайших Зол XX столетия — Холокоста и ГУЛАГа. Нужно заметить, что в российской историографии такое сравнение считается некорректным и практически не встречается в литературе. «Не с этим ли парадоксом "вазы/двух лиц"* мы сталкиваемся в случае Холокоста и ГУЛАГа? — задается вопросом Жижек. — Мы либо превращаем Холокост в наивысшее преступление, и тем самым сталинистский террор наполовину оправдывается и становится "заурядным" второсортным преступлением; либо мы фокусируем внимание на ГУЛАГе как окончательном итоге логики современного революционного террора, и тем самым Холокост в лучшем случае становится всего лишь еще одним примером той же логики. Так или иначе, кажется невозможным развернуть действительно "нейтральную" теорию тоталитаризма, не отдав неявного предпочтения Холокосту или ГУЛАГе»⁷⁵. Похоже, что здесь философом угадана именно та причина, по которой российские историки отказываются от проведения сравнительных исследований двух величайших Зол XX столетия.

В научный дискурс по проблеме ГУЛАГа в 1990-е годы включились и правоведаы. Вопросам организации и функционирования первых исправительно-трудовых учреждений, анализу работы органов исполнения наказаний в советский период посвящены исследования А.В. Михайличенко, Е.М. Гилярова, М.Г. Деткова и других юристов⁷⁶. Механизм политических репрессий, деятельность аппарата так называемой "политической юстиции" раскрыты в научных трудах Ю.И. Стецовского, В.Н. Кудрявцева, А.И. Трусова⁷⁷. Проблемы развития советской правовой системы и судебных учреждений в 1920— 1950-е годы получили освещение в монографии канадского профессора Питера Соломона⁷⁸.

* Суть известного визуального парадокса "двух лиц и вазы" заключается в том, что при взгляде на рисунок видна либо ваза, либо два лица, но никогда и то и другое вместе.

История советской прокуратуры представлена в серии биографических очерков А.Г. Звягинцева и Ю.Г. Орлова, которые на основе малоизвестных архивных документов и воспоминаний современников описали жизнь и деятельность российских и советских прокуроров — главных "стражей социалистической законности и советского правопорядка", раскрыли механизм функционирования системы прокурорского надзора в РСФСР и СССР⁷⁹.

Оценивая вклад юристов в изучение проблемы ГУЛАГа, следует признать, что историки-правоведы много сделали для разработки правового аспекта темы. Однако нельзя не отметить, что ни один из вышеназванных авторов не привел в своих работах даже фрагментарных сведений о специальных лагерных судах, которые были неотъемлемой частью не только ГУЛАГа, но и всей советской судебной системы в целом. Между тем без изучения деятельности лагерных судов невозможно создать целостную картину существования того "государства в государстве", каким стал ГУЛАГ в послевоенные годы.

Важнейшей составной частью "лагерного дискурса" являются исследования, посвященные экономической деятельности лагерей и колоний⁸⁰. Раскрывая характер принудительного труда, все авторы отмечают его неэффективность, а порой и просто экономическую бесполезность, причину перманентного кризиса лагерной экономики справедливо видят в низком уровне производительности труда заключенных⁸¹. Хотелось бы отметить, что, анализируя экономическую деятельность МВД СССР, авторы до сих пор не обратили должного внимания на преимущественно военно-промышленный характер лагерной экономики и на ее связь с "холодной войной". Исключением можно считать несколько публикаций на тему "атомный ГУЛАГ"⁸². По мнению В.С. Лельчука и Е.И. Пивовара, лагерной тематике в целом свойственна слабая связь с проблематикой, посвященной "холодной войне"⁸³.

Открытие архивов позволило российским и зарубежным историкам обратиться к изучению региональных аспектов истории ГУЛАГа. В 1990-е годы были опубликованы исследования по истории репрессий на Урале⁸⁴, в Кузбассе⁸⁵, на территории Коми края⁸⁶, на Дальнем Востоке и Колыме⁸⁷ и в ряде других регионов.

Пристальное внимание историки уделяют изучению отдельных лагерных комплексов и лагерныхстроек. Специальные работы посвящены Ухто-Печорским лагерям⁸⁸, стро-

ительству Байкало-Амурской магистрали⁸⁹, стройкам № 501 и № 503 (так называемая "мертвая дорога")⁹⁰, Дальстрою⁹¹ и другим лагерным объектам⁹².

В серии "Дальний Восток: великие стройки сталинских пятилеток" освещается хозяйственная деятельность лагерей в этом регионе⁹³. Автор названной серии М.А. Кузьмина на основе документов из Государственного архива Магаданской области сделала уточняющие подсчеты о численности заключенных, прошедших через Ванинскую перевалочную базу Дальстроя. По ее сведениям, с 1947 по 1954 г. через пересылку на Колыму и в Заполярье прошло не более 350 тыс. заключенных. Эти данные существенно меньше тех чисел, которые встречаются в литературе, где определяются либо как "тысячи тысяч", либо более конкретно — около 1,5 млн человек⁹⁴.

Среди работ, посвященных отдельным лагерям, можно отметить монографию Виктора Бердинских "Вятлаг". Это первое такого рода исследование, в котором говорится об истории формирования и функционирования одного из наиболее известных лагерей ГУЛАГа с 1930-х до 1960-х годов. Книга насыщена интересным, порой необычным фактическим материалом, но поскольку история Вятского лагеря раскрывается в отрыве от общей истории ГУЛАГа, а вся работа базируется преимущественно на местном материале, в монографии допущена серьезная фактическая ошибка. Так, описывая биографию начальника управления Вятского ИТЛ Ивана Ивановича Долгих, автор отметил, что этот человек сделал "самую большую карьеру в НКВД—МВД", так как в начале 1950-х годов, будучи уже генерал-лейтенантом, стал начальником ГУЛАГа⁹⁵. Эти сведения ошибочны. Бердинских перепутал начальника Вятлага, у которого, по мнению самого же автора, не было никаких данных для "большой карьеры", с Иваном Ильичем Долгих, у которого в органах ОПТУ—НКВД—МВД была совсем другая карьера, и до того как стать начальником ГУЛАГа в январе 1951 г., он занимал пост министра внутренних дел Казахской ССР⁹⁶.

Значительным вкладом в историографию ГУЛАГа стал справочник "Система исправительно-трудовых лагерей в СССР", выпущенный в 1998 г. обществом "Мемориал" совместно с ГАРФ. В него вошли более 500 монографических статей обо всех лагерях сталинского периода, а также о соответствующих управлениях центрального аппарата ОГПУ—НКВД—МВД. Самостоятельную ценность представляют очерки "Система мест заключения в РСФСР и СССР".

1917—1930" (авторы М. Джекобсон, М.Б. Смирнов) и "Система мест заключения в СССР. 1929—1960" (авторы М.Б. Смирнов, С.П. Сигачев, Д.В. Шкапов), которые предваряют справочный материал.

В многочисленных трудах документального, справочного и научного характера Н.В. Петрова, А.И. Кокурина, Ю.Н. Морукова, К.В. Скоркина⁹⁷ нашли отражение такие проблемы, как внутренняя структура органов ОГП—НКВД—МВД СССР, в том числе административное устройство и структура аппарата ГУЛАГа и других главных производственных управлений, использовавших труд заключенных. Подробно рассматривается кадровый состав этих государственных органов, описываются служебные биографии руководителей репрессивных ведомств. К числу недостатков, по-видимому, не зависящих от авторов, следует отнести практически полное отсутствие ссылок на источники информации, однако этот существенный пробел в значительной мере компенсируется информационной ценностью самих публикаций.

Благодаря расширению источниковой базы, исследователи обратились к изучению таких вопросов, которые никогда ранее не были предметом специального рассмотрения. Так, А.Ю. Горчева исследовала историю лагерной прессы⁹⁸. Б.А. Нахапетов на основании архивных документов санитарных подразделений ГУЛАГа изучил условия и характер медицинского обслуживания заключенных в местах лишения свободы⁹⁹. Незначительное количество научных работ посвящено проблеме сопротивления в ГУЛАГе¹⁰⁰, в основном эта тема отражена в мемуарной литературе и в документальных публикациях.

По-прежнему активно включены в "лагерный дискурс" и зарубежные исследователи. С. Уиткрофт провел сравнительный анализ масштабов и характера политических репрессий и массовых убийств в Германии и Советском Союзе в 1930—1945 гг.¹⁰¹ На новых архивных материалах изучил историю ГУЛАГа в военные годы английский историк Эд. Бейкон¹⁰².

Первой зарубежной попыткой комплексного исследования всей системы ГУЛАГа стала монография Р. Штеттнера¹⁰³. Немецкий историк рассматривает ГУЛАГ одновременно и как инструмент террора и как огромный хозяйственный механизм. В основе его работы лежат воспоминания и сообщения бывших заключенных, научная литература по проблеме и опубликованные архивные материалы. Штетт-

нер активно использует наработки и достижения своих предшественников, иногда ссылается на новые опубликованные архивные документы. Однако его дискурс страдает существенным недостатком: сам автор не работал с архивными первоисточниками и, прежде всего, с впервые рассекреченными документами. Именно это обстоятельство не позволило историку выйти на качественно новый уровень и исследовать проблему ГУЛАГа, опираясь на новую репрезентативную источниковую базу.

Среди работ последних лет нельзя не отметить объемную книгу "ГУЛАГ" американской журналистки А. Аппельбаум, изданную на немецком, английском, польском языках¹⁰⁴. Публицистический характер повествования позволяет автору выходить за рамки строго научного дискурса, в частности, в определении хронологических рамок ГУЛАГа. В интерпретации Аппельбаум, время функционирования системы ГУЛАГа фактически совпадает с периодом существования СССР. Такой подход в определенной мере искажает историческую действительность, и отчасти затрудняет понимание феномена "ГУЛАГа" как высшего проявления сталинизма. Вместе с тем книга чрезвычайно насыщена фактическим материалом, что, по отзывам зарубежной прессы, сближает ее с "Архипелагом ГУЛАГ".

В настоящее время все большее внимание исследователей привлекает тендерный аспект лагерной темы. С работой "Женщины в ГУЛАГе. Повседневность и выживание" выступил М. Штарк¹⁰⁵. Многочисленные интервью с бывшими узницами ГУЛАГа, широкое использование женских лагерных мемуаров (в приложении названы имена 94 женщин, на чьи свидетельства опирается автор) не только придали его исследованию эмоциональную напряженность, но и помогли глубоко раскрыть все стороны лагерной жизни женщин-зключенных.

Дополнительный импульс "лагерному дискурсу" может придать книга "Узницы АЛЖИРа", содержащая 7259 кратких биографических справок об узницах Карагандинского лагеря 1938—1940 гг.¹⁰⁶, большинство из которых были осуждены как "члены семей изменников родины". Характерно, что это фундаментальное издание, подготовленное Международным обществом "Мемориал" и Ассоциацией жертв незаконных репрессий г. Астаны и Акмолинской области, осуществлено при поддержке Фонда им. Генриха Белля (Германия) и Ассоциации "Дорога свободы" (Швейцария).

Широкое участие зарубежных фондов и институтов в финансировании проектов, посвященных истории политических репрессий и ГУЛАГа, уже давно стало в России если не нормой, то хорошо укоренившейся традицией. В 2004 — 2005 гг. при финансовой поддержке Гуверовского института войны, революции и мира был реализован крупномасштабный издательский проект "История сталинского ГУЛАГа"¹⁰⁷. В семи томах этого издания опубликовано 1,5 тыс. архивных документов из фондов ГАРФ. Каждый том имеет определенную тематическую направленность: массовые репрессии, структура и кадры карательной системы, экономика ГУЛАГа, численность и условия содержания лагерного населения, спецпереселенцы; восстания, бунты и забастовки заключенных. В седьмом томе "Советская репрессивно-карательная политика и пенитенциарная система в материалах Государственного архива Российской Федерации" содержится аннотированный указатель архивных дел. Опубликованные в этом многотомном издании документы и материалы сообщают "лагерному дискурсу" научную достоверность, объективность, открытость. Кроме того, они позволяют значительно расширить лагерную проблематику, делают ее доступной не только российским, но и зарубежным исследователям, в том числе и начинающим.

В современном российском обществе "лагерный дискурс" практически не поддерживается ни государством, ни зависящими от него прямо или косвенно средствами массовой информации, ни общественными деятелями. Одна из причин кроется в нежелании общества и государства нести моральную и материальную ответственность "за грехи отцов". Лагерная тематика как "неприятная" практически полностью вытеснена из публичного пространства. Между тем, проблема ГУЛАГа, независимо от того, хотим мы этого или нет, до сих пор не утратила своего социального и политического звучания: ведь живы не только те, которые "сидели", но и те, которые "сажали", живы их дети, и что особенно важно, живы идеи, которые исповедовали и те, и другие. В общественную жизнь регулярно вступают новые поколения молодых людей, и нетрудно заметить, что многие из них обнаруживают явную склонность к тоталитарным идеологиям. По этой причине нельзя допустить, чтобы ужасы лагерного прошлого были преданы забвению, "лагерный дискурс" должен быть продолжен в тех или иных формах.

Залогом успешного изучения истории ГУЛАГа было и остается наличие репрезентативных и достоверных источников. Тотальная секретность ушла в прошлое. Это позволило автору базировать свое исследование на обширном комплексе архивных и опубликованных материалов как официального, так и личного происхождения.

Среди различных групп источников важное место занимают материалы законодательства. Эта категория документов неоднородна по своему составу и включает наряду с официальными законодательными актами (декретами, законами, конституциями, кодексами, указами), опубликованными в открытой печати в установленном порядке, большое количество нормативных актов, принятых с нарушением установленных норм и правил. По этому поводу в упоминавшемся Указе Президента РФ "О снятии ограничительных грифов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека" говорилось: "Существовавшая в годы тоталитарного режима практика принятия без опубликования в печати законов, подзаконных актов и ведомственных директив об установлении различных видов юридической ответственности, организации и деятельности репрессивного аппарата являлась грубейшим нарушением норм государственной жизни и прав человека"¹⁰⁸. В настоящее время большинство этих секретных подзаконных актов, служивших нормативной базой массовых репрессий, опубликовано в различных сборниках документов и периодической печати¹⁰⁹.

Источниковедческий анализ законодательных материалов советского времени сопряжен с рядом методологических трудностей. Нередко в литературе изложение того или иного нормативного акта подменяет собой анализ реальных жизненных процессов. Примером такого "нормативного" подхода, а он характерен для многих работ юридического профиля, может служить книга В.Н. Андреева "Содержание под стражей в СССР и России (порядок и условия)"¹¹⁰. Автор рассматривает всю историю развития государственного института содержания под стражей исключительно на примерах, взятых из нормативных актов. Цитирование и комментирование инструкций без сопоставления их с реальной жизнью искажает историческую действительность, которая, порою, не имела ничего общего с установленными нормативными предписаниями. При анализе законодательных актов нельзя забывать о двух характерных чертах советского права: о его полной подчиненности идеологии и ярко вы-

раженной декларативности. Государственная идеология использовала правовые нормы с целью продемонстрировать не только советским людям, но и всему миру гуманизм и приверженность демократическим принципам. «Надо иметь в виду, — писал В.Т. Шаламов, — что и в наше время "хороших инструкций", публично расклеенных приказов и т.д. было очень много — это одна из характерных черт сталинского времени»¹¹¹. На практике многие "хорошие" законы подменялись секретными предписаниями директивных органов, ведомственными инструкциями и разъяснениями, которые грубо нарушали не только нормы и принципы международного права, но и расходились с юридическими нормами советской правовой системы.

Обширную группу источников составляет делопроизводственная документация, представленная в основном архивными документами. В работе используются три вида делопроизводственной документации: 1) документация общего (секретного и несекретного) делопроизводства; 2) бухгалтерско-финансовая документация; 3) судебная документация. Исследуются преимущественно документы официального делопроизводства следующих государственных органов и учреждений: Народного комиссариата внутренних дел РСФСР, Главного управления местами заключения НКВД РСФСР, Народного комиссариата (Министерства) внутренних дел СССР, Финансово-планового управления и Главной бухгалтерии НКВД-МВД СССР, ГУЛАГа НКВД-МВД СССР, Министерства юстиции СССР, Управления специальных судов МЮ СССР, Судебной коллегии по делам лагерных судов Верховного суда СССР.

Документация общего делопроизводства — это большая группа разнообразных источников. Наибольший интерес для настоящего исследования представляет отчетная документация, которая включает такие виды документов, как отчеты, доклады, докладные записки. Сохранилось множество отчетов всех уровней за длительный хронологический период. Наличие сопоставимых данных позволяет рассматривать многие вопросы в динамике. В отдельных случаях удается проследить "цепочки" докладов, например, о каких-то чрезвычайных лагерных событиях типа массовых беспорядков, поступавших последовательно сначала от начальника лагерного отделения начальнику лагерного управления, далее — начальнику ГУЛАГа, затем — министру внутренних дел и даже иногда — высшему партийному руководству. Эти "цепочки" дают наглядное представление о том, как меняется

содержание доклада в ходе бюрократических перемещений. Иногда конечный доклад настолько отличается от первоначального донесения, что возникает сомнение, о том ли событии идет речь.

Доклад, представленный высшему руководству, как правило, краток, сух, лаконичен. Из него исчезают почти все фамилии, за исключением одной-двух, нет практически никаких подробностей случившегося, искажаются количественные данные (если речь идет об убитых и раненых, то их число почему-то всегда преуменьшается), вместо указания подлинных причин, вызвавших "беспорядки", вписываются стандартные фразы типа "ослабление воспитательно-массовой работы", "недосмотр руководства" и реже — "нарушение законности". Эту специфику отчетной документации необходимо учитывать при ее научном использовании.

Существенное значение для анализа имеет и ведомственная принадлежность документа. Например, отчеты сотрудников Министерства юстиции о положении дел в лагерях и колониях (в тот период, когда ГУЛАГ находился в подчинении МЮ СССР) заметно отличаются от аналогичных отчетов сотрудников МВД. В них приводится множество фактов нарушения законности со стороны лагерной администрации, вскрываются серьезные недостатки в работе лагерных подразделений, указывается на необходимость соблюдения прав заключенных и т.п. Такие сюжеты мало характерны для отчетной документации МВД.

Большой интерес для исследования представляют акты приема — сдачи дел ГУЛАГа, которые составлялись при смене руководства ГУЛАГа. В них подробно описывалось состояние дел лагерей и колоний на определенную дату. Не менее информативны, с точки зрения выяснения реального положения дел, материалы проверок лагерно-производственных управлений. При работе с этими документами особенно важно учитывать, кто, с какой целью и по какому поводу осуществлял проверку. Наиболее репрезентативны материалы проверок, осуществлявшихся специальными бригадами высших партийных органов.

К числу наиболее ценных документов официального делопроизводства относится переписка между различными организациями, в том числе между органами государственного управления и ЦК Коммунистической партии. Особую группу среди дел оперативного делопроизводства Секретариата МВД СССР составляют дела, имеющие индексы "ОП", т.е. "Особая папка". В них концентрировались документы,

адресованные ведомством представителям высшего руководства страны. С 1944 по 1960 г. в "Особых папках" откладывалась вся переписка НКВД-МВД СССР с И.В. Сталиным, В.М. Молотовым, Н.С. Хрущёвым, Л.П. Берия и другими руководителями партии и правительства. Значительная часть документов этой группы рассекречена и доступна для изучения, в определенных случаях изданные аннотированные каталоги документов этих "Особых папок"¹¹² могут сами служить историческим источником, так как содержат конкретную информацию по теме исследования.

Материалы официального делопроизводства составили основу репрезентативного тематического сборника документов "ГУЛАГ. 1918-1960", вышедшего в серии "Россия. XX век. Документы"¹¹³.

Использованная в работе бухгалтерско-финансовая документация представлена архивными документами Финансово-планового управления и Главной бухгалтерии НКВД—МВД СССР. Эта группа документов включает в себя сводные балансы доходов и расходов НКВД—МВД СССР за разные годы; сметы расходов на содержание различных организационных структур наркомата—министерства, в том числе сметы особых лагерей; сводные бухгалтерские отчеты ГУЛАГа и объяснительные записки к ним; сводные годовые отчеты о производственной деятельности главных лагерно-производственных управлений; штатные расписания, тарифные сетки и должностные оклады; руководящие материалы по вопросам труда и заработной платы заключенных; справки, расчеты и нормативы по финансированию ИТЛ и колоний, а также многие другие документы финансовой и производственной деятельности МВД СССР. Бухгалтерско-финансовая документация позволяет решить ряд исследовательских проблем, связанных с изучением лагерной экономики и кадров ГУЛАГа.

Особой разновидностью делопроизводственной документации является судебно-следственная документация. Эта источниковая группа представлена архивными материалами двух учреждений: Управления специальных судов МЮ СССР и Судебной коллегии по делам лагерных судов Верховного суда СССР. Документы названной группы впервые вводятся в научный оборот. Особую ценность представляют годовые и квартальные статистические отчеты специальных лагерных судов ИТЛ и колоний; докладные записки о работе лагерных судов; материалы по обобщению судебной и карательной практики; переписка лагерных судов с

администрацией ГУЛАГа и другими вышестоящими инстанциями; материалы ревизий лагерных судебных учреждений; кассационные жалобы, протесты, документы надзорного производства; следственные дела по контрреволюционным и иным преступлениям, совершенным в лагерях и колониях; приговоры лагерных судов; обзоры некоторых конкретных судебных дел и многое другое. Названная группа документов позволяет выявить специфику организации и деятельности специальных лагерных судов, определить их место и роль в системе советского правосудия.

В ходе архивных изысканий, проведенных автором в бывших партийных архивах, удалось обнаружить большой комплекс партийных документов и материалов, составивших ценную группу источников по изучаемой проблеме.

Довольно много документов по теме исследования содержится в фонде № 89 РГАНИ, составленном из ксерокопий документов, рассекреченных Специальной комиссией по архивам при Президенте Российской Федерации, извлеченных из ранее закрытых фондов и архивов по запросам Конституционного суда РФ в связи с рассматривавшимся там "делом КПСС"¹⁴. В эту коллекцию документов попали материалы из архива Политбюро ЦК КПСС (ныне Архив Президента РФ), из архива Секретариата ЦК КПСС (ныне РГАНИ), из Центрального архива ФСБ, а также из ряда других государственных архивохранилищ. Эти материалы, наряду с прочим, выявляют руководящую роль коммунистической партии и высшего партийного руководства в проведении политики массовых репрессий; освещают процедуру выработки и принятия антиконституционного законодательства, служившего нормативной базой политических репрессий; отражают так называемый процесс "восстановления социалистической законности", начавшийся после смерти Сталина; раскрывают характер взаимоотношений высших партийных органов с органами государственной безопасности и внутренних дел.

Наиболее высоким информационным потенциалом обладают материалы Административного отдела ЦК КПСС, образованного 10 июля 1948 г. в соответствии с постановлением Политбюро ЦК. Структура отдела, как и его название, неоднократно менялись, но независимо от этих перемен в компетенцию отдела всегда входили, в частности, вопросы государственной безопасности, внутренних дел, юстиции и прокуратуры. Документы Административного отдела находятся на секретном хранении в РГАНИ, что исключает их

прямое цитирование со ссылками на источник информации. Автор данного исследования на основании специального допуска к работе с секретными делами названного отдела имела возможность подробно изучить весь комплекс документов по теме монографии. Это помогло правильнее понять механизм политических репрессий, точнее определить место и роль ГУЛАГа в экономической и политической жизни страны, а также позволило оценить полноту и степень достоверности многих материалов из других групп источников.

В фондах ЦАОПИМ удалось обнаружить исключительно ценный комплекс документов и материалов, раскрывающих деятельность партийных, комсомольских и профсоюзных организаций НКВД—МВД и ГУЛАГа. В работе использованы материалы из фондов парткома НКВД—МВД СССР за период с 1934 по 1957 г.; политотдела исправительно-трудовых лагерей и колоний Управления МВД Московской области; политотдела Ваковского ИТЛ, а также архивные материалы первичных парторганизаций (колоний, лагерных отделений, лагпунктов). В названных фондах наряду с партийными материалами хранятся документы комсомольских отделений и частично профсоюзных организаций (с 1 января 1938 г. профсоюзная организация в НКВД была ликвидирована).

Видовой состав этой группы документов представлен протоколами и стенограммами партийных конференций НКВД—МВД, которые проводились на правах районных партконференций; стенограммами отчетно-выборных собраний ГУЛАГа, протоколами закрытых и общих партийных собраний всех организационных структур наркомата — министерства, в том числе главных лагерно-производственных управлений; стенограммами совещаний партийно-хозяйственного актива МВД; докладными записками, справками, отчетами и другой текущей документацией партийных организаций всех уровней.

Информационная емкость источников названной группы различна. Наряду с такими документами, как, например, "Отчет о работе партийного комитета Главного управления государственной безопасности за май 1937 — май 1938 гг.", насыщенного уникальными сведениями, многие материалы имеют достаточно ограниченное информационное значение. В целом, партийная документация содержит довольно много разнообразной информации по вопросам производственной деятельности НКВД—МВД, по кадровому составу, об условиях труда и быта заключенных и т.д.

Особая ценность партийных документов и материалов заключается в том, что эти источники передают колорит эпохи, они насыщены так называемой "критикой и самокритикой", в них присутствуют "живые люди" с их делами и заботами. Многие протоколы и стенограммы партийных собраний содержат яркие характеристики работников органов внутренних дел и госбезопасности. Определенный интерес, например, вызывают протокольные записи коллективной "проработки" В.С. Абакумова на ранних стадиях его карьеры и другие аналогичные документы.

Высокая репрезентативность партийных документов и материалов как исторических источников объясняется, прежде всего, той главной, определяющей ролью, какую играли партийные организации и политотделы в жизни ГУЛАГа. Основная часть источников этой группы носит полуофициальный характер и в силу этого служит хорошим дополнением к документам официального делопроизводства.

Неотъемлемой частью источниковой базы монографии являются статистические источники. В работе используется, преимущественно, ведомственная статистика двух государственных органов: НКВД-МВД СССР и МЮ СССР. Основным источником установления численности и состава заключенных являются документы Учетно-распределительного отдела ГУЛАГа НКВД—МВД, в которых содержится большой объем статистических сведений за длительный хронологический период. Значительная часть этих сведений к настоящему времени опубликована.

На протяжении десятилетий вопрос о численности и составе заключенных занимал ключевое место в западной, а потом и российской историографии. Кто-то из авторов обротно назвал лагерную статистику "полем боя" и был по-своему прав. Сведения о численности репрессированных и осужденных являются едва ли не главным предметом спора между теми, кто пытается, если не оправдать ГУЛАГ, то представить его всего лишь системой исправительных учреждений, где содержались преимущественно уголовные преступники, и их оппонентами, которые видят в ГУЛАГе, прежде всего, систему жесточайшего подавления личности и принудительного труда. До открытия архивов противоречивость оценок и суждений о численности и составе заключенных обуславливалась, в первую очередь, недостаточной репрезентативностью источниковой базы. Идеологические пристрастия авторов не имели существенного значения. Каза-

лось, открытие архивов положит конец спорам, но этого не произошло.

Причина, по которой до настоящего времени не прекращается полемика по поводу лагерной статистики, кроется не только в желании отдельных авторов преуменьшить или преувеличить масштабы сталинского террора. Для продолжения дискуссии имеются более объективные причины, главная из которых — это те противоречия, ошибки и расхождения, которые выявляются при анализе официальных статистических сведений.

Как-то во время работы Правительственной комиссии по сдаче и приему дел Министерства юстиции в 1948 г. председатель комиссии Л.З. Мехлис спросил выступавшего с отчетом начальника Отдела судебной статистики Б.Н. Хлебникова: а честные ли у них цифры? На что статистик с большим стажем ответил: "Иногда не совсем честные... Статистика — это зеркало, но в данном случае, это зеркало весьма мутное и иногда кривое. Объясняется это тем, что статистика может опираться только на хорошо поставленный первичный учет, на культурное состояние делопроизводства, на добросовестное отношение к отчетным документам, на дисциплинированное отношение тех лиц, которые собирают этот материал..."¹¹⁵ Ни одно из вышеназванных условий в ГУЛАГе, как известно, не соблюдалось.

Не будем сейчас говорить о фактах сознательного искажения отчетности, хотя они тоже случались, особенно на местах. Так, В. Берлинских, исследуя лагерную статистику, пришел в процессе изучения Вятлага к выводу, что "не всем этим цифрам можно доверять. Многие лагеря выводили отчетность, ориентируясь на плановые цифры, искусно сводя в бумагах концы с концами"¹¹⁶.

Речь в данном случае пойдет о других проблемах. Часто неверные статистические сведения являлись результатом элементарной неграмотности лагерных кадров. Например, выборочная проверка данных Учетно-распределительного отдела ГУЛАГа об общей численности той или иной группы заключенных, проведенная авторами справочника "Система исправительно-трудовых лагерей в СССР...", показала, что суммирование выполнено с ошибками более чем в половине случаев (!) "Естественно предположить, — заключают авторы, — что исполнители на местах были не более квалифицированными, чем сотрудники центрального аппарата"¹¹⁷.

В процессе подготовки рукописи книги автору приходилось работать с документами, в которых учетчик путал чис-

ленность работавших заключенных с общим количеством отработанных человеко-дней. О таком невероятном искажении отчетности удалось догадаться, только когда встрети-лась запись, что "в декабре вне лагеря работало 1312 $\frac{1}{2}$ муж-чин"¹¹⁸.

Встречались деловые бумаги, в которых некорректно смешивались понятия "годовой" и "среднемесячный". На-пример, в одной из секретных справок за подписью началь-ника ГУЛАГа Наседкина сообщалось, в частности, что в 1942 г. умерло 352 560 человек, или 2,08%, в 1943 г. - 267 807 человек, или 1,87%. Эти сведения в том виде, как они представлены в архивном документе, позволяют сделать вы-вод, что в 1942 г. в ГУЛАГе было около 17 млн заключенных, а в 1943 г. — 14,3 млн. Именно к такому выводу приходит А.В. Антонов-Овсеенко, анализируя этот документ¹¹⁹. При-чина заблуждений историка здесь кроется в том, что в справке указывается общее количество заключенных, умер-ших за год, и одновременно приводится число, characterи-зующее *среднемесячный* процент смертности. Это вовсе не процент от среднегодовой численности заключенных, как логично было бы предположить.

При использовании официальной лагерной статистики чрезвычайно важно знать *методы подсчета*, применявшие-ся в ГУЛАГе. Так, в вышеназванном документе цифры уров-ня смертности рассчитаны по новой методике, введенной санитарным отделом ГУЛАГа в 1943 г. До этого (в 1931 — 1942 гг.) уровень смертности рассчитывался путем деления числа умерших за год на среднегодовую численность заклю-ченных. Начиная с 1943 г. число умерших за год представля-лось как сумма умерших за каждый месяц, которая делилась теперь на *сумму* среднемесячных показателей численности заключенных¹²⁰.

Что давала новая методика подсчета уровня смертности? Поясним на примере вышеприведенного документа. По ста-рой методике расчет строился следующим образом: число умерших в 1942 г. (352 560 человек) следовало разделить на среднегодовую численность заключенных (1412 500 человек) и умножить на 100, получался уровень смертности в 24,96%.

Новая методика предписывала: сумму умерших за год за-ключенных (352 560 человек) разделить на *сумму* среднеме-сячных показателей численности заключенных в 1942 г. (16 950 000 человек^{2*}) и умножить на 100, получался уровень

^{2*} Именно это число фигурировало в подсчетах А.В. Антонова-Овсеенко.

смертности в 2,08% — т.е. ровно в 12 раз меньше, чем при существовавшей ранее методике подсчета.

Хитрая гулаговская статистика требует максимальной объективности, строгого критического анализа и, по возможности, перепроверки официальных статистических сведений путем обращения к другим источникам информации.

Многие годы основной и едва ли не единственной группой источников, доступной исследователям ГУЛАГа, были документы личного происхождения — мемуары, свидетельства и воспоминания очевидцев и участников событий, письма. Открытие архивов не уменьшило ценности источников личного происхождения, но дало объективную основу для их критической оценки. Документы личного и официального происхождения — это два прожектора, которые освещают объект исследования с двух противоположных точек. Применительно к истории ГУЛАГа, про них вряд ли можно сказать, что они дополняют друг друга, скорее наоборот, они опровергают друг друга, находятся в глубокой конфронтации, и в этом заключается одна из главных методологических трудностей их критического анализа. Например, из официальных документов следует, что в ГУЛАГе для заключенных существовала норма питания в 2000 калорий, повышенная в 1939 г. даже до 3000, однако ни в каких воспоминаниях мы не найдем хотя бы косвенного подтверждения этого факта. Напротив, очевидцы свидетельствуют (а высокая смертность и заболеваемость подтверждают их правоту), что калорийность лагерного питания находилась на крайне низком уровне и едва ли составляла даже половину от расчетных норм.

В качестве примера обратного характера, можно сослаться на многочисленные свидетельства мемуаристов, утверждавших, что в ГУЛАГе находилось до 10 — 12 млн и более заключенных. Между тем официальные документы, в том числе и финансово-бухгалтерского делопроизводства, неопровержимо доказывают, что единовременное число заключенных во всех местах лишения свободы никогда не превышало 3 млн человек, не считая спецпоселенцев.

Интерпретация источников личного происхождения, прежде всего мемуарной литературы, требует учета множества факторов, определяющих историческую ценность тех или иных лагерных воспоминаний. Решающее значение для их анализа имеют следующие факторы: личность автора, время и место написания воспоминаний, а также время и место их первого опубликования. Замечено, например, что в

мемуарах иностранцев, бывших узников ГУЛАГа, внутрилагерная жизнь описывается, как правило, без какого-либо анализа, поверхностно, так, как цивилизованный человек описывает дикое непробудное варварство. Воспоминания многих иностранцев пропитаны физическим отвращением к жизни в советских лагерях и полны физиологических подробностей (особое внимание уделяется фактам гомосексуализма и т.п.)¹²¹. Такое освещение лагерной жизни нехарактерно для воспоминаний, написанных нашими соотечественниками или иностранцами, оставшимися жить в России. Многие из них, наоборот, пытаются скрасить грубость лагерного быта мягким юмором и проявляют удивительное понимание человеческих характеров. В этом отношении очень характерно автобиографическое повествование австрийца П.З. Деманта¹²².

До начала 1960-х годов все лагерные мемуары издавались только за границей, они носили, как правило, ярко выраженный антисоветский характер, и преследовали не столько аналитические цели, сколько разоблачительные. Многие описываемые события явно искажались в политических целях. В историографии до настоящего времени отсутствует какой-либо анализ этого мощного пласта мемуарной литературы по истории ГУЛАГа.

В СССР бывшие заключенные взялись за воспоминания в годы хрущевской "оттепели", когда чуть-чуть ослабла политическая цензура, отпустил страх. Большинство авторов были из одной социальной среды — представители интеллигенции или партийной номенклатуры. Их мемуары, успевшие выйти в СССР или изданные потом в самиздате, сливались, по словам историка И. Щербаковой, в один гипертекст, что было обусловлено временем написания и социальной однородностью этих мемуаров¹²³.

Советское руководство, с одобрением относившееся к публикации воспоминаний о революции, о войне и т.п., отнюдь не стремилось к отражению в мемуарах реальной истории, и уж тем более не видело необходимости сохранять память о лагерном прошлом. Никаких официальных запретов на такие публикации, разумеется, не было. Но когда в Западной Германии в эмигрантском журнале "Посев" и в некоторых других зарубежных изданиях началась публикация "Колымских рассказов" В.Т. Шаламова, от 65-летнего писателя, для которого память о лагере была священна и неприкосновенна, потребовали подписать "отказное" письмо.

23 февраля 1972 г. "Литературная газета" опубликовала за подписью Шаламова так называемое письмо в редакцию, в котором клеймились "белогвардейские" "зловонные" издания, "ведущие постыдную антисоветскую деятельность". Кончалось письмо Шаламова самоубийственным заявлением: «Проблематика "Колымских рассказов" давно снята жизнью, и представлять меня миру в роли подпольного антисоветчика, "внутреннего эмигранта" господам из "Посева" и "Нового журнала" и их хозяевам не удастся!»¹²⁴ Черная рамка письма делала его похожим на некролог.

В конце 1980-х годов развитие исторических событий показало, что проблематика "Колымских рассказов" вовсе не снята жизнью, а наоборот — остро востребована. О своем лагерном прошлом стали вспоминать многие известные люди (Д.С. Лихачев, О.В. Волков, Г.С. Жженов, В.Я. Дворжецкий и др.¹²⁵), которые никогда раньше на эту тему публично не выступали. Впервые в России был напечатан "Крутой маршрут" Евгении Гинзбург¹²⁶, ходивший по всей стране в бесчисленных самиздатовских копиях еще на рубеже 1960-х годов. Стали издаваться тематические сборники воспоминаний, посвященные отдельным лагерям, женщинам в ГУЛАГе¹²⁷ и т.д. В течение нескольких лет лагерная тема не сходила со страниц газет и журналов. Активной систематической публикацией мемуаров бывших заключенных занялись московское историко-литературное общество "Возвращение" и общество "Мемориал", до настоящего времени продолжают издаваться воспоминания узников ГУЛАГа во "Всероссийской мемуарной библиотеке" А.И. Солженицына¹²⁸.

Музей и общественный центр им. Андрея Сахарова в рамках программы "Память о несправедливости" подготовил и выпустил в 2003 г. компакт-диск "Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы". На диске размещены электронные версии 690 текстов, изданных с 1921 по 2002 г. на русском языке в России и за рубежом. Каждое мемуарное произведение сопровождается библиографической справкой об авторе воспоминаний и сохранившимися фотографиями.

Первую попытку разбора лагерных мемуаров предпринял писатель М. Кораллов¹²⁹. Он отмечает, что современные авторы, работающие в этом жанре, все чаще допускают сознательные искажения событий, теперь уже не столько в политических, сколько в личных целях. Попав в лагерь лейтенантом, в мемуарах бывший заключенный уже числит себя майором и т.д. "Зэки врут больше, чем рыболовы и чем охотники, — пишет М. Кораллов, — но относиться к этому надо

психологически чутко. Желательно строго научно, поскольку явление социальное". Почему бывшие узники ГУЛАГа не разоблачают легенд, сочиненных своими друзьями по несчастью? Может быть, срабатывает лагерное правило: "не любо — не слушай, а врать не мешай" ? Как бы там ни было, но трудно не согласиться с выводом М. Кораллова о том, что давно наступила пора выверять мемуары эзков данными историко-архивными, а архивные сведения — мемуарами бывших узников, "иначе достоверной картины XX века нам не видать"¹³⁰.

В числе источников личного происхождения в монографии использованы также лагерные письма. Они делятся на две группы. Первая группа — это так называемые "письма во власть", т.е. письма заключенных в высшие партийные органы, в редакции газет, знаменитым людям Советского Союза и т.д., в которых осужденные добиваются справедливости, как правило, не для себя лично, а справедливости "вообще". Большинство таких источников хранятся в бывших партийных архивах, некоторые опубликованы. Вторую (очень немногочисленную) группу эпистолярного наследия ГУЛАГа составляет частная переписка. По разным причинам эти письма долго не хранились. Некоторые из них опубликованы¹³¹.

Особую группу среди источников личного происхождения составляет так называемая "товарищеская" переписка, т.е. переписка высшего руководства страны, сохраняющая наряду с сугубо деловым содержанием элементы частной товарищеской переписки¹³². Это очень информативный и репрезентативный источник. Публикуемые документы содержат уникальную информацию по многим вопросам внутренней жизни страны, в частности, раскрывают механизм принятия некоторых законодательных актов, освещают процесс выработки карательной политики и т.д.

Оценивая состояние источниковой базы по истории ГУЛАГа, можно выразить уверенность, что она позволяет автору вести научный дискурс по проблеме ГУЛАГа объективно и достоверно.

¹ Фуко М. Порядок дискурса // Фуко Мишель. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 51, 52.

² Гвоздкова Л.И. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. Кемерово, 1997. С. 73.

³ Бердинских В. Вятлаг. Киров, 1998. С. 3.

⁴ Покровский М.Н. Избранные произведения. М., 1967. Кн. 4. С. 554.

- ⁵ *Солоневич И.Л.* Россия в концлагере М., 1999. С. 5. Первое издание этой книги вышло в Софии в 1936 г.
- ⁶ *Рисуло П.* Французы в ГУЛАГе // Воля: журнал узников тоталитарных систем. 1994. № 2/3. С. 199.
- ⁷ *Авторханов А.* Предисловие // *Яковлев Б.А.* Концентрационные лагеря СССР. Мюнхен, 1983. С. 2.
- ⁸ *Солоневич И.Л.* Указ. соч. С. 7 — 8. Библиограф Л. Зорин насчитал более полусотни работ, опубликованных на разных языках за пределами СССР за период до 1937 г., в которых раскрывалась тема советских концлагерей. Наиболее значительными из них, обычно, признаются следующие работы: *Мельгунов С.П.* Красный террор в России: 1918-1923. Берлин, 1923; *Malsagoff S.A.* An island Hell: a Soviet prison in the Far North. L., 1926; *Бессонов Ю.Д.* Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков. Париж, 1928 (в тот же год книга была издана в Париже на французском языке и в Лондоне на английском языке); *Зайцев И.М.* Соловки: коммунистическая каторга, или место пыток и смерти: из личных страданий, переживаний, наблюдений и впечатлений: в 2 ч. Шанхай, 1931; *Tchernavin V.V.* I speak for the silent. Boston, 1935; *Kitchin G.* Prisoner of the OGPU. N.Y., 1935; Red gaols. L., 1935; *Anzerova A.* Aus dem Lande der Stummen. Breslau, 1936; *Киселёв-Громов Н.И.* Лагери смерти в СССР. Шанхай, 1936; *Никонов-Сморodin M.З.* Красная каторга: записки соловчанина. София, 1938; и др. Наряду с искренними и порой весьма информативными публикациями, за рубежом издавались также откровенно пропагандистские работы, в которых многие факты сознательно искажались в антисоветских целях. См., например: *Greife H.* Zwangsarbeit in der Sowjetunion. Leipzig, 1936.
- ⁹ *Солоневич И.Л.* Указ. соч. С. 8.
- ¹⁰ *Панин Д.М.* Лубянка — Экибастуз: лагерные записки. М., 1990. С. 71.
- ¹¹ *Росси Ж.* Реальный социализм // Воля: журнал узников тоталитарных систем. М., 1994. № 2/3. С. 178.
- ¹² *Ширвиндт Е.Г.* Наше исправительно-трудовое законодательство. М., 1925; *Утевский Б.С.* Действующие распоряжения по местам заключения: системат. сб. с пояснениями. М., 1929; *Утевский Б.С.* Советская исправительно-трудовая политика. М., 1934 и др.
- ¹³ Реформа тюрем и перспективы исправительно-трудового дела в СССР. 1-е Всесоюзное совещание пенитенциарных деятелей. 15 — 21 октября 1928 г.: материалы. М., 1929; От тюрем к воспитательным учреждениям: сб. ст. / под ред. А.Я. Вышинского. М., 1934; и др.
- ¹⁴ *Герцензон А.Л.* Борьба с преступностью в РСФСР. М., 1928; *Утевский Б.С.* Как советская власть исправляет преступников. М., 1930; Классовая борьба и преступность на современном этапе / под ред. Б.С. Маньковского, В.С. Ундревича. Л., 1933; *Авербах И.Л.* От преступления к труду (опыт анализа и обобщения методики работ в области "перековки" в Дмитровском и других исправительно-трудовых лагерях) / под ред. А.Я. Вышинского. М., 1936; и др.
- ¹⁵ Шестой съезд Советов Союза ССР: стеногр. отчет. 8 марта — 17 марта 1931 г. Москва: бюл. № 1. М., 1931. С. 24.
- ¹⁶ Там же.

- ¹⁷ *Меньшагин В.А.* Труд в исправительно-трудовых учреждениях. М., 1932. С. 7-8.
- ¹⁸ *Утевский Б.С.* Советская исправительно-трудовая политика. С. 151.
- ¹⁹ От тюрем к воспитательным учреждениям: сб. статей / под общ. ред. А.Я. Вышинского. М, 1934. С. 10
- ²⁰ *Рыкачев Як.* Инженеры Беломорстроя. М, 1934. С. 5.
- ²¹ См., например: Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства. 1931 —1934 гг. / под ред. М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина. М., 1934; *Инсаров А.С.* Балтийско-Беломорский водный путь. М., 1934; *Фирин С.* Итоги Беломорстроя: доклад на президиуме Комакадемии. М., 1934; *Пруссак А.* Из истории Беломорканала // Вопр. истории. 1945. № 2. С. 138—144 и др.
- ²² История советской политической цензуры: док. и коммент. М., 1997. С. 284-286.
- ²³ К 20-летию ВЧК-ОГПУ-НКВД. М., 1937; 20 лет ВЧК-ОГПУ-НКВД. М, 1938.
- ²⁴ *Mora Sylvester, Zwierniak Pierre.* La Justice Sovietique. Magi-Spinetti Editeurs. Rome, 1945. 344 p. В русскоязычных зарубежных изданиях и в советских источниках эта книга фигурирует под разными названиями: "Справедливость Советов", "Советская юстиция", "Советская справедливость", "Советское правосудие".
- ²⁵ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 142. Л. 321-322.
- ²⁶ *Mora Sylvester, Zwierniak Pierre.* La Justice Sovietique... P. 126—127.
- ²⁷ *Dallin D.J. & Nicolaevsky B.I.* Forced labor in Soviet Russia. New Haven: Yale University Press, 1947.
- ²⁸ Обнаруженные после открытия архивов в 1990-х годах документы полностью опровергли эти статистические выкладки. Чтобы показать степень заблуждения авторов и ошибочность их расчетов, приведем архивные сведения о количестве заключенных в некоторых из названных авторами "лагерных кустов". Например, в Кулойлаге на 1 января 1940 г. содержалось 13 478 заключенных, в Устьвыском лагере — 10 928, в Карлаге — 31 691, в Сиблаге — 40 275, в Северо-Восточном ИТЛ ("Колыма") на 1 июля 1940 г. числилось 190 309 заключенных. Наиболее крупным "лагерным кустом", т.е. лагерным управлением, имевшим несколько лагерных отделений ("районов") и десятки лагерных пунктов ("лагерей"), был Байкало-Амурский ИТЛ (Бамлаг). В нем на 1 января 1938 г. насчитывалось 200 902 заключенных. К началу 1940-х годов на его основе был создан ряд менее крупных лагерных подразделений. См.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923-1960: справ. М., 1998.
- ²⁹ *Dallin D.J. & Nicolaevsky B.I.* Forced labour in Soviet Russia... P. 62.
- ³⁰ *Kravchenko V.A.* Ich wahlte die Freiheit. Hamburg. o.D. S. 104.
- ³¹ *Dallin David J.* Das wirkliche Sowjetrussland. Hamburg, 1948. S. 96.
- ³² National Archives. Washington, D.C. R.G. 319. Box 284. CSGID 383.5. Slave Labor in the Soviet Union. USSR 25 OCT. 1948. P. 1-4. Этот документ любезно предоставлен автору доктором исторических наук И.В. Быстровой.
- ³³ *Jasny N.* Labour and output in Soviet concentration camps // The Journal of Political Economy. 1951. V. 59, № 5. P. 405-419.

- ³⁴ *Swianiewicz S.* Forced labour and economic development: an Enquiry into the Experience of Soviet Industrialization. L., 1965. P. 31-32.
- ³⁵ *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1992. Кн. I-III. С. 533.
- ³⁶ См.: *Волин С.* ООН и рабский труд // Социал. вестн. Нью-Йорк. 1951. № 5. С. 99-101; В Социальном совете ООН // Голос народа. Мюнхен, 1951. № 6; *Bruegel Dr. J.W.* Die Internationale Gewerkschaftsbewegung. Europa-Archiv. 1952. № 2. S.4666 ff.
- ³⁷ АВП. Ф. 047. Оп. 5. Папка 30. Д. 48. Л. 3, 5, 16, 23, 38.
- ³⁸ См.: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1801. Л. 30-31.
- ³⁹ АВП. Ф. 047. Оп. 4 "б". Папка 22а. Д. 4. Л. 40, 43.
- ⁴⁰ См., например: *Sklavenarbeit in Russland.* American Federation of Labor, Exekutivausschuss, 1947. 192 s; *Slave Labor in Russia.* American Federation of Labor. 1949. 179 p.; *Stalin's Slave Camps. An Indictment of Modern Slavery,* International Confederation of Free Trade Unions. Brussels, 1951. 105 p.; и др.
- ⁴¹ См.: *Венгров П.* О подпольных организациях в советских концентрационных лагерях в 1946—1954 годах // Вестн. Института по изучению СССР. Мюнхен, 1957. С. 112—117; *Тихон.* Бунт заключенных // Социал. вестн. 1952. № 8. С. 148; *Забастовка в Норильске* // РИА. Франкфурт-на-Майне. 1954. № 41.
- ⁴² *ScholmerJ.* Arzt in Workuta. Bericht aus einem sowjetischen Straflager. Munchen, 1954. Воркуте посвящены и другие работы. См., например: *Незрелое П.* Все дороги ведут на Воркуту. Benson; Vermont, 1985.
- ⁴³ См., например: *Герлянд Б.* Записки из женского режимного лагеря // Социал. вестн. 1954. № 6/7; *Карде В.* Женщины на Колыме // Социал. вестн. 1952. № 9/10; *Ломакин В.* Десять лет в советских концлагерях // Воля. Мюнхен. 1952. № 7 -10. С. 30 - 38; *Ратмиров И.* 10 лет в советском концлагере // Воля. Мюнхен, 1952. № 2. С. 26 — 28; *Сорель Ж.* Бесчеловечная доля (Одиссея концентрационных лагерей) // Посев. 1950. № 47; *Власовцы в концлагерях* // Голос народа. 1951. № 28. С. 3; и др.
- ⁴⁴ Наиболее полно эмигрантская литература по проблеме репрессий и лагерей представлена в кн.: *Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках: аннот. указатель книг, журн. и газ. публ., изданных за рубежом в 1917-1991 гг.:* в 4 т. М., 2004. Т. 2.
- ⁴⁵ *Авторханов А.* Предисловие // *Яковлев Б.А.* Концентрационные лагеря СССР. L.; Ontario, 1983. С. 2-3.
- ⁴⁶ *Яковлев Б.А.* Указ. соч. С. 8.
- ⁴⁷ См.: *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М., 1996; *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1994; *Буллок А.* Гитлер и Сталин: жизнь и власть: сравнит. жизнеописание: в 2 т. Смоленск, 1994; *Черная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии.* М., 1999; *Котек Ж., Ригуло П.* Век лагерей: лишение свободы, концентрация, уничтожение: сто лет злодеяний. М., 2003; и др.
- ⁴⁸ *Rosefelde S.* An assessment of the sources and uses of GULAG Forced Labour 1929-56 // Soviet Studies. 1981. Vol. XXXIII, № 1. January. P. 51-87; *Wheatcroft S.G.* On Assessing the Size of Forced Concentration Camp Labour in the Soviet Union, 1929 — 1956 // Soviet Studies. 1981. Vol. XXXIII, № 2. April. P. 265-295; *Conquest R.* Forced

- Labour Statistics: Some Comments // *Soviet Studies*. 1982. Vol. XXXIV, № 3. July. P. 434 - 439; *Wheatcroft S.G.* Towards a Thorough Analysis of Soviet Forced Labour Statistics // *Soviet Studies*. 1983. Vol. XXXV, № 2. April. P. 223 — 237; *Rosefielde S.* Incriminating evidence: excess deaths and forced labour under Stalin: a final reply to critics // *Soviet Studies*. 1987. Vol. XXXIX, № 2. April. P. 292 - 313.
- ⁴⁹ *Данилов В.П.* Дискуссия в западной прессе о голоде 1932— 1933 гг. и "демографической катастрофе" 30 — 40-х годов в СССР // *Вопр. истории*. 1988. № 3. С. 121.
- ⁵⁰ См.: *Иванов-Разумник Р.В.* Тюремь и ссылки. Нью-Йорк, 1953. С. 94.
- ⁵¹ *Геллер М.Я.* Концентрационный мир и советская литература. М., 1996. С. 232.
- ⁵² *Шаламов В.* Из записных книжек // *Знамя*. 1995. № 6. С. 172.
- ⁵³ Там же. С. 146.
- ⁵⁴ *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. 1918 -1956. М., 1990. С. 8.
- ⁵⁵ См. об этом: *ДугинА.Н., Малыгин А.Я.* Солженицын, Рыбаков: технология лжи // *Воен.-ист. журн.* 1991. № 7. С. 65 — 73.
- ⁵⁶ *Ригуло П.* Французы в ГУЛАГе // *Воля: журнал узников тоталитарных систем*. 1994. № 2/3. С. 198 -199.
- ⁵⁷ Подписные тиражи центральных газет и журналов на 1990 г. // *Изв. ЦК КПСС*. 1989. № 12. С. 64.
- ⁵⁸ Об итогах подписки на 1990 г. // Там же. С. 65.
- ⁵⁹ *Покровский М.Н.* Избр. произв. М., 1967. Кн. 4. С. 555.
- ⁶⁰ См.: *Земсков В.Н.* "Архипелаг ГУЛАГ": глазами писателя и статистика // *Аргументы и факты*. 1989. № 45. С. 6 —7; *Некрасов В.Ф.* Десять "железных" наркомов // *Коме, правда*. 1989. 29 сент. С. 4; *ДугинА.Н.* ГУЛАГ: открывая архивы // *На боевом посту*. 1989. 27 дек. С. 3 — 4; *Он же.* ГУЛАГ: глазами историка // *Союз*. 1990. № 9; *Земсков В.Н., Нохотович Д.Н.* Статистика осужденных за контрреволюционные преступления в 1921 — 1953 гг. // *Аргументы и факты* 1990. № 5; *Дугин А.Н.* Сталинизм: легенды и факты // *Слово* 1990. № 7. С. 22 — 26; *Он же.* Говорят архивы: неизвестные страницы ГУЛАГа // *Социал. -полит. науки*. 1990. № 7. С. 90-101; *Земсков В.Н.* ГУЛАГ (ист.-социол. аспект) // *Социол. исслед.* 1991. № 6. С. 10-27; № 7. С. 3- 16 и др.
- ⁶¹ Обзор этих публикаций см.: *Vacon E.* Glasnost' and the Gulag: New Information on Soviet Forced Labour around World War II // *Soviet Studies*. 1992. Vol. 44, № 6. P. 1069-1086.
- ⁶² Цитата и цифры приводятся по: *Котек Ж., Ригуло П.* Указ. соч. С. 134.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ См.: *Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Киселев И.Н.* Полвека молчания: Всесоюзная перепись населения 1937 г. // *Социол. исслед.* 1990. № 8. С. 30 — 52; Всесоюзная перепись населения 1937 г.: крат. итоги. М., 1991; Всесоюзная перепись населения 1939 года: осн. итоги. М., 1992.
- ⁶⁵ См.: *Цаплин В.В.* Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // *Вопр. истории*. 1989. № 4. С. 175— 181; *ДугинА.Н.* Неизвестные документы о репрессиях 30 — 50-х годов (по фондам ЦГАОР) // *Административно-командная система управления: проблемы и факты: межвуз. сб. науч. работ*. М., 1992. С. 69 — 87; *Понов В.П.* Государственный террор

- в Советской России. 1923—1953 гг. (источники и их интерпретация) // *Отечеств*, архивы. 1992. № 2. С. 20-31; *Земсков В.Н.* Политические репрессии в СССР (1917-1990 гг.) // *Россия XXI*. 1994. №1/2. С. 107-124 и др.
- ⁶⁶ См.: *Гудков Л.* Массовая идентичность и институциональное насилие. Статья первая: Партикуляризм и вытеснения прошлого // *Вестн. обществ. мнения: Данные. Анализ. Дискуссии*. 2003. № 1. С. 36.
- ⁶⁷ См.: Там же.
- ⁶⁸ *Кузьмин Ст.* Лагерники (ГУЛАГ без ретуши) // *Молодая гвардия*. 1993. № 3, 4, 5/6.
- ⁶⁹ См.: *Кузьмин Ст.* Указ. соч. № 3. С. 144, 146.
- ⁷⁰ СИ. Кузьмин — автор главы "Органы исполнения наказания" в кн. "Органы и войска МВД России: кратк. ист. очерк" (М., 1996. С. 339-396).
- ⁷¹ *Смыкалин А.С.* Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург, 1997. С. 23-24.
- ⁷² См.: *ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918-1960*. М., 2000. С. 418, 438.
- ⁷³ *Соуса М.* ГУЛАГ: архивы против лжи. М., 2001. С. 7, И.
- ⁷⁴ *Жижек С.* 13 опытов о Ленине М., 2003. С. 53.
- ⁷⁵ Там же. С. 130.
- ⁷⁶ См.: *Гиляров Е.М., Михайличенко А.В.* Становление и развитие ИТУ советского государства (1917—1925). Домодедово, 1990; *Ивашов Л., Емелин А.* ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны // *Воен.-ист. журн.* 1991. № 1. С. 14 — 24; *Детков М.Г.* Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917 — 1930 годов: монография / *Респ. ин-т повышения квалификации работников МВД России*. М., 1992; *Детков М.Г.* Содержание карательной политики Советского государства и ее реализация при исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы в тридцатые — пятидесятые годы: монография / *Респ. ин-т повышения квалификации работников МВД России*. Домодедово, 1992.
- ⁷⁷ См.: *Стецовский Ю.И.* История советских репрессий: в 2 т. М., 1997; *Кудрявцев В.Н., Трусов АМ.* Политическая юстиция в СССР. М., 2000.
- ⁷⁸ См.: *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине / пер. с англ. М., 1998.
- ⁷⁹ См.: *Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г.* Распятые революцией: Российские и советские прокуроры. XX век. 1922—1936 гг. М., 1998; *Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г.* Приговоренные временем: российские и советские прокуроры. XX век. 1937 - 1953 гг. М., 2001.
- ⁸⁰ См.: *Хлевнюк О.В.* Принудительный труд в экономике СССР. 1929-1941 гг. // *Свободная мысль*. 1992. № 13. С. 73-84; *Эбеджанс С.Г., Важнов М.Я.* Производственный феномен ГУЛАГа // *Вопр. истории*. 1994. № 6. С. 188—190; *Попков С.А.* Лагерная система и принудительный труд в Сибири и на Дальнем Востоке в 1929 — 1941 гг. // *Возвращение памяти: ист.-арх. альманах*. Новосибирск, 1997. Вып. 3. С. 37-68; *Хлусов М.И.* Система ГУЛАГа как эле-

- мент власти // Власть и общество в СССР: политика репрессий (20-40-е гг.): сб. ст. М., 1999. С. 192-215; *Кравери М., Хлевнюк О.* Кризис экономики МВД (конец 1940-х — 1950-е годы) // *Cahiers du Monde russe, XXXVI (1-2).* 1995. Janvier-juin. P. 179-190; ГУЛАГ: экономика принудительного труда. М., 2005.
- ⁸¹ Подробнее см.: *Хлевнюк О.В.* Экономика ОГПУ-НКВД-МВД СССР в 1930 — 1950-е годы XX в.: проблемы и источники // *Ист. зап.* М., 2002. Вып. 5.
- ⁸² См.: *Медведев Ж.* Атомный ГУЛАГ // *Поиск.* 1994. № 33/34. С. 6; *Он же.* Сталин и атомный ГУЛАГ // *Медведев Ж.А., Медведев Р.А.* Неизвестный Сталин. М., 2001; *Медведев Ж.А.* Атомный ГУЛАГ // *Вопр. истории.* 2001. № 1. С. 44-59.
- ⁸³ *Лельчук В.С., Пивовар ЕМ.* Конфронтация двух систем и менталитет советского общества // СССР и холодная война. М., 1995. С. 28.
- ⁸⁴ См.: *Кириллов В.М.* История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала 1920-1950 годы. Нижний Тагил, 1996; Т. 1: Репрессии 1920— 1930 гг. / отв. ред. Т.И. Славко; *Он же.* История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала 1920— 1950 годы. Нижний Тагил, 1996. Т. 2: Тагиллаг 1940-е — нач. 50-х гг./ отв. ред. Т.И. Славко; История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917 — 1980-е годы): сб. ст. участников научной конференции "История репрессий на Урале", 10 — 12 ноября / отв. ред. В.М. Кириллов. Нижний Тагил, 1997; *Harris. James R.* The Growth of the Gulag: Forced Labor in the Urals Region, 1921-1931 // *The Russian Review.* 1997. Vol. 56, № 2. April. P. 265-280.
- ⁸⁵ См.: *ГвоздковаЛ.И.* Принудительный труд: исправительно-трудовые лагеря в Кузбассе (30 — 50-е гг.) Кемерово, 1994; *Она же.* Сталинские лагеря на территории Кузбасса (30 —40-е годы). Кемерово, 1994; *Она же.* История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. Кемерово, 1997.
- ⁸⁶ *Полещиков В.М.* За семью печатями. Из архива КГБ. Сыктывкар, 1995; *Морозов Н.А.* ГУЛАГ в Коми крае. 1929-1956. Сыктывкар, 1997; *Максимова Л.А.* Лагеря и индустриальное освоение Севера (на примере республики Коми) // *Вестн. Сыктывкар, ун-та.* 1997. Сер. 8. Вып. 2. С. 70 — 80; Покаяние: Мартиролог. История массовых политических репрессий на территории Коми края в 20 — 50-е годы XX века. Сыктывкар, 1998. Т. 1 / сост. Г.В. Невский.
- ⁸⁷ См.: Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920—1950-е годы: материалы первой Дальневосточной науч.-практ. конф.: сб. / отв. ред. А.П. Деревянко. Владивосток, 1997; *Бацаев И.Д.* Колымская гряда Архипелага ГУЛАГ (заключенные) // Исторические аспекты Северо-Востока России: экономика, образование, колымский ГУЛАГ. Магадан, 1996. С. 46-72.
- ⁸⁸ См.: *Канева А.Н.* Ухтпечлаг. 1929—1938 // *Звенья: ист. альманах.* М., 1991. Вып. 1.С. 331—354; *Печальная пристань / сост. И.Л. Кузнецов.* Сыктывкар, 1991; *Маркова Е.В., Волков В.А., Родный А.Н., Ясный В.К.* Ученые — узники Печорских лагерей ГУЛАГа // *Новая и новейшая история.* 1998. № 1. С. 19 — 45; *Маркова Е.В., Волков В.А., Родный А.Н., Ясный В.К.* Гулаговские тайны освоения Севера. М., 2001.

- ⁸⁹ См.: *Еланцева О.П.* Обреченная дорога. БАМ (1932—1941). Владивосток, 1994; *Она же.* Строительство № 500 НКВД СССР: железная дорога Комсомольск—Советская Гавань (1930—1940 гг.). Владивосток, 1995.
- ⁹⁰ См.: *Добровольский А.* "Мертвая дорога" // Отечество. М., 1994. Вып. 5. С. 193-210; *Стройка № 503 (1947-1953 гг.).* Документы. Материалы. Исследования. Красноярск, 2000. Вып. 1.
- ⁹¹ См.: *Николаев К.Б.* К вопросу изучения истории Дальстроя // Исторические аспекты Северо-Востока России... С. 29 — 46; *Широков А.И.* Дальстрой: предыстория и первое десятилетие. Магадан, 2000; *Зеляк В.Г.* Пять металлов Дальстроя. Магадан, 2004.
- ⁹² См., например: *Мишин В.А.* Кулойский ИТЛ НКВД (1937 -1960 гг.) // Поморский летописец: альманах. Архангельск, 2002. Вып. 1.
- ⁹³ См.: *Кузьмина М.А.* Строительство № 15: нефтепровод. Комсомольск-на-Амуре, 2000; *Она же.* "Я помню тот Ванинский порт..." Комсомольск-на-Амуре, 2001; *Она же.* Последний вагон на Север. Комсомольск-на-Амуре, 2001.
- ⁹⁴ См.: *Кузьмина М.А.* "Я помню тот Ванинский порт..." С. 16—17, 121.
- ⁹⁵ См.: *Бердинских В.* Вятлаг. Киров, 1998. С. 185-188.
- ⁹⁶ См.: ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918-1960. М., 2000. С. 814.
- ⁹⁷ См.: *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД, 1934-1941: справ. М., 1999; *Лубянка. ВЧК-ОПТУ-НКВД-НКГБ-МВД —КГБ. 1917—1960. справочник / сост., введение и примеч. А.И. Кокурина, Н.В. Петрова. М., 1997; Кокурин А.И., Петров Н.В.* НКВД—МВД—МГБ: структура, функции, кадры // Свободная мысль. 1997. № 6-9, 11, 12; 1998. № 1, 2, 4; *Кокурин А.М., Морюков Ю.Н., Петров Н.В.* ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль. 1999. №8,9, И, 12; 2000. № 1 -3,5-12; 2001. № 1,3-7,9-12.
- ⁹⁸ См.: *Горчева А.Ю.* Будни "великих строек" // Лит. Россия. 1991. № 13. 29 марта. С. 26 — 27. *Она же.* "Не подлежит распространению..." // Сов. библиография. 1991. № 5. С. 56-79; *Она же.* Пресса ГУЛАГа (1918-1955). М., 1996.
- ⁹⁹ См.: *Нахапетов Б.А.* К истории санитарной службы ГУЛАГа // Вопр. истории. 2001. № 6. С.126 - 136.
- ¹⁰⁰ См., например: *Дугин А.* Восставший ГУЛАГ (о массовом неповиновении заключенных в Особом горном лагере МВД СССР в 1953 г.) // Криминал. 1991. № 2. С. 193 — 203; *Макарова А.* Норильское восстание // Воля: журнал узников тоталитарных систем. М., 1993. № 1. С. 68-108 и др.
- ¹⁰¹ *Wheatcroft S.* The Scale and Nature of German and Soviet Repression and Mass Killings, 1930 - 45 // Europe-Asia Studies. 1996. Vol. 48, N 8. P. 1319-1353.
- ¹⁰² *Bacon Ed.* The Gulag at War: Stalin's Forced Labour System in the Light of the Archives. New York: New York University Press, 1994.
- ¹⁰³ *Stettner R.* "Archipel GULag": Stalins Zwangslager — Terrorinstrument und Wirtschaftsgigant: Entstehung, Organisation und Funktion des sowjetischen Lagersystems 1928—1956. Paderborn: Ferdinand Schoningh, 1996.
- ¹⁰⁴ *Applebaum A.* Der Gulag. Berlin, 2003.

- ¹⁰⁵ Stark M. *Frauen im Gulag: Alltag und Iberleben, 1936 bis 1956*. Munchen, 2003.
- ¹⁰⁶ См.: Узницы АЛЖИРа. М., 2003.
- ¹⁰⁷ См.: История сталинского Гулага: конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: собр. док.: в 7 т. М., 2004. Т. 1: Массовые репрессии в СССР; М., 2004. Т. 2: Карательная система: структура и кадры; М., 2004. Т. 3: Экономика Гулага; М., 2004. Т. 4: Население Гулага: численность и условия содержания; М., 2004. Т. 5: Спецпереселенцы в СССР. М., 2004. Т. 6: Восстания, бунты и забастовки заключенных; М., 2005. Т. 7: Советская репрессивно-карательная политика и пенитенциарная система в материалах Государственного архива Российской Федерации: аннот. указ. дел.
- ¹⁰⁸ Рос. газ. 1992. 27 июня.
- ¹⁰⁹ См., например: Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993; Реабилитация народов и граждан. 1954—1994 годы: док. М., 1994; ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918-1960. М., 2000; Сборник документов по истории уголовного законодательства СССРиРСФСР (1953-1991 гг.). Казань, 1992. Ч. 1: Законодательство СССР; Казань, 1995. Ч. 2: Законодательство РСФСР; Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) "Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия" от 17 ноября 1938 г. // Ист. архив. 1992. № 1. С. 125-128 и др.
- ¹¹⁰ См.: Андреев *В.Н.* Содержание под стражей в СССР и России (порядок и условия). М., 2000.
- ¹¹¹ *Шаламов В.* Из записных книжек // Знамя. 1995. № 6. С. 172.
- ¹¹² См.: Архив новейшей истории России. М., 1994. Т. I: "Особая папка" И.В. Сталина: из материалов Секретариата НКВД—МВД СССР 1944-1953 гг.: каталог док.; М., 1994. Т. II: "Особая папка" В.М. Молотова: из материалов Секретариата НКВД—МВД СССР 1944-1956 гг.: каталог док.; М., 1995. Т. III: "Особая папка" Н.С. Хрущёва (1954-1956 гг.). Переписка МВД СССР с ЦК КПСС (1957-1959 гг.): из материалов Секретариата МВД СССР. 1954-1959 гг.: каталог док.; М., 1996. Т. IV: "Особая папка" Л.П. Берии: из материалов Секретариата НКВД—МВД СССР 1946 — 1949 гг.: каталог док.
- ¹¹³ Подробный обзор этого издания см.: *Иванова Г.М.* ГУЛАГ языком документов // Новая и новейшая история. 2001. № 4. С. 149—154.
- ¹¹⁴ См.: Архивы Кремля и Старой площади: справочник по документам, представленным в Конституционный суд Российской Федерации по "делу КПСС" // Арх.-информ. бюл.: прилож. к журн. "Ист. арх." 1993. № 1/2. Вып. 1; № 3. Вып. 2; № 4. Вып. 2; 1994. № 5. Вып. 3; № 6. Вып. 3.
- ¹¹⁵ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 543. Л. 239.
- ¹¹⁶ *Бердинских В.* Указ. соч. С. 8.
- ¹¹⁷ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923-1960: справ. М., 1998. С. 90.
- ¹¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 71. Л. 25.
- ¹¹⁹ *Антонов-Овсенко А.* Адвокаты ГУЛАГа // Труд-7. 1999. 28 мая. С. 10.

- ¹²⁰ См.: *Кокурин А.И., Моруков Ю.Н.* ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль - XXI. 2000. № 8. С. 127.
- ¹²¹ См., например, воспоминания, включенные в кн.: *Dallin D.J. & Nicolaevsky B.I.* Forced labour in Soviet Russia. New Haven, 1947; *ScholmerJ.* Arzt in Workuta. Bericht aus einem sowjetischen Straflager. Mynchen, 1954; *Марголин Ю.И.* Путешествие в страну Зе-Ка. Нью-Йорк, 1952; и др.
- ¹²² *Кресс Верной (Демант П.З.)* Зекамерон XX века. М., 1992.
- ¹²³ См.: *Щербакова И.* Хранилище реальной истории: "Круглый стол": мемуары на сломе эпох // Вопр. лит-ры. 2000. № 1. С. 33 — 34.
- ¹²⁴ *Шаламов В.* В редакцию "Литературной газеты" // Лит. газ. 1972. № 8. 23 февр. С. 9.
- ¹²⁵ См.: *Волков О.В.* Погружение во тьму. М., 1989; *Дворжецкий В.Я.* Пути больших этапов: записки актера. М; Нижний Новгород, 1994; *Жжённов Г.С.* Саночки: рассказы и повесть / предисл. Л. Филатова. М., 1997; *Лихачев Д.С.* Статьи ранних лет: Тверь, 1993; и др.
- ¹²⁶ См.: *Гинзбург Е.С.* Крутой маршрут: хроника времен культа личности. М., 1991.
- ¹²⁷ См.: Доднесь тяготееет. М., 1989. Вып. 1: Записки вашей современницы; Озерлаг: как это было. Иркутск, 1992. Анализ женских воспоминаний см.: *Шаповалова В.* Женские лагерные мемуары: лагерь как образ жизни // Социальная история: ежегодник: женская и тендерная история. М., 2003. С. 464 — 487.
- ¹²⁸ См.: Московское историко-литературное общество "Возвращение": каталог-проспект. М., 1997; Библиографический указатель изданий общества "Мемориал" (1988—1995). М., 1995; Поживши в ГУЛАГе: сб. восп. / сост. А.И. Солженицын. М., 2001.
- ¹²⁹ См.: *Кораллов М.* Следуя алфавиту... "Круглый стол": мемуары на сломе эпох // Вопр. лит-ры. 2000. № 1. С. 19-32.
- ¹³⁰ Там же. С. 27, 32.
- ¹³¹ См., например: *Соболев В.К.* Письма с Колымы. М., 2000.
- ¹³² См.: Советское руководство, переписка. 1928—1941 гг. М., 1999; Сталин и Каганович: переписка. 1931 —1936 гг. М., 2001.

Глава вторая

НОРМАТИВНАЯ БАЗА ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

Сущность юридического понятия "политические репрессии" впервые определил Закон Российской Федерации "О реабилитации жертв политических репрессий". Этот уникальный, не имеющий аналогов в истории права закон был принят 18 октября 1991 г. Статья 1 Закона о реабилитации устанавливала: "Политическими репрессиями признаются различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам, в виде лишения жизни или свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения, выдворения из страны и лишения гражданства, выселения групп населения из мест проживания, направления в ссылку, высылку и на спецпоселение, привлечения к принудительному труду в условиях ограничения свободы, а также иное лишение или ограничение прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, осуществлявшееся по решениям судов и других органов, наделявшихся судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами"¹.

С первых дней советской власти в недрах государственной системы начал оформляться метафорический список "врагов народа". На основании нормативных актов в него включались как отдельные лица, так и определенные группы населения, представлявшие по той или иной причине опасность для нового строя. Неуклонно расширяющийся список включал: "хищников, мародеров, спекулянтов", "чиновников, саботирующих работу", членов партии кадетов, корниловцев, калединцев, правых социалистов-революционеров, меньшевиков и много других групп и лиц, оппозиционных большевистскому режиму.

Летом 1918 г. репрессии по политическим мотивам стали массовым явлением, превратившись в откровенный террор. Многие современники считали проявление красного терро-

ра не столько признаком силы, сколько слабости и страха. Отчасти они были правы. Действительно, чем неустойчивее и ненадежнее было положение большевиков, тем беспощаднее они относились к своим врагам. Однако дело заключалось не только в неблагоприятной политической или военной конъюнктуре, революционный террор имел солидную теоретическую базу. "Когда нас упрекают в жестокости, — говорил Ленин, обращаясь к чекистам, — мы недоумеваем, как люди забывают элементарнейший марксизм"². Большевики воспринимали политический террор как нечто естественное, имманентно присущее каждой революции. "Террор вытекает из природы революции, — писал Л.Д. Троцкий, — цель (социализм) при известных условиях его оправдывает. Кто отказывается принципиально от терроризма, т.е. от мер подавления и устрашения по отношению к ожесточенной и вооруженной контрреволюции, тот должен отказаться от революционной диктатуры... и ставит крест на социализме"³. Все директивы большевистского руководства основаны на их внутреннем убеждении, что "устрашение есть могущественное средство политики". Расправиться с врагом так, "чтобы все *на годы* запомнили"⁴, — вот лейтмотив многих ленинских указаний в отношении политических противников.

Официальный нормативный акт о красном терроре был принят 5 сентября 1918 г. Заслушав доклад Дзержинского о деятельности ВЧК, Совнарком пришел к выводу, что "необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях, что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам"⁵. Этот правительственный акт, опубликованный в "Известиях ВЦИК" только 10 сентября 1918 г., когда террор уже принял массовый характер, давал "законное" основание для репрессий против неопределенно широкого круга лиц. В категорию "классовых врагов" мог попасть в силу происхождения, профессии, партийной принадлежности, родственных связей и т.п. практически любой человек.

Террористическая деятельность ВЧК направлялась не только и не столько правительственными постановлениями, сколько секретными директивами собственного ведомства. Приказ ВЧК о красном терроре, принятый 2 сентября 1918 г., т.е. за три дня до официального постановления СНК, предписывал в одних случаях арестовать, а в других расстрелять целый ряд различных категорий граждан, среди кото-

рых были и лидеры оппозиционных партий, и заложники, и бывшие исправники, и даже провинившиеся рабочие⁶.

По данным бюро печати НКВД, только в сентябре 1918 г. (по *учтенным* приговорам) было расстреляно 2732 человека, из них по политическим мотивам — 2621, в том числе 733 заложника⁷. Вопрос об общем количестве жертв красного террора до настоящего времени остается открытым. В средствах массовой информации, научной и даже учебной литературе часто называется число 1,7 млн человек. Такое количество жертв (точнее: 1 766 118 человек) выявила в конце 1919 г. комиссия Деникина, созданная с целью определить численность лиц, убитых в 1918—1919 гг. в ходе красного террора. Современные исследователи считают, что названное число жертв красного террора "не имеет никаких научных оснований", что "установить точные цифры погибших в ходе красного или белого террора не представляется возможным"⁸. Об этом же писал еще в 1923 г. С.П. Мельгунов. Посвятив выяснению вопроса о численности жертв десятки страниц в книге "Красный террор в России: 1918—1923", историк пришел к выводу: «Кровавая статистика, в сущности, пока не поддается учету, да и вряд ли когда-нибудь будет исчислена. Когда публикуется, может быть, лишь одна сотая расстрелянных, когда смертная казнь творится в тайниках казематов, когда гибель человека подчас не оставляет никакого следа — нет возможности и историку в будущем восстановить подлинную картину действительности (...) История будет всегда стоять до некоторой степени перед закрытыми дверями в царство статистики "красного террора". Имена и число его жертв мы не узнаем»⁹.

Заявления партийных лидеров, в том числе и Ленина, о том, что насилие в форме террора *навязано* большевикам контрреволюционными силами и является временным методом борьбы, были не более чем партийной пропагандой и не соответствовали действительности. Взгляд на террор, репрессии, принуждение как на максимально эффективные средства решения многих политических и даже экономических задач нашел отражение и в сфере законодательства, в частности, при выработке в 1922 г. первых советских кодексов.

Разработкой нового гражданского и уголовного законодательства занимался Наркомат юстиции. Задачи этого комиссариата в условиях новой экономической политики глава советского правительства определял следующим образом: «Усиление репрессии против политических врагов

Соввласти и агентов буржуазии... проведение этой репрессии ревтрибуналами и нарсудами в наиболее быстром и *революционно-целесообразном* порядке; обязательная постановка ряда *образовых*... процессов... воздействие на нарсудей и членов ревтрибуналов через партию в смысле улучшения деятельности судов и усиления репрессии..." Ленин указывал наркому юстиции Д.И. Курскому, что долг НКЮ «перетряхнуть нарсуды и научить их *карать беспощадно, вплоть до расстрела, и быстро (...)* карать не позорно-глупым, "коммунистически-тупоумным" штрафом в 100 — 200 миллионов, а *расстрелом...*»¹⁰ Цитируемое здесь когда-то чрезвычайно секретное письмо Ленина, направленное 20 февраля 1922 г. Курскому в связи с подготовкой первого Гражданского кодекса РСФСР, определяло *стратегию* правового регулирования новых хозяйственных правоотношений. Ставка в этой стратегии, как видим, делалась исключительно на усиление репрессии, причем репрессии политического толка.

Еще большую непримиримость и беспощадность к политическим противникам Ленин проявил при знакомстве с проектом первого российского уголовного кодекса. В записке Курскому от 15 мая 1922 г. он рекомендовал "расширить применение расстрела" за контрреволюционные посяательства на советскую власть и предложил добавить к шести статьям, предусматривавшим применение высшей меры наказания, еще *шесть* других. В их числе были статьи об агитации и пропаганде, о самовольном возвращении из-за границы, об ответственности за действия против революционного движения при царском строе и др.¹¹

Через день, 17 мая, Ленин направил наркому юстиции набросок дополнительного параграфа уголовного кодекса. Основную мысль своего дополнения председатель Совнаркома сформулировал следующим образом: "Открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически-узкое) положение, мотивирующее *суть* и *оправдание* террора, его необходимость, его пределы"¹².

Далее Ленин разъяснял: "Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас. Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широкого". В предложенном дополнении говорилось, что "пропаганда, или агитация, или участие в

организации, или содействие организациям", способные объективно оказать помощь международной буржуазии, должны караться "высшей мерой наказания, с заменой, в случае смягчающих вину обстоятельств, лишением свободы или высылкой за границу"¹³.

Нетрудно разглядеть в ленинском дополнении основу будущей печально известной статьи 58¹⁰ (антисоветская агитация и пропаганда), по которой были осуждены сотни тысяч людей. Активно использовали разработчики статей о контрреволюционных преступлениях и ленинские рекомендации "формулировать как можно шире".

Уголовный кодекс РСФСР вступил в действие 1 июня 1922 г. Это был первый кодифицированный уголовно-правовой акт, содержащий юридические формулировки контрреволюционных преступлений. Глава I "Государственные преступления" открывала Особенную часть УК РСФСР и содержала два раздела: "О контрреволюционных преступлениях" (статьи с 57 по 73) и "О преступлениях против порядка управления" (статьи с 74 по 104). В 57-й статье в пропагандистском духе (автором части формулировки был Ленин) давалось общее определение контрреволюционного преступления, под которым понималось всякое действие, направленное на свержение советской власти. Другие статьи первого раздела описывали признаки 16 конкретных составов контрреволюционных преступлений. Вопреки требованию Ленина, статья об антисоветской пропаганде и агитации (ст. 69) предусматривала расстрел только при чрезвычайных обстоятельствах, в обычных же условиях это преступление каралось лишением свободы на срок не ниже трех лет со строгой изоляцией. Участие в любых контрреволюционных организациях (ст. 60 — 63), в соответствии с требованием Ленина, каралось расстрелом, а при смягчающих обстоятельствах — лишением свободы.

Новый УК повышал предел наказания лишением свободы до 10 лет. Ранее, по декрету СНК РСФСР от 21 марта 1921 г., максимальный срок лишения свободы не мог превышать 5 лет¹⁴.

Высшая мера наказания (расстрел) применялась только по делам, находящимся в производстве революционных трибуналов. По новому Уголовно-процессуальному кодексу (УПК РСФСР), вступившему в силу 1 августа 1922 г., все дела о контрреволюционных преступлениях, а также дела о правонарушениях религиозного характера

(по ст. 119 УК РСФСР), подлежали исключительному ведению революционных трибуналов.

Кодификация уголовного права не устранила применения репрессий в административном порядке. 10 августа 1922 г. ВЦИК постановил: "В целях изоляции лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям... в тех случаях, когда имеется возможность не прибегать к аресту, установить высылку за границу или в определенные местности РСФСР в административном порядке"¹⁵. На основании этого документа была осуществлена насильственная высылка за границу и в северные районы страны многих выдающихся российских ученых и деятелей культуры, чьи взгляды и мировоззрение расходились с большевистской идеологией.

В специальной инструкции НКВД от 3 января 1923 г. указывалось: "Административная высылка применяется к лицам, пребывание коих в данной местности (и в пределах РСФСР) представляется по их деятельности, прошлому, связи с преступной средой, с точки зрения охраны революционного порядка, опасным"¹⁶. Речь не шла о лицах, совершивших какое-либо преступление, это было наказание *без вины*. Самовольное возвращение в РСФСР высланного за границу каралось по суду расстрелом. Инструкция предусматривала три вида административной высылки: из данной местности с воспрещением проживания в других определенных пунктах РСФСР, из данной местности в определенный район РСФСР, высылка за границу. В советской карательной практике наиболее часто применялся второй вид высылки, представлявший, по сути, ссылку. За годы советской власти этому виду наказания по суду и в административном порядке подвергались не только отдельные граждане и социальные группы, но и целые народы. По подсчетам российского ученого П.М. Поляна, насильственному переселению в пределах СССР с 1920 по 1952 г. подверглись 6 015 000 человек¹⁷. Историк А.В. Сулов придерживается мнения, что до начала войны число жертв депортаций составляло более 3,5 млн человек, а в 1941 — 1948 гг. на спецпоселение было отправлено еще около 3,5 млн человек¹⁸.

Законодательство о контрреволюционных преступлениях не оставалось неизменным. Вносимые поправки и дополнения использовали, как правило, расплывчатую терминологию, неопределенные формулировки, расширяли круг лиц, подлежащих юридической ответственности, усиливали санкции. Суть этих законодательных трансформаций хорошо видна на примере изменений и дополнений, которые

ВЦИК внес 10 июля 1923 г. в ст. 57 УК РСФСР. В первоначальной редакции этой статьи говорилось, что контрреволюционным признается действие, направленное на *свержение* советской власти. В новой редакции речь шла уже о том, что "контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению" советской власти. Такая формулировка существенно расширяла ответственность, а юридически неопределенные термины "*подрыв*" и "*ослабление*" позволяли толковать их совершенно произвольно. Кроме того, ст. 51 была дополнена второй частью: "Контрреволюционным признается также и такое действие, которое, не будучи непосредственно направлено на достижение вышеуказанных целей, тем не менее, заведомо для совершившего деяние, содержит в себе покушение на основные политические или хозяйственные завоевания пролетарской революции"¹⁹. Это дополнение позволяло признавать многие хозяйственные и должностные преступления контрреволюционными, хотя совершившие их лица никогда не имели прямых намерений ни свергнуть, ни подорвать, ни ослабить советскую власть.

31 октября 1924 г. ЦИК СССР принял "Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик"²⁰, в соответствии с которыми строилось все последующее советское уголовное законодательство вплоть до конца 1958 г. "Основные начала" различали две категории преступлений: "а) направленные против основ советского строя, установленного в Союзе ССР волею рабочих и крестьян, и потому признаваемые наиболее опасными; б) все остальные преступления". За первые преступления в законе определялся предел, ниже которого суд не мог назначить меру наказания, по всем остальным преступлениям в законе определялся лишь высший предел. Вполне понятно, что политические преступления относились к числу первых, в качестве высшей меры наказания за них мог назначаться расстрел.

По поводу целей наказаний в документе говорилось: "Задач возмездия или кары уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик себе не ставит. Все меры социальной защиты должны быть целесообразны и не должны иметь целью причинение физического страдания и унижения человеческого достоинства"²¹. Это положение Закона было не более чем правовой демагогией, но именно на него ссылались в своих жалобах осужденные, когда писали в высшие судебные инстанции о невероятных физических страданиях и унижениях человеческого достоинства,

которым они *целенаправленно* подвергались в местах лишения свободы.

С 1 января 1927 г. вводился в действие Уголовный кодекс РСФСР в новой редакции 1926 г. Контрреволюционные преступления, определенные в статьях 58¹ — 58¹⁸, были выделены в отдельную главу. Текст статей претерпел лишь небольшие редакционные изменения. Кроме того, в эту главу перешла из главы "О нарушении правил об отделении церкви от государства" бывшая статья 119 об использовании религиозных предрассудков в целях свержения советской власти, ставшая статьей 58¹⁴.

25 февраля 1927 г. ЦИК СССР утвердил для включения в кодексы союзных республик "Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления)"²². Первый раздел "О преступлениях контрреволюционных" содержал статьи с 1 по 14. Положение сохраняло с небольшими изменениями общее определение контрреволюционного преступления (ст. 1) и описание его конкретных составов (ст. 2—14). В отдельную статью выделялось оказание помощи международной буржуазии (ст. 4), более широко формулировались статьи о пропаганде и агитации (ст. 10), контрреволюционном саботаже (ст. 14); добавился состав недонесение о контрреволюционном преступлении (ст. 12).

Названное Положение вошло в уголовные кодексы всех союзных республик и действовало с изменениями и дополнениями до конца 1958 г. Этот документ имел основополагающий характер, являлся юридической базой для применения политических репрессий.

В УК РСФСР соответствующие изменения были внесены 6 июня 1927 г. В действие вводилась глава I "Преступления государственных", которая подразделялась на две части: контрреволюционные преступления (ст. 58¹ — 58¹⁴) и особо для Союза ССР опасные преступления против порядка управления (ст. 59¹ — 59¹³). Четырнадцать пунктов ст. 58 соответствовали статьям Положения о преступлениях государственных. В дальнейшем их число не менялось. В уголовных кодексах союзных республик соответствующие статьи имели другую нумерацию, но их содержание и применение везде было одинаковым.

Политический режим 1920-х годов обусловил появление таких неологизмов, которые вряд ли могли бы появиться в демократическом обществе, например: лишенцы,

невозвращенцы и др. Новое слово "лишенцы" стало обозначать людей, лишенных советской властью избирательных прав. Нормативной базой для ограничения политических прав части населения служила сначала Конституция РСФСР 1918 г. (ст. 65), затем Конституция РСФСР 1925 г. (ст. 69). В ноябре 1926 г. ВЦИК утвердил "Инструкцию о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов", которая на основании классовых и социальных признаков существенно расширяла круг лиц, лишенных избирательных прав. В 1927 г. в СССР в сельской местности было 3,6% "лишенцев", в городах — 7,7%, в 1929 г. избирательных прав лишили еще большее число граждан: на селе процент "лишенцев" увеличился до 4,1, в городах — до 8,6²³. Лишение избирательных прав влекло за собой (особенно в конце 1920-х годов) значительное ухудшение материального положения "лишенцев". Как правило, как только человек оказывался в списках "лишенцев", его увольняли с работы, исключали из профсоюза, могли выселить его семью, повышали налоги, а в 1930-е годы лишали продуктовых карточек, автоматически поражали в правах членов его семьи, исключали детей из школ и вузов. «Вместе с тем, — считает историк М. Саламатова, — большинство "лишенцев" ни по происхождению, ни по социальному положению не принадлежали к "эксплуаторским классам". В принципе, они не были и политическими противниками большевиков (лишь незначительная часть принадлежала к оппозиционным партиям), и, следовательно, в огромном большинстве не могли считаться "врагами" советской власти»²⁴.

Как правило, не считали себя врагами и те, кто, попав за границу по служебным делам, отказался вернуться в СССР. С проблемой "невозвращенцев" социалистическая Родина столкнулась уже в начале 1920-х годов. 11 мая 1922 г. по учреждениям Народного комиссариата иностранных дел был разослан циркуляр за подписью наркома Г.В. Чичерина. В нем говорилось, что ввиду повторяющихся случаев "самовольного ухода" служащих из заграничных органов НКВД и выхода их без разрешения из российского гражданства, разъяснить им, что эти "нарушения лояльности" по отношению к РСФСР вызовут репрессии по отношению к их семьям и ближайшим родственникам, находящимся на территории РСФСР. Содержание этого циркуляра объявлялось служащим под расписку²⁵.

На протяжении всех лет существования СССР руководство страны так и не смогло примириться с мыслью, что кто-

то мог сознательно предпочесть капиталистический строй социалистическому и добровольно покинуть советское государство. "Невозвращенцы" были весьма нежелательным политическим явлением, которое хотя и не носило массового характера, но заметно подрывало репутацию "первого в мире государства рабочих и крестьян". Серьезную озабоченность по этому поводу высказал на XVI съезде ВКП(б) Г.К. Орджоникидзе. Он привел в своем докладе следующие цифры: в 1926 г. торговый аппарат СССР за границей имел 38 невозвращенцев, в 1927 г. - 26, в 1928 г. - 32, в 1929 г. - 65, в течение первого полугодия 1930 г. из-за границы не вернулись 43 человека²⁶. Это позволило Орджоникидзе охарактеризовать торговый заграничный аппарат как "один из худших".

Кроме всего прочего, бегство граждан СССР за границу обесценивало главную меру социальной защиты, предусмотренную Основными началами уголовного законодательства, — "объявление врагом трудящихся с лишением гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда" (расстрел считался лишь временно высшей мерой социальной защиты).

Пресечь политически вредное явление советская власть пыталась, как всегда, с помощью репрессий. 21 ноября 1929 г. Президиум ЦИК СССР принял постановление, которое предписывало рассматривать отказ гражданина СССР вернуться в пределы СССР "как перебежку в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства и квалифицировать как измену". Лица, отказавшиеся вернуться в Союз ССР, объявлялись вне закона. Это влекло за собой конфискацию имущества осужденного и расстрел через 24 часа после удостоверения его личности. Имена объявленных вне закона "невозвращенцев" подлежали сообщению всем органам советской власти и органам ГПУ. Закону придавалась обратная сила, т.е. он распространялся и на тех лиц, которые совершили указанное деяние до принятия названного закона²⁷. Так в реестре государственных преступлений появился новый состав контрреволюционного преступления, подсудного Верховному суду СССР.

Чаще всего за границей оставались сотрудники дипломатических служб и торговых представительств, крупные хозяйственные работники, агенты ОГПУ—НКВД, сотрудники аппарата ЦК ВКП(б), реже — ученые. Главной причиной, заставлявшей людей покидать Родину, было нежелание жить в атмосфере постоянной слежки, доноительства, угрозы аре-

ста, день ото дня усиливавшейся сталинской диктатуры. В число "невозвращенцев" едва не попал нарком Г.В. Чичерин, более полутора лет лечившийся на курортах Германии. Чичерин, будучи несогласным с курсом сталинского руководства, всячески затягивал свое возвращение в СССР, решив, по-видимому, остаться в эмиграции. Но жесткий нажим Сталина и угроза репрессий на основании нового Закона заставили больного наркома 6 января 1930 г. вернуться в Москву²⁸.

Политическая травля научно-технической интеллигенции, массовые аресты специалистов ("вредителей") в конце 1920-х годов не прибавляли оптимизма русской интеллигенции, добросовестно трудившейся на благо Отечества. В 1930 г. в политической эмиграции остался выдающийся ученый-химик, руководитель ряда советских научно-технических учреждений, лауреат премии им. В.И. Ленина за 1927 г., академик В.Н. Ипатьев. Проанализировав свои перспективы в СССР (он был, кроме всего прочего, генерал-лейтенантом царской армии), Ипатьев решил не искушать судьбу и продолжить свою научную работу в США. Угрозы со стороны советского руководства не возымели должного действия. Ученый не вернулся на Родину, это спасло ему жизнь и позволило впоследствии сделать ряд научных открытий мирового уровня.

В том же, 1930 г., не вернулся из поездки во Францию организатор отечественной химико-фармацевтической промышленности, выдающийся ученый-химик, первый лауреат Ленинской премии (1926 г.) А.Е. Чичибабин, избранный в 1929 г. действительным членом Академии наук СССР. Тогда же политическим эмигрантом стал Н.В. Вольский (Н. Валентинов), многолетний сотрудник ВСНХ, пришедший на работу в главный хозяйственный орган страны по приглашению В.И. Ленина. В числе "невозвращенцев" оказались многие замечательные российские граждане, которые любили свой народ, свою Родину, но не смогли примириться с политическим режимом правящей коммунистической партии.

Законодательная база советской репрессивной политики включала и такие нормативные акты, которые современные юристы склонны относить скорее к общеуголовным актам, нежели к политическим. В наши дни этот вопрос имеет особое значение, так как тесно связан с вопросом о реабилитации. По современному российскому законодательству, в частности, не признаются подвергшимися политическим репрессиям, а значит, не подлежат "автоматической" реабили-

тации лица, осужденные по закону от 7 августа 1932 г. (их заявления о реабилитации могут быть рассмотрены индивидуально в судебном порядке). Между тем и принятие и исполнение этого нормативного акта диктовались не столько уголовно-правовой ситуацией, сколько политической конъюнктурой. Это была юридическая форма политического насилия, которое по традиции определялось как борьба с "антисоветскими элементами", с "бывшими людьми", с "остатками умирающих классов" и т.д. Большевицкое руководство игнорировало тот факт, что большинство населения к концу пятилетки находилось в условиях, близких к тем, которые в юриспруденции именуется "состоянием крайней необходимости". Покушаясь на чужую собственность (своей-то ни у кого не осталось), граждане инстинктивно пытались устранить опасность, угрожающую их существованию, за что и подвергались уголовному преследованию.

Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. "Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности"²⁹ было первым в ряду аналогичных актов, которые неоднократно принимались в последующие годы.

Инициатором принятия закона, устанавливавшего за расхищение социалистической собственности "драконовские социалистические меры" ответственности, был лично И.В. Сталин. Он не только идеологически обосновал необходимость издания такого закона, но и досконально разработал его содержание и структуру. Три пункта нового закона устанавливали меры судебной репрессии по делам о хищениях грузов на транспорте, о расхищении колхозного и кооперативного имущества и по делам "об охране колхозов и колхозников от насилий и угроз со стороны кулацких и других противообщественных элементов". Закон предписывал рассматривать людей, покушающихся на общественную собственность, как врагов народа и применять к ним в качестве меры судебной репрессии "расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже десяти лет с конфискацией всего имущества". Всякое сопротивление насильственному объединению в колхозы приравнивалось к государственным преступлениям и каралось лишением свободы от пяти до десяти лет с заключением в концентрационный лагерь. Суровость репрессивных мер усугублялась запрещением применять амнистию к лицам, осужденным на

основании данного закона. Это запрещение было отменено только 8 сентября 1953 г.

Сталин всячески подчеркивал политический характер "закона о расхитителях", прозванного в народе "законом о пяти колосках", называл его "основой революционной законности в настоящий момент". Именно он объявил воровство и хищения общественной собственности "контрреволюционными безобразиями". Подготавливая одну из жесточайших репрессивных акций против своего народа и, прежде всего, крестьянства, Сталин предпочел опереться на официальный законодательный акт, а не действовать привычными методами внесудебной расправы. Свое мнение по этому поводу И.В. Сталин изложил в письме Л.М. Кагановичу от 26 июля 1932 г. «Я думаю, — писал он, — нужно действовать на основании закона ("мужик любит законность"), а не на базе лишь практики ОГПУ, при этом, понятно, что роль ОГПУ здесь не только не будет умалена, а — наоборот — будет усилена и "облагорожена" ("на законном основании", а не "по произволу" будут орудовать органы ОГПУ)»³⁰. Такое внимание Сталина к формальной стороне вопроса объяснялось достаточно просто: всего месяц назад, 25 июня 1932 г., ЦИК и СНК СССР приняли в связи с десятилетием организации прокуратуры постановление "О революционной законности". Дабы не входить в противоречие с самим собой, потребовалось дать репрессивным органам "легальное прикрытие" в форме закона. В дальнейшем Сталин не раз выступал поборником законности. Эту "причуду" диктатора исследователь советской юстиции П. Соломон объяснял так: "Закон мог не только служить тому, чтобы сделать террор менее заметным, но и служил инструментом политики Сталина. Далеко не каждая проблема должна была разрешаться с помощью грубой силы"³¹.

Выступая с "законодательными инициативами", Сталин всегда указывал, какие карательные меры следует применять в том или ином случае. Например, он рекомендовал летом 1932 г. своему фактическому заместителю по партии Л.М. Кагановичу и председателю СНК СССР В.М. Молотову "взять под строгое наблюдение деревню и всех активных проповедников против нового колхозного строя, активных проповедников идеи выхода из колхозов — изымать и направлять в концлагерь (индивидуально)". В другом случае Сталин указывал: "Что касается борьбы со спекулянтами и перекупщиками как на базарах и рынках, так и на селе, то здесь нужен специальный закон (и здесь лучше будет орудо-

вать в порядке закона), который, ссылаясь на предыдущий закон о колхозной торговле, где говорится об искоренении перекупщиков и спекулянтов, предпишет органам ОГПУ высылать спекулянтов и перекупщиков в концлагерь сроком на 5—8 лет без права применения амнистии"³².

Юридическая сторона любого законодательного акта мало интересовала Сталина. Его не смущал, например, тот факт, что термин "концлагерь" был давно исключен из советского уголовного права и заменен термином "исправительно-трудовой лагерь". В законе для Сталина был важен, прежде всего, политический смысл, которым (а не буквой закона) и должны были руководствоваться исполнители. В своем письме Кагановичу от 11 августа 1932 г. Сталин писал по поводу закона от 7 августа 1932 г.: "Декрет об охране общественной собственности, конечно, хорош и он скоро возымеет свое действие. Также хорош и своевременен декрет против спекулянтов (он скоро должен быть издан*). Но всего этого мало. Нужно еще дать специально письмо-директиву от ЦК к партийным и судебно-карательным организациям о смысле этих декретов и способах проведения их в жизнь. Это совершенно необходимо"³³.

Такое сопровождение всех государственных законодательных актов партийными и ведомственными директивами, инструкциями и разъяснениями было чрезвычайно характерно для советской правовой системы, именно это и отличало "социалистическую законность" от законности как таковой. Обращаясь к XVI съезду ВКП(б) Н.В. Крыленко, в тот период прокурор РСФСР, говорил: "Съезд должен указать, что революционная законность есть тот метод единообразного проведения указанных партией директив, который партия требует обязательно проводить от всех своих организаций по всей периферии снизу доверху"³⁴. Предполагалось, что, реализовав свою волю в законе, партия не будет вмешиваться в судебный процесс и предрешать исход конкретных судебных дел. На практике все складывалось иначе. "Получилось, — сетовал в 1930 г. Крыленко, — что наш судебный аппарат на местах превратился кое-где в придаток административного механизма... Когда я был в Сибири, когда ездил

* Закон "О борьбе со спекуляцией" был принят 22 августа 1932 г. Он предусматривал в качестве наказания "заключение в концентрационный лагерь сроком от пяти до десяти лет без права применения амнистии" (Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917-1952 гг. М., 1953. С. 336).

по тюрьмам в порядке исправления перегибов, я спрашивал судей: зачем ты здесь вынес решение, которое не имеет отражения в обстоятельствах дела? Мне отвечали: я имел такое указание, такая была директива"³⁵.

Повсеместное вмешательство партийного руководства всех уровней в судебную практику, определявшееся самим характером советского государства, дополнялось активным вторжением в судебную сферу различных ведомств. Выступавший на заседании правительственной комиссии в 1948 г. председатель Верховного суда СССР И.Т. Голяков отмечал: "Установилась порочная практика сопровождения инструкциями и разъяснениями почти каждого закона, и вместо подчинения закону судья стремится в точности соблюдать ведомственные распоряжения, подменяющие закон. Широкая практика руководства правосудием с помощью подобного администрирования подрывает авторитет и достоинство судей... Это ведет к тому, что судья воспитывается не на уважении к закону, а в спасительном страхе перед приказами"³⁶.

Трудности советской правовой системы были сопряжены с другой важной проблемой — профессиональной и общей неграмотностью судейского корпуса. Возражая И.Т. Голякову, министр Государственного контроля СССР Л.З. Мехлис заметил: "У нас есть люди не маленькие по служебной лестнице, и то они не ответят вам, что же такое закон, что же такое постановление и что такое приказ. Судьи же без образования, тем более их здесь жмут, бьют за эти приказы, они, конечно, и считают, что такой приказ и есть начальство"³⁷.

Советское государство никогда не было правовым государством. С конца 1920-х годов само это понятие стало подвергаться резкой критике и осуждению. Директивную ясность в понимание данного вопроса внес Л.М. Каганович, выступивший 4 ноября 1929 г. с торжественным докладом перед сотрудниками Института советского строительства и права. «Мы отвергаем понятие правового государства, — заявил шеф-куратор Института. — Если человек, претендующий на звание марксиста, говорит всерьез о правовом государстве и тем более применяет понятие "правового государства" к Советскому государству, то это значит, что он идет на поводу у буржуазных юристов, это значит, что он отходит от марксистско-ленинского учения о государстве»³⁸. Советские ученые-правоведы крайне редко участвовали в разработке репрессивного законодательства. Это была "привилегия партии", ее высшего руководства.

К появлению в уголовном законодательстве новых составов государственных преступлений могли привести не только политические изменения в стране, но и смена мировоззренческих ориентиров в партийных верхах. Реанимация таких понятий, как Родина и патриотизм, формирование нового общественного "исторического сознания"^{2*}, в котором Россия представляла как великая и мощная в военном отношении держава, привело к появлению нового состава преступления — измена Родине. 8 июня 1934 г. ЦИК СССР дополнил Положение о преступлениях государственных статьями об измене Родине³⁹. Под "изменой Родине" понимались действия, совершенные гражданами СССР в ущерб его военной мощи, государственной независимости или неприкосновенности территории, как-то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу. Названная статья предусматривала в качестве меры наказания расстрел с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах — 10 лет лишения свободы. Юридически неопределенная часть "как-то" указывала на то, что этот перечень не был исчерпывающим. Последующая репрессивная практика карательных органов дала немало примеров расширительного толкования этой статьи.

В случае побега за границу военнослужащего совершеннолетние члены его семьи, знавшие о готовящейся измене, карались лишением свободы на срок от 5 до 10 лет с конфискацией всего имущества. Остальные совершеннолетние члены семьи перебежчика, ничего не знавшие о готовящейся или совершенной измене, подлежали лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири на 5 лет, т.е. уголовной ответственности подвергались лица, не виновные абсолютно ни в каких противоправных действиях. Строго каралось недонесение о готовящейся измене. Дополнительные статьи вошли в УК РСФСР под номерами 58^{1А}, 58^{1Б}, 58^{1Г}.

В 1934 г. значительные изменения были внесены и в уголовно-процессуальное законодательство. В ближайшие сутки после убийства 1 декабря члена Политбюро ЦК ВКП(б) и Президиума ЦИК СССР, первого секретаря Ленинградской партийной организации С.М. Кирова через Президиум ЦИК

^{2*} В Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. "О преподавании гражданской истории в школе" обращалось внимание на недопустимость игнорирования исторического образования.

СССР путем опроса его членов были проведены два нормативных акта. Первый документ — постановление "О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов" — предписывал: *следственным властям* — вести дела обвиняемых в подготовке или совершении террористических актов ускоренным порядком, *судебным органам* — не задерживать исполнение приговоров о высшей мере наказания из-за ходатайств о помиловании, так как Президиум ЦИК Союза ССР не считает возможным принимать подобные ходатайства к рассмотрению; *органам НКВД* — приводить в исполнение приговоры о расстреле немедленно по вынесении судебных приговоров.

Второй документ гласил: "Внести следующие изменения в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик по расследованию и рассмотрению дел о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти: 1. Следствие по этим делам заканчивать в срок не более десяти дней. 2. Обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела в суде^{3*}. 3. Дела слушать без участия сторон. 4. Кассационного обжалования, как и подачи ходатайств о помиловании, не допускать. 5. Приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно по вынесении приговора"⁴⁰. Автором текста нового закона был лично Г.Г. Ягода, редактором — И.В. Сталин. Этот документ демонстрировал полное попрание самых элементарных принципов советского судопроизводства, уголовный процесс принимал откровенно инквизиционный характер.

8 декабря 1934 г. Прокурор Союза ССР И.А. Акулов и Председатель Верховного суда СССР А.Н. Винокуров подписали директиву, в которой давался перечень должностных лиц, покушение на жизнь и здоровье которых необходимо было квалифицировать как террористический акт (по ст. 58⁸ и 58¹¹ УК РСФСР). Эта директива грубо нарушала основные принципы уголовного законодательства еще и тем, что она придавала обратную силу закону от 1 декабря 1934 г.⁴¹

Следует иметь в виду, что под террористическим актом советская юриспруденция понимала не только "покушение на жизнь и здоровье". В соответствии со специальной директивой НКЮ СССР от 15 апреля 1938 г. полагалось квалифицировать как террор и такие дела, в которых содержались

^{3*} По ст. 235 УПК РСФСР обвинительное заключение должно вручаться подсудимому не позже, чем за три дня до слушания дела в суде.

"одобрения террористических актов, а также высказывания террористических намерений в отношении руководителей Партии и советского Правительства"⁴². Эта директива открывала широчайший простор судейскому произволу.

Сходными по своим трагическим последствиям были также изменения, внесенные в республиканские УПК на основании Постановления ЦИК СССР от 14 сентября 1937 г. Новый закон устанавливал: по контрреволюционным делам о вредительстве (ст. 58⁷) и диверсиях (ст. 58⁹) обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дел в суде, кассационного обжалования по этим делам не допускать, приговоры о расстреле приводить в исполнение немедленно по отклонении ходатайств осужденных о помиловании⁴³. Ввиду того что обвинения во вредительстве и диверсиях относились к числу "ходовых", новые процессуальные нормы активно использовались в годы массовых репрессий.

Противоправные акты от 1 декабря 1934 г. и 14 сентября 1937 г., служившие нормативной базой террора, были отменены Указом Президиума Верховного Совета СССР только 19 апреля 1956 г. Устанавливалось, что органы следствия и суда должны руководствоваться процессуальными нормами УПК союзных республик.

Ужесточение карательной политики выразилось также в резком удлинении сроков лишения свободы. 2 октября 1937 г. ЦИК установил предельный срок лишения свободы в 25 лет⁴⁴. Такая мера уголовного наказания применялась в отношении лиц, осужденных за шпионаж, вредительство, диверсии. Впоследствии к этим статьям прибавился ряд других. Длительные сроки лишения свободы стали применяться наиболее активно после отмены смертной казни 26 мая 1947 г., когда расстрел был заменен заключением в исправительно-трудовых лагерях сроком на 25 лет. На 1 января 1939 г. в лагерях НКВД содержалось 3663 человека, осужденных на срок более 10 лет, а на 1 января 1953 г. срок 15 лет и выше имели 343 960 заключенных⁴⁵. Смертная казнь за политические преступления была восстановлена 12 января 1950 г. Президиум Верховного Совета СССР разрешил ее применение в отношении "изменников Родины, шпионов и подрывников-диверсантов"⁴⁶. За 1950 г. — первую половину 1953 г. по политическим обвинениям казнили (по официальным сведениям) 3894 человека⁴⁷.

Как известно, за годы советской власти огромное число людей было подвергнуто политическим репрессиям на осно-

вании объективного вменения, т.е. к уголовной ответственности привлекались лица без установления их вины. Наиболее широкое распространение объективное вменение получило при репрессировании членов семей лиц, обвинявшихся в измене Родине и других контрреволюционных преступлениях. Начало этой порочной практике положило уже упоминавшееся постановление ЦИК от 8 июня 1934 г. В дальнейшем репрессии в отношении членов семей осуществлялись на основании секретных партийных постановлений, приказов НКВД, ведомственных инструкций и разъяснений.

15 августа 1937 г. Н.И. Ежов, основываясь на постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 июля 1937 г., которое, в свою очередь, было инициировано предложением НКВД, издал оперативный приказ, которым обязывал местные органы НКВД арестовать и осудить через Особое совещание на срок не менее 5 — 8 лет лишения свободы всех жен "изменников Родины, членов правотроцкистских шпионско-диверсионных организаций", осужденных после 1 августа 1936 г., а также их "социально опасных и способных к антисоветским действиям" детей старше 15 лет⁴⁸. Аресту подлежали жены, состоявшие как в юридическом, так и фактическом браке с осужденным в момент его ареста, а также разведенные, "знавшие о контрреволюционной деятельности осужденного". Не подлежали аресту лишь жены, разоблачившие своих мужей. Осужденные женщины, как правило, ничего не знавшие о судьбе своих арестованных мужей, стали быстро догадываться: если жена получала 5 лет, значит муж жив, если 8 — расстрелян.

Впоследствии действие этого приказа было распространено на членов семей "харбинцев". Так называли советских граждан, ранее работавших на Китайско-Восточной железной дороге и возвратившихся в СССР после ее продажи. Несколько десятков тысяч человек были подвергнуты репрессиям в соответствии с приказом НКВД от 20 сентября 1937 г., в котором говорилось, что "харбинцы в подавляющем большинстве являются агентурой японской разведки" и подлежат осуждению в срок до 25 декабря 1937 г.⁴⁹

Репрессии в отношении "жен изменников Родины" несколько ослабли после приказа НКВД от 17 октября 1938 г. Отменялся порядок, по которому жены врагов народа арестовывались независимо ни от чего одновременно с мужьями. Теперь репрессиям подвергались лишь те жены, которые были в курсе деятельности своих мужей и в отношении которых органы НКВД располагали материалами "об их

антисоветских настроениях и высказываниях", а также те, кого можно было причислить к "политически сомнительным и социально опасным элементам"⁵⁰.

Советская власть всегда рассматривала семью как свою заложницу. Такой взгляд на "ячейку общества" получил особенно широкое распространение в годы войны. Секретное постановление ГКО от 24 июня 1942 г. устанавливало порядок, по которому репрессиям подвергались семьи лиц, осужденных к высшей мере наказания по статье 58^{1А}. Членами семьи считались отец, мать, муж, жена, сыновья, дочери, братья и сестры, если они жили совместно с осужденным или находились на его иждивении. Впоследствии на основании этого постановления был издан ряд директив, значительно расширявших круг лиц, чьи семьи подлежали репрессиям на основании объективного вменения. В послевоенный период объектом политических репрессий стали семьи украинских и прибалтийских националистов, боровшихся в подполье против коммунистического режима. Так, например, только в ходе одной операции, проводившейся войсками МГБ в западных областях Украины, 21—22 октября 1947 г. было выселено 77 806 человек, или 26 644 семьи ранее осужденных и убитых участников национального сопротивления, а также тех, кто находился на нелегальном положении⁵¹.

В разгар войны в нашей стране появились официальные каторжане. 19 апреля 1943 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ "О мерах наказания изменникам Родины и предателям и о введении для этих лиц, как меры наказания, каторжных работ". 31 июля 1943 г. Верховный суд СССР получил право применять в отношении осужденных, приговоренных к смертной казне за измену Родине, ссылку в каторжные работы на срок от 15 до 20 лет. Учитывая военную обстановку, было бы справедливо предположить, что этой мере наказания подвергались действительные преступники, в том числе каратели, участвовавшие в зверствах оккупантов. Но анализ состава заключенных ГУЛАГа показывает, что это не совсем так. В начале 1951 г. среди почти 584 тыс. заключенных, осужденных на основании статей о контрреволюционных преступлениях, около 339 тыс. были осуждены по статьям 58^{1А-1Б}, т.е. за измену Родине. Из этого числа только около 52 тыс. человек попали в лагеря за действительное участие в зверствах оккупантов, а также за все виды службы в карательных органах⁵². Основная масса "изменников" по-прежнему состояла из участников антисоветских, церковных, профашистских и иных подобных

организаций, из националистов, "террористов" и других граждан, впоследствии реабилитированных за отсутствием в их действиях состава преступления.

После войны каторжные работы как мера наказания стали применяться к лицам, осужденным на основании Указа ПВС СССР от 26 ноября 1948 г. "Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны". Без каких-либо преамбул Указ деловито разъяснял: "В целях укрепления режима поселения для выселенных Верховным органом СССР в период Отечественной войны чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и др., а также в связи с тем, что во время их переселения не были определены сроки их высылки, установить, что переселение в отдаленные районы Советского Союза указанных выше лиц проведено навечно, без права возврата их к прежним местам жительства.

За самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения этих выселенцев виновные подлежат привлечению к уголовной ответственности. Определить меру наказания за это преступление в 20 лет каторжных работ"⁵³.

Указ объявлялся выселенцам под расписку. На территории Якутской АССР и Красноярского края было организовано несколько особорежимных поселений для расселения склонных к побегу выселенцев. Побег в данном случае нельзя понимать буквально. Это могла быть простая самовольная, т.е. незарегистрированная, отлучка, например, к родственнику в соседний район, к другу в ближайший поселок и т.п. Всего в этот период на учете в 2123 спецкомендатурах состояло более 2,5 млн человек, из них почти 70% составляли женщины и дети. Подавляющее большинство (82%) репрессированных считались выселенными навечно.

Дела в отношении побегов выселенцев подлежали рассмотрению в Особом совещании при МВД СССР. В течение года по новому указу к каторжным работам приговорили около 10 тыс. человек. В последующие годы его действие было распространено также на некоторые другие категории лиц, направленных в административном порядке в ссылку на поселение. Этот жестокий и бесчеловечный закон сталинской эпохи, изданный почти одновременно с Всеобщей декларацией прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.), был отменен 13 июля 1954 г. Он не только грубейшим образом нарушал права человека

(об их существовании советские граждане в тот период и не подозревали), но и находился в прямом противоречии с существовавшим законодательством: ст. 82 УК РСФСР предусматривала за побег из мест заключения, ссылки и высылки наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет.

В прямом противоречии с духом и буквой закона находился и другой нормативный акт — Указ ПВС СССР от 21 февраля 1948 г. "О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР". К особо опасным государственным преступникам указ относил: "шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров, анархистов, националистов, белоэмигрантов и участников других антисоветских организаций и групп и лиц, представляющих опасность по своим связям и вражеской деятельности"⁵⁴. Названные категории заключенных после отбытия срока наказания в лагерях и тюрьмах направлялись по нарядам органов МГБ в бессрочную ссылку на поселение.

В исполнение этого указа осенью 1948 г. на основании секретной директивы МГБ и Генерального прокурора начались повторные аресты тех, кто успел выйти на волю после окончания войны. Всем "повторникам" обвинение предъявлялось по тем же статьям УК, по которым они уже отбыли наказание. Следствие по этим делам проводилось упрощенно, без проверки прежних доказательств. Основным документом, на основании которого Особое совещание МГБ выносило решение о направлении бывших заключенных в бессрочную ссылку, служили справки по архивно-следственным делам о прошлой антисоветской деятельности этих лиц. Всего в течение 1948—1953 гг. по нарядам органов МГБ и на основании решений Особого совещания МГБ на бессрочное поселение было сослано 58 218 человек⁵⁵.

Этот указ и практика его реализации грубо нарушали существующее законодательство, противоречили основным принципам уголовного права. Во-первых, повторному наказанию подвергались люди, не совершившие никакого конкретного преступления. Во-вторых, в советском законодательстве все виды уголовного наказания имели определенный срок, т.е. неопределенного наказания в виде бессрочной ссылки или пожизненного заключения быть не могло. Ссылка в качестве дополнительного наказания могла применяться на срок не выше 5 лет. В-третьих, советские законы не допускали повторного наказания за одно и то же престу-

пление. Несмотря на то что обо всех этих нарушениях законности "вспомнили" сразу после смерти Сталина, отменили названный указ только 10 марта 1956 г.

Начавшийся после смерти Сталина процесс "восстановления социалистической законности" сопровождался отменой большинства указов и постановлений 1930—1940 гг., служивших нормативной базой политических репрессий. С мартовской амнистии 1953 г. начался постепенный, затем более интенсивный, хотя и не всегда последовательный процесс освобождения политических заключенных. 17 сентября 1955 г. Президиум ВС СССР издал Указ "Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг." Уникальная особенность этого указа заключалась в том, что амнистии (в первый и последний раз за все годы осуществления в СССР политических репрессий) подлежали лица, осужденные по статьям 58¹, 58³, 58⁴, 58⁶, 58¹⁰, 58¹². Под амнистию попадали, конечно, не все политзаключенные, имевшие эти статьи, а только те, которые "по малодушию или неосознанности оказались вовлеченными в сотрудничество с оккупантами"⁵⁶. Всего по этому указу было освобождено 59 610 человек⁵⁷.

Впервые за многие годы советское руководство попыталось отказаться от одного из важнейших рычагов управления обществом — от уголовно-правового принуждения. В 1953—1956 гг. были приняты законодательные акты об отмене уголовной ответственности за невыработку колхозниками обязательного минимума трудодней, за уклонение от мобилизации на сельскохозяйственные работы, за самовольный проезд в товарных поездах, за прогул и за самовольный уход с предприятий и из учреждений, а также некоторые другие аналогичного содержания. Смягчалась или заменялась мерами административного и дисциплинарного порядка уголовная ответственность за некоторые должностные, хозяйственные, бытовые и другие преступления.

Однако тенденция к сужению сферы уголовно-правового принуждения не получила должного развития. Пытаясь с помощью уголовного наказания решить назревшие экономические проблемы, советская власть устанавливала уголовную ответственность за невыполнение планов и заданий по поставкам продукции (1958 г.), за приписки и искажения отчетности о выполнении планов (1961 г.), за преступно-небрежное использование или хранение сельскохозяйственной техники (1962 г.) и за многое другое.

Значительные изменения в уголовном законодательстве вообще, и в нормативной базе политических репрессий в частности, произошли 25 декабря 1958 г., когда были утверждены Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, приняты законы "Об уголовной ответственности за государственные преступления", "Об отмене лишения избирательных прав по суду", "Об уголовной ответственности за воинские преступления".

Новые Основы уголовного законодательства содержали ряд статей и положений, призванных гарантировать страну от массовых нарушений законности, характерных для сталинского периода правления. Устанавливалось, в частности, что "уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, виновное в совершении преступления" (ст. 3). Тем самым запрещалось применение объективного вменения, исключалась уголовная ответственность по таким основаниям, как "социально-опасный элемент", "социально-опасный по антисоветским связям", "социально-опасный по своей прошлой деятельности" и др. В этой же статье говорилось, что "уголовное наказание применяется только по приговору суда". Этим предусматривалась недопустимость внесудебных репрессий. В ст. 6 оговаривалось действие закона во времени, в частности, указывалось, что "закон, устанавливающий наказуемость деяния или усиливающий наказание, обратной силы не имеет".

В новом законодательстве отсутствовали такие виды наказаний, как объявление врагом трудящихся и изгнание из пределов СССР навсегда, лишение свободы в исправительно-трудовых лагерях в отдаленных местностях СССР, поражение прав и др. Предельный срок лишения свободы устанавливался в 15 лет (только за особо тяжкие преступления, к которым закон относил, в частности, "особо опасные государственные преступления").

Делая шаг вперед, советские законодательные органы тут же делали два шага назад. В нарушение ст. 6 Основ уголовного законодательства, устанавливавшей, что закон, смягчающий наказание, имеет обратную силу, т.е. распространяется на деяние, совершенное до его издания, Верховный Совет постановил не распространять действие статей, смягчающих уголовное наказание, на лиц, осужденных ранее за особо опасные государственные преступления и ряд других деяний. На практике это означало, что многие политзаключенные, получившие 25 лет лагерей по сталинским указам, продолжали отбывать гигантские сроки заключения

и тогда, когда юридически таких сроков лишения свободы уже не существовало, а сами указы были отменены. На 1 января 1960 г. срок более 15 лет имели 68 760 человек (11,8% от общей численности заключенных). За особо опасные государственные преступления в этот же период отбывали наказание 9596 заключенных⁵⁸.

В законодательстве о политических преступлениях также произошли важные изменения. Исчезло понятие "контрреволюционные преступления", сократилось количество составов государственных преступлений, за некоторые из них смягчалась ответственность. Закон "Об уголовной ответственности за государственные преступления" составил первую главу Особенной части нового Уголовного кодекса РСФСР, введенного в действие с 1 января 1961 г. Произошедшие перемены не означали, что правящий режим отказался от политических репрессий, но преследования по политическим мотивам уже никогда не носили массового характера.

Современное российское законодательство однозначно характеризует политику массовых репрессий как "произвол и беззаконие". Это, конечно, не означает, что репрессивная деятельность карательных органов осуществлялась по личному усмотрению исполнителей и никак не регламентировалась законодательством. Произвол и беззаконие проявлялись, во-первых, в том, что нормативные акты, служившие основанием для политических репрессий, грубо нарушали не только нормы и принципы международного права, но и расходились с юридическими нормами советской правовой системы. Во-вторых, эти противоправные по своей сути нормативные акты систематически и грубо нарушались конкретными исполнителями. Действовавшее в СССР законодательство, сохранявшее в определенной мере видимость законности, недопустимым образом корректировалось в сторону ужесточения репрессий секретными приказами и ведомственными инструкциями, негласными распоряжениями "директивных органов", устными указаниями партийного руководства. Все эти "юридические новеллы", а именно они в первую очередь регулировали деятельность карательных органов, не имели ничего общего с принципами правосудия, попирали элементарные нормы судопроизводства.

¹ Закон РФ "О реабилитации жертв политических репрессий" от 18 октября 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1428.

- ² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 174.
- ³ Троцкий Л. Терроризм и коммунизм. Пг., 1920. С. 23.
- ⁴ См., например, письмо В.И. Ленина А.Г. Шляпникову от 12 декабря 1918 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 219.
- ⁵ СУ РСФСР. 1918. № 65. С. 710.
- ⁶ См.: ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918-1960. М., 2000. С. 14-15.
- ⁷ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 4. Д. 55. Л. 4.
- ⁸ Население России в XX веке: в 3 т. М., 2000. Т. 1. С. 98; Литвин АЛ. Красный и белый террор в России. 1917 — 1922 // Отечество, история. 1993. №6. С. 55.
- ⁹ Мельгунов СП. Красный террор в России. 1918-1923. М, 1990. С. 44, 86.
- ¹⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 396-400.
- ¹¹ См.: Там же. Т. 45. С. 189.
- ¹² Там же. С. 190.
- ¹³ Там же. С. 190-191.
- ¹⁴ СУ РСФСР. 1921. № 22. Ст. 138.
- ¹⁵ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917-1952. М., 1953. С. 147.
- ¹⁶ Там же. С. 155-156.
- ¹⁷ См.: Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 239.
- ¹⁸ См.: Суслов А.Б. Спецконтингент в Пермском крае в конце 20-х — начале 50-х гг. XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2004. С. 24-25.
- ¹⁹ Сборник документов по истории уголовного законодательства... С. 161.
- ²⁰ СЗ СССР. 1924. № 24. Ст. 205.
- ²¹ Сборник документов по истории уголовного законодательства... С. 200.
- ²² СЗ СССР. 1927. № 12. Ст. 123.
- ²³ См.: Гимпельсон Е.Г. НЭП и советская политическая система. 20-е годы. М., 2000. С. 314.
- ²⁴ Саламатова М. Лишенные избирательных прав в Новосибирске в 1927— 1936 гг. // Корни травы: сб. статей молодых историков. М., 1996. С. 21.
- ²⁵ См.: Шишкин В.А. Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия (1917-1928 гг.). СПб., 1997. С. 257.
- ²⁶ См.: XVI съезд ВКП(б): стеногр. отчет. М; Л., 1930. С. 315.
- ²⁷ Сборник документов по истории уголовного законодательства... С. 250.
- ²⁸ См.: Шишкин В.А. Указ. соч. С. 320-321.
- ²⁹ СЗ СССР. 1932. № 62. Ст. 360.
- ³⁰ Сталин и Каганович. Переписка. 1931 - 1936 гг. М, 2001. С. 246.
- ³¹ Соломон П. Советская юстиция при Сталине / пер. с англ. М., 1998. С. 152.
- ³² Сталин и Каганович. Переписка... С. 235, 246.
- ³³ Там же. С. 273.
- ³⁴ XVI съезд ВКП(б)... С. 353.

- ³⁵ Там же. С. 352-353.
- ³⁶ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 543. Л. 190-191.
- ³⁷ Там же. Л. 191.
- ³⁸ Советское государство и революция права. 1930. № 1. С. 9.
- ³⁹ СЗ СССР. 1934. № 33. Ст. 255.
- ⁴⁰ ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 95.
- ⁴¹ См.: *Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г.* Распятыe революцией: российские прокуроры. XX век. 1922 - 1936 гг. М., 1998. С. 245.
- ⁴² Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 36.
- ⁴³ История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. 1917 — 1954 гг.: сб. док. М., 1955. С. 559, 574.
- ⁴⁴ СЗ СССР. 1937. № 66. Ст. 297.
- ⁴⁵ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1140. Л. 191; ф. 9492. Оп. 5. Д. 190. Л. 4.
- ⁴⁶ Ведомости Верховного Совета СССР. 1950. № 3.
- ⁴⁷ ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 434.
- ⁴⁸ Там же. С. 106-110.
- ⁴⁹ Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: в 3 т. М., 2000. Т. 1: март 1953 — февраль 1956. С. 321.
- ⁵⁰ ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 112 — 113.
- ⁵¹ См.: Записка Л.М. Кагановича, Н.С. Хрущёва и В.С. Абакумова И.В. Сталину о борьбе с подпольным движением в западных областях Украины от 28 октября 1947 г. // Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945-1953. М., 2002. С. 248.
- ⁵² ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 387. Л. 136-137, 139-140.
- ⁵³ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях... С. 124.
- ⁵⁴ Там же. С. 118.
- ⁵⁵ Реабилитация: как это было... Т. 1. С. 44.
- ⁵⁶ Ведомости Верховного Совета СССР. 1955. № 17. Ст. 345.
- ⁵⁷ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 323. Л. 12.
- ⁵⁸ ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 443 — 444.

Глава третья

РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА И ЕЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ

Советскую репрессивную политику нельзя рассматривать как некую революционную импровизацию, как спонтанное порождение социалистического эксперимента. Она имела глубокие идеологические корни и солидную теоретическую базу в виде марксистско-ленинского учения о власти и государстве. Согласно этому учению, сутью любого государства, в конечном счете, являлась классовая диктатура. Ленин раскрывал содержание понятия "диктатура класса", в том числе и диктатура пролетариата, через три главных признака: власть, насилие, свобода от любых законодательных ограничений. К числу наиболее известных, в силу своей характерности, относится следующее определение диктатуры, повторенное Лениным дважды (в 1906 и 1920 г.): "Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть"¹. Не менее известна и другая ленинская дефиниция: "Диктатура есть власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанная никакими законами"². Такое понимание сущности государственной власти исключало в принципе любые апелляции к праву, закону, превращало произвол в норму государственной жизни, возводило насилие в ранг государственной политики.

Марксистско-ленинские представления о государстве как орудии насилия разделяли и другие идеологи большевизма. Н.И. Бухарин, например, рассматривал пролетарскую диктатуру как "форму власти, наиболее резко выражающую классово-репрессивный характер этой власти"³. Его позицию определяла следующая принципиальная установка: "Государственное принуждение при пролетарской диктатуре есть метод строительства коммунистического общества"⁴. Широко известное бухаринское суждение о том, что "пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммуни-

стического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи"⁵, служило, по сути, теоретическим основанием для политики репрессий.

Свое отношение к демократическим принципам, правам и свободам российская социал-демократия высказала задолго до того, как социальная революция в России стала реальностью. При выработке партийной программы в 1903 г. среди делегатов II съезда РСДРП возникли серьезные разногласия по целому ряду вопросов. Один из делегатов съезда, будущий меньшевик, сформулировал основной спорный вопрос следующим образом: "Нужно ли подчинить нашу будущую политику тем или другим основным демократическим принципам, признав за ними абсолютную ценность, или же все демократические принципы должны быть подчинены исключительно выгодам нашей партии?" Как марксист, он решительно высказался за последнее, заявив, что "нет ничего такого среди демократических принципов, чего мы не должны были бы подчинить выгодам нашей партии". После этих слов кто-то прервал выступление делегата восклицанием: "И неприкосновенность личности?" "Да! И неприкосновенность личности!" — не колеблясь, ответил социал-демократ. В этом историческом эпизоде особое значение имел тот факт, что данное выступление безоговорочно поддержал Г.В. Плеханов, первый пропагандист марксизма в России. По его авторитетному мнению, ради успеха революции можно было вполне лишиться политических противников не только неприкосновенности личности, но и всеобщего избирательного права, ограничить действие любого демократического принципа. О пригодности тех или иных насильственных мер Плеханов предлагал судить с точки зрения правила: *salus revolutionis suprema lex* (благо революции — высший закон)⁶. Так рассуждало тогда громадное большинство социалистов, в том числе и те, кто впоследствии резко осуждал большевистский террор и политические репрессии.

Революционный радикализм и марксистско-ленинская идеология породили свою особую систему представлений и ценностей, которая нашла юридическое воплощение в законодательной базе советской репрессивной политики.

Государственное принуждение по политическим мотивам стало активно применяться с первых дней советской власти. На смену охранительным обвинениям в "неблагонадежности" пришли столь же юридически неопределенные обвинения в "контрреволюционности". Большевистская доктрина не предусматривала создания специального орга-

на для борьбы с контрреволюцией. Но условия классовой борьбы и расстановка политических сил в стране привели к появлению такого органа, названного первоначально Всероссийской Чрезвычайной комиссией при Совете Народных Комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем*.

В задачи нового органа, созданного по постановлению СНК 7 декабря 1917 г., первоначально входило: "1) пресекать и ликвидировать все контрреволюционные и саботажнические попытки и действия по всей России, со стороны кого бы они ни исходили; 2) предание суду революционного трибунала всех саботажников и контрреволюционеров и выработка мер борьбы с ними..." В качестве возможных мер борьбы предлагались "конфискация, выдворение, лишение карточек, опубликование списков врагов народа и т.д."⁷ Полномочия ВЧК были сформулированы неопределенно, в частности, ничего не говорилось об ответственности за их превышение.

Активные аресты по политическим мотивам, проведенные ВЧК накануне и после Учредительного собрания, стали предметом острых разногласий между Наркоматом юстиции, во главе которого стоял левый эсер И.З. Штейнберг, и ВЧК, которую возглавлял Ф.Э. Дзержинский. Позицию СНК по вопросу о взаимоотношениях ВЧК с другими государственными органами определял В.И. Ленин. Он категорически не признавал ни за Наркоматом юстиции, ни за Наркоматом внутренних дел права вмешиваться в дела "комиссии Дзержинского", которой предписывалось лишь извещать эти наркоматы "об арестах, имеющих выдающееся политическое значение".

Левые эсеры настаивали на введении в состав ВЧК представителей от их партии, которая в тот период состояла в правительственном блоке с большевиками. В январе 1918 г. четыре представителя партии левых эсеров вошли в состав коллегии ВЧК, где оставались до июля 1918 г. Товарищем председателя ВЧК стал левый эсер В.А. Александрович, имевший такие же полномочия, как и Ф.Э. Дзержинский. По мнению большинства исследователей, левые эсеры оказывали сдерживающее влияние на репрессивную деятельность Комиссии, особенно в отношении политических противников. Под их воздействием, например, 18 марта 1918 г.

* После подавления саботажа, в августе 1918 г. ВЧК стала именоваться Всероссийской чрезвычайной комиссией при СНК по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности.

было принято решение о недопустимости пользоваться провокацией, применение секретных сотрудников допускалось только в борьбе со спекуляцией. Впоследствии коммунисты это решение отменили. 15 июня 1918 г. в составе ВЧК (первые в истории советских репрессивных органов) была создана "тройка" для решения вопросов о применении расстрела, но до тех пор, пока в нее входили левые эсеры В.А. Александрович и его заместитель И.И. Ильин, по политическим мотивам не расстреливали.

Постоянно расширяющийся круг задач и полномочий ВЧК predetermined появление в ее структуре наряду с отделами по борьбе с контрреволюцией и преступлениями по должности целого ряда новых структурных подразделений. В августе 1918 г. для борьбы с враждебными элементами на железнодорожном и водном транспорте был образован транспортный отдел. В декабре 1918 г. для производства обысков, арестов и наружного наблюдения создан оперативный отдел. В январе 1919 г. сформирован особый отдел, на который постановлением ВЦИК от 21 февраля 1919 г. возлагалась борьба с контрреволюцией и шпионажем в армии и флоте. На местах при губернских чрезвычайных комиссиях создавались особые отделы (фронтовые и армейские), подчиненные непосредственно особому отделу ВЧК. В их задачи входила активная борьба с контрреволюцией не только на фронте, но и в тылу. Работу этого отдела курировал, как член ЦК РКП(б), И.В. Сталин, которому начальник особого отдела ВЧК М.С. Кедров делал еженедельные доклады. В сентябре 1919 г. в структуре ВЧК появился экономический отдел, в задачи которого входило ведение борьбы с "экономическим шпионажем, вредительством и диверсиями" в народном хозяйстве. В декабре 1920 г. на базе одного из отделений особого отдела был организован иностранный отдел. Особо следует сказать о секретном отделе ВЧК, названном впоследствии секретно-политическим. Его сформировали в феврале 1919 г. специально для борьбы с "антисоветскими партиями, политическими группами и организациями", а также для слежки за интеллигенцией и духовенством. Все вышеназванные отделы ВЧК явились структурным воплощением основных направлений ее деятельности. В дальнейшем они стали традиционными структурными подразделениями центрального аппарата советских органов госбезопасности, поскольку сфера интересов советской госбезопасности оставалась неизменной со времен существования ВЧК.

Для большевистской партии ВЧК стала в буквальном смысле "щитом и мечом". С помощью этой важнейшей части государственного механизма большевикам удалось не только удержать власть, но и реализовать свою идеологическую доктрину, установив так называемую диктатуру пролетариата.

Репрессивная деятельность ВЧК в качестве "боевого органа диктатуры пролетариата" с первого и до последнего дня направлялась и вдохновлялась большевистским руководством. Политические репрессии в форме "революционного насилия", "красного террора", "классовой расправы" и т.д. вызывали страх, ненависть, возмущение всех слоев населения, в том числе и среди самих коммунистов. Пытаясь застраховаться от нападков оппозиции, жалоб населения и возможных разоблачений, ВЧК 22 сентября 1918 г. объявила, что "будет преследовать всех, кто клеветает на советских работников", "кто осмелится поносить действия Советской власти"⁸. Однако, несмотря на принимаемые энергичные меры против подателей жалоб и заявлений, которые, по мнению чекистов, "грязью и клеветой желают опорочить имена ответственных руководителей ВЧК", чекистам с трудом удавалось сдерживать критику в свой адрес. Когда ситуация обострилась до того, что даже "члены партии начали выливать помой на головы сотрудников чрезвычайных комиссий", последние выступили с публичным заявлением, в котором, в частности, говорилось: "Здесь лишне спорить о том, правильна или неправильна была наша тактика. Это разберет история. Вместо лишних слов мы еще раз указываем на массу резолюций о необходимости красного террора, еще раз подчеркиваем, что чрезвычайные комиссии проводили в жизнь не свои постановления, не свою тактику, не свою волю, а постановления и волю пролетариата, его органов власти, его авангарда — коммунистической партии"⁹. В сложной для чекистов обстановке РКП(б) решительно встала на их защиту и призвала коммунистов не забывать, что "ЧК созданы, существуют и работают лишь как прямые органы партии под ее директивами и ее контролем"¹⁰.

Впервые ВЧК была наделена внесудебными полномочиями, т.е. правом определять меру наказания без рассмотрения дела в суде, 21 февраля 1918 г. декретом СНК "Социалистическое отечество в опасности!" В марте 1918 г. началось создание местных чрезвычайных комиссий при губернских, областных и уездных Советах. Они наделялись правом производить аресты, обыски, реквизиции, конфискации. На

практике полномочия местных ЧК были гораздо шире. Их грозные приказы о расстрелах "всех выступающих письменно и устно против Советской власти"¹¹ издавались по всей России задолго до официального объявления о красном терроре.

В первой половине 1918 г. в стране уже действовали 40 губернских и 365 уездных чрезвычайных комиссий¹². В своей деятельности они были абсолютно самостоятельны, подчинялись, соответственно, ВЧК и губернским ЧК; являясь высшим административным органом местного Совета, отчитывались перед его исполкомом. Губернские, фронтовые, армейские и областные ЧК имели право применять высшую меру наказания. Секретная инструкция чрезвычайным комиссиям на местах от 1 декабря 1918 г. устанавливала: "Чр. Комиссии, являясь органом борьбы в острые моменты революции, накладывают в случае необходимости пресечения или прекращения незаконных действий наказания в административном порядке, но не в судебном, штрафы, высылки, расстрелы и т.п."¹³

Трудно придумать что-либо более не правовое, чем смертная казнь без суда в административном, т.е. распорядительном, приказном порядке. В дневниковых записях великого русского писателя-демократа В.Г. Короленко, к которому ежедневно, по старой памяти, обращались за помощью родственники людей, пострадавших от бессудных расправ "чрезвычайек", содержится множество заметок на эту тему. Вот один из его рассказов за 1919 г.: "6 апреля настоящего года в Полтаве расстреляно 8 человек по простому постановлению Чрезвычайной комиссии. Об этом даже не было известно ни Совету, ни Исполнительному комитету. Даже Чрезвычайная комиссия была не в полном составе (председатель отсутствовал). Должен прибавить, что обстановка этих казней была ужасна. Между другими политическими казнили политического Девченка. [Он был болен.] Его привезли на кладбище, положили на доску, перекинутую над готовой могилой, и пристрелили лежачего, после чего сбросили в яму. Других сажали на такую же доску. Это вызвало своеобразную просьбу заключенных: они просят, чтобы их хоть казнили по-старому: позволяли бы исповедаться, попрощаться с близкими или хоть написать предсмертные письма. В своих очерках, направленных против смертной казни, напечатанных при царском режиме, я приводил много прощальных писем смертников. Им в этом не отказывали... Страшное зло данной минутой, — писал далее Короленко, — неопределен-

ность права и обязанностей. Никто не знает, кто его может арестовать и за что. Революция чрезвычайек сразу подвинула нас на столетия назад в отношении отправления правосудия"¹⁴.

Политические репрессии осуществляли не только чрезвычайные комиссии. В ежемесячных сводках бюро печати НКВД о расстрелах по приговорам органов советской власти рубрика "Кто выносил приговоры" содержала следующие графы: "чрезвычайные комиссии", "президиумы исполкомов", "революционные трибуналы", "военно-полевые трибуналы", "следственные комиссии", "военные комитеты и комиссары", "по единоличному распоряжению агентов власти", "воинские команды", "неизвестно какие учреждения и лица", "штабы армий и реввоенсоветы". В сводках за лето и осень 1918 г. и зиму 1919 г. в каждой графе содержатся определенные сведения о количестве вынесенных смертных приговоров¹⁵. Естественно, что никаких нормативных актов, наделявших столь широкий круг представителей советской власти "расстрельными" полномочиями, не существовало. Произвол оправдывался просто: "когда гремит оружие, законы молчат".

Законы действительно молчали. Первый декрет о суде, принятый СНК 22 ноября 1917 г., упразднил существовавшую судебную систему. Вновь созданным местным судам разрешалось на первых порах пользоваться "законами свергнутых правительств", но лишь постольку, "поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию"¹⁶. Из судебной практики исключались как буржуазные и не отвечающие классовым интересам трудящихся все демократические принципы правосудия (независимость судей, отделение суда от администрации, состязательность и гласность судебного процесса, суд присяжных и др.), выработанные реформой 1864 г. Для борьбы против контрреволюционных сил декрет учреждал особые суды — революционные трибуналы. Об их специфике говорилось в одном из приказов ВЧК: "Коренным отличием трибунального суда от суда общего должны быть: необычайная быстрота, во-первых, и необычайная суровость, во-вторых, где подсудимый имеет минимум прав, и где его интересы сознательно приносятся законом в жертву интересам целого"¹⁷. Впоследствии для трибуналов была выработана особая инструкция о так называемом "упрощенном порядке рассмотрения" дел, по которой все судопроизводство сводилось "к прочтению обвини-

тельного заключения, допросу обвиняемого и вынесению приговора"¹⁸.

Основными источниками права для революционных трибуналов с первых дней их существования стали не законы, а "революционная совесть" и "революционное правосознание". Первоначально репрессивные полномочия трибуналов регулировались ведомственными инструкциями Народного комиссариата юстиции и расширялись по мере расширения масштабов гражданской войны. 16 июня 1918 г. НКЮ постановил: "Революционные трибуналы в выборе мер борьбы с контрреволюцией, саботажем и пр. не связаны никакими ограничениями"¹⁹. Это означало, что не применявшийся ранее в качестве меры наказания расстрел становился составной частью судебной практики ревтрибуналов.

4 апреля 1919 г. ВЦИК принял Положение о революционных трибуналах, определявшее компетенцию и правомочия этих чрезвычайных судебных органов. В Положении, в частности, говорилось: "Революционные трибуналы учреждаются со специальной целью рассмотрения дел о контрреволюционных и всяких иных деяниях, идущих против всех завоеваний Октябрьской революции и направленных к ослаблению силы и авторитета Советской власти. В соответствии с этим трибуналам предоставляется ничем не ограниченное право в определении меры репрессии (...) Трибуналы выносят приговоры, руководствуясь исключительно обстоятельствами дела и велениями революционной совести (...) Обжалование приговора в апелляционном порядке не допускается"²⁰.

Регламентируя судебную деятельность ревтрибуналов, советская власть стремилась хоть в какой-то мере ввести политические репрессии в русло закона, ограничить внесудебные полномочия ВЧК. С этой целью трибуналам предоставлялось право проверки следственных действий чрезвычайных комиссий, члены трибунала имели право посещения мест заключения и проверки законности содержания всех арестованных под стражей. Однако на практике судебная репрессивная деятельность революционных трибуналов, состоящих из трех "ответственных политических работников", избранных местным Советом сроком на один месяц, мало чем отличалась от внесудебных расправ чрезвычайных комиссий.

Как известно, под особым контролем большевиков всегда находились армия и транспорт. Для рассмотрения всех политических дел военнослужащих и военнопленных учре-

ждались революционные военные трибуналы, которым предоставлялось ничем не ограниченное право в определении меры репрессии. К "политическим делам" Положение ВЦИК о революционных военных трибуналах от 20 ноября 1919 г. относило дела о таких преступных деяниях, которые "создают опасность для советского социалистического строя республики, укрепления в ней завоеваний революции и для ее обороны"²¹. Постановление Реввоенсовета Республики от 4 февраля 1919 г. предписывало революционным военным трибуналам в своих решениях и приговорах руководствоваться "интересами социалистической республики, обороны ее от врагов социалистической революции и интересами классовой войны за торжество пролетариата, как это подсказывается им революционным коммунистическим правосознанием и революционной совестью"²².

Разъясняя российскому населению суть и назначение нового правосудия, Л.Д. Троцкий писал в апреле 1919 г.: "Наши трибуналы действуют не по каким-либо письменным уложениям... Приговоры сообразуются с меняющимися обстоятельствами и потребностями революционной борьбы, с классовым происхождением преступника. Революционное правосудие, в том числе и революционное военное правосудие, не рядится в маску равной для всех справедливости... Именно потому, что наше революционное правосудие отбросило прочь все лицемерие старой юстиции, оно получило огромное воспитательное значение... Приговоры должны иметь агитационный характер: устрашать одних, поднимать веру и бодрость в сердцах других"²³.

В числе наказаний, налагаемых реввоен трибуналами, могли быть выговор, штраф, конфискация имущества, лишение всех или только политических прав, лишение свободы, сдача в штрафные части (для красноармейцев), расстрел.

Введение военного положения на транспорте привело к учреждению в 1920 г. революционных военных железнодорожных трибуналов и трибуналов водного транспорта. Они наделялись теми же правами, что и революционные военные трибуналы. Военно-транспортные трибуналы были упразднены декретом ЦИК СССР от 23 ноября 1923 г. Однако порочная практика создания специальных судебных учреждений для рассмотрения "в упрощенном порядке" дел о преступлениях, совершенных на транспорте, сохранилась и в последующие годы.

27 ноября 1930 г. были образованы железнодорожные линейные суды, к подсудности которых относились,

в частности, "все дела о контрреволюционных преступлениях, связанных с работой железнодорожного транспорта".

7 июня 1934 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление об организации водных транспортных судов. В списке дел, поданных этим судам, на первом месте стояли дела "о государственных преступлениях (контрреволюционных и особо опасных преступлениях против порядка управления) на водном транспорте". Кроме того, в разные годы на железнодорожном и водном транспорте действовали военные трибуналы. Их назначение так же, как и назначение особых транспортных судов, сводилось (как и в годы гражданской войны) к максимальному ускорению и упрощению процесса судопроизводства и усилению репрессии. Транспортные судебные учреждения, как не отвечающие принципам социалистической законности, были упразднены 12 февраля 1957 г.

Победа большевиков в гражданской войне убедила партийное руководство в правильном выборе оружия. "Бронепоезд" был переведен на "запасной путь", но карательные органы, почищенные и подновленные, продолжали верой и правдой служить так называемой диктатуре пролетариата.

В их репрессивной деятельности в течение десятилетий сохранялось то, что в определенном смысле можно назвать "чекистскими традициями": игнорирование общегосударственного законодательства и базирование на внутриведомственных актах, отсутствие гласности и общественного контроля, нарушение общепринятых процессуальных норм и юридических гарантий, массовые внесудебные расправы, беспощадное подавление инакомыслия, тотальный контроль над армией и населением — и все это под руководством правящей коммунистической партии.

Новая политическая обстановка внутри страны и изменения во внешней политике заставили советское руководство пойти на реорганизацию карательных органов. В целях "усиления начал революционной законности" ВЦИК 6 февраля 1922 г. принял декрет "Об упразднении ВЧК и о правилах производства обысков, выемок и арестов"²⁴. Этот законодательный акт упразднял ВЧК и ее местные органы и возлагал на Народный комиссариат внутренних дел выполнение ряда новых задач на всей территории РСФСР. В задачи НКВД РСФСР входило: подавление контрреволюционных выступлений, борьба со шпионажем, охрана путей сообщения, политическая охрана границ РСФСР, борьба с контрабандой, а также выполнение специальных поручений

Президиума ВЦИК и СНК по охране революционного порядка. Для проведения в жизнь этих задач декрет предписывал образовать при НКВД РСФСР Государственное политическое управление (ГПУ), а на местах — политические отделы. В ведение ГПУ переходили особые и транспортные отделы, входившие ранее в состав ВЧК, а также особые части войск. ГПУ и его местные органы наделялись правом производить в необходимых случаях обыски, выемки, аресты. Никаких внесудебных полномочий ГПУ не имело, закон строго предписывал: "Все дела о преступлениях, направленных против советского строя или представляющих нарушения законов РСФСР, подлежат разрешению исключительно в судебном порядке революционными трибуналами или народными судами по принадлежности"²⁵. Надзор за следственными действиями ГПУ должен был осуществлять Наркомат юстиции.

Однако ГПУ недолго оставалось в рамках "революционной законности". 16 октября 1922 г. ВЦИК наделил его "правом внесудебной расправы, вплоть до расстрела"²⁶, отступив от провозглашенного ранее принципа осуждения только по суду.

После образования СССР "в целях объединения революционных усилий союзных республик по борьбе с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом" на 2-й сессии ЦИК СССР 6 июля 1923 г. было учреждено Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР, которое руководило работой местных органов ГПУ через своих уполномоченных при советах народных комиссаров союзных республик. Правовой статус этого общесоюзного органа определяло "Положение об Объединенном государственном политическом управлении СССР и его органах", принятое ЦИК СССР 15 ноября 1923 г.²⁷

В 1920-е годы наиболее распространенной формой государственного принуждения по политическим мотивам стали высылка и ссылка, применявшиеся в административном порядке. В.И. Ленин выступил инициатором высылки за границу антисоветски настроенной интеллигенции. 19 мая 1922 г. Ленин писал наркому внутренних дел РСФСР: «т. Дзержинский! К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции. Надо это подготовить тщательнее. Без подготовки мы наглупим.... Надо поставить Дело так, чтобы этих "военных шпионов" изловить и излавливать постоянно и систематически и высылать за границу»²⁸.

Первоначально, по декрету ВЦИК "Об административной высылке" от 10 августа 1922 г., осуществление этого вида политической репрессии возлагалось на особую Комиссию по высылке при НКВД. Дополнительным постановлением от 16 октября того же года ВЦИК предоставил этой же Комиссии "право высылать и заключать в лагерь принудительных работ на месте высылки" лиц, признаваемых социально опасными, в том числе деятелей антисоветских политических партий²⁹. После образования ОГПУ функции названной Комиссии перешли к органам госбезопасности.

28 марта 1924 г. ЦИК СССР утвердил "Положение о правах ОГПУ в части административных высылки, ссылки и заключения в концентрационный лагерь". Согласно этому нормативному акту, ОГПУ имело право без суда по собственному усмотрению высылать на срок до трех лет лиц, признанных социально-опасными, из местностей, где они проживают, с запрещением дальнейшего проживания в этих, а также в ряде других областей, или ссылать на жительство в определенные районы под гласный надзор местного органа ГПУ. Кроме того, ОГПУ предоставлялось право заключать названных лиц в концентрационный лагерь на срок до трех лет или высылать за пределы государственной границы СССР на тот же срок.

В списке лиц, признаваемых социально опасными, на первом месте традиционно стояли те, кого обвиняли в причастности "к контрреволюционной деятельности, шпионажу и другим видам государственных преступлений". Что касается лиц, обвиняемых в преступлениях против порядка управления и других, то к ним ОГПУ применяло вышеназванные внесудебные репрессии "при отсутствии достаточных оснований для направления дел о них в судебном порядке". Вынесение постановлений о высылке, ссылке и заключении в концентрационный лагерь возлагалось на Особое совещание в составе трех членов Коллегии ОГПУ. По назначению председателя ОГПУ Ф.Э. Дзержинского в состав Особого совещания вошли В.Р. Менжинский, Г.Г. Ягода, Г.И. Бокий. В союзных республиках при ГПУ создавались свои особые совещания под председательством уполномоченных ОГПУ. Их права были несколько сужены по сравнению с правами центрального Особого совещания³⁰.

В последующие годы внесудебные полномочия ОГПУ неуклонно расширялись. Наряду с Особым совещанием активную репрессивную деятельность вела Коллегия ОГПУ. По сведениям, представленным в декабре 1953 г. Первым спец-

отделом МВД СССР, в период с 1921 по 1929 г. органами ВЧК—ГПУ—ОГПУ было арестовано более 1 млн человек, в том числе за контрреволюционные преступления — почти 600 тыс.³¹ Счет осужденных внесудебными органами шел на десятки тысяч.

Карательная практика ОГПУ так же, как в свое время действия ВЧК, вызвала у населения ненависть и страх. Это не смущало его руководство. По отзывам современников, Дзержинский, находясь во главе ВЧК—ОГПУ, "хотел, чтобы его боялись, даже от страха ненавидели... Он считал, что такой страх приносит большую пользу как в самом составе ВЧК, так еще больше вне ее — в стране. Страх, по его мнению, играет роль предохранителя от свершения всяческих проступков и преступлений"³². Иного мнения о воздействии страха на советских людей придерживались сторонние наблюдатели. «Страх учит их лжи, лицемерию и неискренности, — писал 26 марта 1926 г. представитель чехословацкой дипломатической миссии в Москве своему МИДу в Праге в донесении, озаглавленном "Страх в СССР". — Страх является причиной всеобщей неуверенности, глушит всякую инициативу. Этот страх есть одна из причин всеобщего экономического бездействия советского государства (...) Чего же боятся все эти граждане новой России? Если бы вы их спросили, большинство из них, оглядываясь по сторонам, осторожно, дабы никто не слышал, ответили бы вам: ГПУ (...) Остается, однако, вопрос, можно ли, чтобы и в будущем пришлось так же жить постоянно; поскольку этот страх препятствует давать хорошие советы при организации народнохозяйственной жизни, укреплять государство и работать в пользу улучшения всеобщего благополучия, а он не может исчезнуть, пока в России у руля остается нынешний режим»³³. Иностранному наблюдателю не ошибся в своем прогнозе. Страх, внушаемый населению политическими репрессиями, не исчез ни тогда, ни потом, он растворился в советском обществе, пропитал все клеточки общественного организма, сковал свободомыслие, сделал практически невозможными какие-либо проявления открытого общественного недовольства.

В конце 1920-х годов происходит резкое ужесточение карательной политики. В Политбюро активизируется работа постоянной Комиссии по судебным делам, созданной в 1926 г. для контроля за организацией показательных политических процессов. Претворяя волю высшего партийного руководства, законодательные органы не скупятся на раздачу

репрессивных полномочий. 1 февраля 1930 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление "О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством". "В целях обеспечения наиболее благоприятных условий для социалистического переустройства сельского хозяйства" краевым (областным) исполнительным комитетами и правительствам автономных республик предоставлялось право применять в районах сплошной коллективизации "все необходимые меры борьбы с кулачеством вплоть до полной конфискации имущества кулаков и выселения их из пределов отдельных районов и краев (областей)"³⁴.

На следующий день, во исполнение правительственной директивы, ОГПУ издало строго секретный приказ об организованной ликвидации кулачества, из которого хорошо видно, что дело не ограничивалось конфискациями и выселением. Эти репрессии ожидали вторую и третью категории крестьян, а ведь была еще и первая, так называемый "контрреволюционный кулацкий актив". Острые карательные мероприятия ОГПУ направлялось именно против "первой категории", в отношении которой задача формулировалась предельно четко: "немедленная ликвидация", что означало либо расстрел без суда, либо заключение в концентрационный лагерь. ОГПУ приказывало своим местным полномочным представительствам (ПП ОГПУ) «для рассмотрения дел на лиц, проходящих по этим делам (первая категория), немедленно создать в ПП ОГПУ "тройки" с представителями от крайкома ВКП (б) и прокуратуры. Состав "тройки" выслать на утверждение Коллегии ОГПУ. Для непосредственного руководства операцией по выселению кулаков и их семейств (вторая категория) (...) организовать оперативные "тройки"»³⁵. В 1930 г. более 86% приговоров по делам ОГПУ были вынесены "тройками".

Политические репрессии в отношении крестьянства не ограничивались внесудебной деятельностью "троек" ОГПУ. Карательные функции выполняли представители всех "ветвей власти": партийной, государственной, колхозной. На Украине, например, число осужденных колхозников и единоличников составляло в этот период около 1 млн человек. По отдельным колхозам число крестьян, осужденных на разные сроки наказания, достигало 10—15% и более³⁶. Руководители страны были хорошо осведомлены о местном произволе, но не считали нужным сдерживать "инициативу масс". Только страшный голод, охвативший страну в 1932—1933 гг., заста-

вил высшее партийное руководство отказаться от политики массовых репрессий на селе. В секретной партийно-правительственной инструкции от 8 мая 1933 г., адресованной "всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, суда и прокуратуры", говорилось: «ЦК и СНК считают, что в результате наших успехов в деревне наступил момент, когда мы уже не нуждаемся в массовых репрессиях, задевающих, как известно, не только кулаков, но и единоличников и часть колхозников (...) В ЦК и СНК имеются сведения, из которых видно, что массовые беспорядочные аресты в деревне все еще продолжают существовать в практике наших работников. Арестовывают председатели колхозов и члены правлений колхозов. Арестовывают председатели сельсоветов и секретари ячеек. Арестовывают районные и краевые уполномоченные. Арестовывают все, кому не лень, и кто, собственно говоря, не имеет никакого права арестовывать. И неудивительно, что при таком разгуле практики арестов органы ОГПУ, и особенно милиция, теряют чувство меры и зачастую производят аресты без всякого основания, действуя по правилу: "сначала арестовать, а потом разобраться"»³⁷.

Сталинская критика "арестов без всякого основания" временно сбила волну безнаказанного насилия, численность осужденных стала заметно снижаться, но процесс этот продолжался недолго. Если в первом полугодии 1933 г. судебными органами РСФСР было осуждено 738 488 человек, то во втором полугодии количество осужденных уменьшилось на 7% и составило 687 016 человек. В первом полугодии 1934 г. число осужденных сократилось до 580 283, но уже во втором полугодии выросло до 615 075. Всего за 1933—1934 гг., по сведениям председателя Верховного суда РСФСР И.Л. Булата, судебными органами РСФСР было осуждено более 2,6 млн человек³⁸.

Следует иметь в виду, что далеко не всех осужденных приговаривали к лишению свободы. Весьма распространенными видами наказаний в тот период были исправительно-трудовые работы (ИТР) без содержания под стражей, чаще называемые "принудительными работами" или "принудилровкой", а также условное осуждение. По РСФСР на конец 1934 г. приговоры к ИТР без содержания под стражей имели почти 669 тыс. осужденных, которые находились в ведении различных подразделений Наркомата юстиции РСФСР³⁹. Осуждение на принудительные работы за невыполнение посевных планов, обязательств по хлебозаготовкам, невыполнение плана засыпки семян и другие подобные "правонарушения"

наиболее широко практиковалось в период сельскохозяйственных кампаний как средство давления на крестьянство. Однако многими колхозниками приговор к ИТР воспринимался не как наказание, а как возможность заработать реальные деньги.

Интересные наблюдения по этому поводу изложены в письме Г. Красношекова в редакцию "Крестьянской газеты". Собственный корреспондент этой газеты писал в начале 1934 г.:

«По дороге в Ленинград мне много пришлось беседовать с колхозниками. Меня поразило то, что колхозники не считают зазорным приговор суда на "принудиловку".

В разговоре они без конца перечисляют и упоминают, "что вот, мол, приехал с принудиловки", "послали на принудиловку" и т.д., как будто принудиловка — дом отдыха или курорт.

Я поставил ряд вопросов и выявил, что колхозники не считают "принудиловку" зазорной (...)

Для рабочего, интеллигента и культурного колхозника "принудиловка", конечно, действует, это для них позор, а на массу колхозников не производит впечатления.

В чем же тут дело?

Оказывается, приговоренные на принудительные работы зарабатывают 180 — 200 и 300 рублей. Один даже хвастал, что он в течение недели заработал 100 рублей. Значит, после вычета в пользу

государства 25%, у него остается вполне хороший, не бьющий по карману и самолюбию заработок»⁴⁰.

Автор письма, чьи наблюдения подтверждались десятками других аналогичных фактов, предлагал поставить вопрос перед высшими судебными инстанциями об изменении существующей практики применения принудительного труда.

Изменения в карательной политике в сфере применения принудительного труда осужденных произошли очень скоро, и не столько под воздействием писем с мест, сколько по причинам политического и экономического характера. По ряду преступлений количество осужденных к лишению свободы резко возросло уже в 1934—1935 гг. Так, например, если в первой половине 1934 г. число осужденных к лишению свободы за растраты по РСФСР составляло 31,9%, то уже в первой половине 1935 г. приговор к лишению свободы получили 52,7% осужденных за этот вид преступлений. Резко возросла численность заключенных, осужденных за хулиганство. Во второй половине 1933 г. к лишению свободы приговорили только 10,1% лиц, осужденных за хулиганство, во второй половине 1935 г. — уже 41,8%⁴¹.

Что же касается дел по так называемым контрреволюционным преступлениям, то здесь наблюдалась совсем иная картина. «В начале этого года, — докладывал в ноябре 1935 г. председатель Верховного суда РСФСР И.Л. Булат высшему партийному и советскому руководству, — мы имели случаи, когда местные судебные органы допускали применение по этого рода делам принудительных работ и условных осуждений. Поэтому 25 февраля Президиум Верховсуда дал указание "категорически запретить применение ИТР и условного осуждения к лицам, осужденным по этого рода делам"». Далее председатель Верховного суда РСФСР убежденно доказывал: "Мы считаем, что карательная политика, проводимая Верховсудом, совершенно правильно была направлена на беспощадное подавление контрреволюционных элементов"⁴².

10 июля 1934 г. постановлением ЦИК СССР был образован общесоюзный Народный комиссариат внутренних дел^{2*}, в состав которого в качестве Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) вошло реорганизованное ОГПУ⁴³. На НКВД СССР возлагались следующие задачи: обеспечение революционного порядка и государственной безопасности, охрана общественной (социалистической) собственности, запись актов гражданского состояния, пограничная охрана.

Структура НКВД включала в себя Главное управление исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений (ГУЛАГ), Главное управление рабоче-крестьянской милиции (ГУРКМ), а также ряд других подразделений. В союзных республиках создавались республиканские НКВД, в автономных республиках, краях и областях — управления НКВД, в РСФСР вводилась должность Уполномоченного НКВД СССР. В состав ГУГБ вошли основные оперативные подразделения бывшего ОГПУ. Народными комиссарами внутренних дел СССР в довоенный период были Г.Г. Ягода (10 июля 1934 г. - 26 сентября 1936 г.), Н.И. Ежов (26 сентября 1936 г. - 25 ноября 1938 г.), Л.П. Берия (25 ноября 1938 г. - 29 декабря 1945 г.).

По специальному постановлению ЦИК СССР "О рассмотрении дел о преступлениях, расследуемых Народным комиссариатом внутренних дел Союза ССР и его местными

^{2*} НКВД РСФСР был ликвидирован постановлением ЦИК и СНК СССР от 15 декабря 1930 г. по предложению Сталина, а его функции были переданы в другие ведомства, преимущественно, в ОГПУ. См.: СУ РСФСР. 1931. №4. Ст. 38.

органами" от 10 июля 1934 г. дела о государственных преступлениях (контрреволюционных и против порядка управления) подлежали рассмотрению в Верховном суде СССР, в республиканских верховных судах, а также в краевых и областных судах. В названных судебных учреждениях для рассмотрения этих дел образовывались специальные судебные коллегии⁴⁴.

В течение 1935 г. специальные коллегии судебных органов РСФСР рассмотрели 8799 дел, по которым было осуждено 24 737 человек, причем, если в первом полугодии было рассмотрено 2995 дел и осуждено 9877 человек, то во втором полугодии в специальные судебные коллегии поступило уже 5804 дела, по которым осудили 14 860 человек. Постоянный прогрессирующий рост количества дел и осужденных по статьям о контрреволюционных преступлениях стал еще более заметен в 1936 г. Подавляющее большинство дел составляли дела о контрреволюционной агитации, удельный вес которых непрерывно возрастал. Так, если в первом полугодии 1935 г. число лиц, привлеченных по обвинению в контрреволюционной агитации, составляло по отношению к общему количеству лиц, осужденных спецколлегиями, 46,8%, то во втором полугодии их доля повысилась до 65,6%, в январе 1936 г. — до 81,3%, а в феврале возросло до 87,2%⁴⁵.

В отдельных судах количество дел о контрреволюционной агитации превышало 90%, например, по Главсуду Республики Немцев Поволжья такие дела составляли 93%. Характерно, что большинство осужденных по этим делам (63,6%) принадлежали к так называемым трудовым слоям населения, т.е. относились по своему социальному положению к рабочим, служащим и колхозникам.

Опасаясь, как бы самих судебных работников не обвинили в контрреволюционной агитации, ведь им приходилось повторять в приговорах те же самые "крамольные" высказывания, за которые они судили обвиняемых, Президиум Верховного суда РСФСР вынес в 1935 г. специальное постановление: "Запретить судам воспроизводить в приговорах те контрреволюционные выражения и фразы, за которые подсудимые осуждены, указывая лишь в общих выражениях характер контрреволюционных выступлений со ссылкой на лист дела и другие данные подлинного производства"⁴⁶. Кроме того, дела этого рода рассматривались в закрытых судебных заседаниях и хранились в секретном порядке.

Что понимало советское правосудие под "контрреволюционной агитацией"? Исчерпывающий ответ на этот вопрос

содержится в специальном письме Н.В. Крыленко от 31 марта 1936 г. на имя И.В. Сталина. По собственному признанию наркома юстиции РСФСР, прогрессирующий рост количества дел о контрреволюционной агитации на фоне роста общего благосостояния страны и творческого энтузиазма трудящихся вызывал у него недоумение. Это обстоятельство заставило наркома проанализировать часть дел по данному составу преступления.

Анализ показал следующее^{3*}:

46,5% дел оказались делами о лицах, обвинявшихся в контрреволюционной агитации в связи с убийством СМ. Кирова или со смертью В.В. Куйбышева. По этим делам установлено одобрение подсудимыми террористического акта, выявлены также высказывания террористического порядка в отношении руководителей партии и правительства.

16,7% дел о контрреволюционной агитации было возбуждено в связи с антисоветскими высказываниями отдельных лиц против важнейших мероприятий партии и правительства, как-то: по поводу хлебосдачи, отмены карточной системы, госзаймов и т.д.

10,1% представляли собою дела по обвинению в контрреволюционной агитации против колхозов и различных партийных мероприятий, связанных с колхозным строительством.

7% составляли дела о лицах, привлеченных к ответственности за исполнение разного рода контрреволюционных анекдотов, стихов, песен, частушек и пр.

6,9% дел содержали обвинения граждан в контрреволюционных выпадах, связанных с гибелью стратостата, аварией самолета "Максим Горький", строительством Беломорканала, продажей КВЖД, очисткой столиц от чуждых элементов, изданием учебника "История ВКП(б)" и др.

4,6% составляли дела по обвинению лиц в агитации действием в виде уничтожения или издевательства над портретами или изображениями вождей партии и правительства.

4,4% дел содержали агитацию в связи с восхвалением и одобрением личности и деятельности вождей троцкистско-зиновьевской контрреволюции.

1,9% дел было возбуждено против лиц, обращавшихся за помощью к заграничным фашистским организациям с сообщением клеветнических сведений об СССР.

1,9% дел содержали в себе контрреволюционную агитацию на почве использования религиозных и сектантских предрассудков⁴⁷.

* Формулировки обвинений даются в интерпретации и изложении Крыленко.

По мнению Крыленко, многие дела о контрреволюционной агитации были далеко не бесспорны, и если в одних случаях (террористическая агитация, восхваление троцкистско-зиновьевской контрреволюции, исполнение антисоветских песен и частушек, издевательство над портретами вождей, сообщение клеветнических сведений об СССР и других аналогичных) необходимость уголовно-судебного преследования не вызывала сомнений, то в ряде других случаев (они составляли 35,6% всех дел о контрреволюционной агитации) для возбуждения уголовных дел не было достаточных оснований.

"Я считаю, — писал Крыленко Сталину, — что одной из причин чрезвычайного роста дел о контрреволюционной агитации является широкое распространительное толкование судами, прокуратурами и в особенности органами Наркомвнудела, по чьей инициативе и возникают эти дела и которые проводят следствие по этим делам, — статьи 58¹⁰, под которую, как правило, подводят сейчас всякое контрреволюционное высказывание отдельных лиц даже тогда, когда агитации, в прямом смысле направленной против партии и правительства, нет или когда имеют место контрреволюционное брюзжание или нецензурная ругань отдельных лиц"⁴⁸. Напомним, что в ст. 58¹⁰ УК РСФСР речь шла о таком составе контрреволюционного преступления, как "пропаганда и агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти".

В своей записке Сталину нарком юстиции РСФСР приводил случаи и цитировал отдельные высказывания советских граждан, которые, по его мнению, не следовало расценивать как контрреволюционную агитацию. Например, спецколлегия казахстанского Главсуда осудила гражданина Мешкова по ст. 58¹⁰ УК к трем годам лишения свободы за то, что он, выступив на общем собрании, сказал: "Заем — дело добровольное, на 150 рублей подписаться я не хочу, а подпишусь на 100 рублей".

Саратовский краевой суд на основании ст. 58¹⁰ приговорил к полутора годам лишения свободы молодую колхозницу Марию Раткову за то, что она распевала на молодежной вечеринке частушку: "Вставай, Ленин, вставай дедка, нас убила пятилетка".

Значительно строже тот же Саратовский крайсуд обошелся с 25-летним рабочим Яковом Бирюковым, который 27 ноября 1935 г. на собрании молодежи во время чтения речи Сталина заявил: "Стахановское движение — болтовня, небылца. Мой товарищ приехал из Донбасса и рассказывает,

что там по 30 — 40 гробов каждый день вытаскивают. Советская власть ведет не к улучшению быта колхозников, а к гибели. Хлеб сдают колхозники дешево, а покупают по 1 руб. за кило. В 1936 г. колхозники задохнутся". За свой "контрреволюционный" выпад против стахановского движения и колхозов подвыпивший рабочий получил на основании ст. 58¹⁰ 6 лет лишения свободы⁴⁹.

Крыленко считал, что изменить сложившуюся практику и остановить непрерывный рост количества дел по ст. 58¹⁰ можно только в том случае, если ЦК ВКП (б) даст специальное указание, которое установит должные пределы привлечения к уголовной ответственности лиц, обвиняемых в контрреволюционной агитации. С выводами наркома юстиции в целом был согласен и прокурор СССР А.Я. Вышинский, однако в высших партийных кругах инициатива Крыленко не получила поддержки.

Дела об измене родине, шпионаже, терроре, взрывах, поджогах и иных видах диверсий (т.е. о наиболее "популярных" в тот период видах государственных преступлений) направлялись на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР и военных трибуналов округов.

Судебная практика Военной коллегии мало чем отличалась от внесудебных расправ чрезвычайных комиссий, "троек", особых совещаний и т.д. Под председательством В.В. Ульриха, возглавлявшего этот орган советского правосудия с 1926 по 1948 г., "Военная коллегия Верховного суда СССР из высшего судебного органа, призванного стоять на страже советской законности, превратилась в судилище, осуществлявшее расправу с тысячами советских людей". К такому выводу пришла в 1956 г. Комиссия ЦК КПСС, занимавшаяся установлением причин массовых репрессий. В ее докладе Президиуму ЦК КПСС подробно описан механизм судебного произвола:

«В 1937 — 38 гг. сложилась порочная практика, когда НКВД СССР, заканчивая следствие по делам, подлежащим рассмотрению в Военной коллегии Верховного суда СССР, заранее определял меры наказания обвиняемым. С этой целью в НКВД составлялись списки лиц, дела на которых подлежали рассмотрению в Военной коллегии. В списках указывались фамилии лиц, предаваемых суду, и заранее предлагалась мера наказания. Эти списки Ежовым направлялись лично *т. Сталину*^{4*} для санкционирования

^{4*}Выделенное курсивом имя Сталина вписано в машинописный текст документа от руки, подчеркивания сделаны в самом документе.

предлагаемых мер наказания. В 1937 — 38 гг, т. Сталину было направлено 383 таких списка на 44 465 ответственных партийных, советских, комсомольских, военных и хозяйственных работников. В подавляющем большинстве им определялся расстрел.

После утверждения списков т. Сталиным работники НКВД, до направления дел в Военную коллегию, делали в этих делах отметку в соответствии с утвержденной мерой наказания. Если обвиняемый подлежал расстрелу, то на обвинительном заключении ставили "1" (первая категория), если обвиняемого нужно было осудить к лишению свободы, то делалась отметка "2". Этими отметками и руководствовались члены Военной коллегии Верховного суда, вынося приговоры по делам.

Судебного рассмотрения дел в Военной коллегии по существу не было. Военная коллегия, вынося заранее predeterminedные меры наказания, механически штамповала материалы предварительного следствия.

Все "судебное заседание" Военной коллегии, включая и время вынесения и оглашения приговора, занимало лишь 15 — 20 минут (...) Установлены факты, когда Военная коллегия Верховного суда СССР дошла до вынесения приговоров по телеграфу. Бывший член Военной коллегии Верховного суда СССР Никитченко (ныне генерал-майор в отставке), возглавляя выездную сессию на Дальнем Востоке, не видя дел и обвиняемых, вынес по телеграфу 102 приговора»⁵⁰.

По официальным данным, Военная коллегия осудила с 1934 по 1955 г. 47 459 человек, из них 39 167 человек в 1937— 1938 гг.⁵¹ Под чьим руководством осуществлялся судебный произвол? Прямой ответ на этот вопрос содержится в письме Ульриха Сталину от 2 апреля 1938 г.: "Являясь формально одной из составных частей Верховного суда СССР, фактически Военная коллегия по всей своей практической судебной деятельности представляет учреждение почти самостоятельное... Судебную практику по делам об измене Родине, о подготовке и совершении террористических актов, о шпионаже и диверсиях Военная коллегия осуществляла и осуществляет под непосредственным руководством высших директивных органов"⁵².

Под руководством тех же "директивных органов" действовали и внесудебные карательные структуры, порожденные политическим террором 1930-х годов — "тройки" и "двойки". Формальным основанием для их создания и деятельности служили ведомственные нормативные акты, изданные наркомом внутренних дел на основе распоряжений ЦК ВКП(б) и лично Сталина. Приказ Г.Г. Ягоды от 27 мая 1935 г. предписывал образовать при местных управлениях

НКВД "тройки" в составе начальника УНКВД, начальника управления милиции и руководителя отдела НКВД, представившего дело на рассмотрение "тройки". Это были так называемые "милицейские тройки", рассматривавшие дела на уголовных преступников. Их внесудебные полномочия ограничивались правом ссылать, высылать и заключать в лагерь на срок до пяти лет лиц, обвиняемых в уголовных преступлениях. В 1935 г. по решениям таких "троек" было осуждено 122 726 человек, в основном в это число вошли воры, хулиганы, рецидивисты и другие так называемые социально-вредные элементы⁵³.

Совсем иными правами наделялись "спецтройки". На основании распоряжения Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 июля 1937 г., которое *предлагало* местному партийному руководству и местным органам НКВД "взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки"⁵⁴, нарком внутренних дел Н.И. Ежов издал 30 июля 1937 г. оперативный приказ № 00447 "Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов"⁵⁵. Для осуществления этой "боевой" операции территория всех республик, краев и областей делилась на оперативные сектора, в которых формировались оперативные группы под руководством ответственных работников местных органов НКВД. Эти группы укомплектовывались оперативными работниками, войсковыми или милицейскими подразделениями, средствами транспорта и связи. На начальников оперативных групп возлагалось руководство "учетом и выявлением подлежащих репрессированию, руководство следствием, утверждение обвинительных заключений и приведение приговоров троек в исполнение". Они же составляли и подписывали списки кандидатов на арест и на основании этих списков, утвержденных руководителем местного управления НКВД, производили арест. Инструктируя региональных начальников НКВД в июле 1937 г., Ежов заявлял: "Если во время этой операции будет расстреляна лишняя тысяча людей — беды в этом особой нет"⁵⁶.

Конституционное требование о том, что "никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора", не имело силы. Операция была столь тщательно спланирована и организована (все распоряжения отдавались шифром по телеграфу), что уже

в течение первых 15 дней после издания приказа в 57 областях СССР было арестовано 100 990 человек. Приказ Ежова предписывал проводить следствие "ускоренно и в упрощенном порядке". По окончании следствия дела обвиняемых направлялись на рассмотрение "троек". В приказе содержался список 64 республиканских, краевых и областных "троек", персональный состав которых был утвержден Ежовым. Кстати, многих названных в этом списке председателей и членов "троек" арестовали до того, как они успели приступить к своим репрессивным обязанностям.

В состав "троек" входили руководители местных органов НКВД, первые секретари соответствующих комитетов ВКП(б) и либо местные прокуроры, либо руководители местных исполкомов. Такой состав внесудебных органов обеспечивал на местах круговую поруку высших должностных лиц. "Тройкам" предоставлялось право судить по "первой категории", т.е. приговаривать к расстрелу, и по "второй категории", т.е. заключать в лагерь или тюрьму на срок от 8 до 10 лет.

По воспоминаниям бывшего чекиста М.П. Шрейдера, проработавшего на руководящих должностях в системе НКВД до 1938 г. включительно, порядок работы "тройки" был следующий: составлялась повестка, или так называемый "альбом", на каждой странице которого значились имя, отчество, фамилия, год рождения и совершенное "преступление" арестованного. После чего начальник областного управления НКВД красным карандашом писал на каждой странице большую букву "Р" и расписывался, что означало "расстрел". В тот же вечер или ночью приговор приводился в исполнение. Обычно на следующий день страницы "альбома-повестки" подписывали первый секретарь обкома и председатель областного исполкома⁵⁷. В чекистской практике 1937 — 1938 г. такая процедура внесудебной расправы получила широкое распространение и называлась "осуждение по альбому".

Наряду с "тройками" в течение 1937 и 1938 г. активно работали так называемые "двойки", т.е. наркомы внутренних дел республик или начальники краевых и областных управлений НКВД совместно с республиканскими, краевыми и областными прокурорами. На общесоюзном уровне работала главная "двойка", официально именуемая Комиссией НКВД, и Прокурора СССР. Создание этих внесудебных структур предусматривалось приказом НКВД от 11 августа 1937 г. "Об операции по репрессированию членов польской

военной организации в СССР". Этот приказ устанавливал порядок, по которому местные "двойки" должны были каждые 10 дней составлять списки обвиняемых, предварительно "рассортировав" их по категориям. Затем эти списки с кратким изложением сути обвинения направлялись в НКВД СССР. Завершалось репрессирование, согласно приказу, следующим образом: "После утверждения списков в НКВД СССР и Прокурором СССР приговор немедленно приводится в исполнение, т.е. осужденные по первой категории — расстреливаются; по второй — отправляются в тюрьмы и лагеря согласно нарядам НКВД СССР"⁵⁸. На основании этого приказа в течение года по национальному признаку было репрессировано 106 666 поляков, из них приговорено к расстрелу 84 471 человек⁵⁹. Аналогичным образом на основании приказов НКВД осуществлялся массовый террор против немцев, корейцев, латышей и многих других групп и национальностей.

По мнению Комиссии ЦК КПСС, занимавшейся установлением причин массовых репрессий, "двойка" была создана "специально для того, чтобы уничтожать людей, арестованных в порядке проведения массовых операций". В докладе этой Комиссии Президиуму ЦК КПСС от 9 февраля 1956 г. приводились следующие факты, свидетельствующие о размахе репрессий, применяемых московской "двойкой": «только 29 декабря 1937 года Ежов и Вышинский, рассмотрев списки на 1000 человек, представленные лишь одним УНКВД Ленинградской области на лиц, обвиняемых в шпионской деятельности в пользу Латвии, осудили к расстрелу 992 человека. Однако это не являлось пределом. 10 января 1938 года "двойка" рассмотрела списки на 1667 человек, 14 января — на 1569 человек, 15 января — на 1884 человека, 16 января — на 1286 человек, 21 января — на 2164 человека»⁶⁰. Об обстановке, в которой подготавливались списки для рассмотрения "двойкой", рассказывал, будучи арестованным, бывший начальник отдела НКВД СССР Н.И. Шапиро: "До марта 1938 г. все следственные справки по массовым операциям рассматривались по поручению Ежова... Цесарским и Минаевым. Просмотренные ими дела... оформлялись в виде протоколов, которые без всякой проверки, даже без читки, автоматически подписывались наркомом, а также механически подписывались прокурором. После ухода Цесарского (а к этому времени скопилось свыше 100 тысяч следственных дел) к рассмотрению дел были привлечены рядовые начальники отделов. Однако положение не изменилось, а

только ухудшилось. Начальники отделов считали это излишней нагрузкой и старались за один вечер рассмотреть не менее 200 — 300 справок. По существу это было штампование справок без критического подхода, а люди осуждались к 10 годам заключения или к расстрелу.

Рассмотрение дел оформлялось протоколами, которые представлялись Ежову или Фриновскому (от наркомата) или Вышинскому и Рогинскому (от прокуратуры), которые подписывали эти решения, не читая и не проверяя их⁶¹.

По данным комиссии ЦК КПСС, в течение шести лет, т.е. с 1935 по 1940 г., в стране было арестовано *только по обвинению в антисоветской деятельности* 1 980 635 человек, из них расстреляно 688 503. Пик репрессий приходится на 1937— 1938 гг. За эти два года по политическим мотивам было арестовано 1 548 366 человек, из них расстреляно 681 692⁶². Подавляющее число обвинительных приговоров было вынесено внесудебным порядком так называемыми "двойками" и "тройками".

Преступная деятельность этих внесудебных органов продолжалась более года. "Массовые операции" закончились так же организованно, как и начались. 17 ноября 1938 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли секретное постановление "Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия", сходное по своему смыслу с секретной инструкцией 1933 г. Отметив заслуги НКВД в разгроме "врагов народа" и "шпионско-диверсионной агентуры иностранных разведок", Сталин и Молотов, подписавшие это постановление, высказали ряд весьма критических замечаний в адрес органов госбезопасности, военной юстиции и прокуратуры. Как на "крупнейший" недостаток в работе названных органов указывалось на упрощенный порядок ведения следствия и суда. Виновными в нарушениях социалистической законности объявлялись враги народа, пробравшиеся в органы НКВД и прокуратуры, которые сознательно извращали советские законы, совершали подлоги, фальсифицировали следственные документы, создавали с провокационной целью "дела" против невинных людей. Постановление запрещало впредь производить какие-либо "массовые операции", связанные с огульными арестами и выселением больших групп людей, требовало от репрессивных органов соблюдения процессуальных норм, предписывало ликвидировать все "тройки"⁶³.

26 ноября 1938 г. новый "хозяин" НКВД Л.П. Берия, выполняя распоряжение высшего партийно-правительственного руководства, подписал приказ об упразднении "двоек"

и "троек" и восстановлении нарушенных норм уголовно-процессуального законодательства. Иллюзию восстановления справедливости и законности дополнил Верховный суд СССР, который на своем пленуме в конце декабря 1938 г. начал пересматривать и отменять приговоры, вынесенные ранее по политическим делам.

Такая обстановка спровоцировала ряд критических выступлений со стороны руководителей местных партийных организаций, которые стали обвинять работников НКВД в применении пыток и доказывать, что использование методов физического воздействия на арестованных — это есть нечто преступное. Высшее партийное руководство, как и 20 лет назад, решительно встало на защиту своего "карающего меча". 10 января 1939 г. Сталин направил руководителям региональных партийных комитетов и органов НКВД шифрованную телеграмму, в которой говорилось: "ЦК ВКП разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП (...) ЦК ВКП считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа как совершенно правильный и целесообразный метод"⁶⁴. Уместно напомнить, что ст. 136 действовавшего УПК РСФСР гласила: "Следователь не имеет права домогаться показания или сознания обвиняемого путем насилия, угроз и других подобных мер", так что с точки зрения закона, физическое воздействие на обвиняемого с целью получения показаний было ничем иным, как преступлением.

Чтобы исключить возможные недоразумения, Сталин, откликаясь на просьбу А.Я. Вышинского, разрешил ознакомить с содержанием этой телеграммы местных прокурорских работников, осуществлявших надзор за следствием в органах НКВД, а заодно и председателей областных, краевых и республиканских судов. Хотелось бы отметить, что именно на разъяснение ЦК ВКП(б) от 10 января 1939 г., а не на разрешение 1937 г., которое, возможно, было дано в устной форме, ссылались впоследствии руководители органов госбезопасности как на законное основание для применения пыток⁶⁵.

Без участия высшего партийного руководства не решался также ни один судебный вопрос, связанный с применением высшей меры наказания, т.е. расстрела. До середины 1930-х годов в аппаратах верховных судов союзных республик существовал порядок, не предусматри-

вавший засекречивания дел с высшей мерой наказания. Однако в связи с особыми указаниями Комиссии советского контроля при СНК СССР, которая в 1935 г. провела обследование всей судебной системы, в республиканских верховных судах был установлен порядок, по которому все дела с высшей мерой наказания стали проходить в режиме строгой секретности и только через засекреченных работников⁶⁶.

Официально смертные приговоры, вынесенные военными трибуналами округов и местными судами, вступали в законную силу после утверждения их Верховным судом СССР. На практике решение высшей судебной инстанции зависело от воли ЦК ВКП(б). В одной из записок от 15 ноября 1941 г. Берия докладывал Сталину о существовавшей процедуре утверждения смертных приговоров: "Решения Верховного суда Союза ССР по существу не являются окончательными, так как они рассматриваются комиссией Политбюро ЦК ВКП (б), которая свое заключение также представляет на утверждение ЦК ВКП (б) и только после этого по делу выносится окончательное решение, которое вновь спускается Верховному суду, а этим последним направляется для исполнения НКВД СССР"⁶⁷. Исключение составляли местности, объявленные на военном положении. Там действовал Указ Президиума Верховного Совета (ПВС) СССР от 27 июня 1941 г., по которому военные советы фронтов имели право утверждать и немедленно приводить в исполнение смертные приговоры.

Существовавший порядок вынесения и утверждения смертных приговоров вызвал скопление в местных органах НКВД большого числа заключенных, приговоренных к высшей мере наказания и ждущих в течение нескольких месяцев утверждения приговора. Например, в тюрьмах Северо-Осетинской АССР в ноябре 1941 г. содержалось 796 смертников, в Хабаровском крае — 467, в Свердловской области — 419 и т.д. Всего в тюрьмах НКВД на 15 ноября 1941 г. ждали утверждения смертного приговора 10 645 человек⁶⁸. Невзирая на то, что Красная Армия в первые месяцы войны несла огромные потери в живой силе, нарком внутренних дел Л.П. Берия ходатайствовал об ускорении процедуры исполнения смертной казни.

"Исходя из условий военного времени, — докладывал Сталину 15 ноября 1941 г. Берия, находившийся в это время в Уфе, — НКВД считает целесообразным:

1. Разрешить НКВД СССР в отношении всех заключенных, приговоренных к высшей мере наказания, ныне содержащихся в тюрьмах в ожидании утверждения приговоров высшими судебными инстанциями, привести в исполнение приговоры военных трибуналов округов и республиканских, краевых и областных судебных органов.

2. Предоставить Особому совещанию НКВД СССР право с участием прокурора Союза ССР по возникающим в органах НКВД делам о контрреволюционных преступлениях и особо опасных преступлениях против порядка управления СССР (...) выносить соответствующие меры наказания вплоть до расстрела. Решение Особого совещания считать окончательным"⁶⁹. Как известно, Сталин согласился с мнением наркома и удовлетворил его просьбу.

Прекращение массового террора не означало, что теперь каждый обвиняемый мог рассчитывать на рассмотрение его дела в суде. Старую русскую поговорку «на "нет" и суда нет» советские острословы дополнили фразой "а есть Особое совещание". Постановление ЦИК и СНК СССР "Об Особом совещании при НКВД СССР" было принято 5 ноября 1934 г. Первоначально этот внесудебный орган наделялся правом "применять к лицам, признаваемым общественно опасными", ссылку и высылку под гласный надзор на срок до пяти лет, заключение в исправительно-трудовой лагерь на тот же срок и высылку за пределы СССР иностранных подданных. В дальнейшем внесудебные полномочия Особого совещания были существенно расширены. В ноябре 1941 г. постановлением Государственного Комитета Обороны оно получило право "по возникающим в органах НКВД делах о контрреволюционных преступлениях и особо опасных преступлениях против порядка управления СССР выносить соответствующие меры наказания вплоть до расстрела"⁷⁰.

На рассмотрение Особого совещания, как и в 1920-е годы, поступали дела на тех граждан, в отношении которых не было достаточных оснований для вынесения обвинительного приговора в судебном порядке. В директиве Прокурора СССР от 23 января 1935 г., например, прямо указывалось: "Дела в отношении одиночек, обвиняемых в террористической пропаганде и террористических высказываниях, а также и дела групповые, по которым нет достаточных документальных данных для рассмотрения в судах, как правило, направлять для рассмотрения Особым совещанием при НКВД СССР..."⁷¹ Подавляющее большинство лиц, прошедших

через Особое совещание, были осуждены за контрреволюционные преступления.

По официальной версии, жертвами внесудебной деятельности Особого совещания стали 442 531 человек. Из них к высшей мере наказания было приговорено 10 101 человек, к лишению свободы — 360 921, к ссылке и высылке (в пределах страны) — 67 539 и к другим мерам наказания (высылка за границу, принудительное лечение) — 3970 человек⁷². Названные цифры неоднократно повторялись в различных секретных документах, подготовленных руководством репрессивных ведомств и прокуратуры в 1953—1954 г. и направленных в Президиум ЦК КПСС и лично Н.С. Хрущёву. В настоящее время эти документы опубликованы и широко введены в научный оборот⁷³.

Достоверны ли указанные в них сведения, можем ли мы им доверять? Имеющиеся в нашем распоряжении архивные документы заставляют утверждать, что приведенные числа *существенно занижены*. Для обоснования такого вывода приведем следующие факты: в официальных документах значится, например, что в 1940 г. Особое совещание осудило 42 912 человек, в 1951 г. - 9076, в 1952 г. - 958 человек. Эти сведения опровергает другой документ, подготовленный для "внутреннего пользования" 20 марта 1953 г. заместителем начальника Секретариата Особого совещания при МВД СССР подполковником Я.А. Плетневым. В нем сообщается, в частности, что в 1940 г. Особым совещанием было осуждено 77 321 человек, в 1951 г. — 17 711, в 1952 г. — 4650 человек⁷⁴. Как видим, расхождения довольно значительные. Обращение к другим источникам дает аналогичный результат.

Например, в официальных документах, о которых говорилось выше, указывалось, что в 1944 г. Особое совещание осудило 10 611 человек. Однако при анализе 46 докладных записок, направленных Л.П. Берия в течение 1944 г. И.В. Сталину, с указанием какого числа состоялось Совещание, какое количество следственных дел рассмотрено и сколько всего человек осуждено, нами выявлено, что в 1944 г. Особое совещание осудило не 10 611 человек, а 27 456 человек⁷⁵. Аналогичная картина наблюдается и по другим годам.

Следует также иметь в виду, что при подсчетах жертв внесудебной деятельности Особого совещания, как правило, не учитывается тот факт, что в течение примерно четырех лет внесудебные репрессии в СССР осуществляли *одно-*

временно два Особых совещания — одно при МВД СССР, другое - при МГБ СССР^{5*}.

При министре государственной безопасности собственное Особое совещание для вынесения внесудебных решений по следственным делам, ведущимся в МГБ, было образовано 2 ноября 1946 г. В этот же период продолжалась и внесудебная деятельность Особого совещания при МВД СССР, которое упразднили только 21 июля 1950 г., а его Секретариат передали в МГБ. Такая реорганизация объяснялась резко возросшим влиянием В.С. Абакумова и его стремлением переподчинить себе часть аппарата МВД. После объединения министерств новое Особое совещание при министре внутренних дел образовалось 14 марта 1953 г. Период его деятельности был кратким. Указом ПВС СССР от 1 сентября 1953 г. "в целях дальнейшего укрепления социалистической законности и повышения роли советского правосудия" Особое совещание при МВД СССР упразднялось⁷⁶. В последующие годы внесудебные органы в СССР никогда больше не создавались, хотя внесудебные репрессии практиковались достаточно широко.

О характере внесудебной деятельности Особого совещания официальные лица писали в 1954 г. еще довольно осторожно: "В практике работы Особого совещания имели место случаи недостаточно обоснованного осуждения граждан СССР. Этому способствовало то обстоятельство, что рассмотрение дел на Особом совещании проходило в отсутствие обвиняемых и свидетелей, чем создавались широкие возможности покрывать недостатки предварительного следствия, а иногда грубейшие извращения советских законов"⁷⁷. В 1956 г. Комиссия ЦК КПСС отозвалась о работе этого внесудебного органа более категорично и жестко: «Что касается деятельности Особого совещания, то можно смело утвер-

^{5*} Первое разделение НКВД СССР на два наркомата произошло 3 февраля 1941 г. Созданный на базе ГУГБ Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ СССР) существовал самостоятельно до 20 июля 1941 г., когда наркоматы были объединены в один — НКВД СССР. Вторичное разделение произошло 14 апреля 1943 г. В марте 1946 г. все наркоматы были преобразованы в министерства. Министром госбезопасности в этот период был В.С. Абакумов (4 мая 1946 г. — 11 июля 1951 г.), а министром внутренних дел — С.Н. Круглов (29 декабря 1945 г. - 5 марта 1953 г.). МВД СССР и МГБ СССР существовали раздельно до 5 марта 1953 г., затем МГБ вошло в состав МВД СССР. Возглавил объединенное ведомство Л.П. Берия (5 марта 1953 г. — 26 июня 1953 г.).

ждать, что оно дополняло систему внесудебной расправы и отличалось от "троек" и "двойки" лишь тем, что было постоянно действующим органом»⁷⁸.

Оценивая феномен внесудебных органов, мы вполне можем согласиться с выводом авторов книги "Политическая юстиция в СССР", которые писали, что "хотя формально относительно создания, компетенции и форм деятельности внесудебных органов издавались законы и правительственные постановления, они противоречили элементарным основам права, согласно которым всякий человек имеет право быть выслушанным судом, защищаться против предъявленного ему обвинения и обжаловать вынесенный приговор"⁷⁹.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 383.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 245.

³ Бухарин Н.И. Теория пролетарской диктатуры // Изб. произв. М., 1988. С. 19.

⁴ Бухарин Н.И. Экономика переходного периода // Он же. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 139.

⁵ Там же. С. 168.

⁶ Цит. по: Ленин В.И. Плеханов о терроре // Полн. собр. соч. Т. 35. С. 184-185.

⁷ Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917 — 1921 гг.: сб. док. М., 1958. С. 79.

⁸ Там же. С. 198-199.

⁹ Там же. С. 246.

¹⁰ Там же. С. 250.

¹¹ ГАРФ. ф. Р-393. Оп. 6. Д. 30. Л. 8.

¹² Коржихина Т.П. История государственных учреждений СССР. М., 1986. С. 134.

¹³ ВЧК-ГПУ: док. и материалы. М., 1995. С. 86.

¹⁴ Цит. по: Негретов П.И. В.Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917- 1921. М., 1990. С. 100, ПО.

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 4. Д. 55. Л. 1 - 10.

¹⁶ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 125.

¹⁷ Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии... С. 383.

¹⁸ Там же. С. 387.

¹⁹ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917 - 1952 гг. М., 1953. С. 28.

²⁰ Декреты Советской власти. М., 1971. Т. V. С. 12-15.

²¹ История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. 1917— 1954 гг.: сб. док. М., 1955. С. 112.

²² Там же. С. 79.

²³ Троцкий Л.Д. По поводу военных трибуналов // Он же. Как вооружалась революция (на военной работе). М., 1924. Т. 2, кн. 1. С. 140, 142.

- ²⁴ Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского Правительства РСФСР. 1922. № 16. Ст. 160. (Далее: СУ РСФСР).
- ²⁵ История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу... С. 186.
- ²⁶ СУ РСФСР. 1922. № 65. Ст. 844.
- ²⁷ Там же. 1924. № 12. Ст. 105.
- ²⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 265-266.
- ²⁹ СУ РСФСР. 1922. № 51. Ст. 646; № 65. Ст. 844.
- ³⁰ Лубянка. ВЧК-КГБ. 1917-1960: справ. М., 1997. С. 179-181.
- ³¹ Справки 1 спецотдела МВД СССР о количестве арестованных и осужденных в период 1921 - 1953 гг. // ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918-1960. М., 2000. С. 431-432.
- ³² Валентинов Н. (Вольский Н.) Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: годы работы в ВСНХ во время НЭП: восп. М., 1991. С. 163.
- ³³ Цит. по: Шишкин В.А. Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия (1917-1928 гг.). СПб., 1997. С. 309-310.
- ³⁴ Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1930. № 9. Ст. 105. (Далее: СЗ СССР).
- ³⁵ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 109.
- ³⁶ См.: Письмо СВ. Косиора И.В. Сталину от 5 апреля 1934 г. // Советское руководство. Переписка. 1928-1941 гг. М., 1999. С. 269.
- ³⁷ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях... С. 110-111; *Белади Л., Краус Т.* Сталин. М., 1989. С. 169-170.
- ³⁸ Докладная записка И.Л. Булата И.В. Сталину и В.М. Молотову от 22 ноября 1935 г. // Советское руководство. Переписка... С. 313.
- ³⁹ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923 — 1960: справ. М., 1998. С. 36.
- ⁴⁰ Письма во власть. 1928— 1939: заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям. М., 2002. С. 236.
- ⁴¹ См.: Докладная записка И.Л. Булата... С. 314.
- ⁴² Там же. С. 316-317.
- ⁴³ СЗ СССР. 1934. № 36. Ст. 283.
- ⁴⁴ Там же. Ст. 284. Постановление утратило силу на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР "О подсудности дел о государственных преступлениях" от 28 июля 1956 г. См.: Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях... С. 76 — 77.
- ⁴⁵ Докладная записка Н.В. Крыленко И.В. Сталину от 31 марта 1936 г. // Советское руководство. Переписка... С. 322 — 323.
- ⁴⁶ Цит. по: Докладная записка И.Л. Булата... С. 317.
- ⁴⁷ Докладная записка Н.В. Крыленко... С. 323 — 324.
- ⁴⁸ Там же. С. 329.
- ⁴⁹ См.: Там же.
- ⁵⁰ Реабилитация: как это было: документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: в 3 т. М., 2000. Т. 1: Март 1953 — февраль 1956. С. 341-344.
- ⁵¹ ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 435.
- ⁵² Цит. по: *Кудрявцев В.Н., Трусев А.М.* Политическая юстиция в СССР. М., 2000. С. 267.

- ⁵³ См.: Там же. С. 283.
- ⁵⁴ Цит. по: *Хлевнюк О.В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М, 1996. С. 189.
- ⁵⁵ См.: ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 96—104.
- ⁵⁶ Цит. по: *Петров Н.* Сталинская "нормализация" или окончание "большого террора" // 30 октября. 2003. № 38. С. 1.
- ⁵⁷ *Шрейдер М.П.* НКВД изнутри. Записки чекиста. М., 1995. С. 71.
- ⁵⁸ ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 106.
- ⁵⁹ Реабилитация: как это было... Т. 1. С. 322.
- ⁶⁰ Там же. С. 344.
- ⁶¹ Там же. С. 344-345.
- ⁶² Там же. С. 317.
- ⁶³ См.: Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) "Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия" от 17 ноября 1938 г. // Ист. арх. 1992. № 1. С. 125-128.
- ⁶⁴ Цит. по: *Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г.* Приговоренные временем. Российские и советские прокуроры. XX век. 1937—1953 гг. М., 2001. С. 455.
- ⁶⁵ РГАНИ. Ф. 89. Пер. 18. Док. 12. Л. 7.
- ⁶⁶ См.: Докладная записка И.Л. Булата... С. 318.
- ⁶⁷ РГАНИ. Ф. 89. Пер. 18. Док. 9. Л. 1.
- ⁶⁸ Там же. Л. 2-4.
- ⁶⁹ Там же. Л. 2.
- ⁷⁰ ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 128.
- ⁷¹ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях... С. 36.
- ⁷² РГАНИ. Ф. 89. Пер. 18. Док. 33. Л. 1.
- ⁷³ См.: ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 148, 433-434; Реабилитация: как это было... Т. 1. С. 72-73, 103.
- ⁷⁴ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 190. Л. 13, 14.
- ⁷⁵ Там же. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 64-68. Подсчеты автора.
- ⁷⁶ Указ в открытой печати не публиковался. См.: Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях... С. 71.
- ⁷⁷ ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 148.
- ⁷⁸ Реабилитация: как это было... Т. 1. С. 345.
- ⁷⁹ *Кудрявцев В.Н., Трусов А.И.* Указ. соч. С. 279.

Глава четвертая

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ЛАГЕРНОЙ СИСТЕМЫ

В начале XX в. Россия занимала одно из последних мест в мире по относительному количеству заключенных — 60 человек на 100 тыс. населения, средний срок наказания в виде лишения свободы составлял два месяца¹. В начале 1917 г. в местах лишения свободы отбывали наказание за все виды преступлений 87 492 человека, из них 36 337 — на каторге (политических каторжан насчитывалось около 5 тыс. человек)².

Значительные изменения в карательную политику Российской империи внесла Февральская революция. В первом приказе от 8 марта 1917 г. новый начальник Главного тюремного управления профессор-правовед А.А. Жижиленко подчеркивал, что главной задачей наказания является перевоспитание человека, "имевшего несчастье впасть в преступление в силу особенностей своего характера или неблагоприятно сложившихся внешних обстоятельств, и что для надлежащего осуществления этой задачи, прежде всего, необходимо проявлять гуманность к заключенным"³.

Курс Временного правительства на либерализацию и гуманизацию пенитенциарной системы нашел отражение в последующих реформах тюремного дела. В марте-апреле 1917 г. была проведена широкая амнистия политических и уголовных заключенных, отменены такие виды наказаний, как ссылка, каторга, ссылка на поселение после отбытия срока каторжных работ. Не имея экономических возможностей организовать труд заключенных и вместе с тем стремясь не допустить праздности в местах лишения свободы, тюремное руководство направило усилия на развитие библиотечного дела, отменив при этом все существовавшие ранее ограничения на чтение книг. Всего на 1 сентября 1917 г. в России функционировало 712 мест заключения, в которых находилось 36 468 человек.

Эволюционный путь преобразования российской карательной системы прервала Октябрьская революция, объявившая о сломе старого государственного аппарата, а, следо-

вательно, и его составной части — системы мест лишения свободы. Большевикам было хорошо известно, что еще реформаторы уголовного права времен Французской революции конца XVIII в. характеризовали тюремное заключение "как образ и излюбленное орудие деспотизма". М. Фуко, изучавший историю тюрьмы во французской уголовно-правовой системе, отмечал, что "тюрьма всегда воспринималась, вообще говоря, как запятнанная злоупотреблениями властью. Многие наказания третьего сословия отвергают тюрьму как несовместимую с нормальным правосудием"⁴.

Воспринимая вслед за деятелями Великой французской революции тюрьму "как создание государя", большевики в своей карательной политике старались отойти от традиционной практики применения наказания в виде тюремного заключения. Постепенное разрушение исторически сложившегося тюремного аппарата, отчасти стихийное, отчасти сознательное (в 1918 г. в целях экономии было закрыто 115 уездных тюрем) шло параллельно с формированием сети новых карательных учреждений, неизвестных ранее в России, — лагерей принудительного труда, ставших впоследствии основным каналом реализации карательной политики советского государства.

Теоретические и практические основы советской лагерной системы, главную и неотъемлемую часть которой составлял ГУЛАГ, были заложены в первые годы революции. С лета 1918 г. советская власть стала использовать для изоляции своих активных классовых противников концентрационные лагеря, в которых ранее содержались военнопленные Первой мировой войны. Обстановка Гражданской войны требовала от большевистского руководства принятия срочных неординарных мер. В приказе наркома по военным делам Л.Д. Троцкого от 8 августа 1918 г. сообщалось: "Назначенный мною начальник обороны железнодорожного пуги Москва—Казань, тов. Каменщиков, распорядился о создании в Муроме, Арзамасе и Свияжске концентрационных лагерей, куда будут заключаться темные агитаторы, контрреволюционные офицеры, саботажники, паразиты, спекулянты, кроме тех, которые будут расстреливаться на месте преступления или приговариваться Военно-революционным трибуналом к другим карам"⁵.

Настаивая на быстром и беспощадном подавлении сопротивления, председатель Совнаркома В.И. Ленин потребовал 9 августа 1918 г. от Пензенского губернского исполкома "провести беспощадный массовый террор против кула-

ков, попов и белогвардейцев, сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города"⁶.

Строго секретный приказ ВЧК от 2 сентября 1918 г. предписывал: "Арестовать, как заложников, крупных представителей буржуазии, помещиков, фабрикантов, торговцев, контрреволюционных попов, всех враждебных советской власти офицеров и заключить всю эту публику в концентрационные лагеря, установив самый надежный караул, заставляя этих господ под конвоем работать"⁷. Декрет СНК "О красном терроре" от 5 сентября 1918 г., указавший на необходимость изолирования классовых врагов в концентрационных лагерях, придал новым карательным учреждениям официальный статус.

Главным инициатором использования концлагерей в качестве репрессивной меры был председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский, возглавлявший одновременно (с марта 1919 г.) НКВД РСФСР. Именно он разработал концепцию советской лагерной системы и до конца своей жизни последовательно претворял ее в жизнь.

Важно отметить, что для идеологов большевизма были характерны представления о необходимости государственного принуждения не только по отношению к побежденным эксплуататорским классам, но и к самому победившему пролетариату. По мнению Н.И. Бухарина, "концентрированное насилие" в переходный период "отчасти обращается и *вовнутрь*, являясь фактором *самоорганизации и принудительной самодисциплины трудящихся*", принуждение выступает необходимым элементом перевоспитания ("общественной переработки") масс. С этим мнением полностью солидаризировался В.И. Ленин⁸.

Гражданская война вызвала острый недостаток в квалифицированных рабочих и специалистах. В 1919 г. безработица исчезла, в апреле, например, на 100 предложений труда имелось 226 рабочих мест⁹. Ситуация на рынке труда вынуждала советскую власть прибегать к чрезвычайным мерам для обеспечения экономики страны необходимыми кадрами. Вводилась всеобщая трудовая повинность, проводились трудовые мобилизации рабочих и специалистов. Активный сторонник принудительных методов организации труда Л.Д. Троцкий писал по этому поводу: "Мы делаем первую в мировой истории попытку организации труда в интересах самого трудящегося большинства. Это, однако, не исключает элемента принуждения во всех его видах, и самых мягких и крайне жестоких"¹⁰. Характерным

примером одного из видов принуждения в области организации труда в годы Гражданской войны может служить следующий документ:

"Сентябрь, 24 дня, 1919 г.

Постановление

19 сентября 1919 г. Отдел Принудительных Работ, рассмотрев составленный комендантом Покровского лагеря протокол допроса гражданина Федора Егоровича Фролова, задержанного 4 сентября заведующим отделом тов. Медведем, нашел, что собственным сознанием Фролов изобличается в том, что в настоящее время никаких определенных занятий не имеет, а потому постановил: Федора Егоровича Фролова за праздничательство временно заключить в концентрационный лагерь на 3 месяца и дело передать в Президиум М.Ч.К. на утверждение"¹¹.

Проект постановления ВЦИК "О концентрационных лагерях", предложенный Дзержинским, коллегия НКВД приняла за основу 3 апреля 1919 г.¹² В ходе доработки проекта родилось новое название "лагеря принудительных работ", придававшее политически нейтральному понятию "концентрационный лагерь", еще не имевшему в тот период зловещего звучания, некоторый классовый карательно-воспитательный оттенок. Организационные работы по созданию системы концлагерей были поручены члену коллегии ВЧК М.С. Кедрову.

11 апреля 1919 г. Президиум ВЦИК утвердил проект постановления "О лагерях принудительных работ", а 12 мая принял "Инструкцию о лагерях принудительных работ". Эти документы, опубликованные в "Известиях ВЦИК" 15 апреля и 17 мая 1919 г. соответственно, положили начало правовому регулированию деятельности концлагерей.

21 мая 1919 г. коллегия НКВД, заслушав доклад М.С. Кедрова о лагерях принудительных работ в Москве, находившихся в ведении Центральной коллегии по делам пленных и беженцев (Центропленбеж), указала на "плохую постановку караула в них и неорганизованность постановки работы заключенных" и приняла решение "подчинить означенные лагеря Центропленбежа отделу принудительных работ в смысле административного использования их с применением к ним общей инструкции"¹³. Подходящее название для подразделения НКВД, осуществлявшего руководство созданием и деятельностью лагерей, удалось найти не сразу. В делопроизводственной документации наркомата в период весны-лета 1919 г. встречаются такие названия, как Цент-

ральное управление лагерями принудительных работ, Отдел принудительных работ и, наконец, как прототип будущего ГУЛАГа — Главное управление лагерей принудительных работ¹⁴. На тот период предпочтение было отдано названию "Отдел принудительных работ", которое в мае 1920 г. было заменено на Главное управление принудительных работ.

Первоначальная организация и заведование лагерями принудительных работ возлагались на губернские чрезвычайные комиссии. Рекомендовалось устраивать лагеря с учетом местных условий "как в черте города, так и в находящихся вблизи него поместьях, монастырях, усадьбах и т.д."¹⁵ Перед губернскими чрезвычайными комиссиями ставилась задача открыть во всех губернских городах в указанные сроки лагеря, рассчитанные не менее чем на 300 человек каждый. Несмотря на то что общее управление всеми лагерями на территории РСФСР поручалось Отделу принудительных работ НКВД, фактическое руководство концлагерями осуществляли чекисты. Строго карались побег: за первую попытку срок заключения увеличивался в 10 раз, за вторую, по решению революционного трибунала, можно было получить расстрел. Оба вышеназванных документа как бы легализовали, законодательно оформили деятельность лагерей принудительных работ, рожденных политическим террором, внесудебными репрессиями и Гражданской войной.

Численность лагерей быстро росла: к концу 1919 г. на всей территории РСФСР был 21 лагерь, летом 1920 г. их стало уже 49, к ноябрю — 84, в январе 1921 г. — 107, в ноябре 1921 г. — 122 лагеря¹⁶. Если учесть, что в 1921 г. Российская Федерация включала 52 губернии и области, то в среднем на губернию приходилось по два лагеря. Однако в действительности эти скороспелые места заключения распределялись неравномерно. Например, только в Москве насчитывалось семь концлагерей. На 12 ноября 1919 г. в них содержалось 3063 человека, в том числе в Ивановском лагере — 564 человека, в Кожуховском — 600, Андроньевском — 418, Владыкинском — 191, Новоспасском — 251, Ново-Песковском — 165, Покровском — 874. Кроме того, многие заключенные имели разрешение на проживание и работу вне территории лагеря. В так называемых "постоянных командировках" в этот период находились в Покровском лагере 820 человек, в Ново-Песковском — 120, в Кожуховском — 2385¹⁷.

В конце 1919 г. часть вышеназванных лагерей была передана в ведение Московского совета рабочих и красноармей-

ских депутатов, в структуре которого был создан Отдел управления концентрационными лагерями¹⁸.

В "постоянные командировки" заключенные чаще всего отправлялись с разрешения трибуналов или чрезвычайных комиссий по ходатайству заинтересованных ведомств. Как правило, речь шла о специалистах, в знаниях и опыте которых остро нуждалась новая власть. Одним из таких "откомандированных" заключенных оказался выдающийся русский экономист Н.Д. Кондратьев. В своем обращении в Президиум ВЦИК члены коллегии Наркомзема РСФСР экономист-аграрник А.В. Чайанов и старый большевик И.А. Теодорович писали:

"В августе 1920 г. приговором Верховного Трибунала по обвинению в принадлежности к Союзу Возрождения России был осужден к заключению в концентрационные лагеря до окончания гражданской войны Николай Дмитриевич Кондратьев. Однако ввиду его незаменимости по ходатайству Главпрофобра в лице О.Ю. Шмидта Н.Д. Кондратьев, как занимающий кафедру в Петровской Академии, как член Президиума факультета Академии и как участник ответственных работ Главпрофобра, уже через месяц после приговора был откомандирован Трибуналом из лагеря для выполнения упомянутых учено-учебных работ с обязательством ежедневной явки в лагерь для ночевки.

Значительное количество ответственной работы, дальность расстояний и отсутствие элементарно удобных условий для занятий в лагере очень скоро привели Н.Д. Кондратьева к сильному моральному и физическому утомлению.

Ввиду этого, а также ввиду того, что знания и опыт Кондратьева оказались весьма необходимыми для Центрального Статистического Управления, Управляющий Ц.Ст.У П.И. Попов, совместно с Главпрофобром возбудили ходатайство перед Трибуналом об освобождении Н.Д. Кондратьева от ежедневной явки на ночь в лагерь.

Это ходатайство Трибуналом было уважено, и Н.Д. Кондратьев был обязан являться на еженедельную регистрацию в Управление лагерями с правом жительства дома. Одновременно по амнистии в честь 25 октября срок его заключения был определен Трибуналом вместо до конца гражданской войны в 2 года.

С тех пор прошло еще полгода. За это время Н.Д. Кондратьев проявил себя не только как вполне лояльный гражданин, но и как совершенно необходимый и незаменимый работник. За последнее время наряду с упомянутыми многочисленными обязанностями он оказал чрезвычайно большую услугу Республике своим участием в обосновании и определении продналога, а также своими работами в Экономическом Совещании при плановой комиссии Наркомзема.

Принимая во внимание изложенное, а также то, что на судебном процессе обвинитель т. Крыленко нашел необходимым отказаться от обвинения Н.Д. Кондратьева; что, по существу, гражданская война уже окончена и Республика перешла к мирному социально-экономическому строительству, ввиду чего определение срока заключения Кондратьева до окончания гражданской войны явилось удлинением срока, определенного на процессе (...) что в настоящее время как раз участие Н.Д. Кондратьева в самых неотложных и ответственных работах Наркомзема представляется совершенно необходимым, однако при данном положении Кондратьева неосуществимым.

Наркомзем ходатайствует перед Президиумом ВЦИК о полном освобождении Н.Д. Кондратьева, числящегося за Верховным Трибуналом в числе заключенных Покровского лагеря¹⁹.

Данное ходатайство было "уважено". Однако далеко не ко всем осужденным, среди которых были представители всех слоев населения, большевики проявляли подобную снисходительность. Большевистский режим целенаправленно уничтожал своих реальных и потенциальных противников, отбросив в сторону все общепринятые процессуальные нормы и юридические гарантии.

Наиболее часто для организации лагерей использовались монастыри. Например, Смоленский концентрационный лагерь принудительных работ размещался в Авраамиевском монастыре, основанном при сыне Владимира Мономаха Мстиславе Смоленском в 1128 г. Михаило-Архангельский мужской монастырь (XIII в.) приспособили под Северодвинский лагерь. Екатеринбургский концлагерь № 2 (Нижний Тагил) располагался на подворье женского Крестовоздвиженского монастыря. Митрофановский концентрационный лагерь (Воронежская губерния) заимствовал имя первого Воронежского епископа Митрофана, которого особенно любил и почитал Петр Великий. Один из первых концентрационных лагерей обосновался на территории знаменитого московского Андроникова монастыря, основанного в середине XIV в., на кладбище которого были похоронены участники Куликовской битвы, Северной войны 1700—1721 гг., Отечественной войны 1812 г. Новоспасский мужской монастырь в Москве с усыпальницей бояр Романовых был превращен в концентрационный лагерь уже в сентябре 1918 г.

В ходе подобных "превращений", которые десятками совершались по всей стране, православные монастыри в кратчайшие сроки доводились, по свидетельству современников, "до высшей степени запустения", все имущество их разво-

ровывалось, помещения приходили в полную негодность. В одном из отчетных докладов за 1919 г. комендант Андроньевского концентрационного лагеря И. Богомолов писал: "При вступлении моем в обязанность коменданта лагеря, 20 августа 1919 г., лагерь представлял из себя действительно разоренный монастырь, кроме голых стен и нар ничего более не было, отхожие места были разрушены и загрязнены, не было ни водопровода, ни освещения, ни канализации, ни инструментов"²⁰. Между тем в лагере содержалось около 400 человек.

Состав лагеря характеризовался комендантом следующим образом: "Большинство интеллигенции, как-то: инженеры, врачи, сестры, техники всевозможные, офицеры, крупные и мелкие торгаши и др., а также кадетско-черносотенные профессора и буржуазия"²¹. Среди заключенных было много иностранных подданных, содержавшихся в качестве заложников, которых разрешалось с их письменного согласия привлекать к работам за вознаграждение"²².

В Новоспасском лагере принудительных работ состав заключенных был несколько иным: наряду с артистками и балеринами в лагере находилось немало лиц рабочих профессий. В сентябре 1919 г. в нем содержалось 269 человек, в основном женщины, почти треть из них числилась за Особым отделом ВЧК. Возраст заключенных колебался в пределах от 3-х до 72-х лет. В списках заключенных в графе "за что осужден" значилось: "за контрреволюцию", "за агитацию против советской власти", "за варку браги", "за проституцию", "за праздношатательство", "подозрение в контрреволюции", "заложницы", "неизвестно"²³. Сроки наказания были самые разные: от 1 — 3-х месяцев до пожизненного заключения, встречались и такие формулировки: "до исправления", "до окончания гражданской войны", "без указания срока".

Частым явлением были побегии. С сентября 1918 по май 1919 г. из Новоспасского лагеря бежало 382 человека. Анализируя причины побегов, комендант лагеря докладывал руководству: "Нельзя обвинить прямо конвоиров в побеге, хотя должен отметить, что есть большая халатность конвоиров к своим обязанностям, о чем прошу подтянуть конвоиров к революционной дисциплине"²⁴. Для тех заключенных, которые имели деньги и связи, не было большой проблемой подкупить охрану, а то и администрацию лагеря, чтобы получить свободу.

Революционная дисциплина "хромала" не только в Новоспасском лагере. В ночь на 24 октября 1919 г. по приговору

МЧК была расстреляна группа лиц численностью в 21 человек, в том числе комендант Покровского лагеря принудительных работ Б.Г. Семенов и его заместитель А.В. Антонов, оба коммунисты, уличенные "во взяточничестве, вымогательстве, незаконном освобождении заключенных, пьянстве и разврате". В специальном сообщении МЧК по этому поводу говорилось: "В Покровском лагере принудительных работ засела теплая компания. Комендант, его помощник, писарь и выборные от заключенных брали взятки, вымогали от заключенных деньги, освобождали из лагеря за особую плату бывших фабрикантов, купцов, спекулянтов и даже убийц, а те жили у себя дома и спекулировали на Сухаревке. Эта компания, кроме того, организовала из заключенных шайку, которую отправляла ежедневно работать на Поварскую улицу в обмундировочные склады Главхозупра, откуда похищалось в большом количестве казенное имущество и распродалось по спекулятивным ценам, доход делился между шайкой и администрацией и обращался на пьянство и разврат"²⁵. Кроме приговоренных к расстрелу, еще 20 человек, причастные к этому делу, были осуждены к различным срокам лишения свободы.

Возможно, что Покровский лагерь, в который, между прочим, приезжали из других лагерей перенимать опыт, привлек внимание чекистов тем, что ежедневно из него сбегали десятки заключенных. Вот как выглядела, например, справка о наличии и движении заключенных на 21 — 22 октября 1919г.: "На 6 часов утра состояло: мужчин — 881, женщин — 26, всего 907. Прибыло за сутки 121 (муж.). Убыло — 77 муж., в т.ч. освобождено — 1, умерло — 0, бежало 72, переведено в больницу — 4. Состоят к 6 часам утра 22 окт. 19 г. мужчин — 925, женщин — 26, всего — 951"²⁶. Поскольку сведения по такой форме подавались ежедневно, заметить, что из лагеря бежали десятки заключенных, было несложно.

Советская власть пыталась демонстрировать, если не на деле, то хотя бы на словах, справедливое и даже гуманное отношение к обитателям концентрационных лагерей. Слухи о бедственном положении заключенных, особенно заложников, не прибавляли авторитета новой власти. Зная, как глубоко верит русский человек в печатное слово и как сильно подвержен его влиянию, большевики опубликовали в "Известиях" осенью 1919 г. своеобразный отчет о проверке нескольких московских концлагерей, написанный в духе святочного рассказа. Представим себя на месте читателя той нелегкой поры и последуем за анонимным автором.

Новоспасский концентрационный лагерь:

«Бывший монастырь. Безукоризненно чистые, светлые кельи. На полу в большинстве комнат линолеум. Каждый заключенный имеет свою постель, посуду. Лагерь предназначен для женщин. Прежде здесь находились в значительном числе проститутки. Сейчас, главным образом, мелкие спекулянтки, воришки, незначительное количество (всего около 30 из 365) заложниц и "казров" ("контрреволюционеров"), тоже мелких.

Хожу по лагерю, беседую с заключенными, расспрашиваю об их житье-бытье и вот что узнаю. Пищу все получают аккуратнейшим образом, работой не обременены, обращения администрации прекрасное; еженедельно — баня, стирка белья. Заключенные имеют своего выборного старосту, который является посредником между ними и администрацией и следит на кухне за отпуском продуктов, изготовлением и раздачей пищи (...) Дали мне попробовать лагерный суп. И что же? Не только в советских столовых, где кормится столько трудового люда, но ни в одном учреждении я не едал такого жирного, густого и вкусного супа.

Имеется в лагере библиотека, которой пользуются заключенные. Не запрещается им получать книги и газеты извне. Есть швейная мастерская и огороды. Вне лагерных стен работает незначительное количество, причем за 8-часовой рабочий день получают плату по ставкам чернорабочих с удержанием 3-х четвертей на содержание лагеря.

Захожу к "казрам". Здесь фельдшерица и курсистка, буржуйка и жена кулака, балерина и саботажница и т.д. Конечно, все они "невиновны ни в чем, не знают, за что сидят" и т.д. и т.п. Пищей довольны, обращением и подавно. На работу их вне лагеря вовсе не посылают, а в лагере ее немного: поубрать в комнатах, во дворе, постирать белье, да летом на огороде, вот и вся работа. Допускается передача заключенным провизии, вещей и проч. Раз в неделю — свидания с родственниками.

Единственное зло этого лагеря — венерические болезни: процентов 85 заключенных больны сифилисом, и хотя здоровые отделены от больных, и случаев заражения не было, однако самый факт действует, конечно, неприятно».

Покровский лагерь:

"Это мужской лагерь. Помещается он в бывшем особняке Морозова. Здесь, главным образом, мелкие уголовные преступники, спекулянты и хитровцы. Есть также военнопленные англичане с архангельского фронта (20 чел.) и около 150 политических: студенты, артисты, фармацевты, инженеры, белое и черное духовенство, купцы-спекулянты, кулаки и проч. Все они в большинстве случаев заложники.

Все заключенные, за исключением неспособных к труду, отправляются на работы. Рабочий день 8 часов. Если требуется

сверхурочная работа, выдается дополнительный хлебный паек. На пищу абсолютно никто не жалуется. На обращение администрации — тоже. Следует отметить, что в этом лагере хлебный паек равен уже $1\frac{1}{2}$ фунта в день, т.е. в четыре раза больше, чем получает рабочий по карточкам, и равен красноармейскому".

Ивановский лагерь:

«Ну что же — думает, вероятно, недоверчивый обыватель — возможно, конечно, что с воришками и мелкими спекулянтами Советская власть обращается по-человечески. А вот в отношении к крупным буржуа и контрреволюционерам картина наверняка изменяется. Посмотрим, так ли это?

Прихожу в Ивановский лагерь. Здесь уж действительно сливки контрреволюции. Если в вышеупомянутых лагерях была контрреволюционная "шпанка", то здесь мы имеем дело с крупными карасями. Тут и князья, и графы, и высшее офицерство, бывшие царские чиновники и духовенство, буржуазия настоящая и примазавшиеся к ней интеллигенты, студенты, артисты и проч. Обошел палаты, поговорил с заключенными, причем старался опросить представителей всех групп лагерного населения, и увидел, что положение их не только не хуже, но и, пожалуй, лучше, чем где бы то ни было. Заключенные сами заявляют, что абсолютно не чувствуют себя как в тюрьме, а скорее как в закрытом каком-то пансионе. Пища и количество достаточна, и во вкусовом отношении хороша (говорил князь!). Обращение администрации не оставляет желать лучшего.

Конечно, публика здесь изнеженная, требовательная, и потому мы можем слышать, например, жалобы на большое количество мух, нужду во врачах-специалистах и т.п. Но что особенно интересно, так это тоска заключенных... по работе. Вот уж месяц, как их не пускают на работу вне стен лагеря, и они скучают по ней: то было развлечение (!) и заработок, а теперь лишились этого. Единственное отличие здешнего режима в сравнении с режимом других лагерей — это запрещение свиданий с родными и отпусков в город. Но и это усиление режима имеет место всего три недели и было проведено после белогвардейского покушения в Леонтьевском пер. Понятно, что с этим связано большинство жалоб заключенных.

Зато в этом лагере есть нечто и такое, чего нет в других: культурно-просветительный кружок, зарегистрированный... при Наркомпросе.

Это действительно пансион, а не тюрьма, особенно если принять во внимание, что многие из заключенных получают 3 раза в неделю "передачи", в которых и мясо, и масло, и шоколад, и пирожные, все такие деликатесы, которые, как говорит лагерная администрация, она сама редко когда едала».

Из всего вышесказанного автор делает следующий вывод:

«Мы с гордостью можем пригласить "интеллигентные и либеральные, демократические" государства Западной Европы поучиться у нас, "темной, некультурной России", истинной гуманности»²⁷.

Легко представить, какие эмоции должна была вызвать эта идиллическая картина московских концлагерей у голодного рабочего, да и просто у обывателя, затравленного мобилизациями и реквизициями. Естественно, она не вызывала ни сочувствия к обитателям лагерей, ни возмущения карательной политикой органов власти, скорее, наоборот, заставляла думать, что советское правительство слишком либеральничает со своими врагами. Подобные публикации закрепляли на уровне подсознания мысль, что главные трудности и лишения приходится на долю тех, кто на воле, а в заключении люди живут на всем готовом, не испытывая никаких тягот. Именно такой образ мышления демонстрировали многие советские граждане, когда в последующие годы, особенно после Великой Отечественной войны, писали об узниках ГУЛАГа: "Мы здесь воевали, а они там отсиживались". Постулат вековой давности: "осужденный должен испытывать более значительные физические страдания, чем другие люди" — никогда не отвергался советским обществом.

К концу 1919 г. в Наркомат внутренних дел и в Моссовет стали поступать отчеты и сообщения от районных рабочих инспекций, проводивших обследования концентрационных лагерей. Руководствуясь высказыванием В.И. Ленина, что "сила рабочей организации, рабочей революции заключается в том, чтобы, не закрывая глаз на правду, давать себе самый точный отчет в положении дел"²⁸, инспектора труда, как правило, описывали реальные условия содержания заключенных в московских лагерях.

В опубликованном отчете рабочей инспекции Городского района Москвы о результатах обследования Покровского лагеря, в частности, сообщалось: "Пища подвозится крайне небрежно, и кухня в санитарном отношении не выдерживает никакой критики. Вообще санитарные условия произвели на рабочую инспекцию удручающее впечатление. В камерах, где помещаются заключенные, ужасно грязно, смрадно и скученно. На нарах, где спят заключенные, за отсутствием постельных принадлежностей ничего не постлано. Процент болеющих сыпным тифом колеблется между 6 — 8%.

Культурно-просветительная работа в лагере совсем не налажена, заключенные не снабжаются не только книгами, но и газетами"²⁹.

Более благоприятное впечатление произвел на рабочих инспекторов Ивановский концентрационный лагерь, расположенный в бывшем Ивановском женском монастыре. В этом лагере была и библиотека с двумя тысячами наименований книг и журналов, и театр, в котором силами заключенных было поставлено семь спектаклей. Санитарное состояние лагеря инспектора оценили как "посредственное", отметив, что "в помещениях для заключенных не особо чисто и скученно. В небольших комнатах, служивших ранее кельями для монахинь, находится по 3 — 4 койки"³⁰. Случаев заболевания сыпным тифом в этом лагере было немного.

Отчеты и докладные записки, поступавшие от рабочих инспекций непосредственно в НКВД и не подлежавшие опубликованию, свидетельствовали о крайне пренебрежительном отношении советских властей к чести, достоинству, здоровью и даже жизни заключенных. Эти документы наглядно демонстрируют, что представляли собой концентрационные лагеря периода Гражданской войны.

В акте обследования Андроньевского концентрационного лагеря от 14 ноября 1919 г., проведенного инспектором труда Рогожско-Симоновского района Москвы Х. Аристарховым, читаем: "Санитарные условия всех корпусов находятся в самом антисанитарном состоянии, везде грязь, сырость, окна во многих местах выбиты, полы в корпусах не моются, на полу на вершок грязи. Во всех камерах теснота, из 394-х человек имеют отдельные койки (сдвинутые) 100 человек; остальные — общие нары без соломенных подстилок, четверо спят на полу без всего... Полное отсутствие канализации; все загажено до предела"³¹.

Особое внимание инспектор обратил на камеру англичан, "тесную и грязную", в которой содержалось 42 человека. Не только камера, но и сами англичане были "грязные, рваные, многие без сапог", все просили теплую одежду, жаловались, что нет умывальников (умываться приходилось на улице), нет метлы и тряпок для уборки.

По поводу культурно-просветительной работы инспектор кратко заметил, что ее в лагере нет. В качестве положительного момента он указал на тот факт, что отзывы заключенных об администрации — самые лестные. Инспектор связывал это с тем, что многие из осужденных были переведены из Киева, где с ними "не нянчились".

Недопустимые, с медицинской точки зрения, условия содержания заключенных в Андроньевском концлагере стали причиной специального обращения лагерного врача Слоним в НКВД к инспектору санитарной части концентрационных лагерей. В записке от 20 ноября 1919 г. врач, в частности, докладывал: "13-я камера, вмещающая в настоящий момент 56 человек, находится в подвальном этаже, значительно ниже уровня земли, и настолько сырая, что стены покрыты влагою, по углам плесень; вещи заключенных влажные и покрыты плесенью. При самой камере нет ни умывальников, ни отхожих мест.... Считаю эту камеру абсолютно непригодной для жилья заключенных"³². В докладной записке также отмечалось, что пища для заключенных готовится в походных условиях, из-за этого в зимних условиях еда не проваривается.

Заведующий Отделом принудительных работ НКВД Ф.Д. Медведь потребовал от И. Богомолова, коменданта Андроньевского концлагеря, письменных объяснений. Доказывая свою невиновность, Богомолов не ставил под сомнение правомерность насильственного удержания под стражей заложников и других граждан, не совершивших никаких противоправных действий. Уверенный в справедливости репрессивных мер, комендант писал: "В камере № 13 помещалось 56 человек в момент наивысшего напряжения борьбы с вредным элементом Советской власти, и переполнена была не только 13-я камера, но и весь лагерь, когда исключительные обстоятельства времени требуют принятия исключительных мер".

В чем-то оправдания начальника лагеря звучали наивно и даже по-детски. "Что англичане грязные, — писал Богомолов, — так кто ж виноват, что они скоро пачкаются, а баня давалась каждую неделю, и менялось белье. Что грязный пол, то само собою понятно, что лагерь рассчитан по кубатуре на 250 человек, а в день обследования было 400 человек, и доходило до 580, но уже не на вершок же грязи, тут инспектор труда сосчитал волосок за вершок".

Снимая с себя обвинения в непринятии мер по улучшению условий содержания заключенных, комендант подробно перечислял как много он сделал для ликвидации лагерной разрухи, которую застал при вступлении в должность. Свои отношения с заключенными он прокомментировал следующим образом: "Так как заключенные вели себя прилично, выполняли наряды добросовестно и быстро, то не было необходимости бегать по лагерю и размахивать револьвером и

держат людей в застенках, что с первых же дней мною было отменено". А по поводу отсутствия культурно-просветительной работы Богомолов вполне резонно заметил: "Среди кадетско-черносотенных профессоров культивировать бесполезно, а для театра нет помещения, да и сил"³³.

В провинции концлагеря имели те же изъяны, что и в столице. Из Митрофановского концентрационного лагеря (Воронежская губерния), где содержалось более 170 заключенных, в начале 1920 г. сообщали: "Арестованные были заключены в подвалах по 20 — 25 человек в камере... Камеры собой представляли пустую комнату без нар, стола, стульев и т.п. В санитарном отношении не было оказываемо никакой медицинской помощи, арестованные содержались в антигигиенических условиях... Питание арестованные получали самое скверное, т.е. 1/4 фунта хлеба и один раз в день жиденький суп. Объяснялось это тем, что своей кухни при лагере не имелось, а довольствовались у Губчека наравне с арестованными подследственными, не занимающимися физическим трудом, не имелось возможности получать даже холодной воды за отсутствием посуды"³⁴.

Пороки новых карательных учреждений в значительной мере объяснялись трудностями военного времени и перипетиями классовой борьбы. В тот период концлагеря еще не рассматривались советской властью как долговременные учреждения, поэтому и средств на их обустройство выделялось минимальное количество.

Инструкция ВЦИК 1919 г. предусматривала, что содержание лагерей будет окупаться трудом заключенных, поэтому в лагеря должны были направляться только лица, годные к физическому труду. Однако на практике все обстояло иначе. Из Иваново-Вознесенского лагеря докладывали: "Заключенные зачастую привлекаются не все на работу, иногда за отсутствием таковой в советских учреждениях, а главное, более за отсутствием у заключенных теплой одежды, снабдить коей их не представляется возможным за неимением наличности"³⁵. Из Архангельского губернского лагеря сообщали: "Считаясь со свирепствующими морозами севера, работа заключенных протекать планомерно не может" по причине того, что "заключенные находятся в полураздетом виде"³⁶. Кроме того, определенные ограничения на использование труда заключенных устанавливали сами репрессивные ведомства. Так, например, в приказе Президиума ВЧК от 3 марта 1920 г., подписанном Ф.Э. Дзержинским, строжайше указывалось, что "лица, приговоренные до конца

гражданской войны и пожизненно, не могут и не должны назначаться на работы вне мест заключения"³⁷.

В числе заключенных концлагерей было много военнопленных Гражданской войны, в основном крестьян. Об ужасных условиях их содержания говорилось в одной из докладных записок, поступивших весной 1920 г. в Президиум ВЧК.

"Наблюдая непосредственно за содержащимися в лагере, — делился своими соображениями комендант Андроньевского концлагеря, — я пришел к мысли, почему эту темную массу более всего и почти исключительно крестьянскую, никуда не используя, содержат в лагерях, где она ничего не делает, поедает голодный паек, от недоедания болеет и мрет. Люди содержатся полураздетые и полуразугие (...) Я полагаю, что содержать далее этих людей в лагерях не только нецелесообразно, но и преступно. Я обращаю внимание особенно на Кожуховский лагерь, где исключительно содержатся военнопленные и перебежчики, долгое время и большое количество, где благодаря темноте и невежеству этой массы так много заболеваний и смертности от антисанитарного состояния лагеря, где не ведется ни культурной, ни политической работы, несмотря на наличие политотделов в самом центре, а что делается

в провинциальных лагерях?.. Сидя в лагерях, публика без дела почти отупела, а темная масса, в частности, буквально омертвела от недоедания, отсутствия жиров, сырости, холода, не имея одежды и обуви, появляются отеки ног, лица, открываются раны..."

Автор докладной записки предлагал немедленно освободить крестьян, "ибо, — с возмущением замечал он, — далее держать их в таком положении было бы преступлением перед Революцией"³⁸.

Аналогичные донесения поступали отовсюду. Поверить в то, что лагеря могут служить не только местом изоляции классовых врагов, но и приносить материальную выгоду, было чрезвычайно трудно. Для этого нужно было иметь особую прозорливость, к тому же, быть энтузиастом лагерного дела. Один из таких энтузиастов, комендант Северо-Двинского губернского лагеря принудительных работ, писал в своем отчете в январе 1920 г.: "Могу в данный момент смело сказать, что Лагерь в будущем принесет для Государства большую услугу и пользу, а в особенности при полном его количестве людей, снабжении последних питанием и обмундированием"³⁹. Вопрос о правомерности содержания в заключении безвинных людей его не интересовал.

Официально в РСФСР к началу 1921 г. существовало пять типов лагерей принудительных работ: лагерь особого

назначения, концентрационные лагеря общего типа, производственные лагеря, лагеря для военнопленных и лагеря-распределители. Это разделение на типы мало влияло на характер и условия содержания заключенных и во многом было формальным. В официальном делопроизводстве наряду с названиями "лагерь принудительных работ" и "концентрационный лагерь" встречались и такие термины, как "концентрационный лагерь принудительных работ", "концентрационный трудовой лагерь" и др. Иногда разные названия отражали фактическое различие. Например, в одних случаях принудительные работы были обязательны, в других — заключенные (преимущественно заложники) направлялись на работы по желанию. Однако чаще разные термины использовались просто как синонимы. Кроме того, при необходимости (например, во время подавления Тамбовского крестьянского восстания) организовывались временные полевые лагеря⁴⁰.

В годы Гражданской войны все места заключения были рассредоточены по трем ведомствам: НКВД, ВЧК и НКЮ. В сентябре 1921 г. в 117 лагерях НКВД насчитывалось 60 457 заключенных. Из них были осуждены: органами ЧК — 44,1%, другими административными органами — 7,9, реввоенрибуналами — 11,6, ревтрибуналами — 8,7, народными судами — 24,5, прочими судами (полковыми, товарищескими) — 3,2%. По официальной статистике самих репрессивных органов, за контрреволюционные преступления отбывали наказание около 17% заключенных. Наибольшую группу (30,3%) составляли заключенные со сроком до пяти лет, остальные имели срок от трех месяцев до трех лет⁴¹.

В местах заключения, подведомственных ВЧК, содержалось на конец 1921 г. около 50 тыс. человек. В местах лишения свободы НКЮ находилось более 73 тыс. человек, из них примерно 40 — 50% составляли подсудимые⁴². Таким образом, общая численность заключенных увеличилась за четыре года советской власти в пять раз.

В 1922 г. карательную политику в советском государстве осуществляли три ведомства: 1) Народный комиссариат юстиции в лице его Центрального исправительно-трудового отдела (ЦИТО); 2) ГПУ, располагавшее собственными лагерями и тюрьмами; 3) Наркомат внутренних дел, где этой сферой деятельности ведали Главное управление принудительных работ (ГУПР) и Главмилиция, в ведении которой находились арестные дома. Важно отметить, что названные

государственные структуры рассматривали карательную политику не как часть общегосударственной политики, а как одну из функций собственного ведомства. Например, в "Положении об общих местах заключения РСФСР" от 15 ноября 1920 г., разработанном в Наркомате юстиции, прямо указывалось, что к ведению местных карательных отделов относится "проведение в жизнь начал, положенных в основу карательной политики Народного комиссариата юстиции"⁴³.

В систему мест заключения НКЮ входили тюрьмы (к концу 1920 г. их насчитывалось 251), сельскохозяйственные колонии и фермы, число которых быстро увеличивалось (в 1922 г. было 32 колонии и 28 ферм), а также исправительные учреждения для несовершеннолетних и больных. Свою главную задачу НКЮ видел в том, чтобы перевоспитывать, исправлять преступников, а не превращать места заключения в доходные заведения. Вполне понятно, что НКЮ стремился сохранить за собой право проводить "собственную" карательную политику и считал необходимым сконцентрировать все пенитенциарные учреждения в своем ведомстве. К лагерям Наркомюст относился весьма сдержанно. В одном из проектов постановления СНК, подготовленном комиссариатом юстиции, значилось: "Заключение в лагерь принудительных работ как мера наказания отменяется. Все осужденные судебными учреждениями к лишению свободы содержатся в общих и специальных местах заключения, ведомственных НКЮ"⁴⁴. В другом документе, выработанном в начале 1922 г. особой комиссией при ВЦИКе по пересмотру учреждений РСФСР, говорилось: "Сосредоточить все концентрационные лагеря в ведении Народного комиссариата юстиции. Обязать Народный комиссариат внутренних дел немедленно приступить к передаче всех его концентрационных лагерей органам Народного комиссариата юстиции... Предложить Народному комиссариату юстиции ввести лагерь в общую систему мест заключения, назначая их для более легко осужденных"⁴⁵.

Однако лагерям в нашей стране была суждена долгая жизнь. За их сохранение и упрочение высказался 5-й Всероссийский съезд заведующих отделами управлений губернских исполкомов (1922 г.). При обсуждении перспектив карательной политики съезд отметил, что "постановка пенитенциарного дела в лагерях принудительных работ находится на правильном пути и что НКВД имеет более мощную административную систему, чем ведомство НКЮ".

Представители НКВД высказывали по этому поводу следующие соображения: "НКЮ за четыре года не сумел не только усовершенствовать полученный им в довольно приличном состоянии тюремный аппарат, но во многом допустил его разрушение и, в частности, почти совсем растерял уездные тюрьмы. В то же время Главное управление принудительных работ буквально из ничего менее чем за три года создало довольно мощную организацию лагерей, давшую возможность снять их даже с государственного обеспечения"⁴⁶. Съезд принял во внимание аргументы представителей НКВД и вынес специальную резолюцию по карательной политике о необходимости сосредоточения всех мест лишения свободы в Наркомате внутренних дел.

Однако спор на этом не закончился. Заместитель наркома внутренних дел А.Г. Белобородов обратился 30 июня 1922 г. с письмом в Президиум ВЦИК, в котором приводил следующие доводы в пользу "своего" ведомства: «НКЮ призван обслуживать сферу судебно-правовых отношений, в которые входят охранение законности и отправление правосудия, а, следовательно, и "уголовная" политика. В противоположность этому, к задачам НКВД относится область внутреннего управления, которая обнимает, между прочим, и "карательную политику", с ее пенитенциарными заведениями, предназначенными содержать указанных судом преступников для ограждения, с одной стороны, общества от посягательств такого элемента, а, с другой стороны, для его исправления и возвращения на путь последующей честной жизни»⁴⁷.

Это были, так сказать, теоретические соображения. К ним добавлялись более веские, с точки зрения НКВД, аргументы практического характера. "Оставление лагерей принудработ в системе НКВД, — говорилось в письме Белоборова, — вызывается не только необходимостью сохранить аппарат, обслуживающий также органы ГПУ и другие административные учреждения, но и оберечь государственные интересы экономического свойства, удержав от распада хозяйственную единицу, основанную на разумном использовании труда заключенных и подающую основательные надежды на ее прогрессивное развитие. В случае успеха в дальнейшем проведении опыта самоокупаемости мест лишения свободы, откроются широкие перспективы для освобождения государственной казны от расходов на карательную политику, и получит осуществление мысль, положенная в основу постановления ВЦИК от 17 мая 1919г."⁴⁸

Демагогические аргументы ГУПРа имели очевидный успех. Межведомственная борьба за руководство местами заключения закончилась полной победой НКВД. 25 июля 1922 г. Совнарком принял постановление о сосредоточении всех мест заключения в одном ведомстве — НКВД. 12 октября того же года НКВД и НКЮ выработали совместное соглашение о реорганизации и разграничении полномочий. Главное управление принудительных работ НКВД и Центральный исправительно-трудовой отдел НКЮ упразднились, а их функции и подведомственные учреждения передавались вновь созданному Главному управлению местами заключения (ГУМЗ) при НКВД. За органами НКЮ сохранялись права прокурорского надзора⁴⁹. Дальнейшая реорганизация карательных учреждений предполагала усиление экономических начал в их деятельности. По этой причине из ведения ГУМЗа изымались места лишения свободы, отведенные для нужд ГПУ, и милицейские арестные помещения⁵⁰.

Свои преимущества Наркомат внутренних дел видел не только в успешном "хозяйственном эксперименте", начатом в условиях нэпа. Залогом его успехов, по мнению самих сотрудников аппарата НКВД, всегда были его кадры. Об этом весьма откровенно говорилось в одной из докладных записок, поступивших руководству НКВД в ноябре 1922 г.: "При разрешении вопроса о сосредоточении всех мест заключения в ведомстве НКВД был принят во внимание целый ряд соображений, в числе которых имелись весьма серьезные доводы практического характера, а именно, указывалось на более сильный аппарат НКВД, особенно на местах, и на большее количество ответственных партийных работников, способных лучше ориентироваться в современных формах трудового воспитания заключенных с использованием их рабочей силы на хозяйственных началах, чем старый тюремный персонал НКЮ, застывший в мертвящих приемах прежней практики"⁵¹.

Крайне тяжелое экономическое положение страны и голод делали жизнь в лагерях невыносимой. В течение короткого времени физически здоровые люди становились нетрудоспособными, многие умирали. Средств, отпускаемых на содержание концлагерей, катастрофически не хватало. Во многих губерниях встал вопрос о закрытии лагерей из-за невозможности их обеспечения. Столь критическое положение мест заключения объяснялось отчасти тем, что с августа 1922 г. все расходы на их содержание относились на счет местного бюджета. Правительство оставило на государствен-

ном снабжении лишь 15 мест заключения, имевших общегосударственное значение. В это число попали наиболее крупные изоляционные тюрьмы, труддома для несовершеннолетних и тюрьмы для политических преступников. Местные органы, не желая обременять свой и без того скудный бюджет, отклоняли все материальные запросы мест заключения. Начальник Пермского исправительного дома отмечал в своем донесении: "Дело со снабжением заключенных страдало и страдает недостаточностью кредита и несвоевременного отпуска такового". Начальник Камышловского исправдома (Екатеринбургская губерния) сообщал в октябре 1924 г. о бедственном положении осужденных: "... пища заключенным выдается следующим порядком: в 6 часов утра хлеб, после хлеба кипяток. В 12 часов суп, в 5 часов кипяток... Вещевого довольствия за отсутствием такового заключенные вообще не получают... спят они совершенно на голых нарах, поскольку средств на приобретение вещевого довольствия нет..."⁵² Бывали случаи, когда исполкомы по финансовым соображениям принимали постановления о закрытии губернии для приема заключенных извне⁵³.

Не имея возможности справиться с критической ситуацией самостоятельно, НКВД обратился за помощью в Совнарком. "Вся сеть мест заключения, — говорилось в докладной записке наркома внутренних дел А.Г. Белобородова от 19 февраля 1925 г., — рассчитанная за округлением на 73 000 штатных мест, содержит в настоящее время 100 924 человека. Таким образом, эти 30 000 заключенных, не вошедшие в план снабжения, должны питаться за счет остальных... В результате — голодание тысяч заключенных, создание антисанитарной обстановки с угрозой эпидемических заболеваний, побеги из мест заключения, которые не могут предупредить по причине недостаточного служебного персонала.

Считая положение угрожающим, Народный комиссариат внутренних дел РСФСР по Главному управлению местами заключения полагает, что со стороны Центральной власти необходима срочная помощь местному бюджету на нужды мест заключения..."⁵⁴

Именно общим тяжелым материальным положением можно объяснить, на наш взгляд, некоторые всплески "гуманности" со стороны советской власти, наблюдавшиеся в первой половине 1920-х годов, когда из тюрем и лагерей выпускались тысячи заключенных по случаю различных амнистий или путем досрочного освобождения. Однако эта политика "проветривания камер", как ее называли тюремные

служащие, была малоэффективна, так как очень скоро тюрьмы наполнялись новым составом заключенных.

Деятельность мест заключения, подведомственных НКВД, регламентировалась Исправительно-трудовым кодексом РСФСР, принятым 16 октября 1924 г. Важно отметить, что среди учреждений, предусмотренных Кодексом "для применения мер социальной защиты исправительного характера", лагеря не назывались⁵⁵. Если верить отчету Главного управления местами заключения XI съезду Советов, то концентрационные лагеря были повсеместно ликвидированы или преобразованы в места заключения общего типа еще в 1923 г.⁵⁶ Однако это не совсем так. Дело в том, что в стране по-прежнему продолжали существовать две карательные системы, только теперь не в ведомствах НКЮ и НКВД, а в составе НКВД и ГПУ-ОГПУ.

Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР располагало собственными воинскими формированиями и обособленной репрессивной системой, в которую входили внутренние тюрьмы, изоляторы и концентрационные лагеря особого назначения.

13 октября 1923 г. СНК СССР принял постановление об организации Соловецкого лагеря принудительных работ особого назначения. Организация и управление лагерем, основу которого составили два пересыльно-распределительных пункта в Архангельске и Кемь, возлагались на ОГПУ. Постановление СНК СССР предписывало: "...3. Все угодья, здания, живой и мертвый инвентарь, ранее принадлежавшие бывшему Соловецкому монастырю, а равно Пертоминскому лагерю и Архангельскому пересыльно-распределительному пункту передать безвозмездно ОГПУ. 4. Одновременно — передать в пользование ОГПУ находящуюся на Соловецких островах радиостанцию. 5. Обязать ОГПУ немедленно приступить к организации труда заключенных для использования сельскохозяйственных, рыбных, лесных и пр. промыслов и предприятий, освободив таковые от уплаты государственных и местных налогов и сборов"⁵⁷. Так закладывались основы будущих лагерно-производственных комплексов, на откуп которым отдавались огромные территории и немалые экономические ресурсы. О человеческих ресурсах в постановлении речь не шла: уже тогда было очевидно, что в них недостатка не будет.

Характерной особенностью репрессивной системы ОГПУ было то, что вся ее деятельность базировалась на внутриведомственных актах, не подчинялась общегосударствен-

ному законодательству, была исключена из поля зрения общественности. Главлит издал ряд секретных циркуляров "О Соловецких концлагерях", "О сведениях по работе и структуре ОГПУ" и других, которые запрещали публиковать информацию о деятельности Политуправления⁵⁸. Сотрудники отделов ОГПУ давали обязательство "хранить в строжайшем секрете все сведения и данные о работе ОГПУ и его органов, ни под каким видом их не разглашать и не делиться ими даже со своими друзьями"³⁹. Отсутствие гласности позволяло ОГПУ бесконтрольно и безнаказанно распоряжаться человеческими судьбами.

Энтузиазм и энергию чекистов в деле создания и укрепления концентрационных лагерей, типа Соловецкого лагеря особого назначения, последовательно поддерживал Ф.Э. Дзержинский, выступавший за сохранение и расширение системы лагерей принудительного труда. Намечая круг первоочередных задач ОГПУ, Дзержинский писал в 1923 г. своему заместителю И.С. Уншлихту: "Необходимо будет далее заняться действительно организацией принудительного труда (каторжных работ) — лагеря с колонизацией незаселенных мест и с железной дисциплиной. Мест и пространства у нас достаточно"⁶⁰. Разрабатывая в 1924 г. принципы советской карательной политики, Дзержинский доказывал: "Наказание не имеет в виду воспитание преступника (...) Республика не может быть жалостлива к преступникам и не может на них тратить больших средств, — они должны покрывать своим трудом расходы на них, ими должны заселяться пустынные, бездорожные местности — на Печоре, в Обдорске* и пр."⁶¹

Существовавшая в ведении ОГПУ система лагерей особого назначения предназначалась, в первую очередь, для содержания классовых и политических противников правящей партии. В первые годы советской власти статус "политических заключенных" еще сохранялся за репрессированными анархистами, эсерами и социал-демократами, т.е. за теми группами профессиональных революционеров, которые вместе с большевиками боролись против царизма. Однако с первых же дней своего господства большевики категорически отказались признать "политическими" всех тех, кто был арестован и осужден за выступления против установившегося политического режима — участников оп-

*Так назывался до 1933 г. г. Салехард, расположенный за Полярным кругом.

позиционных рабочих движений и организаций; крестьян, участвовавших в антибольшевистских восстаниях; рабочих-стачечников; верующих, защищавших устои православия, и многих других. Эти группы заключенных находились в тюрьмах и концентрационных лагерях вместе с ворами и бандитами на общеуголовном режиме. Их положение было несравненно тяжелее, чем положение политзаключенных, а возможности для сопротивления ничтожно малы.

В начале 1920-х годов местом концентрации политических противников большевистского режима стал Европейский Север России. Сначала анархистов и социалистов содержали в Пертоминском монастыре и в Холмогорах, но мест не хватало, кроме того, там свирепствовала малярия. Удовлетворяя требование политзаключенных закрыть эти губительные для здоровья места заключения, советская власть летом 1923 г. начала свозить репрессированных "политиков", как их тогда называли, на Соловецкие острова. Здесь, как писал бывший сотрудник ВЧК—ОГПУ А. Роцин, "политические заключенные пользовались абсолютной свободой", под свободой он понимал то, что "они находились в изолированном, околоченном колючей проволокой лагере, в 2-х этажном доме. У них было самоуправление. Мы не вмешивались к ним. Только наружное наблюдение было с постов. Они постовых на вышках часто обижали, подходили к этим вышкам и ругали их"⁶². Да, по сравнению с тем, в каких условиях находились другие заключенные, измученные принудительным трудом и отданные во власть уголовников, это была действительно свобода, и когда власти попытались ее ограничить, политзаключенные без колебаний начали сопротивление.

Пришедшее из Москвы распоряжение предписывало сократить время пребывания заключенных на улице в вечерние часы. Поскольку никаких оснований для такого ограничения не было, социалисты решили его игнорировать. Столкновение с администрацией, не видевшей смысла в сохранении особого статуса политзаключенных и давно искавшей повода расправиться с ними, было неизбежно. В то время начальником Соловецкого лагеря был А.П. Ногтев, который пользовался вполне заслуженной репутацией "палача, способного на самые жестокие и кровавые действия". Именно такие действия и предприняла администрация 19 декабря 1923 г. Бывшие чекисты, попавшие на Соловки за уголовные преступления, охотно выступили в роли убийц и хладнокровно расстреляли сплоченные группы мужчин и женщин,

отказавшихся зайти в помещение и продолжавших гулять по дорожкам парка при свете электрических фонарей.

Двое суток долбили политзаключенные могилы для своих убитых товарищей, которых начальство милостиво разрешило похоронить вне колючей проволоки, но "без речей". Смерть шести социалистов временно сняла вопрос об ограничении политзаключенных в праве на вечерние прогулки. Однако тюремщики не оставили попыток уравнивать в правах уголовных и политических заключенных, в частности, они стали требовать, чтобы принудительный труд был обязательен и для "политиков". И снова противостояние. Политзаключенные потребовали либо перевести их на материк, либо сохранить существующий режим. Московское начальство ответило отказом. Тогда три фракции (левые эсеры, правые эсеры и анархисты) объявили голодовку. На 13-й день, когда многие ослабели, группа эсеров пришла к старосте с заявлением: "Голодовку не прекращать ни в коем случае, но, считая невозможным ставить под удар слабейших товарищей, в подтверждение требований заключенных, начиная с 15-го дня голодовки, один из группы вскрывает вены и кончает с собой. Остальные продолжают голодать"⁶³. На 15-й день староста социал-демократов заявил заместителю начальника лагеря Ф.И. Эймансу, что после первой жертвы их фракция в полном составе также присоединится к голодовке. Только тогда администрация согласилась на переговоры, в ходе которых было выработано соглашение, предусматривавшее сохранение льготного режима.

Что заставляло большевиков проявлять снисхождение к своим поверженным политическим противникам? По мнению самих заключенных, большевики боялись, "как бы не было шума за границей среди иностранной социал-демократии". А "шум" действительно был. Слухи о Соловецком расстреле и последующих событиях дошли до мировой общественности и вызвали массовые протесты со стороны рабочих организаций ряда стран. Большевицкая власть не особенно дорожила мнением мировой общественности, но на этот раз решила уступить. 10 июня 1925 г. Совнарком СССР постановил: "Прекратить впредь содержание в Соловецком концентрационном лагере особого назначения осужденных за политические преступления членов антисоветских партий (правых с.-р., левых с.-р., меньшевиков и анархистов)"⁶⁴. Политзаключенных перевели в подведомственные ОГПУ места лишения свободы на материке — в Тобольскую и Верхне-Уральскую каторжные тюрьмы. По сути, это было

новое, гораздо более суровое наказание. Соловецкий быт с его отвоеванными льготами показался социалистам чуть ли не раем, по сравнению с тем, что им уготовило ОГПУ на материке, где они очень скоро лишились статуса "политических", превратившись в рядовых "врагов народа".

Сила духа политзаключенных, не сразу сломленная большевистскими репрессиями, восхищала многих современников. С. Мальсагов, участник группового побега из Соловецкого лагеря в 1925 г., так характеризовал этих первых участников движения сопротивления: "Я не могу не воздать должное настойчивости и бесстрашию, которое они проявляют; если необходимо, они не останавливаются ни перед какими жертвами в отстаивании своих требований; они выдвигают эти требования как сплоченная единая организация..."⁶⁵ Большевики хорошо знали, как велико значение организации, поэтому все их усилия по подавлению сопротивления были направлены на то, чтобы распылить, разъединить своих политических противников, а затем постепенно ликвидировать.

Террор большевиков против политических противников имел целью уничтожить всякую возможность политической оппозиции, пресечь любые попытки инакомыслия. Лидеры коммунистической партии, и, в частности, руководитель советских профсоюзов М.П. Томский, не раз повторяли: "В обстановке диктатуры пролетариата может быть и две, и три, и четыре партии, но только при одном условии: одна партия будет у власти, а все остальные — в тюрьме"⁶⁶.

"Тюремный мотив" отчетливо звучал и на XV съезде ВКП(б). Глава правительства А.И. Рыков заявил буквально следующее: "Я думаю, что нельзя ручаться за то, что население тюрем не придется в ближайшее время несколько увеличить"⁶⁷. В чей же адрес посылались угрозы? Меньшевики и эсеры к тому времени были уже пройденным этапом, на власть большевиков никто не посягал, за счет кого же предполагалось увеличить население тюрем? Объектом политических репрессий стали свои однопартийцы, вчерашние соратники по революционной борьбе и внесудебным расправам. Мнимые и реальные оппозиции громились с энтузиазмом и беспощадностью, свойственной большевистским натурам. Арест, тюрьма, ссылка и концлагерь стали главными аргументами в политических спорах.

Осенью 1927 г. оппозиционеры разослали рядовым членам партии листовку, которая заканчивалась словами: "Долой расстрелы, долой ГПУ, да здравствует рабочая демокра-

тия, да здравствует свобода слова, печати и собраний!"⁶⁸ Но было уже поздно. Порочная практика репрессий и доносов прочно вошла в плоть и кровь не только партии, но и всей страны.

Многие коммунисты воспринимали репрессии как совершенно справедливую революционную расправу, которая совершалась во имя светлого будущего. Мечты об этом "светлом будущем" стали для большинства населения Советской России тем допингом, который помогал пережить настоящее. Однако во все времена находились среди россиян люди, которые хотели жить сегодня, не откладывая это на будущее. "Нам масло надо, а не социализм", — единодушно заявили 6 сентября 1927 г. путиловские рабочие, собравшиеся на кооперативную конференцию. По сообщению ленинградского отдела ОГПУ, рабочие выявили такое озлобление по поводу плохого снабжения, что конференция по резкости выступлений, по самовольности и количеству хулиганских выпадов "должна быть признана исключительным явлением"⁶⁹.

Материальное положение населения ухудшалось день ото дня. С мрачным юмором рабочие шутили: «Говорят, отменили букву "М" — мяса нет, масла нет, мануфактуры нет, мыла нет, а ради одной фамилии — Микоян^{2*} — букву "М" оставлять ни к чему». Где злым шепотком, а где и в открытую рабочие каламбурили по поводу того, кому что дала революция: "Рабочему дала ДОКЛАД, главкам дала ОКЛАД, а женам их дала КЛАД, а крестьянству дала АД". Эта невинная игра слов сохранила свою актуальность и в последующие годы, особенно злободневно стала звучать последняя фраза — "крестьянству революция дала АД".

Вот записи из дневника современника — активного профсоюзного деятеля Б.Г. Козелева, относящиеся к лету 1928 г. «Положение в стране напряженное. Создалась в ряде районов паника; запасаются хлебом, другими продуктами, даже мылом, сахаром. В деревнях проявление недовольства, даже волнений. Красноармейцы шлют в деревню хлеб. Отпускники-рабочие, возвратившись из деревни, возбуждены и негодуют на административный произвол. В Николаеве на завод Марти пришли ходоки от крестьян. Были арестованы. В числе арестованных — ни одного кулака. Политика "военного коммунизма" в наше время к добру не приведет...

^{2*} С 1926 по 1938 г. А.И. Микоян последовательно занимал должности наркома внешней и внутренней торговли СССР, наркома снабжения СССР, наркома пищевой промышленности СССР.

В Кабарде было крестьянское восстание. Шли к исполкому. В них стреляли, они отвечали. В результате — 6 убитых крестьян. В Ростове обезоружили и арестовали много отдельных командиров красноармейских частей (главным образом, крестьяне).

Крестьяне из деревни пишут в города красноармейцам письма, в которых жалуются на конфискации, притеснения. "Бери, сынок, винтовку и иди защищать отца и мать". 50% таких писем задерживаются»⁷⁰.

Оценивая ситуацию с "хлебной проблемой", Сталин утверждал в июле 1928 г., что проводимую партией политику "никак нельзя считать политикой разжигания классовой борьбы. Почему? Потому, что разжигание классовой борьбы ведет к гражданской войне (...) Мы не заинтересованы в том, чтобы классовая борьба принимала формы гражданской войны"⁷¹. Несмотря на предрекаемое обострение, классовая борьба не выходила за рамки стихийного сопротивления и всюду носила оборонительный характер. Гражданской войной, по сути, стала затяжная, необъявленная война партии и государства против мирного населения своей страны. Убитых на этой войне хоронили тайно, не позволяя оплакивать, пленных свозили в ГУЛАГ.

26 марта 1928 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление "О карательной политике и состоянии мест заключения". В документе отмечался ряд отрицательных явлений и крупных недочетов в деятельности судов и в постановке карательной системы. В частности, указывалось на "недостаточно обоснованное допущение в ряде случаев льгот для классово-чуждых и социально-опасных элементов". В связи с этим правительство республики требовало "признать необходимым применять суровые меры репрессии исключительно в отношении классовых врагов и деклассированных преступников-профессионалов..." В отношении исправительно-трудовой политики рекомендовалось: "Предложить Народному комиссариату юстиции и Народному комиссариату внутренних дел в целях действительного использования принудительных работ, как средства уголовной репрессии, разработать проект изменения законодательства о принудительных работах на началах: а) бесплатности, б) хозяйственной выгоды, в) такой их организации, чтобы они представляли собой реальную меру репрессии по сравнению с общественными работами, организуемыми для безработных органами Народного комиссариата труда"⁷². Названный нормативный акт огра-

ничивал применение льгот "для классово чуждых и социально опасных элементов", значительно ухудшал условия содержания "врагов народа", а главное, что имело далеко идущие отрицательные последствия, практически неограниченно расширял полномочия лагерно-тюремной администрации по поддержанию соответствующего режима в местах лишения свободы.

Оценивая десятилетний этап становления советской репрессивной системы, вполне можно согласиться с мнением авторов книги "Век лагерей...", которые справедливо заметили, что "ГУЛАГ, как и революция, с точки зрения правоверных ленинцев, развивается непрерывно, и элементы каждого предыдущего этапа органично переходят в следующий: заключенных превращают в пыль, приравнивая их (как политических, так и не политических) к вредным насекомым и создавая повсеместно концентрационные лагеря, — при Сталине этот процесс примет чудовищные формы, но начался он при Ленине"⁷³.

¹ Человек и тюрьма: сб. информ. материалов. М., 1999. № 2. С. 14.

² *Детков М.Г.* Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917 — 1930 годов. М., 1992. С. 5.

³ Цит. по: *Детков М.Г.* Указ. соч. С. 11 — 12.

⁴ *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова. М., 1999. С. 175.

⁵ *Троцкий Л.Д.* Как вооружалась революция (на военной работе). М., 1923. Т. 1. С. 232-233.

⁶ *Ленин В.И.* Военная переписка (1917-1920 гг.). М., 1957. С. 61.

⁷ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918 - 1960. М., 2000. С. 14.

⁸ См. об этом: *Бухарин Н.И.* Экономика переходного периода // *Он же.* Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 162 —163; Ленинский сборник. XL. С. 419.

⁹ См.: *Гимпельсон Е.Г.* Советский рабочий класс 1918—1920 гг. М., 1974. С. 129.

¹⁰ *Троцкий Л.* Терроризм и коммунизм. Пг., 1920. С. 125.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 38 б. Л. 66.

¹² Там же. Оп. 1. Д. 19. Л. 59-59об, 80.

¹³ Там же. Л. 121.

¹⁴ Там же. Л. 141об, 144, 144об.

¹⁵ Декреты Советской власти. М., 1971. Т. V. С. 69, 174.

¹⁶ *Гиляров Е.М., Михайличенко А.В.* Становление и развитие ИТУ советского государства (1917—1925). Домодедово, 1990. С. 54; *Детков М.Г.* Указ. соч. С. 56.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 3. Л. 234, 244.

¹⁸ Там же. Л. 69.

- ¹⁹ Цит. по: *Быстрова И.В.* Принципы НЭПа разрабатывались в концлагере // *Семь с плюсом.* 1992. Июль. № 28 (87). С. 3.
- ²⁰ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 87. Л. 6.
- ²¹ Там же. Л. 10.
- ²² Там же. Оп. 1. Д. 19. Л. 144об.
- ²³ Там же. Оп. 89. Д. 3. Л. 33 - 35.
- ²⁴ Там же. Л. 63.
- ²⁵ Изв. ВЦИК. 1919. 21 окт.
- ²⁶ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д.3. Л. 112.
- ²⁷ Изв. ВЦИК. 1919. 19 окт. С. 3.
- ²⁸ *Ленин В.И.* Речь на II Всероссийском съезде комиссаров труда 22 мая 1918 г. // Полн. собр. соч. Т. 36. С. 366.
- ²⁹ *Вечерние известия* Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов. 1919. 30 дек. С. 4.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 87. Л. 10.
- ³² Там же. Л. 6.
- ³³ Там же. Л. 9 — 9об.
- ³⁴ Там же. Д. 71. Л. 13.
- ³⁵ Там же. Л. 12.
- ³⁶ Там же. Л. 14.
- ³⁷ Там же. Д. 15а. Л. 2.
- ³⁸ Там же. Д. 87. Л. 213.
- ³⁹ Там же. Д. 71. Л. 17.
- ⁴⁰ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923—1960: справ. М., 1998. С. 12.
- ⁴¹ См.: *Детков М.Г.* Указ. соч. С. 56-57.
- ⁴² См.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР... С. 12.
- ⁴³ СУ РСФСР. 1921. №23/24. Ст. 141.
- ⁴⁴ Цит. по: *Детков М.Г.* Указ. соч. С. 64.
- ⁴⁵ Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917—1959 гг.) / сост. П.М. Лосев, Г.И. Рагулин. М., 1959. С. 105.
- ⁴⁶ Цит. по: *Детков М.Г.* Указ. соч. С. 63, 65.
- ⁴⁷ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 32. Д. 28. Л. 89-89об.
- ⁴⁸ Там же. Л. 89об.
- ⁴⁹ Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву... С. 106—107.
- ⁵⁰ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 32. Д. 38. Л. 1.
- ⁵¹ Там же. Л. 4.
- ⁵² Цит. по: *Смыкалин А.С.* Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург, 1997. С. 68.
- ⁵³ См.: Пенитенциарное дело в 1923 г. Отчет главного управления мест заключения Республики XI съезду Советов. М., 1924. С. 12.
- ⁵⁴ Цит. по: *Детков М.Г.* Указ. соч. С. 100.
- ⁵⁵ Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву... С. 137.
- ⁵⁶ См.: Пенитенциарное дело в 1923 г. ... С. 3.
- ⁵⁷ ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 29 — 30.

- ⁵⁸ См., например: История советской политической цензуры: док. и коммент. М, 1997. С. 284 - 286.
- ⁵⁹ РГАНИ. Ф. 89. Пер. 45. Док. 79. Л. 1.
- ⁶⁰ Ф.Э. Дзержинский о революционной законности // Ист. арх. 1958. № 1. С. 21.
- ⁶¹ Там же. С. 24.
- ⁶² Сопrotивление в ГУЛАГе. Воспоминания. Письма. Документы. М., 1992. С. 49.
- ⁶³ Там же. С. 60-61.
- ⁶⁴ Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву... С. 187.
- ⁶⁵ Сопrotивление в ГУЛАГе... С. 47.
- ⁶⁶ Стенографический отчет Первой Ленинградской областной конференции ВКП(б). М.; Л, 1927. С. 28.
- ⁶⁷ Пятнадцатый съезд ВКП(б): стеногр. отчет. М., 1961. Т. 1. С. 291.
- ⁶⁸ XVI Московская губернская конференция ВКП(б): стеногр. отчет. М., 1928. С. 338.
- ⁶⁹ Дневник Бориса Козелева // Ист. арх. 1996. № 5/6. С. 159-160.
- ⁷⁰ Там же. С. 163-164.
- ⁷¹ Пленум ЦК ВКП(б) 4-12 июля 1928 г.: речь Сталина 9 июля 1928 г. "Об индустриализации и хлебной проблеме" // *Сталин И.В.* Соч. М., 1949. Т. 11. С. 170.
- ⁷² Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву... С. 202 - 207.
- ⁷³ *Котек Ж., Ригуло П.* Век лагерей: лишение свободы, концентрация, уничтожение. Сто лет злодеяний. М., 2003. С. 118.

Глава пятая

ГУЛАГ-КАРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА НОВОГО ТИПА

В 1920-е годы экономические и политические проблемы (массовая безработица и отсутствие крупных промышленных проектов, острая внутрипартийная борьба и перманентные дискуссии о путях построения социализма) не позволяли руководству страны организовать труд заключенных в общегосударственном масштабе, ограничивали сферу применения репрессий. Очередной хозяйственный кризис последней трети 1920-х годов привел к резкому обострению социально-экономической ситуации. В поисках выхода из кризиса коммунистическая партия начала активно формировать в общественном сознании многоликий образ врага — "вредителя", "кулака", "саботажника". С теоретическим обоснованием неизбежности усиления репрессий выступил лично Сталин, заявивший на Пленуме ЦК ВКП(б) в июле 1928 г., что "по мере нашего продвижения вперед, сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться, а Советская власть, силы которой будут возрастать все больше и больше, будет проводить политику изоляции этих элементов, политику разложения врагов рабочего класса, наконец, политику подавления сопротивления эксплуататоров..."¹ В качестве логического завершения своей мысли Сталин мог бы привести хорошо известное ему высказывание Троцкого: "Чем ожесточеннее и опаснее сопротивление поверженного классового врага, тем неизбежнее система репрессий сгущается в систему террора"². Однако Сталин не стал озвучивать цитату из революционного наследия своего политического противника, он просто использовал ее в качестве руководства к действию.

За "освящением" своей новой идеи Сталин, как это часто бывало, обратился к Ленину. Изучавший литературные и научные пристрастия И.В. Сталина, историк Б.С. Илизаров заметил: "Совершенно достоверно — Ленин был для него главным теоретическим источником, и не только потому, что он использовал Ленина, его партийную публицистику в качестве основного идеологического оружия в борьбе с различны-

ми оппозициями (...) В целом ленинское наследие было для него источником, из которого он черпал для своих вечно меняющихся политически конъюнктурных доктрин"³. Эту мысль историка полностью подтверждает факт публикации в начале 1929 г. двух ленинских работ, предварявших, по сути, все последующие события года "великого перелома".

20 января 1929 г. газета "Правда" впервые опубликовала статью В.И. Ленина "Как организовать соревнование?", написанную им в конце декабря 1917 г. во время пребывания на отдыхе в санатории "Халила". Невостребованная до той поры работа Ленина обладала мощным теоретическим потенциалом двойной направленности. С одной стороны, она дала толчок началу кампании по развертыванию массового социалистического соревнования, которое провозглашалось одним из неперемных условий выполнения пятилетнего задания. С другой стороны, стала руководством к действию для карательных органов всех уровней.

Ленинские рекомендации по осуществлению репрессий, необходимых для верного и быстрого успеха социализма, в печати освещались не слишком широко, но зато были основательно усвоены теми, кто воплощал в жизнь сталинский курс на обострение классовой борьбы. Об этом прямо говорилось в сборнике "От тюрем к воспитательным учреждениям", вышедшем в 1934 г. под общей редакцией А.Я. Вышинского. Характеризуя советскую исправительно-трудовую политику как часть уголовной политики, авторы неоднократно повторяли, что "общий подход советской власти к вопросам применения репрессии с величайшей ясностью и яркостью вырисовывается из следующих ленинских строк..."⁴ Далее шли цитаты из статьи Ленина "Как организовать соревнование?"

"Тысячи форм и способов практического учета и контроля за богатыми, жуликами и тунеядцами должны быть разработаны и испытаны на практике самими коммунарами, мелкими ячейками в деревне и в городе. Разнообразие здесь есть ручательство жизненности, порука успеха в достижении общей единой цели: *очистки* земли российской от всяких вредных насекомых, от блох — жуликов, от клопов — богатых и прочее и прочее. В одном месте посадят в тюрьму десяток богачей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы (так же хулигански, как отлынивают от работы многие наборщики в Питере, особенно в партийных типографиях). В другом — поставят их чистить сортиры. В третьем — снабдят их, по отбытии карцера, желтыми биле-

тами, чтобы весь народ, до их исправления, надзирал за ними, как за *вредными* людьми. В четвертом — расстреляют на месте одного из десяти, виновных в тунеядстве. В пятом — придумают комбинации разных средств и путем, например, условного освобождения добьются быстрого исправления исправимых элементов из богачей, буржуазных интеллигентов, жуликов и хулиганов. Чем разнообразнее, тем лучше, тем богаче будет общий опыт, тем вернее и быстрее будет успех социализма, тем легче практика выработает — ибо только практика может выработать — *наилучшие* приемы и средства борьбы"⁵, — так излагал свои взгляды на репрессии В.И. Ленин.

Сталинские исполнители ленинских рекомендаций чуть-чуть уловили выдвинутую Лениным главную задачу репрессивной политики — задачу *подавления*. Необычайно злободневно, по мнению Сталина, готовившего страну к "великому перелому", звучали другие строки из той же ленинской статьи: "Никакой пощады этим врагам народа, врагам социализма, врагам трудящихся. Война не на жизнь, а на смерть богатым и их прихлебателям, буржуазным интеллигентам, война жуликам, тунеядцам и хулиганам"⁶.

Мощной теоретической поддержкой сталинскому тезису об обострении классово-борьбы и основой для дискредитации идеи о возможности сотрудничества различных классов, как это было в условиях нэпа, служила другая ленинская статья, также извлеченная из партийного архива. 22 января 1929 г. "Правда" впервые напечатала статью В.И. Ленина "Запуганные крахом старого и борющиеся за новое", написанную там же и тогда же, как и предыдущая статья. Ставшая вдруг актуальной через 11с лишним лет после написания, работа Ленина напоминала читателям, что "сопротивление действительно должно быть *сломано*, что оно *будет* сломано, что такая ломка и называется, на научном языке, диктатурой пролетариата, что целый исторический период характеризуется подавлением сопротивления капиталистов, характеризуется, следовательно, систематическим *насилием* над целым классом (буржуазией), над его пособниками"⁷.

Активная реализация ленинско-сталинских теоретических установок привела к тому, что существовавший в годы нэпа относительно либеральный политический режим быстро трансформировался в тоталитаризм, важнейшим атрибутом которого на протяжении всех лет его существования были концентрационные лагеря,

13 апреля 1929 г. в СНК РСФСР поступила докладная записка наркоматов юстиции, внутренних дел и ОГПУ. В документе отмечалось, что существующая система мер социальной защиты в виде изоляции социально опасных элементов в местах лишения свободы "оказалась весьма дорогостоящей государству, повела к переполнению тюремного населения сверх всякой нормы и сделала приговор суда совершенно нереальным". Опираясь на директивные указания правительства о максимальном сокращении практики применения краткосрочного заключения, авторы записки обосновывали необходимость перехода "от системы ныне существующих мест заключения к системе концлагерей, организованных по типу лагерей ОГПУ, как гарантирующей реально проведение карательной политики и несомненное значительное снижение расходов по содержанию заключенных". В документе отмечалось, что в связи с постановлениями, принятыми правительством в феврале 1929 г. о переводе из обычных мест лишения свободы в концлагеря ОГПУ около 8 тыс. человек, остро встал вопрос о необходимости "срочной организации нового концлагеря емкостью примерно в 10 000 человек".

Авторы записки вносили в правительство РСФСР следующие предложения:

1. Всех лиц, осужденных на срок от 3-х лет и выше, использовать для колонизации наших северных окраин и разработки имеющихся там природных богатств.
2. Для этой цели поручить ОГПУ организовать концлагеря по типу Соловецкого, избрав для них район Олонца, Ухты.
3. Емкость лагерей определить в 30 000 человек".

По мнению вышеназванных ведомств, реализация их предложений давала возможность не только устранить существующие недостатки, но и значительно снизить расходы на содержание заключенных с 250 руб. в год на человека до 100 руб.* В конце записки авторы обращали внимание СНК РСФСР на то, "что в организации таких лагерей несомненно будут заинтересованы союзные республики"⁸.

* Для сравнения можно отметить, что в царской России среднегодовая стоимость обеспечения арестанта в 1910 г. во всех местах заключения империи была в пределах 167 руб., содержание одного каторжного в Иркутской губернии обходилось в год в 197 руб., а на Нерчинской каторге — до 287 руб. В тот же период среднегодовая заработная плата московского рабочего-текстильщика составляла 194 руб. См.: *Исаев ММ.* Предстоящее преобразование каторги // Труды Юридического общества при императорском С.-Петербургском университете. СПб., 1912. Т. IV. С. 68.

Весной — летом 1929 г. вопросами организации концлагерей и принудительного использования труда заключенных вплотную занялось Политбюро ЦК ВКП(б). 13 мая оно приняло постановление "Об использовании труда уголовных арестантов", которое предписывало: "Перейти на систему массового использования за плату труда уголовных арестантов, имеющих приговор не менее трех лет, в районе Ухты, Индиги и т.д." Специальной комиссии под председательством Н.М. Янсона в составе Г.Г. Ягоды, Н.В. Крыленко, В.Н. Толмачева, Н.А. Угланова поручалось "подробно рассмотреть вопрос и определить конкретные условия использования арестантского труда на базе существующих законов и существующей практики"⁹.

Комиссия Политбюро далеко не сразу пришла к единому мнению. Руководители различных ведомств по-разному оценивали возможности и перспективы создания системы концлагерей. Нарком юстиции РСФСР Н.М. Янсон, указывая на "широчайшие возможности рационального использования труда заключенных" (на лесных разработках на Севере), делал вывод "о целесообразности постепенной замены существующих ныне мест лишения свободы (трудисправдомов) концентрационными лагерями". По его мнению, следовало изъять из ведения НКВД РСФСР существующие места лишения свободы для осужденных к длительным срокам заключения и передать все дело лагерного строительства органам ОГПУ, как уже имеющим соответствующий опыт.

Сугубо прагматически подходил к делу заместитель председателя ОГПУ Г.Г. Ягода. "Совершенно очевидно, — заявил он, — что политика советской власти и строительство новых тюрем несовместимы. На новые тюрьмы никто денег не даст. Другое дело постройка больших лагерей с рационально поставленным использованием труда в них. Мы имеем огромные затруднения в деле посылки рабочих на север. Сосредоточение там многих тысяч заключенных поможет нам продвинуть дело хозяйственной эксплуатации природных богатств Севера".

Нарком внутренних дел РСФСР В.Н. Толмачев и нарком труда СССР Н.А. Угланов относились к обсуждаемым предложениям весьма скептически и указывали на серьезные реальные трудности, прежде всего, экономического порядка в деле организации системы концлагерей. Кроме того, Угланов считал, что концентрационные лагеря могут использоваться только для изоляции неисправимых рецидивистов, и

возражал против посылки в них лиц, осужденных без строгой изоляции или впервые.

Толмачев воспринял предложения о передаче функций исполнения наказания в органы ОГПУ весьма неодобрительно и, можно даже сказать, ревниво. Свое негативное отношение к перспективным планам развертывания строительства концентрационных лагерей он пытался обосновать тем, что ОГПУ может не справиться с хозяйственными задачами, и что организационная работа потребует вложений довольно больших материальных средств (достаточно сказать, что только в 1929 г. на первоначальные расходы по организации одного нового лагеря ОГПУ было ассигновано 1 200 000 руб.). Толмачев указал также на необходимость контроля над этой работой "не только прокурора, но еще более широких государственных организаций и общественности". "Кроме того, — прозорливо заметил нарком внутренних дел, — создание лагерей нам невыгодно и политически: пойдут среди белой эмиграции и в буржуазных государствах разговоры о том, что мы вместо хваленой пенитенциарной системы с исправительно-трудовым воздействием создали чекистский застенок"¹⁰.

Не отвергая в целом идею организации концентрационных лагерей как принципиально новых мест лишения свободы с принудительным использованием труда заключенных, Толмачев доказывал, что существующие законы и сложившаяся практика не дают оснований пересматривать карательную политику и передавать исполнение приговоров к лишению свободы из органов НКВД в ОГПУ. Настойчивые попытки наркома внутренних дел РСФСР отстоять интересы своего ведомства были решительно пресечены другими членами комиссии. "Постановка вопросов НКВД — несерьезна, — безапелляционно заявил Ягода. — В Политбюро ни у кого и мысли не было, что лагеря могут быть организованы не ОГПУ"¹¹.

Не помогла Толмачеву и ссылка на действующее законодательство. Не имевший юридического образования нарком юстиции РСФСР Янсон, всегда считавший, что юридический уклон "не совсем полезен для дела советской юстиции", назидательно заметил по этому поводу: "Гибкость наших законов, то что мы исправляем и изменяем, когда они становятся тормозами развития, — достоинство, а не недостаток. Поэтому, исполняя партийную директиву, Комиссия не связана с уже существующими законами, ибо она и призвана, в случае целесообразности и требования о том жизни,

разработать проект изменения устаревших и негодных законов по вопросу об организации мест заключения и отбывания в них лишения свободы". Янсон предложил "четко высказаться за то, что Комиссия считает необходимым разграничение: концлагеря передать ОГПУ, колонии с лишенными свободы до 3-х лет — за НКВД". Однако удовлетворить все возрастающие аппетиты ОГПУ было не так-то просто. Ягода, вопреки партийным директивам, потребовал, "чтобы в лагерь посылались все лишенные свободы до 3-х лет, а не после 3-х лет, так как иначе контингент для концентрационных лагерей будет недостаточен"¹².

В пылу межведомственных разногласий ни одна из спорящих сторон даже не вспомнила о том, что советское законодательство вообще не предусматривало такой меры наказания, как заключение в концлагерь, да и среди мест лишения свободы, названных в законах, концлагеря не значились. Однако для высшего партийного руководства, как откровенно заявлял Янсон, отсутствие какого-либо закона (или, наоборот, его наличие) никогда не было помехой или препятствием для реализации намеченных целей. Эту же мысль высказал в 1930 г. на XVI съезде ВКП(б) Н.В. Крыленко: "Наши законы — это формы, в которые партия облекает свою волю. Эти законы есть не что иное, как указания партии"¹³.

Наделяя партию законодательными функциями, Крыленко не слишком грешил против истины. Хорошо известно, что ни один законопроект не мог стать законом без одобрения высшего партийного руководства. Это в полной мере относилось и к вопросу о лагерях. Приняв во внимание вполне обоснованные доводы В.Н. Толмачева о возможном негативном политическом резонансе со стороны международной общественности, Политбюро ЦК ВКП(б) 27 июня 1929 г. постановило "именовать в дальнейшем концентрационные лагеря исправительно-трудовыми лагерями"^{2*14}.

^{2*} Несмотря на переименование, термин "концентрационный лагерь" употреблялся в официальных нормативных актах еще довольно продолжительное время. Например, Закон от 22 августа 1932 г. "О борьбе со спекуляцией" предусматривал в качестве наказания "заключение в концентрационный лагерь сроком от пяти до десяти лет без права применения амнистии" (Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917-1952 гг. М., 1953. С. 336). В официальной переписке советского руководства термин "концлагерь" встречается многократно вплоть до 1936 г. См.: Сопроводительное письмо заместителя наркома внутренних дел СССР Г.Е. Прокофьева В.М. Молотову от 13 февраля 1936 г. // Письма во власть. 1928—1939: заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям. М., 2002. С. 282.

6 ноября 1929 г. ЦИК и СНК СССР внесли соответствующие изменения в "Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик", принятые в 1924 г. Статья 13 этого документа, в частности, гласила: "Мерами социальной защиты судебно-исправительного характера являются (...) б) лишение свободы в исправительно-трудовых лагерях в отдаленных местностях Союза ССР; в) лишение свободы в общих местах заключения...", а статья 18 добавляла: "Лишение свободы в исправительно-трудовых лагерях в отдаленных местностях Союза ССР устанавливается на срок от трех до десяти лет. Лишение свободы в общих местах заключения устанавливается на срок до трех лет. Лица, приговоренные к лишению свободы в общих местах заключения, отбывают эту меру по общему правилу, в исправительно-трудовых колониях"¹⁵. Так впервые в советском законодательстве появились официальные термины "исправительно-трудовой лагерь" (ИТЛ) и "исправительно-трудовая колония" (ИТК). Лица, осужденные по политическим мотивам, редко попадали в колонии (только в каких-то исключительных случаях), так как их мера наказания всегда превышала трехлетний срок.

ОГПУ приступило к организации новых лагерей в начале лета 1929 г. на основании решений Политбюро ЦК ВКП(б), оформленных "в советском порядке" 11 июля 1929 г. специальным постановлением СНК СССР¹⁶. В делопроизводственной документации государственных и партийных органов стали появляться немыслимые аббревиатуры и сокращения, обозначающие новые лагерно-производственные структуры. До лета 1929 г. в системе ОГПУ функционировало лишь одно Управление Соловецкого лагеря особого назначения (УСЛОН). В июне 1929 г. создается Управление Северных лагерей особого назначения (УСЕВЛОН) с центром в Усть-Сысольске, переименованном 26 марта 1930 г. в Сыктывкар. В июле 1929 г. организуется Управление Вишерских лагерей особого назначения (УВЛОН) с центром в г. Красновишерск Уральской области (ныне Пермская область). Осенью 1929 г. приказами местных органов ОГПУ создаются Дальневосточный лагерь (ДАЛЪУЛОН) с центром в Хабаровске, Сибирский лагерь (СИБУЛОН) с центром в Новосибирске, Среднеазиатский (УСАЗЛОН) с дислокацией управления в Ташкенте и Казахстанский (КАЗУЛОН), центр — Алма-Ата. Общее число заключенных на 1 июня 1930 г. составляло в этих семи лагерях 168 163 человека¹⁷.

Как видим, "великий перелом" совершился и в сфере карательной политики. Можно вполне согласиться с мнением историка С.А. Красильникова, который отмечал: "Форсированный рост лагерей с конца 1929 г. при прямой санкции Политбюро свидетельствовал о том, что сталинский режим изменил акценты в карательной политике, сделав ставку на создание глобальной системы принудительного труда, сердцевинной которой стал ГУЛАГ, а движущей силой — ОПТУ"¹⁸.

Каждый, кому довелось побывать в Карелии, восхищался дивной красотой озерного края. Суровая и скупая северная природа, по словам художника В.М. Юстицкого, "замечательно хороша своими серыми тонами, такими тонкими и изумительно мягкими". Когда-то этот художник мечтал приехать в Карелию, чтобы написать Северную сюиту. Но судьба распорядилась иначе: на Север прибыл не свободный художник, а "уголовный арестант". Бывший профессор Саратовского художественного института заключенный Юстицкий писал одной из своих учениц: "Ты спрашиваешь о том, как я живу? Коротко. Лес, опять лес и опять лес. Тяжелая, непосильная работа, нормы... Вообще, о моей жизни ты не можешь иметь представления, так как никакая фантазия тебе этого не дополнит. Ты пишешь, как художник, о красоте природы, но я ее не замечаю (...) Дни похожи один на другой, текут с поразительной однообразностью — это полужизнь, где кажется, что частично похоронен и предметы теряют свою ощутимость (...) Все время на общих работах, тяжелых, не по силам, ежедневная непроходимая усталость. Ни о каких рисунках и прочем и не думаю, да и смешно об этом говорить в моем положении... Моя специальность и вообще мои знания и опыт в условиях лагеря ничего не значат. Здесь не место искусству, изящной литературе, философии...."¹⁹

Между тем именно здесь, в концлагерях на Европейском Севере России, в начале 1930-х годов оказался едва ли не весь цвет русской интеллигенции. В конце 1920-х годов по стране прошла мощная волна арестов, жертвами которых стали ученые-гуманитарии, инженеры, экономисты, члены бывших политических партий, давно отошедшие от всякой политики, представители духовенства, творческая молодежь. Религиозно-философские искания русской интеллигенции советская власть объявила контрреволюционным заговором, а на попытки студентов выйти за рамки марксистско-ленинской теории власти отвечали репрессиями и погромами.

Работавший в свинцовых шахтах на о. Вайгач (Вайгачская экспедиция ОГПУ) сортировщиком, а потом буровым мастером молодой заключенный Вацлав Дворжецкий, будущий народный артист России, был арестован в 1929 г. по делу молодежной организации (студенческий кружок из пяти человек в возрасте 18—19 лет), называвшей себя "Группой освобождения личности" (ГОЛ). Чем занимался ГОЛ? "Собирались изредка вечерами у кого-нибудь на квартире или в общежитии, читали Гегеля, Шопенгауэра, Спенсера, вслух читали. Разбирали, спорили. Говорили о свободе мнений, о свободе совести, о праве на убеждения, ратовали за открытые дискуссии, за свободу слова и печати, за свободу разных партий, за демократию, против диктатуры. Было много наивного, даже малограмотного, но много было честного, чистого в спорах, мыслях"²⁰, — так вспоминал то время В.Я. Дворжецкий.

За свое стремление оставаться *личностью* он был приговорен 20 августа 1930 г. по ст. 58» УК РСФСР и 54¹² УК УССР к 10 годам ИТЛ с отбыванием срока в северных лагерях.

Поставив себе цель "выжить", Дворжецкий старался не унывать и, во что бы то ни стало, сохранять чувство внутренней свободы. О своем пребывании на о. Вайгач он писал: «Честно говоря, жили там хорошо. В бараках нары "вагонкой", столовая, питание хорошее, обмундирование хорошее, охраны нет, зоны никакой нет...» Далее воспоминания наполнены романтическим описанием вечной мерзлоты, заполярной тундры, северного сияния, которое "временами охватывало все небо от горизонта до горизонта". Читаешь эти, чуть ли не лирические, строки и вдруг словно спотыкаешься о вопрос: а работа? Здесь же ответ: «Работа страшная! За бухтой Вернека^{3*}, в десяти километрах от лагеря — шахты: свинцовые, цинковые рудники. Летом на карбасах отправлялись туда, зимой пешком шли по льду. Столбы, веревки, тропа. По веревке шли. Рудники жуткие! Людей в ствол спускают "бадьей", вручную, коловоротом, как в колодец. Штреки — на разной глубине. Вагонетки, груженные рудой, выкатывают тоже вручную. Руду сортируют под открытым небом и под навесами. В забоях орудие шахтера — отбойный молоток (компрессор снаружи), освещение — лампочка на каске. Крепление слабое — вечная мерзлота, "жила" узкая — в забое работаешь лежа с киркой. Всю зиму — работа в шахтах, в светлое время года — сортировка.

^{3*}Бухта Варнека (вероятно, современный пос. Варнек).

А в августе — отгрузка руды на пароходы. Вот такой "рабочий цикл!"²¹ В 1932 г. на о. Вайгач работали 1100 заключенных, кстати, денег им, вопреки первоначальным намерениям правительства, не платили.

Вацлав Дворжецкий был в числе тех первых тысяч "уголовных арестантов", которым пришлось претворять в жизнь колонизационные планы высшего партийного руководства по продвижению "дела хозяйственной эксплуатации природных богатств Севера" путем "рационального использования" труда заключенных. Дворжецкий выжил, более того, тяжелый принудительный труд не убил в юноше творческую личность, что в тех условиях случалось со многими. Его спасением стала сцена. В зависимости от экономических возможностей того или иного лагеря и запросов лагерного начальства Дворжецкому приходилось и "живгазету" читать, и стихи декламировать, и серьезные роли исполнять. То был знаменитый "крепостной театр эпохи принудительного труда". В этом театре были свои трудности, и немалые. «Но у актеров "норма" — полнормы. И работали только три, а то и два дня в неделю (вот радость-то!)»²² Партнерами Дворжецкого по сцене были такие же подневольные артисты, часто весьма известные и талантливые.

Выдающийся философ, университетский профессор А.Ф. Лосев был объявлен Л.М. Кагановичем на XVI съезде ВКП(б) "реакционером и черносотенцем". В качестве доказательства своей правоты Каганович привел ряд вырванных из контекста цитат из якобы "контрреволюционного и мракобесовского произведения" Лосева "Диалектика мифа". Вниманию делегатов съезда были предложены среди прочих и такие высказывания автора: "Диалектический материализм есть вопиющая нелепость"... "Говорили: идите к нам, у нас полный реализм, живая жизнь вместо ваших фантазий и мечтаний. Оказывается, полный обман и подлог. Нет, дяденька, не обманешь. Ты, дяденька, с меня шкуру хотел спустить, а не реалистом меня сделать. Ты, дяденька, вор и разбойник"... "Коммунистам нельзя любить искусство. Раз искусство, значит — гений. Раз гений, значит — неравенство. Раз неравенство, значит — эксплуатация"²³.

А.Ф. Лосев был осужден в 1931 г. вместе с епископом Федором Поздневским и почетным членом АН СССР, президентом Московского математического общества Д.Ф. Егоровым по делу так называемого "религиозно-политического центра". В Беломоро-Балтийском лагере Лосев потерял здоровье, почти ослеп, испытал невероятные моральные уни-

жения. «Как только начну подыскивать образ, который бы наиболее точно выразил мое существование, — делился лагерными переживаниями ученый, — всегда возникает образ "дрожащей твари", какой-нибудь избитой и голодной собачонки, которую выгнали в ночную тьму на мороз». Всю жизнь уединявшийся и избиравший самое изысканное общество, московский профессор вдруг оказался среди преступного мира, "в бараках и палатках, где люди набиты, как сельди". О своем житье Лосев писал жене осенью 1933 г.: "...холод, тьма, тоска неопределенности и кошмарический дождь (...) я все еще никак не привыкну к собачьему режиму, хотя уже и не сравнить меня с тем, что я был четыре года назад!"»²⁴

В отличие от художника В.М. Юстицкого, который считал свои знания и специальность в условиях лагеря "никому не нужным балластом", Лосев оставался ученым даже за колючей проволокой. Бывший заключенный историк-краевед Н.П. Анциферов писал в своих мемуарах: "Помню лекцию А.Ф. Лосева в клубе для сотрудников ГПУ, на которую были допущены все желающие. Зал был полон. Многие стояли. Лекция была о принципе относительности Эйнштейна с философской точки зрения.... Лектору устроили овацию"²⁵. Кроме того, Лосев читал в лагере курс лекций по истории материализма, участвовал в работе кружка "друзей книги" и все это в дополнение к изнурительному ежедневному принудительному труду. Пребывание в лагере калечило не только физически, но и нравственно. Жена Лосева, отбывавшая заключение по "делу" мужа, с грустью отмечала: «Как изменился, "перековался" Алексей Федорович, судя по его последним трудам!..»²⁶

Вместе с А.Ф. Лосевым отбывал наказание А.А. Достоевский, секретарь Русского географического общества, сотрудник Пушкинского Дома, внук знаменитого писателя Ф.М. Достоевского. Десятки выдающихся ученых, осужденных по ложному "делу Академии наук", целью которого было окончательно сломить политическое и идеологическое сопротивление научной интеллигенции, работали на строительстве Беломорско-Балтийского канала инженерами, техниками, а то и простыми рабочими.

Будущий академик Д.С. Лихачев попал в карельский концлагерь за участие в студенческом кружке с удивительным названием "Космическая Академия наук". Начинающему филологу чрезвычайно повезло: он не только сумел выжить сам, приспособившись к античеловеческим условиям

лагерной жизни, но и спас от верной смерти несколько сотен подростков, которых взял под свое покровительство. Как признавался позднее ученый, именно там, в северных карельских концлагерях, он "сумел выработать в себе жизненную наблюдательность и даже смог незаметно вести научную работу"²⁷.

Жертвами советского тоталитарного режима, который не нуждался ни в космической философии, ни в религиозной нравственности, стали сотни тысяч представителей научной и творческой интеллигенции со всех уголков России. В декабре 1937 г. в Беломоро-Балтийском лагере по приговору "спецтройки" НКВД, внесудебного антиконституционного органа, был казнен православный богослов, философ, математик П.А. Флоренский. Профессор находился под постоянным наблюдением секретных сотрудников лагеря. В одном из доносов тайный осведомитель передал рассказ Флоренского о том, как тот сидел в Лубянской тюрьме и как его допрашивали. "Флоренский говорит, — пересказывал доносчик, — что меня следователь допрашивал все о том, чтобы я назвал целый ряд фамилий, с которыми я, якобы, вел несуществующие в действительности контрреволюционные разговоры. Но после моего упорного отрицания мне следователь сказал, что де мол нам известно, что Вы не состоите ни в каких организациях и не ведете никакой антисоветской агитации, но на Вас, в случае чего, могут ориентироваться враждебные сов. власти люди, что Вы не устоите, если Вам будет предложено выступить против сов. власти. Вот почему, говорит далее Флоренский, дают такие большие срока заключения, т.е. ведется политика профилактического характера, заранее. Предотвращают преступления, которые и не могут даже быть"²⁸. В доносах отмечалось также, что Флоренский находил много сходного в политике Гитлера и Сталина, которую характеризовал как "очень грубую, но довольно меткую". Русский философ-богослов не искал путей сближения с новой властью, справедливо полагая, что "смерть со благочестием лучше, чем жизнь с растлением".

Коммунистическая идеология и пропаганда растлевали души и умы многих советских людей. В одной из записных книжек В.Т. Шаламова есть примечательная запись по этому поводу: "Вот главная тема времени — растление, которое Сталин внес в души людей"²⁹. Особенно пагубно сталинская пропаганда повлияла на советских литераторов. Восхваление принудительного труда — одна из самых позорных страниц в истории советской литературы, которая в течение

многих лет не только замалчивала, но и отрицала наличие в СССР концлагерей и политзаключенных.

Летом 1933 г. по инициативе А.М. Горького 120 писателей из Москвы, Ленинграда, Украины, Белоруссии и Средней Азии совершили экскурсионную прогулку по только что построенному Беломорско-Балтийскому каналу им. Сталина. Не покидая палубы теплохода, они знакомились с гидротехническими сооружениями, а заодно и с их строителями — заключенными, с которыми на глазах у местного начальства завязывали "доверительные" беседы, перегнувшись при этом через борт судна. Нет ничего удивительного в том, что "нанятые" писатели не услышали стонов и проклятий умирающих, не увидели искалеченных и больных. Состраданию нет места в сердце советского литератора. Гораздо важнее — почувствовать "пафос созидания", суметь разглядеть в рабском труде "геройство и энтузиазм". Пресса с восторгом освещала поездку писателей. Газета "Литературный Ленинград" писала: "Весь этот маршрут таит в себе неисчерпаемый арсенал поэм, романов, повестей и пьес — о негибимой воле большевистской партии, о чекистах, умеющих не только карать, но и воспитывать, о людях, которые были искалечены капиталистической мясорубкой и которые переделывались большевиками, преображая сумрачную страну лесов и озер"³⁰.

На долю известных советских писателей — М. Горького, В. Катаева, А. Толстого, В. Шкловского, Н. Погодина и многих других выпала сложная задача — дать убедительное, авторитетное идеологическое обоснование карательной политики социалистического государства. Это ответственное задание коммунистической партии писатели выполнили добросовестно. Написанную ими книгу "Канал имени Сталина" с полной уверенностью можно отнести к числу самых лживых и лицемерных произведений литературы. Особенно унижительной во всей этой истории была роль Горького. От него требовалось не просто оправдать применение принудительного труда, но как бы благословить само существование лагерной системы, что он и сделал. Классовая идеология не позволила пролетарскому писателю сказать правду о жизни советских заключенных. В очерке "Правда социализма" Горький с нескрываемой симпатией писал о ворах и бандитах, которых советская власть почитала героями лагерного строительства. Совсем иным было его отношение к интеллигенции. "Полуграмотные люди видели, — замечал писатель, — что рядом с ними работают ученые старики и пожилые инженеры, враги

рабочего класса, и видели, как эти умные, образованные люди — враги — превращаются в энергичнейших сотрудников рабочих"³¹. Читая эти строки, невольно задаешься вопросами: где писательский дар предвидения? Почему художник слова не ужаснулся перед раскрывшейся бездной репрессий? Для чего нарядил в тогу "врагов" цвет русской интеллигенции? Трудно однозначно ответить на эти вопросы.

ОГПУ откровенно эксплуатировало авторитет Горького. После похвал, высказанных писателем в адрес строителей Беломорско-Балтийского канала, от него потребовали таких же славословий в адрес строителей канала Москва — Волга. 13 сентября 1934 г. А.М. Горький обратился с особым письмом к начальнику Дмитровского лагеря С.Г. Фирину. В своем обращении к заключенным писатель льстил подневольным строителям, осыпая похвалами их принудительный труд: "Мы начинаем понимать труд как избавителя от всех несчастий, глупостей, подлостей жизни, и мы стремимся сделать его легким, праздничным. Вы, создающие дело такой огромной важности, каков будет канал Москва — Волга, можете гордиться успехами вашей прекрасной работы, а я, верный товарищ всех людей честного труда, который изменяет мир, я горжусь и радуюсь, видя, как этот труд на счастье родины перевоспитывает вас"³².

Не только в работах советских авторов, но и в отдельных произведениях наших современников можно встретить попытки, иногда завуалированные, а подчас и явные, восхваления лагерного труда, признания его полезности и общественной целесообразности. Против любых попользований героизации принудительного труда, в том числе и в лагерных мемуарах, категорически возражал замечательный русский писатель В.Т. Шаламов. Он считал вопрос об отношении к принудительному труду главным вопросом, который должен быть "делом чести и совести" для всякого пишущего о ГУЛАГе. «Можно ли славить физический труд из-под палки — палки вполне реальной, палки отнюдь не в переносном смысле как некий род тонкого духовного принуждения. Можно ли говорить о прелестях принудительного труда? И не есть ли восхваление такого труда худшее унижение человека, худший вид духовного растрепания? Лагерь может воспитать только отвращение к труду. Так и происходит в действительности. Никогда и нигде лагерь труду не учил. В лагерях нет ничего хуже, оскорбительнее смертельно-тяжелой физической подневольной работы. Нет ничего циничнее надписи, которая висит на фронтонах всех лагерных

зон: "Труд есть дело чести, дело славы, дело доблести и героизма"»³³, — таково мнение писателя, прошедшего все круги лагерного ада.

Формально исправительно-трудовые лагеря осуществляли свою деятельность на основании "Положения об исправительно-трудовых лагерях", принятого СНК СССР 7 апреля 1930 г.³⁴ Этот документ представлял собой одну из самых трагических страниц в истории пенитенциарной политики Российского государства. Согласно положению, в ИТЛ направлялись лица, приговоренные судом к лишению свободы на срок не ниже трех лет, а также лица, осужденные во внесудебном порядке постановлениями Коллегии или Особого совещания ОГПУ. Лагеря находились в ведении ОГПУ, которое руководило их деятельностью на основе внутриведомственных нормативных актов, утверждало организационную структуру и штатный состав работников каждого лагеря. Этот политический орган наделялся неограниченной властью над судьбами заключенных, которые, попав в сферу его полномочий, фактически выпадали из юрисдикции действующего законодательства.

"Положение об ИТЛ" классифицировало всех заключенных по трем категориям в зависимости от их социального положения и характера совершенного преступления. К первой категории относились заключенные из трудящихся (рабочие, крестьяне и служащие), пользовавшиеся до вынесения приговора избирательными правами, осужденные впервые на сроки не выше 5 лет и не за контрреволюционные преступления. Ко второй категории относились те же заключенные, но осужденные на сроки выше 5 лет. К третьей — все нетрудовые элементы и лица, осужденные за контрреволюционные преступления.

Документ устанавливал для заключенных три вида режима: первоначальный (наиболее жесткий), облегченный и льготный. Заключенные, переведенные после отбытия части срока наказания (для первой категории — полгода, для второй — год и для третьей — два года) на облегченный и льготный режим, имели право работать в учреждениях, проживать в общежитиях, выходить за пределы лагеря и даже занимать административно-хозяйственные должности в управлении лагерем и на производстве. Однако наряду с вводимыми правилами, Положение строго предписывало: "Нетрудовые элементы и лица, осужденные за контрреволюционные преступления, не могут занимать административно-хозяйственных должностей"³⁵.

Из всех установленных в лагерях правил и запретов названное предписание нарушалось, пожалуй, чаще всего. Хронический недостаток кадров всех специальностей вынуждал лагерное начальство использовать на административно-технических и хозяйственных должностях, в том числе и в аппарате лагерных управлений, специалистов, осужденных, как правило, по контрреволюционным статьям Уголовного кодекса.

В марте 1931 г. специальная комиссия обследовала работу культурно-воспитательной части (КВЧ) одного из отделений Соловецкого лагеря ОГПУ. Среди общих выводов комиссии был и такой: "Главнейшая задача КВЧ на ближайшее время — выместить из своего аппарата всех каэров^{4*}, поставив на должности КВЧ заключенных из рабочих и батрацко-бедняцких слоев крестьянства, в первую очередь, отдавая предпочтение бывшим членам партии, осужденным за бытовые и должностные преступления... Всю работу, проводимую КВЧ, необходимо более пропитать классовым характером, исходя из единой установки — все внимание в работе — классово близкой нам прослойке заключенных, выходцам из рабоче-крестьянской, бедняцко-середняцкой среды и деклассированного элемента"³⁶.

В отчете Соловецкого парткома за 1931 г. также были строки, посвященные кадрам из заключенных. "Необходимо также как отрицательный момент отметить такое положение, — писал секретарь парткома Контиевский, — что большинство начальников частей лагеря — заключенные; в частности, такие основные части, как сельхозчасть, часть подсобных предприятий, рыбпромчасть, часть снабжения, санчасть, учетно-распределительная часть, финансовая часть, возглавляются заключенными, осужденными за контрреволюционные преступления"³⁷.

Чрезвычайно большое значение новый начальник УСЛАГа Бухбанд придавал проблеме взаимоотношений вольнонаемных кадров и заключенных. На одном из совещаний партактива УСЛАГа ОГПУ в июле 1933 г. Бухбанд свою позицию изложил так:

«Все вы знаете, каков контингент нашего лагеря, знаете, что это за люди сидят в наших аппаратах. Это обычно контрреволюционеры, сегодня сладенькие, "почти святые люди". Это должно было быть вечным предостережением чекистскому составу о необхо-

^{4*} Имеются в виду заключенные, осужденные по 58-й статье (т.е. контрреволюционеры).

димости суровой бдительности, о необходимости быть готовым в любую минуту осадить, одернуть, а если нужно, и разоблачить зарвавшегося работника из заключенных, забывшего, где он находится. Между тем войдите в любой отдел, и вашему вниманию предстанет всюду одна картина — грань между отдельными кадровыми и вольнонаемными работниками и заключенными контрреволюционерами, сидящими в аппарате, стерлась. Оба они друга называют товарищем, Иван Степанович, Иван Михайлович и т.д., когда видишь это, готов думать, что это люди, безусловно, имеющие общие заслуги, имеющие одну мысль, одну линию в работе, что эти люди — монолитное единство. Наш кадровый работник и заключенный стараются по мере сил не напоминать об их различии в правах и в положении. Это, товарищи, никуда не годится. Плохой конец у таких отношений. Чужды нам, коммунистам, такие отношения. Не стирать различия между чекистом и контрреволюционером, а, наоборот, показать и сохранить его так, как оно есть, и так, как оно должно быть, ибо при таких теплых взаимоотношениях неизбежно срастание вольнонаемного состава с заключенными, неизбежна потеря классово-линейной и чуть ли кадровым составом, а этого мы допустить не можем. И коммунисты первые этому должны положить конец»³⁸.

В истории рабовладения бывали периоды, когда грань между рабом и господином почти стиралась, и отношения строились на деловой, вполне дружеской основе. Такие периоды принято называть "патриархальным рабством". Нечто подобное наблюдалось и в истории ГУЛАГа. Традиция сотрудничества чекистов с заключенными-специалистами сложилась в период строительства Беломорско-Балтийского канала. Потом этот опыт многие лагерные руководители перенесли на другие лагерные объекты. Одно время даже в центральном аппарате ГУЛАГа работали заключенные — бывшие и настоящие. В Москве на Кузнецком мосту находилось специальное помещение, где они размещались. Заключенные имели выходные дни, в обеденный перерыв вместе с вольнонаемными сотрудниками ходили в столовую и т.д.³⁹

Во многих лагерях примерно в течение года-двух после окончания строительства ББК заключенные-специалисты, осужденные по 58-й статье, даже не жили в зоне, а располагались на частных квартирах или вообще у себя дома. Побывавший с проверкой в середине 1930-х годов в Средне-Азиатских лагерях помощник начальника ГУЛАГа И.И. Плинер был крайне возмущен положением двух заключенных — Галона, начальника планового отдела, осужденного за шпионаж на 10 лет, и Никольского, начальника сельскохозяйственного отдела САЗЛАГа, также осужденного по 58-й статье.

Он поразился, увидев, как эти заключенные с портфелями утром приезжали на трамвае из дома в управление. Оказалось, что их судили в Ташкенте и наказание они отбывали здесь же. "И это положение считалось со стороны начальника лагеря и начальника 3-го отдела нормальным", — негодовал Плинер. По его требованию обоих заключенных поместили в лагерную зону⁴⁰.

Либеральное отношение к заключенным-специалистам стало считаться преступлением со второй половины 1930-х годов. "За связь с заключенными" могли исключить из партии, уволить с работы, отдать под суд. По мере ужесточения репрессивной политики и укрепления ГУЛАГа отношения между вольнонаемными кадрами и заключенными становились сдержанно-официальными и часто зависели от того, в каком именно учреждении использовался труд подневольного специалиста. Если заключенный работал на государственном предприятии, которое получало рабочую силу из лагеря, то он вполне мог рассчитывать на доброжелательность своих "покупателей". По воспоминаниям Ф.Ф. Кудрявцева, потомственного военного, прошедшего три войны и после пяти ранений попавшего в сталинские лагеря, вольнонаемные сотрудники госпредприятий «ценили специалистов, часто имевших куда более высокую квалификацию, опыт и знания. Очень многие хоть и не говорили этого вслух, но втайне отлично понимали, что немало в лагерях честных людей, не совершивших никакого преступления. И старались им помогать, чем могли: заступались, добивались для них различных льгот, облегчений, передавали письма с воли и на волю, приносили книги, покупали продукты. И все это с огромным риском попасть под суд "за связь с заключенными"»⁴¹.

Совсем иным было отношение к специалистам, работавшим во внутрилагерной системе. Здесь они оставались рабами, и все их благополучие зависело от характера и нрава рабовладельца. На физически легкую работу политические заключенные попадали только в силу того, что лагеря испытывали потребность в грамотных, образованных кадрах.

До 1934 г. в стране наряду с лагерями ОГПУ продолжала функционировать и карательная система традиционного типа, куда входили так называемые "общие места заключения" — тюрьмы, изоляторы, исправительно-трудовые колонии, пересыльные пункты и т.п. После ликвидации 15 декабря 1930 г. народных комиссариатов внутренних дел союзных республик эти места заключения были переданы в ведение

народных комиссариатов юстиции союзных республик. На Наркомат юстиции РСФСР возлагалось "общее руководство исправительно-трудовой политикой и проведение в жизнь исправительно-трудового законодательства"⁴². Как это ни покажется странным, но в понятие "исправительно-трудовое законодательство" не входил ни один нормативный акт, регулировавший деятельность системы лагерей ОГПУ.

Лагеря существовали как бы для "внутреннего употребления". Они никак не вязались с провозглашенными принципами законности и гуманизма. Для демонстрации этих принципов существовал другой документ — Исправительно-трудовой кодекс 1924 г. Но и он нуждался в коррекции. Курс на обострение классовой борьбы нашел отражение в новом Исправительно-трудовом кодексе РСФСР, утвержденном 1 августа 1933 г. В качестве основной задачи уголовной политики пролетариата на переходный период от капитализма к коммунизму Кодекс определял "защиту диктатуры пролетариата и осуществляемого им социалистического строительства от посягательств со стороны классово-враждебных элементов и нарушений как деклассированных элементов, так и неустойчивых элементов из среды трудящихся"⁴³. В этом законодательном акте не упоминались ни лагеря, ни 10-летние сроки заключения, ни особые полномочия ОГПУ. Речь шла преимущественно о трудовых колониях и сроках заключения до трех лет.

После образования 10 июля 1934 г. НКВД СССР под его руководство были переданы все исправительно-трудовые лагеря ОГПУ, а 27 октября того же года на основании постановления ЦИК и СНК СССР в ведение НКВД СССР перешли также все исправительно-трудовые учреждения, существовавшие до этого в системе НКЮ (дома заключения, изоляторы, исправительно-трудовые колонии и бюро принудительных работ). Для руководства ими был образован Отдел мест заключения, который вошел в Главное управление исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения НКВД СССР.

История этого главка началась 25 апреля 1930 г., когда внутриведомственным приказом было образовано Управление лагерями (УЛАГ) ОГПУ под руководством Ф.И. Эйхманса, которого 17 июня 1930 г. сменил Л.И. Коган. Статус тогда еще небольшого Управления с аппаратом из 80 человек был уже осенью того же года повышен до статуса Главного управления. Знакомая аббревиатура "ГУЛАГ" появилась в официальном делопроизводстве 9 ноября 1930 г., когда

очередной приказ объявил о вводимом с 1 октября, т.е. задним числом, новом штатном расписании Главного управления лагерями ОГПУ. С тех пор это подразделение ОГПУ— НКВД СССР, несмотря на свои неоднократные переименования, всегда сохраняло свою первоначальную аббревиатуру — ГУЛАГ. Эти пять букв стали зловещим символом жизни на грани смерти, символом беззакония, каторжного труда и человеческого бесправия.

Опасения заместителя председателя ОГПУ Г.Г. Ягоды, высказанные в 1929 г., о том, что "контингент для концентрационных лагерей будет недостаточен", оказались совершенно напрасными. Число заключенных, содержащихся в лагерях ОГПУ, росло быстро и беспрерывно. На 1 января 1933 г., по официальным данным, в лагерях содержалось уже 334 300 человек⁴⁴. "Индустриальный бум", охвативший страну в начале 1930-х годов, стимулировал экономическую экспансию ГУЛАГа. Для удовлетворения непрестанно растущих потребностей в рабочей силе, ОГПУ, вопреки установленным правилам, добилось от Политбюро принятия специального решения, которое было оформлено 23 августа 1933 г. как постановление ЦИК и СНК СССР о немедленном переводе в исправительно-трудовые лагеря ОГПУ всех лиц, приговоренных к лишению свободы на два года⁴⁵.

Добиваясь перевода в лагеря осужденных, содержащихся в колониях и работавших на хозяйственных объектах тех краев и областей, на территории которых эти колонии располагались, ОГПУ пыталось хотя бы частично компенсировать те огромные потери, которые ГУЛАГ понес в 1933 г. В условиях массового голода, охватившего страну, недостатки в организации лагерного строительства и снабжения привели к резкому повышению смертности в лагерях ОГПУ. По сведениям статистических отчетов санитарного отделения ГУЛАГа, динамика лагерной смертности выглядела следующим образом: если в 1931 г. в лагерях умерли 2,9% среднегодовой численности заключенных, то в 1932 г. средний показатель лагерной смертности за год составил 4,8%, причем в отдельных лагерях зафиксирована смертность на уровне 26,3%. В 1933 г. умерло уже более 15% среднегодового списочного состава, т.е. 67 297 заключенных. В отдельных лагерях процент смертности был значительно выше среднего по ГУЛАГу. Например, в Вишерском ИТЛ в 1933 г. умерло 5888 заключенных из общей среднегодовой численности 17 081 человек, т.е. около 34,5%. Кроме того, за 1933 г. из лагерей бежало 45 755 заключенных, из которых было задер-

жано 28 370 человек⁴⁶. Следует также иметь в виду, что статистика смертности санитарных отделов ГУЛАГа никогда не учитывала число расстрелянных заключенных, а также умерших в пересыльных тюрьмах и во время этапов.

Сложность и масштабность хозяйственных задач, стоявших перед ОГПУ, вынуждала его руководство не только усиливать эксплуатацию заключенных, но и пытаться действительно организовать рациональное использование их труда. 25 октября 1933 г. ОГПУ издало циркуляр следующего содержания: "В целях планомерного распределения и лучшего использования вновь осуждаемых специалистов ПП ОГПУ должны сообщать в ГУЛАГ ОГПУ о всех высококвалифицированных специалистах как осужденных Тройками ПП к лишению свободы, так и осужденных органами НКЮ, находящихся на территории данного ПП ОГПУ (...) Сведения высылаются на всех инженеров, техников, профессоров, научных работников, врачей, агрономов, плановиков-экономистов и крупных адмхозработников (директоров, членов правлений объединений и трестов). По получении от ПП ОГПУ сведений, ГУЛАГ ОГПУ будет выдавать индивидуальные наряды на отправление осужденных специалистов в лагерь"⁴⁷.

Другое предписание касалось тех заключенных, у кого, казалось, уже не осталось сил не только работать, но и жить. Приказ ОГПУ от 3 января 1934 г. гласил:

«1. Приказ ОГПУ № 361/164 от 23.10.30 "О разгрузке ИТЛ ОГПУ от стариков, совершенных инвалидов и тяжело больных" — отметить.

2. Прекратить всякое активирование инвалидов и их досрочное освобождение.

3. Широко объявить всему лагерному населению, что всякое активирование на предмет освобождения прекращается и что право на досрочное освобождение каждый лагерник может заслужить только упорным трудом и участием в культурной и общественной жизни лагеря.

4. Всех инвалидов, не могущих быть использованными на основных работах, изъять не только из общих бараков, но даже из производственных лагпунктов, сосредоточив их в отдельном инвалидном лагпункте.

Этих инвалидов занять легким трудом, организовав для них соответствующие кустарные производства.

5. Немедленно пересмотреть всех работников, занятых в хозяйственной службе, заменив всю полноценную рабсилу неполноценной и слабосильными.

6. Использовать всех слабосильных на легких работах с пониженной нормой выработки...»⁴⁸

По-видимому, попытка ОГПУ выжать последние жизненные силы из нетрудоспособных заключенных была не слишком успешной, потому что уже в ноябре того же года НКВД СССР отдал приказ "О порядке применения условно досрочного освобождения к больным, старикам и инвалидам". Согласно этому приказу, Особому совещанию при НКВД предоставлялось право утверждать решения специальной комиссии об освобождении вышеперечисленных категорий заключенных. Весьма характерным для внутривысшего лагерной политики было содержание пункта, в котором говорилось: "О проведении подготовительной работы приказом по лагерю не объявлять и не производить массовых медицинских осмотров заключенных, максимально используя уже имеющиеся материалы актирования"⁴⁹.

Следует отметить, что наличие большого числа нетрудоспособных заключенных всегда было серьезной проблемой для лагерного начальства. Например, в конце 1934 г. удельный вес категории "неработающие" составлял 16,5%, при этом доля слабосильных и больных находилась на уровне 10% от списочного состава лагерного населения. В разные периоды руководство ГУЛАГа по-разному пыталось решить проблему стариков, больных, инвалидов, но ни один из способов не приводил, да и не мог привести к решению проблемы. Главным препятствием было то, что осужденные по контрреволюционным статьям не подлежали досрочному освобождению ни при каких условиях.

Большевикам, несмотря на наличие "соловецкого опыта", далеко не сразу удалось наладить рациональное и планомерное использование принудительного труда огромных масс осужденных. Строго говоря, речь шла не просто о трудовом использовании, а об откровенной, варварской эксплуатации принудительного труда заключенных, в этом была одна из характерных особенностей ГУЛАГа как карательной системы нового типа. Вопреки предписаниям Исправительно-трудового кодекса РСФСР о том, что "условия труда лишенных свободы регулируются общими правилами Кодекса законов о труде РСФСР о рабочем времени, отдыхе, труде женщин и несовершеннолетних и об охране труда"³⁰, НКВД СССР устанавливал собственное "трудовое законодательство", не имевшее ничего сходного с общесоюзным.

29 августа 1934 г. ГУЛАГ НКВД издал директиву:

«Вследствие указания Наркома в письме от 22.06.34 за № 50902 об установлении, как правило, десятичасового рабочего дня и о введении для сельскохозяйственных и других сезонных работ

12-ти часового рабочего дня, ГУЛАГ предлагает руководствоваться следующим:

1. Нормы для десятичасового рабочего дня устанавливаются, исходя из норм, принятых для 8-ми часового рабочего дня с поправочным коэффициентом в 20%.

2. Нормы для 12-ти часового рабочего дня устанавливаются, исходя из норм, принятых для 10-ти часового рабочего дня, с поправочным коэффициентом в 10%.

Пример: если для 8 часового рабочего дня норма по земляным работам установлена в 3 кбм на ч/д, то для 10-часового рабочего дня она будет соответственно — 3,60 кбм и для 12-часового рабочего дня — 3,96 кбм.

3. Порядок исчисления норм питания остается прежний, причем, при 10 час. рабочем дне за 100% принимается норма выработки, установленная для 10 час. раб. дня, а при 12 час. раб. дне принимается норма выработки, установленная для 12 час. раб. дня.

4. При начислении премиальных во всех случаях за 100% принимается норма выработки, установленная для 10 час. раб. дня.

Таким образом, при 13 час. раб. дне будет иметь место несколько большая премиальная ставка (...)

Выдача дополнительного платного премблюда должна сыграть в этом отношении значительную роль и явиться фактором, стимулирующим производительность труда»⁵¹.

Уместно для сравнения заметить, что продолжительность рабочего дня в каторжных тюрьмах царской России тоже составляла 10—12 часов (в зависимости от времени года и разряда, в котором находился каторжник), однако в эти часы входило также и время, необходимое для принятия пищи, и время, отведенное для занятий в школе.

Организаторы лагерного производства рассчитывали, что желание заключенного получить дополнительное премиальное блюдо, состоявшее, как правило, из пирожка, коржика, подливки или маленького кусочка рыбы, будет хорошим стимулом для его трудовой активности. Своим союзником они считали голод — это вечное, непреходящее чувство, раздирающее душу и тело практически всех заключенных. Однако лагерная мудрость, сформулированная так называемыми блатными, учила: "губит не маленькая пайка, а большая". Это означало, что в лагере скорее и вернее погибнет тот, кто будет пытаться заработать тяжелым трудом дополнительное питание, чем тот, кто будет выработывать лишь "маленькую пайку", т.е. довольствоваться гарантированной нормой питания. Всем занятым на тяжелых общих работах было хорошо известно, что дополнительный хлебный паек и премблюда никогда не

компенсировали физических усилий, затраченных на дополнительную работу.

Гораздо более эффективным стимулом к повышению производительности труда, нежели дополнительное питание, оказались так называемые "зачеты рабочих дней". 1 августа 1935 г. НКВД издал приказ "О зачете рабочих дней заключенным лагерей и мест заключения НКВД", в котором сообщалось, что "зачет рабочих дней является одной из основных форм досрочного освобождения заключенных из лагерей, тюрем и колоний НКВД и высшей формой поощрения для заключенных"⁵². За ударную работу и образцовое поведение к заключенным могла быть применена следующая схема зачетов рабочих дней: в колониях — за 3 дня работы — 4 дня срока; в лагерях — за 2 дня работы — 3 дня срока. "В лагерях, особо отдаленных, находящихся в тяжелых природных и климатических условиях, ведущих строительство государственного значения (Бамлаг, Севвостлаг, Вайгач, отдельные подразделения Дальлага и Ухты)" предусматривался сверхударный зачет: за 1 день работы — 2 дня срока, что теоретически позволяло сократить срок наказания наполовину. По свидетельству бывших узников ГУЛАГа, зачеты действительно служили хорошим стимулом для повышения трудовой активности заключенных, многие из которых специально стремились попасть в особо отдаленные лагеря, надеясь с помощью зачетов выжить и скорее выйти на свободу.

Продолжавшийся рост численности лагерных заключенных (на 1 января 1934 г. 510 307 человек, на 1 января 1935 г. — 725 438) требовал выработки единой системы учета трудовых ресурсов ГУЛАГа. С этой целью начальник ГУЛАГа М.Д. Берман издал 11 марта 1935 г. следующую директиву:

«В целях установления единообразного учета трудового использования рабочей силы в лагерях НКВД и отражения действительного использования лагерных контингентов (...) вводятся следующие обязательные для всех лагерей НКВД четыре группы трудоустройства:

- группа "А" — фактически занятые на производстве;
- группа "Б" — занятые в управл. аппарате, в обслуге и ВОХРе;
- группа "В" — неработающие больные и нетрудоспособные;
- группа "Г" — неработающие по другим причинам.

Группа "В" включает следующие элементы:

- 1) неработающие инвалиды
- 2) больные в стационарах
- 3) временно освобожденные от работы по болезни на срок не более 3 дней

4) неработающие слабосильные и выздоравливающие
Группа "Г" — проводятся все остальные неработающие, а именно:

- 1) медкарантин
- 2) прибывающие и убывающие
- 3) внутрилагерные переброски
- 4) простои с указанием причин
- 5) следственные без вывода на работу
- 6) состоящие в бегах и не списанные со списочного состава»⁵³.

Принятая система учета лагерной рабочей силы использовалась в дальнейшем во всех отчетах и справках ГУЛАГа, она позволяла увидеть если не совсем реальную (из-за возможных приписок и фальсификаций), то хотя бы относительно правдивую картину трудового использования заключенных. Изменение сложившихся пропорций в соотношении тех или иных групп, например, резкое увеличение группы "Б" и соответственно уменьшение группы "А" в каком-то лагере могло служить сигналом о неблагоприятном положении в этом подразделении ГУЛАГа.

Во второй половине 1930-х годов в связи с непрекращающимся ростом числа заключенных и строительством новых гигантских лагерных комплексов, в центральном и местных аппаратах Главного управления лагерей заметно обострилась кадровая ситуация. Положение осложнялось не столько общей нехваткой кадров, сколько их абсолютной профессиональной непригодностью. Чтобы наглядно представить сложившуюся ситуацию, познакомимся с мнением заместителя начальника ГУЛАГа И.И. Плинера. Вот выдержки из его выступления 8 апреля 1937 г. на отчетно-выборном партийном собрании ГУЛАГа: «За последние 4 — 5 лет мы добивались того, чтобы получить людей, и нам людей все-таки не давали. Нам давали отсев от других отделов, нам давали по принципу — "на тебе боже, что нам не гоже..." И в лучшем случае нам давали таких, которые спились, — раз человек спился, дают его в ГУЛАГ. Когда я говорил, кого вы нам даете, мне отвечали: "Бросьте, вы перековываете преступников, а этот человек не совсем пропащий". По этому признаку нам давали людей, по этому признаку у нас укомплектованы большинство аппаратов в лагерях. С точки зрения аппарата НКВД, самое большое наказание, если кто-то провинится, — это посылка его в лагерь на работу»⁵⁴.

Еще более резко звучало выступление Плинера, ставшего в августе 1937 г. начальником ГУЛАГа, на собрании в августе 1938 г. "До прихода нового руководства НКВД, — подо-

бострастно отмечал руководитель ГУЛАГа, — до прихода Николая Ивановича Ежова, к комплектованию кадров нашей системы подходили враги по-вражески; давали нам всякую сволочь, иногда фиксировали: из органов уволить, направить на работу в систему ГУЛАГа, иногда и без этой оговорки"⁵⁵. Следует заметить, что подобная практика комплектования руководящих кадров ГУЛАГа, столь эмоционально обрисованная Плинером, существовала не только "до прихода нового руководства", но и в течение всех предыдущих и последующих периодов деятельности карательного ведомства.

В свое время "исправительное воздействие" ГУЛАГа испытал на себе молодой проштрафившийся оперативник Виктор Абакумов. Будущий шеф МГБ пришел в органы госбезопасности в 1932 г. в возрасте 24 лет с репутацией "хорошего парня" и чуть ли не приемного сына Николая Подвойского, одного из руководителей Октябрьского восстания. Не сразу сработавшись с начальством, Абакумов после нескольких кадровых перестановок оказался в одном из отделений Экономического управления ОГПУ по Московской области, где ему поручили "разрабатывать" керамическую и силикатную промышленность. Новый сотрудник, по характеристике начальства, "звезд с неба не хватал" и имел одну слабость, благодаря которой получил кличку "фокстротчик". Абакумов любил общаться с хорошенькими женщинами и охотно занимался этим в рабочее время. Вступив в должность, новопеченный оперативник развил бурную деятельность: доклады о разоблачении вредителей следовали один за другим. Однако при первой же внеплановой проверке выяснилось, что все завербованные им агенты — это смазливые девицы из канцелярских отделов "подшефных" промышленных предприятий. Абакумов встречался с каждой из них в интимной обстановке на конспиративной квартире, они весело проводили время, а девушки потом бездумно подписывали те бумаги, которые давал им таинственный кавалер. Естественно, тексты доносов составлял сам Виктор Семенович, так как "агенты" ничего не смыслили в технологии производства и знать не знали, о каких инженерах идет речь в подписанных ими документах. Об этом эпизоде из жизни "выдающегося чекиста" вспоминал позднее М.П. Шрейдер, непосредственный начальник Абакумова⁵⁶. По его требованию бесталанного оперативника уволили из Экономического управления ОГПУ как разложившегося и непригодного к оперативной работе, да и вообще к работе в органах.

На этом карьера Абакумова вполне могла бы закончиться, если бы не "спасительный" ГУЛАГ. Влиятельные покровители поддержали неудачливого "липача", и он был назначен инспектором в Главное управление лагерей. Сотрудники ГУЛАГа не особенно жаловали Абакумова. Немало упреков и критики пришлось выслушать будущему министру от своих коллег на партийных собраниях. Вот лишь некоторые запротоколированные высказывания коммунистов, относящиеся к первой четверти 1937 г.: "Абакумову надо как следует взяться за работу, а то он слишком переоценивает себя", "Абакумов у нас не очень активен и дисциплинирован", "Мы в нашей группе с Абакумовым много возились для того, чтобы заставить его учиться..." и т.д. и т.п. Оправдываясь, критикуемый ссылался на разрешение начальства заниматься самообразованием, на занятость внештатной работой в МГК ВКП(б) и т.д.⁵⁷

Казалось, никаких оснований для успешной, а тем более быстрой, карьеры у Абакумова не было. Но все случилось иначе. Крепкие кулаки и садистские наклонности опытного фальсификатора оказались хорошим подспорьем для продвижения по служебной лестнице в системе НКВД. Ходили слухи, что Абакумов приложил руку к следствию по делу военачальников Тухачевского, Корка, Якира и других. В официальной биографии об этом периоде его чекистской деятельности говорилось: "Ведет беспощадную борьбу со шпионами и вредителями, с агентами фашизма — троцкистско-зиновьевско-бухаринскими бандитами..."⁵⁸ В мае 1938 г. Абакумов был награжден знаком "Почетный работник ВЧК-ГПУ (XV)".

Вскоре он возглавил Ростовское областное Управление НКВД, где продолжил, но уже с учетом соответствующих директивных требований нового руководителя НКВД — Л.П. Берия, кровавый разгром советских и партийных руководящих кадров области. В начале 1941 г. Абакумов стал заместителем наркома внутренних дел СССР, а чуть позднее возглавил Управление Особого отдела НКВД СССР, на базе которого во время войны был создан знаменитый "СМЕРШ". Возглавлял его также Абакумов. Затем в послужном списке "фокстротчика" появились должности заместителя министра госбезопасности, заместителя министра обороны и, наконец, в мае 1946 г. министра государственной безопасности СССР. Коррупция, разврат, беспринципность, рабская преданность покровителям (и, прежде всего, Л.П. Берия), служебный подлог, обман и фальсификация —

вот слова, характеризующие профессиональную деятельность В.С. Абакумова.

Конечно, ГУЛАГ пополнялся не только кадрами, уволенными из органов госбезопасности. Приходили люди и со стороны, но мало кто по собственному желанию. Одним из основных источников комплектования лагерных кадров в предвоенный период стали партийные мобилизации. В начале 1938 г. на руководящие должности в лагеря было направлено свыше 3 тыс. коммунистов и более 1200 специалистов, только что окончивших вузы. Сотни коммунистов из аппаратов ЦК и МГК ВКП(б), из Плановой Академии пришли на работу в центральный аппарат ГУЛАГа. По выражению заместителя наркома внутренних дел В.В. Чернышова, ЦК превратился в те годы "буквально в биржу труда", снабжая кадрами через районные комитеты партии всю лагерную периферию. В конце апреля 1939 г. кадровая проблема ГУЛАГа обсуждалась на заседании у Г.М. Маленкова, который курировал это ведомство. Секретарь ЦК осудил иждивенческую позицию гулаговского руководства и потребовал "кончать вопрос относительно огульного получения кадров из ЦК"⁵⁹.

Количество управленческих кадров ГУЛАГа росло пропорционально численности заключенных и соответствовало крупномасштабной хозяйственной деятельности лагерного ведомства. Интересно проследить динамику роста численности сотрудников центрального аппарата Главного управления лагерей ОГПУ-НКВД за 1930-е годы: в 1930 г. - 87 человек, в ноябре 1932 г. — 253, сентябре 1934 г. — 366, августе 1935 г. - 527, апреле 1937 г. - 633, ноябре 1937 г. - 936, мае 1939 г. — 1562 человека⁶⁰. Как видим, за неполное десятилетие число кадров в центральном аппарате ГУЛАГа увеличилось в 18 раз. После выделения из ГУЛАГа в конце 1940 — начале 1941 г. ряда отделов и лагерно-производственных управлений произошло резкое сокращение штатов во всех подразделениях главка, поэтому накануне войны в центральном аппарате ГУЛАГа насчитывалось около 600 сотрудников — примерно столько же, сколько в обычном отраслевом наркомате.

Руководство ГУЛАГа хорошо понимало, что потребность в квалифицированных сотрудниках лагерных управлений, как в центре, так и на местах не может быть удовлетворена без улучшения их материального положения и повышения социального статуса, который традиционно был значительно ниже статуса сотрудников ГУГБ. Направляемые на работу в НКВД коммунисты и комсомольцы с гораздо большей

охотой шли в органы госбезопасности, нежели в Главное управление лагерей. О причинах такого выбора мы можем судить по выступлениям самих сотрудников ГУЛАГа, которые при каждом удобном случае поднимали вопрос о неудовлетворительных условиях труда и низкой заработной плате. Приведем в качестве примера наиболее типичные высказывания по этому поводу, звучавшие на партийных конференциях и собраниях на протяжении нескольких лет.

1937 год. "Все получили прибавку 1 февраля, а гулаговские чекисты и 1-го мая ничего не имели. В честь 1-го мая выдали по месячному окладу. Каждое улучшение материального положения нужно брать с кровью, с нервами".

"Начальник тюрьмы у нас получает 350 руб. и 50% выслуги, а начальник дивизиона, который командует целой дивизией, получает 435 руб."

"На ГУЛАГ смотрят как на управление, от которого все можно требовать и ничего не давать... Эта линия чрезмерной скромности, что мы хуже всех, неправильна, и отсюда происходят непорядки в зарплате, с квартирным вопросом и т.д."⁶¹

1938 год. "250 человек до сих пор не получают в ГУЛАГе твердых ставок, а получают уже в продолжение 9 месяцев авансы. Работают много, без отдыха, люди выматываются, ибо совершенно ненормально работать ежедневно с 10 утра до 2 часов ночи. Продуктивности в работе после 8 — 9 часов вечера уже не так много. Больше высиживают, чем работают".

"Нужно сказать о неправильном распределении рабочего дня. Люди работают много, но некоторые ухитряются уходить с работы в 4 часа минут, а затем являются в 11 часов ночи и сидят до 4 часов утра — это начальству нравится".

"Сидим в сарае по 14— 16 часов, вентиляции нет, духота, сидеть столько часов в такой обстановке — бесчеловечно".

"Сотрудники загружены, сидят по 12—16 часов, а зачем это нужно? Люди выматываются".

"В ГУЛАГе существует вредительская система зарплаты. Так как платят мало, то остаются работать одни заключенные, а вольнонаемные специалисты уезжают"⁶².

1939 год. "В области зарплаты явное вредительство: командир отряда ВОХР, в подчинении которого 150 бойцов получает 380 руб., а кучер начальника лагеря — 400 рублей".

«Вольнонаемных работников найти невозможно, так как низкая зарплата. Техник-нормировщик получает 350 рублей, мастер — 300, экономист-плановик — 350 — 400. Заключенные руководят сами собой. Место работы — авгиевы конюшни, рабочий день — ненормированный, "сколько влезет", а это значит часов до 11 — 12 ночи ежедневно, т.е. рабочий день по 12—13 часов"⁶³ и далее в том же духе.

Пожаловаться на аналогичные условия труда в те годы могли бы, наверное, во многих государственных учреждениях. Практика "ночного высиживания" получила в тот период чрезвычайно широкое распространение. Это действительно нравилось начальству, поскольку в свою очередь нравилось еще более высокому начальству и так до самого верха.

Что же касается зарплаты, то она была не ниже, а, может быть, даже чуть выше, чем среднемесячная зарплата рабочих на производстве. Но у работников ГУЛАГа были другие ориентиры. Они, например, знали, что в любом лагере оперуполномоченный получает более 1000 рублей в месяц, имеет служебную машину и отдельное помещение, и поэтому тоже не хотели быть обделенными.

Сотрудники центрального аппарата ГУЛАГа получали значительно больше, чем на местах. Их месячная зарплата составляла 700—1000 руб., были и персональные ставки по 1400 руб. В целом же зарплата сотрудников ГУЛАГа была примерно вдвое ниже, чем в аппарате ГУГБ, что и вызывало естественное недовольство гулаговцев. Привилегированное положение оперативных кадров в системе НКВД существовало вплоть до разделения наркоматов. Только после окончательного выделения органов госбезопасности в самостоятельный наркомат, ГУЛАГ получил статус "наибольшего благоприятствования", чему способствовала также его широко-масштабная экономическая деятельность.

Основная тяжесть лагерной службы ложилась, естественно, на местные кадры. Побывавший в командировке на Беломорско-Балтийском комбинате сотрудник ГУЛАГа был поражен бедственным положением своих коллег. "Возьмите центральный вопрос с кадрами, — делился впечатлениями гулаговский чиновник. — С кадрами у нас из рук вон плохо обстоит дело. Я был недавно в ББК. Я думал, что там кадров очень много. Там один начальник лагпункта имеет девятьсот заключенных и один выполняет программу. Если посмотрим, в каком положении он находится, то приходится удивляться, как человек работает. Там из вольнонаемных один прораб. Этот старший прораб среди заключенных находится один, он прямо универсальный. Он отвечает и за механизацию, и за то, чтобы не было туфты. Человек получает пятьсот рублей и работает чуть ли не круглые сутки"⁶⁴.

Приезжавшее в Москву из лагерей и колоний местное начальство не уставало жаловаться на свое тяжкое бремя. "У нас основная фигура — начальник лагеря, и он находится исключительно в тяжелом положении, — убеждал сослу-

живцев один из представителей лагерной администрации. — Он не имеет буквально возможности взять к себе семью, нет помещения, и в условиях лагеря его семье может грозить опасность. Начальники лагпунктов живут вместе с заключенными, и эти люди получают по 450 — 500 руб. Эта ставка не обеспечивает его, а у него заключенных по несколько тысяч человек"⁶⁵.

У нас нет оснований сомневаться в искренности выступавших. Но не будем спешить с выводами. Давайте обратимся к другому источнику и посмотрим на положение лагерного начальства глазами тех, ради кого они терпели свое "бедственное положение", т.е. заключенных. "Мало бывало среди тех, кого называли хозяевами, порядочных людей, лишь добросовестно выполнявших жесткие лагерные законы и правила, — писал бывший узник ГУЛАГа Ф.Ф. Кудрявцев. — Чаще ими были развращенные безграничной властью над людьми и безнаказанностью отбросы ведомства Берии — пьяницы и развратники, не брезговавшие обворовывать заключенных: присваивать отобранные вещи, приходиться на службу с пустыми кошелками, а уносить их туго набитыми, унося все лучшее из продуктов, отпускавшихся на полуголодное питание заключенных. Многие из них пользовались бесплатным трудом, чтобы разводить для себя сады, огороды, строить дачи, обзаводиться мебелью. Молодые и красивые тоже были их добычей"⁶⁶.

Наблюдения бывшего заключенного находят полное подтверждение в статистике персональных дел лагерных коммунистов. Более 50% тех, кого исключили из партии или кто получил партийное взыскание, были наказаны за "злоупотребления служебным положением в корыстных целях", "растраты, подлоги и хищения", "морально-бытовое разложение" и другие подобные дела. Практика "самообеспечения" была распространена среди лагерного начальства повсеместно и редко привлекала внимание партийных или административных контрольных органов. Персональные дела возникали, как правило, только в двух случаях: если начальник кому-то не угодил, и его нужно было убрать, или же нарушение было столь значительным, что вызывало интерес у вышестоящих оперативных органов.

Лагерная администрация обворовывала не только заключенных. "По имеющимся данным можно сделать вывод о наличии значительных преступлений и хищений народного добра, особенно в лагерях, на стройках и в колониях НКВД", — заявил в апреле 1941 г. на третьей партконферен-

ции НКВД начальник отдела кадров С.Н. Круглов. По результатам плановых ревизий в 1940 г. в ГУЛАГе за растраты и хищения уволили 1515 работников, наложили дисциплинарные взыскания на 3547 человек, передали дела к следствию на 2424 сотрудника, осуждены по суду 196 человек⁶⁷. Нет сомнений, что уволенные и наказанные лагерные служащие составляли лишь очень небольшой процент от числа тех, кто, имея смутные представления о чести и совести, использовал всеобщую бесхозяйственность и безграмотность в корыстных целях.

Наиболее многочисленную группу лагерных служащих составляли стрелки военизированной охраны лагерей (ВОХР). По существовавшему положению, штаты ВОХР до 1939 г. исчислялись из расчета 5% к лагерному населению, позднее эта норма была повышена до 7%, а после войны — до 9% и более. Следует сразу оговориться, что практически никогда штаты ВОХР не были укомплектованы полностью. В охрану не хотели идти, прежде всего, из-за объективно тяжелых условий службы и ее крайне низкой престижности. Вместе с тем бывали случаи, когда человек отказывался служить конвоиром по чисто моральным соображениям, — не хотел быть сторожевым псом.

Личный состав ВОХР на 95% комплектовался из бывших красноармейцев. Младшие командиры Красной Армии считались в ГУЛАГе "золотым фондом", а саму армию кадровики называли не иначе, как "университетом для всех организаций". В период формирования и укрепления лагерной системы условия службы военизированной охраны в ГУЛАГе были значительно хуже, чем в Красной Армии. Из-за нехватки кадров рядовым охранникам приходилось нести вахту по 13—15 часов в сутки, часто без выходных дней. В случае побега заключенных их могли отдать под суд. Не хватало винтовок, обмундирования, жилья, не говоря уже о книгах, радио или кино. В рапортах политработников того времени нередко можно встретить такие выражения: "охрана одета, как Красная Гвардия в 1918 г."; "у солдат обмундирования нет, ходят голые и босые". Начальники охраны жаловались: "Мы пополняем вчерашними красноармейцами, а в наших лагерях их сажают на чечевицу, сажают в землянки, люди начинают пьянствовать, иметь связь с заключенными и пр. Мы имеем чрезвычайно много самоубийств"⁶⁸. Докладывая о дисциплине и политико-моральном состоянии кадров, начальник политотдела М.Е. Горбачев отмечал: "Среди стрелков процветают антиморальные проявления, пьянство,

самоубийство. Количество стрелков, имеющих дисциплинарные взыскания, колеблется от 24% до 70% от всего состава военизированной охраны"⁶⁹. К числу наиболее частых нарушений служебной дисциплины относились пьянство и сон на посту.

Пытаясь исправить пороки лагерной охраны, политотделы разворачивали так называемую организационно-массовую работу, которая сводилась к пропагандистской муштре и изучению на политзанятиях биографии И. Сталина. Среди стрелков всеми способами культивировалась ненависть к заключенным, внушалась мысль, что перед ними жесточайшие враги советского народа, особо опасные государственные преступники, поощрялось жестокое обращение с осужденными, строго карались всякие намеки на гуманность. В результате солдатом (конвоиром или охранником) владели только два чувства — звериные страх и ненависть, что тяжелейшим образом сказывалось на жизни лагерников.

Жалобы заключенных на действия лагерной администрации и охранников, среди которых нередко встречались уголовники, и которые для большинства малограмотных лагерников были просто "начальством", редко достигали адресатов и еще реже удовлетворялись. Но все же случалось, что письма заключенных попадали в высшие органы власти. Одно из таких жалоб-заявлений весной 1937 г. получил М.И. Калинин, он даже рекомендовал Ежову проверить, насколько правильно письмо заключенного Дальневосточного лагеря Виктора Максюты освещает положение в лагере. В заявлении лагерного просителя, адресованном председателю ВЦИК, говорилось:

«Просим вашего распоряжения рассмотреть нашу заяву, так как мы работаем на руднике Райчиха при станции Буряя. Работает нас, заключенных, 7 тыс. человек, но из этих 7 тысяч половина мертвых — доживают последние минуты, так что многим не придется видеть своих детей из-за того, что администрация очень издевается над заключенными, хуже, чем в старое время, — избивают заключенных крестьян начальство и заключенные.

А поэтому просим высший орган власти — если мы не надо на этом свете, то не мучьте нас, а лучше расстреляйте нас, чем такое издевательство над нами.

Мы думаем, что наш высший орган не знает, что десятками заключенных заворачивают в землю, удобряют заключенными землю, каждый день по 10 человек убивают, режут сами себя из-за "хорошей" жизни.

А поэтому просим высший орган пожалеть наших молодых лет, выслать контролеров к нам на рудники и проверить, как над нами издеваются. Просим не отказать в нашей просьбе»⁷⁰.

В материалах ВЦИКа не сообщается, удовлетворил ли "высший орган" просьбу заключенных. Однако у нас нет ни малейших сомнений в том, что под этой "заявой" могли бы подписаться не только "проситель" В. Максютя, но и многие тысячи других заключенных из десятков других лагерей, ибо произвол лагерных служащих не знал границ. Беззаконие за колючей проволокой стало нормой с первых дней существования ГУЛАГа. Как отмечали авторы другого аналогичного послания, "заключенный человек вне закона у нас".

В мемуарной литературе и архивных документах можно встретить тысячи примеров изощренного самодурства охранников, их бесчеловечно-жестокое отношения к заключенным, тупого служебного рвения и моральной деградации. Ни один бывший заключенный не вспоминал добрым словом ни одного конвоира, и не потому, что это был конвоир, а потому, что это был, как правило, озлобленный воспитанием и убогими условиями существования, безграмотный, не видевший ничего хорошего в жизни, спившийся дегенерат. Краткую, но очень емкую характеристику в 1939 г. дал лагерным охранникам один из чиновников ГУЛАГа. По его мнению, "в охрану набирались люди не то что второго сорта, а последнего, четвертого сорта"⁷¹.

Многие бывшие заключенные высказывали суждение, что "лагерь — это слепок мира". В лагере "нет ничего, чего не было бы на воле, в его устройстве, социальном и духовном, — писал В.Т. Шаламов. — Лагерные идеи только повторяют переданные по приказу начальства идеи воли. Ни одно общественное движение, кампания, малейший поворот на воле не остаются без немедленного отражения, следа в лагере"⁷². Это наблюдение писателя нашло ярчайшее подтверждение в тех катаклизмах, которые пережила советская лагерная система в годы массового террора 1937 — 1938 гг.

"Места заключения теперь зовутся кладбищем живых^{5*}, — так написали В.М. Молотову анонимные авторы в 1938 г. — Страданиям людей нет и не видно конца (...) Из арестованных почти никого не выпускают, если даже совершенно ничего за человеком нет, — ему приписывают ст. 58¹⁰ и высылают на 10 лет в концлагеря (...) Жизнь в дальних ла-

^{5*} Подчеркивания сделаны авторами письма.

герях ужасна: там люди пухнут с голоду, а цинга и вши доканчивают и без того уже ослабшие организмы (...) Все придумано для того только, чтобы люди гнили заживо и умирали медленной, но ужасной смертью"⁷³.

Исследователи ГУЛАГа отмечали, что темпы роста численности заключенных, характерные для 1933 — 1934 гг., стали замедляться в 1935— 1936 гг., а в первой половине 1937 г. наблюдался даже некоторый спад. На 1 июля 1937 г. в лагерях находилось 788 584 человека, в местах заключения территориальных органов ГУЛАГа — 451 463 человека, т.е. в общей сложности наказание в виде лишения свободы отбывали более 1240 тыс. человек (сведения об общей численности заключенных, как правило, не содержали данных о тех, кто находился "в пути").

С середины 1937 г. в лагеря, колонии и тюрьмы ГУЛАГа хлынул небывалый поток осужденных. За 9 месяцев (с 1 июля 1937 по 1 апреля 1938 г.) число заключенных в ГУЛАГе увеличилось более чем на 800 тыс. человек, превысив в общей сложности 2 млн. На 1 апреля 1938 г. в лагерях находилось 1 149 779 заключенных, в местах лишения свободы территориальных органов ГУЛАГа — 899 635 человек⁷⁴.

Оценивая ситуацию и те изменения, которые произошли в ГУЛАГе в годы массового террора, мы вполне разделяем мнение авторов статьи "Система мест заключения в СССР. 1929— 1960", которые писали: «Во второй половине 1937 г. и в 1938 г. для руководства страны важнейшей стала карательная функция мест заключения, куда теперь "сбрасывали" избежавших расстрела. Для самого же ГУЛАГа главными проблемами стали прием, размещение, организация охраны и создание хотя бы видимости трудового использования этого гигантского потока людей»⁷⁵.

Превращая миллионы людей в "лагерную пыль", сталинская репрессивная машина одновременно создавала новую социально-экономическую и политическую структуру — лагерно-промышленный комплекс. Важность стоявших перед этой структурой задач, прежде всего оборонно-промышленного характера, обязывала высшее руководство страны держать лагерную ситуацию под контролем. Дабы не допустить нарастания кризисных явлений в экономике ГУЛАГа и одновременно усилить карательную составляющую в режиме содержания заключенных, Прокуратура СССР провела обследование нескольких, наиболее важных в экономическом отношении, лагерей. О ре-

зультатах проверки А.Я. Вышинский доложил 19 февраля 1938 г. лично И.В. Сталину и В.М. Молотову.

В донесении под грифом "Совершенно секретно" сообщалось:

"Произведенной Прокуратурой Союза ССР проверкой условий содержания заключенных в лагерях установлено, что в крупнейших из них — Байкало-Амурском, Дальне-Восточном, Уссурийском, Ухтпечерском — условия содержания заключенных являются неудовлетворительными, а в отдельных случаях совершенно нетерпимыми. Укажу на ряд случаев, из которых явствует, что в отношении положения заключенных требуется принятие срочных мер в целях предотвращения распространения эпидемических заболеваний, а также других нежелательных явлений. Так, например: в 52-й колонне 17 отделения Байкало-Амурского лагеря (в районе станции Бекин, в 8 км от манчжурской границы) содержится 500 заключенных; они размещены в холодных, грязных бараках, с грязными нарами; в силу отсутствия правильной классификации при размещении заключенных по баракам, наиболее разложившиеся элементы создали для себя лучшие условия, отнимают пайки и одежду у работающих заключенных; 222 человека совершенно не выходят на работу и раздеты; среди этой группы заключенных имеются до такой степени обносившиеся и обовшивевшие, что они представляют определенную опасность в санитарном отношении.

Прокурор Бамлага т. Димаков о положении заключенных в Бамлаге в своем последнем донесении от 26 января с.г. сообщает, что в лазарете спят голые на сплошных нарах, в баню не ходят неделями за отсутствием белья, в общей палате на нарах больные рожей — лежат с больными желудочниками, туберкулезники — с хирургическими больными, из приходящих этапов снимают мертвых, замерзших (московский этап).

В Бамлаге нет в запас ни белья, ни сапог, ни одежды. Мыла нет. Многим не в чем выйти в уборную. Идут на новую трассу разутые и раздетые этапы. Жилья нет, строить жилье нечем, нет инструмента, пил, топоров.

Как сообщает т. Димаков, положение с питанием катастрофическое. Сейчас в глубину тайги, до распутицы будет заброшено 60 — 70 тысяч заключенных, а питание обеспечено на один месяц.

Условия содержания заключенных в Ухтпечерском лагере также явно неудовлетворительны. Жильем обеспечены только 60% заключенных, остальная часть в зимнее время размещена в палатках, плохо приспособленных для жилья зимой. Теплой одеждой и обувью заключенные не обеспечены и на 50%. Из-за неудовлетворительных санитарных условий содержания и этапирования среди заключенных начались заболевания сыпным тифом".

Прокурор СССР сообщал высшему руководству страны о 162 случаях заболеваний сыпным и брюшным тифом в от-

даленных лагерях Северо-восточного и Дальневосточного регионов.

Далее в донесении Вышинского говорилось:

"По последним сообщениям, полученным мною из Свободного, в прибывшем 27 января 1938 года Калининском этапе снято по дороге 26 умерших заключенных, при разгрузке этапа в Улан-Уде оказалось еще 6 умерших и, кроме этого, 21 больной сыпным тифом.

Ввиду того что дорога указанных этапов проходит по большей части территории Союза, такого рода случаи сыпно-тифозных заболеваний представляются особенно угрожающими.

Следует также отметить, что до настоящего времени в ряде мест наблюдаются случаи недопустимого нарушения лагерного режима (...)

Независимо от того, что об изложенном выше мною сообщено тов. Ежову, прошу Ваших указаний НКВД о срочном устранении имеющихся в лагерях непорядков"76.

В донесении Вышинского не содержится даже намек на выяснение причин сложившейся ситуации. Опытный бюрократ заранее знал, что в данный политический момент виной всему были "враги", а лагерные "непорядки" были следствием их "вредительской деятельности". В акте приема-сдачи дел НКВД от Ежова к Берии есть краткая, но довольно характерная запись: "На протяжении ряда лет ГУЛАГ возглавлялся людьми, оказавшимися врагами". Эта фраза служила, с точки зрения высшего руководства, исчерпывающим объяснением всех лагерных неурядиц. Такой вывод не замедлил сказаться на положении руководящей верхушки ГУЛАГа. В ходе чистки кадрового состава НКВД были репрессированы более 30 руководящих сотрудников тюремно-лагерной сферы77.

В 1938—1939 гг. Военной коллегией Верховного суда СССР были осуждены к высшей мере наказания четыре бывших начальника ГУЛАГа, возглавлявшие его в разные годы, — Ф.И. Эйхманс, Л.И. Коган, М.Д. Берман, И.И. Плинер.

Мы не беремся судить, насколько преступной с общечеловеческой точки зрения была профессиональная деятельность этих людей, какова их степень вины перед сотнями тысяч погибших заключенных, да и перед всем советским народом. С точки же зрения тоталитарного режима, их оперативно-лагерная служба была вполне правомерной, целесообразной и заслуживала полного одобрения. Однако советская репрессивная система существовала и развивалась

по своим собственным канонам. Используя диалектический закон отрицания отрицания, она уничтожала собственные кадры, несмотря на их преданность и служебное рвение. С позиции же сегодняшнего дня, вряд ли следует признать справедливым и заслуживающим одобрения тот факт, что расстрелянные "строители" ГУЛАГа были в 1956—1957 г. полностью реабилитированы.

В феврале 1939 г. руководство лагерной системой перешло к заместителю наркома внутренних дел В.В. Чернышову^{6*}, возглавлявшему до этого Главное управление милиции. По воспоминаниям современников, он не стремился вникать в политическую суть репрессий, обходил стороной разговоры о применявшихся в НКВД пытках, убеждал сомневавшихся сослуживцев, что невинных людей никто не арестовывает⁷⁸. Свою основную задачу Чернышов видел в том, чтобы "ликвидировать последствия вредительства в ГУЛАГе".

Под руководством нового начальника была проведена структурная реорганизация ГУЛАГа, заметно усилился режим содержания заключенных, резко сократилось количество побегов, улучшились производственные показатели. Хорошо понимая необычайно возросшее хозяйственное значение ГУЛАГа, Чернышов требовал от подчиненных "научиться полноценно использовать рабочую силу заключенных". Он пытался поднять социальный статус лагерных служащих, ставил вопрос о введении специальных званий для работников ГУЛАГа, добивался увеличения размеров финансирования, особенно фонда заработной платы, предлагал ввести дополнительные льготы и знаки отличия. При этом аргументация начальника ГУЛАГа звучала примерно так: "Мы все же аппарат, который занимается вопросом содержания полутора миллионов заключенных, врагов народа (...) Наши лагерные работники находятся наравне с охраняющими рубежи нашей границы, и это является не менее почетной и ответственной задачей и перед партией, и перед страной"⁷⁹. Другими словами, охрана всякая нужна, охрана всякая важна.

Одной из особенностей ГУЛАГа как карательной системы нового типа было отсутствие в лагерном сообществе "политических заключенных", т.е. заключенных, официально находящихся в политической оппозиции к правящему ре-

^{6*} В некоторых источниках фамилия В.В. Чернышова пишется как "Чернышев".

жиму и ведущих с ним борьбу всеми доступными способами. Исключением, отчасти, можно считать лишь троцкистов, большинство из которых в течение короткого времени были физически уничтожены. Те, кого мы сегодня называем политическими заключенными, в массе своей таковыми никогда не были. Многочисленные жертвы политического и правового произвола правящей верхушки, осужденные по так называемым контрреволюционным статьям, крайне редко идентифицировали себя в качестве противников большевистского режима или советской власти. Они никогда не задавались целью свергнуть существующий строй, и соответственно, не ставили перед собой задач борьбы с государственной карательной системой.

Иное дело — политические заключенные в царской России, которые путем долгой и упорной борьбы с режимом добились от властей признания за ними особого статуса "политических заключенных". Они научились создавать в условиях тюрьмы, каторги и ссылки собственные организации и отстаивали свои права, не останавливаясь ни перед чем. Диапазон способов выражения недовольства и протеста у политических заключенных был чрезвычайно широк — от убийства до самоубийства. Не жалея ни здоровья (весьма распространенной формой протеста были голодовки), ни собственной жизни, они отстаивали свое человеческое достоинство, боролись за свои убеждения и права. Результаты их противостояния режиму не были ничтожны. Успех определялся, прежде всего, целеустремленностью и организованностью политзаключенных, в их тюремной среде не было ни предателей, ни доносчиков, а в психологии — ни рабской покорности, ни волчьей ненависти, ни сакраментального "умри ты сегодня, а я завтра", зато были чувства собственного достоинства и единения с товарищами.

Коммунистический режим не видел никакого смысла в сохранении особого статуса политических заключенных, поскольку все его противники с первых дней советской власти были объявлены "врагами народа" и подлежали уничтожению, если не физическому, то политическому. Создатели новой карательной системы — ГУЛАГа — признавали за осужденными гражданами только одно правовое положение — статус "уголовного арестанта". "Монолит из лагерной пыли" не мог иметь "трещин" в виде какого-то особого "политрежима" или статуса политических заключенных.

Правовой произвол, ставший нормой на воле, имел свое продолжение и в лагерной зоне. 20 мая 1936 г. опросом чле-

нов Политбюро было принято постановление, подписанное лично Сталиным, в котором, в частности, указывалось: "Ввиду непрекращающейся контрреволюционной активности троцкистов предложить НКВД СССР направить в отдаленные концлагеря на срок от 3 до 5 лет троцкистов, находившихся в ссылке и режимных пунктах, и троцкистов, исключенных из ВКП(б), проявляющих враждебную активность и проживающих в Москве, Ленинграде, Киеве и других городах Советского Союза"⁸⁰. Оказавшиеся таким образом в лагерях Колымы и Заполярья, троцкисты, осознавая себя действительно политическими заключенными, которые попали в застенки лишь потому, что сталинский режим посчитал их опасными для своей власти, начали активную борьбу с представителями этой власти на местах, т.е. с лагерной администрацией, при этом они предприняли решительную попытку добиться от советского руководства установления для них особого статуса политических заключенных.

О чрезвычайных трудностях, способах и последствиях этой борьбы в условиях сталинского режима, о ментальности "политзаключенных коммунистов", об их требованиях и целях протеста, а также об отношении к ним окружающих подробно рассказано в письме, поступившем весной 1937 г. в ЦИК и Совнарком СССР. Авторы письма, политзаключенные Ш. Гочолашвили, П. Свиридов, Н. Махи, заявляли:

«Ознакомившись с приговором отделения краевого суда ДВК в Магадане по делу политзаключенных коммунистов товарищей Кроль, Барановского, Майденберга, Бесицкого и Болотникова, приговоренных к смертной казни, и других 12 человек — к 10 годам заключения, мы, политзаключенные коммунисты, не можем не протестовать против этой расправы над коммунистами, обвинения против которых поражают своей абсурдностью и совершенной недоказанностью (подготовка захвата власти на Колыме, вредительство и отравление рабочих и т.п.).

Ни один здравомыслящий человек не может поверить во все эти нелепые клеветнические обвинения, которые судьи приписали осужденным. Мы вынуждены искать другие мотивы, которыми суд руководствовался, вынося свой приговор; нам известно, что осужденные товарищи участвовали в длительных голодовках, не выходили на работу, протестуя против суровых лагерных условий, в которые их с самого начала ставило командование Севвостлага. Товарищи Кроль, Барановский, Майденберг и другие провинились лишь в том, что они противились стремлениям НКВД увековечить для политзаключенных коммунистов режим лагерного рабства, режим их физического и морального уничтожения; они добивались предоставления политрежима, т.е. условий заключения,

которых добивались поколения революционеров в царских тюрьмах и которыми политзаключенные уже пользовались в советских тюрьмах и лагерях. Они скорее погибли бы на смерть от длительной голодовки, как умерли их товарищи Г. Тер-Оганесов, М. Корхина, М. Куриц, Е. Солнцев, чем пойти на утрату своего политического достоинства и превратиться в рабов. Органы НКВД пошли на самые дикие меры подавления голодовок, но все же вынуждены были частично удовлетворить требования голодавших заключенных. Этого не могли простить им тюремщики и ждали только момент, чтобы учинить над ними мстительную расправу.

Мы протестуем против незаконной судебной процедуры, примененной к несгибаемым пролетарским революционерам, которых сталинский суд впервые осмелился открыто судить. Начатое 8/II 37 г. судебное разбирательство при открытых дверях вскоре было прекращено, очевидно, ввиду полной несостоятельности обвинения. Через месяц суд возобновили при закрытых дверях, что и дало судьям возможность скрыть несостоятельность обвинения от общественного мнения и вынести свой мстительный приговор.

Обращаем внимание высших органов власти, что в связи с процессом над политзаключенными в Магадане, развернулась систематическая погромная агитация и травля политзаключенных на Колыме при прямом участии многих должностных лиц, вследствие чего участились физические расправы уголовных преступников с политзаключенными. Примером этого является нападение бандитов на барак политзаключенных у нас на "Пятилетке" в ночь на 27/III 1937 г., закончившееся избиением 3 человек и тяжелым ранением финским ножом зрителя, пришедшего на помощь политзаключенным. Бандиты шли на погром под лозунгом "За десять убитых троцкистов дадут один год".

Мы возлагаем на правительство всю ответственность за погибших граждан-коммунистов и за предстоящие жертвы произвола репрессивных органов и бандитских погромов.

Мы требуем прекращения погромной травли и создания нормальных условий для существования политзаключенных. Первым шагом в этом направлении должна быть отмена приговора Магаданского суда по делу товарищей Кроля, Майденберга, Барановского и других»⁸¹.

Чтобы увидеть и почувствовать всю безнадежность борьбы бывших коммунистов за признание за ними статуса политических заключенных, достаточно ознакомиться с позицией лагерного руководства по этому вопросу. Но если Ворошилов писал Сталину в июле 1936 г. по поводу сторонников Троцкого, Зиновьева и Каменева, что "это конченый народ, им не место в нашей стране, не место среди миллионов готовых жизнь отдать за свою родину. Эту мразь, ядовитую и мерзкую, нужно уничтожить начисто"⁸², то какого от-

ношения к оппозиционерам следовало ожидать от лагерного начальства, всегда служившего надежной опорой сталинскому режиму?

В одном из донесений местного подразделения Управления Северо-Восточных лагерей от 17 июня 1937 г. сообщалось: "Троцкисты не выполняют лагерного распорядка, режим лагеря им чужд и ненавистен. Все категорически отказались от дактилоскопирования, мотивируя, что это должны делать только уголовные преступники, считая себя важными политическими преступниками (...) На работу они всегда выходят с опозданием и к работе относятся пассивно. На проверку в лагере, устраиваемую в порядке приказа УСВИТЛ, не выходят. За нарушения лагерной дисциплины на них налагались дисциплинарные взыскания, которые, однако, для них оказались мало влиятельными"⁸³.

О сопротивлении оппозиционеров лагерному режиму один из бывших следователей вспоминал: "В 1936 г. содержащиеся в Магадане и на периферии осужденные к разным срокам изоляции троцкисты, зиновьевцы и бухаринцы (так их именовали) как по дирижерской палочке организовали в местах их содержания волынки, открытые антисоветские выступления, составляли и распространяли самые погромные (по тем временам) листовки-прокламации, требуя присылки из Москвы прокурора и предоставления им свободы передвижения, изменения рациона питания и т.д. и т.п. (...). А когда по указанию НКВД СССР оперативные работники начали изъятие из массы троцкистов зачинщиков, инициаторов, руководителей выступлений, они ответили устройством в бараках баррикад и объявлением массовых голодовок"⁸⁴.

Сопротивление политических заключенных на Колыме было окончательно сломлено после того, как начальником Управления Северо-Восточных лагерей в декабре 1937 г. стал полковник С.Н. Гаранин. В ходе печально известных "гаранинских расстрелов" были уничтожены практически все оппозиционеры. Самого Гаранина арестовали 27 сентября 1938 г., в следующем году палач расстрелян.

Не менее масштабным и заметным было выступление троцкистов в Заполярье, в Ухто-Печорском лагере. В одном из заявлений в НКВД СССР репрессированные коммунисты описали условия своего существования в Ухтпечлаге так: "Суровый климат, голодный паек, переполненный барак, в котором чинит порядок над всеми специфическая власть в лице уголовного главаря, ставшего председателем коллекти-

ва, неистребимые вши и клопы, непосильная каторжная работа, грубое обращение бесчисленного количества разного начальства, атмосфера травли и угроз расправой — таков режим Воркуты, рассчитанный на физическое уничтожение"⁸⁵.

Среди заключенных было немало таких, которые подвергались репрессиям за "контрреволюционную троцкистскую деятельность" еще с середины 1920-х годов, поэтому они хорошо знали "вчерашний день" советского лагеря. То, с чем им пришлось столкнуться на Воркуте, не шло ни в какое сравнение с пережитым ранее. "Террор прошлых лет, — констатировали осужденные на 3 — 5 лет троцкисты, — несмотря на его чудовищность, меркнет перед нынешним свирепым курсом на физическое истребление в самом прямом и буквальном смысле этого слова"⁸⁶. Тогда еще ни они, ни кто другой не предполагали, что через пару лет и этот "свирепый курс" померкнет перед очередной кровавой вакханалией.

Не желая мириться с засильем уголовников, грубостью охраны, голодом и антисанитарией, троцкисты решили прибегнуть к испытанному многими поколениями политических заключенных средству — массовой голодовке. Перед началом этой акции они обратились с коллективным заявлением к руководству НКВД и начальнику лагеря. Троцкисты доводили до сведения тюремщиков, сколь трудно их положение в лагере, и выдвигали ряд требований, направленных на улучшение условий их содержания путем перевода с уголовного режима на "политический". Данное заявление имело весьма характерные для того времени приметы: его податели не усматривали связи между лагерным режимом и общегосударственным; виновников своих физических и моральных страданий они искали не в высших эшелонах власти, а в лагерном руководстве. Требования троцкистов сводились к следующему: "политпаек" вне зависимости от характера работ, работа по специальности или по выбору, условия труда по КЗОТу, нормальные жилищно-бытовые условия, снабжение обмундированием, беспрепятственное получение центральных периодических изданий, совместное проживание семейных, обеспечение медицинской помощью. Никакие вопросы политического характера в этом заявлении не поднимались. Под обращением подписались 73 человека. Положение заключенных, готовых отстаивать свои требования путем голодовки, было чрезвычайно сложным, ведь многим из них уже пришлось услышать из уст тю-

ремщиков: "Государство в вашей жизни не заинтересовано". На что рассчитывали "политкоммунисты", объявляя голодовку? Надеялись, что их коллективная воля победит волю репрессивной машины? Вполне возможно, что и так. "Безумству храбрых поем мы песню".

Акция протеста началась 18 октября 1936 г. В голодовку вступали группами, последовательно, согласно составленному графику. К концу октября число голодающих достигло 231 человека, среди них были и женщины, и старики, и больные. Голодовка, в ходе которой, несмотря на искусственное кормление, умерли двое заключенных, а вес многих снизился до 40 кг, продолжалась до 13 февраля 1937 г. Человек, знакомый с историей сталинских репрессий, легко поймет, что в *то время* выиграть голодовку было уже невозможно, но троцкисты, если судить по внешним признакам, все же ее выиграла. Высшее руководство НКВД СССР согласилось принять требования заключенных. Однако очень скоро участники сопротивления поняли, что их просто обманули, так как ни одно из требований голодающих не было выполнено.

Последовали новые коллективные заявления с аналогичными претензиями. Однако реакция на них была уже принципиально иной. Всякий организованный протест стал рассматриваться как контрреволюционная деятельность со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вдохновителей и организаторов сопротивления ждало обвинение в контрреволюционной агитации. В условиях массового доноительства, когда доносчиками становились не только из страха, но и по политическим соображениям, выявить лидеров противостояния не составляло никакого труда. Впрочем, часто участники сопротивления и сами не скрывали своих имен.

Организаторов массовой голодовки в Ухтпечлаге арестовали в сентябре 1937 г. Всем было предъявлено обвинение в контрреволюционной агитации среди заключенных. Никто виновным себя не признал, некоторые от дачи показаний отказались. 25 декабря 1937 г. "тройка" УНКВД по Архангельской области приговорила активистов голодовки к расстрелу. Это были М.Л. Шапиро, Н.П. Горлов, С.А. Геворкьян, Д.С. Куреневский, Г.Н. Хотинский, Г.М. Вульфович, В.А. Донадзе, И.С. Краскин, Г.Я. Яковин. Их расстреляли в февралемарте 1938 г. вместе с несколькими тысячами других политзаключенных⁸⁷.

В то время на Воркуте и Печоре зверствовал Е.И. Кашкентин (Скоморовский). Он прибыл из Москвы в Коми АССР в качестве руководителя оперативной группы, чтобы распра-

виться с троцкистами. В НКВД знали, что этот опытный сотрудник ГУЛАГа в 1936 г. был отстранен от службы в органах внутренних дел в связи с врачебным диагнозом "шизоидный психоневроз", но именно его руками решили очистить северные лагеря от всех участников сопротивления. По воспоминаниям современников, Кашкетин открыто заявлял: "Я выполнял волю ЦК ВКП (б), переданную мне лично через Ежова перед отъездом в лагеря для проведения данной операции"⁸⁸. В 1938 г. в "операции", вошедшей в историю под названием "кашкетинские расстрелы", погибло более 6 тыс. политических заключенных. Самого палача приговорили к смертной казни 8 марта 1940 г.

Поражение "политкоммунистов", как называли себя троцкисты, отмежевываясь тем самым от "политических" первого набора, т.е. от репрессированных анархистов, эсеров и социал-демократов, а также от тех, кого советская власть клеймила "контрреволюционерами", было неизбежно. Они не имели поддержки у других групп заключенных, в которых видели не столько союзников, сколько противников (политических или, еще хуже, классовых). Внутреннее единение их было непрочным и быстро распалось под натиском режима. Со стороны общества по отношению к политзаключенным и, прежде всего, к троцкистам также не было ни сочувствия, ни поддержки.

Активные политические акции протеста были довольно редким явлением в ГУЛАГе, зато так называемые "беспорядки" возникали в лагерях довольно часто. Обычно их организаторами были уголовники. В критических ситуациях, угрожавших их жизненным интересам, они устраивали дебоши, громили помещения, избивали конвой, в ход шли ножи, кулаки, камни. Всегда трудным испытанием для любого лагерника был этап, но каждый заключенный реагировал на трудности по-разному. В воспоминаниях В.Я. Дворжецкого есть интересные наблюдения на эту тему. В его рассказе речь идет о многодневном пребывании группы заключенных численностью более 200 человек в трюме парохода "Глеб Бокий".

«Прибыли, Архангельск. Еще сутки держат. Ор, грохот, шум: "Жрать давай! Воды!" Это, конечно, урки орут. Интеллигенты — те молчат, терпят. Если б вызвали: "Клади голову на плаху!" — интеллигенты осведомились бы робко: "В шапке или без шапки?" И очередь бы строго выдерживали...

Арест, лагерь, этап — это потрясение! Шок! От которого ни в жизнь не отойти, не избавиться, не вылечиться. И чем интеллигентнее человек и чем старше — тем глубже и сильнее это состоя-

ние. Для уголовников-рецидивистов тюрьма — дом родной, а лагерь — почти свобода. Они быстро приспосабливаются к любой обстановке. Интеллигенция в ужасе присматривается и ждет... Были, конечно, и смелые, и протестующие, и в обиду себя не дающие. Им очень трудно... Были такие, но мало»⁸⁹.

Попытки отдельных заключенных защитить свои простые человеческие права, сохранить личное достоинство, добиться справедливости в значительной мере затруднялись тем, что действующее законодательство как бы исключало ГУЛАГ из сферы своего влияния. Это была еще одна характерная черта, отличавшая ГУЛАГ от традиционных пенитенциарных заведений. Как уже отмечалось, все было отдано на откуп НКВД СССР.

Например, совершенно секретный приказ наркома внутренних дел Л.П. Берия от 11 мая 1939 г. "О выдаче справок о местонахождении арестованных и осужденных" строго предписывал: "Справки выдавать только устные". Об осужденных разрешалось сообщать: когда, кем, по какой статье осужден, на какой срок, куда направлен для отбытия наказания, указывали почтовый адрес тюрьмы или лагеря.

Представьте себя на месте родителей, разыскивающих своего арестованного сына. Вы уже обращались к депутатам Верховного Совета, в прокуратуру, написали письма в центральные и правительственные учреждения, но нигде никто не дал вам вразумительного ответа. Теперь же, после "упорядочения справочной работы" в органах НКВД, пройдя ряд бюрократических процедур, вы сможете, наконец, получить долгожданную справку, но только *устную*. Вам скороговоркой (ведь за дверью очередь) сообщат не все интересующие вас сведения, а только те, которые вам разрешено знать. И не важно, что вы при этом что-то не расслышали, не запомнили, не так поняли, у вас не было карандаша, чтобы после выхода из кабинета начальника записать на клочке бумаги почтовый адрес лагеря. Невольно хочется задать вопрос, каким тайным смыслом, какой логикой руководствовался Берия, устанавливая изуверскую практику выдачи устных справок? Может быть, в конечном итоге все сводилось к простой идее: чем скорее об осужденном забудут в семье и обществе, чем меньше о нем будут знать, тем лучше? Этот же приказ разрешал в случае обращения жен арестованных с просьбой о разводе, "учинять акты развода беспрепятственно, не требуя от заявителя никаких справок"⁹⁰.

В соответствии с другим приказом НКВД от 11 июня 1939 г. "О порядке регистрации смерти заключенных" смерть граждан, умерших в заключении, регистрировалась не там, где находились лагерь или тюрьма, а там, где умерший проживал до ареста. Это означало: умер, например, человек на Колыме, а запись о его смерти появилась в Рязанском бюро ЗАГС. Сотрудникам бюро ЗАГС категорически запрещалось при этом делать в актовых книгах какие-либо ссылки на извещения и справки из мест заключения. Отчетность о смерти заключенных должна была проходить по общей отчетности городских и районных бюро ЗАГС. Родственники умерших заключенных могли получить только устную информацию об их смерти, обратившись в местные органы НКВД⁹¹.

Появление приказа "О порядке регистрации смерти заключенных" было обусловлено, в первую очередь, необычайно высокой смертностью заключенных в 1938 г., что объяснялось резким ухудшением условий содержания и ужесточением репрессий. Сводная статистика НКВД СССР, учитывавшая смертность по всем лагерям, в том числе и по тем, которые были переданы из ГУЛАГа в непосредственное подчинение наркомату, рисует следующую картину смертности заключенных во второй половине 1930-х годов⁹²:

<i>Год</i>	<i>Всего умерло (человек)</i>	<i>В лагерях</i>	<i>В колониях и тюрьмах</i>
1935	32 659	28 328	4331
1936	26 479	20 595	5884
1937	33 499	25 376	8123
1938	126 585	90 546	36 039
1939	65 301	50 502	14 799
1940	56 703	46 665	10 038
Всего	341 226	262 012	79 214

Как видим, смертность в 1938 г. была значительно выше, чем в другие годы.

В конце 1930-х годов наиболее высокий уровень смертности наблюдался в Северо-Восточном лагере, где администрация "умело" сэкономила на содержании заключенных. В 1938 г. здесь умерло 17 796 человек, в 1939 г. - 13 475⁹³ По подсчетам магаданского историка С.А. Шулубиной, в 1939 г. месячная норма снабжения одного заключенного по продо-

вольствию в Северо-Восточном лагере составляла 49,6 кг продуктов стоимостью 139 руб. 96 коп. В 1940 г. среднерасчетная норма снабжения заключенных продовольствием была уменьшена до 44 кг в месяц, в денежном выражении — 106 руб. 30 коп. В этот же период вольнонаемный сотрудник колымских лагерей тратил на продукты в среднем 1 тыс. руб. в месяц⁹⁴.

Нет, вовсе не случайно В. Шаламов утверждал, что "Колыма была сталинским лагерем уничтожения"⁹⁵.

Значительные изменения в лагерную жизнь заключенных внес секретный Указ Президиума Верховного Совета СССР "О лагерях НКВД СССР" от 15 июня 1939 г. Не будь этот указ секретным, он мог бы вызвать в ГУЛАГе настоящую бурю протеста, поскольку касался таких жизненно важных для большинства заключенных вещей, как условно-досрочное освобождение и зачеты рабочих дней. Новый законодательный акт предписывал:

" 1. Отказаться от системы условно-досрочного освобождения лагерных контингентов.

Осужденный, отбывающий наказание в лагерях НКВД СССР, должен отбыть установленный судом срок наказания полностью.

Поручить органам суда и Прокуратуры прекратить рассмотрение дел по условно-досрочному освобождению из лагерей, а Наркомвнутделу прекратить практику зачетов одного рабочего дня за два дня срока отбытия наказания.

2. Основным стимулом для повышения производительности труда в лагерях установить: улучшенное снабжение и питание хороших производственников, дающих высокие показатели производительности труда, денежное премирование этой категории заключенных и облегченный лагерный режим с общим улучшением их бытового положения.

По отношению к отдельным заключенным, отличникам производства, дающим за длительное время пребывания в лагерях высо-

кие показатели труда, допускать их условно-досрочное освобождение решением Коллегии НКВД СССР или ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ НКВД СССР по особому ходатайству начальника лагеря и начальника Политотдела лагеря.

3. По отношению к прогульщикам, отказчикам от работы и дезорганизаторам производства применять суровые меры принуждения: усиленный лагерный режим, карцер, худшие материально-бытовые условия и другие меры дисциплинарного воздействия.

К наиболее злостным дезорганизаторам лагерной жизни и производства применять более суровые меры наказания, в отдельных случаях, до высшей меры наказания включительно.

О всех случаях применения этих мер воздействия широко оповещать лагерников.

4. Лагерную рабочую силу снабжать продовольствием и производственной одеждой с таким расчетом, чтобы физические возможности лагерной рабочей силы можно было использовать максимально на любом производстве.

Совнаркомом Союза ССР пересмотреть и утвердить нормы снабжения продовольствием и одеждой лагерной рабочей силы НКВД СССР.

5. Предложить Президиумам Верховных Советов Союзных республик привести республиканское законодательство в соответствие с настоящим указом⁹⁶.

20 июня 1939 г. соответствующим, и опять же секретным, Указом Президиума ВС СССР отменялось условно-досрочное освобождение также и для осужденных, отбывавших наказание в исправительно-трудовых колониях и тюрьмах⁹⁷.

Идейным вдохновителем и родоначальником этих указов был лично Сталин. 25 августа 1938 г. на заседании Президиума Верховного Совета СССР при обсуждении вопроса о досрочном освобождении заключенных, отличившихся на строительстве железнодорожных путей, Сталин, не видевший никакого резона в том, чтобы рабочие покидали строительство, как бы в раздумье заявил: "...нельзя ли придумать какую-нибудь другую форму оценки их работы — награды и т.д.? Мы плохо делаем, мы нарушаем работу лагерей. Освобождение этим людям, конечно, нужно, но с точки зрения государственного хозяйства это плохо (...) Будут освобождаться лучшие люди, а оставаться худшие". Сталин высказал также лицемерное опасение, что освобожденные досрочно заключенные могут снова оказаться на преступной стезе: "вернутся они к себе, снюхаются опять с уголовниками и пойдут по старой дорожке. В лагере атмосфера другая, там трудно испортиться". В этой связи Сталин предложил поручить Наркомвнуделу "придумать другие средства, которые заставили бы людей остаться на месте"⁹⁸.

НКВД не торопился отменять зачеты рабочих дней, понимая их важность для лагерной экономики, но пришлось. Названные нормативные акты резко ужесточали режим содержания заключенных и имели отрицательные последствия в сфере организации производства, поскольку лишали "долгосрочников" главного стимула к производительному труду.

Правовым актом, регулировавшим все стороны лагерной жизни, являлась "Временная инструкция о режиме содержания заключенных в ИТЛ НКВД СССР", введенная 2 августа 1939 г. В разделе "Общие положения" указывалось, что устанавливаемый инструкцией лагерный режим должен обеспечить, с одной стороны, надежную изоляцию преступников, с другой, — способствовать наиболее эффективному использованию труда заключенных. Здесь же отмечалось, что осужденные за контрреволюционные преступления направляются, как правило, в лагеря, находящиеся в отдаленных местностях, к ним применяется усиленный режим. Инструкция категорически запрещала всем без исключения заключенным проживать за зоной в деревнях, на частных квартирах; не допускалось посещение женских общежитий заключенными мужчинами, и наоборот. Запрещалось использование заключенных в качестве домашних работников (домашних работников), отдельные исключения допускались только с разрешения начальника ГУЛАГа.

Кроме вводных "Общих положений", инструкция включала также разделы: подъем, вывод на работу, уборка помещений, раздача пищи, вечерняя поверка и отбой, обязанности и права заключенных, порядок передвижения заключенных, свидания, передачи (посылки), переписка, порядок допуска заключенных на административно-технические должности, меры взыскания и поощрения, штрафной режим, порядок передачи и направления жалоб и заявлений заключенных, порядок извещения о смерти заключенных и выдаче вещей умерших родственникам". Аналогичная инструкция 1940 г. регламентировала режим содержания заключенных в колониях НКВД.

Для любого лагерного начальника приказ наркома внутренних дел обладал высшей юридической силой. Убедительным свидетельством о реальном соотношении полномочий различных властных структур может служить приказ НКВД СССР от 23 апреля 1940 г., в котором сообщалось, что осужденные судами и военными трибуналами в случае пересмотра их дел освобождаются начальниками соответствующих мест заключения только по получении распоряжения 1-го спецотдела НКВД. Это означало, что даже постановление пленума Верховного суда СССР недействительно, если нет соответствующего распоряжения 1-го спецотдела. В лагерной практике этот приказ соблюдался неукоснительно и был

отменен только в 1949 г., когда его признали "неправильным".

В конце 1930-х годов в партийно-административной структуре ГУЛАГа появились политические органы, не имевшие аналогов в мировой пенитенциарной практике. 26 сентября 1937 г. ЦК ВКП (б) принял специальное постановление, в котором предписывал в целях усиления руководства парторганизациями лагерей НКВД, управлений строителств и улучшения политической работы среди начальствующего и рядового состава лагерей, военизированной охраны и вольнонаемных работников строителств организовать в составе Главного управления лагерей НКВД СССР политический отдел, возложив на него руководство партийными организациями лагерей НКВД и строителств¹⁰⁰. 15 сентября 1939 г. Оргбюро ЦК ВКП (б) утвердило типовое "Положение о политотделе главного управления (отдела) НКВД СССР". В декабре была утверждена "Инструкция о работе политотдела ГУЛАГа НКВД СССР". Согласно этой инструкции, политотдел ГУЛАГа руководил "всею политико-воспитательной работой среди личного состава лагерей, строителств, работой библиотек, клубов, ленинских комнат, общеобразовательной подготовкой, всеми видами самодеятельности, работой среди членов семей сотрудников, добровольных обществ и заботился об улучшении культурно-бытового обслуживания вольнонаемного состава"¹⁰¹.

В начале 1940 г. политический контроль за работой управлений и отделов Наркомата внутренних дел осуществляли 11 политотделов, в которых насчитывалось 370 штатных сотрудников¹⁰². Роль политаппарата в системе НКВД, и особенно в ГУЛАГе, была весьма значительной. Об этом свидетельствуют не только официальные документы — отчеты, рапорты, доклады, распоряжения политотделов, но и непосредственные наблюдения людей, познавших репрессивную систему "изнутри". Бывший узник, а позднее исследователь ГУЛАГа А.В. Антонов-Овсеенко, характеризуя структуру Северо-Печорского лагерно-производственного управления, писал об этом новоявленном сопернике особого отдела: "Политический отдел числился под № 1. Он и был первым в управлении. Возглавлял его долгое время полковник Кузнецов. Он имел обыкновение вызывать в свой огромный — по чину! — кабинет начальников других отделов, и они, стоя навытяжку, с трепетным вниманием выслушивали его указания. В кабинете Кузнецова висели портреты

Дзержинского и Берии. Политотдел вмешивался во все дела культурно-воспитательного отдела, подменял его полностью. Да и другие отделы, начиная от технического, кончая охраной, постоянно ощущали на себе сковывающую руку политотдела"¹⁰³.

Могущество политотдела ГУЛАГа и высокое положение его начальника (а эта должность была номенклатурой ЦК ВКП (б)) определялись возросшей ролью партийных организаций в системе НКВД и свидетельствовали о тесном сращивании высшего партийного руководства с начальствующим составом НКВД СССР.

В обстановке нарастания угрозы войны высшее руководство страны предприняло ряд мер административного и репрессивного характера, целью которых было укрепление трудовой дисциплины, улучшение качества выпускаемой продукции, снижение преступности среди несовершеннолетних, повышение уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и за хулиганство, борьба с запрещенными абортами и др. В 1940 г. советская законодательная база пополнилась почти десятком новых нормативных актов, устанавливавших уголовную ответственность за различные правонарушения.

Неудивительно, что именно 1940 году принадлежит рекорд по количеству осужденных судебными и внесудебными органами. В том году по всем уголовным делам было осуждено 3 480 331 человек, из них 3 330 515 человек осуждены гражданскими и специальными судами, 71 188 — военными трибуналами и линейными судами транспорта, 77 321 — Особым совещанием НКВД СССР и 1307 — Военной коллегией Верховного суда СССР¹⁰⁴. К этому рекорду по числу осужденных близок только 1942 г.

Разумеется, далеко не все осужденные попали в ГУЛАГ. Из общего числа осужденных приговор "к лишению свободы" получили 1 048 709 человек (30%). К смертной казни приговорили 3666 человек (525 приговоров вынесли гражданские суды и 3141 — военные трибуналы)¹⁰⁵. Все остальные осужденные были приговорены к исправительно-трудовым работам без содержания под стражей, штрафам, ссылке, высылке или получили наказание условно.

Основную массу осужденных (2 091 438 человек) составили те, кого судили по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г.¹⁰⁶ за самовольный уход с предприятий и учреждений и за прогул. Указ не предусматривал

в качестве меры наказания направления в ИТЛ, но на практике такие случаи бывали довольно часто. В начале 1941 г. из Онежского лесного лагеря поступили сигналы, что "несмотря на указания и приказы комиссара о порядке содержания в лагерях заключенных, осужденных по Указу от 26 июня 1940 г., руководители лагеря Мирошниченко и другие грубо нарушили эти приказы — заключенных указников содержали в худших условиях, чем остальных заключенных, не выдавали им обмундирования, плохо кормили. В результате среди указников повысилась заболеваемость и даже смертность"¹⁰⁷. Руководство ГУЛАГа отреагировало на сигнал довольно быстро и показательно. 24 марта 1941 г. начальник Онежского лагеря капитан госбезопасности А.Г. Мирошниченко был снят с занимаемой должности и привлечен к уголовной ответственности¹⁰⁸.

"Жертвы ГУЛАГа", "мученики ГУЛАГа"... Эти выражения, справедливые по своей сути, могут вызвать у читателя неверное представление о том, что в лагеря попадали преимущественно самые честные, добросовестные и порядочные люди, преследуемые коммунистическим режимом по политическим мотивам. По этому поводу очень метко высказался В.Т. Шаламов: "Сталинская коса косила всех подряд, в лагере была набита отнюдь не лучшая часть человечества, не худшая, но и не лучшая"¹⁰⁹. Даже среди тех, кого судили по 58-й статье, было немало уголовников-рецидивистов. Например, отказ осужденного уголовника от работы в лагере судьи могли квалифицировать как "контрреволюционный саботаж", т.е. преступление, предусмотренное ст. 58¹⁴, и вследствие этого осудить "отказчика" (вора, бандита, убийцу) по "контрреволюционной" статье.

Рассмотрим подробнее численность и состав лиц, осужденных гражданскими и специальными судами СССР в 1940 г. (без данных по военным трибуналам и линейным судам), а также примененные к ним меры наказания и виды преступлений, за которые осужденные были приговорены к лишению свободы (см. табл. 1 — 5).

В настоящих таблицах нашли отражение сведения о самой большой группе осужденных граждан, дела которых рассматривались гражданскими и специальными судами. Этот материал дает наглядное, хотя и неполное представление о "сталинском покосе". Не следует забывать, что в 1940 г. 149 816 человек были осуждены военными трибуналами, линейными судами транспорта, Особым совещанием

Таблица 1. Осужденные гражданскими и специальными судами СССР в 1940 г.*

Осуждены по всем уголовным делам, в том числе за к-р преступления	Число осужденных человек	% к общему числу осужденных
К смертной казни	525	-
К лишению свободы	930 637	28,0
К ИТР без содержания под стражей	2 161 793	64,9
Условно	86 859	2,6
К другим наказаниям (штраф, ссылка, высылка, общественное порицание)	150 701	4,5
<i>Всего</i>	3 330 515	100

*ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д.190. Л. 8.

Таблица 2. Сроки заключения в местах лишения свободы, к которым приговорили осужденных в 1940 г.*

Осуждены к лишению свободы на срок	Число осужденных человек	% к числу лишенных свободы
До 1 года	456 793	49,1
из них по делам о самовольном уходе с предприятия и учреждении	321 648	34,6
От 1 года до 3 лет	387 120	41,6
От 3 до 5	60 214	6,5
От 5 до 8	18 971	2,0
От 8 до 10	7515	0,8
От 10 до 25	24	-
<i>Всего</i>	930 637	100

*ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 190. Л. 9.

при НКВД СССР, Военной коллегией Верховного суда СССР. Именно эти судебные и внесудебные органы чаще всего рассматривали дела по обвинению в контрреволюционных преступлениях, применяя к осужденным наиболее суровые меры наказания, вплоть до высшей меры. Например, Особое совещание при НКВД СССР, осудившее в 1940 г. 77 321 человека, приговорило к заключению на длительные сроки в лагеря и тюрьмы 74 443 человека (96,3%), к ссылке и высылке - 2 878 (3,7%)¹¹⁰.

Таблица 3. Применение наказания в виде лишения свободы гражданскими и специальными судами СССР в 1940 г. по видам преступлений*

Распределение осужденных по всем видам преступлений	Осужденные к лишению свободы	% к общему числу осужденных к лишению свободы
Контрреволюционные преступления	13 344	1,4
Хищения государственного и общественного имущества	153 407	16,5
Кража личной собственности	78 422	8,4
Разбой, бандитизм	3 558	0,4
Хулиганство	164 414	17,7
Злоупотребление служебным положением, халатное отношение к служебным обязанностям	30 205	3,3
Спекуляция	17 686	1,9
Умышленное убийство	6 962	0,7
Запрещенный аборт	1979	0,2
Нанесение телесных повреждений	10 106	1,1
Изнасилование	3 022	0,3
Злостное уклонение от платежа алиментов	7 409	0,8
Нарушение паспортных правил	36 544	3,9
Незаконное хранение оружия	4 523	0,5
Самовольный уход с предприятий и учреждений	321 648	34,6
Прочие	77 408	8,3
<i>Всего осуждено к лишению свободы</i>	<i>930 637</i>	<i>100</i>

* ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 190. Л. 10.

В 1940 г, ГУЛАГ объединял 53 лагеря с тысячами лагерных отделений и пунктов, 425 колоний, в том числе 170 промышленных, 83 сельскохозяйственных и 172 так называемых "контрагентских", т.е. работающих на стройках и в хозяйствах других ведомств, 50 колоний для несовершеннолетних. Для детей заключенных матерей в лагерях и колониях в

Таблица 4. Состав осужденных к различным мерам наказания гражданскими и специальными судами СССР в 1940 г. (по уголовным делам, исключая дела о самовольном уходе с предприятий и учреждений и о прогулах)*

Осуждено к различным мерам наказания	Всего	В том числе				
		женщин	мужчин	кандидатов и членов ВКП (б)	членов ВЛКСМ	детей 12-16 лет
Человек	1 239 077	213 278	1 025 899	30 537	52 246	24 467
%	100	17,2	82,8	2,5	4,2	2,0

*ГАРФ. Ф.9492. Оп.5.Д.190.Л. 11.

Таблица 5. Социальный состав осужденных к различным мерам наказания гражданскими и специальными судами СССР в 1940 г. (по уголовным делам, исключая дела о самовольном уходе с предприятий и учреждений и о прогулах)*

Осуждено к различным мерам наказания	Всего	В том числе					
		рабочих	служащих	колхозников	крестьян-единоличников	кустарей	социальное положение не выяснено
Человек	1 239 077	434 135	239 837	330 048	66 768	39 668	128 621
%	100	35,0	19,4	26,6	5,4	3,2	10,4

*ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 190. Л. 12.

системе ГУЛАГа были организованы 90 "домов младенца", в которых содержалось 4595 детей. В системе ГУЛАГа также действовали 162 приемника-распределителя для беспризорных и безнадзорных детей¹¹¹.

Кроме лагерей и колоний, к 1940 г. в системе ГУЛАГа были организованы трудпоселения и спецпоселки. В трудпоселках, в основном, находились лица, высланные в административном порядке из мест постоянного жительства (так называемая "кулацкая ссылка"), а в спецпоселках прожива-

ли польские осадники^{7*} и беженцы. В ноябре 1940 г. общая численность трудпоселенцев и спецпоселенцев составляла 1 173 170 человек¹¹². Обе группы поселенцев находились на режиме принудительного трудового использования.

На 1 января 1941 г. в исправительно-трудовых лагерях и колониях содержалось 1 876 834 заключенных, из них 555 589 (29,6%) отбывали наказание за так называемые контрреволюционные преступления, 1 321 245 человек (70,4%) находились в местах лишения свободы за совершение уголовных, должностных, воинских и других преступлений. Среди общего числа заключенных ГУЛАГа насчитывалось 1 701 467 мужчин (90,7%) и 175 367 женщин (9,3%)¹¹³. В тюрьмах НКВД СССР на 1 января 1941 г. содержалось 470 693 человека¹¹⁴. К началу Великой Отечественной войны численность заключенных в лагерях и колониях составляла (по официальным данным) 2,35 млн человек.

Ежегодно из ГУЛАГа освобождалось свыше 300 тыс. бывших заключенных. По официальным данным, в 1939 г. было освобождено более 372 400 человек, из них 223 622 — из лагерей и более 103 800 — из колоний¹¹⁵. В 1940 г. только из лагерей вышли на волю 316 825 человек¹¹⁶. Предвоенная обстановка заставила высшее руководство страны усомниться в целесообразности возвращения освобожденных из заключения граждан в родные места, где они могли стать источником распространения отнюдь не патриотических настроений. Решение этой проблемы виделось, как всегда, в ужесточении репрессий.

30 апреля 1941 г. на рассмотрение ЦК ВКП (б) и СНК СССР, т.е. И.В. Сталину и В.М. Молотову, поступили проекты двух законодательных актов: проект постановления ЦК ВКП (б) и СНК СССР "О введении дополнительной меры наказания, выносимой Особым совещанием при НКВД и судебными органами, — ссылки на поселение на 20 лет", и проект Указа Президиума Верховного Совета СССР "О допол-

Осадники — это переселенцы из Польши, в основном бывшие военнослужащие польской армии, отличившиеся в польско-советской войне 1920 г. и получившие в 1920—1930-е годы землю в районах, заселенных украинцами и белорусами. После того, как в 1939 г. Западная Украина и Западная Белоруссия вошли в состав СССР, польские осадники были объявлены "злейшими врагами трудового народа" и выселены с семьями на спецпоселение в различные местности Советского Союза. Подробнее об этом см.: *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930—1960. М., 2003. С. 83-92.

нительной мере наказания — ссылке на поселение на 20 лет".

Постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР намечало:

"1. Предоставить Особому совещанию при НКВД СССР право:

а) в отношении всех лиц, осужденных Особым совещанием к заключению в исправительно-трудовые лагеря или тюрьмы на срок от 5 до 8 лет, применять дополнительную меру наказания — ссылку на поселение в отдаленных местностях Союза ССР на 20 лет после отбытия наказания в лагерях или тюрьмах;

в) применять указанную в настоящем пункте ссылку на поселение на 20 лет как самостоятельную меру наказания в отношении социально-опасных элементов.

2. Распространить действие п. 1 а настоящего постановления на всех лиц, ранее осужденных коллегией ОГПУ, Особым совещанием или тройками НКВД к заключению в лагеря и тюрьмы на 5 — 10 лет, установленный срок наказания которым истекает после 15 июня 1941 г."¹¹⁷

В соответствии с проектом, обязательной ссылке на поселение на 20 лет подлежали также все граждане, осужденные обычными судебными органами. В первую очередь это касалось тех, кто отбывал наказание за контрреволюционные преступления и хищение социалистической собственности. Проект Указа Президиума Верховного Совета СССР формально узаконивал ссылку и регламентировал условия ее отбывания.

Война помешала осуществлению противоправных замыслов руководства НКВД, точнее сделала ненужным введение дополнительной меры наказания, поскольку буквально с первого дня войны всех заключенных, осужденных по политическим мотивам, прекратили освобождать, даже в тех случаях, если они полностью отбыли положенные сроки наказания. Однако высшее руководство страны не отказалось от своих преступных намерений лишить бывших узников ГУЛАГа возможности вернуться в общество к прежней, нормальной жизни; ведь человек, побывавший в ГУЛАГе, навсегда оставался невольным хранителем важной государственной тайны, тайны ГУЛАГа. В 1948 г., уже в условиях "холодной войны", Указ о направлении особо опасных государственных преступников после отбытия наказания в бессрочную ссылку на поселение был принят и действовал до марта 1956 г.

За годы существования ГУЛАГа в его орбиту прямо или косвенно были втянуты десятки миллионов граждан, и, тем не менее, можно утверждать, что советское общество имело смутное представление об истинных масштабах и назначении гугаговской репрессивной системы. Советский человек привык считать достоверным фактом и правдой только то, что напечатано типографским способом или объявлено по радио. О ГУЛАГе, как известно, не писали и не говорили. Простые люди инстинктивно обходили лагерную тему стороной — "от греха подальше" — и не обсуждали ее даже в застольных беседах. Что же касается правящей верхушки любого уровня, то для нее поддержание секретности считалось едва ли не главной должностной обязанностью. Тоталитарный режим скрывал не лагеря, колонии, тюрьмы как таковые — пенитенциарная система в том или ином виде существует в каждой стране, да и принудительный труд (по опыту начала 1930-х годов) не обязательно было прятать. Сталинский режим скрывал один из важнейших инструментов своего господства. ГУЛАГ позволял верховной власти бесконтрольно насаждать в обществе любые чрезвычайные меры, держать народ в слепом повиновении и рабской покорности, уничтожать в зародыше редкие ростки инакомыслия и вольнодумства. ГУЛАГ значительно облегчал проведение имперской политики по принципу "разделяй и властвуй", помогал регулировать общественное потребление и снимать социальную напряженность. Наконец, ГУЛАГ служил удобным орудием мести, позволявшим сводить счеты, как с отдельными людьми, так и целыми народами.

¹ Пленум ЦК ВКП (б) 4-12 июля 1928 г.: речь Сталина 9 июля 1928 г. "Об индустриализации и хлебной проблеме" // *Сталин И.В.* Соч. М, 1949. Т. 11. С. 171.

² *Троцкий Л.* Терроризм и коммунизм. Пг., 1920. С. 53.

³ *Илizarов Б. С.* Сталин. Штрихи к портрету на фоне его библиотеки и архива // Новая и новейшая история. 2000. № 3. С. 199.

⁴ От тюрем к воспитательным учреждениям: сб. ст. / под общ. ред. А.Я. Вышинского. М, 1934. С. 20-21.

⁵ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 204.

⁶ Там же. С. 200.

⁷ Там же. С. 193.

⁸ Рождение ГУЛАГа: дискуссии в верхних эшелонах власти / публ. докл. С.А. Красильникова // Ист. арх. 1997. № 4. С. 143—144.

⁹ См.: Там же. С. 144.

- ¹⁰ Там же. С. 145-146.
- ¹¹ Там же. С. 151.
- ¹² Там же. С. 151-152.
- ¹³ XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б): стеногр. отчет. М.; Л., 1930. С. 351 -352.
- ¹⁴ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918-1960. М, 2000. С. 62.
- ¹⁵ Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1929. № 72. Ст. 686. (Далее: СЗ СССР.)
- ¹⁶ См.: Постановление СНК СССР "Об использовании труда уголовно-заключенных" // ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 64-65.
- ¹⁷ См.: *Кокурин А.И., Петров Н.В.* ГУЛАГ: структура и кадры. Статья первая // Свободная мысль - XXI. 1999. № 8. С. ПО- 111.
- ¹⁸ Рождение ГУЛАГа... // Ист. арх. 1997. № 4. С. 143.
- ¹⁹ Цит. по: ГУЛАГ в Карелии: сб. док. и материалов. 1930— 1941. Петрозаводск, 1992. С. 145-146.
- ²⁰ *Дворжецкий В.Я.* Пути больших этапов: записки актера. М; Н. Новгород, 1994. С. 15.
- ²¹ Там же. С. 55-56.
- ²² Там же. С. 86.
- ²³ XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)... С. 75.
- ²⁴ *Лосев А.Ф., Лосева В.А.* Из лагеря в лагерь // Наше наследие. 1989. №5. С. 86, 91-92.
- ²⁵ Цит. по: ГУЛАГ в Карелии... С. 85.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ *Лихачев Д.С.* Статьи ранних лет. Тверь, 1993. С. 44.
- ²⁸ *Флоренский П.* Письма из концлагеря // Знамя. 1991. № 7. С. 194-195.
- ²⁹ *Шаламов В.* Из записных книжек // Знамя. 1995. № 6. С. 142.
- ³⁰ Цит. по: ГУЛАГ в Карелии... С. 75.
- ³¹ Цит. по: Беломорско-Балтийский канал имени Сталина: история строительства. М., 1934. С. 17.
- ³² Цит. по: Перековка. 1934. 23 сент. № 70.
- ³³ *Шаламов В.* Письмо к А.И. Солженицыну // Досье на цензуру. Страна и ее заключенные. 1999. № 7/8. С. 277.
- ³⁴ СЗ СССР. 1930. № 22. Ст. 248.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Цит. по: ГУЛАГ в Карелии... С. 11.
- ³⁷ Там же. С. 27.
- ³⁸ Там же. С. 66.
- ³⁹ Центральный архив общественно-политической истории Москвы. Ф. 3352. Оп. 3. Д. 111. Т. 2. Л. 7. (Далее: ЦАОПИМ).
- ⁴⁰ Там же. Л. 5.
- ⁴¹ *Кудрявцев Ф.Ф.* Примечания к анкете: рассказы. М., 1990. С. 331.
- ⁴² СУ РСФСР. 1931. № 4. Ст. 38.
- ⁴³ Там же. 1933. № 48. Ст. 208.
- ⁴⁴ РГАНИ. Ф. 89. Пер. 16. Док. 1. Л. 7.
- ⁴⁵ См.: Письмо Г.Е. Прокофьева В.М. Молотову от 22 октября 1933 г. // Советское руководство. Переписка. 1928—1944 гг. М., 1999. С. 263-264.

- ⁴⁶ См.: *Земсков В.Н.* Заключенные в 1930-е годы: социал.-демогр. проблемы // *Отечеств, история.* 1997. № 4. С. 62; *Смирнов М.Б., Сигачев С.П., Шкапов Д.В.* Система мест заключения в СССР. 1929—1960 // Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923 - 1960: справ. М., 1998. С. 32; *Кокурин А.К., Петров Н.В.* ГУЛАГ": структура и кадры. Статья вторая // *Свободная мысль* — XXI. 1999. № 9. С. 112, 114. Необходимо отметить, что в названных работах данные о смертности и численности заключенных несколько различаются из-за неполноты первичных сведений, доступных исследователям.
- ⁴⁷ Цит. по: *Кокурин А.И., Петров Н.В.* ГУЛАГ: структура и кадры. Статья первая. С. 123—124.
- ⁴⁸ Цит. по: Там же. С. 127.
- ⁴⁹ Цит. по: *Кокурин А.И., Петров Н.В.* ГУЛАГ: структура и кадры. Статья вторая. С. 113-114.
- ⁵⁰ *Исправительно-трудовой кодекс РСФСР /7 ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 82.*
- ⁵¹ Цит. по: *Кокурин А.И., Петров Н.В.* ГУЛАГ: структура и кадры. Статья вторая. С. 112.
- ⁵² Цит. по: Там же. С. 120.
- ⁵³ Цит. по: Там же. С. 117.
- ⁵⁴ ЦАОПИМ. Ф. 3352. Оп. 3. Д. 111. Т. 2. Л. 8.
- ⁵⁵ Там же. Д. 176. Т. 2. Л. 12.
- ⁵⁶ См.: *Шрейдер М.П.* НКВД изнутри: записки чекиста. М., 1995. С. 60-62.
- ⁵⁷ ЦАОПИМ. Ф. 3352. Оп. 3. Д. 109. Л. 1 -4; Д. 111. Т. 2. Л. 40.
- ⁵⁸ Цит. по: *Кутузов В.* Мертвая петля Абакумова // *Родина.* 1998. № 3. С. 87.
- ⁵⁹ ЦАОПИМ. Ф. 3352. Оп. 3. Д. 243. Л. 144.
- ⁶⁰ См.: *ГУЛАГ в годы войны* // *Ист. арх.* 1994. № 3. С. 60.
- ⁶¹ ЦАОПИМ. Ф. 3352. Оп. 3. Д. 111. Т. 2. Л. 18, 39, 86.
- ⁶² Там же. Д. 175. Т. 1. Л. 21, 31, 56, 63, 155.
- ⁶³ Там же. Д. 243. Л. 109, 117-118.
- ⁶⁴ Там же. Л. 36.
- ⁶⁵ Там же. Л. 141.
- ⁶⁶ *Кудрявцев Ф.Ф.* Примечания к анкете... С. 330.
- ⁶⁷ ЦАОПИМ. Ф. 3352. Оп. 3. Д. 355. Л. 59, 63.
- ⁶⁸ Там же. Д. 176. Т. 2. Л. 58; Д. 243. Л. 107, 108.
- ⁶⁹ Там же. Д. 393. Л. 19.
- ⁷⁰ Заявление заключенного Дальлага В. Максюты председателю ВЦИК // *Письма во власть. 1928 — 1939: заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям.* М., 2002. С. 345.
- ⁷¹ ЦАОПИМ. Ф. 3352. Оп. 3. Д. 243. Л. 107.
- ⁷² *Шаламов В.* Несколько моих жизней. Проза. Поэзия. Эссе. М., 1996. С. 387.
- ⁷³ Письмо анонимных авторов В.М. Молотову // *Письма во власть. 1928-1939... С. 416.*
- ⁷⁴ См.: *Смирнов М.Б., Сигачев С.П., Шкапов Д.В.* Система мест заключения в СССР. 1929— 1960 // Система исправительно-трудовых лагерей в СССР... С. 38, 41, 69.

- ⁷⁵ Там же. С. 41.
- ⁷⁶ Докладная записка А.Я. Вышинского И.В. Сталину, В.М. Молотову от 19 февраля 1938 г. // Советское руководство. Переписка... С. 389 — 391. В записке Вышинского допущено неточное написание названий некоторых лагерей и населенных пунктов.
- ⁷⁷ См.: *Кокурин А.И., Петров Н.В.* ГУЛАГ: структура и кадры. Статья седьмая // Свободная мысль - XXI. 2000. № 3. С. 110-111.
- ⁷⁸ См.: *Шрейдер М.Л.* НКВД изнутри... С. 48.
- ⁷⁹ Из выступления В.В. Чернышова на партийном собрании 22-25 апреля 1939 г. // ЦАОПИМ. Ф. 3352. Оп. 3. Д. 243. Л. 138, 140.
- ⁸⁰ Реабилитация: политические процессы 1930-50-х гг. М., 1991. С. 217.
- ⁸¹ Письмо политзаключенных Ш. Гочолашквили, П. Свиридова и Н. Махи в ЦИК и Совнарком СССР // Письма во власть. 1928 - 1939... С. 334-335.
- ⁸² Письмо Ворошилова Сталину от 9 июля 1936 г. // Советское руководство. Переписка... С. 334.
- ⁸³ Освенцим без печей / сост. С.С. Виленский. М., 1996. С. 134.
- ⁸⁴ Там же. С. 139, 140.
- ⁸⁵ *Полециков В.М.* За семью печатями. Из архива КГБ. Сыктывкар, 1995. С. 68.
- ⁸⁶ Там же. С. 65.
- ⁸⁷ Там же. С. 71-73.
- ⁸⁸ Там же. С. 24.
- ⁸⁹ *Дворжецкий В.Я.* Указ. соч. С. 52.
- ⁹⁰ ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 114.
- ⁹¹ См.: Там же. С. 115.
- ⁹² См.: *Земсков В.Н.* Заключенные в 1930-е годы... С. 63.
- ⁹³ См.: Там же. С. 64.
- ⁹⁴ См.: *Шулубина С.А.* Система Севвостлага. 1932— 1957 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2003. С. 20.
- ⁹⁵ *Шаламов В.* Из записных книжек // Знамя. 1995. № 6. С. 144.
- ⁹⁶ Цит. по: *Кокурин А.И., Петров Н.В.* ГУЛАГ: структура и кадры. Статья седьмая. С. 119 — 120.
- ⁹⁷ См.: ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 117.
- ⁹⁸ Там же. С. 113.
- ⁹⁹ См.: Там же. С. 456 - 473.
- ¹⁰⁰ См.: *Детков М.Г.* Содержание карательной политики Советского государства и ее реализация при исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы в тридцатые — пятидесятые годы. До-модедово, 1992. С. 26.
- ¹⁰¹ Цит. по: *Кокурин А.И., Петров Н.В.* ГУЛАГ: структура и кадры. Статья седьмая. С. 123.
- ¹⁰² ЦАОПИМ. Ф. 3352. Оп. 3. Д. 268. Л. 31, 32.
- ¹⁰³ *Антонов-Овсеенко А.* Путь вверх // Берия: конец карьеры. М., 1991. С. 105.
- ¹⁰⁴ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 190. Л. 8, 14; *Кокурин А.И., Моруков Ю.Н.* ГУЛАГ: структура и кадры. Статья двадцать пятая // Свободная мысль - XXI. 2001. № 12. С. 100. Общий подсчет автора.
- ¹⁰⁵ См.: Там же.

- ¹⁰⁶ Ведомости Верховного Совета СССР. 1940. № 20.
¹⁰⁷ ЦАОПИМ. Ф. 3352. Оп. 3. Д. 393. Л. 13.
¹⁰⁸ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР... С. 348.
¹⁰⁹ *Шаламов В.* Из записных книжек. С. 171.
¹¹⁰ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 190. Л. 13-14. В опубликованных документах приводится другое число осужденных Особым совещанием при НКВД СССР в 1940 г. - 42 912 человек. Никаких комментариев по поводу причин существенного занижения численности осужденных в этих документах не дается. См., например: Реабилитация: как это было: документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: в 3т. М., 2000. Т. 1: Март 1953 -февраль 1956. С. 73.
¹¹¹ См.: ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 725 — 726, 731.
¹¹² См.: *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930-1960. М, 2003. С. 91.
¹¹³ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 190. Л. 3, 4.
¹¹⁴ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР... С. 48, 539.
¹¹⁵ См.: ГУЛАГ: Главное управление лагерей...С. 728.
¹¹⁶ См.: *Земсков В.Н.* Заключенные в 1930-е годы... С. 57.
¹¹⁷ РГАНИ. Ф. 89. Пер. 18. Док. 5. Л. 4.

Глава шестая

ОТ "ШКОЛ ТРУДА" К ЛАГЕРНО-ПРОМЫШЛЕННОМУ КОМПЛЕКСУ

Историки права давно установили взаимосвязь различных систем наказания с системами производства, в рамках которых они действуют¹. Отмечено, что принудительный труд и тюремные предприятия возникают вместе с рыночной экономикой. Однако интенсивно развивающееся промышленное производство требует, прежде всего, свободного рынка рабочей силы, именно поэтому в большинстве европейских стран в XIX в. доля принудительного труда в механизмах исполнения наказаний сокращается и он уступает место заключению в исправительных целях.

В России проблема организации труда заключенных особенно остро встала в конце XIX — начале XX в., при этом в силу ряда причин наибольшие трудности царское правительство испытывало при устройстве сибирской каторги. "В расположенных на далеких окраинах Сибири каторжных тюрьмах, — читаем в отчете Главного тюремного управления за 1908 г., — при ограниченных потребностях местного населения и отсутствии всякого сбыта изделий, которые могли бы вырабатываться в тюремных мастерских, представляется чрезвычайно затруднительным организовать для арестантов какие бы то ни было работы. Весьма многие из арестантов, содержащихся в каторжных тюрьмах Сибири, по необходимости, остаются в совершенной праздности и в лучшем случае заняты такими хозяйственными работами, как, например, носка воды, колка дров и проч. Этому отчасти способствуют также суровые климатические условия Сибири, вредно отражающиеся на здоровье, а, следовательно, и на трудоспособности тех из ссыльно-каторжных, которые до осуждения проживали в более мягком климате"².

Казалось бы, при такой ситуации не было никакой необходимости настаивать, как это делало правительство, на сохранении сибирской каторги. Чем же руководствовались царские чиновники, не желавшие, несмотря на экономические трудности и соображения гуманности, отказываться от использования каторжного труда в Сибири? В законопроек-

те о преобразовании каторги, одобренном в конце 1909 г. Советом Министров, приводилось в числе прочих и такое соображение: "возможность широкого развития в Сибири в недалеком будущем внешних работ, которые там уже производятся, и затем возможность использования труда каторжных при постройке амурской железной дороги и второй колеи сибирской"³. Похоже, что это соображение было одним из решающих. Однако реализовать замыслы царского правительства в полной мере удалось только большевистскому руководству и то лишь тогда, когда в результате кардинальных преобразований в производственной сфере был ликвидирован свободный рынок рабочей силы, и доля принудительного труда в механизме исполнения наказаний стала, соответственно, максимальной.

По свидетельству М. Фуко, выражение "принудительный труд" впервые ввел в политико-правовой лексикон Рабо Сент-Этьен, политический деятель Французской революции, депутат от третьего сословия в Генеральных штатах, который рассматривал его как противоположность "свободному труду", подобающему исключительно свободным людям⁴. Французская революция конца XVIII в. изменила отношение общества к осужденному. "При старом режиме тело осужденного становилось собственностью короля, монарх ставил на нем свое клеймо и обрушивал на него всю мощь своей власти. Теперь осужденный должен быть скорее общественной собственностью, предметом коллективного и полезного присвоения. Вот почему реформаторы почти всегда предлагали общественные работы как одно из лучших наказаний"⁵, — писал М. Фуко. Однако уже в тот период далеко не все политические деятели были согласны с такой постановкой проблемы. Председатель французского Учредительного собрания в 1790 г. Ле Пелетье возражал против применения принудительного труда как средства наказания, считая, что такой труд предполагает насилие. Адвокат и первый председатель парижского парламента Дюпорт считал, что наказание работой — это "профанация священного характера труда". Однако предложения реформаторов использовать общественные работы в качестве наказания находили активную поддержку в наказах третьего сословия: "Пусть приговоренные к наказанию (за исключением смертного) осуждаются на общественные работы ради блага страны и на срок, пропорциональный совершенному преступлению"⁶.

Хорошо известно, какое огромное влияние оказала Французская революция на мировоззрение и идеологию

большевизма. Историк В.С. Илизаров, изучавший круг чтения Сталина, справедливо отметил: «Для новых поколений русских революционеров Французская революция была если не образцом, то уж во всяком случае "учебным пособием". Для Сталина тоже»⁷. В этой связи становится понятным, почему большевики с первых дней Октябрьской революции избрали в качестве "одного из лучших наказаний" именно подневольный труд, создав впоследствии широкую сеть лагерей принудительных работ.

В первые годы советской власти принудительный труд рассматривался, главным образом, как категория карательная, и в меньшей степени — как экономическая. Ленинские декреты предписывали наказывать взяточников, спекулянтов и прочих врагов народа "наиболее тяжкими, неприятными", "тягчайшими" принудительными работами⁸.

Первый нормативный акт, регламентировавший труд заключенных в местах лишения свободы, появился 24 января 1918 г. По постановлению Наркомата юстиции "О тюремных рабочих командах" при тюрьмах образовывались "рабочие команды для производства необходимых государству работ, не превышающих по тяжести работы чернорабочего"⁹.

Временная инструкция "О лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового" от 23 июля 1918 г. впервые установила обязательность труда в местах лишения свободы. Последующие циркуляры центрального карательного отдела НКЮ предусматривали создание специальных мастерских для заключенных, а также организацию работ вне тюрьмы.

Необходимость использования труда заключенных теоретически обосновал Ф.Э. Дзержинский. На одном из заседаний ВЦИК 17 февраля 1919 г. он изложил свой взгляд на проблему следующим образом: "Кроме приговоров по суду, необходимо оставить административные приговоры, а именно, концентрационный лагерь. Уже и сейчас далеко не используется труд арестованных на общественных работах, и вот я предлагаю оставить эти концентрационные лагеря для использования труда арестованных, для господ, проживающих без занятий, для тех, кто не может работать без известного принуждения или, если мы возьмем советские учреждения, то здесь должна быть применена мера такого наказания за недобросовестное отношение к делу, за нерадение, за опоздание и т.д. Этой мерой мы сможем подтянуть даже наших собственных работников. Таким образом, предлагается создать школу труда..."¹⁰ Как видим, перспективы

намечались бескомпромиссные и суровые: за нерадение и опоздание — на учебу в концлагерь.

Лагерная экономика как особая система хозяйства, основанная преимущественно на использовании различных видов принудительного труда, прежде всего труда заключенных, сложилась не сразу. Учитывая классовый, а позднее и экономический характер проблемы, советская власть уделяла значительное внимание вопросам организации принудительного труда. Межведомственное совещание представителей НКВД, НКЮ, ВСНХ, Наркомата труда и Главного комитета по всеобщей трудовой повинности, состоявшееся 18 декабря 1920 г., обязало Отдел принудительных работ НКВД, в ведении которого находились лагеря принудительных работ, "перейти к организации не только внутренних мастерских, но, главным образом, к организации производственных районов"¹¹. Для этой цели ВСНХ поручалось выделить ряд соответствующих предприятий, а мастерские лагерей включить в хозяйственный план губернских совнархозов.

К середине 1921 г. в лагерях НКВД насчитывалось 352 производственные мастерские и 18 совхозов¹². Кроме того, Главное управление принудительных работ НКВД для организации труда заключенных брало в аренду предприятия, а также формировало из заключенных артели, которые работали по подряду. Интересно отметить, что заказы разрешалось принимать только от советских учреждений. Среди крупных предприятий, на которых широко использовался труд осужденных, были подмосковные кирпичные заводы на станциях Крюково, Лианозово, Бескудниково; керамический завод в Красноярске, две ватные фабрики в Туле, типография в Москве, а также Брянский, Вологодский, Екатеринбургский и Владимирский кирпичные заводы. В марте 1922 г. при ГУПР НКВД было создано центральное хозяйственное управление, руководившее лагерными производственными предприятиями. Следует заметить, что, несмотря на относительно активную хозяйственную деятельность НКВД, ни о какой самокупаемости системы концлагерей, как предписывали декреты, не было и речи; лишь некоторым лагерям с большим трудом удавалось покрывать расходы на собственное содержание.

Было бы неверно утверждать, что принудительный труд заключенных играл сколько-нибудь существенную роль в экономике страны в годы Гражданской войны или в период нэпа. Однако именно в те годы закладывались основы буду-

щей лагерной экономики, ставшей впоследствии существенной частью хозяйственной системы Советского Союза.

Вопросы внутренней колонизации страны, которую планировалось осуществлять с помощью принудительного труда заключенных, разрабатывались уже в годы нэпа. Об этом мы можем судить по документу, оказавшему, на наш взгляд, значительное влияние на последующее становление и развитие лагерно-промышленного комплекса. Речь идет о секретной, строго конфиденциальной докладной записке заместителя председателя ВСНХ Г.Л. Пятакова председателю ВСНХ Ф.Э. Дзержинскому об организации поселений заключенных в перспективных экономических районах, датированной 10 ноября 1925 г.¹³

"При выяснении некоторых промышленных географических вопросов, — сообщал Г.Л. Пятаков, — я пришел к заключению о необходимости организации в некоторых местах принудительных поселений в целях создания мало-мальски элементарных культурных условий работы. Вероятно, с точки зрения разгрузки мест заключения, эти вопросы точно также имеют некоторый интерес. Я просил бы поручить ГПУ заняться этими вопросами..." Какие же экономические районы Г.Л. Пятаков считал перспективными?

Во-первых, это район устья Енисея между Полярным кругом и 70-й параллелью северной широты, где расположено Курейское месторождение графита. "Графит в этом месте прекрасного качества. Несмотря на тяжелые условия транспорта (заметим — не добычи, а только транспорта. — Г.И.), графит из этого месторождения обходится в Москве в два раза дешевле заграничного", — докладывал Пятаков. При надлежащем развитии работ, считал он, возможен даже экспорт графита. Там же месторождение каменного угля, и чуть севернее (верст 250) "знаменитое норильское месторождение полиметаллических руд", которое "имеет, по-видимому, громадный промышленный интерес (...) Руды содержат громадное количество кобальта, никеля, платины, осмия, иридия и других металлов". По мнению Пятакова, "выплавка из этих руд всех остальных металлов, кроме платины и ее спутников, окупает все работы по добыче и транспортировке руд, и таким образом, платину и ее спутники мы как бы получаем даром..." Заместитель председателя ВСНХ убежден, что если промышленный характер этого месторождения подтвердится, то здесь нужно будет создавать соответствующие предприятия. Кроме того, расположение района к северу от Туруханска, по мнению Г. Пятакова, "несомненно,

представляет из себя большой интерес и с точки зрения ГПУ в отношении создания там соответствующего поселения".

Вторым экономически перспективным районом Пятаков считал о. Сахалин. Он весьма убедительно доказывал, сколько хозяйственной выгоды можно получить в результате активной эксплуатации силами заключенных природных богатств острова.

Третий район — Киргизская степь (территория современного Казахстана). Здесь и медные и полиметаллические руды, и большое количество каменного угля. Кроме того, "географические условия в этом районе весьма благоприятны не только для горнопромышленной деятельности, но и для всякого рода деятельности сельскохозяйственной".

Четвертый район — Нерчинский округ, знаменитые сербросвинцовые каторжные рудники, прекратившие свое существование в 1907 г., несмотря на наличие богатых запасов сырья. Поддерживая мнение ВСНХ о необходимости возрождения свинцово-цинковых предприятий Нерчинского округа, Пятаков отмечал, что "использование этого района в целях разгрузки мест заключения и производительного использования рабочей силы заключенных могло бы содействовать возобновлению промышленной деятельности в этом районе".

Ограничившись перечислением четырех вышеназванных районов, Пятаков подчеркнул, что кроме них есть и другие "интересные с этой точки зрения районы". Председатель ОГПУ и по совместительству председатель ВСНХ СССР Ф.Э. Дзержинский, принимавший непосредственное участие в разработке экономической политики Советского государства, не нашел ничего предосудительного в предложении Пятакова сделать поселения заключенных (по сути, те же концентрационные лагеря) культурными и промышленными центрами громадных неосвоенных территорий. Дзержинский поручил сотрудникам ОГПУ Г.И. Благонравову и М.Ф. Фельдману подготовить по этому вопросу совместное заключение, а также "формально обосновать такое нововведение (каторжные поселения)"¹⁴.

Сегодня мы хорошо знаем основные места расположения лагерно-промышленных комплексов. Известно, что крупнейшие из них находились именно в районах, указанных Г.Л. Пятаковым. Вряд ли догадывался бывший революционер, какое глубокое воплощение и широкое распространение получит в недалеком будущем его кабинетная идея.

С начала 1930-х годов труд заключенных стал одним из важных факторов развития советской экономики. Как уже отмечалось, 11 июля 1929 г. на основе решений Политбюро ЦК ВКП (б) Совнарком СССР принял специальное постановление, не подлежащее опубликованию, об использовании труда заключенных. Правительство поручало ОГПУ расширить существующие лагеря и организовать новые в Сибири, на Севере, на Дальнем Востоке, в Средней Азии и в других трудно доступных районах Советского Союза "в целях колонизации этих районов и эксплуатации их природных богатств путем применения труда лишенных свободы"¹⁵. По мнению руководства ОГПУ, "новые лагеря под руководством чекистов так же, как и Соловецкие, должны сыграть преобразовательную роль в хозяйстве и культуре далеких окраин"¹⁶. Нарком юстиции РСФСР Н.М. Янсон считал, что "с точки зрения хозяйственной, лагеря должны стать пионерами заселения новых районов путем применения дешевого труда заключенных. Поэтому вопросы технического оборудования — второстепенны; задача лагерей — прочистить путь к малонаселенным районам путем устройства дорог, изучения местностей, приступа к эксплуатации природных богатств. Если эти места окажутся в смысле эксплуатации интересными, они будут переданы органам промышленности, а лагеря надо будет передвигать на новые места с теми же целями пионерства"¹⁷.

В 1929—1931 гг. на территории СССР сформировалась сеть концентрационных лагерей, официально переименованных к тому времени в исправительно-трудовые, многие из которых уже в момент организации имели четко выраженную отраслевую направленность — лесозаготовительные, сельскохозяйственные, нефте- и угледобывающие, горно-металлургические, строительные и т.д. К началу 1932 г. ГУЛАГ ОГПУ объединял 15 лагерных комплексов, официально именуемых управлениями ИТЛ. В их числе наиболее известными были Соловецкое, Беломорско-Балтийское, Ухто-Печорское, Свирское, Темниковское, Вишерское, Кунгурское, Среднеазиатское, Сибирское, Дальневосточное и другие лагерные управления.

Следует оговориться, что официальное гулаговское делопроизводство содержит документы, в которых один и тот же лагерный комплекс называется то лагерем, то управлением и имеет к тому же несколько, не всегда схожих, названий, что вызывает определенные трудности при изучении структуры ГУЛАГа. «Дело в том, — отмечают авторы справочника

"Система исправительно-трудовых лагерей в СССР", — что в источниках терминология строго не формализована, и это в отдельных случаях допускает возможность неоднозначного истолкования. Так, даже в приказах НКВД—МВД (наиболее терминологически формализованных документах) понятие "лагерь" используется и как синоним "ИТЛ", "управления ИТЛ", и как синоним словосочетаний "отдельный лагерьный пункт", "лагерьный пункт", "лагерное отделение" (т.е. служит для обозначения места, где непосредственно содержали заключенных)¹⁸.

Как любое советское учреждение, ГУЛАГ неоднократно реорганизовывался, переименовывался; лагерные управления разрастались, делились, иногда объединялись; меняли структуру, названия и даже производственный профиль, но их антигуманный характер и эксплуататорская сущность оставались неизменными.

Сегодня трудно сказать, знал ли кто-нибудь в Советском Союзе, что 28 июня 1930 г. в Женеве Международная организация труда приняла конвенцию относительно принудительного и обязательного труда. Капиталистическое окружение брало на себя обязательство "упразднить применение принудительного или обязательного труда во всех его формах в возможно кратчайший срок"¹⁹, а родина социализма тем временем без широковещательных заявлений и тоже в кратчайший срок создавала невиданную в мире систему эксплуатации подневольного труда.

Несколькими годами раньше, а именно 25 сентября 1926 г., Лига Наций приняла в Женеве Международную конвенцию по рабству, которая вступила в силу 9 марта 1927 г. Статья 5 этой Конвенции гласила: "Высокие договаривающиеся стороны признают, что обращение к принудительному или обязательному труду может иметь тяжкие последствия, и обязуются каждая в отношении территорий, подчиненных ее суверенитету, юрисдикции, покровительству, сюзеренитету или опеке, принять нужные меры для избежания того, чтобы принудительный или обязательный труд не создал положения, аналогичного рабству"²⁰. Именно эта статья до середины 1950-х годов оставалась для Советского Союза главным камнем преткновения в вопросах сотрудничества с международными организациями по проблеме рабства.

По вполне понятным причинам, СССР не присоединился ни к той, ни к другой конвенции. В соответствии с официальными заявлениями советского руководства, ни проблема принудительного труда, ни проблема рабства, как их пони-

мали в буржуазных странах, не имели никакого отношения к Советскому Союзу²¹.

Иным было мнение мировой общественности. Кстати, Международную конвенцию по рабству уже к началу 1930-х годов ратифицировали 26 стран, а всего к ней присоединились около 40 стран²². Просочившиеся на Запад сведения о широком использовании труда заключенных, и в частности, на лесозаготовках, вызвали в ряде стран шумные кампании против применения принудительного труда в СССР, появились воззвания, протесты, петиции. Дело дошло до того, что некоторые страны, в том числе Франция, Швеция, Англия и ряд других, отказались покупать советский лес, который был в тот период для СССР главным предметом экспорта. Лига Наций настаивала на проверке на месте всех известных ей фактов применения принудительного труда в СССР.

Все это потребовало от Советского правительства принятия срочных, неординарных решений. На уровне высшего руководства с опровержениями выступил В.М. Молотов. В речи 8 марта 1931 г. на VI съезде Советов СССР он заявил: «Буржуазная пресса особенно извращается во лжи насчет условий труда в наших *северных районах*, на лесозаготовках. Нагорожена куча выдумок и клеветы о "принудительном труде" в этих районах. При участии многих видных деятелей буржуазии в Англии, Франции и Америке идет кампания против ввоза советского леса и др. на том основании, что якобы это — продукты "принудительного труда", и будто именно продукты труда заключенных. Все это, конечно, прикрывается соображениями "высокой" морали».

Молотов признавал, что труд заключенных действительно используется на строительстве дорог в Карелии и в Северном крае ("нельзя не признать, что это нужные для страны работы"), подтвердил, что силами заключенных начато строительство Беломорско-Балтийского канала, и, уверенный в своей большевистской правоте, с вызовом заявил: "Какой бы вой ни поднимала буржуазная пресса за границей, мы не откажемся от этих работ и от применения труда заключенных в этом строительстве. Пусть и труд заключенных идет на пользу народов СССР". Однако он категорически отрицал причастность заключенных к производству экспортной продукции. В качестве доказательства Молотов предложил представителям зарубежных государств и иностранным журналистам, проживающим в Москве и пользующимся свободой передвижения, "при поездках на места...

убедиться в том, что работа по экспортным товарам, хотя бы по тому же экспортному лесу, не имеет никакого отношения к труду заключенных и, следовательно, вообще не имеет отношения к какому-либо принудительному труду"²³. Руководствуясь, по-видимому, соображениями "высокой" морали, председатель Совнаркома грубо лгал во спасение своей социалистической Родины.

На долю Главного управления лагерей ОГПУ выпала задача представить ложь правдой. Разделкой и погрузкой экспортного леса занимались Северные лагеря ОГПУ особого назначения (УСЕВЛОН), в которых на 1 января 1931 г. содержалось 49 716 заключенных²⁴. Когда пришло сообщение, что проверочная комиссия направляется в г. Котлас (Архангельская область), место дислокации лагерного управления, ГУЛАГ отдал приказ о срочной ликвидации расположенного там Котласского пересыльного пункта. Невольным свидетелем того, как этот приказ был исполнен на практике, оказался заключенный Вацлав Дворжецкий, посвятивший впоследствии описанию этих событий пару страниц своих воспоминаний. Заглянем в эти страницы:

«И вдруг — аврал! Эвакуация лагеря! Ликвидация!

Сразу отменили развод. Прибили на ворота большую вывеску: "Общежитие рабочих Северолеса. Котласское отделение". Лозунги снимали. Людей стали выводить по спискам, группами, с вещами. Хлеба выдавали на пять дней. Погружали в товарные вагоны, подписывали мелом: "пропс", "баланс", "шпала", пломбировали вагоны и загоняли в тупики. Делалось все быстро, организованно, по заранее намеченному плану.

В зоне шла полная перестройка. Появились разные вывески и плакаты. Например, "Клуб рабочих Северолеса". В бараках убрали нары, привезли и поставили койки с постелью, тумбочки и прочее. Сплошная маскировка (...)

И вот товарный вагон, без нар и без печки... дыра зарешеченная в середине. Солома на полу. Пятьдесят человек, заключенных на разные сроки, по разным статьям, разного возраста... Выжить! Еще сутки! Еще день! На третий день без воды выли всеми тупиками, всеми вагонами!

Это надо слышать, видеть! Выли, орали, стучали те, кто еще был жив! Далеко был слышен звериный, страшный ор! Некоторые, более дружные, раскачивали и переворачивали вагоны, ломали их. Стрельба, шум, крики.

Привезли, наконец, кипяток, перегрузили всех в этапный эшелон. Опять переключка.

Мертвые остались, живых повезли ... Поехали! Куда?»²⁵

Пути заключенных неисповедимы. Держать осужденного в полном неведении относительно его ближайшего будущего и дальнейшей судьбы — эту устоявшуюся традицию лагерная администрация соблюдала свято. Спустя много лет, уже в середине 1950-х годов, заместитель начальника политотдела ГУЛАГа А.В. Снегов, только недавно вышедший из заключения и реабилитированный в 1954 г., с горечью признавался: "У нас до сего времени все обставлено секретами. Мы заключенному врем, если этап отправляется на север, мы ему говорим, — на юг", и делал соответствующий вывод: "Основная причина заключается в том, что мы обращаемся к заключенному не как к человеку, а как к бесправной рабочей силе"²⁶.

География лагерно-промышленных комплексов ширилась день ото дня. 11 ноября 1931 г. ЦК ВКП (б) принял специальное постановление о Колыме, в котором говорилось: "Для форсирования разработки золотодобычи в верховьях Колымы образовать специальный трест с непосредственным подчинением ЦК ВКП (б) (...) Установить ориентировочно следующую программу добычи золота: к концу 1931 г. - 2 тонны; 1932 г. - 10 тонн и в 1933 г. - 25 тонн"²⁷. Наблюдение и контроль за деятельностью треста возлагались на заместителя председателя ОГПУ Г.Г. Ягоду. Директором нового треста, получившего сокращенное название "Дальстрой", был назначен чекист Э.П. Берзин, до этого возглавлявший Вишерский лагерь.

Для обслуживания производственных подразделений Дальстроя требовалась рабочая сила. С этой целью секретным приказом ОГПУ от 1 апреля 1932 г. был организован Северо-Восточный лагерь ОГПУ. В приказе, в частности, говорилось: «В 1932 г. в сроки и в количествах определяемых "Дальстроем", сообщаемых ГУЛАГУ заранее (не менее чем за 1 мес), выделить для вновь формируемого Севвостлага 16 000 вполне здоровых заключенных с соответствующим количеством административно-хозяйственного лагерного персонала охраны из заключенных»²⁸. Все расходы по организации и снабжению лагеря, по перевозке и оплате труда заключенных относились на счет Дальстроя.

Первоначально этот трест, официально именуемый Государственный трест по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы, подчинялся непосредственно Совету труда и обороны СССР, а после упразднения последнего — СНК СССР. В октябре 1932 г. район

деятельности Дальстроя решением ЦК ВКП (б) был выделен в самостоятельную территорию, входившую в Дальневосточный край. В ведение НКВД СССР трест перешел в соответствии с постановлением СНК СССР от 4 марта 1938 г., тогда же он был переименован в Главное управление строительства Дальнего Севера (ГУСДС), однако сокращенное название "Дальстрой" осталось без изменений. Район деятельности Дальстроя постоянно увеличивался, в начале 1951 г. по представлению МВД СССР Президиум Верховного Совета СССР расширил территорию Дальстроя до 3 млн кв. км. На 1 января 1951 г. за Дальстроем числилось 181 958 заключенных²⁹.

Говоря о развитии лагерной экономики, следует отметить, что, несмотря на интенсивный рост числа лагерей, главным объектом эксплуатации со стороны государства в начале 1930-х годов были не заключенные, а спецпереселенцы (в основном крестьяне), численность которых в тот период в несколько раз превышала количество лагерников. По официальным данным отдела спецпереселений ГУЛАГа ОГПУ, только за 1930—1931 гг. в ссылку на спецпоселение было отправлено 1 803 392 человека³⁰. Число заключенных, содержащихся в лагерях ОГПУ, составляло на 1 января 1932 г. (по официальным данным) 268 700 человек³¹.

Принудительный труд спецпоселенцев активно использовался в лагерной экономике на протяжении всех лет существования ГУЛАГа. Что касается условий труда и его оплаты, то формально ссыльные различных категорий имели равные права с вольнонаемными работниками. Однако в реальной жизни "хозяйственное использование" спецпереселенцев, лишенных права передвижения и свободного выбора местожительства, приобретало характер откровенной эксплуатации.

Правовое положение всех ссыльных граждан было таково, что их в любой момент "по производственным соображениям" могли насильно переселить из одного района в другой, при этом никого не интересовало, что людям пришлось бросать с трудом нажитое имущество, дом, подсобные строения. Мало кто из советских руководителей заботился и о создании нормальных жилищно-бытовых условий для спецпереселенцев, хотя на этот счет существовали специальные инструкции ОГПУ и приказы НКВД. Труд спецпереселенцев использовался в разных отраслях народного хозяйства, но чаще всего там, где были тяжелые, низкоквалифицированные и малооплачиваемые работы. Широкое

применение подневольного труда тормозило развитие производительных сил, отрицательно сказывалось на совершенствовании техники и технологий производства.

В целом, в лагерной экономике доля труда спецпоселенцев была хотя и значительной, но не определяющей. Основу гугаговского хозяйства составляли лагеря с их огромным резервуаром мобильной и практически бесплатной рабочей силы. За годы первых пятилеток в Советском Союзе были построены не только тысячи промышленных предприятий, но и сотни лагерных комплексов и колоний, которые органично вписались в систему экстенсивного советского хозяйства, основанного на директивности, внеэкономических методах принуждения и уравнительности. Отсутствие развитых средств производства и экономических стимулов делали труд как на воле, так и за колючей проволокой одинаково малоэффективным и низкопроизводительным. Однако рабочим, поступавшим на стройки и предприятия по вольному найму, хотя и мало, но все же платили, тогда как труд заключенного был, по сути, дармовым. Бесплатность принудительного труда, создававшая иллюзию его дешевизны, была очень привлекательна для директивной экономики, обладавшей высокими мобилизационными способностями, но отнюдь не материальными стимулами.

Первенцем лагерной экономики по праву считается Беломорско-Балтийский канал, строительство которого велось силами заключенных двух лагерей ОГПУ—УСЛАГа и Белбалтлага с 1931 по 1933 г. Не будем подробно останавливаться на истории строительства, т.к. она достаточно полно освещена в литературе³², отметим лишь некоторые характерные особенности.

Эта лагерная стройка, как и все последующие, началась без технического проекта, когда еще не были завершены топографические и геологические работы, развернулась в осенний период в условиях полного отсутствия жилья, дорог, механизмов, автотранспорта, ну и, естественно, всего остального, в том числе и достаточного количества продовольствия. В ходе строительства власти делали попытки улучшить материальное снабжение отдельных групп заключенных, особенно на завершающем этапе работ, чтобы стимулировать производительность, но все равно условия труда оставались крайне тяжелыми, что приводило к массовой гибели людей от болезней и истощения.

Страшную память оставила о себе эта смертоносная стройка. В автобиографической повести "Полжизни" быв-

шего заключенного Белбалтлага Д.П. Витковского есть немало страниц, посвященных строительству канала, на одной из них читаем:

"Пришла зима, суровая, вьюжная, морозная. Земля, лишенная толстого мохового покрова, сразу промерзла и превратилась в схватившуюся, как бетон, смесь супеси, гальки и валунов. Хоть бей ломом, хоть грызи зубами, больше сотки в день не выгрызешь. А норма — 2 кубометра в день. И к тому же дует пронизывающий морозный ветер, а обутки прохудились, и ноги кажут наружу пальцы. И бушлатики жидковаты. И в ослабевающих мускулах совсем нет никакого греющего запаса... А там на трассе холод и пронизывающий ветер сразу уносят остаток сил. И все равно ничего не сделаешь, незачем зря рыпаться. Так хорошо сесть в глубине котлована, в затишке, прислонившись к забою, или лучше спиной друг к другу, или полуспрятавшись под опрокинутой тачкой.

А ночью, во тьме, когда все уже уйдут, и не останется больше живых на трассе, приедут широкие сани, запряженные лошадьми, и увезут навалом всех, кто не смог уйти...

Сколько их было на всем канале? Десять тысяч? Двадцать? Сорок? Кто-нибудь знает"³³.

Документы свидетельствуют, что многие лагерники умерли, проработав на канале всего два — три месяца³⁴. Подобная "организация производства" стала в лагерной экономике традицией, не меняясь в течение десятилетий.

Первым прошел Беломорско-Балтийский водный путь пароход "Чекист", это было 25 июня 1933 г. Таким образом, все строительство продолжалось 1 год и 9 месяцев. Срочность (чаще всего ничем не обусловленная, искусственно поддерживаемая пропагандой) — еще одна характерная черта лагерного производства.

Правительственная пусковая комиссия констатировала, что "сооружение Балтийско-Беломорского водного пути, выполненное в исключительно трудных и разнообразных геологических и гидрологических условиях в рекордно короткий срок, является крупной победой Союза Советских Социалистических Республик на фронте индустриализации и усиления обороноспособности страны"³⁵. В качестве неременного комментария к этим строкам во всех публикациях добавлялось, что Панамский канал строился 28 лет, а Суэцкий — 10.

18 июля 1933 г. осмотр "этого величайшего в мире гидротехнического сооружения" осуществили И.В. Сталин, К.Е. Ворошилов, С.М. Киров, под чьим непосредственным

наблюдением велось строительство, а также другие официальные лица. Очевидцы этого события вспоминали: "Иосиф Виссарионович был, должно быть, очень доволен: он подошел к Сергею Мироновичу, крепко пожал ему руку и при всех обнял и поцеловал его"³⁶. Анализируя историю строительства легендарного канала, трудно однозначно ответить на вопрос, что для Сталина было важнее и главнее в этом деле — пропагандистский эффект или экономический? Похоже, пропагандистский эффект был важнее.

Отличительной особенностью первой лагерной стройки была ее реальная финансовая дешевизна. В денежном измерении канал обошелся, по официальным данным, в 95,3 млн руб. вместо 400 млн руб., предусмотренных эскизным планом. В основном такая экономия объяснялась двумя причинами: минимальными расходами на орудия труда и рабочую силу, а также небольшими затратами на содержание аппарата ОГПУ — на Беломорстрое работали всего 37 кадровых чекистов на 140 тыс. заключенных³⁷.

Столь малая численность представителей ОГПУ на строительстве канала объяснялась, на наш взгляд, исключительно тем, что стройка не была засекреченной, ее не окутывал покров государственной тайны, как большинство последующих строек ГУЛАГа, а, следовательно, не было необходимости держать многотысячный штат профессиональных охранников, конвоиров, оперчекистов, политработников и прочих сотрудников лагерной администрации, призванных эту тайну охранять. На постройке канала абсолютно все виды работ, начиная от составления технического плана и кончая охраной заключенных, выполнялись самими заключенными.

Начальником работ на Беломорстрое был Н.А. Френкель, амнистированный со снятием судимости в 1932 г. Этому человеку незаурядных организаторских способностей, необычайной изворотливости и легендарной работоспособности молва приписывала создание концепции лагерной экономики³⁸. О Френкеле рассказывали, что еще в 1920-е годы, будучи с 1924 по 1927 г. узником Соловецкого концлагеря, он разработал проект перевода лагеря на полную самокупаемость и двинул этот проект вверх по инстанциям. Предложения Френкеля коренным образом изменяли всю систему работы концлагерей, предоставляя государству возможность получать максимальную выгоду от использования рабочей силы заключенных. Вскоре Френкель возглавил производственный отдел УСЛОН ОГПУ, а затем стал помощником началь-

ника Беломорстроя. Позднее в его незаурядной биографии был БАМ и другие стройки ГУЛАГа. Лагерное начальство высоко ценило инициативного работника. В 1936 г. с разрешения заместителя наркома М.Д. Бермана ему выдали 43 тыс. руб. на ремонт и меблировку квартиры. Колоссальная по тем временам сумма (напомним, что среднемесячная заработная плата рабочих в тот период по стране не превышала 250 руб.) вызвала раздражение у многих рядовых сотрудников НКВД, и на партийных собраниях ГУЛАГа этот факт был расценен как "излишества в расходах"³⁹. В январе 1940 г. Н.А. Френкель возглавил вновь созданное Главное управление лагерей железнодорожного строительства и в течение семи лет оставался его бессменным руководителем, был награжден тремя орденами Ленина. Умер Френкель в 1960 г. в возрасте 77 лет в звании генерал-лейтенанта инженерно-технической службы⁴⁰.

Гидротехнические сооружения составляли особую привилегию лагерной экономики. Как истинно восточный деспот Сталин любил строить каналы. После Беломорско-Балтийского были канал Москва—Волга, Волго-Донской, Главный Туркменский, Самотечный канал Волга—Урал и др. И все это наполовину вручную, часто без особой хозяйственной надобности, не задумываясь о потерях и последствиях, ради демонстрации советского могущества, довольствуясь сиюминутным триумфом и сомнительной выгодой.

В годы первых пятилеток партийная пропаганда всеми доступными средствами насаждала в лагерной среде "пафос созидания". Девизом лагерных газет стал лицемерный постулат "Труд в СССР есть дело чести, дело доблести и героизма". Жизнь заключенного, оторванного от семьи, нормальной работы, дома, заполняли лозунги такого содержания: "Лагерники! На 150 процентов завершим земляные работы!"; "Каналоармеец! От жаркой работы растает твой срок!"; "Каждый лагерник может и должен быть перекован!"; "За новую перекованную женщину!"; "Ударникам — лучшее питание"; "Лагкор не только разоблачитель, но и организатор лагерников на выполнение программ"; "Стахановская работа — дорога к льготам". Позднее к этой лозунговой вакханалии прибавилось лагерное радио. Мощный динамик-громкоговоритель, приделанный на высоком столбе, чтобы не повредили заключенные, не умолкал с утра до конца рабочего дня, пропитывая сознание лагерника идеологическими штампами, приучая мыслить в заданном направлении.

Пропагандистский прессинг сочетался с "исправительно-трудовым". Для заключенных придумывались всевозможные "почины", "трудовые вахты", "салюты", насаждалось ударничество, стахановское движение и трудовое соревнование, которое, если верить отчетам лагерного начальства, охватывало чуть ли не 95% заключенных.

О "головокружительных успехах" хозяйственной деятельности ОГПУ—НКВД регулярно докладывали Сталину. Основным докладчиком по этим вопросам в первой половине 1930-х годов был заместитель председателя ОГПУ, а с июля 1934 г. нарком внутренних дел Г.Г. Ягода, под руководством которого осуществлялось строительство ряда крупных промышленных объектов. Современники отмечали незаурядные организаторские способности Ягоды, но основой достижений в области строительства было, несомненно, то обстоятельство, что с начала 1930-х годов ОГПУ располагало самыми, пожалуй, сильными кадрами инженерно-технических работников (из числа заключенных, разумеется). Бывший сотрудник экономического управления ОГПУ М.П. Шрейдер вспоминал по этому поводу: «В среде чекистов из уст в уста передавался такой эпизод. Как-то на заседании ЦК Сталин упрекнул Орджоникидзе в том, что у него плохо идут дела на некоторых важных стройках, поставив в пример положение на стройках, осуществлявшихся силами заключенных. "Пусть Ягода отдаст мне тех замечательных инженеров, которые руководят строительством объектов, подведомственных ОГПУ, — сказал якобы Серго, — тогда мои стройки будут не хуже, а лучше, чем у него"»⁴¹.

Важное место в идеологической обработке подневольных тружеников отводилось лагерной прессе. Газета "Перековка", например, выходящая с 1932 г. на строительстве канала Москва—Волга, видела свою главную задачу в том, чтобы "поднять массу лагерников на борьбу за скорейшее выполнение плана строительства канала". В одном из номеров "Перековки" начальник лагерной стройки Л.И. Коган объяснял строителям-арестантам: "Тот, кто выставлял обязательным условием сотни экскаваторов, паровозов и т.д., — тот строить канал не хочет... Ориентируйтесь на лопату, тачку, грабарку и ручное бурение... Хорошо и нужно знать математику, но мертва она для строителя, если он не знает поправочных коэффициентов на большевистскую волю, на социалистические методы организации труда"⁴².

Лагерная экономика росла и крепла из года в год. Силами заключенных строились не только каналы, дороги и пло-

тины, но и целые города — Норильск, Магадан, Братск, Джезказган, Салехард, Комсомольск, Находка, Воркута и десятки других, многие из которых так и не появились на картах, оставаясь засекреченными городами-призраками.

С чего начинался гугаговский город? "Коренной" воркутянин Павел Негретов описал рождение одного из центров ГУЛАГа так: «Оседлая жизнь на реке Воркуте началась в 1931 г. Угольная шахта, заложенная на ее правом берегу, дала название поселку Рудник, теперь микрорайону города. В 1937 на левом берегу была заложена шахта Капитальная. Там, где теперь улицы Московская и Шахтная, был лагерь, потом его перенесли на другую сторону шахты, западную, а на месте зоны стал строиться вольный поселок, который в ноябре 1943 года был преобразован в город Воркуту. Было тогда в новом городе мало вольных и много заключенных.

Лагерь и зона вызывают представление о колючей проволоке, но доставлять ее на Воркуту было сложно, и в первые годы Рудник окружен был где проволокой, где дощатым забором, а где и вовсе ничего не было, — стояли только метровой вышины колья, а на них дощечки с надписью черной краской: "Запретная зона"⁴³.

В 1930-е годы ГУЛАГ развивался не только вширь. Совершенствовались его организационно-управленческие структуры, приспособляясь к решению крупномасштабных экономических задач, ужесточалась карательная политика. В лагерях стали повсеместно оборудоваться штрафные изоляторы (ШИЗО), деятельность которых, условия и порядок содержания в них заключенных регламентировались Временной инструкцией 1939 г. о режиме содержания заключенных в штрафных изоляторах ИТЛ и ИТК НКВД СССР. В штрафных изоляторах, ставших в руках лагерной администрации оптимальным средством расправы с непокорными и неугодными личностями, заключенные помещались в одиночные камеры, на работу их не выводили, постелей не давали, горячую пищу в виде баланды штрафники получали один раз в 3 дня. Максимальный срок содержания в штрафном изоляторе устанавливался в 20 суток, выдержать который удавалось далеко не всем осужденным.

Говоря о внутрилагерной системе наказаний, нелишне отметить, что руководство ГУЛАГа весьма неодобрительно относилось к тем комендантам лагерей, у которых число штрафников выходило за рамки разумного. Таких ретивых тюремщиков не раз прорабатывали на закрытых партийных собраниях, предлагая найти иные подходящие средства для

наказания нарушителей. Причина такой "гуманности" предельно ясна — на каждом штрафнике лагерь терял рабочие человеко-дни, а следовательно, наносил ущерб государству.

Постепенно менялся и "общественный статус" заключенного. Вплоть до осени 1937 г. в пропагандистской литературе, служебной переписке и даже в официальных документах наблюдалось стремление избегать слова "заключенный". Узников ГУЛАГа чаще называли "лесорубами", "ударниками", "стахановцами" и т.п. Термин "стахановец" вообще очень активно использовался в официальной лагерной лексике середины 1930-х годов. Для хорошо работавших заключенных в лагерях оборудовались "стахановские бараки", на кухнях создавались "стахановские котлы" и т.п.

Еще в 1936 г. на железнодорожных станциях можно было нередко наблюдать такую картину: идет эшелон с заключенными, на вагонах — знамена, лозунги о стахановском движении, портреты вождей — Сталина, Кагановича, плакат с надписью "Мы, стахановцы, едем на ударную стройку", и здесь же часовые с винтовками и решетки на окнах, через которые эти самые "стахановцы" на вольных поглядывают. Только после того, как однажды в Петрозаводске кто-то из высокого лагерного начальства обратил внимание на подобную ситуацию и понял ее абсурдность, положение изменилось. В сентябре 1937 г. культурно-воспитательный отдел (КВО) ГУЛАГа дал развернутые указания — заключенных стахановцами не называть, поскольку это явная политическая ошибка⁴⁴.

Вскоре из гулаговской терминологии исчезли не только "лагерники-ударники", "герои каналов истроек", но и просто "лагерники". На смену естественным выражениям "лагерное население", "лагерная общественность" и т.п. пришли административно-бюрократические термины "контингент", "спецконтингент", "рабочий фонд". Самым распространенным названием заключенного с конца 1930-х годов стало официально принятое сокращение "з/к", во множественном числе "з/к з/к", в устной речи употреблялось слово "зэка", не имевшее, по свидетельству В. Шаламова, формы множественного числа⁴⁵.

В соответствии с директивой политотдела ГУЛАГа от 23 сентября 1940 г. об употреблении званий для заключенных, показывающих высокие результаты труда, всем лагерным сотрудникам предписывалось «не именовать впредь заключенных в устной и письменной форме во всех документах "передовиками производства", "лучшими людьми"

и т.п., а именовать только "з/к, работающие по-ударному", и, как самое высшее, — "з/к, работающие методами стахановского труда"»⁴⁶.

Во второй половине 1930-х годов происходит всестороннее засекречивание деятельности ГУЛАГа. Страна покрывается сетью "почтовых ящиков", "спецобъектов", "подразделений", "хозяйств", "леспромхозов", и нигде ни звука о лагерях и их обитателях. В практику работы лагерно-производственных комплексов широко входят так называемые "подписки о неразглашении". Так, например, в 1936 г. вольнонаемные сотрудники Мосволгостроя при поступлении на работу давали подписку следующего содержания: "Даю настоящую подписку управлению строительства Москва—Волгострой в том, что нигде, никому и ни при каких обстоятельствах не буду сообщать какие бы то ни было сведения, касающиеся жизни, работ, порядков и размещения лагерей НКВД, а также и в том, что не буду вступать с заключенными ни в какие частные, личные отношения и не буду выполнять никаких их частных поручений. Мне объявлено, что за нарушение этой подписки я подлежу ответственности в уголовном порядке как за оглашение секретных сведений. Родственников и знакомых, содержащихся в Дмитлаге НКВД СССР как заключенных, я не имею (если имеет, то указать, кого именно)"⁴⁷. На подписке ставились число, подпись, указывались место работы и должность поступающего на работу сотрудника. Подписка имела гриф "совершенно секретно".

Об интенсивном процессе засекречивания жизни советских людей свидетельствовал тот факт, что в 1936 г. перечень сведений, составлявших государственную тайну, включал 372 циркуляра, а через год к ним прибавилось еще 300⁴⁸.

Тотальная цензура свирепствовала не только на воле, но и за колючей проволокой. На всех номерах лагерных газет стоял один из грифов следующего содержания: "Распространение газеты вне лагеря воспрещается"; "За пределы лагеря не выносить"; "Не подлежит распространению за пределы лагеря". Сотни цензоров бдительно следили, чтобы в гулаговскую прессу не просочились случайные, пусть даже косвенные сведения о географии лагеря, об адресе редакции, о характере работ, выполняемых заключенными.

Тема секретности стала особенно актуальной в 1938 — 1939 гг. в период борьбы "с последствиями вредительства в системе НКВД". "Документы, с которыми мы имеем дело, все секретные, есть менее секретные, и более секретные,

но секретные абсолютно все документы", — подчеркивал в своем выступлении на партийном собрании ГУЛАГа в августе 1938 г. начальник ГУЛАГа И.И. Плинер⁴⁹.

Такая всеобщая секретность требовала больших материальных затрат, ведь вся секретная корреспонденция доставлялась специальными курьерами. Только за 1940 г. фельдсвязью НКВД СССР было перевезено 25 млн секретных пакетов. При этом центральный аппарат фельдсвязи доставил 675 тыс. секретных пакетов и перевез 537 т грузовой секретной корреспонденции, за что 274 курьера НКВД получили правительственные награды⁵⁰. Кроме того, сотрудники наркомата, имевшие доступ к особо секретным документам, получали специальную надбавку к зарплате, что являлось хорошим стимулом для упрочения режима секретности.

В ГУЛАГе под категорию "особо секретно" подходили, прежде всего, сведения о работе 3-го отдела (оперативного) и 2-го (учетно-распределительного), об агентурной работе, отдельные вопросы санитарного отдела, работа отдела топливной промышленности, а также все сведения о вторых железнодорожных путях, строившихся силами заключенных преимущественно на Дальнем Востоке.

Хозяйственная деятельность НКВД СССР заметно активизируется с 1938 г. С конца 1930-х годов лагерная экономика обретает планомерный, крупномасштабный и четко выраженный военно-промышленный характер. В этот период резко возрастает численность заключенных и заметно удлиняются сроки наказания. Если в 1936 г. в СССР было 13 крупных лагерно-промышленных комплексов с объемом строительных работ на сумму 1,2 млрд руб., то весной 1938 г. их становится уже 33, а объем капитального строительства возрастает до 2,6 млрд руб. Только за зиму 1937/38 г. НКВД организовал 13 новых лагерей, преимущественно лесного профиля, в которых разместил более 600 тыс. вновь поступивших заключенных⁵¹. ГУЛАГ превращался, по выражению его сотрудников, в "огромный комбинат", который строил, добывал, производил, выращивал, конструировал и т.д.

Расширение сферы экономической деятельности НКВД СССР в значительной мере было связано с тем, что в его ведение переходили стройки и предприятия, подчинявшиеся ранее другим, преимущественно гражданским, ведомствам. Наряду с такими гигантами, как Дальстрой, в ведение НКВД в 1938—1940 г. были переданы многие относительно небольшие хозяйственные объекты. Так, например,

строительство Соликамского сульфит-целлюлозного завода ("Соликамбумстрой") с 1936 по 1938 г. осуществлял Наркомлес СССР. Постановлением СНК СССР от 17 мая 1938 г. строительство комбината было поручено НКВД. На этом промышленном объекте работало 8434 человека, из них вольнонаемных — 1121, заключенных — 7313.

Строительство Архангельского целлюлозно-бумажного комбината с 1935 по 1938 г. также вел Наркомлес СССР, в июне 1938 г. выполнение строительных работ было поручено НКВД. Здесь из 8 тыс. работающих было вольнонаемных 1184 человека, заключенных — 6816.

Важнейшая засекреченная стройка оборонного значения — Архангельский судостроительный завод (Стройка № 203) — трижды меняла своих хозяев. Строительство, начатое летом 1936 г. по решению ЦК ВКП (б) и постановлению СТО, до сентября 1937 г. вел Наркомат тяжелой промышленности, затем работы продолжил Наркомат оборонной промышленности, а с середины 1938 г. строительство этого военно-промышленного объекта было поручено Наркомату внутренних дел СССР. На строительстве завода, полная сметная стоимость которого составляла 1 591 млн руб., работали 42 964 человека, из них 9720 — вольнонаемные и 33 244 — заключенные⁵².

Из Наркомата цветной металлургии в ведение НКВД в 1940 г. было передано строительство и эксплуатация горно-металлургического комбината "Североникель", расположенного на Кольском полуострове. Одновременно с комбинатом там же строился город на 30 тыс. жителей. В работах по строительству и эксплуатации были заняты 13 654 вольнонаемных сотрудника, 21 111 человек — заключенные строители.

С 1938 г. крупнейшее Джекказганское месторождение меди в Карагандинской области, где выявленные запасы меди составляли 24% всех запасов СССР, осваивал Наркомат цветной металлургии. Однако в начале 1940 г. на основании постановления ЦК ВКП (б) и СНК СССР этим месторождением занялся НКВД, приступивший к строительству Джекказганского медеплавильного комбината, ориентировочная стоимость которого оценивалась в 680 млн руб. Строительство на начальном этапе осуществляли 1858 вольнонаемных работников и 10 869 заключенных⁵³.

Здесь приведены лишь несколько примеров из сложившейся практики, показывающих один из путей формирования лагерно-промышленного комплекса. Следует обратить

внимание на то, что на всех объектах НКВД наряду с осужденными работали также и вольнонаемные граждане, однако их, как правило, было в 4 — 5 раз меньше, чем заключенных. На некоторых объектах, как, например, на строительстве Сегежского целлюлозно-бумажного и лесохимического комбината ("Сегежстрой") практически все работы выполнялись заключенными, их было в 9 раз больше, чем вольнонаемных сотрудников (7358 заключенных и 813 вольнонаемных)⁵⁴.

Валовой объем промышленной продукции, выпускаемой ГУЛАГом, увеличивался довольно быстрыми темпами: в 1938 г. было выпущено продукции на 1,5 млрд руб., в 1939 г. — на 2,5 млрд, в 1940 г. — на 3,7 млрд, план 1941 г. составил 4,7 млрд руб. При этом доля так называемого "ширпотреба" в общем объеме промышленной продукции ГУЛАГа была относительно невелика и составляла в планах на 1941 г. 1,1 млрд руб.⁵⁵ Накануне войны удельный вес некоторых видов продукции, выпускаемой промышленными предприятиями НКВД, в общем объеме народного хозяйства страны составлял: никеля — 46,5% , олова — 76, кобальта — 40, хромитовой руды — 40,5, золота — 60, лесоматериалов — 25,3%. Объем лагерного производства цветных металлов достиг 40% от объема продукции, выпускаемой предприятиями Наркомцветмета. В 1940 г. в систему НКВД наряду с "Североникелем" был передан и ряд других металлургических предприятий⁵⁶.

Лесозаготовительные работы ГУЛАГа составляли 50% от аналогичного производства Наркомлеспрома. ГУЛАГ поставил народному хозяйству страны в 1938 г. 31 млн куб. м древесины, в 1939 г. — 44 млн (при плане 51 млн куб. м). Кроме того, лагерные управления заготавливали лес и для собственных нужд.

Угольные бассейны НКВД дали стране в 1940 г. 4,3 млн т угля, на 1941 г. план составил 5,3 млн т. Добыча угля производилась четырьмя предприятиями Управления лагерей топливной промышленности: Райчихлагом (Амурская область), Букачачлагом (Читинская область), на Воркуте (Коми АССР) и на Гусином Озере (Бурятская АССР). Райчихинское месторождение за предвоенные годы дало 85% всей угледобычи Хабаровского края (3,5 млн т), это было самое крупное в Советском Союзе месторождение, где добыча угля велась открытым способом. В конце 1938 г. здесь работали более 8 тыс. заключенных⁵⁷.

Проблема развития топливной базы относилась к числу наиболее острых проблем советской экономики. По реше-

нию партии и правительства в конце 1930-х годов началось интенсивное освоение Ухто-Печорского бассейна, где силами заключенных велась добыча угля, нефти, газа и других энергоресурсов. В 1938 г. огромный лагерный комплекс Ухтпечлаг (на 1 января 1938 г. в нем содержалось 54 792 заключенных), расположенный в районе Полярного круга на обширной территории европейской части Северо-Востока России, был разделен на четыре самостоятельных лагеря: Ухто-Ижемский, Воркутинский, Северный железнодорожный и Устьвымский. Партийное руководство страны возлагало большие надежды на этот район и вкладывало в его развитие значительные средства. Предполагалось, что созданный здесь Ухтинский комбинат НКВД СССР, кроме всего прочего, станет основным поставщиком топлива для Северного морского флота. Попутно можно заметить, что с целью "быстрейшего развития производительных сил в Северо-Восточной части СССР" СНК СССР и ЦК ВКП (б) постановлением от 9 мая 1940 г. разрешили НКВД СССР "направлять в исправительно-трудовые лагеря и строительства НКВД из тюрем и колоний заключенных независимо от срока их осуждения"³⁸.

Вызывают интерес темпы, какими советское правительство предполагало вести добычу топлива в Ухтинском районе. Например, добычу угля планировалось увеличить с 280 тыс. т в 1940 г. до 12,5 млн т в 1945 г., а добычу нефти с 70 тыс. т в 1940 г. до 1 млн т в 1944 г.⁵⁹ Исполинским планам не суждено было сбыться, в противном случае за Полярный круг пришлось бы дополнительно этапировать не менее 1 млн заключенных.

В состав Ухтинского комбината НКВД входило также предприятие по производству радия — единственное в Советском Союзе. В 1939 г. здесь было добыто 13,8 г радиоактивного продукта, война помешала выполнению намеченного плана (18 г), тем не менее в 1944 г. добыча радия составила 16,75 г⁶⁰.

Традиционными для лагерной экономики оставались кирпичные заводы, которых в системе НКВД насчитывалось 83. Заключенные изготавливали ежегодно 206 млн кирпичей, а могли бы, по мнению гулаговского начальства, при хорошей работе выпускать 322 млн.

В колониях ГУЛАГа в больших количествах изготавливали так называемые товары широкого потребления ("ширпотреб"): обувь, трикотаж, алюминиевую посуду, скобяные изделия, конскую сбрую, мебель и др. Здесь так же, как и в

тяжелой промышленности, заметно выросли производственные задания. Например, план по выпуску мебели в 1938 г. увеличился с 30 млн до 150 млн руб. ГУЛАГ являлся основным и практически единственным в стране поставщиком кожтехнических изделий для оборонной промышленности и армии. С начала 1941 г. в колониях началось производство спецупорки, ставшей в годы войны одним из главных видов выпускаемой продукции.

Кроме промышленной продукции, заключенные производили и сельскохозяйственную. В 1940 г. в хозяйствах ГУЛАГа насчитывалось более 60 тыс. коров, 290 тыс. овец и свиней. Крупнейшим мясозаготовительным предприятием страны считался лагерь-совхоз Карагандинский, где содержалось более 150 тыс. овец и около 30 тыс. коров. Обслуживали это хозяйство 1225 вольнонаемных сотрудников, в том числе 382 агронома и инженерно-технических работника, 34 247 заключенных⁶¹. Основанное на принудительном труде хозяйство Карлага приносило значительные убытки — по 20 — 30 млн руб. ежегодно, падеж скота исчислялся десятками тысяч голов. В 1939 г. страдающие от голода и непосильного труда заключенные ГУЛАГа сдали государству 143 тыс. ц мяса (план — 160 тыс. ц) и 406 тыс. ц рыбы (план — 500 тыс. ц)⁶².

Перечислить все, что добывал и производил ГУЛАГ практически невозможно. К 1940 г. лагерная экономика охватывала 20 отраслей народного хозяйства, среди которых ведущими были цветная металлургия (на ее долю приходилось 32,1% всей товарной продукции ГУЛАГа), лесозаготовка (16,3%) и топливная промышленность (4,5%)⁶³.

Наряду с промышленным производством важнейшим элементом лагерной экономики было капитальное строительство. В 1940 г. на долю НКВД приходилось 11% всех капитальных вложений Советского Союза. В 1941 г. наркомат осуществлял строительство ряда крупных военно-промышленных объектов, общая стоимость которых ориентировочно оценивалась в 45 млрд руб. Из этой суммы на долю НКВД приходилось более 11 млрд, в том числе 3,6 млрд руб. — капитальные работы по строительству спецобъектов.

Объемы капитального строительства НКВД ежегодно возрастали: в 1938 г. они составили 3,1 млрд руб., в 1939 г. — 3,6 млрд, в 1940 г. — 4,4 млрд руб. На 1941 г. правительство запланировало наркомату выполнение капитальных работ на сумму 7,4 млрд руб., что составляло 167% от фактического объема работ, выполненных в 1940 г.⁶⁴

В 1938 г. в рекордно короткие сроки — за 8 месяцев — ГУЛАГ построил пять целлюлозно-бумажных заводов, имевших большое военное и промышленное значение, в их числе крупнейшие Сегежский, Соликамский и Архангельский целлюлозно-бумажные комбинаты. За выполнение в срок партийно-правительственного задания начальник Целлюлозно-бумажного отдела ГУЛАГа Г.М. Орлов, ставший впоследствии министром лесной промышленности, получил свой первый орден Ленина.

Для использования отходов целлюлозно-бумажных предприятий и расширения ассортимента выпускаемой продукции НКВД приступил на основании партийно-правительственного постановления от 9 июля 1939 г. к строительству трех предприятий по выпуску этилового спирта: Архангельскому и Соликамскому сульфитно-спиртовым заводам и Сегежскому гидролизному заводу. Но поскольку эти предприятия не удовлетворяли потребности страны в этиловом спирте, СНК СССР и ЦК ВКП (б) постановлением от 25 октября 1940 г. поручили НКВД построить силами заключенных и сдать в 1942 г. в эксплуатацию Главлесоспирту еще 11 аналогичных заводов, ориентировочной стоимостью 260 млн руб.⁶⁵

Однако война внесла коррективы в намеченные планы. Согласно приказу НКВД СССР от 28 июня 1941 г. "О прекращении работ по строительству НКВД в связи с началом войны", с 1 июля 1941 г. приостанавливались работы по строительству 41 предприятия. В перечень строек, подлежащих консервации, попали пять сульфитно-спиртовых и гидролизных заводов, расположенных, преимущественно, на территории Карело-Финской ССР, зато другие шесть заводов были объявлены специальным приказом НКВД от 11 июля 1941 г. "ударными сверхлимитными стройками на 1941 г."⁶⁶

В список "ударных сверхлимитных строек НКВД" попал в 1941 г. и Норильскстрой. Один из важнейших объектов лагерной экономики — Норильский никелевый комбинат — испытывал при строительстве большие трудности. "Для успешного освоения Норильского никелевого и угольного месторождения и строительства комбината проектной мощностью 10 000 т никеля в год с пуском его в 1938 г." СНК СССР 23 июня 1935 г. постановил: "Строительство Норильского никелевого комбината признать ударным и возложить его на Главное управление лагерями Наркомвнудела, обязав его организовать для этой цели специальный лагерь (...) Обязать НКВД СССР открыть эксплуатационные работы Норильско-

го месторождения с 1.1.1936 г.⁶⁷ Так воплощались в жизнь кабинетные прожекты десятилетней давности Г.Л. Пятакова. Однако на практике все было гораздо сложнее.

План строительства систематически не выполнялся, потери только от неквалифицированных проектов составили в 1939 г. более 4 млн руб. Прибывший на строительство в апреле 1938 г. новый директор комбината А.П. Завенягин сообщал в Москву о причинах хронического отставания: "Крайняя неорганизованность стройки — нет главного строителя и элементарного аппарата. Никто не занимается организацией производства, нормами и зарплатой, проектом. Не организованы работы на объектах. Этим объясняется безобразно низкая производительность труда"⁶⁸.

Не лучше обстояли дела и на других крупнейших лагерных стройках: в Казахстане, на строительстве Актюбинского металлургического комбината, на Волгострое, на строительстве Куйбышевского и Соликамского гидроузлов, на стройке № 203 (Архангельский судостроительный завод) и др. Кстати, почти все они попали в 1941 г. в список "ударных".

"Номерное" строительство в системе ГУЛАГа осуществлял Главпромстрой (бывший Промспецстрой). Его капиталовложения составляли в 1941 г, 3,5% от общего объема капитальных затрат по Союзу, при этом вся сумма вложений приходилась на строительство сугубо военно-промышленных предприятий. В 1940 г. начались работы по сооружению трех авиационных заводов в районе Куйбышева. За год в это строительство вложили 850 млн руб., такого никогда не было ранее (в былые годы не вкладывали более 400 млн руб.).

Большие объемы работ приходились на долю железнодорожного и шоссейного строительства. В 1940 г. лагерные управления сдали в постоянную и временную эксплуатацию 1731 км железнодорожных путей и 1480 км шоссейных дорог. План железнодорожного строительства на 1941 г. был почти на 100% выше плана 1940 г.

Резко повышая плановые задания на 1941 г., правительство рассчитывало не только на увеличение числа заключенных и усиление их эксплуатации, но и на значительный рост производительности труда, который был обусловлен, по мнению совнаркомовских экономистов, мощным развитием материально-технической базы лагерной экономики. Еще в апреле 1938 г. лагерное начальство жаловалось на партсобраниях, что "лагеря совершенно не снабжены механизма-

ми", а уже в апреле 1941 г. на 3-й партконференции НКВД начальник отдела кадров С.Н. Круглов с удовлетворением отмечал: "За последние два года правительство СССР выделило для строек НКВД большое количество оборудования, транспортных средств. Стройки имеют в наличии 636 экскаваторов, 20 811 грузовых автомашин, 658 бетономешалок, 997 камнедробилок, большое количество растворомешалок, компрессоров, скреперов, асфальтосмесителей и т.д."⁶⁹

Несмотря на столь интенсивное техническое оснащение гулаговских строек и предприятий, большинство из них государственных заданий не выполняло, и дело было не только в том, что практически все строительство велось без смет и проектов. В 1939 г. план капитального строительства ГУЛАГ выполнил только на 88%, а производительность труда заключенных составила 88 — 89% от плановой. В 1940 г. план ввода новых предприятий в целом по НКВД был выполнен на 82,3%, а по Управлению лесной промышленности ГУЛАГа — на 37,7%, по Управлению лагерей промышленного строительства ГУЛАГа — на 60,6%, по Управлению топливной промышленности ГУЛАГа — на 85% и т.д. Справились с плановыми заданиями по отдельным видам производства только Главное управление железнодорожного строительства и Дальстрой⁷⁰. План дневной выработки на одного заключенного составлял в 1940 г. в Промспецстрое 46 руб. 27 копеек, фактически же в среднем заключенные вырабатывали 41 руб. 80 копеек. Плановое задание в железнодорожном строительстве составляло 35 руб. 60 коп., фактически выработка заключенных железнодорожников была на уровне 30 руб. 70 коп.⁷¹

Почему же не сбывались мечты чиновников Госплана о значительном росте производительности труда в системе НКВД? Конечно, прежде всего потому, что никто не учитывал ни принудительного характера труда, ни хищнического, расточительного характера лагерной экономики. Подневольный труд заключенных был значительно менее эффективен по сравнению с аналогичным трудом вольнонаемных рабочих. По сведениям начальника ГУЛАГа В.Г. Наседкина, выработка в день на строительно-монтажных работах в январе 1941 г. по ГУЛАГу составляла 23 руб. 50 коп., а по союзным наркоматам — 44 руб. 98 коп., в феврале соответственно — 24 руб. 80 коп. и 49 руб. 67 коп. Уровень производительности труда на стройках НКВД был ниже, чем на стройках союзных наркоматов в среднем на 50%. Выработка на один человеко-день в лагерях и гражданских наркоматах существенно различалась: в ГУЛЖДС она была ниже, чем в НКПС

на 64%; в Главпромстрое ниже, чем в Наркомстрое на 55%; в Главгидрострое НКВД ниже, чем в Главгидроспецстрое Наркомата строительства на 39%⁷². Аналогичная картина наблюдалась во всех отраслях лагерной экономики.

Не справлялся ГУЛАГ и с плановыми заданиями по снижению себестоимости. Часто фактическая себестоимость лагерного производства в несколько раз превышала плановую. Например, по сметам 1 куб. м земли на строительстве северного тракта Чибью-Крутая должен был стоить 1 руб. 6 коп., а фактически его стоимость, по подсчетам лагерных экономистов, составляла, как минимум, 6 руб. В 1940 г. только из-за повышения себестоимости лагерной продукции ГУЛАГ имел перерасход средств на сумму 22 млн руб.

Лагерная экономика хищнически относилась не только к людям, но и к механизмам. Например, в Восточно-Сибирском тресте ГУШОСДОРа за три года были полностью разрушены 94 автомашины. Имевшаяся в распоряжении лагерных предприятий и строек техника использовалась в незначительных размерах. Причин тому множество, но главная одна — лагерная экономика и квалифицированный производительный добросовестный труд оказались понятиями несовместимыми.

В предвоенный период в СССР сформировался ряд лагерно-промышленных комплексов, на откуп которым были отданы огромные территории малоосвоенных районов. На Колыме и Чукотке хозяйничал Дальстрой, на Печоре и Ухте — Ухтинский комбинат НКВД, в Карелии — Беломорско-Балтийский комбинат НКВД и т.д.

В постановлении СНК СССР от 17 августа 1933 г. об образовании ББК говорилось: "Белбалткомбинату предоставляется монопольное право эксплуатации канала и естественных богатств прилегающих к нему районов", далее следовал обширный перечень задач и полномочий комбината. В ведение ББК передавались все находившиеся на территории районов освоения предприятия, все операции комбината до 1 января 1936 г. освобождались от каких бы то ни было налогов и сборов. В постановлении строго оговаривалось, что "никакие учреждения и лица без особого разрешения СНК СССР не имеют права вмешиваться в административно-хозяйственную и оперативную деятельность комбината"⁷³. Здесь нелишне заметить, что Беломорско-Балтийский комбинат НКВД осуществлял свою деятельность на территории автономной республики, которая имела свой Совнарком и свои областные партийные органы.

Как свидетельствуют документы, ББК представлял собой настоящее "государство в государстве", которое располагало обширной территорией с неограниченными ресурсами рабочей силы, воинскими подразделениями, промышленностью, сельским хозяйством, транспортом, школами, театром и т.д. Возглавлял это "государство" в предвоенный период старший майор госбезопасности М.М. Тимофеев, будущий начальник Главного управления лагерей лесной промышленности.

Основой существования комбината был Беломоро-Балтийский ИТЛ ОГПУ—НКВД, образованный в 1931 г. на базе Соловецкого ИТЛ ОГПУ. На 1 января 1939 г. в Белбалтлаге содержалось 86 567 заключенных, из них 32% были осуждены за контрреволюционные преступления, а еще 24% попали в лагерь по решению внесудебных органов как "социально-опасный элемент" (СОЭ). Кроме заключенных, в составе лагеря числилось 27 856 спецпоселенцев (8505 семей), выселенных сюда в период раскулачивания, которые размещались в 21 населенном пункте⁷⁴. Это и был тот самый "рабочий фонд", благодаря которому ББК участвовал в достижениях социалистического строительства. Успехи лагерной экономики в этом регионе были значительными. Заключенные построили не только известные Беломорско-Балтийский канал и Сегежский целлюлозно-бумажный комбинат, но и железнодорожную линию Сорокская—Обозерская, Пиндушскую судоверфь, Сорокский порт, Повенецкий судоремонтный завод и др.

Писать о развитии лагерной экономики и ее "достижениях" можно очень много, но картина все равно будет неполной, если мы не посмотрим на нее глазами гулаговских кадров, тех самых, которые организовывали производство, руководили, проверяли, охраняли, конвоировали и т.д. В нашем распоряжении есть уникальный источник, позволяющий дополнить официальные производственные показатели сведениями иного характера. Речь идет о материалах (протоколах, стенограммах и т.п.) общих и закрытых партийных собраний ГУЛАГа, на которых рядовые и руководящие сотрудники центрального аппарата ГУЛАГа, в порядке критики и самокритики, как говорится, "душой болея за дело", высказывали в довольно свободной форме собственное мнение о хозяйственной деятельности своего ведомства.

Не будем называть фамилии ораторов — это в данном случае неважно, а также воздержимся от комментариев, поскольку смысл выступлений и без того достаточно ясен:

обозначим только даты собраний, на которых прозвучали цитируемые выступления.

Апрель 1937 г.

"Мы знаем, что подчас у нас в лагерях заключенные работали совершенно без выходных, сплошную тридцатидневку..."

"Кто нам дает такие права, чтобы издеваться над людьми? Основная наша задача заключается в том, чтобы использовать людей, их физическую силу, но задача наша не только в этом, а и в том, чтобы перевоспитывать этих людей"⁷⁵.

Апрель 1938 г.

"Корень зла в том, что лесные лагеря организовывались, а деньги правительством не были отпущены... Не хватает лошадей, механизация поставлена плохо".

"В Ухтинском отделении — хаос и безобразие... Норильск спроектирован неправильно, много денег затрачено впустую..."

"Вредительство в Каргопольлаге: прислали трактора, а масло не прислали; но наш начальник лагеря такой хитрый, который так делает, что без масла трактора работают".

"Успехами ГУЛАГ не может хвалиться, особенно по лесу. При тех затратах, которые мы сделали, мы могли бы иметь больше... Наши лагеря организовывались без системы, некоторые капитальные здания построены на болоте, их теперь переносят".

"У нас не штурмовщина, а большевистские темпы... Мы не имеем возможности постепенно, тщательно подготовить организацию наших лагерей".

"Мы должны изготавливать мебель хорошего качества. Механический цех Дмитровского завода должен выпустить мебели на 4 млн руб. При проверке оказалось, что мебель по чертежам ГУЛАГа выпускается негодная".

"С Норильском дело обстоит очень плохо. Матвеев не выполнил задания".

"На Волгострое по монтажу проводилось вредительство. По Норильску, благодаря неорганизованности и несвоевременности строительства жилых помещений, люди жили продолжительное время в тяжелых условиях. По Сегеже — пригласили на должность начальника работ, который оказался шпионом с 1916 г. и вредил, будучи на Сегеже"⁷⁶.

Июнь 1938 г.

"Вредительство вскрыто по линии БАМа, там вскрыта шпионская деятельность. В Сиблаге вредительство в железнодорожном строительстве, где ползут насыпи, выемки. На Ухте проводится и проводилось вредительство в планировании и строительстве. В Норильлаге вредительски проведено строительство железной дороги. В Карлаге также раскрыто вредительство троцкистов, которые задерживали развитие сельского хозяйства и животноводства".

"Деньги у нас есть. Партия и правительство оказали нам большую помощь специалистами. Направлены свыше 1200 человек в лагерь".

"Оргструктура ГУЛАГа не выдерживает никакой критики, она типично функциональная... В результате функционалки в аппарате ГУЛАГа мы имеем налицо: обезличку, безответственность, ослабление производственной дисциплины и страшную запущенность и запутанность буквально во всех вопросах".

"Наши гуглаговские организации страдают колоссальным перерасходом средств. Отдельные наши лагеря имеют до 40 миллионов рублей перерасхода".

"За 1937 год в результате хозяйственной деятельности Ухтпечлаг имел 40 миллионов рублей убытков, плюс за первые 6 месяцев 1938 г. еще 18 миллионов убытка... План задается заведомо с убытком. Получается, что даже при 100% выполнении плана все равно будет 5 миллионов рублей убытка".

"Мы строим гиганты, но как мы строим? В 1937 г. мы имели 240 млн убытка только по строительству".

«ГУЛАГ — это "богатый дядюшка", балует деньгами стройки и лагеря»⁷⁷.

Август 1938 г.

"Объекты нашей работы, несомненно, представляют интерес для иностранных разведок".

"Мы работаем с заключенными, может быть за редким исключением, враждебными Советской власти, в составе этих заключенных мы имеем до 70% осужденных за контрреволюционные преступления... Мы имеем в нашей системе, как основную базу рабочей силы, отбросы социалистического общества".

"Факты вредительства: ненужные перевозки заключенных с места на место, неорганизованность санитарной работы; враги вносили инфекцию, портили рабочую силу, растрачивали лагерные деньги".

"Наблюдается значительное затоваривание материальных ценностей в системе лагерей. Преувеличенные заявки — дело вредителей. В Куйбышеве сейчас такое положение с оборудованием, что хоть организуй еще 2 — 3 новых стройки".

"Враги на Дальнем Востоке во главе с Дерibasом в 1936 г. втирали нам очки, что движение по железной дороге Волочаевка—Комсомольск в основном уже открыто, на самом деле ничего подобного не было".

«На Ухте сообщают: "Ура! Новый фонтан нефти открыли", на самом деле никаких фонтанов нефти нет».

"С Ухтой мы пришли просто к краху..."

"Кто давал санкцию Матвееву строить железную дорогу на снегу? Никто такой санкции ему не давал. В то же время денег на эту дорогу ухлопали уйму, и ни одного готового километра пути не дали".

"Факты вредительства Мороза: в самих лагерных пунктах была невозможная антисанитария, вшивость, людей голодом морили, перебрасывали без всякого основания; на это летели миллионы рублей советских денег".

«Получил Райчихлаг 5 экскаваторов "Ковровец" из Дмитровского завода. Экскаваторы пришли без тросов и других необходимых частей. Три кое-как удалось через 2 — 3 месяца пустить, а 2 — так и лежат без запасных частей и цепей»⁷⁸.

Январь 1939 г.

"Весьма низкое использование механизмов на стройках. Экскаваторы на Волгострое — 53%, трактора, автомашины — 45—50%, бетономешалки — 35%".

Апрель 1939 г.

"Отдел мобресурсов в течение 1939 г. должен распределить в системе ГУЛАГа оборудование и материалов на 45 млн руб."

"На Дмитровском заводе стоит заграничный трансформатор на 320 киловатт, в течение 2-х лет не используется потому, что на него нет паспорта, и в течение 2-х лет не могут определить, что это за машина".

"Усольягу по существу план утвердили, а жилье не произведено... Полторы тысячи человек жили на пересыльном пункте. Тайшетлаг рассчитан на 8 тысяч человек, а прислали 16 тысяч. В прошлом году план завоза продовольствия в лагеря не был выполнен. Локчимлагу осталось незавезенного продовольствия 345 тонн, вещд продовольствия — 341 тонна, а всего осталось незавезенных 4080 тонн. В этих лагерях большая смертность".

"По ГУЛАГу около 60 миллионов рублей неликвидов. Сейчас мы имеем совершенно свободные, открытые двери к несгораемому шкафу, к государственным деньгам".

"Вы знаете, что работа северных лагерей была и остается по сегодняшний день буквально парализована в результате срыва завоза прошлого года. С продовольствием у нас в этих лагерях исключительно тяжелое положение. Это привело к тому, что огромный процент слабосилки там имеется, огромный процент категории неработающих, большой процент смертности, болезней и т.д."⁷⁹

Март 1940 г.

"Рабочую силу, которая нам дается, мы используем на нашем строительстве и на производстве неполноценно, мы не сумели взять от этой рабсилы при всех наших колоссальных к тому возможностях всего того, что нужно было взять и можно было взять"⁸⁰,

Апрель 1941 г.

"Начальники лагерей, начальники ОИТК не придают значения крайне низкому проценту использования лагерной рабочей силы, а ориентируются лишь на большую численность контингентов, требуя все время дополнительного завоза рабочей силы"⁸¹.

Май 1941 г.

"Вопросы питания, имеющие существенное значение в жизни лагеря, надо организовать таким образом, чтобы и питание являлось стимулом для лучшей производительности труда заключенных".

"Ни одно управление в апреле 1941 года плана не выполнило".

"На практике мы имеем факты, когда заключенный имеет для отдыха всего 4 — 5 часов в сутки, что значительно снижает его работоспособность".

Август 1941 г.

"Основная задача ГУЛАГа — выполнить оборонное задание, которое возложено на него партией и правительством".

Декабрь 1941 г.

"В Сиблаге, Карлаге и ряде других хозяйств имеется масса отказчиков из состава заключенных, а должных мер в отношении них не принимается... Миллионы рублей тратятся на содержание отказчиков; в условиях военного времени — это преступление".

"Рост слабосилки, который сейчас имеется, является угрожающим, по отдельным лагерям становится просто опасным"⁸².

Столь обширное цитирование первоисточника — не прихоть автора. Оно обусловлено рядом обстоятельств: во-первых, названный комплекс документов (протоколы, материалы, стенографические отчеты партийных организаций НКВД и ГУЛАГа) мало доступен исследователям по причине его засекреченности. Во-вторых, эти документы позволяют представить реальное положение дел в лагерной экономике, передают колорит эпохи, а, кроме того, в своей совокупности раскрывают менталитет кадров ГУЛАГа. В-третьих, цитированные выше высказывания лагерных служащих типичны и характерны. Аналогичные выступления звучали на протяжении более десяти лет; и в конце 1940-х, и в начале 1950-х на партийных собраниях ГУЛАГа говорили об одном и том же: об убытках и производственных потерях, о хроническом невыполнении планов, о фактах очковтирательства и массовых приписок, о плохом использовании "рабсилы" и необходимости бороться за сохранность "рабочего фонда".

Приведенные выше документы в силу своего полуофициального и непарадного характера служат, на наш взгляд, хорошим дополнением к тем официальным отчетам, докладам и рапортам гугаговского начальства, которые посылались в вышестоящие инстанции³³. К числу таких "парадных" донесений относится, например, "Доклад о работе Главного управления исправительно-трудовых лагерей и колоний

НКВД СССР за годы Отечественной войны", представленный 17 августа 1944 г. наркому Л.П. Берия начальником ГУЛАГа комиссаром госбезопасности 3-го ранга В.Г. Наседкиным⁸⁴.

Этот документ, который в определенном смысле можно считать гимном ГУЛАГу, ни в коей мере не отражает реального состояния лагерей и колоний в годы Великой Отечественной войны, не дает полного представления об уровне эксплуатации и условиях труда заключенных, о производственных и людских потерях, травматизме, усилении репрессий и т.д. Например, в отчете сказано: "Уже в первый год войны произошло значительное изменение физического профиля заключенных в сторону снижения их трудоспособности". А в реальной лагерной жизни это выглядело так: "В первый же день войны в зоне сняли все репродукторы, была полностью запрещена переписка, запрещены газеты, отменены посылки. Рабочий день был установлен в десять, а у некоторых энтузиастов и в двенадцать часов. Были отменены все выходные дни. И конечно, немедленно наведена жесточайшая экономия в питании зека (...) В течение двух-трех месяцев зоны лагеря оказались набиты живыми скелетами. Равнодушные, утратившие волю и желание жить, эти обтянутые сухой серой кожей скелеты сидели на нарах и спокойно ждали смерти. Везы, а затем сани по утрам отвозили почти невесомые трупы на кладбище. К весне 42-го лагерь перестал работать. С трудом находили людей, способных заготовить дрова и хоронить мертвых"⁸⁵. Это написал Лев Разгон, чудом переживший войну в зоне. Спасло оставшихся в живых обитателей лагеря то, что нашлись среди верховного начальства люди, догадавшиеся, что без леса нельзя воевать. Он необходим не только для строительства самолетов и изготовления лыж, но без леса, а точнее, его продукта — целлюлозы, невозможно изготовить порох. Только тогда заключенных лесорубов стали кормить по нормам вольных рабочих, им разрешили получать продуктовые посылки, вернули репродукторы, восстановили переписку. Аналогичная картина наблюдалась и в других лагерях.

Пик лагерной смертности пришелся на 1942 г., когда ежемесячно в ГУЛАГе умирали в среднем более 30 тыс. человек. В отдельных лагерях уровень смертности был значительно выше, чем в среднем по ГУЛАГу. В Севураллаге, например (в самом отстающем лагере, по оценкам начальства), только за январь 1942 г. умерло 1615 заключенных⁸⁶. Смертность была настолько велика, что руководство ГУЛАГа офи-

циально разрешило хоронить погибших заключенных в общих могилах без гробов и белья.

Пытаясь уменьшить показатели смертности осужденных, лагерное начальство шло на различные ухищрения. Как пишет исследователь Вятского лагеря В. Бердинских, "уже в 1942 году, снижая процент смертности эзков, начальники лагпунктов принялись массово активировать (освободить на бумаге) доходяг, которым жить оставалось день-два. Умиряли они вольными, хотя и не знали этого"⁸⁷.

Тем же целям (хотя и в завуалированной форме) служила директива НКВД СССР и Прокурора СССР № 185 от 29 апреля 1942 г., согласно которой при лагерях были оставлены "для работы по вольному найму отбывшие срок наказания заключенные, ранее судимые за измену Родине, террор, шпионаж, диверсию и активную деятельность в контрреволюционных партиях". Это было отступление от ранее принятой директивы № 221 тех же органов от 22 июня 1941 г., которая запрещала "освобождение из лагерей, тюрем и колоний контрреволюционеров, рецидивистов и других опасных преступников"⁸⁸.

В 1942 г. руководство НКВД сочло возможным предоставить право начальникам лагерей "освобождать отдельных заключенных", осужденных по контрреволюционным статьям. Освобождаемые переводились на положение крепостных. Они получили особый статус — "директивников", так их называли в ГУЛАГе. Паспортов и военных билетов им не выдавали, они не имели права отлучаться из района проживания и работы, за ними велось административное наблюдение. При наличии нарушений "директивники" могли быть временно водворены обратно в лагерь. Питались они наравне с заключенными, но за наличный расчет. Зарплата им полагалась такая же, как и у вольнонаемных граждан. В случае смерти составлялся специальный акт, который, естественно, не влиял на показатели лагерной смертности. Погребение "директивников" осуществлялось в ночное время⁸⁹.

В разгар войны, после выхода апрельского указа 1943 г., вводившего в качестве меры наказания каторжные работы, НКВД приступил к организации каторжных лагерных отделений. Первые такие отделения были созданы в Воркутинском и Северо-Восточном лагерях. К концу 1944 г. в состав ГУЛАГа входили уже 5 каторжных лагерей, в которых содержалось около 6 тыс. каторжан.

Об опыте работы каторжан на Воркуте подробно рассказано в докладной записке от 20 мая 1945 г. заместителя

наркома внутренних дел СССР В.В. Чернышова наркому Л.П. Берия. Причиной появления этого документа послужило письмо секретаря ЦК КП(б)У Н.С. Хрущёва и проект Указа Президиума Верховного Совета СССР "О применении каторжных работ в качестве меры наказания", поступившие в НКВД СССР на заключение. Хрущёв предлагал ввести в Уголовный кодекс по тем статьям, которые предусматривали в виде предельной санкции высшую меру наказания, дополнительно осуждение к каторжным работам на срок от 15 до 20 лет. Свое предложение Хрущёв мотивировал также желанием сохранить физически здоровых людей для использования на работах в отдаленных и особо тяжелых местностях СССР.

Соображения В.В. Чернышова сводились к следующему:

«1. Каторжные работы, как специальная мера наказания, введены Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года за преступления, совершенные в военное время, применяются к лицам — пособникам врагу в расправах и насилиях над гражданским населением и пленными красноармейцами.

За все время применения данного Указа осуждено к каторжным работам немного больше 29 000 человек.

Широкое распространение новой тяжелой санкции наказания — в виде каторжных работ к концу победоносной войны вряд ли явится целесообразным. Тем более, что фактическое применение высшей меры наказания за последние годы было очень незначительным и в случаях действительно крайней нужды.

2. Опыт присуждения к каторжным работам, проводившийся до настоящего времени, показывает, что большое количество осужденных каторжников являются нетрудоспособными (из 29 000 человек почти 10 000 нетрудоспособных) и не могут быть привлечены ни к каким работам, а тем более к каторжным. В целях реальности наказания пришлось бы в законе "О введении каторжных работ" делать оговорку о применении этой санкции только к физически здоровым людям, что осложнило бы на практике работу судов, а закон сделало бы менее устойчивым.

3. Применение труда каторжников в условиях лагерей НКВД СССР является сложным, так как из одних каторжников, как правило, укомплектовать производственный лагерь невозможно и приходится добавлять специалистов из вольнонаемных или осужденных к другим мерам наказания.

Опыт работы с каторжниками в Воркутинском угольном лагере показывает, что осужденные к каторжным работам на 15 — 20 лет, в условиях специального режима для каторжников, теряют перспективу выдержать до конца срока — 15 — 20 лет — режим и условия каторжных работ. Отсюда моральная подавленность и полное отсутствие стимула для труда, а в результате труд

каторжников значительно менее эффективен, чем труд обычных лагерников, при этом потеря трудоспособности через 5—6 лет почти обязательна.

Исходя из вышеизложенного, считал бы целесообразным предложение тов. Хрущёва не принимать»⁹⁰.

Новый закон принят не был, но каторжные отделения продолжали создаваться. На 1 сентября 1945 г. в ГУЛАГе уже содержалось 38 568 осужденных к каторжным работам, из них в Воркутинском ИТЛ — 14 162, Тайшетском — 9001, Северо-Восточном — 7988, Норильском — 3023, Карагандинском — 172; кроме того, в тюрьмах — 4222⁹¹. К сентябрю 1947 г. число осужденных на каторжные работы превышало 60 тыс. человек.

На 1 июля 1944 г. в составе ГУЛАГа насчитывалось 56 лагерей, подчиненных непосредственно руководству центрального аппарата ГУЛАГа, и 69 региональных управлений и отделов исправительно-трудовых лагерей и колоний. Эти лагерные комплексы включали в себя 910 отдельных лагерных подразделений и 424 колонии⁹².

Война внесла значительные изменения в состав заключенных. Доля осужденных за контрреволюционные преступления увеличилась с 29,6% в 1941 г. до 43% в 1944 г. Резко возросло число заключенных женщин. На 1 января 1941 г. их было 9,3% от общей численности осужденных, к лету 1944 г. стало 26 %⁹³.

Всего за годы войны через лагеря и колонии ГУЛАГа прошло более 5 млн заключенных, из них 1 млн 200 тыс. человек были досрочно освобождены и отправлены на фронт. Подавляющее большинство тех, кто оставался в ГУЛАГе, были больны, истощены, ослаблены. 10 сентября 1943 г. у заместителя наркома Н.С. Круглова состоялось специальное совещание по вопросам улучшения работы лагерей и колоний. На заседании присутствовали представители руководства НКВД, ГУЛАГа и некоторых лагерных управлений. Приведем несколько характерных выдержек из стенограммы этого совещания:

В.Г. Наседкин (начальник ГУЛАГа) — "Основное предложение, которое мы выносим на решение сегодняшнего совещания, это предложение освободиться от всей ненужной части заключенных, содержащихся в лагерях. Я имею в виду инвалидов, больных, ослабленных, т.е. таких, которые пользы никакой не приносят. Я считаю, что мы должны освободить примерно 200 000—250 000 человек. Таким образом, в лагерях тогда останется трудоспособная часть...

Следующее предложение, которое, я считаю, следует обсудить на данном совещании, — это вопрос о пополнении, которое мы получаем из тюрем. Пополнение из тюрем поступает очень плохое и составляет 30% смертности, которая падает на людей, пришедших к нам из тюрем, и пребывание этих людей в лагере не превышает трех месяцев. Тюремные отделы ни в какой мере не заботятся о заключенных...

Вопрос питания нужно поставить перед правительством с тем, чтобы нормы питания были в лагерях увеличены, потому что какой бы мы порядок ни установили, мы не избавимся от той смертности, которую мы имеем, ввиду того, что питание является недостаточным. Мы пришли к выводу, что питание заключенных должно составлять не менее 2600 калорий. Для больных надо, чтобы норма была утверждена отдельно. При одной норме у нас получается, что большинство продуктов идет на поддержание контингента (инвалидов, больных и ослабленных), вследствие чего страдает рабочая часть заключенных".

С.Н. Круглов (заместитель наркома внутренних дел) — "Я считаю, что известный недостаток в режиме содержания заключенных сводится к тому, что у нас эта задача все еще находится в противоречии с производственными задачами лагеря, и мы, сколько ни говорим, но в единстве решать вопросы не научились. Производственные главки не хотят и не желают считаться с теми задачами, над которыми работает ГУЛАГ. Они живут, часто, только сегодняшним днем..."

Л.И. Берензон (начальник Центрального финотдела НКВД) — "Основным вопросом является продовольствие. Если взять калорийность, которая имеется у нас в лагерях, то она, конечно, не на должной высоте. Страна сейчас продовольствия больше дать нам не может. Основное мероприятие для поднятия производительности труда и питания заключенных — это зачеты рабочих дней. У заключенного появляется совершенно иной интерес к работе".

М.М. Тимофеев (начальник Управления лагерей лесной промышленности НКВД) — "Лесные лагеря имеют 20 — 25% трудоспособных, а остальные совершенно не нужны лагерю потому, что они не могут работать в условиях леса. Я думаю, что совершенно будет правильным освободиться от этого контингента в лагерях, так как совершенно нецелесообразно загружать лагерь таким составом и заботиться о них совершенно без нужды... Я считаю необходимым обязательный ввод зачетов. Главный вопрос заключается в досрочном освобождении..."

В.В. Чернышев (заместитель наркома внутренних дел) — "Наш паек, конечно, несоизмеримо меньше, чем был раньше. Поэтому, естественно, самым тяжелым вопросом является питание. Тов. Берензон прав, что нам надеяться на получение какого-то лимита от государства нельзя, нам ничего не дадут. В этом деле серьезную роль должно играть освобождение от инвалидов, больных и ослабленных, потому что они поедают лучшую часть продуктов, так как

один из них ест больше двух здоровых... Должен сказать, что зачеты в условиях сегодняшнего дня — наиболее важный стимул для повышения производительности труда. В свое время это было исключительно высоким стимулом для повышения производительности труда. Мы имели выработку на 300 — 400%. Люди были в прекрасном состоянии, они лучше и работали. Другого стимула у нас пока нет. Деньги не играют никакой роли, продукты мы дать не можем, белье дать не можем. Следовательно, это отпадает. Одним из

серьезных моментов получения инвалидности являются перевозки, так как отношение к заключенным в пути бездушное, конвоиры, зачастую, поедают у заключенных все продукты. Это большое зло. Надо сделать так, чтобы начальники эшелонов отвечали за заключенных и доставку их на место"⁹⁴.

Как видим, война четко выявила стратегический просчет Сталина — отмену зачетов рабочих дней. Однако, несмотря на единодушное мнение руководства НКВД о необходимости восстановления системы зачетов, до конца войны все оставалось по-прежнему. Избавиться от столь нежеланных для лагерного начальства инвалидов, ослабленных и нетрудоспособных, которые, как цинично заявлял Чернышов, "поедают лучшую часть продуктов", тоже было нелегко, поскольку в своем большинстве это были осужденные по контрреволюционным статьям, и, следовательно, досрочному освобождению не подлежали. По данным начальника ГУЛАГа В.Г. Наседкина, на 11 мая 1945 г. в лагерях и колониях официально числилось 100 тыс. инвалидов и 115 тыс. хронически больных и нетрудоспособных по возрасту⁹⁵.

Как уже отмечалось, наиболее смертоносными для заключенных были 1942 и 1943 г. Принимаемые лагерным начальством меры "по улучшению трудового использования заключенных", были направлены не только на усиление эксплуатации лагерников, но и на создание жизненных условий, способствующих снижению смертности и повышению трудоспособности осужденных. Официальная статистика смертности заключенных (в лагерях, колониях и тюрьмах) в годы войны выглядит следующим образом: 1941 г. — умерло 135 864 человека; 1942 г. - 372 348; 1943 г. - 288 599; 1944 г. - 124 725; 1945 г. — 87 903 человека⁹⁶. Общий итог: 1 009 439 человек (без учета расстрелянных). Напомним, что в это число вошли только заключенные. Имена других категорий невольников, а также тех, кого формально освободили, но оставили жить, работать и умирать при лагере, записаны в иных мартирологах.

Несмотря на тяжелейшее, если не сказать катастрофическое положение с питанием, обмундированием, медицин-

ской помощью и т.д., ГУЛАГ с первых же дней войны организовал на своих предприятиях выполнение заказов для нужд фронта, перестроив производство всех промышленных колоний на выпуск боеприпасов, спецукупорки, обмундирования и другой военной продукции. 18 февраля 1942 г. в ГУЛАГе был создан специальный отдел военной продукции, на который приказом наркома Л.П. Берия возлагалось организационное и оперативно-техническое руководство всеми предприятиями НКВД, вырабатывающими боеприпасы и спецукупорку. К концу войны ГУЛАГ занимал второе место в Союзе по выпуску осколочно-фугасных мин и спецукупорки для боеприпасов.

Кроме выпуска военной продукции на ГУЛАГ возлагалась задача обеспечения рабочей силой важнейших строек НКВД: строительства авиационных заводов в Куйбышеве, металлургических комбинатов в Нижнем Тагиле, Челябинске, Актюбинске, в Закавказье, Норильского и Джидинского комбинатов, Богословского алюминиевого завода, нефтеперегонного завода в Куйбышеве и др.

Среди заключенных начали активно выявлять специалистов и квалифицированных рабочих с тем, чтобы отправить их на работу в оборонную промышленность. В годы войны ГУЛАГ обеспечивал рабочей силой 640 предприятий других наркоматов, в то время как до войны заключенных предоставляли только 350 предприятиям.

Для обслуживания наиболее важных оборонных предприятий ГУЛАГ организовал 380 спецколоний, в которых в условиях соответствующего режима и охраны содержалось 225 тыс. заключенных. Они участвовали в производстве танков, самолетов, боеприпасов, вооружения и т.п.

Не будем подробно останавливаться на "достижениях" лагерной экономики в период войны, о них обстоятельно рассказано в упомянутом докладе В.Г. Наседкина; отметим только, что для миллионов униженных, морально подавленных, физически истерзанных заключенных работа в ГУЛАГе действительно была подвигом. Только во имя чего они совершали этот подвиг и кто его оценил?

¹ См.: *Rusche C, Kirchheimer O.* Punishment and social structures. 1939.

² Цит. по: *Исаев М.М.* Предстоящее преобразование каторги // Труды Юридического общества при императорском С.-Петербургском университете. СПб., 1912. Т. IV. С. 66.

³ Там же. С. 64.

- ⁴ См.: Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова. М., 1999. С. 160.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Цит. по: Там же.
- ⁷ Илизаров Б.С. Сталин. Штрихи к портрету на фоне его библиотеки и архива // Новая и новейшая история. 2000. № 3. С. 197.
- ⁸ См.: Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1918. № 35. Ст. 468; № 54. Ст. 605. (Далее: СУ РСФСР).
- ⁹ Там же. № 19. Ст. 284.
- ¹⁰ Ф.Э. Дзержинский о революционной законности // Ист. арх. 1958. № 1. С. 10.
- ¹¹ Гиляров Е.М., Михайличенко А.В. Становление и развитие ИТУ Советского государства (1917-1925). Домодедово, 1990. С. 60.
- ¹² Там же. С. 67.
- ¹³ См.: Сов. архивы. 1991. № 4. С. 71-75.
- ¹⁴ Там же. С. 75.
- ¹⁵ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918 - 1960. М., 2000. С. 64.
- ¹⁶ Лубянка. ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МВД-КГБ. 1917-1960: справ. М., 1997. С. 182.
- ¹⁷ Рождение ГУЛАГа: дискуссии в верхних эшелонах власти // Ист. арх. 1997. №4. С. 151.
- ¹⁸ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923—1960: справ. М., 1998. С. 78.
- ¹⁹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1956. № 13. Ст. 279.
- ²⁰ АВП. Ф. 47. Оп. 4. Папка 18. Д. 33. Л. 18-19.
- ²¹ См.: Там же. Ф. 047. Оп. 5. Папка 30. Д. 48. Л.23, 25; Оп. 7. Папка 44. Д. 52. Л. 1, 12. Любопытно отметить, что вся документация Отдела по делам ООН МИД СССР, связанная с обсуждением в различных международных организациях проблем рабства и принудительного труда применительно к СССР, имела гриф секретности и была рас-секречена только в 1991 г.
- ²² Там же. Ф. 47. Оп. 4. Папка 18. Д. 33. Л. 23, 24.
- ²³ 6 съезд Советов СССР: стеногр. отчет. М., 1931. Бюл. № 1. С. 21, 23-25.
- ²⁴ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР... С. 379 — 380.
- ²⁵ Дворжецкий В.Я. Пути больших этапов: записки актера. М.; Н. Новгород, 1994. С. 30-32.
- ²⁶ ЦАОПИМ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 359. Л. 65.
- ²⁷ ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 72.
- ²⁸ Там же. С. 226.
- ²⁹ См.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР... С. 120.
- ³⁰ Земсков В.Н. Спецпоселенцы (1930 - 1959 гг.) // Население России в 1920— 1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1994. С. 146.
- ³¹ РГАНИ. Ф. 89. Пер. 16. Док. 1. Л. 7.
- ³² См.: Чухин И. Каналоармейцы. Петрозаводск, 1990; ГУЛАГ в Карелии. 1930 — 1941: сб. док. и материалов. Петрозаводск, 1992; и др.
- ³³ Цит. по: ГУЛАГ в Карелии... С. 86-87.
- ³⁴ См.: Там же. С. 58, 63.
- ³⁵ Изв. ЦИК СССР. 1933. 5 авг.

- ³⁶ Цит. по: *Прусаск А.* Из истории Беломорканала // *Вопр. истории.* 1945. №2. С. 144
- ³⁷ См.: *ГУЛАГ в Карелии...* С. 79.
- ³⁸ См.: *Чухин И.* Каналоармейцы... С. 30-31; *ГУЛАГ в Карелии...* С. 84.
- ³⁹ ЦАОПИМ. Ф. 3352. Оп. 3. Д. 175. Т. 1. Л. 125.
- ⁴⁰ См.: *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД, 1934-1941: справ. М., 1999. С. 424-425.
- ⁴¹ *Шрейдер М.Л.* НКВД изнутри: записки чекиста. М, 1995. С. 18.
- ⁴² Цит. по: *Горчева А.Ю.* Будни "великих строек" // *Лит. Россия.* 1991. 29 марта. С. 27.
- ⁴³ *Негретов П.* Все дороги ведут на Воркуту. Benson; Vermont, 1985. С. 5.
- ⁴⁴ ЦАОПИМ. Ф. 3352. Оп. 3. Д. 176. Т. 2. Л. 36, 47.
- ⁴⁵ *Шаламов В.* Из записных книжек // *Знамя.* 1995. № 6. С. 172. По свидетельству Шаламова, слова "зеки" и "зек" не употреблялись в лагерной жизни, их ввели в литературный язык писатели, в первую очередь А.И. Солженицын, а вслед за ним и другие авторы.
- ⁴⁶ *ГУЛАГ в Карелии...* С. 183 - 184.
- ⁴⁷ Цит. по: *Кокурин А.И., Петров Н.В.* ГУЛАГ: структура и кадры. Статья пятая (Дмитлаг) // *Свободная мысль — XXI.* 2000. № 1. С. 108.
- ⁴⁸ *Горчева А.Ю.* Главлит: становление советской тотальной цензуры // *Вестн. МГУ* 1992. Сер. 10. № 2. С. 37.
- ⁴⁹ ЦАОПИМ. Ф. 3352. Оп. 3. Д. 176. Т. 2. Л. 28.
- ⁵⁰ Там же. Д. 355. Л. 125.
- ⁵¹ Там же. Д. 175. Т. 1. Л. 33, 34.
- ⁵² ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 30. Л. 10, 12, 15, 27, 31.
- ⁵³ Там же. Л. 37, 39, 44, 45.
- ⁵⁴ Там же. Л. 8.
- ⁵⁵ ЦАОПИМ. Ф. 3352. Оп. 3. Д. 268. Л. 121; Д. 355. Л. 53-54.
- ⁵⁶ Там же. Д. 268. Л. 124; Д. 355. Л. 53.
- ⁵⁷ Там же. Д. 176. Т. 2. Л. 58; Д. 355. Л. 56, 145.
- ⁵⁸ Цит. по: *Маркова Е.В., Волков В.А., Родный А.Н., Ясный В.К.* Гулаговские тайны освоения Севера. М., 2002. С. 282 — 283.
- ⁵⁹ ЦАОПИМ. Ф. 3352. Оп. 3. Д. 355. Л. 145.
- ⁶⁰ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 68. Л. 111; Д. 92. Л. 242.
- ⁶¹ Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 30. Л. 80, 82.
- ⁶² ЦАОПИМ. Ф. 3352. Оп. 3. Д. 268. Л. 123; Д. 393. Л. 49 об.
- ⁶³ Там же. Д. 355. Л. 53.
- ⁶⁴ Там же. Л. 37 - 38.
- ⁶⁵ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 30. Л. 20-21.
- ⁶⁶ См.: *ГУЛАГ: Главное управление лагерей...* С. 781—784.
- ⁶⁷ Там же. С. 96.
- ⁶⁸ *Колтаков М.* Одной судьбой с народом // *Сов. Россия.* 1987. 25 окт. С. 4.
- ⁶⁹ ЦАОПИМ. Ф. 3352. Оп. 3. Д. 175. Т. 1. Л. 32; Д. 355. Л. 43.
- ⁷⁰ Там же. Д. 268. Л. 121; Д. 355. Л. 39.
- ⁷¹ Там же. Д. 355. Л. 42.
- ⁷² Там же. Д. 393. Л. 10-11.
- ⁷³ *ГУЛАГ в Карелии...* С. 89-90.

- ⁷⁴ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР... С. 162—164; ГУЛАГ в Карелии... С. 163.
- ⁷⁵ ЦАОПИМ. Ф. 3352. Оп. 3. Д. 111. Т. 2. Л. 44-45.
- ⁷⁶ Там же. Д. 175. Т. 1. Л. 25, 31, 33, 35.
- ⁷⁷ Там же. Л. 61, 63, 64, 96, 144, 151, 171.
- ⁷⁸ Там же. Д. 176. Т. 2. Л. 9, 11, 19, 20, 23, 33, 34, 52.
- ⁷⁹ Там же. Д. 243. Л. 22, 31, 37, 87, 101, 131.
- ⁸⁰ Там же. Д. 268. Л. 122.
- ⁸¹ Там же. Д. 355. Л. 41, 47, 59.
- ⁸² Там же. Д. 393. Л. 15, 18, 39, 59.
- ⁸³ См., например, "Доклад заместителя начальника ГУЛАГа Лепилова на имя Берии, Круглова, Чернышова и Кобулова о работе ГУЛАГа", март 1940 г. // ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 725 — 780; «Доклад начальника ГУЛАГа В.Г. Наседкина наркому внутренних дел Л.П. Берия "О работе ГУЛАГа за годы войны (1941 — 1944)»», 17 августа 1944 г. // Там же. С. 272 - 296.
- ⁸⁴ См.: ГУЛАГ в годы войны // Ист. арх. 1994. № 3. С. 60-86.
- ⁸⁵ *Разгон Л.* Непридуманное. М., 1989. С. 174.
- ⁸⁶ *Земсков В.Н.* ГУЛАГ: ист.-социол. аспект // Социол. исслед. 1991. №6. С. 21.
- ⁸⁷ *Бердинских В.* Вятлаг. Киров, 1998. С. 31.
- ⁸⁸ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 158 — 159.
- ⁸⁹ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 77. Л. 57-59.
- ⁹⁰ ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 132—133.
- ⁹¹ См.: *Смирнов М.Б., Сигачев С.П., Шкапов Д.В.* Система мест заключения в СССР. 1929— 1960 // Система исправительно-трудовых лагерей в СССР... С. 71.
- ⁹² ГУЛАГ в годы войны. Доклад начальника ГУЛАГа НКВД СССР В.Г. Наседкина. Август 1944 г. // Ист. арх. 1994. № 3. С. 62.
- ⁹³ См.: Там же. С. 64; ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 190. Л. 3, 4.
- ⁹⁴ Цит по: *Кокурин А.И., Моруков Ю.Н.* ГУЛАГ: структура и кадры. Статья десятая // Свободная мысль - XXI. 2000. № 7. С. 117 - 118.
- ⁹⁵ См.: *Дугин А.Н.* Неизвестный ГУЛАГ: док. и факты. М., 1999. С. 32.
- ⁹⁶ См.: *Население России в XX веке: ист. очерки: в 3 т. М., 2001. Т. 2: 1940-1959. С. 195.*

Глава седьмая

ПОСЛЕВОЕННЫЕ РЕПРЕССИИ И ГУЛАГ

"Недолго уже! Война кончится, — всех освободят!" — эта надежда, переходящая порой в убежденность, помогла выжить сотням тысяч узников ГУЛАГа. Более полутора миллионов человек встретили в СССР день Победы за колючей проволокой. «Радость победы и надежда на возможность скорого освобождения охватила всех, — вспоминал бывший заключенный Н.Н. Болдырев, — даже урки, утверждавшие ранее, что "нам все равно, какая власть, Сталин ли, Гитлер ли, все равно будем воровать", и те радовались вместе со всеми: "Братва! Наша взяла!"»¹.

Однако победоносное завершение войны не принесло советским политическим заключенным ни освобождения, ни облегчения их участи. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 июля 1945 г. "Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией" касался в основном осужденных за нарушение трудовой дисциплины, за воинские и уголовные преступления, если срок наказания не превышал трех лет². До 1 октября 1945 г. по этой амнистии из лагерей и колоний ГУЛАГа было освобождено 620 753 заключенных, среди них лишь 1724 человека отбывали наказание по контрреволюционным статьям, что составляло менее 0,3% от общего числа амнистированных³. Амнистия не коснулась и тех, кто находился в ссылке и на спецпоселении, а таких, по данным Отдела спецпоселений НКВД СССР, на 1 апреля 1945 г. насчитывалось 2 212 126 человек⁴.

Уже в первые послевоенные годы наметилось явное ужесточение карательной политики, острее которой репрессивные органы направили в первую очередь против тех, кто по разным причинам общался или сотрудничал с неприятелем. С 1946 г. органы МГБ начали арестовывать тех демобилизованных солдат, которые после вынужденного сотрудничества с немцами переходили к партизанам, вступали в Красную Армию и сражались в ее рядах до окончательной победы. Многие из них имели награды, ранения и были убеждены, что полностью искупили свою вину. В МГБ считали иначе.

Для усиления обвинения следователи нередко прибегали к фальсификациям, превращая "на бумаге" в полицейев-душегубов обычных граждан, назначенных немцами помимо их воли бригадирами, десятскими, председателями уличных комитетов, управдомами и т.п.

Активную роль в карательной практике послевоенных лет играли военные трибуналы. В июле 1946 г. в составе Министерства юстиции СССР было образовано Главное управление военных трибуналов (ГУВТ) Вооруженных сил СССР (ВС СССР), сменившее существовавшее с 1940 г. Управление военных трибуналов Красной Армии и Флота. На 1 января 1948 г. в подчинении ГУВТ находился 351 военный трибунал, в том числе 71 трибунал — за границей, их юрисдикция распространялась только на военнослужащих ВС СССР. Как отмечалось в докладе начальника ГУВТ генерал-лейтенанта юстиции Зейдина, "практическая судебная работа военных трибуналов была направлена на выполнение решений партии и правительства, направленных на дальнейшее укрепление боеспособности Вооруженных сил СССР, на беспощадную борьбу с ворами и расхитителями социалистической собственности и личного имущества граждан, на повышение бдительности советских людей и сохранение государственной тайны... Помимо этого трибуналы должны были проводить также большую работу по рассмотрению дел о государственных преступлениях"⁵.

В 1946 г. военные трибуналы осудили за все виды преступлений 117 199 военнослужащих ВС СССР. В 1947 г. число осужденных сократилось на 33,4% и составило 78 005 человек. В числе осужденных в 1947 г. было 7,3% офицеров. По отношению к общему числу осужденных военнослужащих наказание за измену Родине отбывали 15% (11 674 человека), за дезертирство 13,6% (10 642 человека), за все виды хищений 29% (22 594 человека). Из общей численности осужденных около 2% были осуждены условно, резко снизилось в течение года число тех, кого в качестве наказания направляли в дисциплинарные батальоны: если в I квартале такой приговор получили 16,3% осужденных, то в IV — всего 4,2% осужденных. Зато свыше 70% осужденных были приговорены к длительным срокам лишения свободы. К высшей мере наказания (до выхода Указа об отмене смертной казни) приговорили 486 человек⁶.

Признавая такую судебную практику в целом "достаточно жесткой", руководство ГУВТ, тем не менее, настаивало на усилении репрессии по делам об измене Родине, поскольку

"никакие послабления в отношении этих врагов народа недопустимы". Трудно представить, что советскую военную юстицию кто-то мог бы упрекнуть в излишней снисходительности к изменникам Родине. Однако именно так обстояло дело в 1947 г. Руководство ГУВТ обвиняло трибуналы в "недопустимом либерализме" и требовало "решительного изменения судебной практики по этим вопросам в сторону усиления репрессии". Словесные обвинения сопровождались соответствующими санкциями. Однако не у всех военных юристов хватало бесстыдства и цинизма, чтобы осудить на многолетнее лишение свободы солдата или офицера, вырвавшегося из окружения или плена и с риском для жизни вернувшегося в родную часть. "За извращение судебной практики по делам о государственных преступлениях" был снят с работы и предан суду председатель Военного трибунала Приморского военного округа полковник юстиции Бережной. Его заместитель Харитонов был исключен из партии и уволен в запас. Председатель Военного трибунала Киевского военного округа полковник юстиции Архипов, смягчавший наказания государственным преступникам, был предупрежден о неполном служебном соответствии.

"Однако и после этого, — писал в своей докладной записке в начале 1948 г. начальник ГУВТ Зейдин, — линия по делам о государственных преступлениях была выправлена далеко не всеми трибуналами. Даже после Указа 26 мая 1947 г., давшего возможность применять к изменникам Родине лишение свободы на срок в 25 лет, после проведенного всесоюзного совещания председателей военных трибуналов округов, групп войск и флотов, на котором был поставлен вопрос о необходимости использования всей силы закона для наказания изменников Родине, не все военные трибуналы перестроили свою судебную практику по этим делам. Отдельные военные трибуналы продолжали порочную политически неправильную практику широкого, необоснованного применения по делам об изменниках Родине ст. 51 УК РСФСР и назначения им наказания ниже предусмотренного законом"⁷.

21 ноября 1947 г. Пленум Верховного суда СССР принял постановление "О недопустимости необоснованного снижения наказания по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 58¹⁵ УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик". 24 ноября 1947 г. вышло постановление Коллегии Министерства юстиции по тому же вопросу. Однако "выправить" линию и добиться поголовного осуждения

военнослужащих-"изменников Родине" на 25 лет лишения свободы удалось далеко не сразу.

Наряду с Главным управлением военных трибуналов Вооруженных сил СССР в стране существовало Управление военных трибуналов (УВТ) войск МВД, имевшее в определенной мере сходные цели и задачи. На 1 января 1948 г. в системе УВТ войск МВД насчитывалось 134 военных трибунала. На них возлагалось рассмотрение следующих категорий дел: 1) о всех преступлениях, совершенных военнослужащими пограничных и внутренних войск МВД и МГБ СССР; 2) о преступлениях, совершенных лицами строевого, оперативного и административно-хозяйственного состава МВД и МГБ СССР; 3) о всех преступлениях, совершенных военнопленными и интернированными; 4) о контрреволюционных преступлениях, предусмотренными статьями 1, б, 8, 9 Положения о государственных преступлениях*; 5) о преступлениях, предусмотренных Указом от 26 декабря 1941 г.^{2*}; 6) о преступлениях, предусмотренных Указом от 9 июня 1947 г. "Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну", совершенных как военнослужащими, так и гражданскими лицами⁸.

В соответствии с подсудностью в военные трибуналы войск МВД в 1946 г. поступило 161 690 дел, в 1947 г. — 117 702 дела, из них 66 873 дела (56,8%) — по Указу от 26 декабря 1941 г., 26 893 дела (22,8%) — о контрреволюционных преступлениях.

В 1946 г. по всем рассмотренным делам было осуждено 158 357 человек, в том числе за контрреволюционные преступления — 65 191 человек (41,2%), по Указу от 26 декабря 1941 г. - 64 069 человек (40,4%).

В 1947 г. численность осужденных военными трибуналами войск МВД снизилась по сравнению с 1946 г. на 25% (на 39 610 человек) и составила 118 747 человек. За контррево-

* Имеются в виду такие контрреволюционные преступления, как измена Родине, шпионаж, террор, вредительство на транспорте.
^{2*}Указ ПВС СССР от 26 декабря 1941 г. "Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий" предписывал рассматривать самовольный уход с предприятий оборонной промышленности как дезертирство и карать виновных тюремным заключением на срок от 5 до 8 лет. См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1942. № 2. С 1 апреля 1947 г. применение Указа было отменено на всех предприятиях Москвы, Ленинграда и в некоторых отраслях промышленности.

люционные преступления были осуждены 34 585 человек (29,1% от общего количества осужденных), в том числе "за измену Родине" — 29 770 человек (86% от числа осужденных за контрреволюционные преступления). За нарушение Указа от 26 декабря 1941 г. осудили 53 621 человека (45,1% от общей численности осужденных).

Карательная практика по контрреволюционным преступлениям характеризовалась в 1947 г. следующими приговорами: до отмены смертной казни к расстрелу успели приговорить 599 человек, к 25 годам заключения в ИТЛ (в основном во втором полугодии) — 2792 человека. На каторжные работы осудили 4576 человек. Лишение свободы свыше 10 лет получили 437 осужденных. Наиболее массовыми были приговоры к 10 годам ИТЛ, такие приговоры военные трибуналы войск МВД вынесли в отношении 21 072 осужденных (60,9% от числа осужденных за контрреволюционные преступления). Остальные осужденные имели приговоры к лишению свободы на разные сроки ниже 10 лет, за исключением 59 человек, у которых наказание не было связано с лишением свободы⁹.

С позиции сегодняшнего дня мы, непременно, охарактеризовали бы карательную практику военных трибуналов войск МВД как чрезвычайно суровую. Однако в первые послевоенные годы советское руководство вообще, и руководство УВТ войск МВД в частности, придерживались иного мнения.

«Приведенные цифры свидетельствуют, — читаем в справке, составленной 9 февраля 1948 г. начальником УВТ войск МВД полковником юстиции Мирошниченко, — что военные трибуналы войск МВД по многим делам о контрреволюционных преступлениях *послабляли* судебную репрессию, а в ряде случаев допускали прямое извращение закона, применяя к изменникам Родине и другим лицам, совершившим тягчайшие контрреволюционные преступления, мягкие меры наказания, не соответствующие санкции закона и тяжести совершенного преступления.

Многие работники военных трибуналов не сделали политических выводов из Указа Президиума Верховного Совета от 26 мая 1947 г. "Об отмене смертной казни". Несмотря на то что за измену Родине и ряд других контрреволюционных преступлений ОСНОВНОЙ мерой наказания, в соответствии с Указом от 26 мая 1947 г., в мирное время является 25 лет заключения в ИТЛ, трибуналы к большинству осужденных применяли лишение свободы на 10 лет, а во многих случаях и на сроки ниже 10 лет и даже меры, не связанные с лишением свободы»¹⁰.

По результатам проверок, "за мягкостью" были отменены приговоры в отношении 127 осужденных за контрреволюционные преступления.

Особо острой критике подверглись военные трибуналы Литовской и Латвийской союзных республик, которые проводили, по мнению руководства УВТ, "наиболее либеральную практику", в частности, по отношению к недоносителям и пособникам "националистических банд". Их судебные приговоры по делам о контрреволюционных преступлениях за 1946—1947 г. характеризовались руководством УВТ войск МВД как "грубейшие ошибки и извращения закона".

Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что все требования об ужесточении репрессий мотивировались отменной смертной казни. Здесь наблюдается интересный политико-правовой парадокс: по сути дела, верховная власть, отказываясь от применения смертной казни, как исключительной высшей меры наказания, вовсе не ставила своей целью смягчить карательную политику в целом, а наоборот, стремилась ужесточить ее путем введения широкого применения наказания в виде 25 лет лишения свободы. Четвертьвековое заключение понималось не как исключительное, высшее в данный момент наказание, заменившее смертную казнь, а как типичная санкция по делам о контрреволюционных преступлениях. Экономическая подоплека такой трактовки закона об отмене смертной казни не вызывает сомнений: ГУЛАГ как важная составная часть народно-хозяйственного комплекса страны остро нуждался в молодых здоровых кадрах из числа заключенных. Это хорошо понимали представители всех репрессивных ведомств, в том числе и военные юристы.

Тем не менее анализ карательной и судебной практики военных трибуналов показывает, что до начала 1950-х годов осужденные за контрреволюционные преступления, в том числе и по делам об измене Родине, получали в основном от 5 до 10 лет лагерей. Положение резко изменилось в 1952 г., когда трибуналы, за самым редким исключением, стали приговаривать всех "изменников" и бывших "фронтовиков-поллицаев" к 25 годам лагерей. Причиной такого ужесточения репрессий послужило "разъяснение", данное Главной военной прокуратурой по делам спецподсудности. В 1952 г. на одном из представительных совещаний работников прокуратуры и трибуналов первый заместитель Главного военного прокурора Е.И. Барской заявил, что прокуроры, выступающие в суде, не имеют права ставить вопрос о смягчении на-

казания, даже если привлекаемое лицо частично искупило свою вину в боях с немцами. После этого и пошло — всем "изменникам" по 25 лет лагерей.

Позднее, когда начали пересматривать дела спецподсудности, комиссии подходили к таким приговорам с большой осторожностью, часто оставляя их без изменений, реже — снижая срок до 5— 10 лет и почти никогда не освобождая от наказания полностью. Вот лишь один типичный пример: 29 мая 1954 г. Военная коллегия, рассмотрев дело А.М. Хованова, работавшего при немцах некоторое время помощником старосты хутора и осужденного за измену Родине на 25 лет заключения в ИТЛ, и найдя, что Хованов исполнял обязанности помощника старосты по принуждению, а с февраля 1943 по июль 1946 г. служил в Красной Армии, участвовал в боях, дважды был ранен, награжден пятью медалями, после этого 6 лет честно работал в колхозе, решила снизить ему наказание до 10 лет. Чем объяснить такую "щедкость"? Уж не теми ли мрачными делами прошлого, которые довели почти над каждым руководящим судебнопрокурорским работником?

Много жизней погубило и другое секретное "разъяснение", вызванное тем, что некоторые военные прокуроры по делам спецподсудности стали требовать от органов МГБ и МВД обстоятельного и конкретного изложения в постановлениях о предъявлении обвинения всех фактов преступной деятельности обвиняемых. Не желая конфликтовать с всемогущими ведомствами, заместитель Генерального прокурора СССР по спецделам А.П. Вавилов разъяснил 7 октября 1948 г., что "перечисление в постановлениях о предъявлении обвинения по делам о государственных преступлениях конкретных фактов антисоветских действий обвиняемых может помешать разоблачению преступника и раскрытию всей его вражеской деятельности..." Данное указание противоречило ст. 129 УПК РСФСР и фактически узаконивало произвол.

После такого авторитетного разъяснения военные трибуналы прекратили выдавать подсудимым копии обвинительных заключений и приговоров, как того требовал Уголовно-процессуальный кодекс, а только знакомили с ними. Вместо копий осужденные получали краткие выписки. Такая практика не только противоречила требованиям закона, она лишала подсудимых возможности использовать свое право на защиту, вытекавшее из ст. 111 Конституции СССР, поскольку подсудимый, не имея копии обвинительного заключения,

даже в судебном заседании не смог бы осуществить свое право на защиту. Не имея на руках копии приговора, осужденный при обжаловании этого приговора лишался возможности оспаривать приведенные в нем доводы и мотивы.

Говоря о карательной практике военных трибуналов в послевоенные годы, нельзя не сказать и о работе Главного управления военных трибуналов транспорта (ГУВТТ). В 1947 г. по всем видам преступлений, подсудных этой судебной инстанции, в военные трибуналы железнодорожного и водного транспорта поступило 81 477 дел, по которым было осуждено 93 252 человека. Осужденные за контрреволюционные преступления составили самую незначительную часть — 1214 человек (1,3% от общего числа осужденных). Наиболее распространенными видами преступлений на транспорте были нарушения трудовой дисциплины, а с 1947 г. к ним прибавились хищения.

Под нарушениями трудовой дисциплины понимались, прежде всего, "самовольные отлучки", т.е. прогул от двух часов до одних суток, и "дезертирство", т.е. самовольное оставление работы. Обвиняемых в этих нарушениях судили по статьям о воинских преступлениях. Кроме того, согласно постановлению Пленума Верховного суда СССР от 13 ноября 1941 г. "прогул без уважительных причин или самовольный уход, а также появление в нетрезвом виде на работе со стороны работников транспорта" должны были квалифицироваться по статье 59^{3Б} УК РСФСР, а не по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. "Статья 59^{3Б} УК РСФСР о "нарушении работниками транспорта трудовой дисциплины" предусматривала в виде санкции лишение свободы на срок до 10 лет.

Следует заметить, что современная юридическая практика и общественная традиция не относят к числу жертв политических репрессий лиц, осужденных по статье 59. Эта статья входила во вторую часть ("Особо для Союза ССР опасные преступления против порядка управления") раздела "Преступления государственные" УК РСФСР. Она имела 13 пунктов, а некоторые пункты еще и буквенные подпункты. Так, например, ст. 59³ (бандитизм) имела пять буквенных подпунктов, в том числе и подпункт "о нарушении работниками транспорта трудовой дисциплины". Некоторые из подпунктов ст. 59 имели явный политический подтекст. Например, по ст. 59⁶ за отказ от выполнения трудовинностей судили мобилизованных советских немцев и других спецпереселенцев. В этой связи, думается, имело бы смысл

отказаться от формального подхода к рассмотрению судебной практики по ст. 59, и в случаях, когда политические мотивы осуждения не вызывают сомнений, реабилитировать осужденных с включением их в число жертв политических репрессий.

Рассмотрим судебную практику военных трибуналов транспорта по делам о дезертирстве и самовольных отлучках на железнодорожном и водном транспорте. В 1946 г. по этим делам было осуждено 26 212 человек, в том числе к лишению свободы — 17 770 (67,8%), условно — 5620 (21,4%), к исправительно-трудовым работам без содержания под стражей — 2822 человека (10,8%). В 1947 г. по аналогичным делам всего осуждено 20 076 человек, из них к лишению свободы - 16 242 (81%), условно - 1272 (6,3%), к ИТР - 2562 человека (12,7%).

Как и руководство других военных трибуналов, начальник ГУВТТ генерал-майор юстиции Г. Путовкин критиковал подведомственные ему военные трибуналы транспорта за "либерализм", хотя известно, что условное осуждение и исправительно-трудовые работы назначались только лицам, "добровольно вернувшимся на работу до рассмотрения дел в суде". Тем не менее он характеризовал такую судебную практику как "потакание дезертирам".

Рассмотрим несколько подробнее, какие конкретные жизненные ситуации приводили людей на скамью подсудимых в качестве "дезертиров". Весьма распространенный случай — неправильное оформление разрешенного отпуска, и, как следствие, наказание — пять лет лагерей. Частая причина — невыполнение администрацией трудового договора. Например, гражданин Шадрин, инвалид Великой Отечественной войны второй группы (отсутствуют стопы ног), завербовался на работу на должность ездового, но администрация поставила его на работу грузчиком. Поскольку по состоянию здоровья инвалид эту работу выполнять не мог, он самовольно оставил работу, за что его приговорили к двум годам заключения в ИТЛ.

13 декабря 1947 г. военный трибунал Московско-Киевской железной дороги осудил гражданку Меркулову на пять лет лишения свободы за то, что она дезертировала с транспорта. В судебном заседании Меркулова заявила, что работу она оставила по той причине, что ее мать, брат и сестра заболели тифом и ухаживать за ними, кроме нее, было никому. Однако в суде никого такие подробности не заинтересовали, и проверять эти обстоятельства никто не стал.

Многие "дезертиры" утверждали, что они болели, но в судах это не проверялось, и они получали по пять лет лагерей. Нередко руководители предприятий прибегали к фальсификациям. Например, из-за отсутствия работы многих увольняли, но увольнение не оформляли должным образом, а потом, когда возникала нужда в работниках, или надо было отчитываться за текучесть кадров, уволенных, не желавших возвращаться на предприятие, привлекали к ответственности как дезертиров, и те приговаривались судами к заключению в лагерь на пять лет.

22 ноября 1947 г. военный трибунал Северо-Кавказской железной дороги за невыход на работу в течение трех месяцев осудил гражданина Байдукова к двум годам лишения свободы. Из объяснений на суде стало ясно, что ранее за отказ от сверхурочной работы Байдукова выселили из общежития и лишили хлебной карточки. При таких условиях он не мог продолжать работу, за что и понес "заслуженное" наказание.

Конечно, далеко не все "дезертиры" могли привести в свое оправдание факты, свидетельствовавшие об уважительной причине ухода с работы. Большинство из тех, кого по закону следовало рассматривать как дезертиров, не просто оставляли работу, а спасались бегством от ужасных, порой просто невыносимых материально-бытовых условий, как на самих предприятиях, так и в общежитиях. В 1950 г. Министерство юстиции занималось изучением преступности, в том числе и дезертирства, среди молодежи в угольных районах страны. "Мы получили сведения о таких фактах, — докладывали в этой связи члены проверочных комиссий, — о которых просто трудно рассказать, трудно им верить... Например, в Караганду на одну из шахт прибыло 30 человек крепильщиков. Квалификация серьезная! А на них на всех дали в забой 1 топор. Что они могут заработать при таком положении? ! Это же возмутительно. И они возмутились, стали дезертировать, воровать, убивать, и половину из них пересудили"¹².

Ежегодно сотни тысяч советских граждан становились по тем или иным причинам "дезертирами". Естественно, большинство из них надеялись избежать наказания, однако это удавалось далеко не всем. В отраслях оборонной промышленности, особенно в угольной, проходили сотни открытых судебных процессов над "дезертирами". Как уже было показано выше, военные трибуналы войск МВД и транспорта осудили в 1946— 1947 гг. за самовольный уход с

предприятий 163 978 гражданских лиц, из них приговор к лишению свободы получили 151 702 человека.

В последующие годы гражданские и специальные суды активно продолжали карательную практику в отношении граждан, не желавших находиться в "крепостной зависимости". В 1949 г. за самовольный уход с предприятий и учреждений (еще продолжал действовать Указ от 26 июня 1940 г.) к лишению свободы на разные сроки были осуждены 263 897 человек (26,2% от числа приговоренных к лишению свободы), в 1950 г. - 204 533 (25,3%), в 1951 г. - 113 665 (17,3%), 1952г. - 74 258 человек (11,4%) и.

В послевоенные годы в стране были изданы десятки указов, постановлений, инструкций и приказов, как тайных, так и гласных, которые грубо нарушали конституцию и права человека.

Стремясь в корне пресечь всякое тяготение советских людей к сближению с западным миром, Президиум Верховного Совета СССР издал 15 февраля 1947 г. Указ о запрещении браков между гражданами СССР и иностранцами¹⁴. Появление этого закона отчасти было обусловлено тем, что в период войны многие советские женщины, оказавшиеся за границей, вышли замуж за иностранцев и родили от них детей. По оценкам некоторых исследователей, только в европейских странах насчитывалось порядка 30 тыс. таких женщин и еще больше детей, родившихся в этих интернациональных семьях¹⁵. По существовавшему положению о репатриации, советские женщины, вышедшие замуж за иностранцев и имевшие от них детей, не подлежали обязательной репатриации. Они могли по собственному желанию возвратиться в СССР вместе со своими детьми, но при одном обязательном условии — без мужа-иностранца. Просьбы многих таких женщин позволить им вернуться на Родину не только с детьми, но и с мужем-иностранцем никогда не удовлетворялись. Часть из этих женщин все же вернулась в СССР, оставив мужей и забрав детей.

На женщин, вступивших в брак с иностранцами, но не имевших от них детей, распространялся принцип обязательной репатриации. У них изымались брачные свидетельства, брак объявлялся недействительным, и они без мужей вывозились в СССР, где подлежали проверке и фильтрации. Такая же судьба ждала и женщин, имевших детей, если выяснялось, что муж-иностранец является не отцом, а отчимом ребенка¹⁶. Нет сомнений, что многие женщины, потерявшие своих мужей-иностранцев в результате насильственной или

добровольной репатриации в СССР, в тайне надеялись на последующее воссоединение семей, но Закон от 15 февраля 1947 г. лишал их такой возможности.

Это грубое вмешательство государства в личную жизнь своих граждан не только разбивало мечты и судьбы, но давало дополнительную работу следственным органам. Лиц, уличенных в дружеских связях с иностранцами, как правило, привлекали к уголовной ответственности, руководствуясь формально ст. 7 и 35 УК РСФСР. Статья 7 определяла, что "в отношении лиц, совершивших общественно-опасные действия или представляющих опасность по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности", могут быть применены различные меры наказания, а ст. 35 указывала на возможные санкции.

"За связь с иностранцами" в ГУЛАГ попала немалая часть советских граждан, особенно молодежи. Обычно таких обвиняемых относили к категории "социально-опасный элемент" (СОЭ) и на основании постановления Особого совещания при МГБ СССР отправляли в лагеря на пять лет. В качестве примеров официального оформления таких "дел" приведем два документа:

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 34

Особого совещания
при Министерстве государственной безопасности
Союза ССР
от 23 августа 1947 г.

СЛУШАЛИ

20. Дело № 154 / УМГБ Московской обл. по обвинению ЛАХТЕР Нинель Леоновны, 1926 г.р., ур. гор. Москвы, русская, гр. СССР, б/п. До ареста машинистка конторы Госбанка. Обвиняется по ст. 7-35 УК РСФСР

ПОСТАНОВИЛИ

ЛАХТЕР Нинель Леоновну, как социально-опасный элемент — заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на ПЯТЬ лет, считая срок с 20 апреля 1947 г.

Нач. Секретариата Особого совещания

(Подпись)

Волею судьбы эта молодая женщина попала в 1948 г. в один из вновь организованных особых лагерей. На запрос руководства ГУЛАГа, по мнению которого она не подпадала

под перечень особо опасных государственных преступников, почему заключенная Лахтер подлежит содержанию в особом лагере, а не в обычном ИТЛ, руководство МГБ ответило: "Сообщаем, что Лахтер Нинель обвинялась в том, что на протяжении 1944 — 1947 годов поддерживала близкие связи с сотрудниками иностранных посольств и военных миссий, находившихся в гор. Москве, посещала их частные и служебные помещения, с некоторыми из них сожительствовала, за что получала от них подарки"¹⁷. Никаких указаний на ее "шпионскую" или "контрреволюционную" деятельность не было, что, однако, не помешало МГБ направить осужденную в особорежимный лагерь, откуда выбраться было значительно сложнее, чем из обычного лагеря.

Второй документ свидетельствует, что иногда в подобных "делах" фигурировали некоторые "отягчающие обстоятельства", что, однако, не влияло на приговор.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 5

Особого совещания
при министре государственной безопасности
от 10 февраля 1950 г.

СЛУШАЛИ

157. Дело № 727 УМГБ Ленинградской обл. по обвинению Бубновой Зинаиды Александровны, 1911 г.р., ур. Калининской обл., рус, гр. СССР, б/п, обр. высшее. Обвиняется по ст. 7-35 и 182 п.4 УК РСФСР

ПОСТАНОВИЛИ

Бубнову Зинаиду Александровну, за незаконное хранение холодного оружия и как социально-опасный элемент, заключить в ИТЛ сроком на ПЯТЬ лет, считая срок с 24 августа 1949 г.

Нач. Секретариата Особого совещания

(Подпись)

З.А. Бубнова была матерью малолетнего ребенка. Родственники осужденной надеялись, что это обстоятельство послужит основанием для ее досрочного освобождения, так как в тот период из лагерей было освобождено несколько десятков тысяч матерей, имевших малолетних детей. Однако Бубнова отбывала наказание в одном из особых лагерей. В этой связи на ходатайство родственников о ее освобождении был получен ответ, в котором, в частности, сообщалось, что "заключенная Бубнова по Указу Президиума Верховно-

го Совета от 26/VIII-50 освобождению из лагеря не подлежит, поскольку она содержится в особом лагере, куда направлена как лицо, поддерживавшее подозрительные по шпионажу связи с иностранцами и лицами, работающими в иностранных миссиях в г. Москве"¹⁸.

На 1 апреля 1951 г. в ГУЛАГе содержалось 3304 человека, осужденных без состава преступления как "социально-опасный элемент". Они составляли чуть более 0,1% от общей численности заключенных и 0,6% от числа осужденных за контрреволюционные преступления¹⁹.

А.И. Солженицын не ошибался, когда писал, что это был всего лишь "маленький поток". Иное дело Указ от 4 июня 1947 г., после которого "целые дивизии сельских и городских жителей были отправлены возделывать острова ГУЛАГа вместо вымерших там туземцев"²⁰. Это был знаменитый Указ "Об уголовной ответственности за хищение государственного имущества", перекрывавший все существовавшие ранее аналогичные законы и указы. Его превосходство заключалось, прежде всего, в "свежести" и более длительных сроках наказания. Реализация данного указа на практике привела к тому, что "колхозник, укравший мешок картошки", стал, по собственному признанию лагерных служащих, едва ли не главной фигурой ГУЛАГа.

Указ строго различал государственное имущество и общественное. Если за кражу, присвоение или растрату первого давали 7 — 25 лет лагерей в зависимости от обстоятельств, то за посягательство на колхозное или кооперативное имущество суд карал менее строго — от 5 до 12 лет лагерей. Впервые вводилось наказание за недоносительство о хищении государственной или общественной собственности в виде лишения свободы от двух до трех лет или пять — семь лет ссылки²¹.

В условиях массового голода 1946 — 1947 гг., когда население большинства областей Черноземной полосы, Средней и Нижней Волги, Южного Урала, Западной Сибири, Украины и соседних с ней областей Белоруссии и Молдавии, повинуюсь инстинкту самосохранения, пыталось хоть как-то спасти себя от истощения и смерти, органы МВД начали активную борьбу с хищениями.

В 1946 г. за хищения социалистической собственности к уголовной ответственности было привлечено 181 913 человек; в течение 1947 г. — уже 337 751 человек. Из этого числа подсудимых за хищения в госторговле к суду привлекли 8444 человека, в потребкооперации — 6534, в пищевых предпри-

ятиях — 24 803, на объектах "Заготзерно" и мельничных предприятиях — 25 224, в совхозах и колхозах — 177 331, на промышленных предприятиях (кроме пищевых) — 22 518, в промкооперации и кооперации инвалидов — 2805 человек. По Указу от 4 июня 1947 г. судили 183 909 человек, или около 55% от общего числа расхитителей²². Среди привлеченных в 1947 г. к уголовной ответственности за хищения социалистической собственности более половины подсудимых (52,5%) составляли колхозники и работники совхозов, т.е. непосредственные производители хлеба, которые в силу преступной политики государства оказались фактически без средств к существованию.

По сведениям прокуратуры РСФСР, судами республики было осуждено по Указу от 4 июня 1947 г. за хищения государственного и общественного имущества к различным мерам наказания в 1950 г. 117 641 человек (25,3% ко всем осужденным); в 1951 г. - 97 583 (21,4%); в 1952 г. - 103 161 человек (20,9%). Сумма материального ущерба по законченным и переданным в суд делам составила в 1951 г. более 661 млн руб., а в 1952 г. — 689 млн руб. При этом ущерб возмещен только на 46 и 49,5% соответственно²³. Самые крупные растраты и хищения отмечены в государственной торговле и потребкооперации, там они исчислялись десятками миллионов рублей. Колхозы и местная промышленность были далеко не на первом месте, но именно они дали самый высокий процент осужденных.

В современной литературе дискутируется вопрос, можно ли таких осужденных причислять к политическим заключенным или их следует относить к категории уголовных преступников. На наш взгляд, так называемые "указники" — это в большинстве случаев обычные люди, ставшие жертвой карательной политики советского государства, которое сначала лишило их различными способами средств к существованию, а затем, злоупотребляя властью, подвергло несоразмерному наказанию за действия, зачастую продиктованные инстинктом самосохранения. "Указники" не подпадают под действие Закона "О реабилитации жертв политических репрессий", но их дела о реабилитации рассматриваются судами в индивидуальном порядке. Следует отметить, что многие из тех, кто обращался в суд за реабилитацией, были реабилитированы.

В своей карательной практике советское правосудие игнорировало такое общеизвестное понятие, как "крайняя необходимость". Между тем даже Петр Великий, чьи уголов-

ные законы отличались необычайной суровостью, говорил в Артикуле воинском, что "наказание воровства обыкновенно умягчается, или весьма отставляется, ежели кто из крайней голодной нужды съестное или питейное, или иное что невеликой цены украдет"²⁴. Советское же законодательство это юридическое понятие отвергало, и даже самые ничтожные кражи карались очень жестоко.

Вот всего лишь несколько характерных примеров, взятых из судебной практики военных трибуналов за 1947 г. Военный трибунал Нижне-Волжского бассейна за хищение 1 кг пшеницы (во время перегрузки зерна из вагона в баржу) осудил к семи годам заключения в ИТЛ грузчицу Сталинградской пристани Воробьеву, которая после зачистки вагонов набрала себе в карман 1 кг "смета" зерна.

Военный трибунал Каспийского бассейна осудил гражданина Литвиненко к семи годам заключения в ИТЛ за хищение им 300 г негодной к употреблению (возможно, облитой нефтью) пшеницы.

Военный трибунал Черноморского бассейна осудил к семи годам лагерей мастера Одесского порта Лайкевича за хищение 200 г листового табака. Этот табак был собран осужденным на мостовой²⁵.

Не менее сурово относились к расхитителям и гражданские суды. Правовые преследования крестьян в послевоенные годы поражают своим цинизмом и жестокостью. О характере карательной практики гражданских судов можно судить по деятельности народных судов Белгородского, Микояновского и Томаровского районов Белгородской области.

14 июля 1947 г. перед выездной сессией Микояновского районного суда предстала М.Ф. Казакова — член колхоза "Пролетарий", 47 лет, неграмотная, мать двоих детей 5 и 19 лет, вдова. Судья зачитала приговор: «...данными судебного следствия установлено, что обвиняемая Казакова Мария Федоровна 1 июля 1947 г. в колхозе "Пролетарий" совершила кражу сахарной свеклы в количестве 5 кг и ржаных колосьев в количестве 600 гр. После кражи обвиняемая Казакова была задержана, свекла и рожь изъяты и переданы в колхоз "Пролетарий". Выездная сессия нарсуда приговорила: обвиняемую Казакову М.Ф. подвергнуть мере наказания по ст. 3 Указа Президиума Верховного Совета от 4 июня 1947 г. — к заключению в исправительно-трудовые лагеря сроком на 5 лет без поражения прав по отбытию и без конфискации имущества ввиду отсутствия такового. Ребенка пяти лет передать на воспитание брату Казакову В.Ф.»²⁶

16 июля 1947 г. Томаровский районный суд приговорил двух молодых крестьянок из колхоза "Страна Советов" за кражу около 4 кг картошки к заключению в ИТЛ сроком на 6 лет; отягчающим обстоятельством суд посчитал "договоренность между собой". Несогласные с решением районного суда Е.Г. Пропашкина и Т.Н. Маслиева подали жалобу в областной суд. Ответ коллегии по уголовным делам гласил: "Суд правильно квалифицировал состав преступления осужденных... и меру наказания избрал в соответствии с совершенным преступлением. Осужденные Пропашкина и Маслиева в своих жалобах просят учесть их материальное положение, которое не является нормальным в силу разорения их хозяйств немецкими оккупантами. Просьба осужденных Пропашкиной и Маслиевой не может быть удовлетворена, так как их преступное действие было направлено на ослабление экономической мощи колхоза"²⁷.

Малограмотная крестьянка из колхоза им. Сталина М.А. Марченко, осужденная Белгородским районным судом "за хищение колосьев ржи в количестве 850 грамм, которые были у нее обнаружены при обыске", к заключению в ИТЛ на пять лет без конфискации имущества, объяснила суду, что она совершила означенное преступление в силу тяжелого материального положения, так как у нее на иждивении 73-летняя больная мать. Суд эти доводы посчитал неосновательными, а преступление доказанным²⁸.

В судебной практике послевоенных лет аналогичные приговоры встречались повсеместно и не только по делам колхозников. В литературе описано немало случаев, когда в лагеря отправляли за катушку ниток, пару чулок, два-три десятка папирос, украденных на производстве²⁹.

Справедливости ради, нужно отметить, что не всегда судебные приговоры были столь суровы. Многие судьи для смягчения участи осужденных пытались применять ст. 51 УК РСФСР, которая допускала "по исключительным обстоятельствам дела" определять меру наказания "ниже низшего предела", указанного в законе, и ст. 53 УК РСФСР, по которой суд мог назначить условное осуждение. В среднем по РСФСР процент применения ст. 51 и 53 УК РСФСР составлял 23,4, в других автономных республиках, краях и областях РСФСР он колебался от 27 до 46%³⁰. Такая судебная практика трактовалась как "политически вредная" и вызывала строгие нарекания со стороны проверяющих партийных органов, которые отмечали "слабость судебной репрессии

о хищении государственного и общественного имущества" и требовали "усилить карательную практику судов"³¹.

Часто на более суровых наказаниях настаивали прокуроры. Например, прокурор Куйбышевской области добился путем обращения в Прокуратуру СССР, что приговор по делу Н.В. Фоминой, осужденной по Указу от 4 июня 1947 г. к 10 годам заключения в ИТЛ *условно* за хищение 12 мешков картофеля, был по протесту Генерального прокурора СССР отменен Верховным судом РСФСР "за мягкостью меры наказания".

Дела о хищениях государственной и общественной собственности рассматривались всеми видами судов, наиболее распространенной мерой наказания было заключение в исправительно-трудовой лагерь. В 1949 г. за хищение государственного и общественного имущества (не только по Указу от 4 июня 1947 г.) суды СССР приговорили к лишению свободы на разные сроки 223 551 человека, что составило 22,2% от общей численности осужденных к лишению свободы; в 1950 г. - 194 673 (24,1%), в 1951 г. - 152 890 (23,2%), в 1952 г. - 170 388 человек (26,2%)³².

Советское руководство охраняло не только государственную и общественную собственность. 4 июня 1947 г. Президиум Верховного Совета СССР принял также Указ "Об усилении охраны личной собственности граждан", по которому за кражу полагалось 5 — 6 лет лагерей, за разбой — 10 — 15 лет с конфискацией имущества. При отягчающих обстоятельствах срок наказания мог быть повышен за кражу до 10, а за разбой — до 20 лет³³. Осужденных по этому Указу было в 2,5 раза меньше, чем тех, кого осудили за расхищение социалистической собственности. В 1949 г. в ГУЛАГ за кражу личной собственности по приговорам всех судов СССР попали 81 490 человек (8,1% от числа осужденных к лишению свободы), в 1950 г. - 64 486 (8%), в 1951 г. - 61 017 (9,3%), в 1952 г. - 65 143 человека (10%)³⁴.

В 1948 г. еще не оправившуюся от войны и голода деревню ждал новый удар. 26 июня 1948 г. МВД отправило из европейской части России в Норильск, расположенный за Полярным кругом, на предприятия горнорудной промышленности эшелон крестьян численностью 1178 человек. Через четыре дня туда же отправился другой такой же эшелон³⁵. Это были первые результаты действия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. о выселении из сел и деревень лиц, "которые упорно не желают честно трудиться, ведут антиобщественный образ жизни, подрывают

трудовую дисциплину в сельском хозяйстве и своим пребыванием в селе угрожают благосостоянию колхозов, колхозников и их безопасности"³⁶. Выселение осуществлялось по так называемым "общественным приговорам" колхозных и сельских собраний на срок до восьми лет.

На основании этого указа, инициатором которого выступил в начале 1948 г. первый секретарь ЦК Компартии Украины Н.С. Хрущёв, Совет Министров СССР обязал МВД направлять выселяемых крестьян "в отдаленные районы в бассейнах рек Оби, Енисея и Лены" для работы, в первую очередь, "на предприятиях Дальстроя и Главспеццветмета МВД, исправительно-трудовых лагерей МВД, на железнодорожном строительстве МВД". В 1948 г. на спецпоселение по "общественным приговорам", которые утверждались районными исполкомами, было направлено 27 335 человек, в последующие годы подобная практика значительно сократилась. Всего по Указу от 2 июня 1948 г. осудили и выселили за период с 1948 по 20 марта 1953 г. 33 266 крестьян, за которыми добровольно последовали в места высылки 13 598 членов их семей. За этот же период признали "неправильно выселенными" и, соответственно, освободили от наказания 3915 человек³⁷, среди которых были женщины с грудными детьми, инвалиды, хронические больные.

Послевоенные репрессии затронули все слои населения и социальные группы. Только в течение 1947 — 1948 гг. в лагерь и колонии ГУЛАГа поступили 2 569 283 вновь осужденных (в 1947 г. - 1 490 959, в 1948 г. - 1 078 324 человека), для их размещения было дополнительно организовано 42 лагеря (27 лагерей - в 1947 г. и 15 - в 1948 г.)³³.

В 1947 г. из ГУЛАГа выбыли в связи с освобождением и по другим причинам 1012 967 заключенных, в 1948 г. население лагерей и колоний сократилось на 842 036 человек, в том числе 111 380 заключенных были освобождены в соответствии с Указом от 2 мая 1948 г. об отмене военного положения на железнодорожном, речном и морском транспорте и по Указу от 31 мая 1948 г. об отмене действовавшего Указа от 26 декабря 1941 г. "Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий"³⁹. Как видим, "прибыло" за два года на 714 тыс, заключенных больше, чем "выбыло".

Значительный рост числа заключенных в послевоенный период обострил и без того достаточно сложную кадровую ситуацию в Главном управлении лагерей. Одним из источников комплектования кадров ГУЛАГа стали после войны

проверочно-фильтрационные лагеря (ПФЛ). Формально обитатели ПФЛ не считались заключенными, хотя и находились под конвойной охраной в условиях, мало чем отличавшихся от лагерей ГУЛАГа. После соответствующей проверки всех задержанных, если они, конечно, не попадали под подозрение органов госбезопасности, освобождали и направляли либо на работу по месту постоянного жительства, либо на укомплектование так называемых "рабочих батальонов", сформированных специально для работы в промышленности, либо возвращали в воинские подразделения. Часть прошедших фильтрацию граждан поступала в ведение НКВД—МВД. На 1 января 1946 г. таких кадров насчитывалась 31 тыс. человек. Чаще всего репатриантов и бывших красноармейцев посылали служить в войска военизированной стрелковой охраны (после войны вместо сокращения ВОХР стала употребляться аббревиатура ВСО). Положение этой категории охранников было чрезвычайно трудным. Большинство из них категорически не желали нести «псовую службу» и всеми способами стремились от нее избавиться.

Численность лиц, пришедших в охрану из ПФЛ, была весьма значительной, особенно в первые послевоенные годы, и составляла 16 — 20% от всего рядового состава, доходя в отдельных лагерях до 80%. В 1950 г. начальник политотдела ИТЛИК Управления МВД Московской области Н. Исаев докладывал в Московский комитет ВКП (б): "В некоторых подразделениях имели место случаи отрицательных высказываний по вопросам службы и бытовых условий. Некоторые стрелки, особенно бывшие в ПФЛ, не желают продолжать службу и всячески уклоняются от нее... Всего в системе ВСО находится 412 человек стрелков, бывших в ПФЛ, большая их часть не дисциплинированы, не желают служить и своим поведением отрицательно влияют наличный состав"⁴⁰.

Протест против принудительного привлечения к работе в органах МВД проявлялся по-разному: стрелок одного из подмосковных лагерей Радкевич отказался давать подписку о прохождении службы в охране, неоднократно подавал заявления с просьбой об увольнении, предупреждая, что "если его не уволят по-хорошему, то он добьется увольнения по-плохому"⁴¹. Категорически отказался служить в охране бывший репатриант Данилюк. Свое неординарное поведение он мотивировал однозначно: "Я вообще не желаю служить в органах МВД"⁴². После многочисленных "проработок" строптивого стрелка из системы ВСО уволили.

Нередкой формой протеста было самоубийство. Ежегодно в ГУЛАГе три-четыре сотни подневольных охранников добровольно уходили из жизни. Расследуя случаи самострелков, лагерное начальство далеко не всегда находило какие-либо конкретные причины самоубийств, чаще выводы комиссий формулировались примерно так: "Особых причин, побудивших стрелка к такому поступку, не установлено. Этот факт является ничем иным, как малодушием, проявленным на почве его личных переживаний"⁴³. О каких же "личных переживаниях" шла речь?

В 1950 г. в одной из подмосковных колоний предотвратили попытку самоубийства стрелка. На собственную жизнь покушался репатриант Подопригора, который с 1942 по 1949 г. находился на территории Германии и проживал в американской зоне оккупации. Свое "упадническое настроение" охранник объяснил так: "Да, у меня было настроение покончить жизнь самоубийством. Причиной этого настроения является то, что я давно служу, и до сего времени меня не прописывают, и почти каждый день приходит милиционер с предупреждением о выселении с квартиры, а потому на этой почве у меня каждый день скандалы в семье"⁴⁴.

У советской власти была своя логика: она доверяла ненадежным, с ее точки зрения, людям оружие, но боялась доверить им документы, т.е. сделать их полноправными гражданами. Стрелки из числа бывших военнопленных и репатриантов по несколько лет не могли получить прописку, не имели ни паспортов, ни военных билетов. Отсутствие документов делало человека абсолютно бесправным, унижало его человеческое достоинство, вызывало одновременно озлобление и рабскую покорность, жизнь превращалась в мучение.

В 1948 г. начальник одного из подмосковных лагерей Шпиндель докладывал коллегам о сложившейся ситуации: "Мы имеем такие факты, когда целый ряд бойцов и сержантов еще не прописан. Мы имеем также много бойцов и сержантов, не имеющих вообще никаких документов. Люди женятся, но браки их не регистрируются без документов. Больше того, дети от такого брака являются незаконнорожденными, так как их рождение милиция тоже отказывается регистрировать"⁴⁵. Заметим, что речь идет не о заключенных, а о юридически свободных людях. Такое положение в значительной степени сохранялось вплоть до начала 1950-х годов.

Несмотря на то что стрелки из числа советских военнопленных и репатриантов вели себя, по оценкам начальства,

"вызывающе" и "отрицательно воздействовали на личный состав", их не увольняли из-за острой нехватки охранников. В 1947 г. в военизированной стрелковой охране ГУЛАГа служили 157 тыс. человек, до полного укомплектования штатов охранников не хватало более 40 тыс. стрелков⁴⁶.

Как и в довоенный период, рядовой и сержантский состав охраны комплектовался преимущественно путем вербовки демобилизованных солдат Советской Армии, которые давали подписку о согласии служить в ГУЛАГе в течение двух-трех лет. В начале 1950-х годов в охрану лагерей и колоний военкоматы стали призывать граждан, не годных к строевой службе.

В 1947 г. по инициативе молодого секретаря партийной организации подмосковного лагеря № 38 Гавриловой стрелки дали подписку "бдительно нести службу в военизированной охране до конца выполнения пятилетнего плана" и обратились ко всему личному составу ВСО ГУЛАГа с призывом последовать их примеру⁴⁷. "Обращение" получило широкий резонанс. По всем лагерям и колониям начался сбор подписей охранников. Политотделы развернули агитационную кампанию, и уже в следующем году более 96% личного состава ВСО, среди которого было немало женщин, дали письменное обязательство нести непрерывную службу до конца пятилетки без единого нарушения дисциплины.

В свою очередь руководство МВД издало ряд приказов, направленных на улучшение материально-бытовых условий работников подразделений ВСО. После проведения шумной кампании начальники лагерей и политотделов бодро докладывали министерскому руководству: "Раньше было много побегов и аморальных проступков, 70% личного состава отказывались служить в охране, а сейчас все закрепились до конца пятилетки, снизились до минимума аморальные проступки... Раньше бойцы питались хуже заключенных, поэтому царила текучесть личного состава ВСО, дисциплина была слабая, в результате совершались побеги заключенных. Сейчас бойцы живут в хороших условиях, текучести среди них нет, побегов заключенных нет"⁴⁸. На самом деле никаких существенных перемен в положении лагерной охраны не произошло: где-то отремонтировали казарму, где-то семейному стрелку выдали долгожданную комнату, где-то действительно стали чуть лучше кормить и чаще показывать кино. В целом же, все осталось по-прежнему, поскольку никакой приказ и никакая политическая кампания не могли изменить менталитет охранника, повисить его

образовательный уровень, научить собственному достоинству и воспитать уважение к людям.

В материалах комиссии ЦК КПСС, которая осуществляла в конце 1953 г. проверку кадров ГУЛАГа, отмечалось: "Многие работники, особенно из числа военизированной охраны, чинят произвол, пьянствуют, совершают преступления. В первом полугодии 1953 г. нарушили воинскую дисциплину 19 612 работников охраны. 76 человек покончили жизнь самоубийством". 187 охранников совершили уголовные преступления⁴⁹. Далее следовал длинный перечень примеров совершенных преступлений: бесцельной стрельбы, в результате которой гибли заключенные, хулиганства, террора местного населения, и все это на фоне беспросветного всеобщего пьянства.

Образовательный уровень личного состава ВСО (офицеров и рядовых) в 1954 г. выглядел следующим образом: с высшим и неоконченным высшим образованием — 0,2%, со средним — 2,5, неполным средним — 18,5, низшим — 70,8%^{3*}, вообще не имели никакого образования 8% охранников⁵⁰. Можно было бы предположить, что отсутствие элементарной грамотности стрелки компенсировали высоким профессиональным уровнем, однако это не так. Редко кто из охранников проявлял успехи в боевой или политической подготовке. Командиры дивизионов неоднократно с возмущением докладывали на совещаниях: "Бойцы не знают как смазывать, чистить и беречь оружие... Девушка-боец стоит на посту с заткнутым тряпочкой каналом ствола... Некоторые бойцы ходят на пост с чужими винтовками, а свои не берут из-за того, что чистить каждый раз лень... Многие не знают калибра своей винтовки, не пристреливали ее..."⁵¹ и т.п.

Что же касается политической грамотности стрелков, то, похоже, партийные органы не особенно стремились к просвещению лагерной охраны. В 1947 г. вышло даже специальное указание политотдела ГУЛАГа: "Ни в какие политкружки бойцов не включать"⁵². В этой связи вряд ли стоит удивляться, что один из руководителей войсковой комсомольской организации на вопрос: "Что вы знаете о доктрине Трумэна?" ответил: "Это какая-то приезжая женщина из Америки"⁵³.

^{3*} Под низшим образованием понималось, как правило, 1—2 класса начальной школы. В 1946 г. низшее образование имели 92,6% личного состава ВСО.

Характеристика личного состава ВСО будет неполной, если не остановиться на вопросе о национальном составе охранников. В литературе высказывалось мнение, что в охране чаще всего служили кадры не русской национальности, а преимущественно выходцы из Средней Азии и других национальных окраин. Это делалось, якобы, специально для того, чтобы усилить враждебное отношение конвоиров-нацменов к заключенным, среди которых преобладали русские. Такое мнение мало соответствует действительности. В послевоенный период подавляющее большинство кадров ВСО имели русское происхождение. В 1945 г. национальный состав воензированной охраны лагерей и колоний выглядел следующим образом: русские — 91,6%, украинцы — 4,9, белорусы ~ 1,5, казахи, узбеки, азербайджанцы — 2%⁵⁴. Годом позже численность русских сократилась до 84%, а украинцев и белорусов возросла до 10,8% (в основном за счет репатриантов), на долю других национальностей приходилось 5,2%⁵⁵.

Положение в корне переменялось к середине 1950-х годов. У нас нет точных данных о национальном составе воензированной охраны на тот период, но мы располагаем другими сведениями: начиная с 1955 г. лагерное руководство всех уровней, от начальника лагеря до министра внутренних дел, повторяет одно и то же — новое пополнение стрелков не владеет русским языком или знает его очень слабо, общеобразовательная подготовка новых кадров составляет 2 класса⁵⁶. В апреле 1956 г. министр внутренних дел Н.П. Дудоров строго конфиденциально информировал ЦК КПСС о том, что личный состав воензированной стрелковой охраны "требует значительного качественного улучшения", поскольку в охрану лагерей и колоний призываются граждане, многие из которых "малограмотные, а некоторые, особенно призываемые из республик Средней Азии, Закавказья, Прибалтики, не владеют русским языком"⁵⁷.

Такой наплыв кадров нерусской национальности можно объяснить лишь тем, что в 1955 г. в лагерную охрану стали набирать мужчин 1934 г. рождения. Как показали исследования российских ученых, именно на 1934 г. приходится самое малое число родившихся в стране младенцев. В 1933 г. естественный прирост населения характеризовался отрицательной величиной. Основные людские потери понесли Украина и Россия, но структура убыли в этих республиках была различной. Если на Украине в отрицательном приросте основной составляющей была огромная смертность, то по РСФСР главный вклад — 70% — внесло снижение рождаемости⁵⁸.

Это были трагические последствия безответственной политики правящей партии: насильственная коллективизация и форсированная индустриализация спровоцировали массовый голод 1932/33 г., привели к резкому падению рождаемости русского населения.

Возвращаясь к вопросу о национальном составе лагерной охраны, можно отметить, что МВД, получая кадры, не владевшие русским языком, в определенной мере пожинало плоды своей собственной карательной политики, которую безжалостно проводило по отношению к крестьянству. Неродившихся русских парней заменили в составе войск МВД граждане из азиатско-кавказских республик. В дальнейшем практика призыва в лагерную охрану лиц нерусской национальности получила широкое распространение и стала в какой-то мере традиционной.

По служебному положению и морально-интеллектуальному уровню к лагерной охране тесно примыкал надзорсостав. Внутренняя надзирательная служба была введена в ГУЛАГе в апреле 1944 г. Ее комплектование происходило в основном за счет военизированной охраны, бывших заключенных и местного населения. Структура надзорной службы включала в себя начальников надзорслужбы, старших надзирателей и просто надзирателей. Женщины составляли примерно 15—16%. Более половины служащих этой категории были люди среднего возраста — от 30 до 40 лет, на долю лиц старше 40 лет приходилось 40,8%. Партийно-комсомольская прослойка составляла около 25%⁵⁹. Членство в партии не считалось в среде надзирателей особым преимуществом. Скорее наоборот: многие видели в нем только дополнительную обузу. О негативном отношении к партийным органам части надзорсостава и некоторых лагерных служащих свидетельствует то, что многие из них при поступлении на службу скрывали свою принадлежность к партии или после увольнения не забирали партийные документы и считали себя добровольно выбывшими из рядов ВКП (б)⁶⁰.

Надзиратели составляли наименее образованную группу лагерных кадров. В 1954 г. среди них только 2% имели среднее образование, остальные 98% — низшее или начальное. Руководство ГУЛАГа неоднократно предпринимало попытки повысить деловую квалификацию и общеобразовательный уровень своих работников. Во многих лагерных управлениях специально для надзорслужбы были организованы учебные пункты, в которых группы надзирателей по 25 — 30 человек проходили переподготовку с отрывом от основной

работы. Кроме того, в системе ГУЛАГа существовала сеть курсов повышения квалификации, где работники лагерей и колоний в течение 15 — 25 дней изучали по специально разработанной ГУЛАГом программе следующие предметы: биографию Сталина, историю ВКП (б), географию СССР и зарубежных стран, а также предметы спецподготовки⁶¹.

Попытки руководства ГУЛАГа качественно улучшить кадровый состав лагерных служащих не имели успеха. Несмотря на полученные во время учебы хорошие оценки, надзиратели по-прежнему обирали заключенных (наиболее распространенный способ — брать деньги взаймы и не возвращать), глумились над ними, попирая человеческое достоинство, избивали. Формы издевательства могли быть самыми разнообразными. Например, зимой 1949 г. в нескольких лагерях Подмосковья, особенно в шахтерских, надзиратели придумали себе такое развлечение: глубокой ночью они будили заключенных и начинали их стричь и брить⁶². Подобных примеров можно привести тысячи, достаточно лишь взглянуть в мемуары выживших узников ГУЛАГа.

Численность и состав лагерных кадров определялись двуединой задачей ГУЛАГа: обеспечить охрану и режим содержания заключенных, а также выполнить большой комплекс производственных заданий. Как говорил министр внутренних дел С.Н. Круглов, советские "лагеря должны быть образцовыми: с одной стороны, это должна быть тюрьма, с другой стороны, заключенные должны в процессе труда перевоспитываться"⁶³. В зависимости от спускавшихся сверху установок на первый план в работе ГУЛАГа выходили то задачи укрепления режима, то хозяйственные вопросы.

В июле 1952 г. ЦК ВКП (б) и МВД провели совместную проверку состояния дел на строительстве № 16 строго секретного объекта в Иркутской области — комбината по производству искусственного жидкого топлива. Проверка показала, что руководители подразделений этого строительства грубо нарушали главный партийный принцип подбора кадров — политическое доверие. В материалах ревизии отмечалось: "Много заключенных, осужденных за контрреволюционную деятельность, работают начальниками подразделений — и замещают штатные должности... Многие начальники лагерей стараются сократить число вольнонаемных кадров и заменить их заключенными"⁶⁴. Начальниками планового, сметного, технического отделений были заключенные, причем нередко у них в подчинении находились вольнонаемные коммунисты и комсомольцы. Особенно досталось от

ревизоров начальнику механического завода Уханову, который полностью игнорировал приказ начальника строительства генерал-майора С.Н. Бурдакова о замене заключенных вольнонаемными сотрудниками. "Уханов принял двух освободившихся из лагеря по зачетам рабочих дней и сразу назначил их на должности старших инженеров, хотя ни тот, ни другой специального образования не имеют, но зато оба сидели по контрреволюционным статьям"⁶⁵, — отмечалось в материалах проверки.

На этом строительстве сложились достаточно доброжелательные отношения между вольнонаемными кадрами и заключенными. Особенно массовый характер приобрела связь вольнонаемных женщин с заключенными мужчинами. За короткий срок в 1952 г. шесть работниц конторы вышли замуж за только что освободившихся заключенных. Причем на их свадьбах гуляли руководители лагерной администрации. Некоторые начальники лагерей устраивали у себя на квартирах вечеринки по случаю освобождения "контрреволюционеров". Такое поведение лагерной администрации партийные ревизоры характеризовали как "вопиющее ротозейство" и "потерю политической бдительности"⁶⁶.

Дружеские отношения между вольнонаемными кадрами и заключенными складывались далеко не всегда. Многих правоверных коммунистов сжигала благородная ненависть к "врагам народа" и, болея душой за дело коммунизма, они писали доносы, часто анонимные. В начале 1953 г. один из таких доносов поступил к секретарю ЦК КПСС Г.М. Маленкову.

Некто Иванов деловито и безграмотно "стучал": "Товарищ Маленков, просим срочного принятия мер к начальнику управления Озерлага МВД СССР тов. Евстигнееву. Во-первых, карьерист. Во-вторых, служит врагам народа. Просим проверить его происхождение и особенно его жены. Его жена, бывшая заключенная, дала подписку служить врагам народа, будучи в заключении. И сейчас, пользуясь служебным положением мужа, помогает врагам народа. Помогает устраиваться бывшим заключенным по 58 статье на работу в Управление особого лагеря, принято по ходатайству жены Евстигнеева 3-я часть заключенных, бывших репатриантов, евреев, у которых есть родственники в Америке, и прочих проходимцев..." Самого Евстигнеева анонимный доносчик характеризовал так: "Высшего образования не имеет, нечестный, малосознательный, марксизм-ленинизм знает поверхностно... Заелся, что помещик. Ездит в рабочее время на охо-

ту на легковой машине. Имеет на стороне 2-ю жену и дочку двух лет. Морально разложившийся. Просим помещика убить, разоблачить и привлечь к ответственности"⁶⁷.

Проверкой этой анонимки занималось Управление МВД Иркутской области. О результатах докладывалось: "Проверкой фактов о незаконных действиях начальника Управления Озерного лагеря МВД СССР полковника Евстигнеева установлено, что часть из этих фактов нашла свое подтверждение". Жена начальника лагеря, А.И. Евстигнеева, действительно была осуждена в 1936 г. на два года за растрату материальных ценностей и отбывала наказание в Бамлаге.

"Что касается засоренности аппарата Управления Озерного лагеря лицами, не внушающими политического доверия, то эти факты подтвердились полностью", — говорилось в заключении комиссии. Проверка установила, что в Озерном лагере работало более 300 сотрудников, на которых имелся серьезный компрометирующий материал: судимость за контрреволюционные преступления, пребывание в плену и т.д. Нашли и еврея, у которого родственники за границей, и сына кулака и всех других, о ком писал анонимный доносчик. ЦК КПСС потребовал от руководства ГУЛАГа "очистить аппарат Управления Озерного лагеря МВД от лиц, не внушающих политического доверия"⁶⁸. Поступило также указание заменить и самого начальника Управления Озерного лагеря полковника С.К. Евстигнеева, что, однако, выполнено не было. Евстигнеев оставался руководителем Озерного лагеря до конца 1957 г.

Здесь, нарушая хронологию повествования, сделаем небольшое отступление. Бывший начальник Озерлага, которого в Братске называют "живой легендой", с большими почестями и в полном благополучии вступил в XXI в. В 2001 г. Сергею Кузьмичу Евстигнееву исполнилось 90 лет. Это событие было отмечено торжественным приемом у мэра города и многочисленными передачами на городских радио- и телеканалах, публикациями в газетах. Среди горожан мало кто воспринимает Евстигнеева в качестве бывшего начальника особорежимного лагеря. Для большинства жителей Братска он, прежде всего, бывший заместитель начальника Управления строительства "Братскгэсстрой", куда Евстигнеев перешел работать после ликвидации Особого лагеря № 7. Член братского "Мемориала" В. Миронова, свидетельница этих необычных юбилейных торжеств, пишет о Евстигнееве: «По всему видно, пик его карьеры, лучшие годы — это Озерлаг. Часами может Сергей Кузьмич рассказывать, как хорошо

жилось заключенным, и клеймить "очернителей", утверждающих обратное. До сих пор он уверен (скорее всего, делает вид), что безвинно осуждены были единицы, а остальные сидели за дело... Евстигнеев очень уверенно отстаивает свою точку зрения и перед микрофоном, и даже в зале суда»⁶⁹. Да, верный слуга ГУЛАГа подал иск о защите чести и достоинства, призвав в качестве ответчика одного из "очернителей" лагерного прошлого.

Отметим, что на 1 апреля 1951 г. в Озерном лагере содержалось 36 843 заключенных, из них "особого контингента", т.е. осужденных по контрреволюционным статьям, — 33 225 человек, в том числе 3999 каторжан, "общего контингента" — 3618 человек. Среди заключенных было 8351 женщин⁷⁰. Практически все политические заключенные впоследствии были реабилитированы, многие посмертно.

Прискорбно, что современное население Братска всецело на стороне бывшего лагерного начальника, который, по словам В. Мироновой, "узурпировал право на память об Озерлаге". С.К. Евстигнеев в своей небольшой статье "Я был солдатом партии" доказывает: «Вот заключенные "вспоминают", журналисты сочиняют, мол, солдаты запросто стреляли в заключенных. Это злостная клевета»⁷¹. Нет, к сожалению, не клевета, архивные документы свидетельствуют, что это было весьма распространенное явление. Впрочем, в особом Озерном лагере под руководством Евстигнеева солдаты не всегда стреляли, иногда они поступали иначе. Например, по свидетельству заместителя начальника политотдела ГУЛАГа А.В. Снегова, "в Озерном лагере солдаты охраны, уйдя на преследование, догнали заключенного, подняли его и бросили на землю, после чего он умер"⁷².

Но вернемся к анонимному доносу. Абстрагируясь от данного конкретного случая, нужно заметить, что в целом характеристика, данная анонимным доносчиком Ивановым руководителю Озерлага, вполне соответствовала тому типу лагерного начальства, который сложился в ГУЛАГе в конце 1940-х — начале 1950-х годов.

Сигналы с мест, аналогичные приведенному выше доносу, в какой-то мере тормозили процесс превращения лагерей в "поместья" и "вотчины". Кроме того, периодически по просторам ГУЛАГа прокатывались волны борьбы с хищениями и растратами, и тогда зарвавшихся "помещиков" разоблачали, увольняли, а подчас и судили.

В 1949 г. большой резонанс получило дело начальника подмосковного лагеря № 49 Каневского. За служебные зло-

употребления его сняли с занимаемой должности и исключили из членов ВКП (б). В материалах партийной комиссии по этому поводу сообщалось: «По сигналам коммунистов политотдел установил, что Каневский, будучи начальником лагеря, сговорившись с оперуполномоченным Ульяновым, систематически злоупотребляли служебным положением, использовали труд заключенных в своих личных целях, а их жены и дочери беспрепятственно ходили в лагерь, заставляли заключенных бесплатно работать на себя, вымогали у заключенных деньги, угрожая неугодным заключенным этапировать их в другие лагеря, и рассматривали лагерь как свою "вотчину"»⁷³.

Много разговоров в среде лагерного руководства вызвал и другой преступный альянс, разоблаченный следственными органами в 1947 г. Считая себя хозяином жизни, прокурор Московского лагерного управления Минский при поддержке начальника лагеря № 19 Тимошенко выстроил в Подмосковье дачу, оцененную экспертами в 120 тыс. руб. Следствие установило, что строительство дачи вели заключенные, а все стройматериалы добывались жульническим путем, якобы, на нужды лагеря⁷⁴.

Нередко лагерные должностные лица вовлекали в свои аферы заключенных-уголовников: с их помощью со складов воровали и продавали обмундирование, продукты, стройматериалы, готовые изделия и т.п. Наряду с мелкими жуликами среди лагерно-производственной администрации встречались и более крупные дельцы "теневого" лагерной экономики. Некоторые из них оказались разоблаченными благодаря денежной реформе 1947 г. Широкою огласку получил случай с начальником Карагандажилстроя майором А.С. Свиридовым, который за несколько дней до реформы внес в сберкассу почти четверть миллиона рублей, а после выхода новых денег его жена положила на счет еще около 7 тыс. руб. Естественно, что подобная ситуация привлекла внимание компетентных органов. В ходе расследования выяснилось, что во время и после войны Свиридов за бесценок скупал в лагерях мебель и другие вещи домашнего обихода, изготовленные заключенными или полученные ими в посылках из дома, и перепродавал через комиссионный магазин. В апреле 1948 г. его сняли с занимаемой должности как "допустившего незаконные капиталовложения"⁷⁵.

Несмотря на то что в любом лагере на каждом годовом отчетно-выборном партийном собрании перечислялись десятки имен разоблаченных проворовавшихся сотрудников,

самооценка работников ГУЛАГа была достаточно высокой. "Не нужно забывать, что не всякому дано работать в органах МВД, нигде нет более тщательного подбора кадров. Нужно гордиться тем, что нам дозволена работа в органах МВД"⁷⁶, — считали руководители столичного лагерного управления. Не менее патриотичные заявления поступали с мест. "Нет нужды доказывать, — писал в ЦК КПСС сотрудник Северо-Уральского лагеря, — что работники системы ГУЛАГа являются самыми верными слугами своего народа, трудно переоценить их роль в деле укрепления Советского государства. Люди эти, неутомимые труженики, делают очень полезное, но в тоже время очень тяжелое, подчас неприятное, а иногда и опасное дело изоляции и воспитания преступных элементов"⁷⁷.

С начала 1948 г. советское руководство приступило к интенсивной реорганизации всей репрессивной системы. 27 января на рассмотрение Сталину поступил документ, значительно повлиявший на судьбы сотен тысяч заключенных. "В соответствии с Вашим указанием, — докладывали Сталину министр МГБ В.С. Абакумов и министр МВД С.Н. Круглов, — представляем проект решения ЦК ВКП (б) об организации лагерей и тюрем со строгим режимом для содержания особо опасных государственных преступников и о направлении их по отбытии наказания на поселение в отдаленные местности СССР. Просим Вашего решения"⁷⁸.

Первый пункт этого документа гласил:

"Обязать МВД (Круглова)

а) в шестимесячный срок организовать для содержания осужденных к лишению свободы агентов иностранных разведок, диверсантов, террористов, троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров, анархистов, националистов, белоэмигрантов и других участников антисоветских организаций и групп, а также лиц, представляющих опасность по своим антисоветским связям и вражеской деятельности, особые лагеря, общей численностью на 100 000 чел., в том числе: в районе Колымы на Дальнем Севере — на 30 тыс. чел., в Норильске — на 6 тыс. чел., Коми АССР — 6 тыс., Елабуге — Татарской АССР — на 10 тыс., Темниках — Мордовской АССР — 20 тыс., в районе г. Грязовец и Череповец Вологодской области — на 10 тыс., в районе Южи и Юрьевец Ивановской области — на 12 тыс. чел., в районе Караганды — на 6 тыс. человек; и особые тюрьмы на 5 тыс. чел. в г. Владимире, Александровске и Верхне-Уральске.

б) всех осужденных перечисленных категорий перевести из общих ИТЛ и тюрем в 6-месячный срок в указанные выше особые лагеря и тюрьмы, кроме тяжело больных, неизлечимых хроников

и беспомощных инвалидов. Содержание в особых лагерях и тюрьмах осужденных за другие преступления запретить.

в) построить в течение 1948 г. и первой половины 1949 г. дополнительно особые лагеря в отдаленных районах строящейся Байкало-Амурской магистрали (в Иркутской обл. и Хабаровском крае) на 45 тыс. человек⁷⁹.

Менее чем через месяц одобренный Сталиным проект был оформлен в виде секретного постановления Совета Министров, которое предписывало установить в особых лагерях и тюрьмах строгий режим содержания заключенных, запретить все льготы, трудоспособных использовать только на тяжелых физических работах. Фактически это означало, что политические узники особых лагерей (или, как их часто называли, спецлагерей) уравнивались в своем положении с каторжанами. Обследовавшая в 1955 г. один из особых лагерей (Степной лагерь) комиссия Президиума Верховного Совета СССР официально докладывала о своих наблюдениях: "До 1954 г. при так называемом каторжном режиме условия жизни в лагере были невыносимо тяжелыми, унижающими человеческое достоинство. Заключенные на одежде носили крупные номера, на ночь запирались в переполненные бараки, за невыполнение норм лишались пищи"⁸⁰.

Появление в системе ГУЛАГа особых лагерей было напрямую связано с международной кампанией, начатой в ноябре 1947 г. Американской федерацией труда (АФТ) против применения принудительного труда в СССР⁸¹. Сохранявшие в начале 1947 г. нейтральность в этом вопросе правительства США и Великобритании вскоре изменили свою позицию и выразили публичную поддержку действиям и требованиям АФТ. У Советского Союза в данной ситуации нашелся только один защитник — конформистская Всемирная федерация профсоюзов. Ее представитель заявил на одном из заседаний Экономического и Социального Совета ООН (ЭКОСОС), что "они никогда не получали жалоб по этому вопросу от каких-либо входящих в эту организацию национальных профсоюзов"⁸². Профсоюзы СССР, естественно, входили именно в эту организацию. В тот момент у руководства СССР возникли естественные опасения, что ситуация в ЭКОСОС может выйти из-под контроля, и Советский Союз действительно станет объектом проверки специальной комиссией ООН на предмет выявления фактов применения принудительного труда.

Сталин не стал дожидаться, когда "гром грянет", и отреагировал на вызов мировой общественности реорганизацией ГУЛАГа и резким ужесточением условий содержания политических заключенных. В течение 1948 г. на основании секретных указов и постановлений правительства в карательной практике СССР произошли следующие изменения. Во-первых, создавались особые лагеря и тюрьмы со строгим режимом содержания для политических заключенных. Во-вторых, отбывшие наказание "особо опасные государственные преступники" направлялись в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР. В-третьих, начались повторные аресты тех, кто уже отбыл наказание, вышел на свободу, и тем самым представлял опасность как источник нежелательной информации. На основании решений Особого совещания МГБ бывшие заключенные ("повторники") направлялись в бессрочную ссылку на поселение. В-четвертых, устанавливалась уголовная ответственность в виде 20 лет каторжных работ за побег из мест поселения. Такова была реакция советского руководства на попытку "мирового империализма" вмешаться во "внутренние дела" СССР.

Организация особых лагерей началась с весны 1948 г., после выхода секретного постановления Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 г. и двух соответствующих приказов МВД. Эти документы предусматривали выделение дополнительных финансовых и технических средств на строительство и содержание спецлагерей, определяли источники комплектования кадров, их штатную численность и ряд других вопросов. С мая 1948 г. особым лагерям в целях конспирации стали присваивать красивые, иногда даже поэтические названия: лагерь № 1 — Минеральный, № 2 — Горный, № 3 — Дубравный, № 4 — Степной, № 5 — Береговой, № 6 — Речной, № 7 — Озерный, № 8 — Песчаный, № 9 — Луговой, № 10 — Камышовый, № 11 — Дальний, № 12 — Водораздельный⁸³.

По воспоминаниям бывших узников особых лагерей, самым страшным в спецлагере было "ощущение тупика", которое порождалось, в частности, многочисленными случаями "пересиживания". Дело в том, что правительственное постановление содержало пункт, который это явление как бы узаконивал. В нем говорилось: "Направление осужденных для содержания в особых лагерях и тюрьмах производить по назначению органов МГБ; освобождение из особых лагерей осужденных по отбытию ими срока наказания органам МВД производить по согласованию с МГБ СССР. Предоставить

право МГБ СССР в необходимых случаях задерживать освобождение заключенных с последующим оформлением в установленном законом порядке"⁸⁴.

О степени распространения феномена "пересидивания" можно судить по фактам, изложенным в письме заключенной-каторжанки Елены Владимировой, которая в 1948 г. прибыла с колымским инвалидным этапом в Песчаный особый лагерь. Попутно заметим, что для больных измученных людей выдержать зной и пыль казахской степи после колымских морозов представлялось делом весьма тяжелым. В своем заявлении в ЦК КПСС Е.Л. Владимирова сообщала в 1954 г., что многие десятки людей, окончивших срок (и по закону свободных), задерживались в лагере на неопределенный срок, "пересидивали" иногда по несколько лет, некоторые так и умерли в ожидании свободы. Была даже специальная бригада "пересидчиков". Приезжее начальство даже не верило в это. Были случаи объявления пересидчиками голодовок, но безрезультатно.

Эта информация находит полное подтверждение в материалах официального делопроизводства. Например, начальник Особого лагеря № 5 докладывал руководству ГУЛАГа: "По состоянию на 13 апреля 1951 г. в нашем лагере 102 заключенных юридически срок наказания отбыли, а фактически содержатся в лагере..." Начальник Особого лагеря № 3 также сообщал: "Из освобожденных в 1950 г. 51 человека своевременно освобождены только 5, а остальные — с пересидкой в лагере от 1 месяца до 10 месяцев, а 2 человека — более 10 месяцев"⁸⁵. Аналогичные донесения неоднократно поступали и из других особых лагерей.

Разрабатывая положение об особых лагерях и тюрьмах, сотрудники МВД обратились к опыту дореволюционной России. В проекте постановления ЦК КПСС есть ссылка на следующее положение о царской каторге: "За отчислением стоимости материала, каторжным выдается 1/10 часть вырученного дохода, остальной — 50% в доход казны, 50% в пользу тюрьмы... Половина заработка может выдаваться за время нахождения на каторге, а 50% по освобождении". Примечательно, что советские тюремщики считали царский опыт слишком либеральным. В сталинском варианте соответствующий пункт постановления предписывал: "Особые лагеря содержать за счет государственного бюджета Союза ССР. Разрешить МВД 50% из дохода от производственной деятельности особых лагерей, за вычетом стоимости материалов, оставлять в распоряжении этих лагерей..."

Остальные 50% сдавать в доход государственного бюджета"⁸⁶. Как видим, заключенные особых лагерей не получали даже тех крохотных заработков, какие имели каторжники при царском режиме.

В течение 1950—1951 г. лимит наполнения особых лагерей был увеличен до 275 тыс. человек, вместо 145 тыс., предусмотренных постановлением Совета Министров от 21 февраля 1948 г. На 1 июля 1951 г. в СССР было организовано 10 особых лагерей, в которых содержались 236 523 "особо опасных государственных преступника". Из них 53 232 человека (22,5%) были осуждены на срок 25 лет, 18 497 (7,8%) имели срок 20 лет, 24 709 заключенных (10,5%) — 11—15 лет, самую большую группу составляли заключенные со сроком от 6 до 10 лет — 136 520 человек (57,7%), до 5 лет включительно имели срок 3542 человека (1,5%), 23 заключенных отбывали срок наказания пожизненно, чего не предусматривало советское законодательство.

Среди обитателей особых лагерей в 1951 г. было 195 213 мужчин (82,5%) и 41 310 женщин (17,5%). Возрастной состав заключенных характеризовался следующими показателями: до 18 лет - 261 человек (0,1%), с 18 до 25 лет - 54 531 (23%), с 26 до 35 лет - 81 998 (34,7%), с 36 до 45 лет - 50 683 (21,4%), с 46 до 60 лет — 41 306 (17,5%), старше 60 лет — 7744 человека (3,3%)⁸⁷.

Следует заметить, что перечень лиц, попадавших в категорию "особо опасных государственных преступников", не был произвольным. В основном он сформировался в конце 1930-х годов, а с выходом нормативных актов об организации особых лагерей и о направлении "особо опасных государственных преступников" в ссылку на поселение, приобрел официальный статус. В состав "особо опасных государственных преступников" входили 12 групп осужденных, которые располагались в строгой иерархической последовательности. Первыми в списке значились "агенты иностранных разведок" ("шпионы"). В 1951 г. из 236 523 заключенных особых лагерей таковых насчитывалось 18 249 человек (7,7%), далее шли "диверсанты" — 3552 (1,1%), третьими всегда указывались "террористы" — 8415 (3,7%), далее в строгой последовательности перечислялись: "троцкисты" — 1514 (0,7%), "правые" - 44, "меньшевики" - 143, "эсеры" - 193, "анархисты" — 71 (эти четыре группы представителей небольшевистских партий вместе составляли 0,2%). Девятое место в списке занимали "националисты" — 89 114 осужденных (37,7%), десятое — "белоэмигранты" — 867 человек

(0,4%). В одиннадцатую группу входили "участники других антисоветских организаций и групп" — 32 706 (13,9%), и замыкали список "особо опасных государственных преступников" "лица, представляющие опасность по своим антисоветским связям и вражеской деятельности" — 81 655 человек (34,6%), в эту группу входили и те, кто был осужден как "социально опасный элемент"⁸⁸. Трудно поверить в то, что советское государство на четвертом десятке лет своего существования действительно считало особо опасными государственными преступниками бывших эсеров, правых, меньшевиков, анархистов или даже троцкистов. Однако традиции идеологической и классовой борьбы не позволяли партийному руководству отказаться от ставших уже каноническими образов "врагов народа".

Среди особых лагерей самыми крупными были Речной лагерь (Воркута) — 34 980 заключенных, Озерный (Иркутская область) — 34 913 и Песчаный (Караганда) — 31 732 заключенных⁸⁹. Следует иметь в виду, что далеко не все заключенные, осужденные по контрреволюционным статьям, содержались в особых лагерях. Например, на 1 июля 1951 г. в особых лагерях находилось 146 тыс. человек, осужденных за измену Родине, а в исправительно-трудовых лагерях с таким же приговором отбывали тогда наказание 192 тыс. человек. Всего в ИТЛ МВД содержалось в этот период 342 253 человека, которые были осуждены за контрреволюционные преступления, но переводу в особые лагеря не подлежали, поскольку не подходили под определение "особо опасных государственных преступников". Вместе с тем в особые лагеря нередко попадали лица, осужденные за уголовные преступления, за вредительство, контрреволюционный саботаж, за антисоветскую агитацию и т.п., хотя они должны были отбывать наказание в обычных лагерях. В этой связи руководство ГУЛАГа неоднократно поднимало вопрос о пересмотре состава особых лагерей, ходатайствуя о переводе части заключенных в обычные ИТЛ, которые ощущали "острый недостаток в рабочей силе для строителств и предприятий МВД".

В конце 1940-х — начале 1950-х годов объектом пристального внимания карательных органов стала молодежь. Один за другим следовали процессы по делам "изменнических", "террористических", "антисоветских" молодежных организаций и групп.

24 июня 1950 г. Особое совещание при МГБ СССР осудило как участников антисоветской организации, именуемой

"Коммунистической партией молодежи", 20 юношей и трех девушек, приговорив всех к различным срокам лишения свободы. В ходе следствия, которым руководил сам начальник управления МГБ В.Н. Суходольский, было установлено, что организация, именовавшая себя "Коммунистической партией молодежи" (КПМ), была создана в Воронеже в сентябре 1948 г. из числа учащихся десятых классов и студентов высших учебных заведений. Участники КПМ выработали программу и приняли решение об издании журнала. Члены организации были признаны виновными также и в том, что КПМ ставила своей задачей захват политической власти в СССР.

Обвиняемые признались, а свидетели дали показания, что члены "партии" на собраниях и при встречах между собой систематически высказывали антисоветские суждения против партии и советского правительства, клеветали на внешнюю и внутреннюю политику советского государства, на материальное положение трудящихся в СССР, на руководящие партийные органы, распространяли вульгарные антисоветские анекдоты, направленные на дискредитацию руководителей партии.

По версии следствия, инициаторами создания "Коммунистической партии молодежи" были Б.В. Батуев, Г.Я. Лутков и Е.С. Киселев. В качестве активных членов организации по делу проходили Л.С. Сычев, Н.М. Стародубцев, В.М. Рудницкий, В.И. Туголуков, А.В. Жигулин. Каждого из них Особое совещание приговорило к 10 годам лишения свободы. Другие "партийцы" получили от 5 до 8 лет лагерей.

Двух юношей и одну девушку осудили "за недоносительство" к трем и двум годам лишения свободы, этот приговор не был случайным. Дело в том, что на свою беду органы МГБ узнали о существовании нелегальной молодежной организации только в 1949 г., когда КПМ уже стала распадаться. Чтобы не попасть впросак и не упустить "добычу", работники Управления МГБ Воронежской области активизировали деятельность "партии" через своих негласных сотрудников.

Низменные цели и преступные методы сотрудников МГБ явно обнаружались, когда начался пересмотр дел о контрреволюционных преступлениях. Занимавшийся вопросами реабилитации участников воронежской "Коммунистической партии молодежи" помощник военного прокурора Воронежского военного округа А.Р. Комаров направил в сентябре 1954 г. в Президиум ЦК КПСС письмо, где, в частности, поднимал вопрос об ответственности лиц,

виновных в незаконных арестах молодежи. Излагая вкратце ход событий, Комаров писал:

"Руководители бывшего областного УМГБ, узнав о кружке, когда он уже прекратил свое существование, возбудили уголовное дело. Убедившись, что кружок безобидный и что достаточно было бы внушения юношам и их родителям, а родители — почти все ответственные работники области, в том числе второй секретарь обкома КПСС, работники УМГБ встали на путь фальсификации. Путем применения пыток они заставили подписать нужные им протоколы допроса, и вот готова: контрреволюционная, террористическая, поставившая перед собою цель свержения существующего строя, организация...

Юноши, искалеченные нравственно и физически, возвратились из заключения к своим разбитым семьям. А Суходольский и Литкенс, на совести которых не только это, а множество других черных дел, как ни в чем не бывало, продолжают занимать ответственные посты"⁹⁰.

Еще более сурово карательные органы расправились с другой молодежной группой, которая именовала себя "Союз борьбы за дело революции". В феврале 1952 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила руководителей ("главарей") этой московской юношеской организации — Бориса Слуцкого, Владлена Фурмана, Евгения Гуревича — к расстрелу, остальные члены "Союза" получили от 10 до 25 лет лагерей. Как установило следствие, длившееся более года, в программных документах этой группы "излагались контрреволюционные троцкистские взгляды, и возводилась клевета на советский государственный строй, внутреннюю и внешнюю политику советского правительства". Сотрудникам госбезопасности и в данном случае удалось доказать, что члены группы ставили своей конечной целью "свержение существующего в СССР общественного и государственного строя путем вооруженного восстания и совершения террористических актов против руководителей партии и советского правительства"⁹¹.

В 1949 г. в Москве органы МГБ вскрыли и обезвредили нелегальную студенческую группу "Черный легион", ядро которой составляли студенты геологоразведочного института, а возглавлял ее "сын офицера царской армии". Раскрытию этой подпольной организации органы госбезопасности придавали, по-видимому, столь большое значение, что о ней докладывали лично И.В. Сталину. Еще бы! Как следует из материалов следствия, "начав свою нелегальную деятель-

ность, на первый взгляд, с безобидных вещей, в конечном итоге члены этой группы стали проявлять террористические настроения, намеревались ограбить сберегательные кассы, на добытые таким путем деньги приобрести оружие; кроме того, подготавливали переход за границу, а затем в США"⁹². Все 11 участников "Черного легиона" были арестованы, осуждены на длительные сроки лишения свободы и отправлены в ГУЛАГ.

Об этой не совсем обычной молодежной организации подробно написал в своих воспоминаниях представитель знатного рода князей Трубецких, бывший узник ГУЛАГа А.В. Трубецкой. Воспоминания этого незаурядного человека, прошедшего множество испытаний, не только помогают восстановить фактическую сторону событий, они дают уникальную возможность попытаться осмыслить и понять феномен молодежного движения в послевоенный период. Первая встреча бывшего князя с одним из организаторов "Черного легиона" произошла в 1949 г. на Лубянке, в камере № 46. Описывая "дела" и судьбы своих шести сокамерников, А.В. Трубецкой вспоминал:

«Следующий — Юрий Степанов, он же Бен Долговязый, он же Командор Черного легиона. Юрий был студентом 5 курса геологоразведочного института, родом из Таганрога... Дело, по которому сел Степанов, было довольно любопытным. Их было человек шесть-семь; молодежь, но не зеленая, а повидавшая жизнь, прошедшая школу войны, а некоторые и оккупацию. Позже я довольно близко сошелся с тремя однодельцами Юрия. Дело этой группы состояло в следующем. Сколотилась "теплая" компания студентов-геологов, вместе проводившая свободное время, вместе выпивая. Как это ни странно, их, в общем, уже взрослых людей, объединяла романтика пиратов. Когда шел фильм "Остров сокровищ", они всей компанией устремлялись в кинотеатр. Клички выбирали из того же пиратского лексикона: Крошка Джонни Фокс — ячменное зерно (Николай Федоров — здоровенный парень) или Боб Гарвей — Борис Горелов — персонаж из "Детей капитана Гранта". К этой кличке была добавлена приставка "Шмаленая челюсть" (у Бориса было ранение в голову) и т.п. (...) Название своей группе они дали высокопарное — "Черный легион". Был у них и свой "пит", слагавший пиратские песни, гимны и стихи — студент медик Вадим Попов. Но за этой романтической и несерьезной декорацией была и более глубокая суть. Корни ее лежали, по-видимому, в неудовлетворенности и отсутствии той перспективы в жизни, на которую они могли бы рассчитывать. Бен Долговязый и Боб Гарвей во время войны жили в оккупированном Таганроге, Борис даже был вывезен в Австрию, а Бен попал в плен, бежал и с большим

трудом добрался домой. Уже поэтому таким людям дороги у нас были закрыты. А ребята были энергичные, умные, достойные. Николай Федоров — Крошка Джонни Фокс — фронтовик офицер-артиллерист — вернулся с войны с наградами. Для него этих ограничений не было. Но это был человек тщеславный, карьерист (позже я хорошо его узнал). Он явно не удовлетворялся перспективой быть просто геологом. Чуждым элементом в этой компании был Вадим Попов, но он от нее откололся еще до ареста. Что было у других членов этого "легиона", не знаю. Но неудовлетворенность и бесперспективность у основного ядра заставила ребят искать какой-то выход. Они его нашли в побеге за границу, к которому и стали готовиться. В то лето все они, геологи, были в экспедициях, преимущественно, в пограничных районах: Бен — на Тянь-Шане, Боб — на Памире в районе Хорога. Его задачей было постараться намыть золота, на которое много ставилось, да еще разведать возможность перехода границы. Там, в экспедициях, они и были арестованы.

В камере Бен с удивлением рассказывал, что следователь был прекрасно осведомлен о мельчайших подробностях всех событий и даже разговоров "Черного легиона". Бен ломал голову, откуда они так все знают, как раскрыли их группу? Мы строили всяческие догадки, а ларчик открывался, оказывается, очень просто. Я уже говорил, что Вадим Попов отошел от этой компании и что он писал стихи. С Вадимом я оказался в одном купе вагонзака (то есть вагона с заключенными) на этапе, и он все рассказал. Вадим стал посещать литературный кружок молодых поэтов в Сокольниках. В кружке он познакомился с девицей, тоже любительницей поэзии, но внедренной туда органами для наблюдения и осведомления. Она близко сошлась с Вадимом, он ей читал стихи, в том числе и так называемые антисоветские, за что и сел. Следствие у него так и шло по его одному делу — антисоветская агитация, хотя Вадим никого, кроме этой стукачки, не "агитировал".

Оформляя дело, следователь все время твердил, что это сказка, что сказка будет впереди — избитый их прием. Вероятно, от этой же стукачки следователь знал, что у Вадима были друзья, и однажды, как это они обычно делают, задал вопрос, когда спрашивал о друзьях: "А как называлась ваша организация?" — "Черный легион", — ответил тот. Следователь снял трубку и, набрав какой-то номер, спросил кого-то: "Ну, как? Признался? Назвал? Говорит "Черный легион"? И этот тоже признался. Говоришь, начал рассказывать? Ну, вот". Из этого разговора, разговора только для него, Вадим уяснил, как и рассчитывал следователь, что кто-то уже сидит и уже раскололся, то есть стал признаваться. И Вадима понесло...

Следователь выжал из него абсолютно все вплоть до мельчайших подробностей, фраз, эпизодов. Знание следствием всего этого так обескураживало потом Бена. Следователи, по рассказам Бена, ржали, как жеребята, слушая всю эту галиматью и

ребячество, но дело свое знали и оформляли без смеха на серьезный лад. Клички были записаны только "Бен", "Боб", "Фокс" и т.д. — без всяких добавлений. Ребята, как впрочем, большинство народа, отрицательно относились к МГБ. Бен даже как-то выразился в компании, что, не моргнув глазом, ухлопал бы какого-нибудь полковника из этой публики. Так появился 8-й пункт — террор — причем, было сказано, что готовилось покушение на представителя власти. Все стряпалось в таком же духе и, хотя дело больше походило на чеховский рассказ "Монтигомо-Ястребиный коготь", вся группа получила по 25 лет спецлагерей»⁹³.

Здесь, нарушив хронологию повествования, скажем несколько слов о дальнейшей судьбе командора "Черного легиона". После реабилитации (все члены "Черного легиона" впоследствии были реабилитированы "за отсутствием состава преступления") Юрий Степанов остался на Воркуте, где до этого отбывал наказание. Здесь, на Севере, он работал геологом на шахте, заслужил почет, уважение, орден Трудового Красного Знамени, три шахтерские "Славы". Написал и защитил докторскую диссертацию и не без гордости говорил в середине 1970-х годов, что он единственный доктор наук на всю Воркуту. Но, несмотря на это, Бен, по словам А.В. Трубецкого, "во многом остался все таким же любителем блатного пошиба". Вспоминая в 1975 г. совместное пребывание в камере № 46, Юрий Степанов сказал Трубецкому, что однажды тот его сильно обидел, заявив, что "бежать за границу — это жизненная ошибка"⁹⁴. Судя по тому, как долго бывший "легионер" помнил обиду, он придерживался на этот счет другого мнения.

К началу 1950-х годов в Советском Союзе не осталось, наверное, ни одного крупного города, где бы чекисты не обнаружили молодежной крамолы. Что стояло за всеми этими разоблачениями? В 1950 г. в Москве проходило следствие по делу нелегальной студенческой группы под названием "Коммуна". Попытаемся проследить по документам, как фальсифицировались материалы следствия, каков характер выдвинутых обвинений и в чем причина, побудившая следователей пойти по пути обмана и подлога? Чтобы иметь полное представление об этой организации, ее целях и задачах, приведем две версии событий. Одна из них изложена в материалах Центральной комиссии по реабилитации. Автором другой является полковник госбезопасности И.В. Шумаков, проводивший в 1950 г. следствие и отправивший московских студентов в ГУЛАГ.

Как было установлено проверкой архивно-следственных дел, которая осуществлялась уже в 1956 г., в ноябре 1949 г. в МТБ СССР поступило заявление от одного из профессоров Московского государственного университета им. Ломоносова о том, что его сына — студента МГУ — товарищи по учебе пытались вовлечь в нелегальную организацию, именуемую "Коммуной". В связи с этим заявлением Пятое управление МГБ, занимавшееся вопросами идеологии, а позднее переименованное в Управление защиты конституционного строя, приступило к предварительной агентурной разработке, в ходе которой под негласный надзор попали студент 2-го курса Московского инженерно-строительного института Фердинанд Гершельман, студент 1-го курса Московского горного института Игорь Дурнов, а также студенты других московских вузов: Игорь Мусатов, Семен Бескин, Валентина Силина и другие, всего 13 человек, почти все комсомольцы. С помощью агентуры и путем допросов отдельных студентов (преимущественно девушек) органы госбезопасности выявили факт создания группой студенческой молодежи нелегальной организации "Коммуна", которая имела устав, программу, "Клятву жизни", членские билеты и выпускала свою рукописную газету. Таковы общие факты, дальнейшая судьба студентов напрямую зависела от того, кто и как будет эти факты интерпретировать.

В документе, датированном 1956 г., читаем: «Несмотря на то что из материалов агентурной разработки не усматривалось наличие контрреволюционного умысла у участников организации, при отсутствии данных о каких-либо антисоветских высказываниях с их стороны, и зная о состоявшемся решении членов "Коммуны" о самороспуске организации, 5-е Управление МГБ все же приняло решение о реализации разработки». В январе—феврале 1950 г. четырех студентов арестовали. Никто из них виновным себя не признал, но после серии "конвейерных" допросов последовали признания в антисоветских настроениях, поводом для которых якобы служили аресты их родителей в 1937—1938 гг. В ходе следствия у студентов изъяли "вещдоки" — "программные" документы организации и красное знамя, на котором была вышита пятиконечная звезда с девизом "Вперед, заре навстречу!" Кстати, тот студент МГУ, о безопасности которого так заботился папа профессор, выступая в качестве свидетеля по делу "Коммуны", убежденно доказывал, что "в СССР тайная организация — есть антисоветская организация, следовательно, и антикоммунистическая. Иной красный флаг,

кроме Государственного флага — измена Родине". Как видим, советская молодежь не была единой в своих воззрениях.

Анализируя позднее материалы следствия. Центральная комиссия по реабилитации пришла к выводу, что "Коммуна" была создана в 1949 г. как "союз друзей для сохранения школьной дружбы". Ни в одном из выработанных членами организации "программных" документах не содержалось ничего антисоветского, а, наоборот, имелись записи лишь патриотического характера. Для подтверждения данного вывода в документе приводятся строки из "Клятвы друзей": «Вступая в члены "Коммуны" клянусь быть достойным своих друзей, быть достойным высокого звания гражданина нашей великой Родины... Клянусь всегда поступать так, как этого требует моя совесть, мое человеческое достоинство гражданина Советского Союза. Если будет война, клянусь биться насмерть с врагами Родины... "Коммуна" есть добровольная организация друзей, на всю жизнь связанных единой целью — борьбой за коммунизм...»⁹⁵ Практическая деятельность членов организации заключалась в проведении туристских походов, коллективном посещении театров, кино, выставок, в организации контроля за учебой в институтах каждого из членов "Коммуны" и в проведении литературных диспутов.

В обвинительном заключении по делу студентов указано, что Гершельман и Дурнов "установили и поддерживали связь с представителями иностранных государств в Москве". Какие реальные факты крылись за этим весьма серьезным по тем временам обвинением? Была ли данная связь преступной? Вновь цитируем реабилитационные материалы:

«Гершельман и Дурнов в августе 1949 г. при осмотре архитектурного памятника — церкви "Меньшикова башня", познакомились с проживающим там ливанским священником "отцом Василием", а затем посетили его квартиру, где встретились с болгарским священником "отцом Мефодием" и неизвестным для них сотрудником ливанского посольства в Москве. Ливанский священник "отец Василий" в Москве находится с 1947 г. и является агентом 2-го Главного управления^{4*}, характеризуется как советско-настроенный человек... Еще в 1950 г. было ясно установлено, что созданная Гершельманом и другими нелегальная организация, хотя объективно и была вредна, поскольку она отвлекала молодежь от активной комсомольской работы и в некоторой степени противо-

^{4*} Второе Главное управление МГБ СССР занималось вопросами внутренней безопасности и контрразведки.

поставлялась ВЛКСМ, однако не имела антисоветской направленности и не преследовала никаких контрреволюционных целей. Знание этих обстоятельств не давало права на осуждение участников "Коммуны", а тем более при наличии данных о самороспуске этой "Коммуны"... Работники же 5-го Управления МГБ вместо проведения соответствующих профилактических мероприятий по направлению энергии молодежи в должное русло, арестовали Гершельмана и других, путем необъективного, тенденциозного следствия оформили их всех как участников антисоветской организации и после осуждения Особым совещанием направили для отбытия наказания в особый лагерь»⁹⁶.

16 сентября 1954 г. постановлением Центральной комиссии дело на Гершельмана, Дурнова, Бескина и Мусатова было пересмотрено и прекращено за отсутствием в их действиях состава преступления.

Общеизвестно, что после смерти Сталина в обществе начались перемены в духе "восстановления социалистической законности". В 1954—1955 гг. из органов МГБ—КГБ уволили более тысячи человек начальствующего состава за допущенные в прошлом нарушения советской законности. В их числе была и группа следователей, сфальсифицировавшая дело "Коммуны". Полковника И.В. Шумакова, подполковника И.И. Езепова и майора И.Е. Макаренко уволили из органов госбезопасности по служебному несоответствию. Возмущенные этим фактом "вопиющей несправедливости", обиженные сотрудники КГБ пытались доказать высшему партийному руководству, что действовали в полном соответствии с установками партии в духе своего времени.

Вот как выглядят изложенные выше события в интерпретации члена партии с 1927 г. И.В. Шумакова. Первое, на что обращает внимание бывший следователь, это то, что Центральной комиссией реабилитированы не просто студенты, а сын офицера царской армии, осужденного за шпионскую деятельность (Ф.Р. Гершельман); сын осужденного шпиона и антисоветчика (И.Я. Дурнов), сын одного из руководителей троцкистской организации, который готовил террористический акт против членов Политбюро ЦК ВКП (б) (И.А. Мусатов). "Как установлено, — пишет в своей жалобе Н.С. Хрущёву Шумаков, — дети осужденных шпионов, троцкистов и террористов, будучи озлоблены за арест их родителей, в 1949 г. создали нелегальную группу в Москве, вели между собой антисоветские разговоры, слушали передачи вражеских радиостанций и хранили запрещенную литературу Каменева, Шульгина, Черчилля... В Москве они установили

связь с иностранцами, имели с ними встречи, в том числе встречались с доверенным лицом английского посольства. Все участники следствия во всем сознались... Я, как коммунист, со всей ответственностью перед партией заявляю, что решение по делу нелегальной группы в 1950 г. было принято правильно, для этого имелись достаточные документальные данные, а также данные агентуры, которая полностью подтверждала антисоветские настроения участников этой группы. Я считал и считаю теперь, что нелегальная группа Гершельмана и его соучастников была создана не в интересах комсомола, не в интересах нашей партии и Советского государства, а на пользу враждебным и троцкистским элементам — врагам коммунистической партии и в интересах империалистических разведок".

Шумаков не видел необходимости оправдываться. Наоборот, он обвинил в "политической незрелости" тех, кто принимал решение о реабилитации московских студентов. Позиция кадрового сотрудника органов госбезопасности вполне понятна: он требовал, прежде всего, учитывать обстановку того времени, "считаться со связью, которая была установлена обвиняемыми с иностранцами, т.е. считаться с самым важным фактором, относящимся к делу, — устремлениями американской и английской разведок, учитывать антисоветские настроения обвиняемых, а также учитывать, что в то время иностранные разведорганы в своих враждебных действиях против Советского государства делали ставку на категорию лиц из антисоветской среды, к числу которых принадлежали Гершельман, Дурнов, Мусатов, Бескин"⁹⁷. В 1953 г., уже после смерти Сталина, следственные дела членов "Коммуны" дважды просматривал будущий руководитель КГБ И.А. Серов и оба раза подтверждал, что студенты осуждены правильно, ибо наносили вред делу государственной безопасности.

"Коммуна" была лишь одной из многих молодежных организаций и групп, "разоблаченных" следственными органами в 1949—1950 гг. Все они в определенном смысле были жертвами "холодной войны", судебные расследования по таким делам велись крайне тенденциозно, в угоду господствовавшим мифам и стереотипам, порожденным конфронтацией двух систем. Репрессии в отношении молодежи преследовали цель задушить малейшие зачатки политического инакомыслия, не дать новому поколению советских людей взглянуть на мир собственными глазами и усомниться в совершенстве существующего порядка.

Советская пропаганда на протяжении всех лет существования СССР активно использовала миф о "капиталистическом окружении" и "военной угрозе". Партия неустанно призывала народ к бдительности, требовала не забывать, что "империалисты всегда будут засылать к нам свою агентуру". Шпиономания стала хронической болезнью советского тоталитарного общества. "Холодная война" привела к ее заметному обострению.

Что представляли собой эти регулярно разоблачаемые во всех уголках страны "агенты иностранных разведок" ? В чем заключалась их "шпионская деятельность" ? Возьмем в качестве примера "агентов", выявленных периферийными органами госбезопасности, в частности, Грозненским областным управлением МВД. Об успехах на поприще борьбы с врагами народа докладывал 13 июня 1953 г. начальник этого управления С.В. Коновалов. Процитируем наиболее характерные примеры "шпионской деятельности", приведенные в его выступлении на VII Объединенном пленуме Грозненского обкома и горкома КПСС:

«В марте 1953 г. Управлением МВД по Грозненской области арестован агент иностранной разведки Хрусталева Анатолий Федорович, 1918 г. рождения, уроженец Татарской АССР, сын попа, родственники привлекались к уголовной ответственности за контрреволюционную деятельность. Хрусталева, находясь в немецком плену на территории Бельгии, в начале 1943 г. был завербован германской разведкой, в мае 1945 г. его перевербовала английская развед-

ка и перебросила в Советский Союз с заданием "собирать шпионские сведения и обрабатывать в антисоветском духе отдельных, политически неустойчивых граждан". Проживая в Грозном и работая бригадиром, первоначально на кирпичном заводе имени О ГПУ, а в последующем на строительстве Новогрозненской ТЭЦ, Хрусталева среди своих знакомых вел антисоветскую пропаганду, клеветал на социалистическую действительность. Восхвалял жизнь и порядки в капиталистических странах, высказывал провокационные слухи о якобы предстоящей в скором времени войне США и Англии против Советского Союза и о поражении в этой войне советских вооруженных сил, слушал и распространял содержание клеветнических иностранных радиопередач... Имел намерение бежать за границу. Хрусталева разоблачен и предан суду»⁹⁸.

А вот еще пример вражеской деятельности "агента империализма":

«В.А. Беляев, 1907 года рождения, прибыл в октябре 1951 г. на работу в Грозненский областной драматический театр. Систематически обрабатывал в антисоветском духе своих знакомых работ-

ников искусства. Распространял среди них резкие антисоветские клеветнические измышления против Коммунистической партии и ее руководителей, восхвалял "демократические" порядки в США и Англии, высказывал враждебные настроения и клевету на политику партии в области искусства, выражал надежду на победу США и Англии над Советским Союзом. В 1952 г. Беляев приобрел радиоприемник и стал ежедневно заниматься прослушиванием антисоветских англо-американских радиопередач "Би-Би-Си" и "Голос Америки", привлекая к этому других лиц. На почве совместного прослушивания антисоветских радиопередач стал группировать вокруг себя некоторых работников искусства, среди которых активизировал враждебную проамериканскую пропаганду. Также имел намерение бежать за границу... При обыске у Беляева и его матери (в Новгородской области) изъяты: антисоветская литература, изданная в США, немецко-фашистские газеты "Утро Кавказа", портрет Троцкого, дневники Беляева с антисоветскими записями, письма от американского разведчика Найкла, с которым Беляев знаком с 1936 г. Беляев разоблачен и в апреле 1953 г. осужден к 25 годам лишения свободы»⁹⁹.

К сказанному можно добавить, что донос на Беляева написали коммунисты, работавшие с ним в театре.

Не менее впечатляюще выглядят и другие "шпионы", среди них заведующий Каргалинским районным домом культуры Бердников, которого обвиняли в том, что он, будучи завербованным в 1947 г. американской разведкой, систематически проводил антисоветскую агитацию, клеветал на условия жизни в СССР, восхвалял жизнь в капиталистических странах. «Одновременно с этим намеревался бежать за границу и передать собранные шпионские сведения американской разведке и выступить через посредство фашистской радиостанции "Голос Америки" с клеветническими антисоветскими измышлениями»¹⁰⁰. Разоблачили "агента американской разведки" бдительные чекисты Грозненской области, которым удалось установить, что Бердников родился в Китае в семье белоэмигранта, после этого уже ни у кого никаких сомнений по поводу его вражеской деятельности не оставалось. В июне 1953 г. советский суд приговорил Г.Н. Бердникова к длительному сроку лишения свободы.

Волна шпиономании начала постепенно спадать со второй половины 1953 г. В начале 1954 г. начальник Грозненского областного управления МВД СССР Св. Коновалов был освобожден от занимаемой должности и отправлен на пенсию.

В конце 1940-х — начале 1950-х годов в репрессивной политике судебных и внесудебных органов наметилась определенная тенденция к снижению общей численности ежегодно осуждаемых граждан. "Сталинская коса" по-прежнему косила всех подряд, но "урожай" был уже не столь обильным как, например, в 1947— 1948 гг. Наглядное представление о числе лиц, осужденных к различным мерам наказания гражданскими и специальными судами СССР в период с 1949 по 1952 г., дает табл. 6.

Как видим, на фоне общего ежегодного сокращения численности осужденных граждан четко прослеживается тенденция к уменьшению приговоров, связанных с лишением свободы, но зато число лиц, осужденных к так называемым "другим мерам наказания", среди которых преобладала ссылка, заметно возросло. Из числа тех, кого гражданские и специальные суды приговорили к лишению свободы, в 1949 г. были осуждены за контрреволюционные преступления 67 339 человек (6,7%), в 1950 г. - 43 421 (5,4%), в 1951 г. - 39 746 (6,0%), в 1952 г. - 21 389 человек (3,3%). Большинство из тех, кто попал в ГУЛАГ в этот период, были осуждены за хищения государственной и общественной собственности (22 — 26%), за самовольный уход с предприятий и учреждений (здесь прослеживается тенденция снижения с 26% в 1949 г. до 11% в 1952 г.), за кражу личной собственности (8 — 10%), за хулиганство (здесь процент осужденных возрастает с 6 в 1949 г. до 14 в 1952 г.). Несколько уменьшилось количество тех, кого лишали свободы за нарушение паспортных правил (3,5 — 2,9%). За спекуляцию, злоупотребление служебным положением, самогоноварение ежегодно в ГУЛАГ попадали в среднем 2 — 3% граждан от числа приговоренных к лишению свободы. Убийцы, насильники, бандиты, из года в год пополнявшие бараки ГУЛАГа, составляли не более 1%¹⁰¹.

С конца 1940-х годов заметно снизилась репрессивная активность Особого совещания МГБ СССР, что хорошо видно из табл. 7.

Несмотря на то что ежегодно все меньше и меньше граждан приговаривалось к лишению свободы, число обитателей ГУЛАГа практически не менялось, оставаясь на уровне более 2,5 млн человек. Такая ситуация объяснялась, прежде всего, удлинением сроков наказания, что, в первую очередь, касалось осужденных по контрреволюционным статьям. В табл. 8 даны сведения с разбивкой по годам о численности лиц, содержащихся в начале 1950-х годов во всех исправительно-трудовых лагерях, колониях и особых лагерях МВД

Таблица 6. Осужденные гражданскими и специальными судами СССР в 1949-1952 гг.*

Осуждены по всем уголовным делам	1949 г.		1950 г.	
	человек	% от общего числа осужденных	человек	% от общего числа осужденных
К смертной казни	Нет		Нет	
К лишению свободы	1006 819	47,8	807 741	42,8
К ИТР без содержания под стражей	883 846	42,0	850 502	45,1
Условно	145 548	6,9	64 153	3,4
К другим наказаниям (штраф, общественное порицание, ссылка, высылка)	70 394	3,3	163 038	8,7
<i>Итого</i>	2 106 607	100	1 885 434	100

Осуждены по всем уголовным делам	1951 г.		1952 г.	
	человек	% от общего числа осужденных	человек	% от общего числа осужденных
К смертной казни	1979	0,1	1517	0,1
К лишению свободы	657 694	43,3	650 482	42,8
К ИТР без содержания под стражей	620 798	40,8	601010	39,6
Условно	59 697	3,9	54 706	3,6
К другим наказаниям (штраф, общественное порицание, ссылка, высылка)	181051	11,9	211614	13,9
<i>Итого</i>	1521219	100	1519 329	100

* ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 190. Л. 8.

Таблица 7. Лица, осужденные Особым совещанием МГБ СССР*

Год	Всего осуждено	Из них:	
		к заключению в лагеря и тюрьмы	к ссылке и высылке
1949	36 324	25 671	10 653
1950	23 981	18 660	5321
1951	17711	14 299	3412
1952	4650	1705	2945
<i>Итого</i>	82 666	60 335	22 331

* ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 190. Л. 13.

Таблица 8. Сведения о составе заключенных, содержащихся в ИТЛ, особых лагерях и ИТК МВД-УМВД*

Осужденные	на 1 января 1950 г.		на 1 января 1951 г.	
	человек	%	человек	%
За контрреволюционные преступления	577 212	22,5	579 918	22,9
За другие преступления, кроме контрреволюционных	1 984 063	77,5	1 948 228	77,1
<i>Всего</i>	2 561275	100	2 528 146	100

Осужденные	на 1 января 1952 г.		на 1 января 1953 г.	
	человек	%	человек	%
За контрреволюционные преступления	579 757	23,1	539 483	21,9
За другие преступления, кроме контрреволюционных	1 924 757	76,9	1929 041	78,1
<i>Всего</i>	2 504 514	100	2 468 524	100

* ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 190. Л. 3.

СССР. Эти сведения были направлены начальником ГУЛАГа И.И. Долгих заместителю министра юстиции СССР В.Н. Суходреву в марте 1953 г. в связи с готовившейся передачей ГУЛАГа в Министерство юстиции СССР.

Кроме лагерей и колоний, часть заключенных по приговорам лагерных и других судов отбывала наказание в тюрьмах МВД СССР. Таких заключенных на 1 января каждого года насчитывалось: в 1949 г. — 36 897 человек, в 1950 г. — 36 569, в 1951 г. - 26 566, в 1952 г. - 34 669, в 1953 г. - 31 670 человек¹⁰².

Приводимые здесь сведения не учитывают граждан, находившихся в тюрьмах СССР под следствием или в ожидании приговора.

Представление о сроках осуждения заключенных ГУЛАГа в начале 1950-х годов дает табл. 9.

По табл. 9 легко проследить, как на протяжении четырех лет неуклонно ужесточалась карательная практика советских судов, в результате чего в ГУЛАГе ежегодно снижалось количество заключенных, осужденных на срок до пяти лет, и заметно увеличивалось число "долгосрочников". Если в январе 1950 г. численность заключенных, имевших срок от пяти лет (включительно) и выше, составляла 66,2%, то к началу 1953 г. она увеличилась до 80%.

Самые долгие сроки лишения свободы имели, как правило, заключенные, осужденные по некоторым пунктам статьи 58, а также те, кого по официальной гулаговской терминологии именовали "уголовно-бандитствующий элемент". Последних было несравненно меньше, их численность в обычных лагерях определялась несколькими сотнями человек, но именно они делали лагерную жизнь невыносимой для простых, нормальных людей, даже не обязательно осужденных по политическим мотивам.

Среди репрессивных законодательных актов послевоенных лет выделяется Указ от 26 мая 1947 г. об отмене смертной казни. На первый взгляд, его можно отнести к разряду гуманных. Некоторые исследователи считают, что этот указ остановил маховик репрессий, точнее, не позволил репрессиям перерасти в террор. Другие видят в нем одну из причин того, что на рубеже 1949 — 1950 г. численность заключенных ГУЛАГа достигла максимальной отметки за всю историю его существования; т.е. те, кого раньше непременно расстреляли бы, теперь поступали в ГУЛАГ, увеличивая число его обитателей. Трудно сказать, насколько точны эти наблюдения. Здесь важно отметить другой момент.

Таблица 9. Состав заключенных ИТЛ, особых лагерей и ИТК МВД-УМВД по срокам осуждения*

Осужденные	на 1 января 1950 г.		на 1 января 1951 г.	
	человек	%	человек	%
Всего осужденных	2 561 275	100	2 528 146	100
Из них на сроки:				
до 1 года	114 066	4,4	72 759	2,9
от 1 года вкл. до 3 лет	286 769	11,2	222 359	8,8
от 3 лет вкл. до 5 лет	464 765	18,2	412 662	16,3
от 5 лет вкл. до 10 лет	1 311 755	51,2	1 362 709	53,9
от 10 лет вкл. до 15 лет	195 015	7,6	233 583	9,2
от 15 лет вкл. до 20 лет	92 687	3,6	102 644	4,1
свыше 20 лет	96 218	3,8	121 430	4,8

Осужденные	на 1 января 1952 г.		на 1 января 1953 г.	
	человек	%	человек	%
Всего осужденных	2 504 514	100	2 468 524	100
Из них на сроки:				
до 1 года	26 249	1,0	32 364	1,3
от 1 года вкл. до 3 лет	190 031	7,6	194 299	7,9
от 3 лет вкл. до 5 лет	321 547	12,8	264 630	10,7
от 5 лет вкл. до 10 лет	1 332 745	53,2	1 216 379	49,3
от 10 лет вкл. до 15 лет	339 503	13,6	416 892	16,9
от 15 лет вкл. до 20 лет	136 818	5,5	155 997	6,3
свыше 20 лет	157 621	6,3	187 963	7,6

* ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 190. Л. 4.

Дело в том, что отмена смертной казни развязала руки уголовному миру, превратив тем самым жизнь многих сотен тысяч узников ГУЛАГа в настоящий кошмар. Воровской произвол, тайно и явно поощряемый лагерной администрацией, проявлялся в кровавых расправах уголовников с неудобными лицами, в число которых в первую очередь попадали "враги народа", "работяги", а также нередко и сами представители администрации,

В лагерях ГУЛАГа с первых лет его существования реальная власть над заключенными принадлежала воровскому миру. "Блатные" с молчаливого согласия лагерного начальства на основе своих воровских законов регламентировали всю лагерную жизнь. Они занимали хозяйственные должности, отнимали у заключенных вещи и деньги, заставляли их работать на себя, а главное — убивали, часто беспричинно, жестоко, а после 1947 г. и безнаказанно. Конечно, лагерные убийства расследовались, и если найти убийцу удавалось, что случалось весьма редко, его судили. Давали положенные по закону 10 лет. Для уголовника, уже имевшего этот срок, часто и не первый, приговор означал всего лишь "округление". Если бандит уже отсидел два-три года, то столько же ему и добавляли. После 1947 г. лагерные убийства стали носить массовый характер. Тысячи заключенных, не находя защиты у местного начальства, рассылали письма во все инстанции, моля о помощи и поддержке. Они обращались к писателям и композиторам, лауреатам и артистам, писали в газеты и комитеты, в партийные и советские органы. Очень важно отметить, что каждое такое письмо — это смертельный риск. Расправиться с жалобщиком могли не только блатные, но и лагерная администрация, зачастую не уступавшая уголовникам в зверствах и насилиях.

История сохранила для нас это эпистолярное наследие ГУЛАГа, в котором слились воедино боль и надежда, протест и отчаяние. Вот строки из письма, адресованного в Президиум Верховного Совета СССР и ЦК КПСС, поступившего в "Правду" в октябре 1952 г. "от лица, преданного своему народу, своей необъятной Родине, своему величайшему Советскому правительству и партии во имя великих идей Ленина—Сталина".

"Мы просим

расформировать смертоносные лагеря в Норильске.

Мы просим

раз и навсегда изжить произволы, дошедшие до полного зверства со стороны руководства лагерями.

Мы просим

покарать всех тех, кто творит это черное дело, кто бы он ни был, Зверев, Попков и прочие.

Пора прекратить пролитие крови людей, загнанных в окружение колючей проволоки.

Мы ждем вашего решения и надеемся, что последует справедливое решение! Для того, чтобы описать всю трагедию произвола в Норильском лагере МВД СССР, потребуется много времени и средств".

Далее Надежда Горская, такой псевдоним избрал для себя автор письма, рассказывает "о зверской расправе над людьми", учиненной 14 июля 1952 г. лагерной администрацией руками и ножами "блатных", когда "кровь избиваемых лилась в изобилии", а "защиты найти не было возможности". В результате этой трагедии, которая, по словам автора письма, "является самым позорным действием, которое можно вычитать из истории жизни, творящейся где угодно, но только не в нашей стране", "раненых было увезено почти две машины, число убитых осталось в секрете", Весьма примечательна подпись под этим посланием: "От лица честных людей нашей Родины! От лица временно изолированных! Горская Надежда!"¹⁰³

По этому письму работала специальная комиссия МВД СССР, которая "вскрыла недостатки в режиме содержания заключенных" и наказала в административном порядке некоторых должностных лиц. Автор письма не пострадал, ибо комиссия, несмотря на тотальную проверку заключенных, не смогла "вычислить", кто скрывался под псевдонимом.

Среди писем на волю встречаются и совсем малограмотные, но от этого, может быть, их трагизм ощущается еще острее. Заключенный Н.И. Иванов избрал своим адресатом редактора газеты "Известия". "Я как патриот, — писал в ноябре 1952 г. узник ГУЛАГа, — обращаюсь к вам как советский гражданин с под неволи. Находясь около пяти лет в заключении, вот уже десятый раз обращаюсь к представителям власти и до сего времени нет конца этого ужаса, что творится в местах заключения". Порт Ванино был одним из крупнейших пересыльных пунктов. "Там варварски отнимают человеческую жизнь, — пишет Н.И. Иванов. — Ни один гитлеровец, американец в Корее и ни один первобытный варвар не подвергал человека экзекуциям, как над советским заключенным в местах заключения... ни один писатель и поэт не сможет описать это варварство, что происходит в советских лагерях"¹⁰⁴.

Террор уголовников, перешедших в услужение к органам МВД, был в сотни раз страшнее любых официальных мер наказания, предусмотренных лагерными инструкциями и правительственными указами. Описывая воровской разгул, автор жалобы отмечает, что до 1947 г. такого засилья уголовников не было, да и администрация вела себя сдержаннее. А сейчас, по наблюдениям заключенного, "если какой-нибудь растратчик растратил 15 тыс. рублей, то им дают по 25 лет, а в лагерях какой-нибудь начальник как развлечение напьется, пьяным зайдет в зону с пистолетом, убьет человека — ему ничего, как будто так и надо". И еще одно интерес-

ное наблюдение узника ГУЛАГа: "Жены греческих партизан пишут Великому вождю И.В. Сталину, их письма доходят, а я, и мне подобные заключенные, пишут, описывают подобные события, и все остается без последствий"¹⁰⁵.

Свои письма заключенные отправляли, как правило, через вольных или через "освобождающиеся руки". Если лагерному начальству удавалось перехватить подцензурную жалобу, расправа могла быть весьма суровой. Заключенные всегда подчеркивали, что они скрывают свои имена не потому, что боятся ответственности перед верховной властью, а потому что не доверяют местному начальству. В конце письма Н.И. Иванова содержится типичная приписка: "Если я вам нужен, как живой документ, то местным властям не ставьте в известность о моей писанине и обо мне. Я могу говорить только с представителями Москвы. Ибо мне хочется жить"¹⁰⁶.

Реакция столичных властей на попавшие в их поле зрения жалобы, как правило, была следующей: формальная проверка, поиски жалобщика, по мере необходимости — наказание распоясавшихся лагерных служащих (диапазон наказаний был весьма широк — от двух суток домашнего ареста до трибунала). Вывод по результатам проверок звучал всегда одинаково: сообщение (Иванова или кого другого) о том, "что уголовные преступники пользуются в лагерях привилегиями со стороны администрации, не соответствует действительности".

Когда, в силу сложившихся обстоятельств, никакие формы протеста не могли помочь избавиться от насилий со стороны администрации и их прислужников из среды уголовно-бандитствующих элементов, заключенные прибегали к массовым голодовкам. В течение 12 дней в феврале 1952 г. 500 человек, заключенные отдельного лагерного пункта (ОЛП) № 15 комбината "Воркутауголь", держали голодовку, протестуя против "варварского нечеловеческого отношения лагерной администрации". Вот что писали об этом событии заключенные в письме на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилова:

«500 человек требовали вызова комиссии из МВД. На одиннадцатые сутки голодовки на ОЛП приехал все командование комбината "Воркутауголь". Полковник Фадеев^{5*} в этот момент в при-

^{5*} Фадеев А.Н. — заместитель начальника комбината "Воркутауголь", начальник Воркутинского ИТЛ, 25 июня 1953 г. снят с занимаемой должности "за грубые нарушения советской законности и непринятие мер к наведению порядка в лагерных подразделениях".

сутствии всех заявил о том, что произвол и издевательства над заключенными будут прекращены, а лица, виновные во всем этом, будут наказаны. Заключенными был задан ему вопрос: "Действительно ли это обещание, не сплошная ли это ложь?" На что полковник Фадеев ответил: "Я не мальчишка, а я полковник и коммунист, ручаюсь вам словом коммуниста. Не буду же я компрометировать звание советского офицера и коммуниста".

Таким образом, доверяясь честному слову офицера-коммуниста, заключенные ОЛП-15 решили снять голодовку. Причем полковник Фадеев уверял нас в том, что ни один из заключенных не будет наказан. Но, увы! Обещания так и остались обещаниями. Голодовка прекратилась, но положение на ОЛП-15 существенно не изменилось. И даже более того, администрация ОЛП-15 от открытых видов репрессии перешла к скрытым. А через два месяца 25 человек были отправлены в закрытую тюрьму, предварительно эти заключенные были избиты...»¹⁰⁷

Участникам голодовок грозила смертельная опасность не только потому, что они подрывали свое здоровье, восстановить которое в лагере было чрезвычайно трудно. Вступая в неравную борьбу с карательной системой, заключенные подвергались смертельной опасности еще и потому, что их всегда могли обвинить в организации группового саботажа и приговорить по статье 58¹⁴ (за контрреволюционный саботаж) к расстрелу.

И все-таки, несмотря ни на что, на протяжении десятилетий в голодном ГУЛАГе неоднократно вспыхивали голодовки — одиночные и групповые, "сухие" и обычные, в особых лагерях и детских колониях, в тюрьмах и пересылках. Нередко голодовки объявлялись по совершенно ничтожным, с точки зрения стороннего наблюдателя, поводам. Например, Лев Разгон, голодавший в Ставропольской тюрьме "всухую", требовал всего лишь бумагу, чтобы иметь возможность обратиться с заявлением в суд и прокуратуру, но борьба шла не на жизнь, а на смерть¹⁰⁸.

Несмотря на наличие отдельных, порой достаточно мощных, акций протеста, говорить о массовом сопротивлении в ГУЛАГе в 1940-е годы вряд ли правомерно. Однако творцам лагерной системы стало совершенно ясно, что создать "идеального заключенного" не удалось. Гитлеровская методика разрушения личности, дававшая неплохие результаты в концлагерях Германии, в лагерях СССР не работала. Советские заключенные не утрачивали способности мыслить и сопротивляться. Тогда эту методику попытались применить только к политическим заключенным, которых

с конца 1940-х годов стали концентрировать в особых лагерях. Там все было направлено на то, чтобы унижить, деморализовать заключенного, подорвать его здоровье, заставить забыть родных и близких, лишиться всякой информации о происходящем в мире, уничтожить в нем человека, личность. Однако и здесь замыслы Сталина не осуществились. В особлагах началось то, чего меньше всего ожидал диктатор, — незаметная постепенная консолидация заключенных, большинство из которых уже отчетливо осознавали, кому они обязаны исковерканной судьбой и потерянными годами жизни. Почвой для объединения, прежде всего духовного, стали национальная (реже религиозная) принадлежность и чувство товарищества. Впоследствии кое-где это духовное единение стало принимать очертания тайных организаций, что отчетливо проявилось в период лагерных забастовок-восстаний 1953—1954 гг.

Смерть Сталина всколыхнула лагерный мир. Монолит из "лагерной пыли" дал серьезную трещину. Многие заключенные, в том числе и те, кому до окончания срока было еще очень далеко, ощутили чувство свободы, внутренней свободы, за которой, непременно, должно было придти скорое освобождение. Однако реальность не подтвердила ожиданий. Более того, лагерное начальство, неожиданно потерявшее опору, стало проявлять нервозность, что выразилось в участившихся случаях нарушения законности. Пробудившееся в занумерованных ээка чувство собственного достоинства не позволяло мириться с произволом и самодурством лагерной администрации, а наличие внутреннего единства позволило заключенным оказать массовое сопротивление режиму.

В конце 1953 г. высшее партийное руководство организовало фронтальную проверку работы ГУЛАГа. В отчете проверяющей комиссии появился раздел, которого никогда ранее в подобных документах не было, — "О беспорядках в лагерях". В этом разделе работники аппарата ЦК КПСС констатировали: "Имеется много фактов, когда в лагерях возникают серьезные беспорядки, в которых участвуют сотни людей. Большинство таких волнений, имевшихся за последнее время, возникали в результате неправильных действий работников лагерей, по существу провоцирующих заключенных на беспорядки"¹⁰⁹. Далее приводились примеры таких "беспорядков".

В Кизеловском лагере 13 февраля 1953 г. работник охраны Гасюков без всяких причин выстрелом в упор убил за-

ключенного Онорина. В знак протеста против такого произвола 300 человек заключенных отказались приступить к работе.

В дни Первого мая 1953 г. более 600 человек, заключенных лагерного отделения № 9 Красноярского лагеря, объявили голодовку и потребовали вызова представителя ГУЛАГа. Причина конфликта — хулиганство оперативного работника лагеря капитана И.А. Ловчева, который, будучи в нетрезвом состоянии, вечером 1 мая в столовой, где ужинали заключенные, устроил дебош и надел заключенному Бесмертному на голову миску с остатками пищи, а затем угрожал заключенным применением наручников¹¹⁰.

Во многих лагерях причинами забастовок, в каждой из которых участвовали несколько сотен человек, стали такие неправомерные действия лагерной администрации, как обсчет заключенных при начислении заработной платы, задержка выплаты заработанных денег, выдача испорченных продуктов для приготовления пищи, отсутствие борьбы с лагерным бандитизмом и терроризмом и др. Местное начальство старалось, по возможности, скрыть истинные причины массовых протестов и с этой целью провоцировало групповые драки между заключенными, в которых гибли десятки человек.

Далеко не всегда истинной причиной забастовок была борьба заключенных за свои права. Часто организаторами акций, внешне напоминающих сопротивление режиму, были уголовники, которые использовали формы коллективного протеста для достижения своих низменных целей. В Вятском лагере воры-рецидивисты 11 октября 1953 г. убили 9 заключенных. Оказалось, что 9 октября группа уголовников потребовала от заключенных объявить забастовку: кто выйдет на работу — будет убит. Одновременно выдвинули требование к лагерной администрации о выдаче заключенным задержанной зарплаты и всех денег с лицевых счетов. Начальство ультиматум выполнило. После того, как заключенные получили деньги, рецидивисты потребовали от каждого из них по 25 рублей. Всех, кто отказался отдать деньги, бандиты убили¹¹¹.

Пиком лагерных "беспорядков", охвативших ГУЛАГ в 1953—1954 гг., стало движение сопротивления в особых лагерях — Речном (на Воркуте), Горном (в Норильске), Степном (в Карагандинской области Казахской ССР) и некоторых других, которое соединило в себе все наиболее распространенные формы протеста: восстание, забастовку

и голодовку. Об этих акциях массового неповиновения, в которых участвовали не сотни, а тысячи заключенных, уже немало написано, опубликовано множество документов, позволяющих проследить ход событий буквально по дням.

Особенностью названных восстаний-забастовок было то, что впервые за всю историю ГУЛАГа заключенные потребовали не улучшения условий содержания, а *свободы*. Восставшие летом 1953 г. горняки Воркуты выдвинули лозунг: "Уголь — Родине, нам — свободу!" Растерявшееся лагерное руководство не сразу нашлось с ответом. Начальник особого Речного лагеря генерал-майор А.А. Деревянко, про которого заключенные говорили, что у него не только сердце деревянное, но и голова, пытался увещевать забастовщиков: "Что вам надо? Живете на всем готовом! О вас заботятся, одевают, кормят! Какой еще свободы вам надо?"¹¹² Другой генерал, бывший начальник Норильстроя А.А. Панюков, услышав, что заключенные особого Горного лагеря объявили забастовку и выдвинули ряд требований, не мог скрыть своего искреннего недоумения: "Какие у вас могут быть требования? То, что вам положено, вы получите и без требований, а то, что не положено, вы не получите, как бы ни требовали". Естественно, заключенные требовали "неположенно-го". Например, в женском лагерном отделении Горлага забастовка началась под лозунгом "Свободу народам и человеку!" В каторжном отделении наряду с плакатом "Требуем уважения прав человека!" были вывешены и более радикальные лозунги, такие как "Долой тюрьмы и лагеря!", "Требуем возвратить нас к нашим семьям!" и другие аналогичного содержания.

Очень важно отметить, что действия заключенных носили сугубо мирный характер. Участник воркутинского восстания 1953 г. француз Арман Малумян писал позднее: "Это был не бунт и не восстание, — это была мирная демонстрация с целью информировать новых хозяев Кремля о том, что происходит в лагерях"¹¹³. Однако миролюбие не в характере лагерного молоха. Пообещав смягчить каторжный режим и пересмотреть личное дело каждого, лагерное начальство, поддержанное московской делегацией в составе генерала И.И. Масленникова и Генерального прокурора Р.А. Руденко, потребовало от забастовщиков безоговорочной капитуляции и выдачи зачинщиков, 1 августа 1953 г. "несговорчивых" расстреляли из автоматов. Кровавая расправа не сломила дух лагерного Сопrotивления. Через два года Воркута вновь забастовала, правда, на этот раз обошлось без жертв.

В Горном лагере стихийные протесты начались в 20-х числах мая 1953 г. Произвол лагерной администрации, провокации оперативно-чекистских отделов, террор конвоя — все это вызвало отпор и породило форму сопротивления, которую исследовательница А.Б. Макарова вполне справедливо назвала "восстанием духа"¹¹⁴. Как и в Воркуте, восставшие не имели оружия, их сила была в единстве, бесстрашии и решительности. Лозунг "Смерть или свобода!" звучал в Норильске в те героические дни на многих языках, так как среди 20 тыс. заключенных Горлага были представители нескольких десятков национальностей. "Або смерть, або життя!" — скандировали западные украинки, взявшись за руки, когда их сбивали с ног струи воды, пущенные под давлением из пожарных шлангов.

Восставшие избрали свои представительные органы, которые сумели придать противоборству мирный характер. Более двух месяцев им удавалось поддерживать в зонах нормальное течение жизни и не допускать ни анархии, ни насилия одних заключенных по отношению к другим, что при наличии в лагере уголовников, выявленных стукачей и завербованных провокаторов было не так-то просто. Активными членами забастовочных комитетов были Б.А. Шамаев, Е.С. Грицяк, С.Г. Головки, Ирена Мартинкуте, Бенюс Балайка, Г.С. Климович, В. Недоростков, Р. Загоруйко, Мария Нич, П. Френкель, И. Воробьев и многие другие узники Горлага — представители одного женского и пяти мужских лагерных отделений. Восставшие настаивали на приезде правительственной комиссии, ждали, что их справедливый протест будет услышан и понят верховной властью, но не дождались.

Подавить сопротивление удалось не сразу. Дольше всех продержалось 3-е (каторжное) отделение. Последний черный флаг, один из тех, которые были вывешены в лагере в первые дни восстания в знак скорби по погибшим товарищам, был сорван 4 августа 1953 г. Более сотни человек погибли от пуль карателей¹¹⁵. Подсчитать точно общее число жертв среди восставших пока невозможно — карательные органы не спешат раскрывать тайны своих преступлений.

В Норильске и Воркуте заключенные требовали свободу, а в Кенгире, маленьком казахском поселке, они ее завоевали. Пусть ненадолго, всего на 40 дней, но в течение этого времени они были людьми, а не пронумерованным скотом, загнанным в зарешеченные бараки. "Беспорядки" в 3-м лагерном отделении Степного лагеря начались 16 мая 1954 г. Если

бы не трагизм последующих событий, то на вопрос о причинах этих беспорядков можно было бы ответить французской поговоркой "ищите женщину". Женщин в мятежном отделении было много — 2407, из них 134 каторжанки. Всего в Степном лагере насчитывалось на 10 июня 1954 г. 22 884 заключенных, из них 2186 находились на каторжном режиме. Из шести лагерных отделений 3-е было самым крупным. В нем содержалось 5597 человек. Национальный состав заключенных был достаточно пестрым, но преобладали западные украинцы и бывшие жители прибалтийских республик. Они составляли 69% лагерного населения. Доля русских не превышала 13%. В лагере почти не было заключенных со сроком менее 10 лет, большинство (72%) были осуждены по статье "измена Родине" на 20 — 25 лет лишения свободы.

Совершенно очевидно, что ждать покорности и рабского повиновения от такого "контингента" лагерной администрации не приходилось. Пытаясь погасить постоянно вспыхивавшие искры нравственного, духовного сопротивления, начальство направило в лагерь этап уголовников численностью 1400 человек, надеясь с помощью их кулаков и ножей разъединить и деморализовать "политических". Почти половина вновь прибывших заключенных попала в 3-е лаготделение. Однако лагерное начальство сильно просчиталось. Украинские "хлопцы", потерявшие семью, родину и имевшие 25-летний срок, не видели необходимости покорно терпеть издевательства "блатных". Острие их сопротивления было направлено против уголовников, которые быстро сдались и пошли на уступки. Однако в лагере по-прежнему "работала" только 58-я статья. Нерастроченная энергия представителей уголовного мира искала выхода. "Блатным" не давала покоя расположенная по соседству женская зона. Забор не казался серьезным препятствием, и 16 мая они решились на штурм. Одновременно сотни других заключенных ринулись вслед за ними с целью защитить женщин, среди которых были их сестры, дочери, землячки, подруги. Насилия удалось избежать, ночь прошла относительно спокойно, и утром мужчины и женщины вышли на работу. Днем, пока заключенные строили обогатительную фабрику, добывали медную руду, работали на деревообделочной фабрике и заводе железобетонных изделий, лагерная администрация спешно заделывала колючей проволокой проходы в женскую зону и возводила новые огневые точки. Как известно, в огневых зонах оружие применялось без предупреждения. Это была провокация, поскольку начальство хорошо знало, как жаж-

дут общения люди по обе стороны забора. Оно предвидело, что ни вышки, ни колючка не остановят заключенных. В тот же вечер было убито и ранено почти 90 человек. На зверства администрации заключенные ответили погромом служебных и бытовых помещений и отказом выходить на работу.

Телеграммы, ежедневно отправляемые в Москву, сообщали: "Общение между мужчинами и женщинами, неповиновение и невыход всех заключенных на работу продолжают. Работники лагеря в жилую зону за пределы вахты заключенными по-прежнему не допускаются с предупреждением об опасности для жизни. Участвующие в переговорах представители заключенных ведут себя вызывающе, требуют возвратить в зону трупы убитых, наказать виновных в применении оружия, после чего только они будут вести дальнейшие переговоры"¹¹⁶. День ото дня обстановка накалялась, лагерная зона превратилась, по сути, в осажденную крепость, внутри которой, благодаря организующей деятельности созданной комиссии, соблюдался, по свидетельству очевидцев, образцовый порядок.

26 мая в Совет Министров СССР и ЦК КПСС поступила докладная записка о массовом неповиновении заключенных 3-го лагерного отделения Степного лагеря. В ней картина сопротивления описывалась очень упрощенно, существенно преуменьшалось число бастующих, и акцент делался на требовании заключенных разрешить им свободное общение с женской зоной. В тот же день на место происшествия вылетела комиссия в составе заместителя министра внутренних дел СЕ. Егорова, начальника ГУЛАГа И.И. Долгих и начальника Управления по надзору за местами заключения Прокуратуры СССР Н.В. Вавилова. В комиссию от заключенных, возглавляемую К.И. Кузнецовым (1913 г.р.), бывшим подполковником Красной Армии, побывавшим в немецком плену, входили также Э.И. Слученков ("Глеб"), Ю.А. Кнопмус, М.С. Шиманская, А.Ф. Макеев, Г.И. Келлер, А.А. Авакян, Л.К. Супрун, А.В. Михайлович и др. На одной из первых встреч этих двух комиссий Кузнецов от имени заключенных изложил следующие просьбы (именно просьбы, а не требования, так как комиссия старалась демонстрировать лояльность): "а) привлечь к ответственности виновников применения оружия 17 мая. Также расследовать все факты применения оружия, имевшие место в 1954 г.; б) не применять репрессий к членам комиссии заключенных... в) просить правительство о снижении срока наказания осужденным на 25 лет, а также изменить отношение к семьям заключенных,

осужденных по статье 58; г) отменить ссылку для лиц, освобожденных из спецлагерей; д) установить оплату труда заключенным наравне с вольнонаемными рабочими... ввести восьмичасовой рабочий день для всех заключенных; е) просить правительство отменить приговоры лагерных судов по статье 58; ж) разрешить свободное общение мужчин с женщинами; з) ограничить право администрации в вопросах трудовых дисциплинарных взысканий... и) установить льготные условия по зачетам для женщин; к) просить приезда в лагерь члена Президиума ЦК КПСС или секретаря ЦК"¹¹⁷. Как видим, диапазон запросов заключенных был весьма широк, и отнюдь не ограничивался требованием свободного общения между зонами.

Простаивающие предприятия, угроза срыва государственного плана заставляли лагерных управленцев идти на уступки. Начальник ГУЛАГа И.И. Долгих не скупился на обещания "пересмотреть", "учесть", "обеспечить" и т.д., но басующие, зная привычку работников МВД обманывать заключенных по поводу и без повода, не верили и требовали пригласить представителя ЦК КПСС, ждали "товарищей Ворошилова, Маленкова или Хрущёва". Для лагерного начальства это, пожалуй, главное требование заключенных было абсолютно неприемлемым. Ведь обратиться к обитателям партийного Олимпа с просьбой приехать в лагерь и поговорить с заключенными, это значило расписаться в своем полном бессилии. Героев, готовых рискнуть собственной карьерой ради нескольких тысяч человек, среди работников ГУЛАГа никогда не было. Выход, как всегда, искали в репрессиях.

Тем временем в лагере люди жили, любили, отправляли богослужения, заключали браки, ставили спектакли, танцевали, лечили больных, пекли хлеб, писали воззвания и листовки, налаживали радиосвязь. "Так шли дни, и мы чувствовали себя свободными людьми"¹¹⁸, — вспоминал это необычное время бывший узник Степлага И. Пинчуков, работавший в тот период в лазарете.

Заключенные готовились к сопротивлению. Они ковали холодное оружие — ножи, пики, сабли, изготавливали из бутылок ручные гранаты, начиняя их известью, строили оборонительные сооружения, минировали баррикады. Вооружалась и другая сторона. 15 июня в адрес Кенгира был отправлен эшелон с пятью танками Т-34 Первой мотострелковой дивизии МВД СССР имени Ф.Э. Дзержинского. Операция по наведению порядка в 3-м лаготделении готовилась

с учетом всех требований военной науки. Особое значение придавалось таким моментам, как внезапность, быстрота, смелость, и, самое главное, недопущение огласки. Признав, что "все меры разъяснительного характера в отношении неповинующихся заключенных исчерпаны", комиссия МВД и Прокуратуры СССР приняла решение сломить сопротивление силой. С этой целью в ночь с 25 на 26 июня против заключенных одновременно и внезапно были брошены 1600 солдат и офицеров, 98 служебно-розыскных собак с проводниками, три пожарных автомашины и пять танков Т-34. Побоище продолжалось полтора часа. По официальным данным, в ходе "операции" со стороны восставших получили ранения 106 заключенных, 46 человек были убиты или скончались от ран. Среди солдат и офицеров потерь не было, 40 человек получили ушибы и телесные повреждения,

8 августа 1955 г. Верховный суд Казахской ССР приговорил наиболее активных участников лагерной комиссии к расстрелу. К.И. Кузнецову — высшую меру заменили 25 годами ИТЛ. 12 марта 1960 г. Верховный суд СССР принял постановление о его освобождении и полной реабилитации¹¹⁹.

Восстания в особых лагерях — это поистине "оптимистическая трагедия". Несмотря на то что сопротивление везде было жестоко подавлено, оно позволило десяткам тысяч людей утвердиться в сознании, что режим (лагерный или государственный) не всесилен. Сопротивление возможно при любом режиме, сила нравственного противостояния зависит лишь от тебя самого.

Реорганизация лагерной системы началась сразу после смерти Сталина. Уже в марте 1953 г. преемники Сталина предприняли первые, весьма непоследовательные, попытки ввести карательную политику в русло законности. 27 марта вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии, который освободил из лагерей и колоний более миллиона заключенных; правда, осужденные по политическим мотивам составляли среди них совсем незначительную часть. 28 марта Совет Министров СССР постановил вывести ГУЛАГ из состава МВД и передать в Министерство юстиции. Характерно, что особые лагеря в ведение Минюста не попали, поскольку их предусмотрительно выделили из системы ГУЛАГа и подчинили Тюремному управлению МВД. За Министерством юстиции ГУЛАГ числился до 21 января 1954 г., затем его вновь включили в состав органов внутренних дел.

Все изменения в советской репрессивной системе проходили под давлением двух обстоятельств. С одной стороны,

многочисленные массовые протесты заключенных, и прежде всего в особых лагерях, заставляли руководство ГУЛАГа идти на смягчение режима, убирать из состава лагерной администрации наиболее жестоких, одиозных работников; с другой стороны, очевидная неэффективность принудительного труда, резкое ухудшение экономических показателей ГУЛАГа вынуждали начальство принимать меры по улучшению условий труда и содержания заключенных.

Ситуацию в лагерях в 1953 г. очень точно обрисовала комиссия Президиума Верховного Совета СССР, проводившая проверку работы органов МВД. В ее докладной записке указывалось, что режим, существовавший в лагерях, вызывал "решительный протест заключенных — невыходы на работу, хулиганские проявления, убийства и побеги. Такой режим давал низкую производительность труда, малый вывод на работу, высокое заболевание и деморализацию заключенных". В доказательство приводились цифры: в 1953 г. вывод на работу составлял всего 77% наличного контингента, а число лиц, не выполняющих норму выработки, — 11,9%¹²⁰.

Кардинальные перемены в системе ГУЛАГа связаны с реализацией двух партийных директив: постановлений ЦК КПСС от 12 марта 1954 г. "Об основных задачах Министерства внутренних дел" и от 10 июля 1954 г. "О мерах улучшения работы исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД". Эти документы, а также ряд других партийных решений, направленных на "восстановление социалистической законности", способствовали некоторой гуманизации лагерной системы, заметно смягчали режим содержания политических заключенных, ограничивали произвол служащих, переключали внимание администрации ГУЛАГа с "контрреволюционеров" на "уголовно-бандитствующий элемент", вводили 8-часовой рабочий день.

В течение 1954—1955 гг. шло постепенное выборочное освобождение заключенных, осужденных по политическим мотивам. По сведениям министра внутренних дел Н.П. Дудорова, на 1 января 1956 г. в местах лишения свободы содержалось 940 880 заключенных, в том числе в лагерях и колониях 781 630 человек. Осужденные за контрреволюционные преступления составляли 14,6% (113 735 человек). Сокращение общей численности заключенных привело к закрытию многих мест лишения свободы. В начале 1956 г. на территории СССР действовало 46 лагерей, в их составе было 1398 лагерных подразделений; 524 колонии. В 412 тюрьмах содержалось 159 250 заключенных, в их числе 1163 смертника

ждали утверждения смертного приговора или помилования¹²¹.

5 апреля 1956 г. Н.П. Дудоров направил в ЦК КПСС объемную докладную записку, в которой подробно охарактеризовал состояние репрессивной системы и внес ряд предложений по ее реорганизации. Министр без всяких оговорок констатировал: "Положение дел в исправительно-трудовых лагерях и колониях в течение многих лет остается неблагоприятным (...) Размещение лагерей и распределение в них заключенных подчинено, прежде всего, хозяйственным интересам, в результате чего создаются крупные лагеря, производятся массовые перемещения заключенных по всей стране (...) Количество заключенных в стране продолжает оставаться большим". Предложения Н.П. Дудорова сводились к следующему: "Считать нецелесообразным дальнейшее существование в стране исправительно-трудовых лагерей для заключенных, упразднить эти лагеря в течение 1956 — 1958 гг., сохранив только два вида мест лишения свободы — исправительно-трудовые колонии и тюрьмы (...) Труд заключенных, содержащихся в колониях, как правило, не применять на строительствах, в лесной, угольной, горнорудной промышленности и других тяжелых и неквалифицированных работах (...) Содержать уголовников в тюрьмах, чтобы полностью их изолировать (...) осуществлять дифференцированный подход к заключенным" и т.п.¹²²

С резкой критикой предложений министра внутренних дел выступил председатель Комитета государственной безопасности И.А. Серов. Его докладная записка от 10 мая 1956 г. на имя секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева, который в тот период курировал деятельность органов внутренних дел, содержала развернутые аргументы в пользу сохранения существовавшего режима и отвергала все предложения Дудорова как "неправильные" и "неприемлемые". Обосновывая свою точку зрения, И.А. Серов доказывал, что реорганизация лагерной системы "вызовет дополнительные затраты государственных средств", "будет создавать видимость наличия в СССР огромного количества мест заключения"; кроме того, некоторые положения в записке МВД он посчитал вообще "политически неправильными"¹²³. Последующие преобразования лагерной системы, проведенные руководством страны под давлением политических и экономических обстоятельств, показали, что мнение председателя КГБ в значительной степени было учтено.

После XX съезда КПСС процесс освобождения политических заключенных получил идеологическое обоснование и стал протекать более интенсивно, хотя и не всегда последовательно. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1956 г. "О рассмотрении дел на лиц, отбывающих наказание за политические, должностные и хозяйственные преступления", санкционировал образование специальных комиссий Президиума Верховного Совета СССР "для проверки в местах лишения свободы обоснованности осуждения каждого лица, обвиненного в совершении преступления политического характера, а также для рассмотрения вопроса о целесообразности содержания в заключении тех лиц, которые хотя и совершили политические или должностные и хозяйственные преступления, но не представляют государственной и общественной опасности"¹²⁴. Освобождение граждан не всегда сопровождалось полной судебной, а тем более партийной реабилитацией. Для сотен тысяч выживших узников ГУЛАГа процесс восстановления справедливости растянулся на долгие годы.

¹ *Болдырев Н.Н.* Зигзаги судьбы // Поживши в ГУЛАГе: сб. восп. / сост. А.И. Солженицын. М., 2001. С. 124.

² Ведомости Верховного Совета СССР. 1945. № 39.

³ См.: Население России в XX веке: ист. очерки: в 3 т. М., 2001. Т. 2. 1940—1959. С. 192.

⁴ См.: *Земсков Е.Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930-1960. М., 2003. С. 115.

⁵ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 544. Л. 1, 3, 4.

⁶ Там же. Л. 9, 10.

⁷ Там же. Л. 12.

⁸ См.: Там же. Л. 46.

⁹ См.: Там же. Л. 47—51. Обобщающие подсчеты сделаны автором.

¹⁰ Там же. Л. 51-52.

¹¹ См.: Уголовный кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями на 1 августа 1948 г. и с приложениями постатейно-систематизированных материалов. М., 1948. С. 152.

¹² ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 611. Л. 53, 54.

¹³ Там же. Оп. 5. Д. 190. Л. 10.

¹⁴ Ведомости Верховного Совета СССР. 1947. № 10.

¹⁵ См.: Население России в XX веке... Т. 2. С. 149.

¹⁶ См.: Там же. С. 150.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 387. Л. 53.

¹⁸ Там же. Л. 54.

¹⁹ Там же. Л. 139-140.

²⁰ *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. М., 1990. Т. 1. С. 95.

²¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1947. № 19.

²² ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 199. Л. 447.

²³ РГАНИ. Ф. 5. Документ на закрытом хранении.

- ²⁴ Артикул воинский // Российское законодательство X — XX веков: в 9 т. М., 1986. Т. 4. С. 363.
- ²⁵ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 544. Л. 88.
- ²⁶ Из приговоров районных нарсулов о привлечении к уголовной ответственности колхозников по указу 1947 г. // Сов. арх. 1990. № 3. С. 58.
- ²⁷ Там же. С. 58-59.
- ²⁸ Там же. С. 59.
- ²⁹ См. примеры дел, по которым вынесены приговоры к заключению в ИТЛ на срок 5, 7, 10, 20 и 25 лет за хищения, например, катушки ниток, 1 кг колосьев, пачки тетрадей, трех бидонов и т.п.: Социал. законность. 1953. №6. С. 9, 10; 1954. № 6. С. 10, 11; № 9. С. 2; № 12. С. 7.
- ³⁰ РГАНИ. Ф. 5. Документ на закрытом хранении.
- ³¹ Там же.
- ³² ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 190. Л. 10.
- ³³ Ведомости Верховного Совета СССР. 1947. № 19.
- ³⁴ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 190. Л. 10.
- ³⁵ Там же. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 200. Л. 282-286.
- ³⁶ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 123.
- ³⁷ См.: Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет Министров СССР. 1945-1953. М., 2002. С. 255-256.
- ³⁸ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 199. Л. 366; Д. 234. Л. 148.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ ЦАОПИМ. Ф. 2264. Оп. 1. Д. 77. Л. 21, 28, 29.
- ⁴¹ Там же. Д. 48. Л. 91.
- ⁴² Там же. Д. 77. Л. 28.
- ⁴³ Там же. Д. 93а. Л. 197.
- ⁴⁴ Там же. Д. 77. Л. 28.
- ⁴⁵ Там же. Д. 44. Л. 7.
- ⁴⁶ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 199. Л. 393.
- ⁴⁷ ЦАОПИМ. Ф. 2264. Оп. 1. Д. 44. Л. 66.
- ⁴⁸ Там же. Л. 4, 9.
- ⁴⁹ РГАНИ. Ф. 5. Документ на закрытом хранении.
- ⁵⁰ ЦАОПИМ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 116. Л. 10.
- ⁵¹ Там же. Ф. 2264. Оп. 1. Д. 28. Л. 14, 15.
- ⁵² Там же. Д. 44. Л. 9.
- ⁵³ Там же. Л. 12.
- ⁵⁴ Там же. Д. 20. Л. 21.
- ⁵⁵ Там же. Д. 28. Л. 3.
- ⁵⁶ Там же. Ф. 203. Оп. 1. Д. 359. Л. 16-18.
- ⁵⁷ РГАНИ. Ф. 89. Пер. 16. Док. 1. Л. 19.
- ⁵⁸ См.: *Киселев И.Н.* Естественное движение населения в 1930-х годах // Население России в 1920—1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1994. С. 61-62.
- ⁵⁹ ЦАОПИМ. Ф. 2264. Оп. 1. Д. 20. Л. 24, 25.
- ⁶⁰ См.: Там же. Д. 60. Л. 123; Д. 72. Л. 91.
- ⁶¹ Там же. Д. 44. Л. 30; Ф. 203. Оп. 1. Д. 116. Л. 43.
- ⁶² Там же. Ф. 2264. Оп. 1. Д. 60. Л. 10, 65.
- ⁶³ Там же. Ф. 3352. Оп. 3. Д. 1136. Л. 178.
- ⁶⁴ РГАНИ. Ф. 5. Документ на закрытом хранении.
- ⁶⁵ Там же.

- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ *Миронова В.* Миф или реальность // 30 октября. 2002. № 25. С. 4.
- ⁷⁰ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923—1960: справ. М., 1998. С. 344.
- ⁷¹ *Евстигнеев С.К.* Я был солдатом партии // Озерлаг: как это было / сост. Л.С. Мухин. Иркутск, 1992. С. 11.
- ⁷² ЦАОПИМ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 359. Л. 65.
- ⁷³ Там же. Ф. 2264. Оп. 1. Д. 63. Л. 10; Д. 72. Л. 98.
- ⁷⁴ Там же. Д. 38. Л. 20; Д. 44. Л. 93.
- ⁷⁵ Там же. Ф. 3352. Оп. 3. Д. 990. Л. 80.
- ⁷⁶ Там же. Ф. 2264. Оп. 1. Д. 44. Л. 99.
- ⁷⁷ РГАНИ. Ф. 5. Документ на закрытом хранении.
- ⁷⁸ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 199. Л. 197а.
- ⁷⁹ Там же. Л. 197в.
- ⁸⁰ РГАНИ. Ф. 89. Пер. 55. Док. 28. Л. 16.
- ⁸¹ Подробнее см. главу восьмую настоящего издания.
- ⁸² ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1801. Л. 138.
- ⁸³ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 428. Л. 100- 101. Эти особые лагеря были образованы в течение 1948— 1952 гг.
- ⁸⁴ Цит. по: *Кокурин А.И., Моруков Ю.Н.* ГУЛАГ: структура и кадры. Статья шестнадцатая // Свободная мысль — XXI. 2001. № 1. С. 104.
- ⁸⁵ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 387. Л. 12-13.
- ⁸⁶ Там же. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 199. Л. 197д.
- ⁸⁷ Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 383. Л. 136-137.
- ⁸⁸ Там же. Л. 8, 27.
- ⁸⁹ Там же. Л. 136-137.
- ⁹⁰ РГАНИ. Ф. 5. Документ на закрытом хранении.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ *Трубецкой А.В.* Пути неисповедимы (воспоминания 1939— 1955 гг.). М., 1997. С. 243-245.
- ⁹⁴ Там же. С. 245. Примеч.
- ⁹⁵ РГАНИ. Ф. 5. Документ на закрытом хранении.
- ⁹⁶ Там же.
- ⁹⁷ Там же.
- ⁹⁸ Там же.
- ⁹⁹ Там же.
- ¹⁰⁰ Там же.
- ¹⁰¹ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 190. Л. 10.
- ¹⁰² Там же. Л. 5.
- ¹⁰³ РГАНИ. Ф. 5. Документ на закрытом хранении.
- ¹⁰⁴ Там же.
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ Там же.
- ¹⁰⁷ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 198. Л. 297-298.
- ¹⁰⁸ *Разгон Л.* Непридуманное. М., 1989. С. 246-247.
- ¹⁰⁹ РГАНИ. Ф. 5. Документ на закрытом хранении.
- ¹¹⁰ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 196. Л. 130- 131.
- ¹¹¹ РГАНИ. Ф. 5. Документ на закрытом хранении.
- ¹¹² Цит. по: *Горчева А.Ю.* Пресса ГУЛАГа. М., 1996. С. 52.

- ¹¹³ *Малумян А.* Июль пятьдесят третьего // Воля. 1997. № 6/7. С. 131.
- ¹¹⁴ *Макарова А.* Норильское восстание // Воля. 1993. № 1. С. 68.
- ¹¹⁵ Там же. С. 68-108.
- ¹¹⁶ Восстание в Степлаге (май —июнь 1954 г.): публ. док. // Отечеств, арх. 1994. № 4. С. 37.
- ¹¹⁷ Там же. С. 42.
- ¹¹⁸ *Пинчуков И.* Я просил расстрела... // Воля. 1994. № 2/3. С. 332.
- ¹¹⁹ По утверждению М. Кораллова, подполковник К.И. Кузнецов был до войны агрономом, а после того, как попал в советские лагеря, стал стукачом, поэтому он не был расстрелян вместе с истинными вождями восстания. См.: *Кораллов М.* Следуя алфавиту... — "Круглый стол": мемуары на сломе эпох // Вопр. лит-ры. 2000. № 1. С. 32.
- ¹²⁰ РГАНИ. Ф. 89. Пер. 55. Док. 28. Л. 16.
- ¹²¹ Там же. Пер. 16. Док. 1. Л. 6.
- ¹²² Там же. Л. 4, 5, 7, 11, 21.
- ¹²³ Там же. Пер. 18. Док. 36. Л. 1-4.
- ¹²⁴ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях... С. 80-81.

Глава восьмая

ЛАГЕРНАЯ ЭКОНОМИКА В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Во второй половине 1940-х — начале 1950-х годов советская система концлагерей достигла своего апогея. Это проявлялось не только в значительном росте числа заключенных, но и в той экономической роли, какую играл ГУЛАГ в послевоенные годы. Потребности развития советской экономики в этот период и, в частности, реализация задач, связанных с наращиванием военно-промышленного потенциала, обусловили появление в структуре МВД СССР новых лагерно-производственных управлений, научно-исследовательских институтов и даже целых отраслей промышленности.

Еще накануне войны на базе производственных отделов ГУЛАГа был организован ряд специализированных производственных главных управлений и управлений НКВД СССР. Для руководства горно-металлургическими предприятиями и обслуживающими их лагерями 26 февраля 1941 г. было образовано Главное управление лагерей горно-металлургических предприятий (ГУЛГМП). Во время и сразу после войны за лагерями ГУЛГМП были закреплены помимо заключенных большие группы других "спецконтингентов", составлявших значительную долю его трудовых ресурсов. На 1 января 1946 г. на предприятиях этого лагерно-производственного управления работали 118 787 заключенных, 11 256 трудмобилизованных, 33 709 спецпоселенцев, 22 918 бывших заключенных, задержанных до конца войны, 1882 военнопленных¹.

На базе Отдела железнодорожного строительства ГУЛАГа в начале 1941 г. было создано Главное управление лагерей железнодорожного строительства НКВД СССР (ГУЛЖДС). География работ этого главка непрерывно расширялась, соответственно, увеличивалась и численность заключенных. Если на 1 января 1946 г. в лагерях ГУЛЖДС находилось более 93 тыс. человек, то на 1 января 1950 г. число заключенных превысило 294 тыс.²

Уже после войны, 4 марта 1947 г., одно из главных производственных подразделений сначала ГУЛАГа, а потом НКВД

СССР — Управление лагерей лесной промышленности, было реорганизовано в Главное управление лагерей лесной промышленности (ГУЛЛП). Ему подчинялись 13 лесных лагерей (более 300 тыс. заключенных).

Основная задача этих и других специализированных производственных управлений заключалась в руководстве производственной деятельностью входивших в состав этих главков лагерей, строителей и предприятий НКВД—МВД. Главные лагерно-производственные управления, чья деятельность базировалась преимущественно на принудительном труде заключенных, обладали относительной самостоятельностью. ГУЛАГ по отношению к ним выполнял, в основном, функции, связанные с обеспечением режима содержания и изоляции заключенных, руководил учетом, распределением и перераспределением заключенных всех лагерей НКВД—МВД, обеспечивал лагеря продуктовым и вещевым довольствием, руководил оперативной работой в лагерях и охраной.

В самом Главном управлении исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД СССР производственными вопросами занималось 4-е (производственное) Управление, переименованное 3 февраля 1948 г. в 3-е Управление ГУЛАГа, в состав которого входили такие отделы, как промышленный, плановый, лесной, сельскохозяйственный, капитального строительства, снабжения и сбыта и др. Списочный состав заключенных в лагерях и колониях, подведомственных 3-му Управлению ГУЛАГа, включал на конец 1950 г. 1 181 065 человек.

По данным бухгалтерского отчета за 1950 г., из этого количества на различных работах использовалось 726 399 заключенных (61,5%), в том числе на работах своего главка — 266 202 человека, на работах других хозяйственных органов — 458 295, в подсобных и вспомогательных хозяйствах — 1902 человека. Важно обратить внимание, что на работах не применялся труд большой группы заключенных — 454 666 человек (38,5% от общего числа заключенных), т.е. почти полмиллиона. Из этого числа заключенных, не занятых в производственной сфере, были заняты в хозобслуге 118 379 человек, не работали по болезни — 79 623, не использовались на работах по разным причинам (отсутствие конвоя, из-за непредоставления работы, содержащиеся в карцерах и др.) — 54 951 заключенный, "прочие неработающие" составляли 201 713 человек. Эта последняя группа включала в себя неработающих инвалидов и стариков — 164 651 чело-

век и содержащихся в пересыльных тюрьмах — 37 062 человека. Для сведения добавим, что средняя стоимость содержания одного списочного человека-дня в ГУЛАГе составляла в 1950 г. 13 руб. 80 коп.³ Анализ бухгалтерской отчетности, представленной нами здесь только за один год по графе "трудовое использование контингента", позволяет отчетливо увидеть, почему давняя мечта советского руководства о самоокупаемости лагерей так никогда и не стала реальностью.

Организационная структура ГУЛАГа включала в себя также ряд управлений и отделов, которые занимались охраной, учетом, распределением заключенных, обеспечивали жизнедеятельность и работоспособность лагерей и колоний. В целом, управленческая структура ГУЛАГа отличалась громоздкостью аппарата и взаимным переплетением функций некоторых отделов. Это было, наверное, одно из самых бюрократических учреждений страны. Ежедневно руководители лагерных подразделений получали из главка по шесть — семь директив. В начале 1950-х годов в аппарат ГУЛАГа в течение года поступало из лагерей и колоний 132 738 отчетов и докладов. Среди них были пятидневные (4560), декадные (4960), полумесячные (876), месячные (64 683), представляемые восемь раз в год (1056), двухмесячные (640), квартальные (39 076), полугодовые (4980), годовые (11 907)⁴. На содержание аппарата, подготавливающего и рассматривающего эти документы, расходовалась колоссальная сумма государственных средств. Когда в 1954 г. Совет Министров поднял вопрос "о серьезных недостатках в организационной структуре и излишествах в штатах административно-управленческого аппарата Министерства внутренних дел", внутриведомственная отчетность была безболезненно сокращена почти в шесть раз; из 186 существовавших форм отчетности были полностью отменены 136 форм.

По мере развития хозяйственной деятельности НКВД—МВД в его структуре появлялись все новые и новые производственные подразделения. Кроме названных, в состав МВД в послевоенный период входили такие управления, как Главгидрострой, Дальстрой, Енисейстрой, Главслюда, Главспеццветмет, Главспецнефтьстрой, Желдорпроект, отдел высотного строительства и целый ряд других отделов, управлений, институтов, конструкторских бюро, деятельность которых была связана с промышленным и сельскохозяйственным производством и капитальным строительством. Само собой разумеется, что рядом с хозяйственными

структурами в МВД существовали тюремное управление; главные управления милиции, конвойных войск; отделы спецпоселений, детских колоний, а также более десятка всевозможных спецотделов и спецуправлений. На 1 марта 1948 г. в партийном комитете центрального аппарата МВД СССР на учете состояло 129 первичных парторганизаций, объединявших 8133 члена ВКП(б), комсомольская организация насчитывала 1890 членов⁵. Только административно-управленческие расходы министерства достигли в 1948 г. 11 589 млн руб.⁶

Периодически со стороны партии и правительства раздавались призывы к экономии, и министерство проводило очередную кампанию по снижению расходов. Делалось это, как правило, за счет сокращения штатов и структурных изменений. В 1949 г. начальник управления кадров Б.П. Обручников с гордостью докладывал на 6-й партконференции МВД: "Мы смогли дать с помощью начальников отделов, управлений, кадровиков 778 596 тысяч рублей экономии государству только на одних штатах и на частичном изменении структуры... Сократили несколько тысяч бездельников, потому что план министерства выполнен, и дали экономию 700 с лишним миллионов рублей"⁷.

Более чем на 800 млн руб. в год сократились расходы МВД в 1952 г. Это было обусловлено решением правительства отменить все доплаты за звания, выслугу лет, ординаторские, пайковые и прочие практиковавшиеся надбавки работникам системы МВД. Распоряжение не коснулось военизированных частей. Не желая мириться с ухудшением своего материального положения, некоторые работники МВД собрались переходить на работу в другие ведомства. Положение было столь серьезным, что министру С.Н. Крутлову пришлось специально разъяснять сотрудникам это "важнейшее политическое мероприятие партии и правительства". Его главный аргумент звучал так: "Мы знаем, что ЦК ВКП(б) и советское правительство никогда кадры работников Министерства внутренних дел не оставляли без внимания. Мы жили хорошо, а будем жить еще лучше!"⁸ Что ж, оптимизм министра был вполне обоснован.

На 1 января 1949 г. в системе МВД СССР насчитывалось 67 самостоятельных исправительно-трудовых лагерей с десятком тысяч лагерных отделений и лагпунктов и 1734 колонии, в которых содержались 2 356 685 заключенных, из них 1 963 679 человек трудоспособных. Более половины (55,8%)

составляли осужденные в возрасте от 17 до 30 лет, женщин было 22,1% от общей численности заключенных⁹.

На объектах, подчиненных непосредственно МВД, были заняты примерно три четверти трудоспособных заключенных, которые распределялись следующим образом: в лесной промышленности работало 273 тыс. человек; на железнодорожном строительстве — 216 тыс.; в горно-металлургической промышленности — 179 тыс.; на строительстве спецобъектов — 140 тыс.; на стройках Дальнего Севера — 107 тыс.; на золотодобыче — 27 тыс.; в сельском хозяйстве и на производстве промышленных товаров — 718 тыс.; на разных других работах — 33 тыс. человек¹⁰. Помимо обеспечения рабочей силой собственных производственных объектов, Министерство внутренних дел по заданиям правительства выделяло на контрагентских началах заключенных для работы в системе других министерств и ведомств. В 1947 г. "на стороне" работало 507 800 заключенных.

Экономическая деятельность МВД была столь нерациональна и неэффективна, что даже такой, казалось бы, выгодный вид коммерческой деятельности, как сдача заключенных "в аренду", не приносил министерству прибыли. Из сводного баланса доходов и расходов МВД на 1949 г. видно, что "поступления за рабсилу, предоставляемую на сторону", составили в 1948 г. 6,8 млрд руб., тогда как "затраты на содержание рабсилы, предоставляемой на сторону", превысили 8,5 млрд руб.¹¹ Для покрытия убытков по этой статье расходов ассигнования испрашивались из союзного бюджета.

Кроме заключенных в системе МВД работали также спецпоселенцы, военные строители и вольнонаемные граждане. В конце 1944 г. в НКВД насчитывалось 37 тыс. вольнонаемных специалистов с высшим и средним специальным образованием, к концу 1954 г. в МВД работало уже 60 тыс. специалистов, из них 28 тыс. с высшим и 32 тыс. со средним специальным образованием. В основном это были инженеры и техники различных отраслей промышленности и транспорта, специалисты сельского хозяйства, медицинские работники, юристы, экономисты, работники просвещения. Именно они считались главными исполнителями тех грандиозных задач, которые правительство ставило перед министерством. Место заключенных в экономической деятельности МВД определялось терминами "рабочий фонд", "рабсила" и даже "рабгужсила".

Большинство вольнонаемных специалистов относилось к среднему звену начальствующего состава и имело низшие

офицерские чины. Производственная деятельность почти всех вольнонаемных специалистов была в той или иной степени связана с трудом заключенных, более того, их материальное благополучие часто напрямую зависело от труда заключенных. Однако об этом никто никогда не вспоминал и не говорил.

Безнравственность и абсурдность гугаговской системы хозяйства рельефно отражает документ, обошедший в 1948 г. все лагеря и колонии СССР и нашедший горячую поддержку тех, кому он был адресован. "К рабочим, инженерам, техникам и служащим лагерей и колоний ГУЛАГа МВД СССР" обратились коллективы подразделений Управления исправительно-трудовых лагерей и колоний УМВД г. Москвы и Московской области. В этом "Обращении", принятом по случаю развернувшегося в стране социалистического соревнования в честь 31-й годовщины Октябрьской революции, в частности, говорилось:

"... идя в ногу с передовыми предприятиями, коллективы наших подразделений, широко развернув социалистическое и трудовое соревнование*, в первом полугодии 1948 г. выполнили производственный план по валовой продукции на 109,5%, по товарной продукции — на 113,4%, отказавшись от государственной дотации в сумме 5394 тыс. руб., и дали сверхплановой экономии 1021 тыс. руб. (...) Коллектив УИТЛК УМВД города Москвы и Московской области, подсчитав свои производственные возможности и внутренние ресурсы, взял на себя новые дополнительные обязательства — дать государству до конца года сверхплановых накоплений в сумме 3500 тыс. руб. и выполнить годовой производственный план к 1 ноября 1948 г.

Принимая на себя новые повышенные обязательства, мы обращаемся ко всем коллективам лагерей и колоний ГУЛАГа МВД СССР с призывом поддержать наше начинание, еще шире развернуть борьбу за сверхплановые накопления, памятуя о том, что каждый рубль сверхплановых накоплений — это вклад во всенародное дело досрочного выполнения плана послевоенной пятилетки.

Мы уверены в том, что наш призыв найдет горячий отклик среди коллективов лагерей и колоний ГУЛАГа МВД..."¹²

Как видим, здесь нет ни слова о тех, кому предстояло своим изнурительным ежедневным трудом воплотить в жизнь эти обещания и призывы, — о заключенных. В том, что "Обращение" умалчивало об основной производительной силе ГУЛАГа — заключенных, не было ничего удивительного.

* Трудовое соревнование — это соревнование между заключенными.

Ведь ни доярка, ни свиарка не говорили и не вспоминали о животных, когда брали социалистические обязательства дать сверх плана столько-то молока и столько-то мяса. Всем и без того было ясно, что молоко и мясо дадут не сами работницы ферм, а домашний скот. Аналогия с ГУЛАГом здесь практически полная.

Лишь иногда на закрытых партийных собраниях работники лагерей и колоний позволяли себе высказывать озабоченность по поводу "ухудшения физического профиля рабочего фонда". Вот выдержки из выступлений медиков в марте 1948 г. на 4-й партконференции УИТЛК УМВД Москвы и Московской области: "... никто не сказал, как заботятся об оздоровлении нашего контингента, который обеспечивает выполнение производственных планов, за которые мы получаем премии и Красные знамена. Зачастую в наших подразделениях контингент доводится до полного ослабления... Необходимо принять все меры к уменьшению травм на производстве и не доводить контингент до ослабления".

"Если мы не будем создавать нормальные условия для контингента, то оздоровить мы их не сможем. Пересыльная тюрьма дает здоровый контингент в наши подразделения. Но через 3 — 4 месяца он выходит из строя. Руководители ОЛП—ИТК используют людей с фронтовыми ранениями и другими физическими недостатками на непосильной работе, и они быстро выходят из строя..."¹³

Напомним, что в этих выступлениях речь идет о лагерях и колониях столичной области, где отдельные колонии, например, Крюковскую, разрешали в виде исключения посещать иностранным делегациям — итальянской, английской и др. Интересная деталь — выводы московского врача о предельных сроках эксплуатации "контингента" полностью подтверждают наблюдения самих узников ГУЛАГа. Анализируя лагерный труд, А. Антонов-Овсеенко писал: "Зек выдерживал на строительстве дорог, на трассе, в каменном карьере, на шахте, на лесоповале не более *трех* месяцев. В среднем... Повторяю: обычный срок эксплуатации рабсилы в запроволочной зоне равнялся *трем* месяцам. Статистики Гиммлера вывели такую же цифру в своих концлагерях"¹⁴.

Слухи о жесточайшей эксплуатации принудительного труда советских заключенных давно привлекали внимание международных, прежде всего, профсоюзных организаций. Многие представители мировой общественности, руководствуясь истинным чувством гуманности и сострадания к

жертвам сталинского режима, стремились узнать правду о советских концлагерях и добиться их ликвидации. Но не мало было и тех, кто в условиях "холодной войны" посчитал эту проблему удобным поводом для активизации антисоветской деятельности. Сегодня трудно сказать, какими чувствами в первую очередь руководствовались представители международных организаций, начавшие в ноябре 1947 г. кампанию против применения принудительного труда в СССР.

Инициатором этой кампании, получившей в условиях "холодной войны" весьма широкий размах, выступила Американская федерация труда (АФТ). Американцы, поддержанные англичанами, настаивали на проведении в рамках ООН официального авторитетного расследования. Вопрос "о принудительном труде и мерах для устранения его", официально включенный по инициативе АФТ в повестку дня VII сессии Экономического и Социального Совета ООН (ЭКОСОС), которая должна была собраться в Женеве в июле 1948 г., потребовал от советского правительства принятия срочных ответных мер.

По запросу руководства Министерства иностранных дел научными институтами АН СССР и сотрудниками министерства были спешно подготовлены справки следующего содержания: "Принудительный труд в капиталистических странах", "Использование американцами труда японских военнопленных и демобилизованных солдат и офицеров бывшей японской армии и флота", "О турецком законодательстве о принудительном труде", "Об антирабочем законодательстве в странах Латинской Америки", "О применении труда перемещенных лиц в странах Латинской Америки" и ряд других аналогичного содержания¹⁵. Все собранные материалы Отдел по делам ООН срочно направил в Нью-Йорк, однако VII сессия ЭКОСОС отложила рассмотрение ряда вопросов до следующей сессии, в числе отложенных были также вопросы о принудительном труде, правах профсоюзов и др.

Свою точку зрения на проблему принудительного труда представитель Советского Союза изложил на VIII сессии Экономического и Социального Совета в феврале 1949 г. Выступление советского представителя строилось по принципу "лучшая оборона — это нападение". Однако такая позиция не смогла изменить мнение членов Совета относительно использования принудительного труда в СССР, они хотели получить добросовестный обзор о принудительном труде и мерах по его ликвидации, а услышали лишь набор

пропагандистских клише "о свободном труде в СССР". В соответствии с принятой резолюцией, вопрос о принудительном труде подлежал дальнейшему "обследованию" и обсуждению на IX сессии ЭКОСОС в июле 1949 г.

Одновременно Международная организация труда (МОТ) на своей 109-й сессии приняла резолюцию, "призывающую к беспристрастному исследованию природы и распространенности принудительного труда", в которой предлагалось также организовать консультации по этому вопросу между руководством МОТ и Генеральным секретарем ООН¹⁶.

В предварительную повестку дня IX сессии ЭКОСОС были включены 52 вопроса, из них около десяти вопросов, в том числе и такой вопрос, как "принудительный труд и меры к его упразднению", считались главными. По 23-му пункту повестки дня ("Обзор данных о принудительном труде и мерах к его упразднению") ЭКОСОС обсуждал два проекта резолюции: СССР и США.

В советском проекте резолюции предлагалось отметить, что "Совет признает большое значение обсуждаемого вопроса и считает представленные до сих пор инициаторами этого вопроса материалы совершенно недостаточными, во многих отношениях необъективными и неправдивыми, а в отношении СССР грубо клеветническими и пасквильными"¹⁷. Представитель СССР, как и на предыдущей сессии Совета, доказывал, что в капиталистических странах рабочие живут "под страхом безработицы, нищеты и голода", а советская Конституция гарантирует право на труд, поэтому у советских людей нет боязни потерять работу, они не испытывают страха нужды и неуверенности в завтрашнем дне. Большинство членов Совета отреагировали на это выступление руководителя советской делегации А.А. Арутюняна тем, что обвинили его в проведении пропаганды.

Проект резолюции СССР предусматривал "создание широкой международной комиссии из представителей работников физического и умственного труда, объединенных во всех существующих профсоюзах, из расчета — 1 представитель от 1 миллиона членов профсоюзов, а всего в составе — 110—125 представителей"¹⁸. Предлагая создание такой комиссии, советские делегаты были заведомо уверены, что она будет либо неработоспособной, либо сосредоточит свое внимание на проблемах безработицы, нарушения прав профсоюзов и трудового законодательства в капиталистических странах.

Советская версия всех событий, происходивших на IX сессии Экономического и Социального Совета ООН в связи с обсуждением вопроса о принудительном труде, подробно изложена в отчете, направленном руководителю Отдела по делам ООН А.А. Соболеву. Познакомимся подробнее с этой отнюдь не беспристрастной версией, поскольку она позволяет наглядно представить и понять позицию, менталитет и характер поведения за рубежом руководящих советских кадров, а также оценить всю сложность политической ситуации, в которой СССР оказался, так сказать, "по вине" ГУЛАГа.

В отчетном докладе советской делегации, который никогда и нигде не публиковался, говорилось:

«Проект резолюции США, направленный исключительно против СССР и стран народной демократии, предусматривал создание комиссии специально по расследованию характера и размера принудительного труда, причин, по которым люди заставляются выполнять принудительный труд, по обращению с такого рода людьми, обратив главное внимание на случаи, относящиеся к большому числу лиц или широкому распространению практики применения принудительного труда. В комиссию должно войти 11 членов, назначаемых персонально. Пять членов назначаются Экономическим и Социальным Советом, пять — Международной организацией труда и один член избирается самой комиссией. Комиссия должна собирать информацию, выезжать для расследования фактов на место, заслушивать свидетельские показания, в том

числе устраивать публичные заслушивания с предоставлением возможности ответа, согласно правилам, которые она должна себе установить (...)

В ходе обсуждения этих двух проектов представитель Чили и совместно представители Дании, Индии и Бразилии выдвинули существенные поправки к проекту США.

Поправка Чили еще более усиливала антисоветское направление американского проекта резолюции. В ней предлагалось комиссии, во-первых, в том случае, если она не будет допущена каким-либо правительством для установления фактов принудительного труда на месте, производить расследование вне территории этого государства; во-вторых, государство-член ООН может требовать расследования фактов наличия принудительного труда в каком-либо другом государстве-члене при условии, если правительство обвиняющегося государства заявит о своей готовности допустить на своей территории любые расследования.

Поправка Дании, Индии и Бразилии смягчает американский проект резолюции, так как целиком исключает резолютивную часть проекта США. В новой резолютивной части этого проекта, внесенной делегациями указанных стран, говорится: "Принимая

во внимание, что ответы, полученные до настоящего времени от правительств, в ответ на запрос Генерального Секретаря, не предусматривают условий, при которых комиссия по расследованию могла бы работать эффективно, поручить Генеральному Секретарю просить правительства, которые еще не заявили, что они готовы сотрудничать в таком беспристрастном расследовании, рассмотреть вопрос о том, смогут ли они представить до следующей сессии Совета ответы по этому вопросу".

При обсуждении всех этих проектов руководитель английской делегации Смит, выступая дважды, путем клеветы, передергивания фактов и демагогии пытался доказать существование "принудительного труда" в СССР, используя в этих целях исправительно-трудовой кодекс РСФСР. С речами, полными злобы и клеветы против СССР и стран народной демократии, выступили представители АФТ, США, Чили, Бельгии, Франции и ряда других стран. Большинство из них одобрили поправку, внесенную делегатом Чили.

Руководитель делегации СССР тов. Арутюнян на основе серьезного анализа фактов убедительно доказал всю лживость и вздор-

ность "обвинений" против СССР, выдвинутых АФТ и Англией и поддержанных большинством Совета. Советский делегат дал исчерпывающую характеристику массового применения принудительного труда в капиталистических странах, особенно в Англии и США, и раскрыл характер подлинно свободного труда в Советском Союзе.

Под напором фактов и веских доводов советского делегата, поддержанного представителями Польши и Белорусской ССР, и видя непримиримую, принципиальную позицию делегации СССР в этом вопросе, и появилась поправка к американскому проекту резолюции, предложенная делегациями Дании, Индии и Бразилии.

Представитель Англии Смит был вынужден заявить свое согласие с этой поправкой, которая коренным образом изменяет проект США и нейтрализует поставленный на обсуждение вопрос. Поправку трех делегаций поддержали также в своих выступлениях делегаты Венесуэлы и Австралии (...)

Необходимо отметить, что председатель Совета Торн во время обсуждения вопроса вел себя пристрастно в пользу англичан и американцев. Он несколько раз прерывал во время вторичного выступления делегата СССР Арутюняна, и, наоборот, помогал делегату Бельгии, выступавшему с злобной клеветой на СССР, Польшу и другие страны народной демократии, вплоть до подсказывания делегату Бельгии вопросов, которые он должен поставить делегату СССР. **Суть этих вопросов сводилась к тому, чтобы делегат**

СССР сообщил количество заключенных, имеющих в СССР (подчеркнуто мною. — Г.И.). При голосовании советского проекта резолюции за него голосовали делегации СССР, Польши и Белорусской ССР, против — 14 членов Совета и воздержался от голосования представитель Ливана.

За поправку Дании, Индии и Бразилии голосовало 10 делегаций, против — 5 (США, Чили, Перу, Бельгия, Турция) и 3 делегации воздержались от голосования (СССР, БССР, Польша). Поправка, следовательно, была принята.

Проект резолюции, предложенный делегацией США, включая в него совместную поправку Дании, Индии и Бразилии, был принят десятью голосами "за" при восьми воздержавшихся от голосования (СССР, Польша, БССР, США, Чили, Перу, Бельгия, Турция).

Таким образом, англичане и американцы, с большой помпой снова поднявшие вопрос о якобы имеющем место принудительном труде в СССР, вынуждены были отступить, потерпели поражение.

Совет не решился принять проект резолюции, представленный делегацией США с его явным антисоветским содержанием, и вынес ничего не говорящее решение, поручающее Генеральному Секретарю продолжать сноситься с соответствующими правительствами относительно сотрудничества по этому вопросу»¹⁹.

Это был явный политический успех советской дипломатии, хотя вопрос о принудительном труде не снимался с повестки ЭКОСОС и в последующие годы.

В 1950 г. Представительство СССР при ООН получило от Генерального Секретаря петицию, поступившую в Секретариат ООН 23 февраля 1950 г. от неправительственной национальной организации, находящейся на территории США. Под этой петицией, имевшей 121 копию, подписались 4146 человек. По этому поводу представитель СССР при ООН Я.А. Малик докладывал министру иностранных дел СССР А.Я. Вышинскому: указанная петиция была, несомненно, подготовлена американской делегацией «для поддержки своей клеветы на Советский Союз при рассмотрении вопроса о принудительном труде на X сессии Экономического и Социального Совета (...)

Считаю, что нам следовало бы возвратить письмо Генерального Секретаря ООН со всеми приложениями ему обратно, с указанием, что Представительство СССР при ООН не может принять и довести до сведения правительства СССР голословную клевету, изложенную в "сообщении" анонимной организации и вымышленную от начала до конца»²⁰. Вышинский, лучше, чем кто-либо другой, знавший, что речь идет вовсе не о "голословной клевете", с этим предложением полностью согласился.

МИД СССР демонстративно игнорировал все запросы и обращения Генерального Секретаря ООН Трюгве Ли, кото-

рый пытался получить от СССР и БССР согласие на сотрудничество по вопросу о принудительном труде, равно как и по вопросу о рабстве.

Проблемой рабства Экономический и Социальный Совет ООН занялся в 1949 г. по поручению Генеральной Ассамблеи. На той же IX сессии ЭКОСОС был создан специальный комитет, который должен был "обследовать вопрос о рабстве и других институтах и обычаях, сходных с рабством". Секретариат ООН разослал государствам-членам ООН "Вопросник по рабству и порабощению". В этом вопроснике среди прочих был и такой вопрос: "Существует ли практика на территории, находящейся под контролем Вашего правительства, которая ограничивает свободу личности и которая ведет к положению, что человек, проживающий в государстве, в действительности порабощается"²¹.

Каким мог быть ответ советского правительства на этот вопрос? Любым, но вряд ли правдивым. Советские представители при обсуждении проблемы рабства настаивали на том, чтобы под понятием "рабство" иметь в виду рабство лишь в узком, юридическом смысле этого слова, то есть понимать его так, как оно понималось в колониях и на подопечных территориях. А ЭКОСОС ставил вопрос шире, поэтому на все запросы Генерального Секретаря ООН на протяжении ряда лет поступал один и тот же ответ: "в СССР проблемы рабства не существует", соответственно, и отвечать на вопросник нет необходимости. Между тем к началу 1951 г. ответы на вопросник дали 73 страны, не ответили 12 правительств²².

Экономический и Социальный Совет ООН не оставлял своих попыток узнать правду о принудительном труде в СССР вплоть до середины 1950-х годов. 19 марта 1951 г. ЭКОСОС принял резолюцию о создании Комитета ad hoc по принудительному труду. Возглавил этот специальный комитет индус А. Рамасвами Мудальяр. Как сообщалось в одной из секретных докладных записок сотрудников Министерства иностранных дел, «этот комитет на своей третьей сессии, состоявшейся в октябре-ноябре 1952 г., составил сводку клеветнических в отношении СССР материалов, представленных правительствами США и Англии (так называемой Конфедерацией свободных профсоюзов) и рядом антисоветских организаций ("Ассоциация бывших политических заключенных советских трудовых лагерей", различными организациями прибалтийских эмигрантов и др.). Председатель

комитета индус Мудальяр письмом от 22 ноября 1952 г. пре-проводил эту сводку МИДу СССР и просил прислать замеча-ния Правительства СССР по содержащимся в ней "материа-лам". МИД СССР оставил письмо Мудальяра от 22 ноября 1952 г. без ответа»²³.

Несколько позже руководитель специального комите-та по принудительному труду прислал вторичный запрос, в котором отмечал, что документ, по поводу которого он хотел бы получить комментарии и замечания, носит сугу-бо конфиденциальный характер. При этом Мудальяр весьма толерантно писал министру иностранных дел СССР: "Комитет просил меня подчеркнуть, что утвержде-ния, содержащиеся в этом документе, не принадлежат ему, и что он очень хотел бы получить комментарии и за-мечания Вашего Превосходительства с тем, чтобы он смог прийти к наиболее точным выводам". Мудальяр подчер-кивал, что комитет желает закончить работу "в духе пол-ной беспристрастности и объективности"²⁴. Но и этот за-прос представителя ЭКОСОС был оставлен руководством МИД без ответа.

Таким образом, можно констатировать, что при жизни Сталина ни одна из попыток международных организа-ций, в том числе и действовавших под эгидой ООН, решить вопрос "о принудительном труде и мерах к его упраздне-нию" не увенчалась успехом, если иметь в виду Советский Союз.

Следует признать, что советское руководство имело не-которые формальные основания характеризовать материа-лы, собранные и представленные на обсуждение ЭКОСОС Американской федерацией труда и другими организациями, как "клеветнические". Дело в том, что на Западе сложилось стойкое убеждение, нашедшее отражение в предъявленных материалах о принудительном труде в СССР, о наличии в Советском Союзе не менее, а, может быть, и более 10 млн заключенных. В скобках можно было бы заметить, что такого же мнения придерживаются и до настоящего времени неко-торые представители общественности, бывшие заключен-ные и отдельные граждане, как на Западе, так и в странах бывшего СССР. Между тем современные научные исследо-вания показали, что в любой период единовременное число заключенных в СССР во всех местах лишения свободы не превышало 3 млн человек. В этом смысле советское руковод-ство, никогда не публиковавшее сведений о численности заключенных, являлось жертвой собственной тотальной

секретности^{2*}. Теоретически можно допустить, что советское правительство могло пойти на обнародование сведений о численности заключенных, но невозможно представить, чтобы кто-нибудь из советского руководства решился бы публично рассказать, а тем более, показать правду об условиях труда и жизни заключенных. Реальность советских концлагерей, где люди утрачивали человеческий облик, была несовместима с представлениями о цивилизованном государстве, не говоря уже о государстве, объявившем себя социалистическим.

С конца 1930-х годов регионом-символом ГУЛАГа стала Колыма, а символом каторжного труда — Дальстрой. Этот монстр лагерной экономики вошел в состав НКВД в 1938 г. Уже в тот период в Восточной Сибири не было организации, которая не числилась бы в должниках Дальстроя. В последующие годы лагерное хозяйство разрослось еще больше, фактически был создан новый лагерно-промышленный комплекс крупного значения, занимавший территорию около 3 млн кв. км. Кроме рассыпного золота здесь добывали в большом количестве олово, вольфрам, кобальт и другие стратегические металлы. В 1947 г. в Дальстрое действовало 52 золотых прииска, 5 золотых рудников, 5 золотоизвлекательных фабрик, 7 оловянных рудников, 11 оловообогачительных фабрик, 25 стационарных электростанций, было построено около 3500 км автомобильных дорог и проездов²³. Все снабжение Дальстроя осуществлялось через порт Нагаево (Магадан), многие золотые прииски были удалены от порта на тысячу и более километров.

Добыча золота руками заключенных началась на Колыме в 1935 г. и до 1940 г. сосредоточивалась на крупных и богатых россыпях, запасы каждой из которых составляли от 70 до 120 т золота, Начиная с 1944 г. прирост запасов золота по новым месторождениям стал пополняться за счет более мелких и бедных по содержанию россыпей, рассредоточенных в бескрайних просторах Колымского края. За 1946 г. было разведано 102 новых месторождения с общим запасом золота в них 25 т, небольшой прирост запасов дали и старые россыпи.

^{2*} На каждом документе, содержащем обобщенные сведения о численности заключенных в тот или иной период, имелась надпись: "Снимать копии и делать выписки запрещается. Совершенно секретно. Особая важность. Особая папка (ОП)". Часто эта категоричная надпись подчеркивалась жирной красной чертой. См., например: ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 190. Л. 1,22, 23 и др.

До 1939 г. Дальстрой добывал из 1 куб. м промытых песков более 20 г золота. Однако в последующие годы содержание драгоценного металла в промытых песках неуклонно снижалось. В 1946 г. оно составляло 6,8 г, а в 1947 г. — 6,1 г на куб. м. В 1947 г. на каждую тонну добытого золота приходилось свыше 600 тыс. куб. м переработанной горной массы, а для выполнения годового плана требовалось переработать 31 млн куб. м скалистого грунта. Для сравнения напомним, что общий объем земляных и скальных работ, выполненных в течение двух лет на строительстве Беломорско-Балтийского канала, составил 21 млн куб. м. Все горные работы Дальстроя производились в вечной мерзлоте.

Зима 1946/47 г. выдалась суровая и затяжная, однако золотодобыча не прекращалась даже в таких условиях, чего никогда не случалось прежде. Многие виды работ выполнялись вручную. Обеспокоенное крайне низким уровнем производительности труда колымских "кадров" правительство пыталось механизировать добычу золота. 29 октября 1945 г. СНК СССР издал постановление, которое обязывало Дальстрой довести уровень механизации отдельных видов работ до 70 — 95%. Это постановление предусматривало осуществление поставок Дальстрою в 1946—1947 гг. по импорту из США оборудования, технических материалов и транспорта на сумму 21 млн долл. Однако "холодная война" помешала осуществлению поставок, запланированный импорт был выполнен всего на сумму менее 8 млн долл.²⁶ При этом по главным видам горного оборудования поставки вообще не производились. Компенсировать отсутствие механизмов не могла даже самая жесточайшая эксплуатация. План добычи золота в 1947 г. Дальстрой выполнил только на 58,8%.

О нечеловеческих условиях труда в Дальстрое вспоминали позднее многие из выживших узников ГУЛАГа. Обратимся к другому источнику, написанному более полувека назад. В 1954 г. в ЦК КПСС поступило письмо от заключенной Е.Л. Владимировой (1902 г.р.), члена партии с 1927 г., в прошлом литературного работника газеты "Челябинский рабочий". Цель ее многостраничного послания — информировать высшие партийные органы о бесчеловечных условиях содержания советских заключенных, помочь партии восстановить поправную врагами народа справедливость и социалистическую законность²⁷.

Владимирова прибыла на Колыму осенью 1938 г. и пробыла там 9,5 лет, из них с 1945 по август 1948 г. — в каторжных лагерях Тенькинского горного управления. Писала она

только о том, что видела и пережила сама. Больше всего поражало Е.Л. Владимирову в лагерях Дальстроя полное пренебрежение к людям, к их простейшим человеческим правам, а часто и к жизни. Например, в бухту "Пестрая Дресва", севернее Магадана, завезли несколько тысяч заключенных для ее освоения. Это было переломное, очень опасное время года, когда колымское лето в одночасье сменялось колымской зимой. Люди были в летней одежде, палатки ставили наспех, подгоняемые конвоем. Начавшийся ночью буран сорвал эти ненадежные укрытия, все заключенные были обморожены, искалечены, многие умерли.

В больницу Магаданского лагеря непрерывным потоком поступали люди с рудников и шахт с тяжелыми сердечными заболеваниями, цингой, дистрофией. Некоторые из них работали в шахтах совсем недолго. В ряде лагерей наблюдалось массовое истощение заключенных, смертность была очень велика. Численность неспособных к труду, даже по строгому лагерному определению, достигала половины состава заключенных. Большое распространение имели сезонные заболевания: зимой — обморожения, весной — глазные заболевания от яркого света и снега, приводившие порой к полной слепоте. Заключенным полагались солнцезащитные очки, но их, конечно, не выдавали, в результате люди слепли. В инвалидном лагере содержалось большое количество людей, ослепших от снега, которые передвигались по лагерю цепочкой.

В одном из рыбопромысловых лагерных пунктов Владимирова была свидетелем того, как инвалид-казах с ампутированными кистями обеих рук подвозил укладчицам рыбу. Чтобы он мог управлять тачкой, в которой возил рыбу, ему привязывали культи к ручкам тачки. Будучи инвалидом, этот человек имел право не работать, но он хотел выжить, а для этого нужно было, прежде всего, вырваться из инвалидного лагеря, пользовавшегося самой дурной славой. Ну, и конечно, работа на рыбном промысле давала возможность подкормиться рыбой.

Чрезвычайно высоким был производственный травматизм, нередко случались самоубийства. Тяжесть рудничных работ (ручная погрузка и разгрузка) усугублялась 12-часовым пребыванием в вечной мерзлоте.

Говоря о питании, Владимирова отмечала, что оно было чрезвычайно скудное и однообразное. Постоянное кормление одними и теми же продуктами приводило к тому, что даже очень голодные люди не могли есть эти продукты (осо-

бенно овес и сечку). Заключением чаще всего давали пустой обезжиренный суп (навар) из соленой рыбы, преимущественно из сухих голов, небольшие порции жидкой обезжиренной овсяной или ячневой каши, порционный кусок соленой рыбы, пустые щи из верхних зеленых листьев. Главной пищей был хлеб, его выдавали от 650 до 1200 г, но этого, как будто, большого количества, не хватало, чтобы возместить расходы организма на холод и тяжелую работу. К тому же хлеб был довольно плохого качества, бывали случаи, когда его полусырым (специально, чтобы потяжелее) выдавали в шапки, так как недопеченный полужидкий хлеб расплзлся. В массовом воровстве продуктов участвовали как заключенные уголовники, так и вольнонаемные сотрудники, особенно надзиратели. Как ни странно, но хуже всего, по свидетельству Владимировой, кормили именно в рабочих горных лагерях. Ей не раз приходилось видеть в Магадане "образцы" пайков, но то, что выдавалось заключенным на практике, нельзя было даже близко сопоставить с официально утвержденными нормами питания ни по качеству, ни по количеству, ни по калорийности.

"Жизнь человека в лагере дешевле собачьей"²⁸, — писал в своем обращении в редакцию газеты "Известия" заключенный Н.Н. Королев, имея в виду цену человеческой жизни. Но жизнь, точнее стоимость содержания заключенного в лагере, была дешевле собачьей в буквальном смысле. По данным бухгалтерского отчета 3-го Управления ГУЛАГа, расчетная стоимость одного пайка заключенного в год по норме № 1 (основной) на оплачиваемых работах составляла в ГУЛАГе в 1951 г. в среднем 1536 руб. 65 коп. (в первом поясе стоимость годового пайка была на 65 руб. меньше, в третьем — на 73 руб. больше). Расчетная стоимость питания одной собаки в год составляла 1859 руб. 28 коп., кроме этого, 44 руб. выделялось на ее снаряжение и 13 руб. — на хозяйственные расходы. В целом содержание одной взрослой собаки в год стоило 1916 руб. 28 коп., стоимость содержания одного щенка в год — 1455 руб. 12 коп. В 1951 г. в 3-м Управлении ГУЛАГа караульную, розыскную и конвойную службу несли 8944 взрослых собаки, а всего в этот период в лагерях и колониях ГУЛАГа имелось в наличии 18 287 служебных собак, в том числе 2460 щенков²⁹.

Крайне тяжелым в ГУЛАГе было положение с так называемым "вещдовольствием". По свидетельству Е.Л. Владимировой, в лагерях Дальстроя нередко можно было встретить целые горняцкие бригады, чьи рубахи сносились

буквально до ленточек, зимой многие заключенные работали в чунях (веревочных лаптях). В лагерном отделении Бутыгача целый полустационар человек в 200 содержался в голом виде, без белья и одежды с одним одеялом на два — три человека; их одевали только тогда, когда в это лагерное отделение случайно заглядывало какое-то высокое начальство.

Аналогичное положение с питанием и обмундированием наблюдалось практически во всех лагерях ГУЛАГа. В отчете одной из комиссий, проверявших в начале 1950-х годов производственную деятельность ГУЛАГа, отмечалось: "На производительности труда отрицательно сказывается также плохое материально-бытовое обеспечение заключенных. Так в ряде подразделений Унженского лагеря заключенные одеждой и обувью по сезону не обеспечены. Большое количество заключенных имеют рваную обувь и одежду. Сушилки работают плохо, в результате чего заключенные вынуждены одеваться и выходить на работу в непросушенной одежде и обуви. При проверке Отдела ИТК Рязанской области установлено, что общежития грязные, постельное и нательное белье не стирается, кипяченой водой не обеспечены. Столовые имеют малую пропускную способность, в результате завтрак или обед продолжается 2 — 3 часа. Из-за отсутствия ложек заключенные ели из мисок через край или черпаками"³⁰.

Одна из причин крайне напряженного положения с вещевым довольствием заключалась в самой системе снабжения ГУЛАГа. "На протяжении последних 8 лет потребность в вещевом имуществе для снабжения заключенных Госпланом удовлетворялась в крайне ограниченном размере, — читаем в объяснительной записке к заявке МВД на 1949 г. на вещевое имущество для обеспечения заключенных, содержащихся в ГУЛАГе. — Выделяемые фонды на 1948 год обеспечивали потребность: по тканям на изготовление одежды, белья, постельных принадлежностей — 32,5%, по обуви разной — 44%, по обуви валяной — 51,2%. В результате этого содалось крайне тяжелое положение с обеспечением контингента вещевым имуществом... Подавляющее количество личного вещимущества неоднократно ремонтировалось, реставрировалось"³¹.

Вот и привязывали заключенные к ногам вместо обуви автомобильные покрышки. Кстати, вопрос об освобождении НКВД от обязательной сдачи старых автомобильных покрышек и камер и разрешении использовать их для изготовления резиновой обуви рассматривался на прави-

тельствующим уровне и был решен положительно в январе 1944 г.³²

И все же, несмотря на голод, холод, болезни и смерть, жители ГУЛАГа под конвоем и прицелом строили, добывали, производили. В 1948 г. в системе МВД было добыто химически чистого золота 96,2 т, платины — 8,7 т, серебра — 38,8 т³³. Все это добыто, поистине, каторжным трудом. Французский писатель Сент-Экзюпери, анализируя сущность человеческого бытия, писал: "Каторга не там, где работают киркой. Она ужасна не тем, что это тяжкий труд. Каторга там, где удары кирки лишены смысла, где труд не соединяет человека с людьми"³⁴.

Лагерный труд был лишен смысла не только в человеческом аспекте, но зачастую и в экономическом. Бывшая заключенная О. Адамова-Слиозберг вспоминала: "Мы долбили в морозной почве канавы для спуска талых вод. Работали на 50-градусном морозе тяжелыми кайлами. Старались выработать норму... Это был очень тяжелый труд. Земля — как цемент. Дыхание застывает в воздухе. Плечи и поясница болят от напряжения. Но мы работали честно. А весной, когда земля оттаяла, пустили трактор с канавокопателем, и он в час провел канаву такую же, как звено в шесть человек копало два месяца"³⁵. Это было наказание бессмысленным трудом, наказание особенно тяжкое и позорное для людей, привыкших всю жизнь честно трудиться.

Еще в 1930-е годы в лагерной экономике с разрешения правительства сложилась традиция, по которой практически все стройки начинались и велись без проектов и смет, а финансирование осуществлялось по фактическим затратам. Иногда изыскательские и строительные работы начинались одновременно. Это приводило к тому, что строился завод, организовывался лагерь, завозились заключенные, а потом выяснялось — запасов разведанного сырья хватит для переработки на 3 — 4 месяца. Нередко были случаи, когда проектировались и строились шахты на неразведанных месторождениях; бурили скважины, а нефть почему-то не шла.

Крайне нерациональное использование человеческих ресурсов — одна из наиболее характерных черт лагерной экономики. Бухгалтерские отчеты лагерно-производственных управлений бесстрастно фиксировали убытки от простоев, от дополнительных расходов, непредусмотренных сметами по перевозке контингентов, от переделок ранее выполненных работ и т.д. Например, в объяснительной записке к бухгалтерскому отчету Главного управления лагерей

асбестовой промышленности (Главасбест МВД) за 1950 г., в частности, отмечалось: "Имеется ряд бросовых работ, как, например, по южному коллектору было вырыто 1200 погонных метров траншей для укладки канализационных труб, последние не были уложены, и траншеи обвалились, и их затянуло илом до поверхности земли. Стоимость бросовых работ — 90 тыс. руб."³⁶

С большими людскими и материальными потерями строился западный участок БАМа. А когда работы подошли к концу, выяснилось, что при строительстве железнодорожной ветки Тайшет—Усть-Кут не было учтено строительство Братской ГЭС. С началом возведения электростанции пришлось переносить значительный участок этой дороги на новую трассу, что нанесло государству многомиллионный ущерб. Подобных примеров можно привести множество.

Один из сотрудников Енисейстроя, майор внутренней службы В.Н. Павлов, анализируя деятельность этого крупнейшего лагерно-промышленного комплекса за 3,5 года, писал в ЦК КПСС, что несмотря на серьезность хозяйственно-политических задач, возложенных на Енисейстрой МВД СССР, "сделано очень мало, а то, что сделано, сделано с огромной непроизводительной затратой государственных средств, с удорожанием себестоимости и прямыми убытками, исчисляемыми в сотнях миллионов рублей, в отдельных случаях просто выброшенных на ветер"³⁷. Работавшая по заявлению Павлова комиссия ЦК КПСС практически полностью подтвердила эти выводы.

Однако символом бессмысленного труда, волюнтаризма и выброшенных на ветер денег можно, пожалуй, считать строительство железной дороги Чум—Салехард—Игарка, начатое по инициативе Сталина. В апреле 1947 г. правительство приняло постановление о строительстве железнодорожной линии к несуществующему морскому порту в Обской губе, а уже в мае МВД приступило к организации строительства, получившего условное название "строительство № 501". Сформировали несколько десятков лагерей, завезли заключенных (к концу 1948 г. на строительстве работало уже более 50 тыс. человек), какое-то количество техники, оборудования, лошадей, одновременно начались и проектно-изыскательские работы. Район, где по воле диктатора развернулась очередная "великая стройка коммунизма", был одним из самых труднодоступных и малонаселенных (плотность населения 0,05 человек на 1 кв. км). По плану уже в 1947 г. МВД было обязано перейти за Уральский хребет, проложив

силами заключенных от станции Чум 118 км железнодорожных путей.

27 июня 1947 г. министр внутренних дел Круглов докладывал Сталину и Берия о ходе выполнения правительственного задания. Бодро перечисляя производственные достижения и заявляя о намерении выполнить годовой план досрочно, в самом конце доклада, то ли в качестве информации, то ли для подстраховки на случай будущих неудач, он весьма подробно описал местные природные условия: "Строительные работы на трассе железной дороги производятся в чрезвычайно сложных климатических условиях, затрудняющих более быстрое проведение работ. До 7 июня с.г. в районе ж.д. трассы температура была ниже нуля при пурге и буранах, затем наступило резкое потепление, 10 июня пошел лед по рекам Уса и Воркута, ледоход сопровождался резким подъемом воды, достигая в районе Абези 8,1 метра выше ординара, все подступы к трассе были затоплены. Через шесть дней вода сильно спала, и уже с 22 июня пароходы из-за низкой воды не доходят до пристани Елец на 43 км трассы. После оттаивания грунта вся тундра покрылась водой и сделалась совершенно непроходимой сначала для автотранспорта (с 11 июня), а затем до настоящего времени и для всех остальных видов транспорта, включая танки и тракторы"³⁸.

В этих условиях, представлявших собой, по выражению одного из руководителей МВД, "естественную тюрьму", на протяжении шести лет, вплоть до смерти Сталина, жили и работали десятки тысяч заключенных. Отсутствие путей и средств сообщения, отдаленность района фактически исключали возможность контроля со стороны центральных властей за ходом строительства и условиями содержания заключенных, что приводило к массовым злоупотреблениям и произволу лагерных служащих.

Николай П. попал в качестве заключенного на северную стройку после службы в Германии. Угрозой и обманом его вынудили согласиться работать в войсках МВД и охранять заключенных. В так называемой "самоохранке" на 1 января 1948 г. в целом по ГУЛАГу несли службу 31 900 осужденных, среди которых было немало репатриантов. Позднее Николай П. вспоминал о годах, проведенных на строительстве дороги, о которой, по мнению Сталина, мечтал русский народ: «Я видел рабский труд и унижение в колониях; десятки, сотни тысяч людей в лагерях смерти... Мне казалось, что большая часть населения России сидит в этих лагерях... Нормы

выработки были непосильными. Тем немногим, кто их выполнял, давали 1200 граммов хлеба, большинство заключенных норму не вытягивали и им давали по 300 гр. хлеба — горбушке, как говорили в лагерях. Приварок составлял суп из ячневой крупы, заправленной треской. После такого питания и изнурительного труда люди ежедневно умирали от разных заболеваний. Зимой трупы складывали у специально отведенного барака, потом их грузили на сани, которые волокли все те же заключенные, подгоняли трактор и вывозили в карьер, где их закапывали бульдозером. За одну такую "ходку" вывозили от двух до трех сотен человек»³⁹.

О ходе строительства регулярно докладывали Сталину. В 1952 г., через пять лет после начала работ, был, наконец, составлен технический проект железнодорожной линии Чум—Салехард—Игарка протяженностью в 1482 км. Проект, одобренный правительственной комиссией, предусматривал простейшие технические решения: мосты, трубы, дома, административные здания — все деревянное, минимальное путевое развитие, "старогодние рельсы" и т.п.

Заполярная авантюра, стоившая многих тысяч жизней, закончилась сразу после смерти Сталина. По решению Совета Министров в марте 1953 г. строительство за ненадобностью полностью прекратили, и осталась в тундре без начала и конца "мертвая дорога" длиной 573 км.

Фактические затраты по строительству всей железнодорожной линии Чум —Салехард —Игарка на день прекращения всех работ составили 3,3 млрд руб., неизрасходованными остались 2,9 млрд руб. проектных средств. Примечательно, что через три года МВД вновь вспомнило об этой стройке и предложило организовать там две тюрьмы строгого режима на 20 — 25 тыс. заключенных и их силами восстановить и достроить дорогу. Экономическое обоснование звучало традиционно: "Принимая во внимание, что удельный вес заработной платы рабочих составляет ориентировочно в сметных ценах 33% от строительного-монтажных работ и при условии, что эти расходы фактически производиться не будут..."⁴⁰ и т.д. Однако времена изменились, и подобная "дешевизна" потеряла свою былую привлекательность. Госэкономкомиссия СССР отклонила предложение МВД.

Теоретики лагерной экономики прекрасно знали, во что обходится государству труд заключенных. Для них не было секретом, например, что в военизированной охране ГУЛАГа на 1 января 1949 г. состояло 164 445 человек, в том числе 7937 офицеров и 157 508 сержантов и рядовых. При этом

ГУЛАГ испытывал постоянную нехватку охранников, так как по лимиту, утвержденному правительством, их должно было быть не менее 9% от общей численности заключенных, т.е. более 200 тыс. человек. Кроме военизированной охраны, в лагерях и колониях были свои постоянные кадры офицерского и сержантского состава и вольнонаемных работников, которых в 1948 г. насчитывалось 80 674 человека. Для сравнения заметим, что штатная численность всех пограничных войск СССР в тот же период составляла 168 тыс. человек (при недокомплекте в 75 тыс. человек)⁴¹.

В отличие от солдат Советской Армии рядовой и сержантский состав военизированной охраны получал ежемесячно в виде зарплаты от 250 до 350 руб., находясь при этом на полном государственном довольствии. Заработная плата командира взвода младшего лейтенанта в 1949 г. была 1420 руб., оклад начальника отдельного лагерного подразделения капитана или майора колебался в пределах 2800 — 3000 руб. (это без учета пайковых, северных, квартирных и прочих надбавок). Надзиратели получали в среднем по 1000 руб., их численность определялась в 1,5% от общего количества заключенных. Напомним, что в 1950 г. среднемесячная заработная плата рабочих и служащих в целом по народному хозяйству составляла 642 руб.

Бюджет Министерства внутренних дел никогда не публиковался, и вряд ли кто из советских граждан мог предположить, сколько народных средств расходовалось на содержание этого всемогущего ведомства. Заглянем в баланс доходов и расходов МВД СССР на 1949 г. — самый благоприятный в экономическом отношении. Расходы МВД были определены в размере 65,8 млрд руб., из которых собственными доходами предполагалось покрыть 33,5 млрд, остальные 32,3 млрд министерство запрашивало из союзного бюджета. Требуемые ассигнования из государственного бюджета предназначались в первую очередь на содержание органов и войск МВД, лагерей для военнопленных и заключенных, состоящих на союзном бюджете, — 20 млрд руб.; на покрытие расходов, непокрываемых собственными доходами, по содержанию заключенных — 4 млрд и капитальное строительство — 7,6 млрд руб. В доход же союзного бюджета МВД намечало сдать в 1949 г. 2,7 млрд руб., из них 2,2 млрд от использования труда военнопленных и заключенных⁴². Чтобы соизмерить величину ассигнований из государственного бюджета для покрытия расходов МВД, сопоставим запрашиваемые суммы с другими статьями расходов государственных

средств. Так, например, в 1949 г. по всему Советскому Союзу общие расходы на социальное обеспечение определялись суммой в 21,4 млрд руб., из которых 95% предназначались для выплаты пенсий советским гражданам⁴³.

По сравнению с 1948 г. расходы МВД СССР, финансируемые из союзного бюджета, увеличились на 5,1 млрд руб. Основная часть этой суммы пошла на создание в середине 1948 г. 15 новых лагерей особого назначения, на ограждение которых только одной колючей проволоки ушло 800 т. Кроме того, бюджет МВД на 1949 г. предусматривал значительный рост плановых убытков, вследствие повышения себестоимости продукции Дальстроя, горно-металлургических предприятий и лесной промышленности МВД.

Вопрос о стоимости строительных работ, выполняемых силами заключенных, подробно освещался в письме С.Н. Круглова от 9 октября 1950 г. на имя заместителя председателя Совета Министров Л.П. Берия. Министр, в частности, отмечал: "В связи с тем, что в стоимость содержания работающих заключенных входит полная стоимость содержания лагеря (содержание всей лагерной администрации, военизированной охраны, жилья, одежды, продовольствия, культурно-бытового и санитарного обслуживания и т.п.), средняя стоимость заключенного на строительстве обходится дороже среднего заработка вольнонаемного работника"⁴⁴.

Лагерная экономика как целостный хозяйственный организм могла существовать только в условиях административно-распределительной системы, когда правительственное постановление и партийная директива заменяли естественные хозяйственные связи, игнорируя закономерности развития производства. Каждое постановление Совета Министров, касающееся экономической деятельности МВД, содержало в себе ряд пунктов, начинающихся словом "обязать". Различные министерства и ведомства наделялись обязанностью оснащать очередную стройку МВД материалами, техникой, жилплощадью для сотрудников, транспортом для заключенных и т.п. Перечень организаций, которые должны были работать на МВД, выглядел тем обширнее, чем крупнее и значительнее был лагерно-производственный объект. По Дальстрою, например, постановления правительства содержали десятки подобных пунктов. Казалось, что вся страна обязывалась оказывать помощь северо-восточным лагерям, снабжать их сотрудников не только материалами и техникой, но и литературным питанием.

В постановлении Совета Министров по организации одного из опытных военных заводов указывалось, кто и чем должен оснастить это предприятие, отнесенное к заводам 1-й категории. В перечне предусматривалось абсолютно все, — начиная от готовален и кончая собственным самолетом Ли-2. Задача самого МВД сводилась, как правило, к одному: "обеспечить объект рабочей силой из числа спецконтингента в количестве..."

В военные и первый послевоенный год принуждение заключенных к труду основывалось преимущественно на силовых, репрессивных методах, однако это не обеспечивало выполнения производственных заданий, особенно в отраслях, где использовался тяжелый физический труд. Требовались стимулы, которые бы вызывали заинтересованность заключенных в результатах своего труда. По опыту довоенных лет руководство МВД знало, что лучшим стимулом для повышения производительности труда являются зачеты рабочих дней. Учитывая это, Совмин СССР принял в 1946—1947 гг. несколько постановлений, которые фактически восстанавливали зачетную систему рабочих дней для определенных категорий заключенных, занятых в особо важных отраслях экономики. В письме министра внутренних дел Крутлова на имя заместителя председателя Совета Министров СССР Бегина от 28 февраля 1948 г. в этой связи отмечалось:

"Количество заключенных, подпадающих под действие постановлений Совета Министров СССР о зачете рабочих дней, составляет 33,2% к общей численности заключенных, содержащихся в лагерях МВД.

Итоги работы по применению зачетов рабочих дней в истекшем году свидетельствуют об общем подъеме производительности труда заключенных с одновременным укреплением трудовой дисциплины.

Так, по девяти ИТЛ МВД, обслуживающим специальные строительства МВД, в три раза увеличилось число отличников производства, выполняющих нормы на 150%". Крутлов перечислял номера строителей, где "с введением зачетов большинство бригад стало выполнять нормы от 125 до 200%"⁴⁵.

Непредвиденные сложности с применением зачетов возникли в связи с организацией особых лагерей, поскольку заключенные этих лагерей не имели права на льготы, но зачастую работали именно на тех предприятиях и строительствах, где практика зачетов рабочих дней получила широкое распространение.

Л.П. Берия, хорошо помня, что инициатором отмены в 1939 г. досрочного освобождения заключенных был лично Сталин, не поддержал стремлений МВД сохранить льготный порядок зачетов заключенным сроков отбытия наказания. Вопрос был вынесен на рассмотрение Бюро Совета Министров и решен не в пользу хозяйственных интересов МВД. 20 марта 1948 г. Сталин подписал постановление Совета Министров СССР "О прекращении применения льготного порядка зачетов заключенным сроков отбытия наказания". Все прежние постановления, разрешавшие применять практику зачетов заключенным одного рабочего дня за 2 — 3 дня срока отбытия наказания, считались утратившими силу.

На основании этого постановления МВД и Генеральный прокурор СССР издали совместный приказ, где было сказано: "Прекратить с 1 апреля 1948 года практику применения зачетов рабочих дней заключенным, содержащимся в ИТЛ и НТК МВД. Каждый рабочий день считать за один день отбытия срока наказания, независимо от размеров выработки производственных норм"⁴⁶. Упорно игнорируя экономическую сторону проблемы, Сталин вновь взялся "рубить сук", на котором держалась вся хозяйственная активность МВД. Ему хотелось добиться того, чтобы заключенные проявляли чудеса трудового энтузиазма "бескорыстно", руководствуясь лишь выдвинутым им лозунгом "Труд в СССР — дело чести, славы, доблести и геройства".

Но у заключенных на этот счет было другое мнение. "Физический труд не гордость и не слава, а проклятие людей. Нигде не прививается так ненависть к физическому труду, как в трудовом лагере"⁴⁷, — убежденно писал В.Т. Шаламов. Лагерное начальство также не питало иллюзий по поводу трудовых устремлений заключенных.

Необходимость выполнения любой ценой государственного плана, который дамокловым мечом висел над головой каждого руководителя, заставляла МВД искать обходные пути решения проблемы. 21 июня 1948 г. "в целях повышения производительности труда заключенных и обеспечения выполнения производственных планов Дальстроя МВД" вводилась в действие инструкция о зачете рабочих дней заключенным, содержащимся в северо-восточных лагерях, в том числе и в особлаге № 5 (Береговом). Инструкция, появившаяся в результате совместного приказа МВД и Генерального прокурора на основании постановления Совета Министров СССР от 22 мая, давала право на зачеты всем работающим заключенным, в том числе и осужденным на каторжные ра-

боты. При этом в расчет не принимались ни срок наказания, ни статья осуждения, ни время пребывания в лагере. Зачеты применялись при условии достижения соответствующих производственных показателей и соблюдения лагерного режима.

Зачеты устанавливались в следующих пропорциях: при выполнении месячной нормы выработки на 100—110% день работы засчитывался за 1,5 дня срока; от 111 до 120% — за 1,75 дня; от 121 до 135% - за 2 дня; от 136 до 150% - за 2,5 дня; от 151% и выше — за 3 дня⁴⁸. Впоследствии действие этой инструкции "в виде исключения" было распространено на заключенных других лагерей, в том числе и особлагов, работавших на предприятиях и строительствах, имевших приоритетное государственное значение. Официально условно-досрочное освобождение осужденных из мест заключения было введено на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР 14 июля 1954 г.

Для большинства обитателей ГУЛАГа, среди которых к концу 1950 г. только чуть более 27% имели право на зачеты рабочих дней, важным стимулом к труду в послевоенный период стала заработная плата. Частично принудительный труд начали оплачивать уже в 1948 г. Решая насущную задачу повышения производительности труда и более рационального использования труда заключенных, Совет Министров СССР 13 марта 1950 г. принял постановление, согласно которому все заключенные, кроме тех, которые содержались в особых лагерях, переводились на заработную плату. Этим же постановлением для повышения материальной заинтересованности лагерного руководства в более эффективной хозяйственной деятельности создавался специальный фонд для премирования лагерной администрации и охраны за выполнение плана производительности труда заключенных и плана по доходам от использования труда заключенных⁴⁹. Это постановление советского правительства можно расценивать как решающую попытку спасти лагерную экономику от надвигающегося кризиса.

С 1 июля 1950 г. заработная плата вводилась в лагерях и колониях, расположенных в центральной европейской части СССР, а с 1 августа на систему оплаты труда переводились заключенные всех остальных лагерей и колоний. Заработная плата начислялась исходя из тарифных ставок и должностных окладов вольнонаемных рабочих и служащих, но с применением понижающего коэффициента. Этот коэффициент зависел от вида выполняемых работ и сферы

производственной деятельности и колебался в пределах 0,7 — 0,9. Те заключенные, которые не выполняли норму выработки, получали гарантированную заработную плату в размере 10% от пониженной тарифной ставки.

Вот как выглядели, например, итоговые показатели при расчете фонда заработной платы заключенным по 3-му Управлению ГУЛАГа МВД СССР на 1951 г.⁵⁰:

<i>Показатель</i>	<i>Количественное выражение</i>
Заключенные в лагерях и колониях 3-го Управления ГУЛАГа МВД (работающие и неработающие)	1 189 300 человек (100%)
Работающие заключенные	838 407 человек (70,5%)
Отработанные человеко-дни в течение года	259 906 170
Рабочие дни в году	310
Дневная заработная плата на одного работающего по ставкам вольнонаемных	15 руб. 74 коп.
Понижающий коэффициент	0,78
Дневная заработная плата на одного работающего с учетом понижающего коэффициента	12 руб. 27 коп.
<i>Удержания за 1 рабочий день</i>	
подходный налог	43 коп.
за продовольствие	5 руб. 67 коп.
за вещдоловствие	1 руб. 56 коп.
<i>Итого</i>	7 руб. 66 коп.
<i>Выплата на руки</i>	
в день	4 руб. 61 коп.
в месяц	119 руб.
в год	1428 руб.

Из зарплаты заключенных могли также вычитать деньги за профессиональное обучение, в частности, такой дефицитной профессии, как шофер; подлежали удержанию алименты. Могли производиться и другие вычеты, например, за растраченное имущество, испорченные или потерянные вещи и т.д. Лагерная администрация реагировала на введение

оплаты труда заключенных очень положительно, отмечая, в частности, что если "до перевода на зарплату заключенные получали в месяц премиальное вознаграждение в размере 25 — 30 рублей, то теперь получают от 80 до 100 рублей, а рекордисты и до 1000"⁵¹. Введение заработной платы, безусловно, способствовало росту производительности труда и заметно повышало производственную активность заключенных, но остановить нарастание кризисных явлений в лагерной экономике не могло.

В 1948— 1949 г. наряду с материальными стимулами (зачеты рабочих дней, улучшенное питание, денежные премии, поселение в хорошо оборудованном бараке и т.п.), администрация лагерей стала широко практиковать моральное поощрение заключенных: публичное объявление благодарности, награждение грамотами, красными вымпелами на бараках и т.п. На московских стройках нередко можно было увидеть такие плакаты-"молнии":

"8 апреля звено Брызгалова выполнило задание на 665%, заработало на каждого члена звена по 110 рублей. Бригада № 18 — бригадир Поджаров — выполнила дневное задание на 465%. Привет мастерам высокой производительности труда, равняйтесь по передовикам!"

"Сегодня, 16 апреля, звено Новосадова выполнило дневную норму на 800%. Заработало на каждого члена звена по 159 руб. 49 коп. Привет мастерам высокой производительности труда!"⁵²

В "передовых" лагерях встречались заключенные, выполнившие в течение года двух-, четырех- и даже пятилетнюю производственную программу. Конечно, таких рекордистов среди миллионов заключенных было немного. Сотни тысяч гулаговцев, обессиленных и голодных, по-прежнему не выполняли даже заниженные нормы выработки. В финансовых документах 3-го Управления ГУЛАГа отмечалось, например, что во втором полугодии 1950 г. 28,5% работающих заключенных не выполняли норму выработки и получали гарантированную заработную плату в размере 10%, т.е. они не покрывали своим заработком стоимости своего содержания. Основная причина такого положения — физическая слабость заключенных и неудовлетворительная организация труда на производстве⁵³.

Аналогичная ситуация была и в Главасбесте МВД, где зарплату в виде 10%-ного гарантированного минимума получали в конце 1950 г. 30,7% работающих заключенных, 25,8% имели до 75 руб., 13,9% — от 75 до 100 руб., у остальных

заклученных заработная плата, начисленная к выдаче на руки, была выше 100 руб., и только у одного человека она превысила 750 руб.⁵⁴

Проведенные в конце 1940-х — начале 1950-го года мероприятия экономического и политического характера, в которых активное участие приняли политотделы ГУЛАГа, дали свои результаты: на этот период пришелся пик роста производительности подневольного труда, заметно повысилась рентабельность предприятий МВД, многие лагеря и стройки частично отказались от запланированных государственных дотаций, почти повсеместно наблюдалось выполнение годовых планов.

Своеобразным показателем активности заключенных в отдельных отраслях промышленного производства могла служить их рационализаторская работа. В 1947 г. по Москве и Московской области заключенные подали 311 рационализаторских предложений, из них внедрено 142, экономия составила более 1 млн руб. В 1949 г. от заключенных поступило 513 рацпредложений, внедрено — 266, экономический эффект составил почти 6 млн руб. Некоторые технические усовершенствования, предложенные заключенными, нашли впоследствии общесоюзное применение. Например, осужденный Мироманов из подмосковного лагеря № 21 переконструировал станок ЯК-2 по изготовлению шлакоблочных кирпичей, в результате производительность станка увеличилась в 5 раз. Это усовершенствование стало широко применяться в промышленности стройматериалов⁵⁵.

В целом по ГУЛАгу в 1947 г. заключенные подали 11 598 рационализаторских предложений, от реализации которых лагерное производство получило экономию в 48,2 млн руб.⁵⁶ В 1950 г. от заключенных поступило 10 853 рацпредложения, из них в производство было внедрено 5732, сумма экономии составила 21 млн руб.⁵⁷

Интересно отметить, что вольнонаемные сотрудники ГУЛАГа, даже из числа специалистов, такой изобретательской активности не проявляли, хотя они получали за внедрение рацпредложений значительно более высокие премии, чем заключенные. На одной из нефтешахт Ухтинского комбината в 1948 г. было подано 86 рационализаторских предложений, авторами которых были как вольнонаемные сотрудники, так и заключенные. Годовая экономия от внедрения в производство этих предложений оценивалась в 80 тыс. руб. Дискриминация рационализаторов из числа заключенных

наглядно проявилась при выдаче премий, величина которых зависела не столько от ценности рацпредложения, сколько от статуса рационализатора, что хорошо видно из следующих данных⁵⁸:

<i>Статус рационализатора</i>	<i>Размер премии, в руб.</i>	<i>Годовая экономия, в руб.</i>
Вольнонаемный	304	3987
Вольнонаемный	477	7680
Вольнонаемный	881	21266
Заклученный	15	259
Заклученный	63	10 233
Заклученный	88	18 607

Во второй половине 1940-х — начале 1950-х годов труд заключенных использовался повсеместно. Послевоенная Москва своим расцветом и оживлением была в значительной мере обязана ГУЛАГу. Лагерные подразделения, а их в Московской области насчитывалось более 50, на контрагентских началах снабжали рабочей силой стройки и заводы Москвы и Московской области. Заключенные работали на коломенском паровозостроительном заводе; на мытищинском заводе, выпускавшем вагоны для столичного метро; на автозаводе им. Сталина; на тучковском кирпичном комбинате; коксогазовом заводе и еще на десятках других предприятий, жизненно важных для многомиллионного города. Лагерники строили Московскую Северную водопроводную станцию, Курьяновскую станцию аэрации, Останкинский пивзавод, многоэтажные корпуса на Соколе, жилые дома для работников автозавода им. Сталина, поселок из 19 домов для сотрудников МВД в Измайлове, больницы, санатории.

Одной из самых престижных московских строек МВД считалось высотное здание на Котельнической набережной площадью 16 700 кв. м. За его строительством наблюдал лично Сталин, так как генералы обещали сдать здание в эксплуатацию 20 декабря 1951 г., т.е. ко дню его рождения. Квалифицированную рабочую силу для этого строительства поставлял ГУЛАГ, который также выполнил в своих производственных мастерских большой заказ на столярные изделия и паркет. За уникальные работы по изготовлению металлического каркаса высотного здания и его бетонирование Министерству внутренних дел СССР была присуждена Сталинская премия.

Начальник Главпромстроя Герой Социалистического Труда А.Н. Комаровский руководил строительством МГУ. Для сооружения этого уникального объекта в начале 1952 г. был организован новый Стройлаг (ИТЛ и Строительство особого района). Заключенные этого лагеря (10— 14 тыс. человек) возводили здания физического, химического, биолого-почвенного факультетов МГУ, вели отделочные работы на этажах с 24 по 30-й главного здания МГУ. Труд заключенных Стройлага активно использовался на строительстве многих институтов и лабораторий АН СССР, например, Института геохимии им. Вернадского, ФИАна, Гидротехнической лаборатории АН и др.⁵⁹

Редко кто из москвичей, въезжая в новую комнату или квартиру, знал, что его дом построен заключенными, хотя на долю МВД в Москве приходилось более 10% всего жилого строительства. В 1950 г. в целом по Москве было сдано в эксплуатацию 533 тыс. кв. м жилой площади, из них строительными организациями МВД — почти 67 тыс. кв. м жилья⁶⁰.

Труд заключенных не афишировался, государственная тайна надежно охраняла все, что было связано с ГУЛАГом. Особенно это касалось всевозможных спецобъектов, число которых в послевоенные годы быстро увеличивалось. Из общего объема капитального строительства, выполненного МВД в 1947 г. на сумму 4,2 млрд руб., на спецстроительство приходилось более 1 млрд руб. На строительстве спецобъектов в 1947 г. работали 140 тыс. заключенных⁶¹.

В 1946 — 1952 гг. в Саратове заключенные построили уникальный комплекс заводов военно-промышленного назначения, в который вошли: завод по производству станочного оборудования и полуфабрикатов из тугоплавких металлов, завод по производству специальных ламп для радиолокационных установок, радиоприемников и телевизоров, завод по производству мощных генераторных ламп и научно-исследовательский институт электровакуумной промышленности. Осуществляло строительство специально созданное управление лагерей "Саратовстрой", а поскольку оно входило в структуру Главпромстроя МВД, то наряду с трудом заключенных широко использовался труд военно-строительных частей (тоже, по сути, подневольный). Одновременно с военно-промышленными объектами были построены: благоустроенный жилой поселок из 52 домов, 3 школы десятилетки на 2100 учащихся, больничный городок, детские сады, ясли, магазины, поликлиника. Везде подведены центральное отопление, газ, свет, водопровод, канализация. Так с помощью

лагерно-промышленного комплекса в условиях послевоенной разрухи и всеобщего обнищания рос, набирал силу и социальные привилегии советский военно-промышленный комплекс (ВПК).

Строго секретное спецстроительство велось в широчайших масштабах по всей стране. Оно было связано, в первую очередь, с развитием ВПК и, в частности, с осуществлением атомного проекта. Профессор И.Н. Головин, непосредственный участник работ по созданию советской атомной бомбы в 1940-х годах, первый заместитель И.В. Курчатова в 1950—1958 гг., свидетельствовал, что труд заключенных при осуществлении атомного проекта использовался "в широчайших масштабах!" «Все стройки, рудники, "Атомграды", даже наш институт в Москве (тогда лаборатория № 2), — вспоминал ученый, — на всех этих объектах работали заключенные». В здании современного клуба размещалась тюрьма, "оно было огорожено высокой глухой стеной, на углах — вышки с автоматчиками". По словам Головина, "оружие, в котором был пущен первый атомный реактор (как тогда говорили, котел), соседние здания — все возводилось руками заключенных". Первыми строителями Международного центра ядерных исследований в Дубне также были заключенные. «На наших стройках, — рассказывал ученый, — их были многие тысячи. Все специалисты это видели и обо всем знали... Сейчас это кажется невероятным, но когда возникала нехватка строителей и Берия говорил: "Что ж, завтра подошлем дополнительный контингент", это воспринималось спокойно»⁶².

А.Д. Сахаров, прибывший весной 1950 г. для постоянной научной работы на так называемый "объект" (Арзамас-16), где велись разработки ядерного оружия, вспоминал позднее об этом удивительном "населенном пункте":

«Город, в котором мы волею судьбы жили и работали, представлял собой довольно странное порождение эпохи. Крестьяне окрестных нищих деревень видели сплошную ограду из колючей проволоки, охватившую огромную территорию. Говорят, они нашли этому явлению весьма оригинальное объяснение — там устроили "пробный коммунизм". Этот "пробный коммунизм" — объект — представлял собой некий симбиоз из сверхсовременного научно-исследовательского института, опытных заводов, испытательных полигонов — и большого лагеря. В 1949 г. я еще застал рассказы о том времени, когда это был *просто* лагерь со смешанным составом заключенных, в том числе имеющих самые большие сроки (...) Руками заключенных строились заводы, испытательные

площадки, дороги, жилые дома для будущих сотрудников. Сами они жили в бараках и ходили на работу под конвоем в сопровождении овчарок».

После случившегося в 1947 г. мощного восстания, — продолжал вспоминать А.Д. Сахаров, —

«состав заключенных на объекте сильно изменился — все, имеющие большие сроки, которым нечего терять, удалены, и их заменили "указники", т.е. осужденные на меньшие сроки по Указам Президиума Верховного Совета (...) Восстаний больше не было. Но у начальства осталась еще одна проблема — куда девать освободившихся, которые знают месторасположение объекта, что считалось великой тайной (хотя, несомненно, что иностранные разведки многое знали).

Начальство разрешило свою проблему простым и безжалостным, совершенно незаконным способом — освободившихся сослалали на вечное поселение в Магадан и в другие места, где они никому ничего не могли рассказать. Таких акций выселения было две или три, одна из них — летом 1950 года.

В 1950— 1953 гг. мы жили рядом с этим лагерем. Ежедневно по утрам мимо наших окон с занавесочками проходили длинные серые колонны людей в ватниках, рядом шли овчарки. Можно было утешаться тем, что они не умирают с голода, что в других местах — на лесоповале, на урановых рудниках — много хуже (...) В 1953 году, после амнистии, заключенных на объекте больше не было. Их заменили военные строительные батальоны (стройбаты). Тоже подневольные люди, но все же — не зеки»⁶³.

Основные стройки Главспецстроя МВД особыми постановлениями Совета Министров СССР были отнесены к режимным стройкам, и все сведения об их дислокации, объемах капитальных вложений, сроках ввода в действие и т.д. являлись материалами "особой папки". Секретность на этих объектах была столь глубокой, что иногда заключенным даже не выдавали наряды (без чего они не могли получить ни зачетов, ни денег), мотивируя невыдачу документов тем, что это будет "разглашением государственной тайны".

Подневольный труд использовался не только в промышленности или строительстве. Имена таких заключенных, как А.Н. Туполев, С.П. Королев, В.М. Петляков, В.П. Глушко, В.М. Мясищев, А.Л. Минц, В.С. Стечкин и многих других ученых, были связаны с деятельностью Особых конструкторских бюро (ОКБ), или так называемых "шараг" и "шарашек". Засекреченные научно-исследовательские и проектные институты, где под надзором органов госбезопасности

работали ученые и инженеры, как правило, осужденные за "саботаж строительства социализма", "подрыв оборонной мощи СССР" и т.п., создавались в Москве, Ленинграде, Рыбинске, Таганроге, Ростове, на Селигере и во многих других регионах Советского Союза. Специалисты и ученые — некоторые с мировыми именами — работали "за пайку", пусть даже несравненно лучшую ("масло сливочное профессорам по сорок грамм, инженерам — по двадцать, черный хлеб — на столах"), чем обычная гулаговская.

"Почему сидели Туполев, Стечкин, Королев?" — такой вопрос задал писатель Ф. Чуев еще в начале 1970-х годов В.М. Молотову, одному из главных организаторов репрессий 1930-х годов. В ответе бывшего главы советского правительства не было ни тени сомнения в правильности проводимой в те годы политики: "Они все сидели. Много болтали лишнего. И круг их знакомств, как и следовало ожидать... Они ведь не поддерживали нас". Свою философию насилия, оправданного целью, убежденный большевик прокомментировал на примере авиаконструктора Туполева:

"Тот же Туполев мог бы стать и опасным врагом. У него большие связи с враждебной нам интеллигенцией... Туполевы — они были в свое время очень серьезным вопросом для нас. Некоторое время они были противниками, и нужно было еще время, чтобы их приблизить к Советской власти... Туполев из той категории интеллигенции, которая очень нужна Советскому государству, но в душе они — против, и по линии личных связей они опасную и разлагающую работу вели, а если и не вели, то дышали этим...

Теперь, когда Туполев в славе, это одно, а тогда ведь интеллигенция отрицательно относилась к Советской власти! Вот тут надо найти способ, как этим делом овладеть. Туполевых посадили за решетку, чекистам приказали: обеспечивайте их самыми лучшими условиями, кормите пирожными, всем, чем только можно, больше, чем кому бы то ни было, но не выпускайте! Пускай работают, конструируют нужные стране военные вещи. Это нужнейшие люди. Не пропагандой, а своим личным влиянием они опасны. И не считаться с тем, что в трудный момент они могут стать особенно опасны, тоже нельзя. Без этого в политике не обойдешься. Своими руками они коммунизм не смогут построить"⁶⁴.

Деятельность Особых конструкторских бюро, входивших в состав 4-го спецотдела МВД, была весьма разнообразной. Например, ленинградское ОКБ-172, отметившее в мае 1948 г. свое десятилетие, занималось проектированием артиллерийских систем вооружения. За годы существования бюро заключенные специалисты по заданиям правительства

разработали 23 крупных проекта и выполнили свыше 60 научно-исследовательских работ. Противотанковые пушки, башенные артиллерийские установки, морские установки и другие "изделия" ОКБ-172 были приняты на вооружение и использованы в ходе Великой Отечественной войны, показав превосходные результаты.

По случаю 10-летнего юбилея, ОКБ-172 было представлено к награде орденом Трудового Красного Знамени, а 10 особо отличившихся специалистов, проработавших в бюро не менее 7—10 лет и оставшихся после отбытия срока наказания работать в "шарашке" по вольному найму, — к снятию судимости. Кроме того, некоторые из этих "вольнорабочих" конструкторов и ученых были представлены вместе с наиболее отличившимися оперативниками МВД к правительственным наградам⁶⁵.

Другая группа заключенных специалистов (53 человека) долгое время работала над созданием транспортного самолета Т-117. Тюремный научный коллектив возглавлял бывший член итальянской коммунистической партии, прибывший в Советский Союз в 1923 г., заключенный конструктор Р.Л. Бартини. Под его руководством группа разработала и спроектировала несколько вариантов самолета: пассажирский (авиаавтобус и салон-люкс), грузовой, санитарный и десантный. Проведенные в начале 1946 г. гражданскими и военными научными институтами экспертизы подтвердили высокие летно-технические качества самолета⁶⁶. Однако это не означало, что советская авиация пополнилась новой отечественной техникой. Как отмечено в работе Н.Е. Рожковой, самолет Т-117 ("Кит") "мог брать на борт 80 десантников или 6 автомобилей, однако из-за отсутствия двигателей почти готовый транспортник был пущен на слом"⁶⁷.

Научные успехи заключенных специалистов могли создать иллюзию какого-то созидательного процесса, свойственного лагерной системе. На самом деле любое экономическое или научное достижение ГУЛАГа — это в значительной степени потеря, чем приобретение. Подконвойный принудительный труд по своей природе не может быть созидательным, в лучшем случае он будет только исполнительным. Любой без вины осужденный человек, находясь в противоестественных его природе тюремных условиях, униженный, переживший потрясение ареста, разлуки с семьей, не может работать и творить в полную меру своих возможностей. Абсолютная самоотдача возможна лишь в крайне редких, исключительных случаях. Там, где группа заключен-

ных специалистов за определенный срок создавала один самолет, там за такой же срок научный коллектив свободных единомышленников создал бы восемь самолетов. Об этом не раз позднее с сожалением размышляли бывшие подневольные сотрудники Особых конструкторских бюро, в частности, А.Н. Туполев.

Бывший узник ГУЛАГа профессор Г.А. Озеров, написавший воспоминания о "Туполевской шараге", считал, что труд в "шарагах" был весьма эффективным, поскольку все сотрудники конструкторских бюро работали очень продуктивно. С этим утверждением категорически не согласен С. Кирсанов, автор предисловия к воспоминаниям Г. Озерова. Кирсанов совершенно верно и справедливо, на наш взгляд, отмечает, что «творческая производительность отдельных заключенных — это трагедия специалиста, знатока своего дела, который не может не работать добросовестно и эффективно, преодолевая все сопротивления окружающей системы, в том числе и условия своего заключения. Это — трагедия Ивана Денисовича (...) это трагедия А.Н. Туполева и его коллег, оказавшихся в "шараге". Они не могли иначе работать над своим любимым делом, как вкладывая всего себя в это дело. Но давало ли это суммарную эффективность?» Кирсанов особо подчеркивает факт "бесплодия" таких "шараг", поскольку большинство разработанных конструкций так и не было доведено до серийного производства. Мы полностью разделяем мнение Кирсанова, который писал: «Чтобы судить об эффективности системы "шараг" в области самолетостроения, недостаточно ограничиться перечнем отдельных типов самолетов и вооружения их, а необходимо сопоставление с затратами материальных и человеческих ресурсов на их производство»⁶⁸.

Лагерная экономика послевоенного периода в значительной степени подпитывалась трудом военнопленных. На 1 июня 1946 года в СССР числилось 2 038 374 военнопленных разных национальностей, из них на работах МВД — 1 851 210 человек⁶⁹. Подавляющее большинство военнопленных работало в добывающих отраслях промышленности, на предприятиях тяжелой индустрии и строительных объектах. Несмотря на высокую степень эксплуатации (по признанию руководителя одного из подмосковных заводов, у него немцы работали столько часов в сутки, сколько он хотел, но никак не меньше десяти), содержание лагерей военнопленных не окупалось доходами от их трудового использования. Дотации из госбюджета только за январь — май 1946 г. состави-

ли 317 млн руб. Это было связано, в первую очередь, с наличием большого количества больных и нетрудоспособных, которых правительство стремилось побыстрее отправить на родину. Весьма высокой в 1946 г. была и смертность военнопленных — более 5 — 6 тыс. человек ежемесячно.

Не желая терять высококвалифицированных специалистов из числа военнопленных и интернированных, советское правительство поручило МВД выявить и освободить из лагерей всех специалистов, представляющих интерес для советской науки и экономики. Всего на 22 июня 1946 г. в лагерях военнопленных было выявлено около 1600 таких специалистов, в том числе 111 докторов физико-математических, химических и технических наук, 572 инженера общего машиностроения и приборостроения, 257 инженеров-строителей и архитекторов, 216 электриков, 156 химиков, а также инженеров разных других специальностей⁷⁰.

В списке "выявленных" значились имена крупных ученых, а также видных производственных и технических руководителей известных германских фирм: Христиан Манфред — член Германской академии наук, крупный специалист по газовым турбинам и реактивным двигателям; Хейландт Пауль — доктор технических наук, один из ведущих специалистов в области низких температур, моторов внутреннего сгорания и ракетных агрегатов; Буссе Эрнст — доктор физических наук, специалист по радиолампам; Бранднер Фердинанд — специалист по производству турбинных самолетов, Юнг Герхардт — профессор физической химии и др. Некоторые министерства и НИИ обратились в МВД с просьбой передать им нужных специалистов из числа военнопленных и интернированных.

По постановлению Совета Министров освобожденным иностранным специалистам выдавалось временное удостоверение на право проживания в местности, куда они направлялись на работу. Их труд оплачивался по ставкам, существовавшим для советских специалистов соответствующих квалификаций, причем половина этой суммы должна была выдаваться в валюте государств, подданными которых являлись военнопленные и интернированные. За МВД оставалось право требовать от освобожденных специалистов ежемесячной регистрации в органах МВД, а также право "обратного водворения в лагерь специалистов, которые не проявили себя положительно на работе в течение первых трех месяцев"⁷¹.

Кроме вышеназванной группы зарубежных специалистов, в СССР работали и другие иностранные ученые, насильно доставленные на его территорию еще в 1945 г. Их научно-исследовательская работа концентрировалась, прежде всего, в сфере реализации атомного проекта⁷². В 1947 г. на научно-исследовательской работе в системе МВД и военно-научных учреждениях работал 341 специалист из числа военнопленных и интернированных. Эти ученые представили 114 научно-разработанных проектов и изобретений, многие из которых были реализованы в ряде отраслей промышленности⁷³.

В послевоенные годы в системе МВД создается ряд главных управлений, имевших непосредственное отношение к развитию оборонного комплекса, таких как Главное управление слюдяной промышленности (Главслюда), управление Главспецнефтьстрой, Специальное главное управление (Главспеццветмет), ответственное за добычу золота, серебра, платины, а позднее и алмазов, и ряд других. Алмазная промышленность перешла в ведение МВД в 1946 г. Тогда же Совет Министров СССР принял специальное постановление о трехлетнем плане развития алмазной промышленности. По свидетельству С.Н. Крутлова, личное участие в разработке планового задания принимал И.В. Сталин, при этом его аргументы в пользу увеличения добычи ценного минерала звучали примерно так: "Наши враги, англо-американцы, сосредоточили алмазную промышленность в своих руках, а также захватили в свои руки богатые запасы алмазов в Южной Африке. Рассчитывать на покупку алмазов нельзя, нужно создавать свою алмазную промышленность"⁷⁴. К началу 1950-х годов добыча алмазов в СССР по сравнению с 1946 г. увеличилась в семь раз, однако государственный план на 1950 г. был выполнен только на 56%⁷⁵.

Заметное беспокойство у лагерного руководства вызывали отрасли промышленности, переданные в систему МВД в конце 1940-х — начале 1950-х годов. Это были слюдяная, асбестовая и апатитовая промышленности. Руководство МВД расценивало данное событие как проявление высшего доверия со стороны партии и правительства. В своих выступлениях на партийных конференциях Круглов всячески подчеркивал важность порученных министерству объектов производства: "Слюда — важнейшее стратегическое сырье, за ним охотятся империалисты"; "от апатитовой промышленности зависит выполнение плана экспортных опера-

ций... в апатитах особенно нуждаются страны народной демократии"; "асбест является важнейшим стратегическим минералом, без него не может развиваться оборонная промышленность, асбест — важнейшее сырье для продажи за границу"⁷⁶.

Особое значение придавалось тому факту, что вопрос о передаче асбестовой промышленности в монопольное ведение МВД решил лично Сталин, точка зрения которого разошлась с мнением некоторых членов правительства, утверждавших, что в асбестовой промышленности применяются сложные машины, оборудование, электротяга, и МВД с этим не справится. Сталин хорошо понимал, что МВД может обойтись вообще без всякой техники. Главная трудность заключалась в другом. Месторождения столь необходимого стране стратегического сырья находились в самых отдаленных необжитых районах, куда ни по железной дороге, ни по воде, ни по воздуху не попадешь. Пройти сквозь тайгу и болота можно было только под прицелом и конвоем, работать без еды и крова можно было только под дулом винтовки; организовать производство в таких условиях могло только руководство МВД.

Использование принудительного труда в наиболее вредных отраслях производства, к числу которых бесспорно относились слюдяная, апатитовая и асбестовая промышленности, позволяло государству избегать больших материальных затрат на охрану труда и социальное страхование рабочих. Сохранение "трудфонда" считалось ответственной, но далеко не главной задачей лагерных служащих. "Наши хозяйственные задачи являются военными задачами, необычными задачами и выполнить их обычными хозяйственными методами невозможно", — считал министр внутренних дел СССР С.Н. Круглов".

Выступая на 7-й партийной конференции МВД СССР 31 марта 1950 г., Круглов отметил специфические особенности хозяйственной деятельности своего ведомства, которые не свойственны никакому другому министерству:

"Во-первых, эти особенности заключаются в чрезвычайном разнообразии промышленного производства, которым нам приходится заниматься, используя труд заключенных в наших исправительно-трудовых лагерях и колониях... Нам приходится заниматься и топливной промышленностью, и цветными металлами, и строительством дорог, и металлообработкой, и добычей леса, и дерево-

сейных и железных дорог, а также иметь в своей системе крупное сельское хозяйство.

Вторая особенность нашей работы заключается в том, что мы эту разнообразную программу промышленного капитального строительства выполняем, главным образом, в особо отдаленных, мало освоенных районах Дальнего Севера и Дальнего Востока...

Третья особенность заключается в том, что рабочая сила, используемая Министерством внутренних дел, коренным образом отличается от рабочей силы, с которой имеют дело другие министерства. В использовании рабочей силы мы обязаны сочетать интересы государственной безопасности, учитывать условия режима, изоляции заключенных с использованием их труда в интересах нашего государства"⁷⁸.

В 1949 г. МВД выпустило промышленной продукции почти на 20 млрд руб. На его долю приходилось 100% добычи платины, слюды, алмазов, более 90% золота, свыше 70% олова, 40% меди, свыше 35% сажи, 33% никеля, 13% леса. Валовая продукция промышленности МВД СССР в 1949 г. составляла более 10% от общего выпуска продукции в стране⁷⁹.

Главным атрибутом лагерной экономики на протяжении всех лет ее существования оставался ручной труд. После войны на стройки и предприятия МВД завозилось значительное количество современных средств производства, а заключенные в силу специфики подконвойного труда, как и 10 — 20 лет назад, работали киркой, ломом, лопатой, использовали тачки. В конце 1944 г. хозяйственники жаловались, что из общего количества имеющегося оборудования в 189 тыс. единиц бездействуют 85 тыс. механизмов. В лагерях несмонтированное оборудование лежало по несколько лет⁸⁰.

В 1948 г. на 5-й партконференции МВД представитель лагерей лесной промышленности докладывал о работе своего главка: "Все процессы не механизированы, никаких механизмов до сего времени не получали и не получаем, а полученные 100 электропил в течение более года не можем ввести в эксплуатацию из-за отсутствия передвижных электростанций". Далее следовала традиционная просьба помочь, "потому что растущую программу мускульной силой и лошадей мы не возьмем"⁸¹.

Хорошо, если была лошадь и мускульная сила, часто на лесоповале не было ни того, ни другого. Бывшая каторжанка Е.Л. Владимирова подробно ознакомила высшее партийное руководство с процессом лесозаготовительных работ на Колыме, в частности, в женском лагере с игривым названием "Вакханка". «На "Вакханке" участки лесоповала отстояли от

лагерного пункта на расстоянии от 5 до 10 км, — писала в ЦК КПСС бывшая смертница-каторжанка. — 10—20 км пути зимой было очень тяжелым добавлением к работе. Работа включала трелевку на себе, т.е. по 2 женщины впрягались в сани, перекладина через грудь, и везли баланы (бревна с корой. — Г.И.) на расстоянии до нескольких километров за один рейс. Так, например, слабосильная бригада 5-часовиков, организованная ввиду большой людской истощенности, возила лес по одному рейсу в день на расстояние 5 км, всего делая, считая конец с пустыми санями, 10 км. У рабочих бригад норма, конечно, была выше. Невыполняющие норму бригады время от времени в зимние лунные ночи оставались в лесу до 12 часов ночи...» Случалось, что лагерные "вахханки" умирали от разрыва диафрагмы. Такие смерти фиксировались как производственный травматизм вследствие нарушения техники безопасности.

Путем жесточайшей эксплуатации человеческих ресурсов (ибо уровень механизации лесозаготовительных работ в 1949 г. составлял в среднем 18,8%) Главное управление лагерей лесной промышленности дало государству за послевоенную пятилетку 15 млн куб. м леса при плане 71 млн⁸². Эти немалые цифры, вошедшие позднее составной частью в достижения советской экономики, на самом деле являлись ее позором и преступлением.

Руководство МВД пыталось решить проблему механизации традиционным способом — приказом. В 1948 г. министр издал два приказа об улучшении работы механизмов, но ситуация не менялась. В каждом отчете и докладе руководители строек и предприятий отмечали в качестве главных причин очередного невыполнения плана — низкую производительность труда и плохое использование механизмов. В заключении по сводному бухгалтерскому отчету Специального главного управления МВД СССР за 1950 г. в разделе "Механизация строительных работ и использование механизмов" читаем: "Установленный на 1950 г. план механизации строительных работ выполнен: по земляным работам — на 20,6%, дроблению камня — на 63,4%, приготовлению бетона — на 79%, укладке бетона — на 79,5%. Строительные механизмы на стройках использовались недостаточно, а нормы выработки выполнены: по экскаваторам — на 22%, бетономешалкам — на 30,6%, растворомешалкам — на 62,5%, камнедробилкам — на 48,2% к плану"⁸³.

В аналогичном бухгалтерском отчете ГУЛГМП за 1950 г. отмечено: "Недостаточно использовались механизмы при

выполнении основных видов строительных работ. В натуральном выражении из общего объема некоторых видов работ выполнено механизированным способом: земляных работ — на 35,9%, дробление камня — на 37,5%, укладка бетона — на 73,7%, штукатурных работ — на 16%, малярных работ — на 36,8%⁸⁴.

В заключении по такому же сводному бухгалтерскому отчету за 1950 г. Главгидроволгодонстроя МВД СССР подчеркивалось: "При наличии материальных средств и рабочей силы, обеспечивающих выполнение плана строительства, имели место неудовлетворительная организация работ и неполное использование строительных машин и механизмов, которые привели к невыполнению плана"⁸⁵.

Нами проанализированы десятки сводных бухгалтерских отчетов многих лагерно-производственных управлений за разные годы. Среди них не было ни одного, где бы говорилось не то что о хорошем, а хотя бы об удовлетворительном использовании механизмов.

В заключении Центральной бухгалтерии по сводному годовому отчету Главспецстроя за 1953 г. в качестве одной из основных причин убытков названа неудовлетворительная эксплуатация автотранспорта. В этом лагерно-производственном управлении ежедневно простаивало 20% грузовых автомобилей, что принесло хозяйству за год 12,86 млн руб. убытков⁸⁶.

Согласно отчетам Енисейстроя, на конец 1952 г. на предприятиях главка (без спецуправления) числилось 7950 единиц оборудования, из них 3556 (44,7%) единиц бездействовали. Действующие же механизмы, как правило, простаивали из-за нехватки горючего, электроэнергии, незначительных поломок, трудно устранимых в условиях ГУЛАГа из-за отсутствия квалифицированных кадров.

Себестоимость гулаговской продукции значительно превышала себестоимость аналогичной продукции, изготавливаемой местной промышленностью. Например, в таком крупном хозяйстве, как Енисейстрой, сметная стоимость тысячи штук кирпича определялась в 250 руб., фактическая же стоимость — 631 руб., в местной промышленности края себестоимость такого же количества кирпича составляла 210 руб. 49 коп. Сметная стоимость тонны извести определялась в 85 руб., фактическая — 170 руб. 60 копеек, по местной промышленности — 93 руб. 48 коп.⁸⁷

Ачинский кирпичный завод превышал норму допускаемого брака в 6 раз, выполняя план по выпуску кирпича на

40,9%. Только за 1-й квартал 1951 г. Ачинский кирпичный завод принес убытков на сумму 952 тыс. руб. В 1952 г. положение не улучшилось, убытки только от брака составили 253 тыс. руб., из-за прогулов вольнонаемного состава и плохой организации труда заключенных завод понес еще 107 331 руб. убытков. Себестоимость кирпича оставалась выше плановой на 46,8%⁸⁸.

Юлинское свинцовое предприятие выполнило план 1952 г. на 38% и дало убытков на 4,9 млн руб. Аналогичная ситуация наблюдалась практически повсюду. Заниженные нормы не выполняли более 30% заключенных и примерно 17% вольнонаемных рабочих, на отдельных рудниках и шахтах эти цифры доходили до 52%. Столь низкие результаты труда никак не отражались на материальном положении вольнонаемных сотрудников Енисейстроя, так как финансирование этого лагерно-промышленного комплекса осуществлялось по фактическим затратам⁸⁹.

В Главпромстрое МВД СССР себестоимость строительства значительно превышала плановую. Перерасход плановых средств по строительно-монтажным работам в 1950 г. составил 8,5% к сметной стоимости (или около 50 млн руб.). Себестоимость отдельных видов продукции превышала плановую: по кирпичу — на 30,7%, по песку — на 76, по буту — на 14,7%. В отчете отмечалось: "В 1950 г. стройки допустили значительные непроизводительные расходы и потери, которые превышают аналогичные расходы прошлого года на 23,4% и составляют на 1 января 1951 г. 5781 тыс. руб." В списке непроизводительных расходов значились штрафы, пени, неустойки (3988 тыс. руб.), оплата простоев (622 тыс. руб.), брак, порча материалов и продукции (609 тыс. руб.) и т.д.⁹⁰

Аналогичная ситуация отражена в отчете Главгидроволгодонстроя, где перерасход средств в 1950 г. составил 11,8% (86,5 млн руб.). По титульным работам при плане 539,1 млн руб. фактические затраты составили 639,5 млн руб. Себестоимость отдельных видов продукции значительно превышала плановую: по извести — на 41,7%, по кирпичу — на 149,8, по пиломатериалам — на 8,1, по изготовлению бетона — на 30%. В отчете также отмечалось: "В 1950 г. стройки допустили значительные непроизводительные расходы и потери, которые превышают аналогичные расходы прошлого года более чем в 4 раза и составляют за 1950 г. 14 061 тыс. руб."⁹¹ Значительное ухудшение экономических показателей за 1950 г. по сравнению с 1949 г. свидетельствовало о начав -

шемся кризисе лагерной экономики, который в полной мере проявился в последующие годы.

Производственная деятельность ГУЛАГа наносила материальный ущерб не только народному хозяйству, весьма серьезные потери наблюдались и в области экологии. Вполне очевидно, что все промышленные предприятия строились без необходимых очистных сооружений, хищнически расходовались природные ресурсы. Сорский молибденовый комбинат, например, в нарушение всех правил и технологий сбрасывал отходы своего производства в пойму р. Соры (Хакасия). Проект предусматривал сооружение специальных хранилищ для отходов, но строить их было некогда. Все понимали, что это грубейшее нарушение, но никто не пытался его устранить. ГУЛАГ одинаково не щадил ни людей, ни природу.

Очень часто, желая избежать неприятностей в связи с невыполнением плана, скрыть растраты, хищения и незаконные выплаты, руководители лагерныхстроек и предприятий шли на массовые приписки. Одна из проверяющих комиссий в своей докладной записке сдержанно отмечала, что на предприятиях Енисейстроя в 1952 г. были допущены значительные приписки невыполненных объемов строительных работ. В денежном выражении этот массовый обман государства исчислялся десятками миллионов рублей.

Массовые приписки с целью показать выполнение плана и получить премии отмечались на строительстве комбината № 16 по производству искусственного жидкого топлива (г. Ангарск, Иркутская область), которым руководил генерал-лейтенант С.Н. Бурдаков. Комбинат № 16 включал 15 различных специализированных заводов, для которых требовалось построить 400 сложных промышленных объектов, 95 км железных дорог, 130 км внешних трубопроводов и др. Это была одна из важнейших, наиболее ответственныхстроек МВД, имевшая большое военно-промышленное значение. Но и здесь в 1952 г. из 350 цехов, намеченных к пуску в первую очередь, было сдано для пуско-наладочных работ лишь 139 цехов. План катастрофически не выполнялся, зато растраты и хищения исчислялись сотнями миллионов рублей⁹².

Весьма низким оставалось и качество строительства. В объяснительной записке Главасбеста от 8 марта 1951 г. этому вопросу был посвящен специальный раздел, в котором, в частности, говорилось: "В истекшем году качество строительно-монтажных работ стояло на крайне низком уровне.

Особенно низкое качество работ было на объектах жилищного и соцбытового строительства: 24-х квартирный дом № 3, школа ФЗО № 2, где допущены большие дефекты в конструкциях перекрытий, фундаментов и полов"⁹³.

Как правило, особых нареканий со стороны заказчика низкое качество строительства не вызывало — все понимали, кто и в каких условиях осуществлял строительство. Неделки обычно устранялись уже в процессе эксплуатации объекта. Но бывало и по-другому. В конце 1952 г. правительство поручило Главспецстрою МВД построить для завода № 82 Министерства оборонной промышленности три промышленных корпуса и два жилых дома в подмосковном Тушине. Строительно-монтажные работы вел Ваковский ИТЛ (Московская область) совместно с военно-строительными частями МВД. Несмотря на то что эта стройка считалась "режимной", сроки возведения объектов многократно нарушались и переносились, а через 2,5 года после начала строительства неожиданно обрушились несколько металлических конструкций, возникла реальная угроза обвала всей кровли. Оказалось, что при сооружении несущих конструкций были грубо нарушены проектные расчеты. С огромными дефектами подконвойные строители возвели и жилые дома, в которых забыли сделать дымоходы, отчего нельзя было пользоваться плитами, а канализационные трубы заканчивались просто в подвале и т.д. Доведенный до отчаяния директор завода Аремаев обратился с жалобой в ЦК КПСС, где вопрос о качестве строительства МВД стал предметом особого разговора.

Как уже отмечалось, хозяйственная деятельность Министерства внутренних дел отличалась чрезвычайным разнообразием. В 1950 г. в системе МВД насчитывалось 1300 совхозов и подсобных хозяйств с посевной площадью 656 тыс. га и с наличием 700 тыс. голов продуктивного скота. Говорить однозначно об убыточности всех лагерных сельхозпредприятий вряд ли правомерно. Конечно, случалось, что собранный урожай картофеля осенью был меньше того количества, которое сажали весной. Бывало, что сев по разным причинам затягивался на 2 — 3 месяца вместо положенных 2 — 3 недель, а урожай добывали из-под снега. Но наряду с этим в гугаговских сельхозлагерях разводили племенной скот, получали рекордные надои молока, выводили новые сорта зерновых культур. И в этом не было ничего удивительного — ведь среди заключенных агрономов и зоотехников встречалось немало первоклассных специалистов, аресто-

ванных в связи с погромами в советской биологической науке.

ГУЛАГ внес также заметный вклад, правда, нигде в литературе не отмеченный, в освоение целинных и залежных земель. По заданиям правительства силами заключенных в 1954—1955 г. было построено 35 новых зерновых совхозов, в основном на территории Казахской ССР, куда специально для ведения строительно-монтажных работ завозили партии заключенных, организуя новые лагеря. Гулаговцы строили для будущих новоселов-целинников жилые дома, общежития, столовые, хлебопекарни, а также зернохранилища, склады и др.

МВД всячески развивало и поддерживало сеть подсобных лагерных хозяйств, проявляя при этом трогательную заботу о своих сотрудниках. "Офицерский состав, рабочие и служащие лагерей, особенно Дальнего Востока, крайне нуждаются в продукции подсобных хозяйств, — отмечалось на 7-й партконференции МВД. — Разве могут дети сотрудников северных лагерей получать молоко кроме как из подсобных хозяйств"⁹⁴.

Побывавший на Колыме в 1944 г. в качестве представителя Управления военной информации США профессор Оуэн Латтимор, сопровождавший в поездке вице-президента США Генри Уоллеса, с одобрением писал в своем отчете, что в Дальстрое озабочены, главным образом, состоянием оранжерей, где выращиваются помидоры, огурцы и даже дыни, чтобы у шахтеров было достаточно витаминов⁹⁵. Американский профессор по-детски ошибался — до шахтеров витамины не доходили. Основную часть сельскохозяйственной продукции лагеря сдавали государству, часть шла лагерному начальству, и лишь иногда ничтожные крохи свежих овощей попадали в желудки больных и ослабленных эзков.

Нельзя сказать, что работники МВД относились к жизни заключенных совсем равнодушно. Их, например, заметно беспокоил чрезвычайно высокий уровень производственного травматизма. Начальник ГУЛАГа И.И. Долгих высказывал свое мнение по этому поводу на 8-й партконференции МВД СССР в марте 1951 г.

"Производственные главки очень плохо следят за сохранением трудфонда, все это по той же причине, что, мол, ГУЛАГ даст заключенных, — сетовал генерал-лейтенант. — Поэтому вопросы охраны труда в наших производственных главках поставлены чрезвычайно неудовлетворительно. Я не буду приводить здесь

цифры, о них товарищи знают^{3*}, но особенно велики трудпотери от производственного травматизма и смертность от него по главам Добровольского^{4*}, Гидростроя, Дальстроя, по лагерям лесной промышленности. Особенно неблагоприятно с техникой безопасности в Кизеллаге, Устьвымлаге, в Вятлаге, в Севураллаге, Ныробрлаге, Воркутлаге, Норильлаге, Ухтижемлаге, Ангарлаге, Нижнеамурлаге и по целому ряду других... Если бы по тресту Тимофеева^{5*} не было бы таких потерь, то он дал бы дополнительно древесины (по одному кубометру на 1 человека) 100 тысяч кубов⁹⁶.

Из последней фразы начальника ГУЛАГа можно сделать вывод, что в лагерях лесной промышленности "производственные потери" составили за год 100 тыс. человек.

Чекисты-хозяйственники высказывали также озабоченность плохим питанием заключенных. Это, по их мнению, случалось по двум причинам: либо лагерная администрация экономит продукты питания, либо хозобслуга их разворовывает. В любом случае "такой порядок приводит к ослаблению физического состояния спецконтингента и срывает план трудового использования"⁹⁷.

Особую остроту вопросы "трудового использования контингента" приобрели с начала 1950-х годов. Именно в этот период явственно обозначился кризис лагерной экономики. МВД катастрофически не справлялось с растущим объемом работ, хотя сметы по ГУЛАГУ составляли уже несколько миллиардов рублей. "Великие стройки коммунизма" требовали для их осуществления огромного труда, причем труда добросовестного, квалифицированного, чего не могли дать гулаговские кадры. Было очевидно, что без применения сложной и разнообразной техники практически невозможно решить ни одну из поставленных перед министерством задач. Для использования дорогостоящего оборудования, которым все чаще оснащались стройки и предприятия, требовались надежные грамотные кадры, обладавшие достаточной производственной культурой и заинтересованные в результатах своего труда. Такими кадрами, как известно, лагерная экономика не располагала. Как всякое рабовладельческое хозяйство, ГУЛАГ оказался бессилем перед ростом производительных сил.

^{3*} Классический пример "бдительности", так как на конференции присутствовали приглашенные из других учреждений.

^{4*} Добровольский Н.А. возглавлял Главное управление лагерей горно-металлургической промышленности.

^{5*} Тимофеев М.М. возглавлял Главное управление лагерей лесной промышленности.

Сложность ситуации вполне осознавали сами сотрудники МВД. С.Н. Круглов в одном из выступлений отмечал: "Мы должны понимать, что базировать ряд отраслей народного хозяйства, которые находятся в министерстве, только на заключенных нельзя... Когда у нас была валовая работа, земляные работы, тогда нужны были заключенные, а сейчас мы имеем дело с первоклассной техникой"⁹⁸.

В 1951 — 1952 г. ни одно из крупных лагерно-производственных управлений план не выполнило. Значительно увеличился объем незавершенного строительства. 1 октября 1952 г. председателю Госплана СССР М.З. Сабурову поступила записка из отдела капитального строительства, где были представлены данные о незавершенном строительстве по различным министерствам и ведомствам. В этом документе, в частности, сообщалось: "По народному хозяйству в целом объем незавершенных работ в строительстве составлял на 1 января 1951 г. около 86 млрд руб. и на 1 января 1952 г. около 100 млрд руб. (...) Из общего прироста незавершенных работ за 1951 г. в сумме 14 млрд рублей, по стройкам Министерства внутренних дел СССР незавершенные работы увеличились на 3,6 млрд рублей (...) Наибольший рост незавершенного строительства в 1952 г. ожидается по стройкам Министерства внутренних дел СССР (2,1 млрд рублей) (...) Рост незавершенного строительства в ряде случаев является следствием продолжающейся практики распыления денежных и материальных ресурсов"⁹⁹.

"Величайшие стройки народного процветания", как их восхваляли в газетах, сдавались в эксплуатацию с огромными недоделками значительно позже намеченных сроков. Форпост лагерной экономики — Главпромстрой — сумел обеспечить выполнение плана 1952 г. только на 85%, и это притом, что рабочей силой он снабжался всегда в первую очередь. Чрезвычайно велики были убытки главка. Анализируя причину сложившейся ситуации, руководитель Главпромстроя А.Н. Комаровский пришел к однозначному выводу: "Основной причиной является низкий уровень производительности труда"¹⁰⁰. Несмотря на все усилия лагерной и производственной администрации, примерно четверть работающих заключенных по разным причинам норму выработки не выполняла.

Вопросы трудового использования заключенных составляли предмет постоянных разногласий между ГУЛАГом и производственными главками. Хозяйственники обвиняли ГУЛАГ в том, что он никак не хочет приблизиться к их про-

изводственным нуждам. Лагерная администрация выдвигала свои контрпретензии. "Самое большое проявление лагерного бандитизма, потерь, беспорядка — это в производственных главках, — подчеркивал в своем выступлении на 8-й партконференции МВД И.И. Долгих. — Планы, как правило, являются нереальными, заявки на рабочую силу в несколько раз превышаются против плана, однако ГУЛАГом эти заявки удовлетворяются, т.е. иначе говоря, главки не дорожат рабочей силой, они считают, что копейка есть ГУЛАГ с резервом рабочей силы, следовательно, можно рабочую силу не экономить, распоряжаться в любое время и как хочешь"¹⁰¹.

В этом начальник ГУЛАГа был, безусловно, прав. Каждый главк, по словам министра С.Н. Круглова, вел себя в области рабочей силы, "как волкодав". "Возьмите тов. Комаровского, — приводил пример министр, — у него почти полмиллиона рабочей силы, а ему каждый месяц вынь да положь еще 300 тысяч рабочей силы для выполнения все новых и новых поручений, которые даются правительством. Возьмите любой главк, ну, скажем, главк тов. Добровольского, он тоже имеет 300 тыс. рабочих, главк тов. Тимофеева 250 тыс. рабочих"¹⁰². И все равно рабочих рук не хватало.

Пытаясь ликвидировать растущий дефицит рабочей силы, МВД все чаще прибегало к труду вольнонаемных, основную массу которых составляли вчерашние заключенные. По просьбе МВД Совет Министров СССР вынес специальное постановление о закреплении на предприятиях и стройках МВД заключенных, отбывших свои сроки наказания, в качестве вольнонаемных кадров. Вполне естественно, что труд таких "вольнонаемных" был так же неэффективен, как и труд заключенных, причем, при малейшей возможности они стремились перейти в гражданские ведомства, где, по словам С.Н. Круглова, "и нормы поменьше, и платят побольше".

Промежуточную ступень между заключенными и вольнонаемными занимали военно-строительные части. Производительность труда этой категории работников по ряду причин была еще ниже, чем у заключенных, тем не менее, их труд широко применялся в системе МВД, особенно на строительстве дорог и военно-промышленных объектов. ГУШОСДОР МВД был основной, если не единственной, организацией в стране, занимавшейся строительством шоссежных дорог. В этом подразделении был создан специальный дорожно-строительный корпус, точнее, три дорожно-строительные дивизии общей численностью 100 тыс. человек. Находясь на полном государственном довольствии,

обеспеченный техникой и стройматериалами, корпус все же "работал неудовлетворительно", "не считал народную копеечку". По словам начальника центрального финансового отдела МВД Г.К. Карманова, "корпус на рубль расхода давал 5 копеек дохода". По мнению С.Н. Круглова, это было преувеличением, тем не менее, задачу перед военными строителями он ставил следующую: "Сократить на 30% расходную часть по корпусу и процентов на 30 повысить доходную часть, чтобы на рубль расхода давали не 5 копеек, а 75 копеек дохода"¹⁰³.

Трудности лагерной экономики усугубила мартовская амнистия 1953 г. Освобождению из лагерей и колоний подлежали 1181 264 человека. На 10 июля 1953 г. на всей территории СССР в города, рабочие поселки и сельскую местность прибыло 972 829 человек, из них 821 780 в короткие сроки получили работу, 47 056 человек не подлежали трудоустройству ввиду потери трудоспособности. 62 тысячи освобожденных по амнистии граждан остались работать в промышленности и строительстве непосредственно в местах расположения лагерей по вольному найму. Из лагерей Дальстроя, например, было выпущено около 50 тыс. человек, из них трудовой договор для работы на Крайнем Севере заключили 16 725 человек¹⁰⁴.

В мартовские дни 1953 г. решилась судьба также ряда лагерныхстроек. Министр внутренних дел СССР, он же первый заместитель председателя Совета Министров СССР, Л.П. Берия направил 21 марта 1953 г. в Президиум Совета Министров СССР проект следующего постановления:

"Учитывая, что строительство ряда гидротехнических сооружений, железных, шоссейных дорог и предприятий, предусмотренное ранее принятыми постановлениями правительства, не вызывается неотложными нуждами народного хозяйства, Совет Министров СССР постановляет:

1. Прекратить строительство следующих объектов:

а) *гидротехнических сооружений* —

Главный Туркменский канал;
самотечный канал Волга—Урал;
Волго-Балтийский водный путь;
гидроузлы на Нижнем Дону;
Усть-Донецкий порт;

б) *железных и автомобильных дорог* —

железная дорога Чум—Салехард—Игарка (...)
железная дорога Комсомольск—Победино;
тоннельный переход под Татарским проливом..." и так далее.

Всего в списке значилось более 20 крупных строительных объектов¹⁰⁵.

О том, что лагерная экономика убыточна, что ГУЛАГ наносит государству значительный материальный ущерб, знали все, кто сталкивался с этой проблемой вплотную, но открыто на эту тему заговорили только после смерти Сталина. Во второй половине 1953 г. ЦК КПСС предпринял ряд проверок ГУЛАГа, которые позволили в какой-то мере определить его подлинную экономическую ценность. По сведениям заместителя начальника финансового отдела ГУЛАГа Рубанова, содержание лагерей и колоний в течение ряда лет не окупалось доходами от трудового использования заключенных, и ежегодно ГУЛАГ получал значительные суммы дотаций из государственного бюджета. В 1952 г. из госбюджета на содержание лагерей и колоний было выделено 2 млрд 397 млн руб., что составило 16,4% от общей суммы затрат; в первом полугодии 1953 г. — 1 млрд 52 млн руб., или 10,8%. Помимо этого ГУЛАГ незаконно изъямл из личных средств заключенных (из их зарплаты) 23 млн руб. Не считали зазорным залезать в карман к заключенным и некоторые другие главки МВД. Всего у заключенных было незаконно изъято на 1 июля 1953 г. 126 млн руб.¹⁰⁶

Вред ГУЛАГа определялся не только материальными убытками. Лагерная экономика сформировала у миллионов советских граждан устойчивое негативное отношение к труду. Так называемая "туфта" (заключенные расшифровывали это слово как "техника учета фиктивного труда") стала нормой производственной деятельности не только в ГУЛАГе, но и на воле. Пытаясь хоть как-то ограничить распространение ложных экономических показателей, Верховный Совет СССР в 1961 г. принял Указ "Об ответственности за приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов", который предусматривал наказание до трех лет лишения свободы, но изжить "туфту" оказалось не так-то просто.

Процесс реорганизации МВД СССР, начавшийся в марте 1953 г., затронул все стороны лагерной жизни, в том числе и лагерную экономику. 18 марта 1953 г. Совет Министров СССР издал постановление о передаче из МВД производственно-хозяйственных и строительных организаций в другие министерства. Всего было передано 18 структурных подразделений МВД, в том числе и такие гиганты, как Дальстрой, лагеря лесной промышленности, ГУШОСДОР и др. После перехода лагерей и колоний в

гражданские ведомства заметно ухудшились производственные показатели, выросло количество забастовок и массовых неповиновений, усилился лагерный бандитизм. Причина этих специфических явлений крылась не столько в отсутствии репрессивного опыта у новых хозяев, как пытались представить апологеты старого МВД, сколько в общем кризисе лагерной системы вследствие изменения политического климата в стране.

Реорганизационные процессы в системе лагерной экономики продолжались на протяжении нескольких лет. В марте 1955 г. Министерство внутренних дел рассталось с одним из своих старейших главков — Главпромстроем, который перешел в Министерство среднего машиностроения. Вопрос об окончательной передаче из МВД производственно-хозяйственных и строительных организаций в другие ведомства был решен в феврале 1956 г. на заседании Президиума ЦК КПСС. Это не означало, что труд заключенных перестал использоваться в народном хозяйстве. Однако, в целом, лагерная экономика как особый хозяйственный организм, основанный преимущественно на использовании различных видов принудительного труда, прежде всего труда заключенных, к середине 1950-х годов прекратила свое существование. Ее символическим концом можно считать дату 4 июня 1956 г. В этот день Президиум Верховного Совета СССР ратифицировал конвенцию Международной организации труда относительно упразднения принудительного и обязательного труда во всех его формах. Напомним, что этот международный документ был принят в Женеве еще в 1930 г. Кроме того, 7 сентября 1956 г. Советский Союз подписал конвенцию об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством. Это вселяло надежду, что с лагерной экономикой покончено навсегда.

Анализируя экономические уродства социалистической системы хозяйства, академик А.Д. Сахаров писал: "В сталинское время рабский труд миллионов заключенных, погибавших в чудовищной системе ГУЛАГа, играл существенную экономическую роль, в особенности в освоении плохо обжитых районов Востока и Севера. Конечно, эта система была не только безмерно бесчеловечной и преступной, но и неэффективной, это была часть экстенсивной расточительной экономики того времени, не говоря уж об отдаленных последствиях варварского уничтожения человеческого потенциала страны"¹⁰⁷.

- ¹ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923—1960: справ. М., 1998. С. 108.
- ² Там же. С. 111.
- ³ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 4. Д. 991. Л. 75-76.
- ⁴ РГАНИ. Ф. 5. Документ на закрытом хранении.
- ⁵ ЦАОПИМ. Ф. 3352. Оп. 3. Д. 990. Л. 45.
- ⁶ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 202. Л. 267.
- ⁷ ЦАОПИМ. Ф. 3352. Оп. 3. Д. 1136. Л. 101.
- ⁸ Там же. Д. 1631. Л. 98.
- ⁹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 234. Л. 148, 153; Д. 199. Л. 392.
- ¹⁰ Там же. Д. 199. Л. 396.
- ¹¹ Там же. Д. 202. Л. 267.
- ¹² ЦАОПИМ. Ф. 2264. Оп. 1. Д. 93а, Л. 157-158.
- ¹³ Там же. Д. 44. Л. 10-11.
- ¹⁴ Антонов-Овсеенко А. Путь наверх // Берия: конец карьеры. М., 1991. С. 103.
- ¹⁵ АВП. Ф. 47. Оп. 3. Папка 13. Д. 57. Л. 2, 4 -6.
- ¹⁶ Там же. Ф. 047. Оп. 5. Папка 30. Д. 48. Л. 55.
- ¹⁷ Там же. Оп. 46. Папка 22а. Д. 4. Л. 40.
- ¹⁸ Там же. Л. 41.
- ¹⁹ Там же. Л. 42 - 44.
- ²⁰ Там же. Оп. 5. Папка 30. Д. 48. Л. 20, 21.
- ²¹ Там же. Л. 38, 46.
- ²² Там же. Оп. 7. Папка 44. Д. 52. Л. 1, 12.
- ²³ Там же. Оп. 8. Папка 52. Д. 38. Л. 9.
- ²⁴ Там же. Л. 11.
- ²⁵ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 171. Л. 295.
- ²⁶ Там же. Л. 288-290.
- ²⁷ РГАНИ. Ф. 5. Документ на закрытом хранении.
- ²⁸ Цит. по: Реабилитация: как это было: документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: в 3 т. М., 2000. Т. 1: Март 1953 - февраль 1956. С. 107.
- ²⁹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 4. Д. 991. Л. 192, 212, 213.
- ³⁰ РГАНИ. Ф. 5. Документ на закрытом хранении.
- ³¹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 202. Л. 152.
- ³² См.: Там же. Д. 69. Л. 29.
- ³³ Там же. Д. 234. Л. 18.
- ³⁴ Сент-Экзюпери А. Планета людей. М., 1977. С. 116— 117.
- ³⁵ Адамова-Слизоберг О. Путь // Доднесь тяготееет. М., 1989. Вып. 1. С. 70.
- ³⁶ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 4. Д. 943. Л. 116.
- ³⁷ РГАНИ. Ф. 5. Документ на закрытом хранении.
- ³⁸ Цит. по: Кокурин А.И., Моруков Ю.Н. ГУЛАГ: структура и кадры. Статья пятнадцатая // Свободная мысль — XXI. 2000. № 12. С. 90-91.
- ³⁹ Обратный адрес - ГУЛАГ // Родина. 1990. № 4. С. 42.
- ⁴⁰ РГАНИ. Ф. 89. Пер. 16. Док. 1. Л. 33, 38, 39, 41.
- ⁴¹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 199. Л. 130, 396; Д. 234. Л. 150.
- ⁴² Там же. Д. 202. Л. 258.
- ⁴³ АВП. Ф. 047. Оп. 4. Папка 19. Д. 43. Л. 53.

- ⁴⁴ Цит. по: *Кокурин А.И., Моруков Ю.Н.* ГУЛАГ: структура и кадры. Статья двадцатая // Свободная мысль — XXI. 2001. № 6. С. 119.
- ⁴⁵ Цит. по: Там же. Статья шестнадцатая // Свободная мысль — XXI. 2001. № 1. С. 107.
- ⁴⁶ Цит. по: Там же. С. 108.
- ⁴⁷ *Шаламов В.* Из записных книжек // Знамя. 1995. № 6. С. 136.
- ⁴⁸ См.: *Кокурин А.И., Моруков Ю.Н.* ГУЛАГ: структура и кадры. Статья шестнадцатая // Свободная мысль — XXI. 2001. № 1. С. 112.
- ⁴⁹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 4. Д. 2937. Л. 81.
- ⁵⁰ Там же. Д. 991. Л. 28, 39, 40.
- ⁵¹ Там же. Л. 82
- ⁵² ЦАОПИМ. Ф. 2264. Оп. 1. Д. 93а. Л. 195.
- ⁵³ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 4. Д. 991. Л. 82.
- ⁵⁴ Там же. Д. 943. Л. 119 -120.
- ⁵⁵ ЦАОПИМ. Ф. 2264. Оп. 1. Д. 38. Л. 66; Д. 65. Л. 31.
- ⁵⁶ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 199. Л. 395.
- ⁵⁷ См.: *Кокурин А.И., Моруков Ю.Н.* ГУЛАГ: структура и кадры. Статья девятнадцатая // Свободная мысль — XXI. 2001. № 5. С. 102.
- ⁵⁸ См.: Архив Ярегских нефтешахт. Приказ № 213 от 5.11.1948 г. Копия документа передана автору учителем-краеведом Е.А. Долониной.
- ⁵⁹ Подробнее см.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР... С. 257-258.
- ⁶⁰ ЦАОПИМ. Ф. 3352. Оп. 3. Д. 1472. Л. 40, 115.
- ⁶¹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 199. Л. 396.
- ⁶² Разбудившие джинна // Моск. новости. 1989. № 41. С. 8.
- ⁶³ *Сахаров А.Д.* Воспоминания: в 2 т. М., 1996. Т. 1. С. 163-165.
- ⁶⁴ *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 458-459.
- ⁶⁵ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 200. Л. 83 - 84.
- ⁶⁶ Там же. Д. 137. Л. 18-19.
- ⁶⁷ *Рожкова Н.Е.* Авиаконструктор Р.Л. Бартини // Новая и новейшая история. 2000. № 3. С. 225.
- ⁶⁸ *Кирсанов С.* О "Туполевской шараге" // *Озеров Г.* Туполевская шарага. Frankfurt a. M., 1971. С. 5-6.
- ⁶⁹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 137. Л. 366-367.
- ⁷⁰ Там же. Л. 240.
- ⁷¹ Там же. Л. 244.
- ⁷² См.: *Медведев Ж.А.* Атомный ГУЛАГ // Вопр. истории. 2001. № 1. С. 44-59; *Он же.* Атомный ГУЛАГ // Поиск. 1994. № 33/34. С. 6.
- ⁷³ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 199. Л. 70. Подробнее о роли военнопленных и интернированных в лагерной экономике послевоенного периода см.: *Карнер С.* Архипелаг ГУПВИ: плен и интернирование в Советском Союзе: 1941 — 1956 / пер. с нем. А. Асписовой. М., 2002.
- ⁷⁴ ЦАОПИМ. Ф. 3352. Оп. 3. Д. 1302. Л. 153.
- ⁷⁵ Там же. Д. 1472. Л. 40.
- ⁷⁶ Там же. Д. 1302. Л. 149; Д. 1472. Л. 126 - 129.
- ⁷⁷ Там же. Д. 1302. Л. 155.
- ⁷⁸ Там же. Л. 146.
- ⁷⁹ Там же. Л. 17.
- ⁸⁰ Там же. Д. 575. Л. 103.

- ⁸¹ Там же. Д. 990. Л. 134.
- ⁸² Там же. Д. 1472. Л. 81.
- ⁸³ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 4. Д. 943. Л. 71.
- ⁸⁴ Там же. Л. 101.
- ⁸⁵ Там же. Л. 134.
- ⁸⁶ Там же. Д. 2937. Л. 13.
- ⁸⁷ РГАНИ. Ф. 5. Документ на закрытом хранении.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 4. Д. 943. Л. 86-87.
- ⁹¹ Там же. Л. 137, 139, 140.
- ⁹² ЦАОПИМ. Ф. 3352. Оп. 3. Д. 1631. Л. 43-45.
- ⁹³ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 4. Д. 943. Л. 116.
- ⁹⁴ ЦАОПИМ. Ф. 3352. Оп. 3. Д. 1302. Л. 131.
- ⁹⁵ См.: *Конквест Р.* Большой террор. Рига, 1991. Т. 2. С. 114.
- ⁹⁶ ЦАОПИМ. Ф. 3352. Оп. 3. Д. 1472. Л. 111.
- ⁹⁷ Там же. Д. 1302. Л. 104.
- ⁹⁸ Там же. Д. 1472. Л. 133.
- ⁹⁹ Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет Министров СССР. 1945-1953. М., 2002. С. 369-370.
- ¹⁰⁰ ЦАОПИМ. Ф. 3352. Оп. 3. Д. 1631. Л. 87.
- ¹⁰¹ Там же. Д. 1472. Л. 109.
- ¹⁰² Там же. Д. 1631. Л. 89-90.
- ¹⁰³ Там же. Л. 96.
- ¹⁰⁴ РГАНИ. Ф. 5. Документ на закрытом хранении.
- ¹⁰⁵ "Новый курс" Л.П. Берии. 1953 г // Ист. арх. 1996. № 4. С. 142.
- ¹⁰⁶ РГАНИ. Ф. 5. Документ на закрытом хранении.
- ¹⁰⁷ *Сахаров А.* Мир, прогресс, права человека. Л., 1990. С. 78.

Глава девятая

ЛАГЕРНАЯ ЮСТИЦИЯ

К числу новых явлений послевоенной истории ГУЛАГа относится возникновение особой лагерной юстиции. Чаще всего термином "лагерный суд" (или "лагерная коллегия") в литературе ошибочно называли постоянные сессии областных, краевых или республиканских судов, которые заседали на территории лагерных управлений и рассматривали уголовные дела заключенных. Встречалась в литературе и другая неверная информация. Например, в известном "Справочнике по ГУЛАГу" Жака Росси указывалось, что лагерный суд — это "собственное судебное ведомство НКВД—МВД СССР, заменившее в начале 40-х гг. лагколлегии"¹. Такие ошибочные сведения вводили исследователей в заблуждение и мешали целенаправленному поиску архивных источников, которые до середины 1990-х годов находились на секретном хранении. Все это, в конечном итоге, вело к тому, что тема лагерной юстиции оставалась вне сферы внимания ученых.

На основании ст. 102 Конституции СССР 1936 г. в Советском Союзе действовали три группы специальных судов: военные трибуналы, линейные суды железнодорожного транспорта и линейные суды водного транспорта. Специальные лагерные суды были созданы на том же основании Указом Президиума Верховного Совета СССР "Об организации специальных лагерных судов" от 30 декабря 1944 г.² Инициаторами создания особой лагерной юстиции выступили нарком внутренних дел Л.П. Берия, нарком юстиции Н.М. Рычков и Прокурор СССР К.П. Горшенин. В конце 1944 г. они обратились с соответствующим предложением в Бюро Совнаркома СССР, мотивируя необходимость создания специальных лагерных судов следующими соображениями: во-первых, существующая в ГУЛАГе система отправления правосудия является сложной и несовершенной, во-вторых, кассационные жалобы рассматриваются несколькими различными инстанциями, в-третьих, отсутствует единое руководство кассационной и надзорной практикой по делам о

преступлениях, совершенных в лагерях и колониях. Бюро Совнаркома СССР согласилось с предложением о создании специальных лагерных судов, и 30 декабря 1944 г. В.М. Молотов обратился к И.В. Сталину с просьбой утвердить прилагаемый проект. В тот же день появились положительная резолюция Сталина и Указ Президиума Верховного Совета СССР³.

Указ относил к подсудности лагерных судов все дела о преступлениях, совершенных в лагерях и колониях ГУЛАГа, за исключением дел о преступлениях офицеров НКВД и сотрудников, имевших специальные звания госбезопасности, дела которых рассматривались военными трибуналами. В составе Верховного суда СССР создавалась особая Судебная коллегия по делам лагерных судов для рассмотрения дел по кассационным жалобам и в порядке надзора.

16 апреля 1945 г. народный комиссар юстиции Н.М. Рычков издал приказ, предписывавший организовать на основании вышеназванного указа 105 специальных лагерных судов⁴. Для руководства организацией этих новых судебных учреждений и контроля за их работой образовывалось Управление лагерными судами Народного комиссариата юстиции (НКЮ) СССР (с марта 1946 г. — Министерство юстиции СССР). В 1948 г. оно было переименовано в Управление по делам лагерных судов МЮ СССР, а в 1953 г. — в Управление специальных судов МЮ СССР.

Лагерные суды создавались во всех регионах Советского Союза. На практике в их юрисдикции оказалось огромное число людей, а именно: все заключенные старше 16 лет (кроме содержащихся в тюрьмах); спецпоселенцы, трудмобилизованные и ссыльные, чья трудовая деятельность была связана с хозяйственной деятельностью МВД; вольнонаемные сотрудники, совершившие правонарушения на территории лагерно-производственных комплексов; и, наконец, все военнослужащие ГУЛАГа, не имевшие офицерских званий. В общей сложности в юрисдикции лагерных судов в разные годы находилось 4 — 5 млн человек. Лагерной юстиции не были подсудны обитатели лагерей Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ), их судебные дела рассматривали военные трибуналы или Особое совещание при МВД СССР.

О широте подсудности лагерных судов можно сделать вывод на основании отчетного доклада за 1951 г. председателя лагерного суда Норильского ИТЛ Самохвалова. «Сообщаю, — говорилось в докладе, — что лагерный суд ИТЛ "Ч"

(Норильского лагеря. — Г.И.) МВД СССР рассматривает почти все дела на вольнонаемных работников Норильского комбината, не имеющих никакого отношения к работе лагеря и не работающих в системе лагеря (...) В народный же суд направляется незначительное количество дел в основном по статье 140^б (производство абортов. — Г.И.) и дела частного обвинения (...) Необходимо отметить, что прокурор Норильлага вообще считает, что все дела, преступления по которым совершены на территории Норильска, подсудны лагерному суду, независимо от лиц, совершивших преступления»⁵.

Аналогичный подход к проблеме подсудности был характерен и для других лагерных судов. Нередко между лагерными судами и территориальными народными судами возникали острые споры о подсудности того или иного дела. В отдельных случаях, по поручению Верховного суда СССР, лагерные суды рассматривали дела, подсудные военным трибуналам.

Появление лагерных судов было обусловлено, на наш взгляд, тем, что к концу войны ГУЛАГ окончательно оформился в гигантский лагерно-промышленный комплекс, превратился в мощную структуру, действительно напоминающую "государство в государстве". А всякое государство, как известно, создает свою собственную судебную систему. Создание специальных лагерных судов явилось закономерным этапом на пути дальнейшего развития и укрепления советской репрессивной системы.

До образования специальных лагерных судов правосудие в лагерях и колониях осуществляли несколько судебных инстанций: постоянные сессии областных судов, военные трибуналы НКВД и народные суды. Например, Восточно-Уральский лагерь, в составе которого было 20 отдельных лагерных подразделений, расположенных на расстоянии от 9 до 150 км от центра Управления, а само Управление находилось в г. Тавде, в 360 км от Свердловска, обслуживали: постоянная сессия Свердловского областного суда, 15 народных судов и Военный трибунал войск НКВД. Кроме того, многочисленные колонии, подведомственные Управлению НКВД Свердловской области, обслуживались Свердловским областным судом, 26 народными судами и Военным трибуналом войск НКВД.

Такая судебная практика имела существенные недостатки, главными из которых, по мнению лагерного руководства, были следующие: во-первых, "суды в своей работе были оторваны от политической и хозяйственно-производствен-

ной деятельности лагерей и колоний"; во-вторых, отсутствовала единообразная судебная практика; в-третьих, "если постоянные сессии рассматривали дела на территории управления лагеря, то народные суды, как правило, рассматривали дела в своих камерах (так в тексте. — Г.И.). Народные суды при рассмотрении дел не учитывали специфику лагерей и колоний, и таким образом, присутствующие в зале суда посторонние лица в ходе судебного процесса посвящались в деятельность мест заключения". Существенным недостатком, по мнению работников ГУЛАГа, было и то, что "оперативные работники судов зачастую не были знакомы с системой лагерей и колоний и режимом содержания заключенных, что влияло на правильность разрешения уголовного дела"⁶.

Все эти "неудобства" устранялись с введением специальных лагерных судов. Судебный процесс при этом оставался открытым, как того требовал закон, но проходил он на закрытой лагерной территории. Состав судей подбирался соответствующим образом, народные заседатели выбирались из числа лагерных служащих и военизированной охраны. Лояльность служащих лагерной Фемиды гарантировалась тем, что они находились в полной материальной зависимости от лагерной администрации. Официально ГУЛАГ был обязан снабжать судебские кадры всем необходимым, в том числе жильем, топливом, теплой одеждой и т.д.

Процесс организации и реорганизации лагерных судов шел непрерывно и зависел от изменения дислокации лагерей, от количества поступавших уголовных дел, от специфики того или иного лагерно-производственного комплекса. К осени 1948 г. было образовано 78 лагерных судов, из них 40 судов — при крупнейших лагерях центрального подчинения, 28 судов — при лагерях и колониях территориального подчинения, 4 суда — при отделах исправительно-трудовых колоний Управлений МВД и 6 судов — при спецстроительствах (причем два из них находились на территории Монголии).

Функции новых судебных учреждений не ограничивались задачами отправления правосудия. На Всесоюзном совещании председателей лагерных судов (1948 г.) отмечалось, что "специфика лагерных судов определяется как их подсудностью, так и тем, что работа лагерных судов часто связана с вопросами, представляющими государственную тайну. Всей своей деятельностью специальные лагерные суды должны способствовать выполнению политических и хозяйственных задач, стоящих перед лагерем или колонией (...) поддерживать режим и дисциплину"⁷. Уклониться от выполнения

этих задач, даже если бы они вдруг того захотели, лагерные суды вряд ли смогли бы. Дело в том, что суды, хотя и были подведомственны Министерству юстиции, все же на практике полностью зависели от ГУЛАГа. Лагерь выделял помещения для суда, ремонтировал их, снабжал топливом и электроэнергией, предоставлял транспорт для выезда судей в отдаленные подразделения и т.д. Таким образом, независимость судей, гарантированная 112 статьей Конституции СССР, была в этих условиях абсолютным мифом, о ней не говорили даже в декларативных целях.

Некоторую независимость в системе лагерной юстиции проявляли отдельные адвокаты. Нужно иметь в виду, что в силу ряда причин (в качестве главной причины, как правило, называлось "отсутствие достаточного количества адвокатских сил") дела в лагерных судах очень редко слушались с участием защиты. В 1949 г. выступлениями адвокатов в лагерных судах заинтересовалась Прокуратура СССР. В ходе проведенной проверки было установлено, что "за 6 месяцев 1949 г. в одном лагерном суде Севвостроя (Московская область. — Г.И.) выступало 19 адвокатов, и в силу незнания условий содержания заключенных в лагере они по-разному оценивают мотивы, послужившие основанием для совершения заключенными преступлений, и в своих выступлениях некоторые адвокаты допускают политически неверные мотивы"⁸.

В качестве примеров приводились следующие факты: адвокат Хигер в своей защитительной речи заявил, что работники МВД подсаживают к следственным заключенным "наседок" и "кукушек", поэтому показания свидетелей-заключенных необъективны и им не всегда следует верить. Адвокат Ария заявил, что прокурор обосновывает обвинение исключительно на материалах предварительного следствия, что бывает только в фашистском суде, а в нашем советском процессе этого не должно быть. Этот же адвокат, по мнению прокуратуры, опорочил работу исправительно-трудовых учреждений, заявляя, что "заключенные поставлены в такие условия, в которых они вынуждены воровать".

Эти примеры, на наш взгляд, не только свидетельствуют об определенной самостоятельности адвокатской позиции, но и довольно хорошо раскрывают специфику лагерного правосудия. "В целях предотвращения подобных случаев" начальник Управления по надзору за местами заключения, государственный советник юстиции 2-го класса В.П. Дьяконов просил министра юстиции СССР К.П. Горшенина дать

распоряжение, "чтобы в лагерных судах выступали не разные адвокаты, а лучше было бы, если для выступлений в этих судах были закреплены 1—2 постоянных всесторонне проверенных адвоката"⁹. К чести министра юстиции, он не считал возможным ограничить круг адвокатов, привлекаемых к участию в судебных заседаниях лагерных судов.

Судебная практика лагерных судов была весьма разнообразной. Ежегодно, за исключением 1945 и 1953 гг., в лагерные суды поступало 20 — 25 тыс. уголовных дел, к суду привлекалось от 25 тыс. до 30 тыс. человек, доля заключенных в этом числе колебалась от 64 % (1946 г.) до 78 % (1949 г.). Значительную часть дел (от 30,4 % в 1945 г. до 19,7 % в 1950 г.) составляли дела о "контрреволюционных преступлениях". Основную массу дел по 58-й статье составляли дела об "антисоветской агитации и пропаганде" (ст. 58¹⁰) и о "контрреволюционном саботаже" (ст. 58¹⁴). Лагерные суды тщательно изучали и обобщали судебную практику по этим группам дел.

"Антисоветская агитация" в условиях лагеря нередко имела успех и представляла порой вполне реальную угрозу благополучию и спокойствию лагерного начальства. Вынося обвинительные приговоры по ст. 58¹⁰, лагерные судьи в большинстве случаев были убеждены, что основной целью антисоветской агитации в лагере является задача "вызвать недовольство режимом и организовать саботаж и срыв выполнения государственных плановых заданий". В 1946 г. по этой статье было осуждено 1235 человек (4,5% к общему количеству осужденных), в том числе 999 заключенных, 11 военнослужащих и 225 вольнонаемных (большинство из спецпоселенцев). В основном в антисоветской агитации обвинялись лица, уже имевшие одну или несколько судимостей за "контрреволюционные преступления".

Среди подсудимых лагерных судов нередко встречались настоящие "политические рецидивисты". Заключенная Сибирского ИТЛ М.Ф. Карпова осуждалась по статье 58¹⁰ семь раз. Заключенного Ивдельского ИТЛ А.В. Попова, попавшего впервые в ГУЛАГ в 1933 г. по закону от 7 августа 1932 г., впоследствии 5 раз судили за антисоветскую агитацию, в том числе в 1944 г. приговорили к высшей мере наказания. Поскольку решением Верховного суда СССР расстрел был заменен Попову 20 годами каторги, то все последующие приговоры лагерных судов поглощались этим наказанием. Заключенный В.И. Туров осуждался по 58-й статье шесть раз. Находясь в заключении в Ивдельском лагере, он в 1947 г. написал две антисоветские листовки и вывесил их на вид-

ных местах. Как установил лагерный суд, в этих листовках Туров "призывал заключенных к саботажу и неподчинению советской власти и лагерной администрации"¹⁰. "За составление контрреволюционных воззваний" заключенная Восточно-Уральского ИТЛ Кубрякова осуждалась по ст. 58¹⁰ шесть раз, причем каждый раз к 10 годам лишения свободы.

Наиболее распространенной формой "антисоветской агитации" было "комментирование". Более 70% лиц, привлеченных к суду по ст. 58¹⁰, обвинялись в том, что они публично комментировали во враждебном, антисоветском духе прочитанные газетные статьи, услышанные по радио речи советских руководителей, доклады и выступления политработников ГУЛАГа. Важно отметить, что многие обвиняемые не считали нужным отказываться в суде от своих "антисоветских высказываний". Они открыто заявляли в судебных заседаниях, что вели антисоветскую агитацию сознательно, исходя из своих внутренних убеждений. По наблюдениям председателя лагерного суда Вятского ИТЛ И.Ф. Ислентьева, "агитацию против советской власти проводили главным образом, т.е. 82,7%, элементы, воспитанные в условиях царского режима"¹¹.

Весьма распространенной формой "антисоветской агитации" было вывешивание в лагерях в ночное и предутреннее время лозунгов и листовок "контрреволюционного содержания". В марте 1952 г. лагерный суд Песчаного особого лагеря рассмотрел дело по обвинению в антисоветской агитации четырех заключенных женщин-украинок — Е.Д. Гичко, Зелинской, Стасюк, Яструбецкой. Каждую из них суд приговорил к 10 годам заключения в ИТЛ. Председатель лагерного суда Э.П. Шимук видел их вину в том, "что они по договоренности между собой на протяжении с апреля по ноябрь месяца 1951 г. занимались антисоветской агитацией путем печатания листовок и карикатур антисоветского содержания и распространения их среди других заключенных женщин, среди которых также выступали с антисоветскими высказываниями. Названная группа изготовила в мае месяце 1951 г. флаг украинских националистов с вышивкой на ней трехзубом (так в тексте. — Г.И.), а также изготовила штамп с надписью антисоветского содержания, с помощью которого печатали антисоветские листовки"¹². В преступлениях, связанных с изготовлением и распространением, листовок, обвинялось более 25% заключенных, привлеченных к суду по ст. 58¹⁰.

Как и на воле, ст. 58¹⁰ часто превращала в "политических заключенных" людей, весьма далеких от политики. Многие заключенные, осужденные ранее за бытовые, должностные или хозяйственные преступления, попадали в разряд "контрреволюционеров" за рассказанный не к месту анекдот, за критические высказывания в адрес начальства, "за разговоры" или просто по наговору недоброжелателей.

В качестве примера приведем приговор одного из лагерных судов, который хорошо показывает и состав осужденных, и юридическую безграмотность судей, и жестокость лагерной юстиции, и характер "контрреволюционного преступления", и реакцию Судебной коллегии по делам лагерных судов Верховного суда СССР на обжалованный приговор.

ПРИГОВОР

19 — 20 июля 1946 г. специальный лагерный суд исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД Новосибирской области в составе председательствующего Путина, народных заседателей Григорьевой и Чистоедовой, при секретаре Протопоповой, с участием прокурора Векслер и защитника Бляхман в закрытом судебном заседании в расположении Управления ИТЛ рассмотрел дело по обвинению заключенных:

1. Шевченко Антона Юлиановича, 1902 г. рождения, уроженца с. Голенки Михайловского района Уссурийской области, русского, гражданина СССР, происходит из крестьян-кулаков, образование среднее, по специальности агроном, жена и дочь во время немецкой оккупации добровольно выехали из гор. Пятигорска за границу, беспартийного, осужденного 21 ноября 1945 г. по ст. 58¹⁵ к 10 годам ИТЛ с поражением политических прав на 5 лет за измену Родине, имеет 2 немецкие награды.

2. Колган Ивана Степановича, 1909 г. рождения, уроженца г. Мариуполя, украинца, гражданина СССР, из крестьян-середняков, имеет высшее образование, инженер, 3 немецкие награды, осужден 28 ноября 1945 г. за измену Родине.

3. Лаврентьева Евгения Ивановича, 1925 г. рождения, карел, из крестьян-бедняков, образование неполное среднее, бывший кандидат в члены ВКП(б), осужден по ст. 58¹⁵ 30 марта 1945 г. к 20 годам ИТЛ, с поражением прав на 5 лет, с заменой на 10 лет лишения свободы за измену Родине, обвиняемых по ст. 19-58², 58¹⁰ ч. I и 58» УК РСФСР.

Материалами предварительного и судебного следствия специальный лагерный суд Новосибирской области

УСТАНОВИЛ

Подсудимый Шевченко, отбывал срок наказания в Новосибирском отделении ИТЛ по ранее вынесенному приговору за измену Родине. Будучи непримиримым врагом Советского Союза, в марте 1946 г. выработал контрреволюционную программу, призывающую к свержению государственного строя, Советского Союза. Для тактического осуществления указанной программы подсудимый Шевченко стал организовывать внутри лагеря контрреволюционную повстанческую группу, путем ознакомления с программой заключенных и вовлечения в эту организацию лиц, разделяющих взгляды Шевченко.

Таким образом подсудимый Шевченко вовлек заключенного Колган, после чего Шевченко и Колган обсуждали план подготовки группового побега заключенных из лагеря, завербованных в контрреволюционную организацию, путем разоружения охраны, ухода в лес с последующей вербовкой в организацию гражданского населения.

Подсудимый Колган для вовлечения в эту организацию рекомендовал подсудимого Лаврентьева как благонадежного человека, указав о нем, что этот человек может держать язык за зубами.

Такими путями с размноженной от руки контрреволюционной программой Шевченко удалось ознакомить четыре человека заключенных (поскольку по делу проходят только три человека, следовательно, этот четвертый оказался осведомителем. — Г.И.).

Однако следственными органами контрреволюционный замысел организации в стадии ее формирования был вскрыт. Подсудимый Шевченко на территории лагеря систематически проводил контрреволюционную агитацию среди заключенных, направленную на дискредитацию коммунистической партии, ее руководителей и Советского правительства. Восхвалял при этом порядки капиталистических стран. Клеветал на мораль советских женщин и девушек.

Подсудимый Колган высказывал клеветнические измышления в контрреволюционном духе среди заключенных на существующий в СССР строй, на демократические основы Советского Союза, восхваляя при этом манифест врага народа изменника Родине Власова, доказывая о якобы неизбежном изменении государственного строя Советского Союза.

Подсудимый Лаврентьев проводил контрреволюционную агитацию, направленную на дискредитацию социалистической формы правления. Находясь в следственном изоляторе, рассказывал заключенным анекдоты контрреволюционного содержания, порочащие экономику СССР.

Подтверждения вины — участия в контрреволюционной организации Лаврентьева нет, однако Лаврентьеву было известно о

формировании контрреволюционной организации, о чем Лаврентьев скрыл, следовательно, виновен по ст. 58¹² (недонесение), нет в действительности ст. 58¹¹ (участие в организации).
Виновность Колган и Шевченко доказана.

ПРИГОВОРИЛ

Шевченко Антона Юлиановича и Колган Ивана Степановича на основании ст. 19—58² подвергнуть высшей мере наказания — расстрелу (ст. 19 означала приготовление к преступлению, предусмотренному ст. 58². — *Г.И.*). Пост. 58¹⁰ч. 1. — к 10 годам лишения свободы с поражением в правах на 5 лет без конфискации имущества за отсутствием такового.

На основании ст. 49 УК РСФСР 10 лет лишения свободы и неотбытый срок Шевченко и Колган по ранее вынесенным приговорам поглотить высшей мерой наказания — расстрелом.

Лаврентьева Евгения Ивановича лишить свободы в ИТЛ на 10 лет.

Председатель П. Пушин

Рассмотрев 9 августа 1946 г. кассационную жалобу Шевченко и Колган, Судебная коллегия по делам лагерных судов Верховного суда СССР вынесла следующее ОПРЕДЕЛЕНИЕ:

"Приговор подлежит изменению вследствие неправильного применения к осужденным ст. 19—58². Эта статья предусматривает наказание за преступление, выразившееся в вооруженном восстании или вторжении в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд, захват власти в центре или на местах в тех же целях и т.д. Ничего этого в действиях осужденных нет. Отсутствуют доказательства виновности Шевченко и Колган также и в организации группы. Последствий от действий осужденных, дающих основания для применения ст. 58², также не наступило. Все эти данные исключают виновность Шевченко и Колган по указанной статье. Доказана их виновность в антисоветской агитации, то есть в действиях, предусмотренных ст. 58¹⁰ ч. 1".

В определении, подписанном 23 августа 1946 г. председателем Панкратовым, указывалось, что осужденных Шевченко и Колган следует приговорить к 10 годам лагерей с поглощением неотбытой части наказания по ранее вынесенным приговорам¹³.

Благодаря "стараниям" оперативных отделов МВД, а в особых лагерях оперативным отделам МГБ, в лагерях и колониях ГУЛАГа в послевоенный период было выявлено множество "антисоветских, контрреволюционных, повстанческих" организаций и групп. Так, например, 21 мая 1948 г.

специальный лагерный суд Вятского ИТЛ осудил 11 заключенных, среди которых было пять украинцев, три белоруса, двое русских и один чех, на длительные сроки лишения свободы за участие в "широко разветвленной контрреволюционной повстанческой организации" "Союз борьбы с большевиками". Следственные органы представили "убедительные" доказательства активной деятельности этой организации. Однако в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 5 июля 1956 г., рассматривавшего это дело по протесту прокурора, отмечалось, что "реальность самого существования указанной организации вызывает серьезные сомнения"¹⁴.

В июне 1949 г. перед специальным лагерным судом ИТЛ "АА" (Северо-Печорский ИТЛ. — *Г.И.*) предстали 14 заключенных, обвинявшихся в том, что они в августе 1948 г. основали "Республиканскую демократическую партию России" (РДПР), при этом был создан Северо-Печорский организационный комитет (СПОК). В приговоре суда говорилось, что "цель этой (РДПР) организации заключалась в том, чтобы вести активную борьбу против Советского правительства и существующего строя в СССР посредством поднятия заключенных на совершение массового вооруженного восстания и отторжения от СССР территории от Печоры на север до Воркуты и на юг до Вой-Вож"*.

Из 14 обвиняемых, среди которых почти все были участниками Великой Отечественной войны, а после ее окончания по разным причинам осужденные за измену Родине, пять были приговорены к 25 годам заключения, 8 человек — к 10 годам. Одного обвиняемого по этому делу оправдали, как потом выяснилось, он был завербован провокатором.

Это удивительное судебное дело тянулось вплоть до августа 1971 (!) г. Один за другим подавали осужденные кассационные жалобы. До 1956 г. все получали один и тот же ответ: "Приговор суда оставить в силе, а жалобы без удовлетворения". После XX съезда КПСС приговоры в отношении отдельных лиц, осужденных по этому делу, стали пересматриваться. Однако факт существования организации не отрицался ни самими осужденными, ни судебными органами. Другое дело, что представляла собой в реальности эта организация? Естественно, она не ставила себе тех целей, которые ей приписывал лагерный суд, скорее, это была группа политических единомышленников. Только в 1971 г.

* Поселок в Коми АССР, немного юго-восточнее Ухты.

удалось окончательно установить, что существовала эта "антисоветская" организация благодаря хорошо поставленной провокаторской деятельности двух секретных сотрудников из числа заключенных, И.А. Макарова и В.В. Гриднева. Особым отделом МВД были созданы потрясающие условия для их провокаторской деятельности. Например, В.В. Гриднев, работавший старшим прорабом колонны, систематически приглашал к себе в личный кабинет глубокой ночью членов СПОК, где за кружкой кофе в процессе беседы сообщал новости, слышанные им лично по "Голосу Америки". Он подробно цитировал резко антисоветские выступления американского радио и предлагал собравшимся обсуждать их с другими заключенными. Кстати, провокаторы к уголовной ответственности не привлекались, что и позволило осужденным членам СПОК догадаться, правда, значительно позднее, об их роли в деятельности организации.

В начале 1970-х годов большинство из осужденных по делу РДПР были передпрошены. 25 августа 1971 г. Пленум Верховного суда СССР вынес постановление: «Приговор специального лагерного суда ИТЛ "АА" МВД СССР от 17, 18 и 20 июня 1949 г. отменить и дело в отношении всех осужденных прекратить за отсутствием в их действиях состава преступления»¹⁵.

Крайне запутанным было уголовное дело, которое рассматривал 7—10 августа 1951 г. специальный лагерный суд ИТЛ "ГР" (Северное управление ИТЛ и Строительства 503. — Г.И.). Слушалось дело о "контрреволюционной повстанческой организации" под названием "Белый орел". Как установил лагерный суд, она "ставила своей целью организацию восстания среди заключенных, разоружение охраны, захват власти, истребление коммунистов и комсомольцев, лагерной администрации, причем начало восстания приурочивали к моменту возникновения вооруженного конфликта между СССР и США". Из 17 человек, привлеченных к уголовной ответственности за участие в этой организации, троих приговорили к расстрелу, замененному Судебной коллегией по делам лагерных судов на 25 лет тюремного заключения, троих осудили на 25 лет тюрьмы, остальные получили по 25 лет лагерей. Последний из осужденных покинул места лишения свободы 14 июля 1966 г.¹⁶

Состав заключенных, привлеченных по делу "Белого орла", был довольно неоднородным: здесь и лица, осужденные за крупные хищения, и "власовцы", и "бандеровцы", и обычные уголовники, и осужденные за измену Родине

советские патриоты. Они явно не были единомышленниками и, следовательно, вряд ли могли создать хотя бы подобие какой-то организации.

Из кассационных жалоб, которые регулярно подавали осужденные, трудно восстановить реальный ход событий. Но совершенно очевидно одно: и здесь не обошлось без провокаций, фальсификаций, лжесвидетелей и показаний обвиняемых, полученных в ходе следствия с помощью угроз и физического насилия.

Часто участниками "контрреволюционных подпольных организаций" становились по воле лагерных судей члены религиозных сект и общин. Так, например, 22 — 23 мая 1952 г. специальный лагерный суд ИТЛ "К" (Вятский лагерь. — *Г.И.*) приговорил двух заключенных (украинца и поляка), осужденных ранее по контрреволюционным статьям, к 25 годам тюремного заключения за участие в секте "Свидетели Иеговы". Третий осужденный по этому делу, уроженец Смоленской области, получил 8 лет лагерей. Напрасно обвиняемые убеждали судей, что их цель "исполнять свои законы бога Иеговы", а не вести антисоветскую агитацию. Каждый приговор выносился, прежде всего, на основании ст. 58¹⁰ и дополнительно какого-нибудь другого пункта этой же статьи¹⁷.

Среди осужденных по статье 58¹⁰ редко встречались представители уголовного мира. "Политическими заключенными" воры и бандиты становились благодаря статье 58¹⁴. Ежегодно по этой статье в лагерные суды поступало 3 — 5 тыс. дел, что составляло 12 — 20% от общего количества поступавших дел. По статье 58¹⁴ лагерные суды привлекали к ответственности за побег, отказ от работы и членовредительство. Основанием для квалификации названных деяний по статье "О контрреволюционном саботаже" служил Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 июня 1939 г. "О лагерях НКВД СССР". Третий пункт этого документа предписывал применять "по отношению к прогульщикам, отказчикам от работы и дезорганизаторам производства" суровые меры принуждения, к "наиболее злостным дезорганизаторам лагерной жизни и производства применять более суровые, судебные меры наказания, в отдельных случаях — до высшей меры наказания включительно"¹⁸.

В целях усиления борьбы с побегами НКВД, НКЮ и Прокуратура СССР издали 28 апреля 1941 г. специальную директиву. В ней предлагалось рассматривать побег заключенных "как одну из наиболее злостных форм саботажа и дезорганизации лагерной жизни и производства" и судить всех

беглецов по статье 58¹⁴ Уголовного кодекса РСФСР, применяя уже к ним "суровые судебные меры наказания, а в отдельных случаях до высшей меры наказания включительно". Рекомендовалось применять расстрел, прежде всего, в отношении "контрреволюционеров, бандитов, грабителей и других особо опасных преступников и заключенных других категорий, совершивших повторный побег"¹⁹. Уже после начала войны, 2 июля 1941 г., действие этой директивы было распространено также и на тех заключенных, которые бежали из мест лишения свободы еще до ее издания, т.е. противозаконному, по сути, нормативному акту была придана обратная сила. Противозаконность названной директивы заключалась в том, что она грубо нарушала ст. 82 УК РСФСР, которая предусматривала наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет за побег арестованного из-под стражи или из мест заключения.

Побеги являлись наиболее распространенным видом преступлений в системе ГУЛАГа. Число лиц, привлекаемых ежегодно за побеги, составляло более 30% от общего количества заключенных, привлекаемых лагерными судами к уголовной ответственности. Поскольку у судей не было полной ясности, в каких случаях побег квалифицировать по статье 82, а в каких по статье 58¹⁴, директивным органам приходилось неоднократно давать специальные разъяснения. Рекомендовалось при вынесении приговора руководствоваться обстоятельствами дела, по которому осужден бежавший, учитывать характер побега и личность беглеца. На практике за побег как за побег, т.е. по ст. 82 УК РСФСР, судили примерно 40% беглецов, в основном несовершеннолетних преступников, а также бежавших преимущественно из колоний и имевших небольшие сроки наказания. В большинстве других случаев, часто явно перестраховываясь, судьи квалифицировали побег как "контрреволюционный саботаж". Сотрудники Управления лагерных судов МЮ СССР, обобщая судебную практику лагерных судов, не раз отмечали в своих докладных записках, что "привлечение большого числа лиц за побег по ст. 58¹⁴ УК РСФСР создает неправильное представление о наличии антисоветских элементов в стране"²⁰. Однако их предложения ограничить применение статьи 58¹⁴ для квалификации дел о побегах не находили поддержки в вышестоящих инстанциях.

Ежегодно по статье 58¹⁴ судили за побеги 3 — 4,5 тыс. заключенных (16 — 20% от общей численности привлеченных к ответственности заключенных). В 1949 г., например, по

ст. 58¹⁴ было осуждено за побеги 4487 человек, или 21,5% от общего числа осужденных заключенных. Такого рода судебная практика была признана порочной только после смерти Сталина, когда начался так называемый процесс восстановления законности. 29 сентября 1953 г. Пленум Верховного суда СССР принял постановление № 8 "Об устранении недостатков в судебной практике по делам о преступлениях, совершенных в местах заключения"²¹. Названный документ предлагал пересмотреть приговоры по статье 58¹⁴ и впредь при квалификации побегов руководствоваться статьей 82 УК РСФСР.

Санкционируя в 1941 г. применение статьи о "контрреволюционном саботаже", директивные органы рассчитывали, что угроза попасть в разряд "политических" будет сдерживать уголовных заключенных. Однако в реальной жизни этого не происходило. Насколько трудно было совершить побег? Вот что писал по этому поводу в своем обзоре судебной практики за 1953 г. председатель лагерного суда Норильского ИТЛ Ф.Н. Лакомый: "Заключенные, не желающие отбывать наказание за совершенные преступления, имеют полную возможность совершать побеги без каких-либо трудностей или риска быть задержанными при совершении побега"²². Существовало множество способов бежать из мест лишения свободы, но большинство побегов совершалось по недосмотру и халатности охраны. Некоторые заключенные выбирали весьма неординарные способы побега. Например, в 1947 г. бандит И.Г. Гиляков, работавший на стройке в Челябинской области, сделал в стене строящегося дома отверстие, взял с собой хлеб, воду, табак, влез в это отверстие, забил его досками, после чего другой заключенный заштукатурил это место. Готовящийся побег удалось предотвратить благодаря донесениям агентуры. Иногда заключенные изготавливали печати и штампы лагерей и бежали по поддельным документам. Нередко совершали подкопы, но, естественно, только там, где не было вечной мерзлоты.

Осенью 1951 г. в 6-м лагерьном отделении Песчаного особого лагеря № 8 (пос. Экибастуз Павлодарской области) пятеро заключенных совершили побег с подкопом, несколько других готовились последовать их примеру. В официальном отчете лагерного суда об этом случае говорилось: "Длина траншеи подкопа от начала ее до выхода составляет 47 метров. Подкоп производился с помощью двух лопат, кирки, совка, самодельных ножей, а земля из подкопа выносилась на чердак барака по изготовленной веревочной лестнице

через противопожарное пространство между печью и стеной секции. Внутри подкопа траншея освещалась тремя электролампами, подключенными через патроны к электропроводу длиной в 48 метров, а последний был подключен к основной электросети, проведенной внутри барака № 2²³. Неудивительно, что А.И. Солженицын, рассказывая о сопротивлении в ГУЛАГе, назвал этот подкоп "метро". Все привлеченные по данному делу (11 человек) были осуждены по статье 58¹⁴.

Далеко не всегда беглецы попадали на скамью подсудимых. Многих стрелки убивали при задержании, некоторым продолжительное время удавалось скрываться, в исключительно редких случаях беглецы оказывались за границей. К судебной ответственности за побег чаще всего привлекались те, кто или попался при совершении новых преступлений, или был обнаружен в момент подготовки побега. Большинство осужденных за побег имели судимости за кражи, воинские преступления, бандитизм, грабежи. Около 4% беглецов были осуждены ранее за "контрреволюционные преступления".

Как уже говорилось, по статье 58¹⁴ судили также за отказ от работы и за членовредительство. В 1946 г. за отказ от работы было привлечено к суду 878 заключенных, в 1947 г. — 1072 (5,7 и 4,7% к общей численности привлеченных к судебной ответственности заключенных). В последующие годы в связи с введением зачетов рабочих дней и оплаты труда количество "отказчиков" сократилось, их доля в числе осужденных заключенных составляла 2 — 3%.

За членовредительство ежегодно привлекалось к суду более полутысячи человек. Минимальным число подсудимых по этим делам было в 1946 г. — 210 человек. Больше всего было осуждено за членовредительство в 1949 г. — 681 человек (3,2% от всех осужденных заключенных). Иногда в лагерях наблюдались настоящие "эпидемии" членовредительства. Зимой 1946/47 г. в лагерный суд Вятского ИТЛ поступило только из одного Вятлага 41 дело о членовредительстве, главным образом фигурировал саморуб пальцев рук. Лагерный суд счел необходимым изучить причины столь резкого увеличения данного вида "преступности". Как выяснил лагерный судья, критическая ситуация объяснялась, в частности, "плохим, нечутким отношением к людям со стороны администрации лагерных подразделений, избиением заключенных со стороны бригадиров и других работников"²⁴. На основании материалов судебных дел о члено-

вредительстве 14 представителей администрации Вятского ИТЛ были привлечены к уголовной ответственности и осуждены по ст. 110 ч. 2 УК РСФСР (превышение власти или служебных полномочий, сопровождавшееся насилием. — Г.И.).

В целом, лагерные суды относились к делам об отказах и членовредительстве с большой строгостью. "Отказы от работы и членовредительства имеют довольно широкое распространение в системе ГУЛАГа МВД СССР (...) Эти преступления разлагают лагерную дисциплину и наносят большой вред производственной работе лагерей и колоний МВД"²⁵, — говорилось в одном из докладов Управления лагерными судами за 1947 г.

Серьезную озабоченность у служителей лагерной Фемиды вызывал также рост количества дел о хищениях и растратах. В 1945 г. такие дела составили 14,5% от общей численности поступивших дел. После выхода 4 июня 1947 г. Указа "Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества" их доля увеличилась до 24%. В 1948 г. лагерные суды рассмотрели 5519 дел по этому указу. Многие судебные процессы носили показательный характер, они проходили непосредственно в лагерных подразделениях по месту совершения преступлений. Приговоры публиковались в лагерной печати.

В 1948 г. лагерные суды признали виновным в хищении государственного и общественного имущества 6471 человека, из них 4947 заключенных (76,4%), 1226 вольнонаемных (19%), 298 военнослужащих (4,6%); оправдали 507 человек (7,2% к числу привлеченных), в отношении 58 человек дела производством прекратили. Карательная практика лагерных судов по этой категории дел, как того требовало высшее партийное руководство, была очень суровой. Наказание в виде лишения свободы на срок свыше пяти лет получили почти 97% осужденных. Хищения в ГУЛАГе, как и на воле, часто совершались по принципу, "что охраняем, то и имеем". Не секрет, что к работе с материальными ценностями в ГУЛАГе допускались только "социально-близкие" заключенные, т.е. все те же воры, грабители, расхитители.

Классическим примером хищения государственной собственности в условиях лагеря может служить следующий факт. Изложим его словами судебного дела: "На хлебопекарне Верхотурского лагпункта (Севураллаг) группа заключенных, работавших в пекарне, систематически в 1948 г. расхищала хлеб, за счет увеличения припека, и растительное масло, получаемое для подмазки хлебных форм, заменяя его

олифой. Ущерб, нанесенный государству, составил 1377 рублей"²⁶. Здесь следует заметить, что, несмотря на типичность такого вида воровства, сам факт возбуждения подобного уголовного дела совсем нетипичен. Обычно уголовникам, хозяйничавшим в пекарнях и хлеборезках, все сходило с рук. Заметим также, что в судебном деле ничего не говорилось об ущербе, нанесенном здоровью тех заключенных, которые ели хлеб, испеченный на олифе.

Значительную группу дел в лагерных судах составляли дела о бандитизме (ст. 59³ УК РСФСР). Впервые обобщение судебной практики по этой категории дел было осуществлено осенью 1947 г. Тогда старший консультант Управления лагерных судов Е.А. Новикова написала в своей докладной записке: "Несмотря на то что бандитизм широкого распространения в исправительно-трудовых лагерях и колониях МВД не имеет, появилась необходимость в изучении судебной практики ... так как даже единичные случаи бандитизма представляют повышенную опасность"²⁷. В этом же документе отмечалось, что, начиная с января 1946 г., поступление дел о бандитизме неуклонно растет. За 1946 г. и первое полугодие 1947 г. к уголовной ответственности по статье 59³ было привлечено 1678 заключенных. Из них лагерные суды признали виновными 1609 человек, причем 325 бандитов (20,2%) приговорили к расстрелу. Подавляющее большинство осужденных попали в ГУЛАГ за бандитизм, убийство, разбой, хищения, злостное хулиганство, и только 34 человека ранее были осуждены за "контрреволюционные преступления".

До конца 1940-х годов при квалификации дел о бандитизме у судей, как правило, не возникало затруднений. Личность обвиняемого, характер и мотивы его действий — все подтверждало факт бандитизма. Ситуация изменилась в 1950 г. Первое, что бросалось в глаза при анализе судебной практики, это резко возросшее количество дел о бандитизме. В 1949 г. в лагерные суды поступило 960 таких дел в отношении 1977 человек, в 1950 г. заведено 1433 дела в отношении 2504 человек. Но более важными были не количественные изменения, а качественные. Наряду с обыкновенным бандитизмом в ГУЛАГе появился новый вид лагерной преступности — так называемый "политический бандитизм", получивший значительное распространение в особых лагерях. В отличие от обычных бандитов, которые в подавляющем большинстве случаев действовали на почве вражды и убивали заключенных, принадлежащих к другой, враждующей с ними, воровской группировке, а также из личной не-

приязи, "политические бандиты" руководствовались совсем иными побуждениями. Среди них не было уголовников, большинство имели одну судимость и отбывали наказание по политическим статьям. Анализируя дела о бандитизме, поступившие из Горного особого лагеря в начале 1950-х годов, лагерный судья отмечал: "Особенности Горного лагеря по убийствам и бандитским проявлениям заключаются в том, что в нем нет враждующих группировок"²⁸. Другой судья, проанализировав деятельность "бандитских группировок" в Песчаном особом лагере в 1951 — 1952 г., констатировал: "Нападений за принадлежность к одной из враждующих групп не было ни одного случая". Он также пришел к выводу, что бандиты избивали и убивали "тех заключенных, которых они подозревали как оповещателей оперативных работников отделов МВД и МГБ лагеря"²⁹.

Ситуация для лагерной юстиции была настолько неожиданной, что первоначально такие дела квалифицировались по статье 58⁸. Но в этой статье речь шла об ответственности за "совершение террористических актов, направленных против представителей Советской власти", и судить на ее основании за убийство заключенных, пусть даже и "оповещателей", было как-то несолидно. Ясность внесло Особое совещание при МГБ СССР. Оно, по словам председателя лагерного суда, указало, что "действия обвиняемых должны быть квалифицированы по статье 59³, т.к. они составляли бандитскую группу и совершали убийства заключенных из числа лиц, занимавших руководящие должности низовой лагерной obsługi, и лиц, заподозренных ими в связях с администрацией лагеря"³⁰.

"Политический бандитизм" карался, как правило, более сурово, чем бандитские проявления уголовников. 25-летний срок лишения свободы получали примерно 45% рецидивистов и около 80% участников так называемой "самообороны". "Не все стукачи были казнены, но доносительство заметно ослабло, и жизнь заключенных стала почти вольготная; оперчекистам же стало невозможно выполнять свои служебные обязанности"³¹, — так оценивал последствия тех кровавых событий Жак Росси, проведенный в ГУЛАГе почти четверть столетия.

В начале 1953 г. советское руководство предприняло решительную попытку искоренить "политический бандитизм". 13 января 1953 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ "О мерах по усилению борьбы с особо злостными проявлениями бандитизма среди заключенных

в исправительно-трудовых лагерях". На основании этого указа лагерные суды приговорили к расстрелу за бандитизм 52 заключенных (официально в СССР в этот период смертная казнь за уголовные преступления не применялась).

Карательная практика специальных лагерных судов основывалась, преимущественно, не на статьях Уголовного кодекса, а на всевозможных указах, директивах, инструкциях, и была, по общему правилу, более суровой, чем практика обычных судов. До отмены смертной казни в мае 1947 г. лагерные суды активно применяли расстрел, в среднем в год к высшей мере наказания приговаривалось 300 — 400 человек. Обращают на себя внимание также многочисленные случаи вынесения приговоров, явно не соответствующих степени тяжести содеянного. Причем, если в отношении заключенных эти приговоры поражают драконовской суровостью, то в отношении лагерных служащих удивляют явно подкупленной мягкостью. В качестве примера приведем только два факта. В 1949 г. лагерный суд Ухто-Ижемского ИТЛ осудил заключенную Самойленко по ст. 58¹⁴УК РСФСР к 25 годам заключения в ИТЛ за то, "что с целью членовредительства и уклонения от работы в лагере она ввела себе под кожу правого бедра керосин, чем вызвала флегмону, и была освобождена от работы в течение 14 дней"³². А вот другой пример: в 1947 г. лагерный суд Вятского ИТЛ осудил к 9 годам лишения свободы условно проводника розыскных собак Упадышева, беспричинно расстрелявшего из пулемета во время сна четырех конвоируемых им заключенных³³.

Судебная коллегия по делам лагерных судов Верховного суда СССР ежегодно рассматривала по кассационным и надзорным жалобам и протестам примерно 20 — 22% дел, прошедших через лагерные суды за тот же период. Результаты рассмотрения дел выглядели следующим образом: 65 — 70% приговоров оставлялось в силе, 10—15% приговоров изменялось, примерно 20% — отменялось, в том числе в отношении 4 — 5% осужденных дела прекращались. Такая кассационная и надзорная практика Верховного суда свидетельствовала, в целом, о некачественной работе специальных лагерных судов.

Основанием для отмены приговоров служили следующие причины: отсутствие в действиях обвиняемых состава преступления, недоказанность предъявленного обвинения, неполнота судебного следствия (невызов свидетелей, экспертов, вынесение приговора только на основе показания подсудимых), грубое нарушение процессуального законода-

тельства и др. В специальных определениях Судебной коллегии по делам лагерных судов отмечалось: "Некоторые судьи дела рассматривали поверхностно, глубоко не вникали в сущность дела и обоснованность обвинения и в ряде случаев без достаточных оснований выносили обвинительные приговоры (...) Лагерные суды подготовительные заседания в ряде случаев проводили на низком уровне, поверхностно, не оценивали критически всех материалов, добытых на предварительном следствии, и вместо возвращения недоследованных дел на дополнительное расследование принимали их к производству и в судебных заседаниях выносили приговоры по недостаточно исследованным делам"³⁴. Уместно заметить, что предварительное следствие по делам лагерных судов вели оперативно-чекистские отделы, которые в силу своего особого положения и влияния в системе ГУЛАГа оказывали на суды весьма существенное давление, в чем признавались сами лагерные судьи.

Одной из главных причин плохого качества судебной работы лагерных судов было то, что большинство судебных кадров имели крайне низкий уровень не только профессиональной, но и общей подготовки. В конце 1949 г. Президиум Верховного Совета СССР специальным Указом "избрал" 67 лагерных судей. Рассмотрим поподробнее их партийный, национальный и половозрастной состав, а также образовательный уровень. Из 67 вновь избранных судей 62 (92,5%) были членами ВКП (б), 4 (6%) — кандидатами в члены коммунистической партии и 1 судья (1,5%) — членом ВЛКСМ. Русских среди судей было большинство — 54 человека (80,5%), украинцев — 4 (6%), 2 белоруса (3%), 1 еврей (1,5%), национальность шести судей (9%) скрыта графой "прочие". Основную возрастную группу — 27 человек — составляли кадры от 24 до 30 лет (40,3%), в возрасте от 31 года до 40 лет было 18 судей (26,9%), от 41 года до 50 лет — 12 (17,9%), остальные 10 человек (14,9%) — старше 50 лет. Из 67 судей было всего пять женщин (7,5%). Уровень профессионального (юридического) образования был весьма низким. Высшее юридическое образование имели 13 судей (19,4%), среднее — 31 (46,3%), юридические курсы окончили 22 человека (32,8%), не имел никакой юридической подготовки 1 судья (1,5%)³⁵. Более половины состава лагерных судей имели стаж работы по специальности свыше трех лет. Почти все юридическое образование получали заочно, для многих судей высшие учебные заведения были недоступны по причине того, что они не имели общего среднего образования.

Типичной можно считать биографию члена суда Ухто-Ижемского лагеря (Коми АССР) Н.А. Омеличева (1894 г. р.), члена ВКП (б) с 1918 г., русского, имевшего низшее образование. Его послужной список выглядит так: "Сапожник; занят на отхожих промыслах; работал в хозяйстве отца; заведовал избой-читальней; заведовал домом крестьянина; с 1932 г. — народный судья. Окончил заочно теоретический курс 2-х годичной юридической школы в Архангельске, но государственный экзамен не сдал. С 1938 по 1945 г. — член Верховного суда Коми АССР, с 1945 г. — член лагерного суда"³⁶. Половина всех обжалованных приговоров, из числа вынесенных этим судьей, отменялась или изменялась Верховным судом.

Малообразованные, профессионально неграмотные судьи проявляли пренебрежительное отношение к соблюдению материальных и процессуальных норм, при вынесении приговоров предпочитали перестраховываться и назначать приговоры более суровые, чем того требовал закон; нередко фальсифицировали судебные дела. Но других судебских кадров в те годы не имела не только система специальных лагерных судов, но и вся советская судебная система в целом.

В судебной практике лагерных судов наряду с рассмотрением уголовных дел большое место занимала работа по досрочному освобождению заключенных. В соответствии со ст. 457 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР дела об освобождении заключенных, заболевших душевной болезнью или тяжелым неизлечимым недугом, должны были рассматривать суды, вынесшие приговор. Острую потребность в освобождении большого числа неизлечимо больных заключенных, которые не могли работать, но требовали расходов на свое содержание, ГУЛАГ почувствовал уже в первый год войны. Однако досрочное освобождение таких заключенных затруднялось тем, что по обстоятельствам военного времени рассмотрение дел об освобождении судами, вынесшими приговор, оказалось во многих случаях просто невозможным. Тогда Пленум Верховного суда СССР принял 1 августа 1942 г. специальное постановление, в котором указывалось, что в таких ситуациях дела об освобождении могут рассматриваться судами по месту отбывания осужденными наказания. После создания специальных лагерных судов вопросами досрочного освобождения заключенных стали заниматься эти суды.

16 сентября 1946 г., в условиях начавшегося массового голода, руководители четырех общесоюзных ведомств —

министр внутренних дел, министр госбезопасности, министр юстиции и Генеральный прокурор — издали под грифом "совершенно секретно" приказ "О порядке предоставления и рассмотрения материалов в судебных органах на заключенных, заболевших душевной болезнью или тяжелым неизлечимым недугом". Этот документ, названный в бюрократических кругах "директивой 4-х", предписывал "материалы на лиц, отбывающих наказание в местах заключения, заболевших душевной болезнью или тяжелым неизлечимым недугом, а также полностью потерявших трудоспособность, впредь рассматривать применительно к ст. 457 УПК РСФСР в специальных лагерных судах по месту содержания заключенных..." Допускалось представление материалов на всех заключенных, "независимо от органа и статьи осуждения". Но тут же делалась оговорка: "Материалы на лиц, осужденных за антисоветские преступления (по всем пунктам ст. 58 УК РСФСР), за бандитизм, а также к каторжным работам, в судебные органы не направлять во все"³⁷. Приказ предписывал создать во всех лагерных управлениях особые комиссии, которые должны были выносить на основании медицинских актов свои заключения о досрочном освобождении лиц, полностью потерявших трудоспособность. При вынесении решений комиссиям рекомендовалось руководствоваться характером совершенного преступления, личностью осужденного, его поведением. Предложенный порядок досрочного освобождения неизлечимо больных заключенных стал именоваться словами "*активирование*" и "*комиссование*", причем эти бюрократические термины использовались как в лагерном быту, так и в официальном делопроизводстве.

В первые же месяцы после издания приказа число досрочно освобождаемых заключенных резко возросло. С января по сентябрь 1946 г., т.е. за 9 месяцев, в лагерные суды поступило 3087 дел на освобождение, а с октября по декабрь, т.е. за 3 месяца, 12 088 дел этой категории. Лагеря стремились поскорее избавиться от безнадежно больных, нетрудоспособных заключенных. Лагерные суды охотно шли им навстречу, часто рассматривали дела об освобождении заочно, не вникая при этом в определение степени социальной опасности освобождаемых заключенных. Отказы в освобождении составляли в этот период не более 1,5% от общего количества поступавших дел. Вышестоящие инстанции рекомендовали судам при вынесении решений об освобождении исходить "не из интересов субъекта заключенного, а из

интересов государства", "избавляться от неработающего в заключении контингента, хотя бы и по возрасту". Аналогичное мнение высказали и лагерные прокуроры: "Коль скоро в течение ближайшего времени заболевшие заключенные не могут работать, их надлежит освобождать, а не кормить за счет государства"³⁸.

В голодный 1947 год лагерные суды рассмотрели почти 60 тыс. дел на освобождение, освободив при этом 58 326 человек. Некоторые коррективы в этот, по сути, формальный судебный процесс внес Пленум Верховного суда СССР, который 25 апреля 1947 г. предложил судам рассматривать также вопрос о степени социальной и политической опасности заключенного, представленного к освобождению и тяжести совершенного им преступления. В результате такого подхода число отказов увеличилось до 2,7%.

Во втором полугодии 1948 г. суды рассмотрели еще 32 690 дел, количество отказов при этом возросло до 4%. Со второго полугодия 1948 г., после соответствующих указаний "сверху", процесс "огульного", как стали вдруг говорить, освобождения полуживых людей прекратился. Уже в третьем квартале 1948 г. в суды поступило всего 4500 дел, число отказов составило 11,2%. Всего с 1946 по 1950 г. лагерные суды рассмотрели около 140 тыс. дел на освобождение, при этом было освобождено примерно 130 тыс. человек, из них за период с осени 1946 до лета 1948 г. — около 102 тыс. человек.

В памяти узников ГУЛАГа навсегда сохранились эти незабываемые эпизоды лагерной жизни. "В бараке КВЧ (культурно-воспитательной части. — Г.И.) установлено несколько столов, за которыми восседают представители медицины, кители которых скрыты белыми халатами. Это комиссия по активированию эзков, пришедших в состояние полной непригодности для каких-либо работ. Эти освобождаемые, бывшие когда-то людьми, превращены в скелеты, обтянутые кожей, во взгляде опустошенность, полная отрешенность от происходящего вокруг.

Не нужно быть медиками, чтобы понять — они обречены. Морально и физически раздавленные, они с трудом передвигаются от стола к столу. Во взглядах у них нет даже слабой надежды на возврат к нормальной жизни. Сам акт активирования ни в коем случае не акт милосердия, это избавление от ненужного балласта, от которого нет никакой отдачи. Судьба этих активированных остается тайной, ибо самостоятельно они не способны добраться до места проживания"³⁹, — так вспоминал процесс досрочного освобождения

бывший заключенный Н.Н. Кожин, отдавший лагерному молоху 9 лет своей жизни.

По официальным статистическим материалам, за три года, с 1946 по 1948 г., в системе ГУЛАГа умерло 148 204 человека, в том числе за 1947 г. — 66 830 человек⁴⁰. Какая связь между освобождением больных заключенных и уровнем смертности в ГУЛАГе? Материалы лагерных судов свидетельствуют, что связь была самая прямая. Никогда так не ругали лагерные суды за волокиту, как в этот период. Дело в том, что из-за судебно-бюрократических проволочек многие кандидаты на досрочное освобождение не успевали дожить до суда и умирали "досрочно". Количество умерших заключенных, на которых уже были оформлены дела об освобождении, исчислялось многими сотнями. Нередко случалось, что суды освобождали уже умерших людей.

Анализируя судебную практику лагерных судов по досрочному освобождению тяжело больных заключенных, председатель лагерного суда Управления МВД Азербайджанской ССР Н.И. Фролов писал в 1948 г.: "Преобладающее большинство освобожденных находилось в безнадежном состоянии. В таком же безнадежном состоянии находилось и большинство ранее освобожденных. Видимо, этим объясняется то обстоятельство, что досрочники, склонные к преступлениям, не возвращаются в места заключения, они умирают вскоре после освобождения (...) Последнее время заключенные, как правило, актируются только тогда, когда по состоянию здоровья становятся явно безнадежными. Не следует ли изменить эту практику в том смысле, чтобы активирование проводить до наступления такого состояния, т.е. тогда, когда досрочное освобождение может привести к сохранению людей? (...) Нынешняя практика досрочного освобождения оправдывает себя в том смысле, что она понижает смертность в местах заключения. И только"⁴¹.

Можно, наверное, не пояснять, что рассуждения этого судьи (кстати, с высшим юридическим образованием) московское судебное руководство охарактеризовало как "политически незрелые", "неправильные" и т.п. Но на самом деле председатель лагерного суда выразил суть проблемы абсолютно верно: досрочное освобождение использовалось как эффективный способ снижения официальных показателей уровня лагерной смертности. Судебная практика лагерных судов даже в таком деле, как досрочное освобождение неизлечимо больных заключенных, способствовала

не столько правосудию, сколько служила хозяйственным и политическим интересам лагерного ведомства.

Деятельность лагерных судов стала сворачиваться в 1953 г., поступление уголовных дел резко сократилось, и они один за другим стали закрываться. Не желая оставаться без работы, некоторые лагерные судьи занялись поиском новых жертв для уголовного преследования. 25 августа 1953 г. член специального лагерного суда Мурманской области В.Я. Сарычев направил в Управление по делам лагерных судов МЮ СССР секретную записку следующего содержания:

"В настоящее время в лагерном подразделении № 10 УИТЛК УМЮ по Мурманской области размещается женский контингент, среди которого наблюдается значительное количество нарушений, выражающихся в сожительстве женщин с женщиной. При этом сожителство носит открытый характер, легко фиксируемый свидетелями, а также соответствующим составлением акта надзирателями. Работники оперативного отдела УИТК обратились в суд с устным запросом о возможности их привлечения к уголовной ответственности за вышеизложенное. В связи с отсутствием статьи в Кодексе, их, т.е. женщин, конечно, не привлекают за это, однако ст. 16 УК РСФСР разрешает применять ее в том случае, когда то или иное общественно опасное действие прямо не предусмотрено Кодексом. Мне кажется, что эти действия являются в настоящее время общественно опасными, поэтому наиболее применительно будет к сожителству женщин с женщиной ст. 154а УК РСФСР через ст. 16 УК РСФСР (ст. 154а - половое сношение мужчины с женщиной (мужеложство) предусматривала наказание от трех до пяти лет лишения свободы. — Г.И.). Ваше мнение прошу сообщить в суд для ответа оперативному отделу УИТЛК УМЮ".

Начальник Управления специальных судов МЮ СССР Н.И. Калинин 7 сентября 1953 г. ответил инициативному лагерному судье в духе времени: "Приведенные в Вашем письме случаи нарушения лагерного режима не образуют состава уголовного преступления, и потому заключенные женщины за указанные действия не могут привлекаться к уголовной ответственности.

Следует ориентировать работников первого отдела на необходимость усиления режима, а не на применение судебных мер в борьбе с такого рода проявлениями"⁴².

Процесс восстановления "социалистической законности" привел к окончательной ликвидации лагерной юстиции. Официально специальные лагерные суды были упразднены Указом Президиума Верховного Совета СССР от

29 апреля 1954 г. Их практическая деятельность продолжалась менее 10 лет и пришлась на тот период, который в литературе принято называть апогеем развития системы советских концлагерей.

На наш взгляд, лагерные суды не были органами правосудия в прямом смысле, поскольку служили не столько интересам правосудия, сколько интересам советской репрессивной системы в целом. Их деятельность была направлена на сохранение в тайне всех тех беззаконий и несправедливостей, которые творились за колючей проволокой. Они драконовскими мерами помогали лагерному начальству поддерживать рабское повиновение в среде заключенных, держать в страхе и покорности большие массы людей. Скрывали преступное, безответственное поведение лагерных руководителей, в результате которого люди оказывались на грани жизни и смерти. За годы своей деятельности специальные лагерные суды осудили около 200 тыс. человек, из них почти 80% составляли заключенные.

К важнейшим видам лагерной преступности относились: сопротивление лагерному режиму, побег, антисоветская агитация, отказы от работы, членовредительство и т.п. Одна из причин такого рода лагерной преступности — тяжелый непосильный труд, к которому принуждали всех, невзирая на возраст, болезни, общее физическое состояние.

В целом, лагерные суды были чрезвычайно удобным инструментом поддержания внутрилагерного режима и, в конечном итоге, служили одной из опор сталинского режима.

¹ *Росси Ж.* Справочник по ГУЛАГу: в 2 ч. М, 1991. Ч. 1. С. 187.

² ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 1. Л. 341.

³ См.: *Кокурин А.И., Морухов Ю.Н.* ГУЛАГ: структура и кадры // *Свободная мысль - XXI.* 2000. № 8. С. 127.

⁴ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 1. Л. 2.

⁵ Там же. Оп. 14. Д. 479. Л. 12.

⁶ Там же. Оп. 5. Д. 25. Л. 133 - 134.

⁷ Там же. Д. 42. Л. 149.

⁸ Там же. Д. 49. Л. 99.

⁹ Там же. Л. 100.

¹⁰ Там же. Д. 25. Л. 24-29.

¹¹ Там же. Оп. 14. Д. 165. Л. 59.

¹² Там же. Д. 483. Л. 30.

¹³ Там же. Ф. 9474. Оп. 22с. Д. 668. Л. 2 - 5.

¹⁴ См.: Там же. Д. 1462. Л. 2-34.

¹⁵ См.: Там же. Д. 1878. Л. 2-55.

¹⁶ См.: Там же. Д. 2717. Л. 2 - 165.

- ¹⁷ Там же. Ф. 9492. Оп. 14. Д. 458. Л. 41 —44. Приговор лагерного суда по делу "Свидетелей Иеговы" опубликован нами в кн.: ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. Франкфурт-на-Майне; М., 2001. С. 120-125.
- ¹⁸ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918 - 1960. М, 2000. С. 116.
- ¹⁹ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 38.
- ²⁰ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 25. Л. 69.
- ²¹ Там же. Оп. 14. Д. 550. Л. 127; Д. 551. Л. 284.
- ²² Там же. Д. 531. Л. 54..
- ²³ Там же. Д. 483. Л. 27.
- ²⁴ Там же. Д. 165. Л. 17.
- ²⁵ Там же. Оп. 5. Д. 25. Л. 80.
- ²⁶ Там же. Д. 76. Л. 24.
- ²⁷ Там же. Д. 42. Л. 31.
- ²⁸ Там же. Оп. 14. Д. 531. Л. 6.
- ²⁹ Там же. Д. 483. Л. 44, 122.
- ³⁰ Там же. Л. 116.
- ³¹ *Росси Ж.* Справочник по ГУЛАГу. Ч. 2. С. 345.
- ³² ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 76. Л. 100.
- ³³ Там же. Д. 42. Л. 158.
- ³⁴ Там же. Д. 76. Л. 96 - 97.
- ³⁵ Там же. Д. 55. Л. 1-5.
- ³⁶ Там же. Д. 76. Л. 100.
- ³⁷ Там же. Д. 4. Л. 16.
- ³⁸ Там же. Д. 30. Л. 4, 34, 38.
- ³⁹ ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. С. 352 — 353.
- ⁴⁰ См.: ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 441 —442.
- ⁴¹ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 58. Л. 3 - 4.
- ⁴² Там же. Оп. 14. Д. 551. Л. 271-272.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Советская лагерная система, главную и неотъемлемую часть которой составлял ГУЛАГ, создавалась в течение ряда лет. Наряду с традиционной, исторически сложившейся системой мест заключения, после Октябрьской революции начала формироваться сеть новых карательных учреждений, неизвестных ранее в России, — лагерей принудительного труда, ставших впоследствии основным каналом реализации карательной политики советского государства.

Угроза "отправить виновных на принудительные работы в рудники" звучала из уст большевистских лидеров еще до того, как были образованы первые лагеря принудительных работ. Главным инициатором использования концлагерей в качестве репрессивной меры был Ф.Э. Дзержинский. Выработывая принципы советской карательной политики, председатель ВЧК—ОГПУ не только теоретически обосновал необходимость использования труда заключенных, но и разработал концепцию советской лагерной системы. Устанавливая обязательность труда в местах лишения свободы, советская власть пыталась тем самым решить одновременно две разноплановые задачи: наказать осужденных тяжелым физическим трудом и сделать систему концлагерей самокупаемой.

Начиная с конца 1920-х годов, российская карательная политика знала только одну устойчивую тенденцию — к усилению репрессии. На протяжении десятилетий уголовное наказание в виде лишения свободы рассматривалось руководством страны как весьма эффективное средство решения многих социальных, экономических и даже политических задач.

Формирование ГУЛАГа, т.е. фактически второе рождение лагерной системы, началось и проходило в условиях форсированной индустриализации и насильственной коллективизации. Эти эпохальные события осуществлялись в обстановке искусственного обострения классовой борьбы, что сделало актуальным обращение к опыту первых лет революции и гражданской войны.

Создание ГУЛАГа было обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, это был выход из кризиса, который испытывала советская пенитенциарная система, не способная справиться с беспрерывно нараставшим потоком заключенных. Не имея средств к организации традиционных мест лишения свободы, руководство страны обратилось к опыту создания и функционирования первых советских концентрационных лагерей, служивших удобным средством изоляции классовых противников и орудием подавления общественного сопротивления.

Во-вторых, ГУЛАГ позволял реализовать в масштабах страны лагерно-производственный опыт ОГПУ, накопленный этой организацией во второй половине 1920-х годов в процессе осуществления карательной политики по отношению к заключенным Соловецкого лагеря особого назначения. Советское руководство признавало этот опыт положительным, хотя и было осведомлено о резко отрицательном отношении к нему мировой общественности.

В-третьих, "лагерь", как социальный феномен, более всего подходил для реализации целей и задач внутренней колонизации страны, без осуществления которой Сталин и его окружение не мыслили выполнение своей исторической миссии.

ГУЛАГ как карательная система нового типа имел ряд особенностей. Лагеря организовывались не в городах и населенных пунктах, что было характерно для традиционных мест заключения, а в отдаленных районах, зачастую непригодных для постоянного проживания человека. Их строительство осуществлялось, как правило, силами самих же заключенных. В лагеря направлялись граждане, осужденные не только судами, но и во внесудебном порядке. Срок лагерного заключения не мог быть ниже трех лет. Все заключенные подвергались принудительному трудовому использованию, что на практике приводило к их жестокой эксплуатации.

Кроме того, в отличие от традиционных пенитенциарных заведений ГУЛАГ фактически находился вне юрисдикции закона. Внутриведомственные нормативные акты недопустимым образом расширяли полномочия лагерной администрации по поддержанию соответствующего режима в местах лишения свободы. ГУЛАГ как социальный институт был полностью исключен из сферы общественного внимания. Вполне естественно, что ни простой народ, ни советская, а тем более, зарубежная общественность не были осведомлены

о существовании целого ряда директивных документов, которые грубо нарушали конституцию и права человека. О механизме их применения знали только исполнители — судебные практики, следователи, ответственные сотрудники органов МВД и МГБ, а также небольшой круг советских и партийных работников.

В советском обществе сложилось своеобразное восприятие самого понятия "право". В массовом сознании оно отождествлялось не с конституцией или законом и уж тем более не с естественными правами человека, а с вполне конкретной деятельностью тех или иных правоохранительных учреждений. Юридическая неграмотность населения существенно облегчала работу репрессивной системы, так как практически исключала возможность каких-либо официальных протестов.

Сталинский режим вовлек в свои преступления множество людей. Однако провести четкую грань между палачами и жертвами не всегда возможно. Советское общество и ГУЛАГ переплетены гораздо теснее, чем это может показаться на первый взгляд, в сознании миллионов людей немислимым образом соединились в одно целое коммунистическая и лагерная мораль, а лагерная субкультура стала частью российской культуры.

Советское руководство никогда не публиковало сведений о численности заключенных. Ежегодно сотни тысяч вновь осужденных людей пополняли бараки ГУЛАГа. Максимальный уровень концентрации заключенных в местах лишения свободы отмечался летом 1950 г., когда в лагерях, колониях и тюрьмах содержалось более 2,8 млн человек. Такое же число советских граждан находилось в ссылке и на спецпоселении. Всего за годы существования ГУЛАГа через лагерь, колонии и тюрьмы прошло более 20 млн человек, из них каждый пятый был осужден к лишению свободы за так называемые "контрреволюционные преступления".

Поддерживать в среде заключенных безропотное повиновение, держать в страхе и покорности большие массы людей помогала суровая карательная практика специальных лагерных судов. Лагерная юстиция в своей судебной деятельности руководствовалась, прежде всего, хозяйственными и политическими интересами ГУЛАГа. Специальные лагерные суды работали в режиме секретности, судопроизводство велось с грубейшими нарушениями уголовно-процессуального законодательства, карательная практика подчинялась целям и задачам репрессивной политики сталинского

режима. Менее чем за 10 лет своего существования специальные лагерные суды вынесли обвинительные приговоры в отношении около 200 тыс. человек, из них почти 80% составляли заключенные.

Советские лагерные комплексы и колонии с их неисчерпаемыми ресурсами мобильной и практически бесплатной рабочей силы уже с начала 1930-х годов стали важным фактором развития советской экономики. "Рабочий фонд" ГУЛАГа постоянно рос, что позволяло лагерной экономике решать значительные хозяйственные задачи. К началу войны она охватывала 20 производственных отраслей. Наиболее крупными из них по удельному весу выпускаемой продукции были горно-металлургическая, лесная и топливная отрасли промышленности. Важнейшим направлением хозяйственной деятельности ГУЛАГа было также капитальное строительство. Принудительный труд использовался на строительстве практически всех крупнейших сооружений сталинской эпохи.

В послевоенный период роль лагерной экономики еще более возросла. Реализация атомного проекта и ряда других военно-стратегических задач заметно расширили сферу применения принудительного труда. В 1949 г. в системе МВД было произведено более 10% валовой промышленной продукции страны. Однако уже через два года лагерно-промышленный комплекс оказался в глубоком кризисе. Нет ничего удивительного, что сразу после смерти Сталина началась его коренная реорганизация.

Интенсивная хозяйственная деятельность Министерства внутренних дел, основанная на эксплуатации различных видов принудительного труда, могла породить неверное представление об эффективности лагерной экономики. Конечно, и в системе МВД встречались рентабельные предприятия, но они были скорее исключением, чем правилом.

В целом, лагерная экономика носила убыточный характер. Уровень производительности труда на предприятиях и стройках МВД был в среднем на 50% ниже, чем в отраслях, где применялся вольнонаемный труд. Себестоимость лагерной продукции значительно превышала себестоимость аналогичной продукции, выпускаемой местными предприятиями. При этом качество изготавливаемой заключенными продукции неизменно оставалось очень низким. Подконвойный труд, несмотря на его фактическую бесплатность, дорого обходился государству. Содержание лагерей и колоний не окупалось доходами от эксплуатации заключенных, поэтому

ГУЛАГ ежегодно получал большие суммы дотаций из государственного бюджета.

Лагерная экономика носила хищнический, расточительный характер. Практически все хозяйственные проекты, которые осуществляло МВД, финансировались по фактическим затратам, зачастую исполнители не имели ни сметы, ни технического обоснования проекта. Был лишь высочайше утвержденный план, который требовалось выполнить любой ценой. В такой ситуации широкое распространение получили массовые приписки с той целью, чтобы показать выполнение плана, а потом получить причитающуюся премию. Искривление отчетности практиковалось на всех стадиях производственного процесса, что, естественно, вело к удорожанию конечного продукта.

Экономическая экспансия МВД разоряла страну и развращала производителей. ГУЛАГ с размахом истреблял человеческие ресурсы, нещадно губил природу. Начало экологического неблагополучия в СССР связано с хозяйственной деятельностью ГУЛАГа.

Организаторы лагерного производства, разумеется, знали о пороках существующей системы, но изменить ее было не в их силах. Принудительный труд привлекал, прежде всего, своей доступностью и мобильностью. Огромные массы заключенных и ссыльных были тем удобным подручным средством, которое позволяло в кратчайшие сроки организовать любое производство, начать какое угодно строительство, в том числе и за Полярным кругом. Заключенных можно было заставить работать в условиях, которые в литературе принято называть "нечеловеческими", и при этом не заботиться ни об охране труда, ни о социальном страховании. "Дешевый" труд лагерной "рабсилы" позволял советским управленцам избегать больших материальных затрат на оплату труда производителей.

Не стоит упускать из виду и тот факт, что вся деятельность ГУЛАГа протекала в обстановке строгой секретности. Очень часто данное обстоятельство помогало заинтересованным лицам прикрывать воровство, бесхозяйственность, расточительность. В целом, лагерное хозяйство, несмотря на присущие ему недостатки, органично вписывалось в экстенсивную директивную экономику советского государства.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВП — Архив внешней политики
АЛЖИР — Акмолинский лагерь жен изменников родины
АН СССР - Академия наук СССР
АССР — Автономная Советская Социалистическая Республика
АФТ — Американская федерация труда
б/п — беспартийный
БАМ — Байкало-Амурская магистраль
ББК — Беломорско-Балтийский канал; Беломоро-Балтийский комбинат
БССР — Белорусская Советская Социалистическая Республика
вещдоки — вещественные доказательства
ВКП (б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ — Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодежи
ВМН — высшая мера наказания
ВОХР — военизированная охрана
ВПК — военно-промышленный комплекс
ВС СССР — Вооруженные силы СССР
ВСНХ — Высший Совет Народного Хозяйства
ВСО — военизированная стрелковая охрана
ВЦИК — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
ВЦИОМ — Всероссийский центр исследований общественного мнения
ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГКО — Государственный Комитет Обороны
Главасбест — Главное управление лагерей асбестовой промышленности
Главгидроволгодонстрой — Главное управление лагерей строительства
Волго-Донского соединительного канала
Главгидрострой — Главное управление лагерей гидротехнического строительства
Главлит — Главное управление по охране государственных тайн в печати
(устоявшееся название высшего цензурного органа)
Главмилиция — Главное управление рабоче-крестьянской милиции
Главпромстрой — Главное управление лагерей промышленного строительства
Главпрофобр — Главное управление профессионального образования

Главслюда — Главное управление слюдяной промышленности
Главспецнефтьстрой — Главное управление лагерей по строительству нефтеперерабатывающих заводов и предприятий искусственного жидкого топлива
Главспецстрой — Главное управление специального строительства
Главспеццветмет — Специальное главное управление
Главхозупр — Главное хозяйственное управление
ГПУ — Государственное политическое управление
губисполком — губернский исполнительный комитет
губсовнархоз — губернский совет народного хозяйства
ГУВТ — Главное управление военных трибуналов
ГУВТТ — Главное управление военных трибуналов транспорта
ГУГБ — Главное управление государственной безопасности
ГУЛАГ — Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний
ГУЛГМП — Главное управление лагерей горно-металлургической промышленности (предприятий)
ГУЛЖДС — Главное управление лагерей железнодорожного строительства
ГУЛЛП — Главное управление лагерей лесной промышленности
ГУМЗ — Главное управление мест заключения
ГУПВИ — Главное управление по делам военнопленных и интернированных
ГУПР — Главное управление принудительных работ
ГУРКМ — Главное управление рабоче-крестьянской милиции
ГУШОСДОР — Главное управление шоссейных дорог
ГЭС — гидроэлектростанция
Д. — дело
Дальстрой — Главное управление строительства Дальнего Севера
ДВК — Дальневосточный край
док. — документ
ДТО — дорожно-транспортный отдел
з/к, зэка — заключенный
ЗАГС — Запись актов гражданского состояния
исправдом — исправительный дом
ИТК — исправительно-трудовая колония
ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь
ИТР — исправительно-трудовые работы
ИТУ — исправительно-трудовое учреждение
КБ — конструкторское бюро
КВО — культурно-воспитательный отдел
КВЧ — культурно-воспитательная часть
КГБ — Комитет государственной безопасности

КЗОТ — Кодекс законов о труде
КПМ — Коммунистическая партия молодежи
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
к-р — контрреволюционный
крайисполком — краевой исполнительный комитет
краймestпром — краевая местная промышленность
Л. — лист
ЛО — лагерное отделение
ЛП, лагпункт — лагерный пункт
МВД — Министерство внутренних дел
МГБ — Министерство государственной безопасности
МГК — Московский городской комитет
МГУ — Московский государственный университет
МИД — Министерство иностранных дел
МК — Московский комитет
МКСП — Международная конфедерация свободных профсоюзов
Моссовет — Московский совет
МОТ — Международная организация труда
МТС — машинно-тракторная станция
МЧК — Московская чрезвычайная комиссия
МЮ, Минюст — Министерство юстиции
нарком — народный комиссар
наркомат — народный комиссариат
Наркомзем — Народный комиссариат земледелия
Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения
НКВД, Наркомвнудел — Народный комиссариат внутренних дел
НКГБ — Народный комиссариат государственной безопасности
НКИД — Народный комиссариат иностранных дел
НКПС — Народный комиссариат путей сообщения
НКЮ, Наркомюст — Народный комиссариат юстиции
нэп — новая экономическая политика
обком — областной комитет
обл. — область
облисполком — областной исполнительный комитет
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление
ОДК — Отдел детских колоний
ОИТК — Отдел исправительно-трудовых колоний
ОКБ — особое конструкторское бюро
ОЛП — отдельный лагерный пункт
ООН — Организация Объединенных Наций
ОП — Особая папка
Оп. — описание

Оргбюро — Организационное бюро
ОСО — Особое совещание
особлаг — особый лагерь
партактив — партийный актив
партком — партийный комитет
ПВС — Президиум Верховного Совета
Пер. — перечень
политотдел — политический отдел
ПП ОГПУ — полномочное представительство ОГПУ
премблюд — премиальное блюдо
ПФЛ — проверочно-фильтрационный лагерь
РАН — Российская академия наук
РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории
РДПР — Республиканская демократическая партия России
Реввоенсовет — Революционный военный совет
реввоен трибунал — революционный военный трибунал
РККА — Рабоче-крестьянская Красная Армия
РКП (б) — Российская коммунистическая партия (большевиков)
РО МВД — районное отделение Министерства внутренних дел
РСДРП — Российская социал-демократическая рабочая партия
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РФ — Российская Федерация
рыбпромчасть — рыбопромысловая часть
с.-р. — социалисты-революционеры
САЗЛАГ — Среднеазиатский исправительно-трудовой лагерь
санчасть — санитарная часть
СВЭ — социально-вредный элемент (об уголовных преступлениях)
Севводстрои — ИТЛ и Строительство Северной водопроводной станции
сельхозчасть — сельскохозяйственная часть
СЗ — Собрание законов
СЛОН — Соловецкий лагерь особого назначения
СМЕРШ — смерть шпионам (советская военная контрразведка)
СНК, Совнарком — Совет Народных Комиссаров
СОЭ — социально-опасный элемент (о контрреволюционных преступлениях)
СПОК — Северо-печорский организационный комитет
ст. — статья
СТО — Совет Труда и Оборона
Стройлаг — ИТЛ и Строительство особого района
СУ — Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства
т., тов. — товарищ

трудисправдом — трудовой исправительный дом
ТЭЦ — теплоэлектроцентраль, тепловая электростанция
УВТ — Управление военных трибуналов
УИТК — Управление исправительно-трудовых колоний
УИТЛ — Управление исправительно-трудового лагеря (лагерей)
УИТЛиК, УИТЛК — Управление исправительно-трудовых лагерей и колоний
УК — Уголовный кодекс
УЛАГ — Управление лагерями ОГПУ
УМВД - Управление МВД (области или края)
УМГБ — Управление МГБ (области или края)
УМЮ - Управление МЮ (области или края)
УНКВД — Управление НКВД (области или края)
УПК — Уголовно-процессуальный кодекс
ур. — уроженец, уроженка
УРО — Учетно-распределительный отдел
УСВИТЛ — Управление Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей
УСЕВЛОН — Северные лагеря ОГПУ особого назначения
УСЛАГ — Управление Соловецкого исправительно-трудового лагеря
УСЛОН — Управление Соловецких лагерей особого назначения
УССР — Украинская Советская Социалистическая Республика
Ф. — фонд
ФИАН - Физический институт АН СССР
финотдел - финансовый отдел
ФСБ — Федеральная служба безопасности
ЦАОПИМ — Центральный архив общественно-политической истории Москвы
Центропленбеж — Центральная коллегия по делам пленных и беженцев
ЦИК — Центральный Исполнительный Комитет
ЦИТО — Центральный исправительно-трудовой отдел
ЦК — Центральный Комитет
ЦСт.У — Центральное статистическое управление
ч/д — человеко-день
ШИЗО — штрафной изолятор
ЭКОСОС — Экономический и Социальный Совет ООН

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абакумов В.С. 50, 92, 123,
184-186,219,296
Авакян А.А. 327
Авербах И.Л. 57
Авербах Л.Л. 58
Авторханов А.А. 17, 29, 30, 57, 59
Адамова-Слиозберг О. 355,
390
Аденауэр К. 29
Акулов И.А. 82
Александрович ВА. 95, 96
Андреев В.Н. 44, 64
Антонов А.В. 135
Антонов-Овсенко А.В. 52, 64,
209, 220, 342, 390
Анциферов Н.П. 169
Апельбаум А. 42
Аремаев, директор завода 382
Арендт Х. 30, 59
Аристархов Х. 139
Ария, адвокат 397
Арутюнян А.А. 344, 346
Архипов, полковник юстиции
268
Асписова А. 391

Балайка Б. 325
Барановский, заключенный 198,
199
Бартини Р.Л. 372, 391
Батуев Б.В. 302
Бацаев И.Д. 62
Бейкон Эд. 41
Белади Л. 125
Белобородов А.Г. 145, 147
Беляев В.А. 311,312
Бердинских В.А. 40, 51, 56, 63, 64,
257, 265
Бердников Г.Н. 312
Бережной, полковник юстиции
268
Берензон Л.И. 260
Берзин Э.П. 232
Берия Л.П. 47, 64, 109, 118, 120,
122, 123, 185, 195, 204, 210, 220,
256, 258, 262, 265, 357,
360-362, 369, 387, 390, 392, 393
Берман М.Д. 182, 195, 237
Бесицкий, заключенный 198
Бескин С. 307, 309, 310
Бессмертный, заключенный 323
Бессонов Ю.Д. 57
Бирюков Я. 112
Благонравов Г.И. 227
Бляхман, адвокат 400
Богомолов И. 134, 140, 141
Бокий Г.И. 104
Болдырев Н.Н. 266, 332
Болотников, заключенный 198
Бранднер Ф. 374
Брежнев Л.И. 331
Брызгалов, заключенный 365
Бубнова З.А. 278
Булат И.Л. 107, 109, 125, 126
Булганин Н.А. 29
Буллок А. 30, 59
Бурдаков С.Н. 292, 381
Буссе Э. 374
Бухарин Н.И. 93, 124, 129, 155
Бухбанд, начальник лагеря 174
Быстрова И.В. 58, 155

Вавилов АП. 272
Вавилов Н.В. 327
Важнов М.Я. 61
Байдуков, осужденный 275
Барской Е.И. 271
Векслер, прокурор 400

- Венгров П.59
 Верт Н. 30
 Виленский С.С. 220
 Винокуров А.Н. 82
 Витковский Д.П. 235
 Владимир Мономах 133
 Владимирова Е.Л. 299, 351-353, 377
 Волин С. 59
 Волков О.В. 55, 65
 Волков В.А. 62, 264
 Вольский Н.В. (Н. Валентинов) 76, 125
 Воробьев И. 325
 Воробьева, осужденная 281
 Ворошилов К.Е. 199, 220, 235, 320, 328
 Вульфович Г.М. 202
 Вышинский А.Я. 15, 20, 24, 57, 58, 113, 117-119, 159, 194, 195, 217, 220, 347
- Гаврилова, стрелок ВСО 287
 Галон, заключенный 175
 Гаранин С.Н. 200
 Гасюков, работник охраны 322
 Гвоздкова Л.И. 56, 62
 Геворкьян С.А. 202
 Гегель Г. 167
 Геллер М.Я. 32, 60
 Герлянд Б. 59
 Герцензон АА. 57
 Гершельман Ф.Р. 307-310
 Гиляков И.Г. 407
 Гиляров Е.М. 38, 61, 155, 263
 Гиммлер Г. 342
 Гимпельсон Е.Г. 91, 155
 Гинзбург Е.С. 55, 65
 Гитлер А. 59, 170,266
 Гичко Е.Д. 399
 Глушко В.П. 370
 Головин И.Н. 369
 Головки С.Г. 325
 Голяков И.Т. 80
 Горбачев М.С. 4
 Горбачев М.Е. 190
 Горелов Б. 304
 Горлов Н.П. 202
 Горская Надежда, псевдоним 319
 Горчева А.Ю. 41, 63, 264, 334
- Горшенин К.П. 393, 397
 Горький А.М. 58, 171, 172
 Гочолашвили Ш. 198, 220
 Григорьева, народный заседатель 400
 Гриднев В.В. 404
 Грицьяк Е.С. 325
 Гудков Л.Д. 6, 14,61
 Гуревич Е. 303
- Даллин Д. 23, 26, 28
 Данилов В.П. 31,60
 Данилюк, стрелок ВСО 285
 Дворжецкий В.Я. 55, 65, 167, 168, 203,218,220,231,263
 Девченко, казненный 98
 Деникин А.И. 68
 Деревянко А.А. 324
 Деревянко А.П. 62
 Дерибас Т.Д. 253
 Детков М.Г. 38, 61, 155, 156, 220
 Джекобсон М. 41
 Дзержинский Ф.Э. 67, 95, 103-105, 129, 130, 141, 149, 157, 210, 224, 226, 227, 263, 421
 Димаков, прокурор 194
 Добровольский А. 63
 Добровольский НА. 384, 386
 Долгих Иван Иванович, начальник Вятского ИТЛ 40
 Долгих Иван Ильич, начальник ГУЛАГа 40, 316, 327, 328, 383, 386
 Долонина Е.А. 391
 Донадзе В.А. 202
 Достоевский А.А. 169
 Достоевский Ф.М. 169
 Дубин Б.В. 6, 14
 Дугин АН. 34, 60, 63, 265
 Дудоров Н.П. 289, 330, 331
 ДурновИ.Я. 307-310
 Дьяконов В.П. 397
 Дюпорт А. 223
- Евстигнеев СК ~~292-294~~,334
 Евстигнеева А.И. 293
 Егоров Д.Ф. 168
 Егоров СЕ. 327
 Ежов Н.И. 23, 84, 109, 113, 115-118,184,191,195,203

- Езепов И.И. 309
 Еланцева О.П. 63
 Емелин А. 61
- Жжёнв Г.С. 55, 65
 Жигулин А.В. 28, 302
 Жижек С. 37, 38, 61
 Жижиленко А.А. 127
 Жиромская В.Б. 60
- Завенягин А.П. 248
 Загоруйко Р. 325
 Зайцев И.М. 57
 Зверев В.С. 318
 Зверняк П. 21, 23, 25
 Звягинцев А.Г. 39, 61, 92, 126
 Зейдин, генерал-лейтенант юстиции 267, 268
 Зелинская, заключенная 399
 Зеляк В.Г. 63
 Земсков В.Н. 34, 60, 61, 215, 219-221, 263, 265, 332
 Зиновьев Г.Е. 199
 Зорин Л. 57
- Иванов Н.И. 319, 320
 Иванова Г.М. 64
 Иванов-Разумник Р.В. 31, 60
 Ивашов Л. 61
 Илизаров В.С. 158, 217, 224, 263
 Ильин И.И. 96
 Инсаров А.С. 58
 Ипатьев В.Н. 76
 Исаев М.М. 161, 262
 Исаев Н. 285
 Ислентьев И.Ф. 399
- Каганович Л.М. 65, 78-80, 91, 92, 168, 240
 Казаков В.Ф. 281
 Казакова М.Ф. 281
 Калинин М.И. 191
 Калинин Н.И. 418
 Каменев Л.Б. 199, 309
 Каменщиков, начальник обороны ж/д пути 128
 Канева А.Н. 62
 Каневский, начальник лагеря 294
- Карде В. 59
 Карманов Г.К. 387
 Карнер С. 391
 Карпова М.Ф. 398
 Катаев В. 171
 Кашкетин (Скоморовский) Е.И. 202
 Кедров М.С. 96, 130
 Келлер Г.И. 327
 Кириллов В.М. 62
 Киров СМ. 81, 111, 235, 236
 Кирсанов С. 373, 391
 Киселев Е.С. 302
 Киселев И.Н. 60, 333
 Киселев-Громов Н.И. 24, 57
 Климович Г.С. 325
 Кнопмус Ю.А. 327
 Кобулов Б.З. 265
 Коган Л.И. 177, 195, 238
 Кожин Н.Н. 417
 Козелев В.Г. 153, 157
 Кокурин А.И. 41, 63, 65, 218-220, 264, 265, 334, 390, 391, 419
 Колган И.С. 400-402
 Колпаков М. 264
 Комаров А.Р. 302, 303
 Комаровский А.Н. 368, 385, 386
 Кондакова И.А. 15
 Кондратьев Н.Д. 132, 133
 Конквест Р. 31, 37, 392
 Коновалов С.В. 311, 312
 Контневский, партийный работник 174
 Кораллов М. 55, 56, 65, 335
 Коржихина Т.П. 124
 Корг А.И. 185
 Королев Н.Н. 353
 Королев С.П. 370, 371
 Короленко В.Г. 98, 124
 Корхина М. 199
 Косиор С.В. 125
 Котек Ж. 30, 35, 59, 60, 157
 Кравери М. 62
 Кравченко В. 25, 28
 Красильников С.А. 166, 217
 Краскин И.С. 202
 Красношеков Г. 108
 Краус Т. 125
 Кресс В. (Демант П.З.) 54, 65
 Кроль, заключенный 198, 199

Круглов С.Н. 22, 123, 190, 249, 259, 260, 265, 291, 296, 339, 357, 360,361,375,376,385-387
 Крыленко Н.В. 79, 111-113, 125, 133, 162, 164
 Кубрякова, заключенная 399
 Кудрявцев В.Н. 38,61,125,126
 Кудрявцев Ф.Ф. 176, 189, 218, 219
 Кузнецов И.Л. 62
 Кузнецов К.И. 327, 329, 335
 Кузнецов, полковник 209
 Кузьмин СИ. 15,36,61
 Кузьмина М.А. 40, 63
 Куйбышев В.В. 111
 Куреневский Д.С. 202
 Куриц М. 199
 Курский Д.И. 69
 Курчатов И.В. 369
 Кутузов В. 219

 Лаврентьев Е.И. 400-402
 Лайкевич, осужденный 281
 Лакомый Ф.Н. 407
 Латтмор О. 383
 Лахтер Н.Л. 277, 278
 Ле Пелетье Л. 223
 Левада Ю.А. 14
 Лельчук В.С. 39, 62
 Ленин В.И. 61, 67-70, 76, 91, 93, 95, 103, 112, 124, 125, 128, 129, 138, 155, 156, 158-160,217
 Лепилов А.П. 265
 Ли Т. 347
 Литвин А.Л. 91
 Литвиненко, осужденный 281
 Литкенс, сотрудник МГБ 303
 Лихачев Д.С. 55, 65, 169, 218
 Ловчев И.А. 323
 Ломакин В. 59
 Лосев А.Ф. 168, 169,218
 Лосев П.М. 156
 Лосева В.А. 218
 Лутков Г.Я. 302

 Майденберг, заключенный 198, 199
 Макаренко И.Е. 309
 Макаров И.А. 404
 Макарова А.В. 63, 325, 335
 Макеев А.Ф. 327
 Максимова Л.А. 62
 Максютя В. 191, 192,219
 Маленков Г.М. 186, 292, 328
 Малик Я.А. 347
 Малумян А. 324, 335
 Малыгин А.Я. 60
 Мальсагов С. 152
 Манфред Х. 374
 Маньковский В.С. 57
 Марголин Ю.И. 65
 Маркова Е.В. 62, 264
 Мартинкуте И. 325
 Марченко М.А. 282
 Масленников И.И. 324
 Маслиева Т.Н. 282
 Матвеев В.З. 252, 253
 Махи Н. 198,220
 Медведев Ж.А. 62, 391
 Медведев Р.А. 62
 Медведь Ф.Д. 130, 140
 Мелвилл Г. 32
 Мельгунов С.П. 57, 68, 91
 Менжинский В.Р. 104
 Меньягин В.Д. 19, 58
 Меркулова, осужденная 274
 Мехлис Л.З. 51,80
 Мешков, осужденный 112
 Микоян А.И. 153
 Минаев А.М. 117
 Минский, прокурор 295
 Минц АЛ. 370
 Мироманов, заключенный 366
 Миронова В. 293, 294, 334
 Мирошниченко А. Г. 210
 Мирошниченко, полковник юстиции 270
 Митин В.А. 63
 Митрофан, епископ 133
 Михайлович А.В. 327
 Михайличенко А.В. 38, 61, 155, 263
 Молотов В.М. 19, 22, 47, 64, 78, 118, 125, 164, 192, 194, 215, 218-220,230,371,391,394
 Мора С. 21,23, 25
 Мороз Я.М. 254
 Морозов Н.А. 62
 Моруков Ю.Н. 41, 63, 65, 220, 265, 334,390,391,419
 Мстислав Смоленский 133

Мудальяр А. Рамасвами 348, 349
Мусатов И.А. 307, 309, 310
Мухин Л.С. 334
Мясищев В.М. 370

Наседкин В.Г. 52, 249, 256, 259,
261,262,265

Наумов В. 155, 263

Нахапетов Б.А. 41, 63

Невский Г.В. 62

Негретов П.И. 59, 124, 239, 264

Недоростков В. 325

Некрасов В.Ф. 60

Никитченко И.Т. 114

Николаев К.Б. 63

Николаевский Б. 23 — 26, 28

Николай П., охранник 357

Никольский, заключенный 175

Никонов-Смородин М.З. 57

Нич М. 325

Новикова Е.А. 410

Новосадов, заключенный 365

Ногтев АП. 150

Нохотович Д.Н. 60

Обручников Б.П. 339

Озеров ГА. 373, 391

Омеличев Н.А. 414

Онорин, заключенный 323

Орджоникидзе Г.К. 75, 238

Орлов Г.М. 247

Орлов Ю.Г. 39, 61,92, 126

Павлов В.Н. 356

Панин Д.М. 18,57

Панкратов, член Судебной кол-
легии 402

Панюков А.А. 324

Петляков В.М. 370

Петр I, Великий 133, 280

Петров Н.В. 41, 63, 126, 218-220,
264

Пивовар Е.И. 39, 62

Пинчуков И. 328, 335

Пихоя Р.Г. 14

Плетнев Я.А. 122

Плеханов Г.В. 94, 124

Плинер И.И. 175, 176, 183, 184,
195, 242

Погодин Н. 171

Подвойский Н.И. 184

Поджаров, заключенный 365

Подопригора, стрелок ВСО 286

Подорога В.А. 11, 15

Поздневский Ф. 168

Покровский М.Н. 16, 34, 56, 60

Полещиков В.М. 62, 220

Поляков Ю А. 60

Полян П.М. 71,91

Попков И.Г. 318

Попков С.А 61

Попов А.В. 398

Попов В.П. 60

Попов П.И. 132

Попов, Вадим 304, 305

Прокофьев Г.Е. 164,218

Пропашкина Е.Г. 282

Протопопова, секретарь лагер-
ного суда 400

Пруссак А. 58, 264

Пуговкин Г., генерал-майор юс-
тиции 274

Пушин П., председатель лагер-
ного суда 400

Пятаков Г.Л. 226, 227, 248

Рагулин Г.И. 156

Радкевич, стрелок ВСО 285

Разгон Л.Э. 256, 265, 321, 334

Раткова М. 112

Ратмиров И. 59

Ригуло П. 17, 30, 33, 35, 57, 59, 60,
157

Рогинский Г.К. 118

Родный А.Н. 62, 264

Рожкова Н.Е. 372, 391

Розфильд С. 31

Росси Ж. 18, 34, 57, 393, 411, 419,
420

Рошин А. 150

Рубанов, сотрудник ГУЛАГа 388

Руденко Р.А. 324

Рудницкий В.М. 302

Рыкачев Як. 58

Рыков АИ. 152

Рычков Н.М. 393, 394

Сабуров М.З. 385

Саламатова М. 74, 91

Самойленко, заключенная 412

- Самохвалов, председатель лагерного суда 394
 Сарычев В.Я. 418
 Сахаров А.Д. 14, 55, 369, 370, 389, 391, 392
 Свиридов А.С. 295
 Свиридов П. 198,220
 Свяневич С. 27
 Семенов Б.Г. 135
 Сент-Экзюпери А. 32, 355, 390
 Сент-Этьен Р. 223
 Серов И.А. 310, 331
 Сигачев С.П. 41,219, 265
 Силина В. 307
 Скоркин К.В. 41,63, 264
 Славко Т.И. 62
 Слоним, лагерный врач 140
 Слуцкий Б. 303
 Слученков Э.И. ("Глеб") 327
 Смирнов М.Б. 41, 219, 265
 Смит А. 27, 59
 Смит, делегат ЭКОСОС 346
 Смыкалин А.С. 15, 36, 61, 156
 Снегов А.В. 232, 294
 Соболев В.К. 65
 Соболев А.А. 345
 Солженицын А.И. 4, 31-33, 37, 55, 60, 65, 218, 332, 408
 Солнцев Е. 199
 Соломон П. 38, 61, 78,91
 Солоневич И.Л. 17, 18, 25, 57
 Сорель Ж. 59
 Соуса М. 37, 61
 Спенсер Г. 167
 Сталин И.В. 4, 5, 7, 14, 17, 20, 28, 36, 47, 59, 61, 64, 65, 76-79, 82, 88, 91, 92, 96, 111-115, 118-120, 122, 125, 154, 157, 158, 160, 170, 191, 194, 198, 199, 207, 215, 217, 220, 224, 235, 236-238, 240, 261, 263, 266, 291, 296-298, 303, 309, 310, 320, 322, 329, 356-358, 362, 367, 375, 376, 388, 394, 407, 422, 424
 Стародубцев Н.М. 302
 Стасюк, заключенная 399
 Стельмах Д. 24
 Степанов Ю. 304, 306
 Стецовский Ю.И. 38, 61
 Стечкин Б.С. 370, 371
 Супрун Л.К. 327
 Суслов А.Б. 71,91
 Суходольский В.Н. 302, 303
 Суходрев В.Н. 316
 Сычев А.С. 302
 Тарасов К.К. 14
 Теодорович И.А. 132
 Тер-Оганесов Г. 199
 Тимофеев М.М. 251, 260, 384, 386
 Тимошенко, начальник лагеря 295
 Тихон, автор 59
 Толмачев В.Н. 162-164
 Толстой А. 171
 Толстой Л.Н. 32
 Томский М.П. 152
 Торн, председатель ЭКОСОС 346
 Трахтерев В. 15
 Троицкий Л.Д. 36, 67, 91, 101, 124, 128, 129, 155, 158, 199, 217, 312
 Трубецкой А.В. 304, 306, 334
 Трусов А.И. 38, 61, 125, 126
 Туголуков В.И. 302
 Туполев А.Н. 370, 371, 373
 Туров В.И. 398, 399
 Тухачевский М.Н. 185
 Угланов Н.А. 162
 Уиткрофт С. 31, 41
 Ульрих В.В. 113, 114
 Ульянов, оперуполномоченный 295
 Ундревич В.С. 57
 Уншлихт И.С. 149
 Уоллес Г. 383
 Упадышев, охранник 412
 Утевский Б.С. 20, 57, 58
 Уханов, начальник завода 292
 Фадеев АН. 320, 321
 Федоров Н. 304, 305
 Фельдман М.Ф. 227
 Ферретти М. 5, 6, 14
 Филатов Л. 65
 Фирин С.Г. 58, 172
 Флоренский П.А. 170, 218
 Фомина Н.В. 283

- Френкель П. 325
Френкель Н.А. 236, 237
Фриновский М.П. 118
Фролов Н.И. 417
Фролов Ф.Е. 130
Фуко М. 16, 30, 56, 128, 155, 223, 263
Фурман В. 303
- Хальбвакс М. 6
Харитонов, член военного трибунала 268
Хейландт П. 374
Херст В. 37
Хигер, адвокат 397
Хлебников Б.Н. 51
Хлевнюк О.В. 61, 62, 126
Хлусов М.И. 61
Хованов А.М. 272
Хотинский Г.Н. 202
Хрусталеv А.Ф. 311
Хрущёв Н.С. 29, 32, 47, 64, 92, 122, 258, 259, 284, 309, 328
- Цаплин В.В. 60
Цесарский В.Е. 117
- Чаянов А.В. 132
Чернышов В.В. 186, 196, 220, 258, 260, 265
Чистоедова, народный заседатель 400
Чичерин Г.В. 74, 76
Чичибабин А.Е. 76
Чуев Ф. 371,391
Чухин И. 263, 264
- Шадрин, осужденный 274
Шаламов В.Т. 32, 45, 54, 55, 60, 64, 65, 170, 172, 192, 206, 211, 218-221,240,264,362,391
Шамаев Б.А. 325
Шапиро Н.И. 117
Шапиро М.Л. 202
Шаповалова В. 65
Шевченко А.Ю. 400 - 402
Шестакова, автор 24
Шиманская М.С. 327
Шимук Э.П. 399
Ширвиндт Е.Г. 57
- Широков А.И. 63
Шишкин В.А. 91, 125
Шкапов Д.В. 41,219, 265
Шкловский В. 171
Шляпников А.Г. 91
Шмидт О.Ю. 132
Шолмер Д. 29
Шопенгауэр А. 167
Шпиндель, начальник лагеря 286
Шрейдер М.П. 116, 126, 184, 219, 220, 238, 264
Штарк М. 42
Штейнберг И.З. 95
Штеттнер Р. 41
Шулубина С.А. 205, 220
Шумаков И.В. 306, 309, 310
- Щербакова И.Л.54, 65
- Эбеджанс С.Г. 61
Эйхманс Ф.И. 151, 177, 195
Энгельс Ф. 19
Эстрин А. 15
- Юнг Г. 374
Юстицкий В.М. 166, 169
- Ягода Г.Г. 82, 104, 109, 114, 162-164, 178,232,238
Якир И.Э. 185
Яковин Г.Я. 202
Яковлев Б.А. (Н.А. Троицкий) 29, 30, 57, 59
Янсон Н.М. 162-164,228
Ясны Н. 27
Ясный В.К. 62, 264
Ясперс К. 30, 59
Яструбецкая, заключенная 399
- Anzerova A. 57
Applebaum A. 64
- Bacon E. 60, 63
Bruegel Dr. J.W. 59
- Conquest R. 59
- Dallin DJ. 58, 65
- Greife H. 57

Harris, James R. 62

Jasny N. 58

Kirchheimer O. 262

Kitchin G. 57

Kravchenko V.A. 58

Malsagoff S.A. 57

Mora, Sylvester 58

Nicolaevsky B.I. 58, 65

Rosefelde S. 59, 60

Rusche G. 262

Scholmer J. 59, 65

Stark M. 64

Stettner R. 63

Swianiewicz S. 59

Tchernavin V.V. 57

Wheatcroft S.G. 59, 60, 63

Zwierniak, Pierre 58

Научное издание

Иванова

Галина Михайловна

ИСТОРИЯ ГУЛАГа

1918-1958

**Социально-экономический
и политико-правовой аспекты**

Утверждено к печати Ученым советом
Института российской истории
Российской академии наук

Зав. редакцией *Н.А. Петрова*

Редактор *Л.М. Кузнецова*

Художник *В.Ю. Яковлев*

Художественный редактор *Т.В. Болотина*

Технический редактор *З.Б. Павлюк*

Корректоры *Р.В. Молоканова, Л.Е. Сысоева*

Подписано к печати 06.07.2006

Формат 60 x 90 ¹/₁₆. Гарнитура Балтика

Печать офсетная

Усл.печл. 27,5. Усл.кр.-отг. 27,5. Уч.-изд.л. 28,9

Тираж 1000 экз. Тип. зак. 3409

Издательство "Наука"

117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

Е-mail: secret@naukaran.ru

www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ГУП "Типография "Наука"

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12